

НИИ ЛИСТЪК
ВОЗВРАТА

ОЛЖНА БИТЬ
НА НЕ ПОЗЖЕ
ЗДЕСЬ СРОКА

ыдач.

3600000 З. 376—87

Х-72е. 15
ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Стэнли Холль,

ПРЕЗИДЕНТЪ И ПРОФЕССОРЪ ПЕДАГОГИКИ ВЪ КЛАРКСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТЪ (УОРСТЕРЪ, МАССАЧУЗЕТСЪ).

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

ПО ПЕДОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

Ряз. гос. педпес
БИБЛИОТЕКА



МОСКВА.
Т-во Типо-Литографии И. М. Машистова, Большая Садовая, соб. д.
1912.

Предисловіе къ русскому переводу.

Имя Стэнли Холла слишкомъ хорошо извѣстно не только за границей, но и у насъ, такъ что едва ли есть необходимость останавливаться на подробной характеристикѣ учено-литературной и просвѣтительной дѣятельности этого исключительнаго человѣка. Президентъ и профессоръ педагогики въ университетѣ Кларка (Уорстеръ, Массачузетсъ), основатель и руководитель въ высшей степени цѣнныхъ періодическихъ изданій (*The American Journal of Psychology* и *The Pedagogical Seminary*), С. Холлъ является авторомъ многочисленныхъ и часто очень крупныхъ работъ изъ области педологіи и педагогики. Не имѣя возможности дать полное исчисленіе этихъ работъ, мы назовемъ лишь капитальный и единственный въ своемъ родѣ трудъ о юности (*Adolescence*, 1—2 vv., N.-Y., 1904) и двухтомное собраніе позднѣйшихъ статей С. Холла (*Pedagogical Problems*, N.-Y., 1911), какъ наиболѣе цѣнные произведенія этого неутомимаго изслѣдователя. Въ то же время С. Холлъ является крупнѣйшимъ представителемъ и даже вдохновителемъ американскаго педологическаго движенія. То оживленіе въ изученіи природы дитяти, во всей сложности ея проявленій, которое хорошо извѣстно и въ Старомъ Свѣтѣ, тѣсно связано съ именемъ С. Холла, который является авторомъ первыхъ крупныхъ изслѣдованій въ сферѣ важнѣйшихъ обнаруженій дѣтской жизни и основателемъ специальныхъ педологическихъ изданій. Эти заслуги С. Холла въ дѣлѣ созданія особой отрасли знанія—педологіи или пайдологіи давно признаны и въ З. Европѣ, и сборникъ его важнѣйшихъ статей вышелъ въ нѣмецкомъ переводѣ еще десять

лѣтъ тому назадъ. Конечно, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ многочисленными произведеніями С. Холла намъ могутъ броситься въ глаза и нѣкоторые дефекты этихъ работъ, уже давно отмѣченные критикой. Сюда можно отнести самый методъ анкетъ, который играетъ такую доминирующую роль у С. Холла и при помощи котораго собранъ такой исключительно обширный, но, быть можетъ, не всегда научно-безупречный матеріалъ. Затѣмъ, иногда, быть можетъ, авторъ заслуживаетъ упрека въ томъ, что онъ стремится собрать какъ можно больше фактическаго матеріала и не всегда даетъ прочныя и устойчивыя обобщенія, которыя такъ цѣнны въ глазахъ практическаго педагога. Наконецъ, не всегда можно согласиться и съ нѣкоторыми принципиальными взглядами автора въ области общей педагогики и дидактики, быть можетъ, трудно усвояемыми для насъ въ связи съ особенностями учебной и, въ частности, школьной жизни въ Новомъ Свѣтѣ. Но всѣ эти недостатки покрываются безспорными положительными приобретеніями, которыя мы можемъ констатировать въ многочисленныхъ работахъ С. Холла. Здѣсь, прежде всего, нужно упомянуть объ исключительномъ обилии и разнообразіи матеріала, заключающагося въ изслѣдованіяхъ какъ самого С. Холла, такъ и его учениковъ, работавшихъ подъ его руководствомъ. Затѣмъ, сюда же нужно отнести критическое, иногда радикально-смѣлое отношеніе къ традиціоннымъ основамъ педагогики, въ связи съ постоянными и неослабными попытками опереть педагогику на болѣе прочный, истинно-научный базисъ. Наконецъ, заслуживаютъ вниманія и та исключительная энергія и тотъ неподдѣльный пафосъ, которыми полны жизнь и дѣятельность С. Холла и которые такъ ярко отражаются въ его произведеніяхъ, дѣйствуя своеобразно-стимулирующимъ образомъ и на читателя этихъ работъ.

Всѣ эти положительные качества дѣлаютъ произведенія С. Холла въ высшей степени цѣнными и для русскаго читателя. Сборникъ статей этого автора, въ настоящее время появляющійся въ русскомъ переводѣ, имѣетъ въ

своей основѣ то собраніе работъ С. Холла, которое, съ одобренія этого послѣдняго, вышло въ нѣмецкомъ переводѣ въ 1902 году (Ausgewählte Beiträge zur Kinderpsychologie und Pädagogik, 1902). Къ сожалѣнію, обычный размѣръ книжекъ, входящихъ въ серію «Душевная жизнь дѣтей», не далъ возможности включить въ русское изданіе одну большую статью нѣмецкаго сборника, именно „Содержаніе душевной жизни ребенка въ моментъ вступленія въ школу“. Но общее представленіе объ этой, теперь уже нѣсколько устарѣвшей работѣ можно получить изъ другихъ переведенныхъ статей этого автора и изъ той оцѣнки методовъ и результатовъ этого изслѣдованія, которая содержится въ извѣстныхъ „Лекціяхъ по экспериментальной педагогикѣ“ Э. Меймана.

Н. Виноградовъ.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе къ русскому переводу	4
I. Наука о дитяти (педологія) и ея отношеніе къ воспитанію	
II. Забѣтки о наблюденіи надъ маленькими дѣтьми	
III. Дѣтская ложь	
IV. Педологія, какъ основа точной педагогики	
V. Любовь къ природѣ и изученіе природы, какъ часть воспитанія	
VI. Исслѣдованіе, какъ жизненная основа преподаванія	1
VII. Новая психологія, какъ главная составная часть общаго образованія	1
VIII. Идеальная школа на основѣ изученія дѣтей (педологіи)	1
IX. Одиннадцать опросныхъ листовъ по исслѣдованію дѣтскаго возраста	1
1. Дѣтскія игрушки 185.—2. Дѣтскія суевѣрія 188.—3. Первое чувство собственнаго „я“ 191.—4. Страхъ въ дѣтствѣ и въ юности 193.—5. Любовь и противоположныя ей чувства и состоянія у дѣтей 197.—6. Нравственные недостатки и заблужденія у дѣтей 199.—7. Внушеніе и подражаніе у дѣтей 202.—8. Степени увѣренности и убѣжденности у дѣтей 205.—9. Тѣлесныя и другія наказанія дома и въ школахъ 208.—10. Чувство чести у дѣтей 211.—11. Безкорыстіе у дѣтей 214.	
X. О нѣкоторыхъ раннихъ проявленіяхъ чувства собственной личности	2
XI. Исслѣдованіе о страхѣ	2
I. Боязнь высокихъ мѣстъ и паденія съ высоты: страхъ силы тяготѣнія 301.—II. Боязнь заблудиться 310.—III. Боязнь замкнутости 313.—IV. Боязнь воды 317.—V. Боязнь вѣтра 324.—VI. Страхъ передъ явленіями на небѣ 327.—VII. Боязнь огня: пирофобія 337.—	

VIII. Боязнь темноты 342.—IX. Боязнь сновъ 351.—
X. Внезапный испугъ или потрясеніе 356.—XI.
Боязнь грома 367.—XII. Боязнь животныхъ 372.—
XIII. Боязнь глазъ: оммафобія 381.—XIV. Страхъ
зубовъ: одонтофобія 385.—XV. Боязнь мѣха: дора-
фобія 387.—XVI. Боязнь червейъ 390.—XVII. Особая
боязнь людей 392.—XVIII. Боязнь одиночества 397.—
XIX. Страхъ смерти 399.—XX. Боязнь болѣзней
404.—XXI. Моральные и религіозные страхи 410.—
XXII. Конецъ свѣта 412.—XXIII. Привидѣнія 414.—
XXIV. Болѣзненные страхи 416.—XXV. Школьные
страхи 422.—XXVI. Подавленіе страховъ 423.—За-
ключительный обзоръ и выводы 425.





I.

Наука о дитяти и ея отношеніе къ воспитанію ¹⁾.

Наука о дитяти или педологія — ея смѣшиваютъ часто съ генетической психологіей, тогда какъ она составляетъ лишь главную часть послѣдней, — возникла сравнительно недавно и въ теченіе послѣдняго десятилѣтія сдѣлала значительные успѣхи. Ея библиографія включаетъ уже около двухъ тысячъ названій книгъ и статей, если считать только действительно цѣнныя среди нихъ и совершенно не принимать во вниманіе еще болѣе обширную, но лишенную научнаго значенія литературу. Она располагаетъ также двумя специальными журналами ²⁾, посвященными исключительно наукѣ о ребенкѣ; кромѣ того, многіе журналы ³⁾ въ Сѣ-

¹⁾ Child-Study and its Relation to Education (Forum, August 1900).

²⁾ The Child-Study Monthly. Редакторы: William Krohn и Alfred Bayliss. Книгоиздательство A. W. Mumford въ Чикаго.

Paidology: The Science of the Child. Редакторъ Oscar Chrisman. Издательство Paidology Publishing Company въ Emporia (Канзасъ).

³⁾ The Pedagogical Seminary. An International Record of Educational Literature, Institutions and Progress. Редакторъ Stanley Hall. Издательство L. N. Wilson въ Worcester'ѣ (Массачузетсъ).

The North-Western Monthly. A Magazine Devoted to the Correlation of Educational Forces. Редакторъ C. C. Van Liew. Издательство J. H. Miller въ Lincoln'ѣ (Небраска).

The Journal of Pedagogy. Редакторъ Albert Leonard

верной Америкѣ ввели у себя особые отдѣлы для науки о ребенкѣ; въ Германіи существуютъ три педологическихъ журнала ¹⁾, во Франціи—два ²⁾, въ Англии—одинъ ³⁾, посвященный исключительно наукѣ о ребенкѣ, наконецъ по одному журналу имѣютъ Италия, Японія, Россія и Испанія ⁴⁾.

Издательство Journal of Pedagogy Publishing Company въ Syracuse, Нью-Йоркъ.

Educational Review. Редакторъ N. M. Butler. Издательство H. Hold и С^о въ Нью-Йоркъ.

The American Journal of Psychology. Редакторы: Stanley Hall, E. Sanford и B. Titchener. Издательство L. N. Wilson въ Worcester'ѣ (Массачузетсѣ).

The Psychological Review. Редакторы: Mc. Keen Cattell и J. M. Baldwin. Издательство Macmillan Company въ Нью-Йоркъ.

¹⁾ Die Kinderfehler. Zeitschrift für Kinderforschung. Редакторы: Koch, Ufer, Zimmer и Trüper. Издательство H. Beyer u. Söhne въ Langensalza.

Zeitschrift für Pädagogische Psychologie und Pathologie. Редакторъ Ferd. Kemsies. Издательство Hermann Walther въ Берлинѣ.

Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der Pädagogischen Psychologie und Physiologie. Редакторы: H. Schiller и Th. Ziehen. Издательство Reuther и Reichard въ Берлинѣ.

²⁾ Revue Internationale de Pédagogie comparative. Редакторъ Auguste Mailloux.

L'Année psychologique. Редакторы: Alfred Binet въ обществѣ съ H. Beaunis и Th. Ribot.

³⁾ The Paidologist. Organ of the British Child-Study Association. Редакторъ Mary Louch. Выписывать отъ H. Cripps-Lawrence въ Cheltenham.

⁴⁾ Къ указаніямъ автора относительно журнальной литературы по изученію дѣтской природы мы считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія дополненія, въ связи съ вновь возникшими періодическими изданиями въ этой области. Въ Америкѣ за послѣдніе годы возникъ новый журналъ The Journal of Educational Psychology, ed. by Hagley, Seashore, J. Carleton Bell, G. M. Whipple (Baltimore) Англійскій журналъ Paidologist выходитъ теперь подъ названіемъ Child-Study. Кроме того, въ послѣдніе годы въ Англии возникъ новый журналъ The Child, ed. by Kelynack (London, John Bale and Danielson). Нѣмецкій журналъ, осно-

Педологія или представлена спеціальнимъ отдѣленіемъ въ университетахъ, или входитъ въ программу большинства значительныхъ психологическихъ, философскихъ и педагогическихъ обществъ. Во многихъ изъ самыхъ большихъ штатовъ педологія субсидируется изъ государственныхъ суммъ. Въ городѣ Нью-Йоркѣ, на примѣръ, годовые школьные отчеты касаются состоянія педологіи, и научныя изслѣдованія изъ этой области оплачиваются изъ городскихъ суммъ. Въ Сѣверной Америкѣ многія академическія кафедръ посвящены преимущественно или исключительно наукѣ о ребенкѣ; да вообще почти ни одинъ курсъ преподаванія, имѣющій дѣло съ духовными процессами изъ жизни человѣка, не можетъ такъ или иначе не коснуться педологіи. Педологическія организаціи, съ которыми я находился въ перепискѣ, существуютъ въ Индіи, Южной Америкѣ, Россіи, Испаніи и Австраліи, а менѣе крупныя общества или группы по разработкѣ психологіи ребенка можно найти почти въ каждой цивилизованной или колонизованной странѣ.

Изслѣдованія о жизни дѣтей у сѣверно-американскихъ индѣйцевъ, австралійскихъ племенъ, зулусовъ, китайцевъ, кафровъ, маори, арабовъ, самоѣдовъ, древнихъ грековъ и римлянъ и т. д. можно найти въ

ванный Кемзисомъ, носить теперь название *Zeitschrift für Pädagogische Psychologie und Experimentelle Pädagogik* и издается Е. Meumann'омъ и О. Scheibner'омъ (Leipzig, Quelle und Meyer). Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія *Pädagogische Monographien*, издав. тѣмъ же Meumann'омъ Затѣмъ, изъ періодическихъ изданій въ другихъ странахъ Европы должны быть упомянуты: во Франціи—*Bulletin de la Société libre pour l'étude psychologique de l'enfant* (Paris, Alcan); въ Бельгіи—*Pädagogisch Jaarboek*, изд. Schuyten'омъ (Antwerpen), въ Италіи *Buletino mensile di laboratorio e scuola della pedagogia sperimentale*, изд. Pizzilli (Milano). Изъ русскихъ журналовъ педологическимъ вопросамъ больше всего удѣляетъ мѣста *Вѣстникъ психологіи*, изд. В. М. Бехтеревымъ (С.-Петербургъ).

Примѣч. редактора русск. перев.

журналахъ или въ проспектахъ книгоиздателей. Изученіе ребенка составляетъ особую секцію, особый предметъ занятій въ почти всѣхъ значительныхъ женскихъ союзахъ въ Сѣверной Америкѣ и въ собраніяхъ учителей воскресныхъ школъ; оно неизмѣнно входитъ въ программу лѣтнихъ каникулярныхъ курсовъ. Движеніе въ пользу изученія ребенка нашло себѣ обширное мѣсто и выраженіе въ литературѣ. Это подтверждается многочисленными книгами о дѣтскомъ возрастѣ, которыя отмѣчены въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ въ редактируемыхъ мною журналахъ ¹⁾).

Ребенокъ сталъ даже частой темой статей въ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ и особенно въ воскресныхъ газетахъ. Учителя высшихъ и низшихъ школъ, матери всѣхъ ступеней образованія, ученики высшихъ школъ и учительскихъ семинарій заполняютъ опросные листки и устраиваютъ по возможности собранія съ цѣлью сравнить результаты своихъ наблюденій и поговорить о новѣйшей журнальной литературѣ по данному вопросу. Я получилъ около двухъ тысячъ писемъ изъ всѣхъ частей свѣта съ вопросами, какъ организовать соотвѣтствующую работу на мѣстѣ, съ просьбами объ указаніи пригодной для чтенія литературы или очень часто съ просьбой подать совѣтъ относительно такого-то и такого-то ребенка. Частный человекъ, пожелавшій бы посвятить себя исключительно работѣ по разъясненію всѣхъ подобныхъ запросовъ, могъ бы оказать большія услуги обществу и наукѣ; можетъ быть, возможно даже возникновеніе новой профессіи, чего-то въ родѣ психической ортопедіи или науки о средствахъ исцѣленія дѣтей.

Учителя и учительницы, принимающіе живое участіе въ разработкѣ дѣтской психологіи, принадлежатъ обыкновенно къ наиболѣе выдающимся среди молодыхъ педагоговъ обоого пола; академическія теченія мысли

¹⁾ The Pedagogical Seminary и The American Journal of Psychology.

находятъ, понятно, наибольшій отзвукъ у тѣхъ, у кого еще не сказывается консерватизмъ пожилого возраста. И, какъ извѣстно, идеалы молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ—лучшій матеріалъ для предсказаній относительно будущаго. Правда, часто наталкиваешься на энтузіазмъ безъ знаній и на всякаго рода праздношатающихся и мелочныхъ педантовъ, но такого рода личности неизбѣжно появляются во всякомъ движеніи, какъ только оно разливается широкимъ потокомъ. Изученіе дѣтскаго возраста подвергалось многочисленнымъ и часто горькимъ и злостнымъ нападкамъ, но компетентной критики пока еще не дождалось. Подобно новому, невѣдомому до того растенію, оно нарушило построенія систематиковъ, которые живутъ и движутся въ сферѣ опредѣленій и дѣлаютъ предписанія новымъ и старымъ наукамъ, какъ геометры, измѣряющіе воображаемыя улицы, или полицейскіе, насаждающіе городскіе порядки въ деревнѣ. Всѣмъ подобнымъ критикамъ хотѣлось бы напомнить слова Кольриджа: прежде всего нужно стремиться ознакомиться съ ученіемъ даннаго автора, а затѣмъ уже можно, пожалуй, критиковать его мысли и изложеніе. Защитники существующаго порядка и вожди консервативнаго лагеря, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ выражали свое неудовольствіе и презрѣніе, нынѣ приспособились такъ или иначе къ новому движенію и примирились съ нимъ.

Наука о ребенкѣ не подходитъ ни подъ какую классификацію и въ нѣкоторомъ смыслѣ не имѣетъ себѣ подобной, будучи частью психологіей, частью антропологіей, частью медициной и гигиеной. На каждой ступени она тѣсно соприкасается съ изученіемъ инстинктовъ у животныхъ и съ обычаями и взглядами первобытныхъ народовъ. У нея есть своя этико-философская сторона—отчасти то, что одинъ новѣйшій писатель называлъ высшей біологіей—не чуждая народовѣдѣнія и проблемъ религіознаго развитія, но и не лишенная иногда привкуса пустой болтовни и нелѣпыхъ традицій дѣтской комнаты.

Въ области педагогики всѣхъ ступеней ей принадлежитъ широкое практическое значеніе. За ней всѣ преимущества и менѣе значительные недостатки, связанные съ многосторонностью.

Позиція педагога или также психолога напоминаетъ положеніе верхушки ледяной горы, виднѣющейся надъ водой: каждый, особенно при наличности враждебнаго настроенія, удивляется, какъ это гора отваживается приблизиться къ нему, гдѣ ее ожидаетъ одно недоброжелательство, и равнодушно относится къ его одобренію или неодобренію, но онъ удивляется потому, что не видитъ погруженный въ воду девять десятыхъ ледяной горы, находящейся подъ вліяніемъ теченій болѣе плотной среды. Одинъ искусный классификаторъ и сверхъ-систематикъ жалуется на то, что педагогика „хочетъ жениться на психологіи“. Онъ, однако, запоздалъ со своей жалобой: то же самое было высказано уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Врачъ взвѣшиваетъ и измѣряетъ, осматриваетъ уши и глаза и т. д.; филологъ изучаетъ на языкѣ ребенка развитіе языка чело-вѣчества, и оба не желаютъ знать одинъ о другомъ, или о развитіи чувства „я“, о страхѣ, гнѣвѣ, суевѣриіи, о различныхъ періодахъ различныхъ интересовъ, о развитіи способности у дѣтей и т. п.

Своеобразность заключается именно въ новомъ направленіи и въ сосредоточіи многихъ научныхъ дисциплинъ и методовъ на о д н о м ъ предметѣ; изъ нихъ многіе или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые не знали до сихъ поръ такого соединенія. Далѣе новостью является совмѣстная работа выдающихся профессоровъ-спеціалистовъ съ неподготовленными родителями или учителями элементарныхъ школъ: у cadaго свой интересъ къ одному и тому же явленію, и профессора ожидаютъ сообщеній отъ родителей и учителей, въ качествѣ то воспріемниковъ, то собственниковъ. Все это вызываетъ неодобреніе въ кругахъ академической жизни, возстановляя противъ себя пустившіе здѣсь корни эзотерическіе инстинкты.

Поэтому нечего удивляться ни чрезмѣрнымъ ожиданіямъ, ни чрезмѣрнымъ опасеніямъ, раздающимся повсюду.

Одно изъ самыхъ старыхъ возраженій противъ изученія дѣтей,— правда, теперь его приводятъ уже очень рѣдко,—ссылается на вѣроятное неблагоприятное вліяніе его на дѣтскую непосредственность: чувствуя себя постояннымъ предметомъ вниманія, ребенокъ становится самоувѣреннымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось слышать слова одного выдающагося профессора; привѣтствуемый одобрительными аплодисментами бостонскихъ учителей, онъ увѣрялъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ, что никогда не станетъ подвергать своихъ собственныхъ дѣтей духовной вивисекціи, что онъ будетъ ихъ любить, но не изучать и т. д. „Я могу сказать съ глубокимъ убѣжденіемъ, что не вѣрю въ это“ (т.-е. въ цѣнность психологіи для учителя). Въ то же самое время одна большая нью-іорская газета обвиняла въ статьяхъ подъ сенсационными названіями одного выдающагося профессора колумбійскаго университета (въ Нью-Йоркѣ) въ томъ, что онъ изучаетъ собственныхъ дѣтей,—точно бы это былъ новый, дьявольскій родъ пытки. Недавно мнѣ попала въ глаза иллюстрированная замѣтка въ чикагскомъ журналѣ объ одной семинаристкѣ. Послѣдняя хотѣла дать отвѣтъ по опросному листу относительно плача. Напрасно ждала она четырнадцать дней, ей не пришлось наблюдать плача; тогда она ущипнула своего маленькаго брата за ухо, чтобы получить такимъ образомъ матеріалъ для отвѣта.

Я готовъ отнестись совершенно серьезно къ подобнымъ упрекамъ и заявить открыто, что у насъ нѣтъ достаточнаго права для такого рода изслѣдованій, если они наносятъ вредъ небольшому числу наблюдаемыхъ дѣтей, будь то даже ради всеобщаго блага. Даже для самыхъ цѣнныхъ научныхъ результатовъ это была бы слишкомъ дорогая цѣна. Лучше бы уже намъ повѣсили на шею камень и опустили бы насъ въ наказаніе на

дно морское, чѣмъ допустить глумленіе съ нашей стороны надъ маленькими дѣтьми. Однако истина выглядитъ совсѣмъ иначе. Лучшія данныя получаются при любовномъ обхожденіи съ дѣтьми, и при этомъ имѣется въ виду способствовать усиленію любовнаго вліянія родителей или школы, или ихъ вмѣстѣ; мнѣ не вѣрится, чтобы инстинкты, въ общемъ диктующіе правильные поступки, здѣсь оказывались ложными и вредными.

Любовь и изученіе усиливаютъ другъ друга, а не парализуютъ, какъ въ области науки о ребенкѣ, такъ и въ области естественныхъ наукъ. Если мы ознакомились съ наукой о ребенкѣ и содѣйствуемъ ея развитію, мы можемъ быть лучшими родителями и учителями; тѣ же, кто не дѣлаетъ этого, пренебрегаютъ одними изъ самыхъ существенныхъ обязанностей новаго времени. Я получилъ не одну сотню писемъ отъ родителей, которые въ большинствѣ случаевъ выражаютъ благодарность за то, что изученіе ребенка помогло имъ узнать многое чрезвычайно важное для благополучія ихъ дѣтей. Я употребилъ много времени на изученіе психическимъ свойствъ и затѣмъ сообщилъ результаты родителямъ, писавшимъ мнѣ и просившимъ у меня совѣта относительно ихъ дѣтей. Не могу себѣ представить, чтобы всѣ эти люди отличались ложными инстинктами, сказывающимися въ желаніи изучить собственныхъ дѣтей; или что родители, выражающіе свою благодарность, стоятъ за педологію, ибо ихъ духъ просвѣщенъ на счетъ ихъ сердца.

Я выбралъ пятьдесятъ темъ, представляющихся мнѣ очень цѣнными и типичными, и только по отношенію къ одной изъ нихъ можно говорить о нарушеніи интересовъ ребенка или о неудобствѣ собиранія данныхъ. Были предприняты изслѣдованія очень непріятныхъ вопросовъ; но, насколько мнѣ извѣстно, принятыя при этомъ мѣры предосторожности должны были бы удовлетворить любого критика, какъ бы чувствителенъ онъ ни былъ отъ природы и какъ бы онъ ни былъ скло-

ненъ отыскивать повсюду что-либо скандализирующее.

Въ большинствѣ случаевъ изъ всѣхъ моихъ пятидесяти темъ дѣти отъ начала и до конца изслѣдованія вовсе не подозрѣваютъ, что ихъ наблюдаютъ; такъ, на примѣръ, обстоитъ дѣло при темахъ о развлеченіяхъ и играхъ, признакахъ усталости, автоматическихъ движеніяхъ, положеніяхъ руки, случаяхъ подражанія, ползаніи маленькихъ дѣтей. Въ другихъ случаяхъ дѣти прикасаются къ динамометру или надавливаютъ его, считаютъ черточки, просовываютъ иголку сквозь маленькое отверстіе, читаютъ различныя печатныя буквы въ немногія минуты, называютъ свои любимыя исторіи; ихъ подвергаютъ изслѣдованію въ отношеніи недостатковъ зрѣнія, слуха, рѣчи, ихъ взвѣшиваютъ, измѣряютъ и т. д. При изслѣдованіи другихъ феноменовъ, на примѣръ, страха, именно направленіе вниманія на этого рода психозъ, который часто въ теченіе многихъ лѣтъ тайно терзаетъ отроковъ, приводило къ исчезновенію страха и къ возстановленію самообладанія. Въ нѣсколькихъ печальныхъ случаяхъ оно поспособствовало введенію страха въ нормальныя границы; вѣдь воспитаніе, по опредѣленію Аристотеля, есть не что иное, какъ введеніе страха въ надлежащія границы.

Существуетъ ли въ мірѣ что-нибудь болѣе трогательное, чѣмъ непонятое дитя? Когда система свободного выбора предметовъ занятій проложитъ себѣ дорогу къ высшимъ и даже среднимъ школамъ, тогда станетъ особенно важнымъ приспособить ее къ природѣ и потребностямъ отдѣльныхъ дѣтей для того, чтобы школа стала учрежденіемъ, обеспечивающимъ дальнѣйшую жизнь и дѣятельность. Удивительно, что только тѣ, чья философія опирается на преувеличенное самонаблюденіе, опасаются самонадѣянности или конфликта съ естественностью дѣтей. Самопознаніе весьма отлично отъ самосознанія, и уже изъ того положенія, что высшій предметъ изученія для человѣчества есть самъ человекъ, вытекаетъ, что за изученіемъ взрослого человека

слѣдуетъ непосредственно изученіе дѣтства. Такъ возникаетъ новая обязанность, и ею-то пренебрегаютъ родители, любящіе своихъ дѣтей не настолько разумно, чтобы ихъ изучать.

Многіе критики возражали далѣе противъ этой части науки о ребенкѣ, что матеріалъ, собираемый неподготовленными наблюдателями, лишенъ цѣнности. Но они проходятъ мимо очевиднаго различія между собираніемъ сырого матеріала и разработкой послѣдняго, тогда какъ одно отличается отъ другого, какъ работа каменолома отъ работы скульптора. Почти каждая разсудительная мать можетъ мнѣ сказать, обнаруживаетъ ли ея ребенокъ страсть къ собиранію пуговиць, бутылочекъ или почтовыхъ марокъ, воображаетъ ли онъ себя въ сообществѣ товарищей, какія ошибки онъ дѣлаетъ чаще всего при сложеніи, какія куклы онъ предпочитаетъ, когда у него появились первые зубы, какія болѣзни онъ перенесъ, какія его любимыя развлечения и игры. Болѣе развитая мать можетъ собирать данныя относительно сильныхъ испуговъ, хронической боязни, выражений гнѣва, подражаній, произвольныхъ движеній, сильнаго краснѣнія, формъ чисель, можетъ взвѣшивать и измѣрять, а также дать отвѣты на нѣкоторые вопросы о смѣхѣ и плачѣ, о ползаніи, о внѣшнихъ чувствахъ, о способности движенія, объ единственныхъ дѣтяхъ, о развитіи рѣчи и о многомъ другомъ.

Каждое изъ большихъ антропологическихъ обществъ— въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи—издало небольшія руководства для неподготовленныхъ наблюдателей, живущихъ среди первобытныхъ народовъ, о томъ, какъ собирать еще болѣе сложныя данныя, чѣмъ только что упомянутыя по дѣтской психологіи,—данныя относительно запаса словъ, религіозныхъ обычаевъ и идей и социальныхъ установленій; изъ этихъ источниковъ ученые черпаютъ въ широкихъ размѣрахъ свои свѣдѣнія. Нѣкоторый опытъ и упражненіе въ обхожденіи съ подобнымъ матеріаломъ, опирающіеся также на опытъ въ

собираніи данныхъ, позволяетъ спеціалисту овладѣть иногда довольно трудной проблемой источниковъ заблужденій, устранить ихъ, сконцентрировать данныя и переработать ихъ въ инныя формы,—подобно тому, какъ часовщикъ, изготовляющій пружины для часовъ, перерабатываетъ сырой металлъ, добытый горнорабочимъ, въ продукты очень высокой цѣнности.

Происходитъ то же, какъ въ случаяхъ, когда врачъ спрашиваетъ мать о состояніи больного или судья прибѣгаетъ къ показаніямъ невѣжественнаго свидѣтеля. Однако, въ общемъ критики очень несправедливы по отношенію къ тѣмъ, кто составляетъ отчеты. Среди многихъ тысячъ отчетовъ, съ которыми я имѣлъ дѣло посредственно или непосредственно, многіе составлены выдающимися профессорами университетовъ, еще большее число окончившими университеты и большинство—студентами. Благодаря упражненію, другіе изслѣдователи приобрѣли рѣдкую искусство въ собираніи у своихъ студентовъ цѣнныхъ данныхъ. Тотъ, кто самъ не приобрѣлъ значительнаго опыта въ этой дѣятельности, не можетъ оцѣнить трудностей этой области изслѣдованія или методовъ, съ помощью которыхъ ихъ можно съ успѣхомъ преодолѣть. Этотъ родъ изслѣдованія—проблема для посвященныхъ спеціалистовъ, и только мнѣнія спеціалистовъ заслуживаютъ вниманія.

Даже среди наилучшаго матеріала, дѣйствительно, имѣется кое-что еще болѣе малоцѣнное, чѣмъ тѣ образцы, которые приводятъ наши противники. Можетъ быть, я иду слишкомъ далеко, предполагая, что тамъ, гдѣ качество работы въ такой обширной и новой области, какъ изученіе ребенка, представляетъ всѣ ступени отъ крайней безцѣнности и вплоть до высшей цѣнности, критикъ, проникнутый истиннымъ великодушіемъ, долженъ былъ бы выбирать наилучшій матеріалъ. Я утверждаю, что не только настроеніе, но и способности критика характеризуются именно тою степенью работы, которую онъ критикуетъ. Здѣсь каждый можетъ опро-

вергнуть несурзости слабого, но никто не может оспаривать наилучшее. Я отношусь съ нѣкоторой симпатіей къ болѣе талантливымъ критикамъ, когда они пожинають успѣхъ, выполняя скромную задачу, т.е. вскрывая недостатки среднихъ работъ. Подобно Реформации или эволюціонной теоріи, генетическая психологія, хотя она пока не можетъ сравниться по глубинѣ и широтѣ захвата съ этими великими культурными движеніями, оказала громадное вліяніе на духъ народа, но и привлекла къ себѣ толпу праздношатающихся. Одни изъ нихъ примкнули къ ней изъ-за выгоды и чести, такъ какъ теченіе все ширится и пріобрѣтаетъ значеніе; другіе, совсѣмъ неподготовленные, вслѣдствіе воодушевленія, занялись дѣятельностью, превосходящей ихъ силы. Въ общемъ же я того мнѣнія, что до поры до времени пусть себѣ бурьянъ растетъ вмѣстѣ съ пшеницей — не слѣдуетъ отнимать энергии у скромныхъ работниковъ. Мнѣ непонятно, почему менѣе допустимо показать ребенка въ аудиторіи изучающихъ психологію, чѣмъ въ аудиторіи студентовъ-медиковъ, если остальные условія тому благоприятствуютъ.

Вышеприведенныя возраженія никогда не окажутъ воздѣйствія на тѣхъ, кто лично соприкасается съ наукой о ребенкѣ. Не совсѣмъ такъ обстоитъ, можетъ быть, дѣло съ другого рода критикой, энергично выдвинутой недавно впередъ, а именно, что педологія есть лишь орудіе или средство для изученія человѣческаго духа вообще или, въ наилучшемъ случаѣ, новая тропинка, ведущая въ старую область общей психологіи взрослого человѣка. Различіе — очевидно, и вопросъ — ничтожнаго практическаго или научнаго значенія; но и точка зрѣнія сама по себѣ ложная.

Во-первыхъ имѣется большая группа психическихъ фактовъ, безслѣдно исчезающихъ задолго до достиженія человѣкомъ зрѣлаго возраста. Плавательныя и карабкающіяся движенія маленькихъ дѣтей, фетиши дѣтей, многія явленія плача и стenanья, куклы, робость и

страхъ, напимърь, передъ большими зубами, глазами и мѣхами, воображаемые товарищи, формы языка, выражение гнѣва, игрушки, ползанье, нѣкоторыя формы чисель—эти и многія другія вещи можно изучать только въ дѣтствѣ, ибо онѣ, подобно нѣкоторымъ рудиментарнымъ органамъ, исчезаютъ до достиженія зрѣлости. А между тѣмъ онѣ заключаютъ въ себѣ глубокіе вопросы, незнакомые психологу, который занимается только жизнью взрослога человѣка. Развитие и послѣдующее исчезновение этихъ явленій есть, повидимому, толчокъ къ росту ближайшихъ къ нимъ высшихъ способностей, которыя ихъ вытѣсняють. Здѣсь передъ нами проблемы, единственныя въ своемъ родѣ. Генетическая точка зрѣнія потому совершенно иная, что она идетъ въ разрѣзъ со всѣми результатами психологіи взрослога, основанной на самонаблюденіи, и, кромѣ того, она, по моему мнѣнію, захватываетъ шире логической и всякой другой точки зрѣнія.

Послѣ многолѣтнихъ размышлений я, дѣйствительно, пришелъ къ совершенно противоположному взгляду и высказался въ концѣ - концовъ въ одной изъ своихъ статей въ томъ смыслѣ, что нынѣшняя психологія взрослога человѣка должна быть подчинена генетической психологіи—такъ приблизительно, какъ были приведены въ движеніе и связаны воедино съ помощью обширныхъ понятій развитія виды, столь тщательно разжеванные біологами до Дарвина. Выше логическаго объясненія я ставлю объясненіе генетическое. Наши основанные на самонаблюденіи опыты ограничены и представляютъ лишь слабое отраженіе болѣе обширныхъ вопросовъ—откуда и куда. Установленіе вѣрныхъ рядовъ развитія, дающихъ возможность прослѣдить за извѣстными психическими фактами и явленіями вспять, вплоть до ихъ болѣе раннихъ и низшихъ формъ, и опредѣляющихъ, такимъ образомъ, направленіе развитія, указываетъ на то, что можно бы назвать идеализмомъ истиннаго предсказанія будущаго, и на методъ,

которому, кажется, суждено даже въ области этики вытѣснить господство мистики.

Иногда утверждаютъ, будто въ системѣ идей, какъ психологія, безразлично, сколькимъ лицамъ доступна та или другая мысль. Это ясно. Истина не зависитъ отъ большинства, и для науки, какъ химія или біологія, совершенно безразлично, сколькимъ людямъ извѣстны различныя химическіе или біологическіе факты. Но этотъ взглядъ мелоченъ и лишенъ значенія. Какъ подраздѣленія животныхъ и растеній составляютъ нужныя главы въ зоологіи и въ ботаникѣ, или какъ всеобщность категорій и всеобщность религіозныхъ идей разсматривается въ философіи или теологіи, такъ и случаи близорукости, болѣзненный страхъ, слова, запасъ словъ и т. д. сохранять за собою разъ признанное за ними мѣсто.

Подраздѣленіе какого-нибудь содержанія сознанія— въ такой же степени часть психологіи, въ какой топографія или численное распространеніе видовъ есть часть біологіи. Въ этомъ отношеніи воликновеніе мышленія въ дѣтствѣ—совершенно иная и даже значительно болѣе важная проблема, чѣмъ опредѣленіе числа случаевъ, когда въ умѣ взрослого человѣка встрѣчаются случайныя отрывки того или другого содержанія и отдѣльные объекты познанія. Поистинѣ порядокъ развитія въ общемъ столь же важная проблема, какъ и логическій порядокъ, для многихъ цѣлей еще даже болѣе важная. Я полагаю, что это составляетъ разницу большого психологическаго значенія, оставшіяся отъ ученія, представляющія единственное въ свѣдѣніи смѣшеніе мыслей Фихте, Шопенгауэра и т. д. совершенно своеобразными и доступными лишь для немногихъ, или они принимаются и другими людьми. Я иду дальше и утверждаю, хотя и рискую обезпечить этимъ какого-нибудь критика познанія, что даже невѣжество—интересный и важный предметъ, и что все въ зрастающая литература по этому предмету обладаетъ большою психологическою цѣнностью.

Одни изъ самыхъ интересныхъ наблюдений надъ дѣтьми вскрываютъ ихъ характерные недостатки, заблужденія или невѣжество. Какъ показали профессора Трэси, Льюкенсъ и Грантъ, искаженія звуковъ у дѣтей бросаютъ свѣтъ на измѣненія гласныхъ, законы звуковъ, діалекты и т. д. Типическія ошибки дѣтей при заключеніяхъ помогаютъ намъ не только понять и вслѣдствіе этого преодолѣть нѣкоторыя затрудненія на пути обученія, но выясняютъ также происхожденіе многихъ обычныхъ заблуждений и суевѣрныхъ мнѣній. Изученіе способностей и неспособностей дѣтей привело къ лучшему изъ новыхъ методовъ, указывающему какъ вести занятія, имѣющія дѣло съ числами и геометрическими формами. Ихъ рисунки, ихъ суевѣрія, ихъ первые уроки по обученію краскамъ, ихъ воспріятіе и особенности вкуса, если даже мы черпаемъ свѣдѣнія обо всемъ этомъ изъ испытательныхъ письменныхъ работъ, являются какъ для психологій, такъ и для педагогики цѣнными документами, и лучшимъ показателемъ въ пользу любого изъ ваго метода, имѣетъ ли онъ отношеніе къ чтенію, письму или счету, или къ новому или старому языку, можно считать то обстоятельство, что онъ основанъ на точномъ знаніи и объясненіи содержанія и дѣятельности дѣтскаго духа. Нерѣшительность по отношенію къ признанію науки о ребенкѣ, которую проявляютъ иногда философы, напоминаетъ намъ противодѣйствіе старыхъ систематиковъ и классификаторовъ дарвинистскому теченію въ естественной наукѣ. Оно опрокидывало ихъ построенія; ихъ работа соединять однородное, расчленять и снова совокуплять слишкомъ отличалась отъ дѣятельности, требуемой новымъ ученіемъ, и потому въ нихъ едва ли можно было ожидать измѣненія ихъ биологическихъ взглядовъ.

Слишкомъ многіе изъ нашихъ философовъ и психологовъ были лишь книжными учеными, довольствовавшимися работой распознанія, подраздѣленія и развиваніемъ наиболее удобной теоріи познанія. Отсутствіе у



нихъ серьезности, ихъ лѣнивый консерватизмъ, ихъ апріорные и схоластическіе приемы виноваты въ отсутствіи у насъ философіи воспитанія—кромѣ развалинъ и отрывковъ системъ—и въ заустѣннн всей этой области въ теченіе долгаго времени. На воспитаніе они поглядывали только со стороны или сверху, внизъ, строили какіе-то воздушные замки, вмѣсто того, чтобы работать надъ жесткими и жгучими фактами жизни и духа и такимъ путемъ найти, по крайней мѣрѣ, главные ключи къ раскрытію новыхъ тайнъ души,—конечно, если они не были въ состояніи съ помощью труднаго метода собиранія матеріала, который ввелъ Дарвинъ, перенести понятіе развитія на высшую сферу души.

Эти цѣлители высшаго порядка полагаютъ, что слѣдуетъ искоренить въ юношествѣ вѣру въ дѣтство и въ прирожденный здравый человѣческій смыслъ, котораго они особенно боятся, и что къ дѣтямъ, вмѣсто того, чтобы предоставить ихъ естественному ходу развитія, упоая на ихъ здоровый инстинктъ, нужно примѣнить какія-нибудь внѣшнія механическія средства, предохраняющія отъ теоретико - познавательнаго пугала, называемаго сомнѣніемъ. Мы не думаемъ вмѣстѣ съ Декартомъ, будто дѣтство бесполезно и будто звѣри лишь машины; они же искусственно возводятъ опредѣленную фазу юношеской метаморфозы въ культъ, который, рассматриваемый въ исторической перспективѣ, долженъ быть, безъ сомнѣнія, уподобленъ схоластикѣ и софизму. Эти люди и эта философія столь же бесполезны и лишены всякаго значенія для учителей, какъ и для всѣхъ другихъ жизненныхъ цѣлей. Это, дѣйствительно, нѣчто чужеземное, не американское, болтающее о „народности, какъ о величайшемъ врагѣ Сѣверной Америки“ и насмѣхающееся надъ нашей національной музой—здравымъ человѣческимъ разсудкомъ; мы же любимъ послѣдній точно такъ, какъ нѣмецъ любитъ свой Gemüt, а французъ свой esprit. Было бы благодареніемъ очистить мышленіе и дѣятельность учителей отъ

всѣхъ слѣдовъ этого рода философствованія и психологизированія. Къ счастью, психологія, какъ ее понимаютъ и опредѣляютъ эти ученые, дѣйствительно лишена значенія для учителей.

О методахъ б. о. написано много, точно бы они являлись соперниками. Ложная мысль! Всѣ методы хороши. Нѣкоторые изобрѣдватели, какъ Прейеръ, Шиннъ, Мооръ и Болдуинъ, сосредоточиваютъ свою дѣятельность на одномъ ребенкѣ или двухъ дѣтяхъ и собираютъ наилучшій матеріалъ, какой только можно найти въ области антропометріи, физиологіи, филологіи, психологіи и, можетъ быть, и въ другихъ областяхъ. Это столь же допустимо, какъ изученіе растений или животныхъ съ точки зрѣнія химіи, біологіи, физики и т. д.; но спеціалисты-знатоки обращаютъ на себя вниманіе только въ одномъ или двухъ направленіяхъ, и монографіи этого рода имѣютъ свои слабыя и свои сильныя стороны. Нужно стремиться къ простому и точному записыванію фактовъ, въ надеждѣ, что накопленіе очень обширнаго фактическаго матеріала приведетъ съ теченіемъ времени къ цѣннымъ заключеніямъ.

Одинъ изъ упомянутыхъ выше авторовъ можетъ, пожалуй, служить превосходной иллюстраціей для опасности выводить общія заключенія и спекулятивныя слѣдствія на основаніи наблюденій надъ однимъ ребенкомъ. У насъ есть много интересныхъ мемуаровъ, посвященныхъ основательному монографическому изученію одного какого-нибудь случая типичной формы душевной болѣзни, да и совершенное примѣненіе метода многихъ наукъ къ изученію личности Золя, какъ мы видѣли недавно, указываетъ на новый факторъ въ области біографіи. Работы о Каспарѣ Гаузерѣ, Лаурѣ Бриджмэнъ и семействѣ Джэкъ выясняютъ этотъ методъ.

Другой методъ состоитъ въ слѣдующемъ: выбираютъ одинъ предметъ или одинъ вопросъ и собираютъ относительно него данныя среди многихъ дѣтей. Это

22881
1000

даетъ специалисту—будь онъ филологъ, физиологъ, психологъ или педагогъ—благоприятный поводъ сосредоточить свои силы на одномъ опредѣленномъ предметѣ, и въ отношеніи многихъ изъ такихъ предметовъ каждое дитя является источникомъ знаній. Нѣкоторые изслѣдователи добились блестящихъ результатовъ, благодаря тому, что собирали матеріалъ среди очень большого числа дѣтей,—таковы: Барнесъ, Боасъ, Баудичъ; другіе, какъ Аментъ и Старбэкъ, ограничиваются одной или двумя дюжинами дѣтей въ интересахъ большей тщательности изслѣдованія. Нѣкоторые—госпожа Уильямсъ, госпожа Уильтзе, Смолль, достигли блестящихъ результатовъ, собирая матеріалъ для опредѣленной цѣли одного предмета, тогда какъ другіе, руководимые директоромъ семинаріи Рэсселлемъ, собираютъ всевозможные факты, достойные вниманія, и группируютъ послѣдніе позже въ естественномъ порядкѣ по предметамъ.

Здѣсь да будетъ мнѣ позволено привести въ качествѣ примѣровъ мои собственные изслѣдованія о страхахъ, гнѣвѣ, куклахъ, смѣхѣ, плачѣ, чувствѣ „я“, коллекціяхъ у дѣтей, о духовномъ багажѣ дѣтей при ихъ вступленіи въ школу и т. д. Цѣль заключается въ составленіи того, что Бэконъ называлъ *Silva Silva* *g* и *m*,—это большое собраніе дѣйствительныхъ фактовъ, которые группируютъ затѣмъ по полу, возрасту и т. д., чтобы добиться чего-то, напоминающаго составную фотографію предмета. Каждая индивидуальная жизнь такъ ограничена въ своемъ опытѣ въ большинствѣ отношеній, что расширеніе этихъ темъ съ помощью сравнительнаго метода вскрываетъ много новыхъ и неожиданныхъ чертъ и приближается къ употребленію микроскопа.

Простое чтеніе обширной антологіи хорошо разработанныхъ и критически просмотрѣнныхъ отчетовъ для меня не только самая интересная, но и самая поучительная изъ всѣхъ формъ психологической литературы. Она приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ жизнью въ

большомъ масштабѣ, показываетъ въ яркихъ краскахъ то, что было скрыто въ индивидуальномъ опытѣ, и обогащаетъ и совершенствуетъ знанія отдѣльнаго человѣка о человѣческой природѣ. Меня не удивляетъ, что въ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ семинаріяхъ для учителей и учительницъ эти правильно разгруппированныя и приведенныя въ систему данныя употребляются вмѣсто психологическихъ учебниковъ. Такія семинаріи походятъ въ этомъ отношеніи на больницы общихъ болѣзней, гдѣ врачъ лично ознакамливается съ богатымъ казуистическимъ матеріаломъ.

Не стану останавливаться на цѣнности генетическаго теченія для психологіи, а перейду къ столь много обсуждавшемуся вопросу о его пользѣ для учителя. Если понимать психологію съ точки зрѣнія теоріи познанія, какъ науку о внутреннихъ, первоначально непространственныхъ фактахъ, которыхъ никогда нельзя сообщить, описать или измѣрить, которые получаютъ значеніе и цѣнность лишь при приспособленіи ихъ къ логическимъ идеаламъ, отыскивающимъ выраженіе для дѣйствительности,—выраженіе, отгороженное непроницаемыми перегородками отъ искусства, исторіи, физиологіи и самой жизни, такъ что можно говорить почти о психологіи, лишенной жизни и направленной противъ жизни,—тогда каждый учитель можетъ вздохнуть съ облегченіемъ при утвержденіи, будто его дѣятельность антипсихологична и будто въ его сферѣ для этой науки нѣтъ ни малѣйшаго приложенія.

Это чисто внѣшнее разграниченіе оправдывается еще больше, если понимать преподаваніе исключительно, какъ прививаніе знаній, наполненіе ими духовныхъ вмѣстимъ, независимо отъ методовъ и не обращая вниманія на воспримчивость, интересъ, способности и т. д. ученика. Какъ бы это ни противорѣчило старѣйшей и, можетъ быть, любимѣйшей американской традиціи, по которой психологія и этика опредѣляютъ цѣль, и тщательно разрабатываютъ методы какъ учебниковъ, такъ

и школьнаго преподаванія, мы должны смириться и признать себя жертвами новыхъ и безсодержательныхъ опредѣлений, насилующихъ многія обширныя области духовной работы.

Мнѣ думается, что такія понятія—признаемъ за ними цѣнность въ ихъ отвлеченной сферѣ—не уживаются съ живымъ психологическимъ мышленіемъ; ибо, во-первыхъ, мое понятіе психологіи такъ различно отъ всего этого, какъ наука различна отъ теоріи познанія или метафизики. Я не предлагаю здѣсь никакихъ опредѣлений, а утверждаю, что психологію слѣдуетъ понимать шире и жизненнѣе, если мы хотимъ отнестись надлежащимъ образомъ къ человѣческой душѣ. Съ извѣстной точки зрѣнія психологія есть естественная исторія человѣческаго и дочеловѣческаго духа во всѣхъ направленіяхъ, отъ муравья, пчелы и осы по восходящей линіи. Психологія возможна вездѣ тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ жизненными явленіями, подходящими подъ выраженіе выбора.

Истинный психологъ относится съ воодушевленіемъ къ каждой сторонѣ жизни, особенно человѣческой, воодушевляется ею не меньше, чѣмъ авторъ *Comédie Humaine* воодушевлялся своею темой. Онъ любитъ страстно звѣрей и дружбу съ ними, хочетъ узнать ихъ особенности и, если возможно, догадаться, какимъ представляется міръ въ головѣ бобра, собаки или шимпанзе. Онъ посѣщаетъ часто заведенія для больныхъ—слѣпыхъ, глухихъ, идіотовъ, душевно-больныхъ,—надъ которыми природа совершила свои великіе, но жестоки эксперименты. Онъ любитъ дѣтей и чувствуетъ себя съ ними легко и свободно, точно съ родными; онъ старается приблизиться по возможности къ первобытному человѣку и преступнику и добиться ихъ довѣрчивости. Онъ посѣщаетъ часто психологическую лабораторію и усваиваетъ себѣ исторію великихъ системъ. Онъ проникнутъ вѣрой, что даже эти системы можно объяснить съ великой эволюціонной точки зрѣнія, какъ мы объясняемъ

переселенія и перелеты, постройку гнѣздъ и общественную организацію у птицъ и животныхъ. Это несомнѣнно натуралистическое мышленіе съ точки зрѣнія, столь же объективной, какъ точка зрѣнія наукъ, но оно заключаетъ въ себѣ и все то, что добывается путемъ самонаблюденія и внутренняго воспріятія и, понятнo, признаетъ неизбѣжныя здѣсь въ своей своеобразности условія.

Очевидно, что съ этой точки зрѣнія учитель долженъ знать двѣ вещи: 1) преподаваемый предметъ; 2) природу и способность воспринимающаго духа. Крестьянинъ долженъ знать какъ почву, такъ и зерно для посѣва; архитекторъ — природу матеріала, планъ и основныя черты цѣлаго; врачъ — исторію больного и, можетъ быть, и его семьи, а также медицинскія цѣлебныя средства — таковы неполныя, но полезныя для лучшаго пониманія аналогіи. Если логика и старая психологія оказали помощь учителю, то о новыхъ генетическихъ понятіяхъ можно утверждать, что они облегчаютъ его дѣятельность въ чрезвычайной мѣрѣ.

Остановимся на одномъ единственномъ примѣрѣ. Каждый признаетъ важность интереса, ибо послѣдній будитъ вниманіе, ускоряетъ медленные процессы и уменьшаетъ напряженіе при усвоеніи предмета; каждому извѣстно, насколько учитель можетъ сократить путь ученія, если онъ освѣдомленъ о любимыхъ развлеченіяхъ и занятіяхъ своихъ учениковъ и о жизни, которую они ведутъ, и если онъ знаетъ свой классъ въ общемъ и цѣломъ, и въ частностяхъ. Опредѣленіе и группированіе этихъ интересовъ — болѣе исчерпывающее, чѣмъ это когда-либо приходило въ голову Гербарту — составляетъ одну изъ задачъ изученія дѣтей. Одна изъ его цѣлей, — которая приведетъ къ значительнымъ перемѣнамъ какъ въ отношеніи методовъ преподаванія cadaго предмета въ учебномъ планѣ, такъ и въ отношеніи возраста, въ которомъ наиболѣе цѣлесообразно обученіе различнымъ предметамъ, — это размежеваніе

періодовъ развитія для духовной и тѣлесной дѣятельности. Скоро мы будемъ располагать кривыми, обозначающими годы, въ которые многіе главные культурные интересы достигаютъ ихъ высшаго пункта и затѣмъ начинаютъ понижаться. Это дастъ намъ возможность точно опредѣлить, какимъ предметамъ слѣдуетъ обучать раньше, какимъ позже, т.-е. когда можно усвоить образовательный матеріалъ безъ принужденія и безъ того, чтобы было пропущено время и пунктъ наибольшей воспримчивости и наибольшаго подъема способностей.

Къ болѣе побочнымъ преимуществамъ изученія дѣтей принадлежитъ новая связь, устанавливаемая имъ часто между школой и домомъ. Учитель, не смотрящій болѣе на своихъ учениковъ, какъ на маріонетокъ, собранныхъ въ одну или нѣсколько нерасчленяемыхъ группъ или классовъ, а обращающійся съ ними, какъ со свободными личностями, связанными узами симпатій съ его сердцемъ, не можетъ не желать знать хотя бы кое-что о домашней жизни ребенка и не войти въ общеніе съ его родителями. Отсюда возникли многія, правда, весьма различныя между собой, организациі, начиная съ педагогическаго клуба директора Дэттона въ Бруклинѣ (въ Массачузетсѣ) и кончая союзомъ матерей въ Детронгѣ (въ Мичиганѣ), гдѣ матери собираются вмѣстѣ съ учителями разъ въ недѣлю послѣ школьныхъ занятій. Число учительницъ все возрастаетъ, и ихъ методъ, дающій превосходные результаты, состоитъ въ знакомствѣ съ индивидуальностью дѣтей и въ приспособленіи къ личнымъ различіямъ. Наука о ребенкѣ одобряетъ этотъ методъ, поддерживааетъ и укрѣпляетъ его и стремится добиться даже лучшей финансовой оцѣнки услугъ учителя.

Другое преимущество интереса къ изученію дѣтей заключается въ томъ, что онъ способствуетъ въ нѣкоторой степени разрушенію перегородокъ между отдѣльными видами школь и дѣлаетъ возможной совмѣстную

работу надъ одной и той же задачей преподавательницы изъ дѣтскаго сада и университетскаго профессора. Но, можетъ быть, наилучшимъ является то обстоятельство, что благодаря ему семья съ многочисленными дѣтьми представляется желанной и болѣе интересной. Дѣйствительно, изученіе ребенка есть часть большого культурнаго теченія, характеризуемаго новой любовью ко всему наивному, самопроизвольному и безыскусственному, а также потребностью вскрыть все примитивное и оригинальное въ человѣческой природѣ, какимъ оно выходитъ изъ ея первоисточниковъ. Господствующая теорія искусства подчеркиваетъ, что величайшій недостатокъ всѣхъ произведеній искусства—въ выдвиганіи сознательнаго плана и что наивысшая точка эстетическаго наслажденія достигается только тогда, когда послѣднее возбуждается стихотвореніемъ или картиной, какъ продуктами безсознательной и болѣе или менѣ стихійной творческой силы, — продуктами, созданными, — таково творчество величайшихъ геніевъ, — съ забвеніемъ всякихъ постороннихъ мотивовъ успѣха, славы и т. п. Точно такъ же передъ лицомъ дѣтей мы начинаемъ сознавать, что ихъ мысли, чувства и влеченія — чудо, открывающее намъ, что міръ и человѣческая природа — творенія здоровой силы.

Больше того: нѣтъ другой путеводной звѣзды черезъ сумятицу современной культуры и хаосъ развлеченій современной жизни, кромѣ познанія истинной природы и потребностей дѣтства и отрочества. Итакъ, я утверждаю слѣдующее: о цивилизаціяхъ, религіяхъ, всѣхъ человѣческихъ установленіяхъ и школахъ можно судить правильно или съ точки зрѣнія философіи исторіи, опираясь только на этотъ одинъ критерій, а именно: погрѣшили ли они противъ малыхъ сихъ, или поспособствовали тому, чтобы дѣти и отроки достигли въ данное время болѣе высокой и болѣе совершенной зрѣлости, чѣмъ предшествующія поколѣнія. Дѣтство это для насъ то же, чѣмъ былъ смерчъ днемъ и огнен-

ный столбъ ночью для евреевъ въ пустынь. Безъ другихъ чудесъ мы можемъ обойтись, это одно чудо — вѣчно.

Подобно тому, какъ въ различныя времена исторіи культуры человѣкъ все съ новымъ интересомъ обращалъ свой умъ на разрѣшеніе стараго и послѣдняго вопроса — вопроса объ истинной природѣ человѣка, его положеніи и значеніи во вселенной, его происхожденіи, его отъ куда и куда, — такъ спрашиваемъ мы теперь съ совершенно особеннымъ интересомъ: что есть собственно ребенокъ? Мы постепенно дошли до познанія, что дѣти не маленькіе взрослые со всѣми развившимися способностями, но лишь въ уменьшенномъ масштабѣ, а единственныя въ своемъ родѣ и весьма отличныя отъ насъ созданія. Ихъ пропорціи такъ различны, что изъ нихъ должны были бы выйти уроды, если бы голова, тѣло и члены продолжали расти въ ихъ первоначальныхъ соотношеніяхъ, пока не достигли бы размѣровъ взрослога человѣка. Дѣти приспособляются къ средѣ, но ихъ манера держать себя и ихъ мышленіе все-таки не подобны нашимъ, и взрослый столь же безсиленъ черезъ самонаблюденіе вернуться къ состоянію дѣтской души, какъ пройти мимо огненнаго меча и потребовать для себя обратно потерянный рай. Воспоминанія о нашемъ собственномъ дѣтствѣ — лишь обломки и остатки разрушенной ступени развитія, и утраченные пункты психогенезиса должны быть возстановлены съ помощью работы и терпѣнія.

Воспріятія органовъ чувствъ, инстинкты, понятія объ истинѣ, легковѣріе, душевныя движенія и чувства ребенка по отношенію къ предметамъ имѣютъ очень мало общаго съ нашими и, дѣйствительно, подчасъ почти несравнимы, такъ что мы должны прокладывать себѣ дорогу изслѣдованія медленно, прибѣгая къ косвеннымъ методамъ, съ трудомъ, если хотимъ разрѣшить представшую передъ нами большую проблему. Изученіе нѣсколькихъ сотъ біографій великихъ людей

вскрываетъ богатая сокровища легендъ, которыя, вѣроятно, нераздѣльны отъ юношескаго періода жизни каждаго человѣка, достигающаго въ будущемъ славы и извѣстности. Это показало, что большая часть матеріала, состоящаго изъ отчетовъ о дѣтствѣ и даже о юношескомъ возрастѣ, почти такъ же миѳологична, какъ, по мнѣнію Нибура, сказанія о древнемъ Римѣ. Это показываетъ далѣе—пусть это даже будетъ послѣдній изъ мотивовъ—насколько полезно было бы вести книгу о жизни и здоровьѣ ребенка, — послѣдній имѣетъ на нее неотъемлемое право, и дѣти несомнѣнно настаивали бы на своемъ правѣ, если бы знали достаточно и могли бы изложить свои права.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ коммунальное управленіе издаетъ теперь такія книги; онѣ ведутся въ теченіе установленнаго школьнаго времени. Въ нихъ мѣсячныя отмѣтки въ теченіе всѣхъ школьных лѣтъ являются постояннымъ свидѣтельствомъ и показателемъ успѣха ребенка и его способности къ передвиженію впередъ. Школьный врачъ записываетъ въ нихъ свои опасенія и совѣты; родители прибавляютъ иногда свои объясненія, и въ рѣдкихъ случаяхъ все это дополняетъ антропологъ или изслѣдователь ребенка; въ цѣломъ едва ли возможенъ болѣе полезный документъ, чтобы помочь ребенку цѣлесообразнымъ познаніемъ его собственныхъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ при выборѣ профессіи или призванія.

Юношескій возрастъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ какъ въ практическомъ, такъ и въ научномъ отношеніи: весна жизни, когда душа проходитъ черезъ возрожденіе, когда ребенокъ при нормальныхъ условіяхъ переходитъ отъ эгоизма къ альтруизму и когда медленно проявляется великое подчиненіе индивидуума расѣ. Это самый опасный жизненный періодъ, ибо цивилизація зависитъ отъ того, получаютъ ли эти ненадежныя конечныя стадіи, которыя больше всего отличаютъ человѣка отъ животныхъ, завершеніе или испытаютъ задержки. Когда мы



поймемъ сущность этого періода и пойдемъ навстрѣчу его потребностямъ, тогда для насъ окажется необходимымъ произвести въ среднихъ и высшихъ школахъ самыя радикальныя изъ всѣхъ педагогическихъ измѣненій. Всѣ расы—и дикія, и цивилизованныя—признали юношескій возрастъ, юношескую ступень. Въ нѣкоторомъ смыслѣ воспитаніе начинается только здѣсь и расширяется по восходящей линіи до университета и по нисходящей линіи до дѣтскаго сада, приблизительно въ той мѣрѣ, въ какой развивается цивилизація.

Съ точки зрѣнія высшаго біологическаго закона юношескій возрастъ—золотой возрастъ жизни. Способности души и тѣла достигаютъ здѣсь ихъ высшей точки, и человѣческая раса становится въ юношескомъ возрастѣ моложе и моложавѣе, такъ какъ именно на этой ступени появляется впервые на свѣтъ завязь грядущаго сверхчеловѣка.

II.

Замѣтки о наблюдении надъ маленькими дѣтьми ¹⁾.

Обыкновенно полагаютъ, что жизнь человѣческаго существа до его появленія на свѣтъ начинается въ серединѣ его сороканедѣльнаго пребыванія во чревѣ матери. Прейеръ думаетъ, что первыя движенія (и соотвѣтственно съ этимъ воля — Прейеръ того мнѣнія, что воля связана въ своемъ развитіи съ движеніями), автокинетическія или аллокинетическія, начинаются на шестой недѣлѣ, но медики отодвигаютъ начало въ гораздо болѣе поздній періодъ. Льюисъ причисляетъ жизнь зародыша къ психологіи; Рибо говоритъ о психической жизни до рожденія; Кусмауль подчеркиваетъ фактъ осязательныхъ ощущеній до рожденія и указываетъ на то, что ощущенія голода и вкуса возбуждаются глотаніемъ амниотической жидкости. Указывалось также на пріятное и непріятное самочувствіе во внутренностяхъ; ребенокъ испытываетъ, вѣроятно, различныя формы удовольствія и боли уже до рожденія. Но такъ какъ новорожденный ребенокъ находится всегда почти подъ одинаковымъ давленіемъ и окруженъ почти одинаковой температурой, то, понятно, его опытъ крайне ограниченъ. Хотя такъ называемое сознаніе есть нѣчто, представляющее много ступеней, но все же весьма вѣроятно, что способность къ движенію предшествуетъ ощущеніямъ. Бастианъ считаетъ, что обыкновенно за три или

¹⁾ Notes on the Study of Infants (Pedagogical Seminary, June 1891).

четыре мѣсяца до рожденія имѣеть мѣсто очень быстрое развитіе бороздъ и извилинъ мозга. Изъ мозговыхъ нервовъ физиологически появляется первымъ вкусовой нервъ: преждевременно рожденныя дѣти уже могутъ, повидимому, различать сладкое и кислое. Съчатая оболочка кажется до рожденія уже достаточно развитой и можетъ служить зрительнымъ ощущеніямъ; вѣроятно, младенцу во чревѣ матери уже извѣстны мускульныя чувства, тогда какъ дѣйствіе анестезирующихъ средствъ на зародышъ и даже на новорожденнаго ребенка очень слабо.

Вліяніе истощенія, страха или испуга матери на младенца очень велико; они вызываютъ малокровіе, предродовыя судороги и общія измѣненія въ развитіи. Какъ показалъ Плоссъ, гигиена женщинъ, приближающихся къ материнству,—предметъ большихъ заботъ не только у всѣхъ цивилизованныхъ, но также у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Придумывали самые разнообразныя обычаи. Женщинъ изолируютъ, предохраняютъ отъ дурныхъ вліяній и всякихъ сильныхъ и потрясающихъ впечатлѣній, терпѣливо переносятъ всѣ ихъ капризы. Относительно каждаго дня думаютъ, что онъ посвященъ созданію части дѣтской души или дѣтскаго тѣла, и девять мѣсяцевъ беременности породили массу суевѣрій. Мѣра и сумма движеній нерожденнаго ребенка говорятъ мыслящей матери многое о характерѣ ея ребенка уже до его рожденія, и ея вліяніе на ребенка можетъ быть никогда не бываешь ббльшимъ, чѣмъ въ это время. Мать могла бы часто сказать, обращаясь къ кормилицѣ: „Вы не можете сообщить мнѣ ничего новаго о предрасположеніяхъ моего новорожденнаго“. Не только общій порядокъ жизни матери, но и ея движенія, внезапныя и сильныя, порывистыя или обычно спокойныя и правильныя, вѣроятно, столь же тщательно регистрируются на примитивномъ языкѣ чувства, какъ пружина отвѣчаетъ на слабую бессознательную дѣятельность мозга. Больше того: въ періодъ питанія молокомъ матери дитя под-

вержено вліянію всего того, что воздѣйствуетъ на мать, и та мать дѣлаетъ много для ребенка, которая дѣлаетъ много и лучшее для самой себя. Можетъ быть, потому женщины болѣе, чѣмъ мужчины, склонны къ вѣрѣ во вліянія и связи таинственнаго характера не только между родителями и дѣтьми, но также между друзьями.

Рожденіе—это измѣненіе, составляющее эпоху въ жизни ребенка, если даже онъ не страдаетъ. По выраженію Перэ, ребенокъ перемѣщается изъ горячаго пояса въ холодный, и его внѣшнія чувства парализуются чуждыми потрясеніями. Онъ кричитъ и пыхтитъ, точно мореплавателъ, выброшенный яростной морской волной, обнаженный и усталый, на чужой берегъ. Дыханіе его сначала очень неправильно: отъ одного раза въ секунду до одного раза въ десять—двадцать секундъ. Уши сначала обыкновенно не функционируютъ, одинъ глазъ или оба часто совершенно или отчасти закрыты. Движенія ребенка теперь происходятъ въ болѣе свободномъ пространствѣ; сосательные, глотательные и дыхательные мускулы многочисленнѣе и значительно больше; ощущенія кожи многообразнѣе. Первый актъ ребенка послѣ рожденія—крикъ,—не ярости, какъ говорилъ Кантъ, и не радости, какъ полагалъ Шварцъ, а носовое, протяжное, тонкое, безслезное „а-а“ съ призвукомъ шотландской свирѣли, чисто автоматическое, вызванное ощущеніемъ какого-то неудобства. Если взглянуть на красную, морщинистую, вздувшуюся кожу (ибо ребенокъ теряетъ обыкновенно въ первые дни въ вѣсѣ), на косоглазіе, большой животъ и кривыя ноги и прислушаться къ однотонному и печальному крику, то станетъ понятнымъ, почему,—въ томъ случаѣ, если мать не послѣдовала совѣту Фребеля и не начала любить своего ребенка еще до его рожденія,—для ребенка иногда наступаетъ опасный промежутокъ времени, прежде чѣмъ вполне пробуждается материнскій инстинктъ.

Первый центръ духовной жизни ребенка—ротъ. Движенія при сосаніи и глотаніи сначала координированы,

и вкусъ, вѣроятно, развивается первымъ изъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ. Двухъ маленькихъ дѣтей *Б* (мальчикъ) и *Г* (дѣвочка), на которыхъ я буду ссылаться, забавляли въ теченіе первой недѣли послѣ рожденія. Каждый разъ минутъ пятнадцать тряпкой, намоченной въ сахарной водѣ. Приблизительно послѣднія движенія при засыпаніи и первыя при пробужденіи были сосательныя движенія. Большая часть изъ того, что можно бы назвать желаніемъ, удовольствіемъ или болью, сосредоточивалось вокругъ принятія пищи. Прикосновеніе не только ко рту, но и къ подбородку, щекѣ или даже затылку и лбу вызывало сосательныя движенія. Позже такія прикосновенія вызывали поворотъ головы, чтобы приблизить ротъ къ пункту прикосновенія. Сосательныя движенія были очень сильными, сопровождались неподвижнымъ, словно застывшимъ положеніемъ глазъ и попеременнымъ открываніемъ и закрываніемъ рукъ. Главное движеніе рукъ имѣетъ, кажется, направленіе ко рту. Ребенокъ часто произвольно бьетъ и царапаетъ себѣ лицо собственными руками. Онъ засовываетъ руки въ ротъ, куда вообще отправляетъ все, что научается схватывать. Даже большіе и совсѣмъ несъѣдобные предметы онъ узнаетъ, лишь приблизивъ ихъ ко рту, являющемуся центромъ не только для вкуса, но и для дѣйствительно эстетическаго удовольствія осязанія; послѣднее возникаетъ отъ прикосновенія гладкихъ предметовъ къ губамъ и твердыхъ вещей къ лишеннымъ зубовъ челюстямъ и деснамъ. Вначалѣ, на примѣръ, при искусственномъ вскармливаніи, резиновый сосокъ долженъ помѣщаться весь во рту; ребенокъ долженъ, вѣроятно, почувствовать вкусъ молока осязательно, прежде чѣмъ онъ его узнаетъ и утолитъ имъ голодь. Позже ребенокъ узнаетъ прикосновеніе искусственнаго соска къ губѣ или лицу, затѣмъ троганье бутылки руками, видъ бутылки, когда она бѣлая и наполнена молокомъ, видъ самой бутылки, далѣе видъ одного молока, видъ кастрюли, въ которой согрѣвается молоко, одѣваніе сал-

феточки и т. д., когда центръ перваго и самаго большаго интереса ребенка расширяется съ опытомъ. Медленно и неловко научается маленькій ребенокъ координаціи между приближеніемъ вещей ко рту и раскрываніемъ послѣдняго. Сахаръ, на примѣръ, долженъ сначала прикоснуться къ губамъ, затѣмъ быть схваченнымъ и отправленнымъ въ ротъ, затѣмъ увидѣннымъ и т. д. Когда мальчику *Б* дали яблоко, онъ не могъ сорвать кожицы; когда же съ одной стороны яблока срѣзали маленькій кусокъ кожицы, *Б* поднесъ его ко рту и водилъ имъ, какъ попало, вокругъ рта, пока губы не прикоснулись къ очищенному отъ кожицы мѣсту. Каждое желаніе сопровождается открываніемъ рта и движеніемъ рукъ, на второмъ и на третьемъ году поѣдаются грязь, уголь, мука и т. д.; ребенокъ тянется и къ большимъ и твердымъ предметамъ, кусаетъ ихъ и жуегъ.

Другой главный центръ самой ранней духовной жизни и интереса это—чувство свѣта. Правый глазъ мальчика *Б* въ теченіе пары дней открывался шире лѣваго, и по истеченіи болѣе двадцати четырехъ часовъ послѣ рожденія невозможно было распознать цвѣта глазъ у дѣвочки *Г*. Оба ребенка косили; координація отсутствовала; главное движеніе глазъ совершалось сначала вправо и влѣво и только слегка внизъ и вверхъ. Когда на второй день поставили лампу подъ угломъ въ 90 градусовъ въ сторонѣ, *Б* поворачивалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ глаза и затѣмъ голову къ лампѣ. Соотвѣтствующія движенія глазнаго яблока движенія верхней вѣки и головы вверхъ и внизъ появились у *Б* и *Г* позже, еще позже—движенія бровей. На первой недѣлѣ радужная оболочка реагировала на свѣтовое раздраженіе сокращеніемъ, но нельзя было констатировать никакого приспособленія къ близкому или далекому свѣту. При произвольномъ движеніи головы туда и обратно и при вращаніи глазами взоръ падалъ иногда случайно на очень свѣтлые предметы, и однажды (на первый день жизни) въ глаза *Б* попалъ прямой лучъ

солнечного свѣта. Дитя было поражено и выглядѣло испуганнымъ; оно отвернуло голову прочь, но, очевидно, не испытывало никакой боли. Такъ какъ оно не сознавало своихъ собственныхъ движеній, то, казалось, точно предметы или впечатлѣнія внезапно завладѣли его центральнымъ органомъ ощущеній. Когда его глаза или голова обращались отъ темнаго угла или темнаго предмета къ залитому солнечнымъ свѣтомъ окну, можно было часто наблюдать выраженіе неожиданности и иногда признаки страха. Послѣ свѣчи въ темномъ пространствѣ лицо матери было первымъ предметомъ, останавливавшимъ на себѣ удивленный, неподвижный взглядъ. Когда позже предметъ, на которомъ останавливался неподвижный взглядъ ребенка, откатывался дальше или падалъ со стола на полъ, онъ переставалъ существовать для ребенка; то же происходило, когда голова дѣлала внезапно боковое движеніе или предметъ закрывали кускомъ бумаги. Такъ *Б* и *Г* не могли найти своихъ рукъ и ногъ, если послѣднія исчезали изъ поля ихъ зрѣнія. Радужная оболочка вначалѣ несовершенна какъ по своему строенію, такъ и по своей дѣятельности, и зрѣніе приспособляется, вѣроятно, сперва къ близкимъ предметамъ и небольшой перспективѣ; разсматриваніе труднѣе и появляется позже простого зрѣнія. Прежде всего появляется способность фиксировать предметъ, затѣмъ (у дѣтей *Б* и *Г* на четырнадцатой и шестнадцатой недѣлѣ) способность слѣдить по всѣмъ направленіямъ за медленно движущимся предметомъ; теперь уже движенія глазъ, головы, вѣкъ и бровей координированы. Глазъ, рука, голова, тѣло—въ такомъ порядкѣ дѣти научаются двигать этими органами по направленію къ желаемому предмету. До пятнадцатой недѣли угрожающее движеніе руки вблизи глазъ *Б* не вызывало никакого морганья, тогда какъ послѣднее можно было вызвать въ очень ранній періодъ жизни ребенка прикосновеніемъ къ лицу въ пространствѣ вокругъ глазъ, но на большемъ отъ нихъ разстояніи. На пятидесятой недѣлѣ

мальчикъ пытался собрать большія буквы съ бумаги, на которой онѣ были напечатаны, немного позже онъ точно вдругъ сталъ понимать картины. Сумерки были ему въ теченіе первыхъ лѣтъ непріятны, ему становилось жутко; газовый свѣтъ дѣйствовалъ на него возбуждающе. На девятой недѣлѣ В не научился еще протягивать руку за желаемымъ предметомъ. Вначалѣ центръ движенія каждой руки или, такъ сказать, ея первоначальное положеніе находится, главнымъ образомъ, на ея собственной сторонѣ средней плоскости тѣла, но главный центръ для внѣшнихъ чувствъ развивается и опредѣляется медленно. Подъ этимъ обозначеніемъ я подразумѣваю тотъ пунктъ въ пространствѣ средней плоскости, на которомъ обѣ руки и зрѣніе могутъ лучше всего сочетаться для овладѣнія предметомъ. Этотъ пунктъ лежитъ нѣсколько ниже такъ называемаго первоначальнаго положенія глазъ, въ соотвѣтствіе съ которымъ нужно привести предметы, чтобы ихъ видѣть и въ то же время быть въ состояніи ихъ наилучшимъ образомъ ощупать, и при которомъ ребенокъ можетъ наилучше изучить отношенія между зрѣніемъ и осязаніемъ. Очень многія движенія рукъ и тѣла почти столь же неуклонно передвигаютъ предметы къ этому пункту, какъ раньше все подносилось ко рту.

Первыя движенія производятся, главнымъ образомъ, плечами и боками; локти, колѣни, руки и ноги слѣдуютъ позже. Когда затрудняли движеніе членовъ тѣла, ребенокъ обнаруживалъ большое неудовольствіе; наоборотъ, безцѣльное бросанье членовъ тѣла во всѣ стороны доставляло ему большое удовольствіе, при чемъ онъ до тѣхъ поръ трясъ глазами и носомъ и т. д., пока самъ не раздражался крикомъ. Новая, непривычная свобода движенія сейчасъ послѣ рожденія раздражаетъ и утомляетъ, вѣроятно, бодрствующихъ дѣтей, и за пеленаньемъ слѣдуетъ признать иногда не только терапевтическую, но и профилактическую цѣнность. Развитие функций, повидимому, происходитъ неправильно, и со-

вершается то по одному, то по другому направленію. Тщательно производимыя и не менѣе тщательно записанныя наблюденія надъ *B* и *G* привели меня къ заключенію, что существовали періоды, въ которыхъ преобладали симметрическія движенія рукъ и ногъ, и другіе періоды съ преобладаніемъ независимыхъ и несимметричныхъ движеній членовъ тѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль перваго полугода любимымъ движеніемъ ногъ было наступаніе на полъ пятками обѣихъ ногъ сразу, или прикладываніе пятокъ къ стѣнѣ или какому-нибудь вертикальному предмету; это было точно предварительное упражненіе, приспособленіе къ будущему давленію на ноги при ходьбѣ. У обоихъ дѣтей наблюдалось въ теченіе мѣсяцевъ предпочтительное употребленіе лѣвой руки, такъ что если привлекательный предметъ лежалъ на столѣ какъ разъ противъ нихъ и въ этотъ моментъ были свободны обѣ руки, то почти всегда предметъ схватывала лѣвая рука; однако позже оба ребенка перешли къ предпочтительному употребленію правой руки. Если этого требуетъ единство чувственныхъ впечатлѣній, нѣтъ основанія, почему бы кистямъ рукъ и рукамъ не научиться двигаться столь же симметрично или въ соотвѣтствіи одна съ другой, какъ глазнымъ яблокамъ; или почему бы послѣднія не могли двигаться такъ независимо другъ отъ друга, какъ руки или глаза тѣхъ животныхъ, у которыхъ глаза настолько отстоятъ одинъ отъ другого, что они располагаютъ двумя различными полями зрѣнія. Если бы рука могла схватывать предметы только рефлекторно и если бы она, прежде чѣмъ научается противопоставлять большой палецъ остальнымъ пальцамъ и подбирать маленькія вещи, пробовала достать желаемый предметъ при видѣ его, но при этомъ случайно касалась другого, можетъ быть совершенно отличнаго и отдаленнаго предмета, тогда она схватывала бы его рефлекторно и могла бы отпустить его, лишь употребивъ явное усиліе. Рука зацѣплялась бы за всѣ предметы.

на какіе бы наталкивалась по пути къ своей цѣли. Позже дѣти старались схватить все, что видѣли, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда усиліе часто казалось напраснымъ. Способность подносить руку къ тому мѣсту тѣла, на которомъ чувствовалось прикосновеніе, развивается медленно, и о тѣхъ частяхъ, къ которымъ труднѣе прикоснуться, ребенокъ знаетъ мало. Если двигать блестящій предметъ медленно, описывая кругъ назадъ, за голову сидящаго ребенка, онъ будетъ слѣдить за нимъ, поскольку въ состояніи поворачивать шею и глаза, а затѣмъ предметъ исчезаетъ изъ его поля зрѣнія. На седьмомъ мѣсяцѣ *B* научился внезапно поворачиваться въ другую сторону, но это было недостаточно далеко, и прошли мѣсяцы, пока онъ ознакомился съ пространствомъ позади себя, своей спины. Приведенный въ вертикальное положеніе ребенокъ часто поднималъ голову съ подушки; если его поднимали вверхъ, ему приходилось дѣлать много попытокъ, чтобы держать свою голову ровно, и только на девятой недѣлѣ ему удалось держать голову свободно, не уклоняясь отъ оси. При первыхъ усиліяхъ къ сидѣнію ребенокъ обыкновенно валился на сторону, стараясь при этомъ удержаться. При первыхъ попыткахъ къ ходьбѣ онъ падалъ большею частью впередъ, иногда назадъ и рѣдко въ сторону. Послѣ того, какъ онъ уже умѣлъ стоять и ходить, держась за стулья, за мебель и стѣны, немногіе первые свободные шаги имѣли большое значеніе. Локти широко раздвинуты, выраженіе лица неподвижно, удовлетвореніе въ концѣ путешествія — велико, какъ при первой смѣлой пробѣ плясуна на канатѣ. Однако передъ этимъ событіемъ *B* и *G* часто дѣлали во время игры автоматически и безсознательно нѣсколько шаговъ. Двѣ недѣли спустя послѣ первой произвольной или сознательной попытки къ хожденію *B* уже прошелъ почти четверть англійской мили (т.-е. 400 метровъ) сразу. Онъ отдавалъ, повинуюсь приказанію, вещи, которыя держалъ въ рукѣ, еще прежде,

чѣмъ былъ въ состояніи поднять ихъ. Онъ могъ вскарабкаться на стулъ, прежде чѣмъ умѣлъ повернуться и сѣсть на стулъ. Когда ему однажды захотѣлось отодвинуть подушку, онъ сначала перевернулъ ее и затѣмъ толкнулъ въ сторону; когда его посадили впервые на стулъ, который былъ выше его обыкновеннаго стула, онъ усиливался опустить сидѣніе на уровень своего прежняго стула, поплакалъ немного и затѣмъ упалъ внизъ. Онъ умѣлъ отдавать вещи, если его о томъ просили, задолго до того, какъ научился ихъ брать. Онъ могъ бѣгать и заставлялъ догонять себя, прежде чѣмъ умѣлъ догонять другихъ. Цѣлыя недѣли онъ все смѣшивалъ наклоненіе головы съ качаньемъ головы и съ подаваніемъ руки, когда его просили сдѣлать то или другое, какъ позже смѣшивалъ слова „господинъ“ и „госпожа“, „да“ и „нѣтъ“. Если онъ упрямился, и я просилъ его въ такую упрямую минуту отдать хлѣбъ, то онъ сначала механически повиновался, а затѣмъ отнималъ хлѣбъ и отталкивалъ мою руку, точно боялся, чтобы автоматическое повиновеніе не восторжествовало надъ произвольнымъ непослучаніемъ.

Подобно связи между зрѣніемъ и осязаніемъ, сочетаніе звуковъ голоса и слухового воспріятія пріобрѣтается медленно, и способность измѣнять ощущеніе съ помощью двигательнаго усилія появляется поздно. Слуховой путь не открытъ при рожденіи, но черезъ нѣсколько дней ребенокъ пугается при внезапномъ шумѣ и прислушивается въ первые мѣсяцы; скоро онъ начинаетъ обнаруживать большое удовольствіе при воспріятіи опредѣленныхъ шумовъ и большое неудовольствіе, даже страхъ, при возникновеніи шума иного рода. Первый тонкій однотонный крикъ, который поразительнымъ образомъ былъ у дѣвочки *G* тономъ ниже, чѣмъ у мальчика *B* и иногда продолжался минутъ тридцать, скоро дифференцируется, какъ только появляется ритмическое удареніе и перемѣна звуковъ. Черезъ нѣсколько дней можно уже услышать начальный стонъ, пискъ,

пыхтѣнье и вздохи, и скоро не трудно отличить одинъ отъ другого крикъ голода, боли, гнѣва и усталости. Крикъ—часто самое главное и лучшее упражненіе для укрѣпленія легкихъ и глотки, для согрѣванія тѣла послѣ купанья, для способствованія пищеваренію и т. д. Даже съ помощью фонетической регистраціи Белля или фонографа трудно было бы расклассифицировать первые звуки маленькаго ребенка. Переживанія удовольствія скоро поддаются большей дифференціаціи, чѣмъ переживанія страданія. Они—не подражанія, не представляютъ изъ себя ничего оноματοпоэтического, не заключаютъ въ себѣ никакого побужденія къ обмѣну мыслями, а чисто автоматичны. Каждый день появляются новые звуки и варіаціи. Я различалъ ихъ 63 у Б до достиженія имъ пяти мѣсяцевъ отъ роду и слышалъ однажды утромъ, когда онъ проснулся раньше обыкновеннаго и бодрый лежалъ въ своей колыбели почти 40 звуковъ и ихъ варіацій. Многіе изъ этихъ звуковъ, пріобрѣтшіе совершенно опредѣленное значеніе, издавала и дѣвочка G; у нея они сохранялись упорно-долгое время, послѣ того какъ другіе уступили уже мѣсто обыкновенной рѣчи; на примѣръ, „ар“ для выбрасыванія вещей; ahem— для обозначенія чего-нибудь хорошаго; „иуи“ для да; „eh“ для обозначенія чего-нибудь черезъ указаніе. Окружающіе понимали эти звуки очень хорошо и, можетъ быть, мать и прислуга слишкомъ предупредительно реагировали на нихъ, почему способность рѣчи и не развивалась быстрѣе. Позже всего появились гласныя і и еі и согласныя г и s. Событія и вещи были первыми предметами, получившими словесныя обозначенія. Пренія дѣтскія формы словъ сохранялись часто изъ привычки еще долго послѣ того, какъ пріобрѣталась способность произносить правильно слово, на примѣръ, ewibub—вмѣсто Elephant (=слонъ). Дѣти часто забавлялись тѣмъ, что создавали новыя слова, измѣняя во всевозможныхъ звукахъ высоту тона и удареніе и т. д.; имѣлось ли въ виду удовольствіе, доставляемое ушамъ,

удовольствіе для голоса или то и другое вмѣстѣ, я не могу сказать. Часто ребенокъ въ непрерывной болтовнѣ подражаетъ языку взрослыхъ, какъ позже онъ подражаетъ писанью, нацарапывая непрерывно карандашомъ каракули, прежде чѣмъ ознакомится съ буквами. Когда я просилъ ребенка повторить вслѣдъ за мной рядъ двухсложныхъ словъ, то онъ почти всегда повторялъ дважды первый слогъ, напримѣръ, вмѣсто Marie=wa-wa, при чемъ Г всегда говорила громко, такъ какъ это была здоровая дѣвочка съ сильнымъ голосомъ, yulie=du-du; little (маленькій)=ih-ih; blanket (постельное покрывало)=ba-ba; faster (крѣпче) = fa-fa; master (учитель) = ma-ma; pasture (лугъ) = pa-pa; naughty (непослушный, капризный)= pa-pa и т. д.; но она пыталась съ самаго начала различать всѣ эти слоги. Также въ односложной стадіи языка дѣти очень часто повторяютъ каждое слово. Новые звуки, модуляціи, ударенія, звуковыя метафоры и „протоплазмы языка“ въ общемъ очень многочисленны, и часто именно тогда наступаетъ періодъ большого безпокойства, когда обиходная рѣчь начинаетъ развиваться съ особенной быстротой и душа ищетъ спасенія въ языкѣ. Ни одна изъ новѣйшихъ теорій о происхожденіи языка не объясняетъ психогенезиса, ни одна не находитъ поддержки въ послѣднемъ. Даже выраженія: рефлекторный, автоматическій, междометный, онома-топоэтический недостаточны и не обладаютъ пояснительной силой. Можетъ быть, отдѣльный ребенокъ вкратцѣ повторяетъ въ своихъ стадіяхъ развитія исторію расы въ отношеніи языка, подобно тому, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ развитіе индивидуума повторяетъ вкратцѣ развитіе рода, но мы никогда не узнаемъ, въ какой степени и размѣрахъ, ибо такъ исторія расы никогда не можетъ быть написана. По другому общераспространенному взгляду, въ вырожденіи мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ порядкомъ ступеней развитія. Однако Прейеръ заходитъ слишкомъ далеко, отождествляя типическія ступени упадка и роста. Въ рѣчи ре-

бенка, учащагося говорить, онъ находитъ примѣры для всѣхъ формъ афазіи и лалопатіи, начиная съ едва замѣтнаго заиканья, парафазіи, ротацизма и вплоть до полной афазіи. Утвержденіе, будто у ребенка наблюдается алексія, апраксія, асемія, асимволизмъ и амнезія, и онъ медленно, точно въ процессъ выздоровленія, освобождается отъ дислаліи, паралаліи и лалопатіи, свидѣтельствуегь лишь о несовершенномъ наблюденіи надъ дѣтьми или надъ афатическими больными. Какъ показали Кларусъ и другіе, афазія у дѣтей отнюдь не есть процессъ возвращенія вспять. Остроумный опытъ Эльвейна составить азбуку междометій, попытка Рэсслера воспользоваться тѣмъ же элементомъ для обученія глухонѣмыхъ, классифицированные дѣтскіе словари Голдена и Галдемана, изслѣдованія Шульце или Кебера о порядкѣ въ развитіи гласныхъ и согласныхъ, далѣе глава у Прейера о языкѣ,—все это лишь предварительныя работы въ большой и новооткрытой области, которая одинаково многообѣщающа какъ для психологіи, такъ и для филологіи. Развитіе рѣчи у ребенка не совершается отъ легкаго къ трудному, соотвѣтственно съ нормой взрослога человѣка; наоборотъ, трудное и часто очень трудное можетъ предшествовать легкому. Ребенокъ образуетъ многіе звуки, не существующіе въ нашемъ языкѣ; затѣмъ наступаетъ вполне опредѣленный и очень интересный періодъ, когда изначальный языкъ индивидуума уступаетъ мѣсто пріобрѣтенному, традиціонному языку. Когда къ ребенку обращаются съ просьбой попробовать подражать языку взрослога человѣка, онъ смотритъ въ глаза, а не на ротъ говорящаго. „Сook“ = соокеу (пирогъ, пряникъ, пирожное), на примѣръ, стало наименованіемъ для всѣхъ хорошихъ, вкусныхъ съѣдобныхъ вещей; книгу, въ которой было изображеніе кошки, ребенокъ назвалъ „тіоu“ и продолжалъ называть такъ всѣ книги и даже катушку нитокъ. Это явленіе или процессъ широко обсуждался въ литературѣ объ апперцепціи. Фребель думаетъ, что, въ-

роятно, первое сознательное общеніе устанавливается тогда, когда мать приковываетъ къ себѣ впервые глаза своего маленькаго ребенка улыбкой, киваньемъ и пѣніемъ и щекочетъ его подбородокъ, пока ребенокъ не начинаетъ впервые и очень неловкимъ образомъ смѣяться и извиваться всѣмъ тѣломъ отъ радости. Дитя скоро обнаруживаетъ самосознаніе, когда чувствуетъ на себѣ взгляды другого лица, и проявляетъ часто самое настойчивое желаніе быть объектомъ наблюденія; въ опредѣленный періодъ своей жизни оно неизмѣнно призываетъ мать, няню или куклу, по крайней мѣрѣ, въ свидѣтели и зрители всего того, что оно дѣлаетъ. Влеченіе разговаривать съ кѣмъ-нибудь и говорить, чтобы другіе слушали, является гораздо позже, но тогда уже носить часто характеръ столь же сильной страсти. У обоихъ дѣтей замѣчалась вполнѣ выраженная склонность прислушиваться къ разговору взрослыхъ, даже просто, какъ къ шуму, еще до того, какъ они стали понимать слова. Далѣе упомяну о замѣчательной стадіи въ развитіи ребенка, когда многочисленные раньше жесты и особенныя подчеркиванія и ударенія, сопровождавшіе дѣтскую рѣчь, начали сокращаться, какъ только слова, какъ таковыя, оказывались достаточными. Употребленіе мѣстоименія „я“ вмѣсто мѣстоименія „онъ“ или „она“ было установлено и у *B*, и у *G* до конца третьяго года. „Я“ предшествовало „меня“, и оба предшествовали мѣстоименію „ты“.

Кожа казалась при рожденіи очень чувствительной и тѣснѣйшимъ образомъ связанной въ своей дѣятельности съ тѣлесными чувствами и соощущеніями. Осязаніе является, повидимому, первымъ, и изъ него развиваются другія внѣшнія чувства; оно нѣчто въ родѣ примитивнаго языка. Чувствительность кожи къ мокротѣ, теплотѣ, тренію, незначительнымъ пораненіямъ и т. д. чрезвычайно велика, — точно кожные нервы развиваются и концентрируются, прежде чѣмъ кожа, вслѣдствіе роста тѣла, растягивается. Нѣсколько капель холодной

воды вызываютъ въ теченіе первыхъ дней жизни большій испугъ, чѣмъ внезапное раздраженіе какого-нибудь другого чувства; позже внезапное прикосновеніе вызывало часто вздрагиванье. Ничто не производило на *Б* и *Г* такого быстрого усыпляющаго дѣйствія, какъ легкіе и все замедляющіеся и ослабѣвающіе удары по плечу рукою матери или няни. Слишкомъ продолжительное ношеніе ребенка на рукахъ, ласканье, поглаживанье и даже купанье легко утомляетъ; особенно вредно дѣйствуетъ щекотанье. Познаніе вещей глазами ненадежно и обманчиво и должно найти подкрѣпленіе и, какъ бы сказать, реализацію со стороны осязанія. Руки и ноги ребенокъ принимаетъ за предметы, которыми можно забавляться, какъ всякими другими вещами; такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кожа не познается какъ граница тѣлеснаго „я“. Если обратиться къ ребенку въ извѣстной стадіи его развитія съ приказаніемъ: „дай сюда ногу“, онъ попытается поднять и протянуть свою собственную ногу, точно бы она была яблоко; Перэ наблюдалъ, какъ его ребенокъ въ возрастѣ двадцати двухъ мѣсяцевъ предлагалъ пищу собственной ногѣ. Было бы интересно изслѣдовать, какіе предметы ребенокъ узнаетъ въ темнотѣ съ помощью одного осязанія.

Большая часть самопроизвольныхъ забавъ у маленькихъ дѣтей способствуетъ очевидно координаціи ихъ внѣшнихъ чувствъ между собой и съ движеніями и является поэтому самовоспитаніемъ самаго чистаго и быстрого типа. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ лишь одно изъ внѣшнихъ чувствъ, тамъ достигается недостаточное знаніе: послѣднее требуетъ для полноты параллакса двухъ или больше внѣшнихъ чувствъ. Какъ-то въ началѣ второго года жизни *Б* сидѣлъ на полу и въ теченіе пятнадцати минутъ ронялъ вилку пятьдесятъ два раза; въ другой разъ онъ ударялъ въ доску деревяннымъ молоткомъ сорокъ два раза, и каждый разъ, какъ раздавался шумъ, у него сверкали отъ удовольствія глаза. У *Г* не было такой жажды шума, которая у *Б*

влекла за собой и „жажду свѣта“; послѣдняя бываетъ у слѣпыхъ дѣтей и понуждаетъ ихъ тереть глаза, вслѣдствіе потребности въ раздраженіи зрительнаго нерва. Какъ тѣлесный ростъ ребенка не совершается во всѣхъ направленіяхъ одинаково, а концентрируется то на одной, то на другой функціи, то ускоряется, то замедляется или совершенно пріостанавливается, такъ появляются вдругъ изъ неизвѣстнаго источника привычки, становятся непреодолимо сильными, а затѣмъ отмираютъ, не оставляя по себѣ никакого слѣда, исключая, можетъ быть, лучшаго развитія той или другой функціи; такимъ образомъ появляются и исчезаютъ игры и предметы игръ, какъ моды у взрослыхъ людей. Одинъ разъ все, что можно удержать въ рукѣ, бросается съ размаху на полъ или ребенокъ колотитъ имъ о другіе предметы, или въ другой разъ стремится выбросить все, что попадется подъ руки, черезъ окно. Игра съ двухколесной телѣжкой была самой необузданной и продолжалась въ общемъ многіе годы. Другой видъ игры: все устанавливалось въ ряды: стулья, скамеечки для ногъ, книги, куклы, камни, кухонная посуда, туалетныя принадлежности, блоки, оловянные солдатики и даже кусочки бумаги, — словомъ, все, что могло образовать рядъ одинаковыхъ или неодинаковыхъ вещей, особенно, если ихъ можно было сдвинуть плотно концами или соединить, или потянуть, чтобы получилось подобіе поѣзда желѣзной дороги. Страсть мальчика къ животнымъ равна страсти дѣвочки къ кукламъ. Въ присутствіи *В* для него изготовили слона изъ сѣраго сукна, набили его бумажными отребьями, вмѣсто глазъ пришили двѣ пуговицы, и слонъ сталъ почти неразлучнымъ спутникомъ *В*, который не разставался съ нимъ ни въ постели, ни на прогулкѣ и т. д. Слонъ долженъ былъ стоять подлѣ него, чтобы смотрѣть на его игры, былъ его лошадыю, собакой, локомотивомъ и головной подушкой; такъ продолжалось до минованія трехлѣтняго возраста. *В* любилъ большія игрушки, а *Г* — милыя на видъ и обыкновенно ма-

ленькія. Въ теченіе короткаго времени прямой желѣзній печной крюкъ исполнялъ роль куклы и пользовался особенной любовью. Новое удовольствіе возникло въ связи съ разслѣдованіемъ содержанія всякихъ мѣшковъ и кармановъ рукой, ибо для глаза они оставались недоступными. У *Б* была сильная страсть—впрочемъ, онъ скоро освободился отъ нея—разрывать бумагу, вертѣть колесо, раскрывать и запираť ворота и двери, вкладывать маленькія вещи въ большія, напрімѣръ, опускать сорванныя полевыя маргаритки и головки клевера въ ведро или закапывать ихъ въ песокъ.

Утомленіе обнаруживалось въ ускоренной перемѣнѣ настроенія, въ плохомъ настроеніи и т. д. и часто смягчалось съ перемѣщеніемъ въ темную комнату или темное пространство; ребенокъ любилъ забираться одинъ въ обыкновенную дѣтскую кроватку, откуда онъ не могъ выпасть, и игралъ здѣсь цѣлый часъ, забавляясь самыми простыми, старыми игрушками; это случалось, когда ему пріѣдались всѣ развлеченія и искушенія дѣтской комнаты. Вплоть до поступленія въ школу и даже уже въ школьный періодъ *Б* обнаруживалъ въ томъ или иномъ направленіи большее послушаніе, повиновался охотнѣе и радостнѣе, и точнѣе выполнялъ приказанія, если иногда во время игры его поднимали и уносили или уводили: простое приложеніе мускульной силы отца оказывало на него цѣлительное моральное воздѣйствіе. Совершенно такъ, какъ существуютъ физическіе ряды развитія (напрімѣръ: сосать, кусать, жевать, лизать или сидѣть, ползать, стоять, ходить, бѣгать, прыгать, скакать или двигать руками, хватать, удерживать, противопоставлять большой палець другимъ и т. д.), такъ существуютъ и моральные ряды; они опредѣляются особенностями и побужденіями матери еще до рожденія ребенка, заложены въ его инстинктъ, послѣдующее развитіе котораго часто столь же чудесно, какъ и развитіе самого ребенка, и намѣчаются въ теченіе долгаго промежутка времени, когда бытіе ребенка представляетъ

осуществленіе всевозможныхъ желаній, въ первоначальномъ языкѣ чувства осязанія ритма, движеній и т. д. *Б* ненавидѣль купаться въ холодной водѣ; поэтому няня старалась отвлечь его вниманіе болтовней и всевозможными другими средствами, но сама обращала вниманіе на каждый его крикъ. Какъ-то разъ его купалъ отецъ, который оставался все время спокойнымъ и не обращалъ вниманія на его крики. *Б* кричалъ вначалѣ, какъ обыкновенно; затѣмъ его поразило, что никакія изъ его проявленій не имѣли обычнаго воздѣйствія, и послѣ трехъ дней онъ подчинился безъ плача. Онъ любилъ шутя притворяться на всяческіе лады непослушнымъ, поскольку у него хватало смѣлости. Приказаніе сдѣлать это и не дѣлать того казалось ему сначала родомъ мучительства, длыщагося, однако, лишь одинъ моментъ. Вначалѣ онъ понималъ приказаніе такъ, точно его нужно было соблюдать только нѣсколько секундъ, и лишь постепенно, съ развитіемъ представленій времени, онъ научился оказывать послушаніе приказанію въ теченіе болѣе долгихъ промежутковъ времени. Представленіе о цѣломъ днѣ, о завтрашнемъ днѣ и т. д. никогда не появляется очень поздно, и память ребенка кажется вначалѣ продолжительностью въ одинъ моментъ, затѣмъ въ одинъ часъ, мѣсяць и очень поздно уже кажется обнимающей всю жизнь. То же происходитъ и въ отношеніи представленія пространства; повинovenіе дѣтей, казалось, соотвѣтствовало часто квадрату разстоянія или силѣ голоса, однако въ общемъ *Г* была гораздо менѣ послушна, чѣмъ *Б*. Оставляя совершенно въ сторонѣ перемѣну настроенія, кажется, будто непокорность, строптивость и дикость (у *Б* она сказывалась въ убѣганіи, дѣйствіяхъ вопреки знакомымъ запрещеніямъ, въ любви къ новому, въ нетерпѣнни при игрѣ въ слишкомъ знакомыя игры и т. д.) носятъ характеръ, неожиданныхъ вспышекъ, появляясь внезапно, подобно новымъ привычкамъ. Недопустимость запрещенныхъ дѣйствій объяснялась ребенку произнесеніемъ словъ

„нѣтъ-нѣтъ“, при чемъ говорящій слегка ударялъ ребенка по щекамъ; вскорѣ достаточно стало одного прикосновенія и словъ „нѣтъ-нѣтъ“, затѣмъ однихъ словъ „нѣтъ-нѣтъ“, затѣмъ присутствія и вниманія отца, затѣмъ „нѣтъ-нѣтъ“ матери и т. д. Когда ребенокъ началъ понимать „нѣтъ-нѣтъ“, эти слова какъ бы прекращали отношеніе къ существующему и вызывали обыкновенно стремленіе и желаніе цѣловаться и помириться. Если Г плакала и отецъ или мать улыбались ей, то въ звукахъ голоса происходилъ удивительный конфликтъ—то былъ полуплачь, полусмѣхъ, и черезъ нѣсколько моментовъ настроеніе измѣнялось совершенно и оставался одинъ смѣхъ. Почти такая же перемена происходила, когда плачущую Г просили запѣть; эту веселую шутку она понимала. Долгое время Г не могла оставаться ни минуты безъ матери или няни; она не умѣла занимать себя и не могла переносить, чтобы запирали двери и оставляли ее одну; для нея это было равносильно изгнанію изъ рая. Пребываніе на воздухѣ было для нея самымъ большимъ удовольствіемъ. Разстояніе, на которое Г позволяла себѣ удаляться отъ чернаго хода, чтобы добраться до дверей, въ которыхъ стояла няня, не оглашая при этомъ воздухъ криками, было обратно утомленію и находилось въ прямомъ отношеніи къ росту, силѣ и хорошему настроенію. Впечатлѣнія отъ новаго, непривычнаго крытаго пространства, казалось, превосходили впечатлѣнія отъ природы. Первый интересъ былъ обращенъ только на близкіе предметы, отдаленные же предметы едва ли существовали для ребенка. Онъ не узнавалъ на небольшомъ разстояніи своихъ родителей, даже когда на нихъ не было ни шляпы, ни шапки, измѣняющихъ внѣшній видъ; вначалѣ у него даже отсутствовало представленіе, что нужно возвысить голосъ, чтобы быть услышаннымъ на небольшомъ разстояніи; позже, наоборотъ, ребенокъ чрезвычайно повышалъ голосъ, когда говорилъ даже на маломъ разстояніи.

Бросались въ глаза еще слѣдующія различія между *Б* и *Г*. Дѣвочка очень рано почувствовала все значеніе чистаго платья, особенно бѣлаго, и одѣтая въ бѣлое вела себя образцово. Ничего подобнаго не наблюдалось у *В*. *Г* любила изящныя, тонкія и особенно мягкія вещи и была очень привязана къ своей головной подушкѣ, говорила свободнѣе *Б*, любила гораздо больше его, чтобы ее носили, забавляли, возили, вообще предпочитала всѣ пассивныя состоянія, мало интересовалась далекими вещами, даже подвижными, и предметами, дававшими исключительно зрительныя впечатлѣнія; она была привязана почти только къ вещамъ, непосредственно окружавшимъ ее. Проходило долгое время, пока *Г* пріучалась къ новымъ играмъ и игрушкамъ и испытывала отъ игры удовольствіе. Она постоянно болтала автоматически обо всемъ, что видѣла, дѣлала или переживала на себѣ отъ дѣйствія другихъ лицъ, болтала даже тогда, когда ея вниманіе было занято другими впечатлѣніями. Эта привычка говорить механически о томъ, что она дѣлала, часто направляла ея вниманіе на запрещенныя дѣйствія. Когда *Г* такимъ образомъ вполне пріучалась къ ряду дѣйствій, она неустанно повторяла ихъ, тогда какъ *Б* все старое надоѣдало, и онъ постоянно искалъ новаго. *Г* больше подчинялась вліянію общей среды, менѣе интересовалась какими-нибудь особенными вещами, не производила между ними выбора, чтобы остановиться на нихъ вниманіе, относилась ко всѣмъ игрушкамъ съ большою нѣжностью и никогда не уничтожала послѣднихъ подобно *Б*. У нея не было такого интереса къ рассказамъ, какъ у *Б*; она не могла такъ долго останавливаться на одномъ предметѣ, но лучше подражала словамъ и дѣйствіямъ; интересъ ея къ краскамъ возникъ раньше и былъ сильнѣе, чѣмъ у *Б*. Барабанный бой можно считать первымъ представленіемъ о дѣйствіи на разстояніи, а наблюденіе надъ дѣйствіемъ шнурка, напимѣръ, при вытаскиваніи часовъ изъ кармана отца при помощи цѣпочки,—первымъ представле-

ніемъ о причинѣ; оба эти представленія Г поняла раньше В. Г была автоматичнѣе, консервативнѣе и симпатичнѣе В; звуки ея голоса и слова всегда были менѣе грубыми и подчеркнутыми.

Долгое время нельзя было замѣтить ни слѣда воли. Самый сильный шумъ, самый яркій свѣтъ, самое рѣзкое движеніе всегда притягивали къ себѣ вниманіе, и приблизительно одинаково легко было направить вниманіе и интересъ отъ одного къ другому. Каждое движеніе казалось или автоматическимъ, или рефлекторнымъ, и весь объективный міръ, казалось, велъ очень туманное и перемежающееся существованіе. Внѣшній міръ прекращалъ для ребенка свое существованіе, когда усталость и болѣзненное безпокойство приводили ко сну, который заполнялъ вначалѣ девять десятыхъ всего времени; и при самопроизвольномъ крикѣ міръ внѣ-субъективныхъ ощущеній ребенка исчезалъ и переставалъ существовать для него. Различныя ощущенія развивались, какъ казалось, изъ общаго чувства, и міръ зрѣнія и осязанія слуха и рѣчи, движенія и т. д. развѣтвлялся постепенно въ различныя системы предметовъ, и различныя чувства переплетались между собой, подобно нѣжнымъ вѣтвямъ густыхъ кустовъ. Стремиться здѣсь къ точнымъ распознаваніямъ и говорить о соединеніи многихъ „я“, представлять себѣ рѣзкія границы между сознательнымъ и безсознательнымъ, „я“ и „не-я“, мышленіемъ и рѣчью, *argiōi* и *aposteriōi*—въ томъ смыслѣ, точно въ этихъ старыхъ, правильно возвращающихся спорныхъ вопросахъ можно рѣшительно стать на одну сторону въ противоположность къ другой—невозможно и бессмысленно. Здѣсь скорѣе предстоитъ найти новую формулировку проблемъ. Сложность дѣтской природы уже въ первые три года поразительна, и только усердное сравненіе многихъ спеціальныхъ и тщательныхъ наблюденій можетъ дать цѣнные результаты.

Большинство изъ самыхъ цѣнныхъ наблюденій надъ

маленькими дѣтьми продолжаются до третьяго года или до конца его и затѣмъ обрываются. Внѣшнія чувства наполнили духъ впечатлѣніями отъ главныхъ и побочныхъ свойствъ матеріи; различныя ощущенія и вначалѣ независимые рефлексы координируются между собой, и изъ автоматизма возникаетъ воля. Относительно второго трехлѣтія жизни ребенка собрано мало тщательныхъ и спеціальныхъ наблюдений. Дѣтская жизнь во второе трехлѣтіе становится уже для отдѣльныхъ наблюдателей слишкомъ сложный. Но для педагогики именно наблюденія надъ дѣтьми школьнаго возраста чрезвычайно важны въ практическомъ отношеніи.

III.

Дѣтская ложь ¹⁾.

Въ послѣдніе годы нѣсколько учительницъ, не найдя даже въ лучшей этической литературѣ ни теоретическихъ данныхъ, ни практическихъ совѣтовъ относительно дѣтской неправдивости, сами сдѣлали первые шаги для пріобрѣтенія собственными силами здраваго и самостоятельнаго взгляда на фактическую сторону вопроса. Дѣло идетъ специально о нѣкоторыхъ формахъ дѣтской лживости, которыя весьма распространены, болѣе или менѣе терпимы и тѣсно связаны съ современными условіями школьной жизни. Учительницы разработали предварительно опредѣленный планъ и неуклонно руководствовались имъ какъ при наблюденіяхъ надъ отдѣльными дѣтьми, такъ и въ разспросахъ ихъ объ ихъ идеалахъ и хитрыхъ продѣлкахъ и о таковыхъ же явленіяхъ у ихъ школьныхъ товарищей. Собраны свѣдѣнія о почти трехстахъ дѣтяхъ (живущихъ въ городѣ) обоего пола, въ большинствѣ случаевъ въ возрастѣ между двѣнадцатью и четырнадцатью годами. Учительницы выбирали обыкновенно среднихъ дѣтей, типичныхъ представителей даннаго возраста и подвергали ихъ разспросамъ въ дружеской бесѣдѣ, стараясь избѣжать какого бы то ни было насилія надъ дѣтской совѣстью. Вслѣдствіе характера самого предмета, различныхъ степеней интереса, который представляютъ отдѣльные отчеты, и даже различій въ ихъ надежности—вѣдь собирались воедино взгляды и опытъ многихъ

¹⁾ Childrens's Lies (American Journal of Psychology, January 1890).

учащихъ—едва ли возможно обработать добытые результаты въ видѣ статистической таблицы. Но мы надѣмся, что общее изложеніе ихъ при распредѣленіи на группы, на которыя они естественно распадаются, принесетъ свою пользу мыслящимъ родителямъ и педагогамъ, а также психологамъ.

I. Исслѣдователи не встрѣтили дѣтей, совершенно лишенныхъ высокихъ идеаловъ правдивости. Самая низшая ступень нравственнаго развитія представлена приблизительно двѣнадцатую дѣтьми; они видѣли нѣчто ужасное въ каждомъ уклоненіи отъ буквальной правды и не дѣлали различія между малой или большой вынужденной ложью и самой наглой намѣренной или ненамѣренной ложью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это духовное состояніе было, вѣроятно, искусственнымъ и притворнымъ, въ другихъ же настолько невротично, что невозможно было добиться положительнаго отвѣта безъ оговорокъ: даже къ простому „да“ и „нѣтъ“ ребенокъ присовокуплялъ мысленно или шопотомъ, или—въ двухъ случаяхъ—громко: „я думаю“ или „можетъ быть“. Это состояніе, встрѣчающееся также среди взрослыхъ при болѣзненныхъ настроеніяхъ совѣсти, мы будемъ называть псевдофобіей, или страхомъ лжи, и отнесемъ къ другимъ многочисленнымъ видамъ болѣзненнаго страха, тяготящаго надъ необразованными людьми, лишенными внутренней точки опоры. Одинъ мальчикъ слышалъ, что повтореніе сто разъ или больше слова „не“ въ уединенномъ мѣстѣ вызываетъ чудо; и онъ повторялъ его съ робкой надеждой, что слово это проникнетъ какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ въ записи Бога, касающіяся его многочисленныхъ прошлыхъ и будущихъ лживыхъ разказовъ, очистить ихъ отъ лжи и сниметъ съ него вину. Другой мальчикъ долго боялся, что онъ, подобно Ананію и Сапфирѣ, вдругъ упадетъ замертво въ наказаніе за случайную и, можетъ быть, безсознательную ложь. Какъ въ варварскихъ странахъ многочисленные преступленія наказываются смертью, хотя

у преступниковъ признають различныя степени испорченности, такъ и у дѣтей неточная передача, хотя и отличающаяся отъ грубой неправды, считается ложью, хотя бы безсознательной. Это моральное суевѣріе объяснялось, повидимому, въ большинствѣ случаевъ антипедагогическимъ смѣшеніемъ моральнаго и религіознаго преподаванія или господствомъ дома или въ воскресныхъ школахъ нежелательныхъ вліяній; но оно встрѣчается, къ счастью, рѣдко; это—явленіе преходящее, которое, не имѣя никакой внутренней связи съ дѣтской натурой, вѣроятно, исчезаетъ само собой. Тамъ же, гдѣ моральное суевѣріе становится хроническимъ, оно создаетъ склонность къ лжемудрствованію и хитроумію, логолатрію или придирчивость къ словамъ, какъ постоянную привычку: дѣти прибѣгаютъ иногда совершенно систематически ко всевозможнымъ прикрасамъ, уловкамъ и уверткамъ, которыя могутъ принять рѣшительно болѣзненный характеръ. Уже въ самомъ началѣ посѣщенія школы подавляющее большинство дѣтей безъ помощи взрослыхъ различаетъ между намѣренно и ненамѣренно лживыми рѣчами, но тѣмъ не менѣе разъясненіе со стороны взрослыхъ, ясное и тактичное, несомнѣнно способно оказать хорошія услуги развитію здороваго нравственнаго сознанія. Весьма желательны дальнѣйшія сообщенія о такого рода типахъ съ сохраненіемъ подробностей и съ упоминаніемъ о причинахъ, способахъ лѣченія и т. д.

II. Совершенно противоположна этому состоянію ложь, какъ средство осуществленія благородныхъ цѣлей; она гораздо болѣе распространенное явленіе, чѣмъ моральное суевѣріе; мы можемъ назвать ее героической ложью. Всѣ дѣти восхищаются сильными мальчиками, которые прибѣгаютъ къ ложнымъ признаніямъ, чтобы взять на себя наказанія за проступки болѣе слабыхъ товарищей, или—дѣвочками, которыя, сознавая себя любимицами учителей или родителей или владѣя искусствомъ лести, берутъ на себя вину своихъ менѣе счастливыхъ подругъ. Такія положенія, особенно въ родѣ послѣдняго, встрѣ-

чались часто, и такой образъ дѣйствія всегда находилъ одобреніе, хотя часто съ довольно формальными ограниченіями. Въ одномъ случаѣ со слѣдами идеализаціи героизмъ проявился во всемъ блескѣ, и милая ложь искупителя грѣховъ вовсе не воспринималась какъ ложь. Однажды учительница рассказала своимъ тринадцатилѣтнимъ ученицамъ исторію одной французской дѣвушки изъ временъ Коммуны. Изъ-за какого-то ничтожнаго обвиненія дѣвушку эту присудили къ смертной казни. Когда ее вели на казнь, она столкнулась со своимъ женихомъ. Боясь, чтобы близкое знакомство съ ней не оказалось въ глазахъ ея палачей злостной уликой противъ молодого человѣка, она холодно отвѣтила на его отчаянные крики: „Господинъ, я васъ не знаю!“ и одинокой пошла на смерть. Учительницѣ было тяжело назвать слова героической дѣвушки ложью: вѣдь фактъ лжи блѣднѣлъ передъ подвигомъ героизма и любви. У дѣтей есть здоровый инстинктъ, помогающій имъ понимать моральныя положенія въ ихъ цѣломъ. Они также не остаются безчувственными къ тому живому и подчасъ трагическому интересу, съ какимъ всѣ люди во всѣ времена и въ жизни, и въ литературѣ относились къ такимъ положеніямъ, которыя характеризуются конфликтомъ обязанностей. Нормальный ребенокъ чувствуетъ героизмъ необъяснимаго инстинкта самопожертвованія гораздо раньше и гораздо острѣе, чѣмъ онъ въ состояніи оцѣнить возвышенность истины. Дѣти приводили часто и со многими варіаціями теоретическіе и воображаемые примѣры этого рода. Они объявляли, на примѣръ, что если бы отъ этого зависѣла жизнь ихъ матери, они солгали бы, увѣряя объ ея отсутствіи въ то время, когда она находилась бы дома. Они облекали даже подобное возможное событіе въ очень драматическую форму, прибавляя иногда: это не вполне хорошо, но такой поступокъ былъ бы нашей обязанностью, или: ради спасенія собственной жизни мы не прибѣгли бы ко лжи. Нѣкоторые указывали на то, что и врачъ ради

успокоенія слишкомъ мнительной больной или близкаго друга послѣдняго можетъ сказать, что есть еще надежда на выздоровленіе, особенно, если онъ полагаетъ, что и больной, и его другъ носятъ съ такой надеждой, хотя у него самого нѣтъ никакой. Поставленные лицомъ къ лицу съ такими случаями и примѣрами, совѣстливые родители или учителя приходятъ слишкомъ легко въ замѣпательство и колебаніе, такъ какъ они боятся, какъ бы,—хотя цѣль очень благородна и вынужденная ложь или поводъ къ ней вначалѣ совершенно незначительны,—не послѣдовала затѣмъ худшая ложь изъ-за болѣе низкихъ побужденій. Особенная готовность и веселость, съ которой дѣти описываютъ часто такія положенія, объясняется слѣдующимъ образомъ: они сознаютъ совершающееся при этомъ освобожденіе отъ довольно докучливаго чувства связанности универсальной, строго буквальной, не признающей никакихъ различій правдивостью; въ глубинѣ души очень часто скрывается стремленіе найти извиненіе для менѣе простибельной лжи. Учитель можетъ, увеличивая число такихъ случаевъ, анализируя ихъ или удѣляя имъ слишкомъ большое вниманіе, развитъ въ ребенкѣ болѣзненное этическое самосознаніе и преждевременную зрѣлость. Какъ показываетъ исторія педагогики, онъ можетъ даже сдѣлать дѣтей казуистами, серьезно разсуждающими о великихъ нравственныхъ силахъ, которыя позже всѣхъ другихъ призываются къ тому, чтобы поучать или радовать людей. Нѣтъ двухъ одинаковыхъ дѣтей, и нѣтъ двухъ одинаковыхъ нравственныхъ положеній. Здѣсь наука о человѣкѣ стоитъ передъ проблемами, все еще слишкомъ сложными для формулированія; взрослый человѣкъ поистинѣ еще мало чему можетъ научить ребенка въ этихъ вещахъ; поэтому бесѣда и вліяніе и даже обученіе должны ограничиться опредѣленными единичными случаями и не впадать въ обобщенія. Специально педагогическое использованіе такихъ случаевъ должно быть въ общемъ, какъ намъ кажется, слѣдующимъ. Если ре-

бенокъ, дѣйствительно, заинтересованъ тѣмъ, что ему представляется конфликтомъ между правдивостью и другими обязанностями, его нужно довѣрить внутреннимъ указаніямъ его собственной совѣсти. Это особенно благопріятный случай для обнаруженія необходимости тайнаго личнаго суда, гдѣ рѣшающей инстанціей являются личныя нравственныя убѣжденія; только такой судъ научаетъ людей приспособляться къ новымъ этическимъ положеніямъ и средѣ.

III. У большинства дѣтей, какъ у дикарей, правдивость находится подъ значительнымъ вліяніемъ личныхъ симпатій и антипатій. Во многихъ случаяхъ едва можно было добиться съ ихъ стороны признанія чего-нибудь дурнаго въ той лжи, которую они сказали по наущенію отца, матери или друга. Дѣти часто настаивали долго на своихъ явно-подозрительныхъ утвержденіяхъ и признавались только, когда имъ ставили вопросъ, сказали ли бы они то же своимъ матерямъ, если бы тѣ по внезапной причинѣ находились при смерти. Чаше всего повторялись такіе случаи: въ отвѣтъ на вопросъ друга, не находить ли товарищъ то-то и то-то—что послѣднему на самомъ дѣлѣ не особенно нравилось—очень красивымъ или прекраснымъ, ребенокъ находилъ невѣжливымъ отвѣтить отрицательно и выходилъ изъ затруднительнаго положенія, говоря: „довольно красиво“ или „да, ничего себѣ, красиво“; на вопросъ же чужого ученика онъ отвѣтилъ бы безъ колебанія то, что думалъ, и не насилывалъ бы своей совѣсти. По имѣвшемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу, дѣвочки были болѣе склонны ко лжи этого рода, чѣмъ мальчики. Мальчики не отступаютъ отъ заранѣе условленной между собой лжи, чего нельзя утверждать о дѣвочкахъ, которыя „наговариваютъ“ на другихъ, выдаютъ одна другую, вслѣдствіе „увѣренности, что все, все равно, обнаружится“ или „все равно кто-нибудь да выдастъ“; мальчики легче дѣвочекъ признаются въ мелкихъ воровскихъ проступкахъ и, застигнутые на мѣстѣ преступленія, скорѣе дѣвочекъ

чистосердечно рассказывают обо всем случившемся. У девочек это вопрос личного интереса, поскольку этикет может грешить против истины ради избежания невѣжливости или оскорбления чувств другого лица. Гораздо труднее для всех детей обмануть любимого учителя. Дружба между детьми укрепляется чистосердечным доверием и общанием не выдавать тайн, точно так же, как взрослые при действительной склонности друг к другу желают узнать один другого всецѣло безъ переоцѣнки или лести, желают служить друг другу опорой. Притворяться или скрывать что-либо отъ священника, особенно же отъ Бога, считается обыкновенно однимъ изъ самыхъ худшихъ проступковъ. Съ другой стороны, съ уменьшеніемъ дружбы общанія не говорятъ ничего утрачиваютъ силу обязательства. Чужимъ детямъ, особенно очень навязчивымъ, дозволяется отвѣтить съ нѣкоторою холодностью: „Я не знаю“, когда думаешь: „Тебѣ нѣтъ до этого дѣла“. Дети говорятъ, будто не пойдутъ въ то мѣсто, куда предполагали идти, чтобы избежать такимъ образомъ нежелательной компаніи, и обманываютъ недруга, прибѣгая къ самой изобрѣтательной лжи и хитрости. „Правда для нашихъ друзей и обманъ по отношенію къ врагамъ“,— вотъ практическое, хотя и не вполне ясно сознаваемое правило, котораго придерживаются дети, нецивилизованные и даже цивилизованные народы въ широкихъ размѣрахъ. Дети—жители деревень, доступнѣе долгой и тѣсной дружбѣ, по отношенію же къ чужимъ проявляютъ бѣльшую робость и большее недоверіе. Чувство личной преданности къ тѣмъ, кто служить объектомъ удивленія и поклоненія, такъ сильно, что оно не только породило множество разновидностей услугъ, оказываемыхъ младшими учениками старшимъ, но и побуждаетъ детей ошибочно считать хорошимъ и истиннымъ все то, что нравится ихъ идолу. Когда фавориты детей желаютъ или допускаютъ, чтобы послѣднія лгали или обманывали въ ихъ интересахъ, какъ

того требуют иногда ложные кодексы; далѣе, когда даются чрезмѣрные обѣщанія или увѣренія, которыхъ или вовсе нельзя сдержать, или лишь при большихъ нравственныхъ жертвахъ; или когда сообщается слишкомъ много тайнъ, которыя часто можно уберечь лишь черезъ всевозможные обходы правды, тогда дѣтей просто готовятъ къ многообразнымъ порочнымъ комбинаціямъ зрѣлой жизни. Съ другой стороны, именно столь сильный у дѣтей инстинктъ личной вѣрности породилъ у большинства людей чувство вѣрности къ Богу и даже зависимости отъ научной истины. Много времени прошло, пока человѣчество познало возвышенность той правдивости, которая не принимаетъ во вниманіе интересовъ личности. Наилучшимъ коррективомъ противъ этой общей склонности дѣтей является, по нашему мнѣнію, обученіе естественнымъ наукамъ; его моральная необходимость и полезность взываютъ въ пользу его расширенія и углубленія. Но учителя маленькихъ дѣтей необходимо должны принимать во вниманіе ихъ дружеское расположеніе къ товарищамъ и изучать особенно характеръ вожаковъ и фаворитовъ и стремиться вліять на него, а также быть любимымъ всѣми; пусть не забываютъ, что дѣти съ дурными друзьями находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ дѣти безъ друзей, и что они при случаѣ навѣрное окажутся болѣе надежными почитателями великихъ вещей, ибо они вѣрили въ дорогихъ и хорошихъ друзей.

IV. Въ большинствѣ случаевъ изъ нашего матеріала ложь вызывалась эгоистическими мотивами. Въ каждой игрѣ, особенно дѣйствующей на ребенка возбуждающе, скрывается свое особенное искушеніе ко лжи; длинныя повѣствованія о намѣренныхъ ошибкахъ при подсчетѣ, о незамѣтномъ передвиганіи шаровъ при игрѣ въ крокетъ, о выкрикахъ „кончено!“ или „невѣрно!“ въ критическіе моменты, чтобы предупредить угрожающее пораженіе, о неправильныхъ претензіяхъ къ посредникамъ и по отношенію къ отмѣткамъ доказываютъ, какими

безсовѣстными дѣлаетъ даже маленькихъ дѣтей все пре-
одолюющая страсть къ превосходству надъ другими.
Въ играхъ, требующихъ болѣе напряженнаго вниманія,
и въ которыхъ ряды отборныхъ игроковъ образуютъ
два враждебныхъ лагеря, если еще притомъ отличіе и
побѣда имѣютъ рѣшающее значеніе для закрѣпленія за
побѣдителями славы, на ловкость во лжи смотрятъ
иногда какъ на вполне допустимое на ряду съ другими
качество; позоръ—такое же отношеніе существовало въ
древности къ спартанскимъ дѣтямъ, которыхъ поощ-
ряли ко лжи—усматриваютъ лишь въ обнаруженіи лжи
и обмана, т. е. въ недостаточной искусности обманывающаго.
Подобнаго рода ложь, вызванная возбужде-
ніемъ, забывается, когда возбужденіе проходитъ, и ее
трудно вскрыть, но она дѣлаетъ мальчиковъ безсовѣст-
ными и жадными. Школа отвѣтственна за очень многіе,
если не за большинство намѣренныхъ обмановъ этого
рода. Тамъ, гдѣ практикуется вредная система само-
обличенія въ случаѣ незначительныхъ проступковъ, въ
родѣ перешоптыванія, дѣти признаются, что не подни-
маютъ руки, хотя бы и сознавали себя виновными. Если
ихъ принуждаютъ сказать, видѣли ли они что-нибудь
дурное или сами совершили какой-нибудь проступокъ,
они лгутъ и думаютъ, можетъ быть, про себя, что съ
помощью лжи очень легко избавиться отъ школьныхъ
непріятностей. Только немногія дѣти воздерживаются
отъ подсказыванія и немногія отклоняютъ подсказыва-
ніе товарищей или избѣгаютъ заглядыванія въ книгу,
особенно если имъ угрожаетъ опасность быть отпра-
вленными въ задніе ряды или не перейти въ слѣдующій
классъ. Дѣти списываютъ другъ у друга классныя ра-
боты, а старшіе ученики заставляютъ другихъ писать
для нихъ въ вознагражденіе за то, что они не доносятъ;
мальчикъ же, на котораго донесли, рассказываетъ о все-
возможныхъ проступкахъ другихъ, желая доказать, что
старшій, надзирающій за порядкомъ ученикъ не выпол-
нилъ своей обязанности. Едва только выполнена школь-

ная работа, какъ уже большая часть ея нашла себѣ тайный сбытъ. Одна учительница въ школѣ большого города утверждала, что теперь отъ учениковъ требуютъ гораздо больше, чѣмъ они, дѣйствительно, въ состояніи выполнить; она и ея коллеги видѣли себя поэтому вынужденными, во избѣжаніе неблагопріятнаго отзыва объ ихъ классахъ, перерабатывать нѣкоторыя письменныя упражненія учениковъ на англійскомъ языкѣ и затѣмъ давать ихъ снова переписывать, прежде чѣмъ ихъ подавали экзаминатору; время не позволяло послѣднему слѣдить за самостоятельнымъ выполненіемъ учениками заданнаго. Конечно, это плохой примѣръ и плохое средство воспитанія въ ученикахъ честности и правдивости. Повсюду широко распространены: случаи симулированія головной боли, кровотечения изъ носа, болей въ желудкѣ и т. д., какъ мотивы ухода изъ школы или непосѣщенія уроковъ; множество невѣрныхъ извиненій отсутствія или опозданія; всевозможные хитроумныя приемы и способы обмана совершенно опутываютъ учителя; особенно, если онъ не пользуется любовью своихъ учениковъ, онъ становится игрушкой въ ихъ рукахъ, чѣмъ-то въ родѣ точки прицѣла. Такого рода обманы помогаютъ дѣтямъ обходить подводные камни жизни и являются цѣлесообразной ширмой для слабостей и недостатковъ. Быстрая и искусная ложъ устраняетъ неудобства болѣе или менѣе искусственныхъ послѣдствій, которыя сопровождаютъ дома и въ школѣ дѣтскіе проступки, а все растущая безнаказанность постоянно вовлекаетъ въ грѣхъ. Легкость, съ которой въ этомъ отношеніи одинъ дурной и бойкій ребенокъ можетъ развратить всю улицу или школу, тогда какъ взрослые ничего подобнаго не подозрѣваютъ,—нужно, конечно, чтобы этотъ ребенокъ пользовался расположеніемъ товарищей; безопасность быть открытымъ, которая обезпечивается всѣмъ порядкомъ школьной жизни еще въ большей степени, чѣмъ дома, даже для хронической лжи этого рода; наконецъ, степень нравственной испорченности, къ которой можетъ

привести эта ложь—все это заставляет насъ признать эгоистическую ложь—особенно, если принять во вниманіе ея распространенность—въ общемъ самую опасною и дурною и болѣе трудно искоренимую, чѣмъ какой-либо иной родъ лжи. Слѣдуетъ устранить изъ дѣтской жизни чрезвычайное соревнованіе, необычныя наказанія, излишне поощряющія воздѣйствія и большія искушенія; но нужно выяснитъ себѣ, что всѣ эти обманы въ сущности лишь извѣстныя формы снисходительности къ самому себѣ; поэтому въ большинствѣ случаевъ къ нимъ слѣдуетъ относиться какъ къ таковымъ, а не какъ къ обманамъ. Дурныя привычки, прикрываемыя ложью, нужно отыскивать въ ребенкѣ съ непоколебимымъ упорствомъ и исправлять; ибо дѣти, совершающія дурныя поступки по привычкѣ, непременно научатся лгать, въ цѣляхъ скрыть послѣдніе. Низкому нравственному уровню, на который ребенокъ опускается понемногу подъ вліяніемъ лжи, нужно противодѣйствовать, апеллируя къ чести, самоуваженію и самообладанію ребенка. Трудные и даже ненавистные для ребенка уроки и задачи и твердое нравственное и духовное руководство—вотъ въ какого рода дополненіи нуждаются повѣйшіе педагогическіе методы, дѣлающіе изъ воспитанія пособника въ самоудовлетвореніи естественныхъ интересовъ.

V. Многія дѣтскія игры обязаны своей привлекательностью частичному самообману. Дѣти воображаютъ себя животными и подражаютъ ихъ крикамъ и ихъ дѣятельности; или—солдатами и переносятся воображеніемъ въ военные походы, битвы и т. п.; или—охотниками, переживающими смертельную опасность въ борьбѣ съ дикими звѣрями;—индѣйцами, художниками, купцами и торговцами, докторами, проповѣдниками, ангелами, людододами. Они играютъ въ школу, судъ, собраніе, конгрессъ. Если во время игры въ войну ихъ будто бы ранятъ деревянными кинжалами, они отходятъ въ сторону и прикидываются мертвыми. Если, идя по полу или тротуару, они наступаютъ на какую-нибудь разсѣлину,

они считаютъ себя потерянными. Небольшія возвышенія, островки, въ прудахъ или лужахъ, или въ заливахъ во время отлива напоминаютъ дѣтямъ географію континента, и въ одномъ случаѣ всѣ дѣти одной большой школы въ теченіе многихъ лѣтъ распредѣляли такимъ образомъ въ своихъ играхъ названія Бостона, Провиденціи, Вестъ-Индіи, Гибралтара, Бруклинскаго моста. Въ другомъ случаѣ многимъ окрестнымъ холмамъ, долинамъ и ручьямъ были даны названія, соотвѣтственно съ воображаемымъ сходствомъ ихъ съ горами, долинами и рѣками, извѣстными дѣтямъ изъ географіи. Дѣти въ своихъ играхъ стараются приблизиться къ дѣйствительности и не забыть, напримѣръ, принадлежностей дома, если изображаютъ въ игрѣ послѣдній; тогда катушки замѣняютъ имъ бочки съ мукой, сгнившее, размельченное дерево—сахаръ, тыква—стулья, огурцы—коровъ, мохъ — ковры, куски дерева — двери, которыя должны оставаться закрытыми (иногда онѣ моются); они припасаютъ метлы изъ прутьевъ, устраиваютъ пастбища для игрушечныхъ животныхъ, сады; представляютъ въ пантомимахъ всѣ роды домашней дѣятельности; грибы, мохъ, дождевики замѣняютъ имъ всякія украшенія. Болѣе старшіе мальчики и дѣвочки играютъ иногда мѣсяцами, въ рѣдкихъ случаяхъ даже годами, въ папу и маму, давая другъ другу секретныя ласкательныя имена; мальчики и дѣвочки поменьше исполняютъ роль ихъ дѣтей. Конечно, все это наблюдается почти всегда среди дѣтей въ деревнѣ. Они производятъ обрядъ крещенія надъ кошками, хоронятъ куколъ, устраиваютъ кукольный театръ; за входъ взимается определенное количество булавокъ; всѣ подробности и мелочи заботливо предусматриваются. Они украшаютъ себя большею частью наподобіе старшихъ и подражаютъ послѣднимъ и въ другихъ отношеніяхъ; разъѣзжаютъ въ телѣгахъ и воображаютъ, что сидятъ въ богатыхъ экипажахъ; строятъ больницы для куколъ и берутъ на себя роль хирурга или сестры милосердія. Чѣмъ строже дис-

циплина воображаемаго „учителя“ и чѣмъ необузданнѣе воображаемая „мама“, тѣмъ дѣти веселѣе, тѣмъ довольнѣе забавой.

Одинъ такой періодъ прекрасно иллюстрированъ братомъ англійскаго поэта Гартлея Кольриджа, составившаго записки о его дѣтской жизни. Его многочисленныя понятія о его собственномъ „я“, напимѣръ: онъ, какъ картина, онъ, какъ тѣнь, онъ, какъ эхо, и т. д., его фантазія, что, благодаря особой силѣ, водопадъ вырвется изъ - подъ земли и потечетъ между населенными берегами; съ этими же берегами его фантазія связывала далѣе идеальное правительство, долгія войны и даже улучшенную ортографію, которая пояснялась въ одномъ журналѣ, посвященномъ дѣламъ этого государства (все это были представленія ярко реалистическія, существовавшія въ его воображеніи годами); рассказы, предназначавшіеся для матери, онъ продолжалъ цѣлыми недѣлями; воспроизведение всего видѣннаго имъ въ Лондонѣ: театра, лабораторіи, того, что онъ читалъ о войнахъ, о географическихъ раздѣленіяхъ, доставляло ему громадное удовольствіе, ему было отведено и приспособлено для его употребленія особое мѣсто: все это иллюстрируютъ названную нормальную дѣтскую склонность; въ той степени, въ какой она сказывалась у Кольриджа, она была уже, вѣроятно, болѣзненной, чрезвычайно напоминая псевдо-галлюцинаціи у Кандинскаго. Двѣ сестры говорили обыкновенно: „Мы будемъ играть въ сестеръ“ и хотѣли такимъ образомъ какъ бы усилить дѣйствительность ихъ родства. Калиостро находилъ мальчиковъ-подростковъ особенно пригодными для демонстрированія съ ихъ помощью френологическихкихъ фокусовъ, т.-е. тѣхъ мнимыхъ френологическихкихъ особенностей, которыя якобы иллюстрировали его тридцать пять способностей. „Онъ солгалъ, признавшись, будто онъ лгалъ“, сказалъ одинъ молодой Санчо Панса, вѣрившій въ правдивость экстравагантныхъ рассказовъ другого мальчика, признавшагося позже въ ихъ

выдуманности. Джемсъ Макинтошъ, прочтя въ своей юности римскую исторію, вообразилъ себя императоромъ Константинополя, управляющимъ дѣлами государства; иногда эта фантазія длилась нѣсколько часовъ, иногда цѣлые мѣсяцы; она никогда не принимала характера убѣжденія, но несомнѣнно возбуждала въ немъ какое-то слабое ожиданіе, почему — осуществись его фантазія—чудо показалось бы ему вовсе не столь чудеснымъ. Шарлотта-Елисавета жила въ своей молодости годами большею частью въ царствѣ воображенія.

Въ нѣкоторыхъ играхъ, какъ „сумасшедшая мать“, маленькимъ дѣтямъ приказываютъ, а старшихъ подзадариваютъ сдѣлать что-нибудь опасное, на примѣръ, пройти по забору изъ кольевъ или по крышѣ высокаго дома, и, дѣйствительно, задоръ игры торжествуетъ надъ большою естественной боязливостью; когда дѣти играютъ съ товарищами или родителями въ школу, увлеченіе игрой помогаетъ имъ рѣшать трудныя примѣры и другія ненавистныя задачи, чего бы они не выполнили въ дѣйствительной школѣ. Прелесть воображенія и побудительная сила, исходящая отъ него, заставляютъ ихъ играть роль, отличную отъ ихъ естественнаго „я“; нѣкоторыя игры должны происходить во тьмѣ, благопріятствующей полету воображенія. Можно считать правиломъ, что дѣти съ богатымъ воображеніемъ склонны къ лѣни въ школѣ; дѣти же, преуспѣвающія въ школьныхъ занятіяхъ, обладаютъ обыкновенно болѣе бѣднымъ воображеніемъ; духовные образы у нихъ менѣе живы и менѣе многочисленны. Особенно среди дѣвочекъ моложе десяти или двѣнадцати лѣтъ тѣ, которыя играютъ въ школьныхъ дворахъ съ наибольшимъ увлеченіемъ, отличаются богатой фантазіей; но и у дѣвочекъ тринадцати или пятнадцати лѣтъ, которыя, вслѣдствіе свойственной этому возрасту апатіи, спокойно прогуливаются парами или группами по двору, разговаривая между собой, фантазія едва ли менѣе живая. Преждевременное проявленіе мечтательной неправды,

вытекающее какъ слѣдствіе изъ склоннаго къ идеализированію темперамента, можно часто наблюдать у трехъ и четырехлѣтнихъ мальчиковъ, когда они внезапно утверждаютъ, будто видѣли свинью съ пятью ушами, собаку, величиною съ лошадь, или (дѣти постарше) яблоки на вишневомъ деревѣ и другія подобныя чудеса; это означаетъ лишь, что у нихъ мелькали такія мысли или они мысленно составили себѣ такія комбинаціи представленій, независимо отъ опыта. У нихъ появляется склонность рассказывать полувѣроятныя исторіи и затѣмъ признаться въ ихъ невѣрности, когда удивленіе уже улеглось. Или же они переносятъ всѣ слышанные ими рассказы о людяхъ и вещахъ въ естественную обстановку природы или, гораздо рѣже, въ наилучше знакомые имъ дома и распредѣляютъ между своими друзьями различныя роли. Воображеніе у нѣкоторыхъ дѣтей—это почти матеріализація мыслей; нѣкоторыя дѣти не задумываясь скажутъ вамъ, напримеръ, какого цвѣта было платье у Варвары Фритхисъ (въ стихотвореніи Виттира того же названія), носила ли она очки и чепчикъ; въ какомъ мѣстѣ луга, гдѣ паслись овцы ея отца въ арабскихъ сказкахъ „Тысяча и одна ночь“, выскочилъ изъ бутылки эльфъ, если только картинки этихъ предметовъ предварительно не парализовали нормальной дѣятельности способности воображенія. Мечтательности, осуществляющей всѣ желанія; способности къ складыванію мифовъ, создающей еще и теперь при случаѣ среди дѣтей дѣйствительную легенду; мальчикамъ, занимающимъ своихъ товарищей длинными и часто остроумными рассказами собственнаго изобрѣтенія; дѣвочкамъ, выдумывающимъ о другихъ что-нибудь смѣшное—всему этому школа даритъ мало вниманія, и мистеръ Градгридъ (въ романѣ Диккенса „Тяжелыя времена“) усмотрѣлъ бы въ этихъ вещахъ нѣчто враждебное научной истинѣ.

О дѣтяхъ можно было бы утверждать почти то же, что Фрошамеръ говоритъ о духовной дѣятельности и

даже о вселенной, а именно, что вся ихъ жизнь состоитъ въ работѣ воображенія. Возможность для такого упражненія способностей должна предоставляться дѣтямъ даже въ наиболѣе платоновской по своему духу школьной республикѣ. Слѣдуетъ научить дѣтей владѣть своей фантазійей, а не искоренять послѣднюю; вотъ цѣль стремленія въ высшихъ интересахъ правдивости. Все прогрессирующее ухудшеніе школьнаго чтенія и одновременное развитіе негодной и вредной литературы для юношества въ значительной степени повинны въ ростѣ дурныхъ склонностей въ этой области. Чтобы направлять и утилизировать, поскольку это необходимо, проявленіе инстинкта игры,—который, хотя забавляется ложью граціозно и невинно, можетъ, однако, привести ко многимъ родамъ расхожденія мысли съ дѣйствительностью и къ самообману,—нужно, по нашему мнѣнію, разслѣдовать вопросъ, какъ наилучше ввести юношество въ лучшую міровую литературу (каждый родъ и ступень послѣдней въ надлежащее время и надлежащей пропорціи); къ этой проблемѣ мы вернемся въ другомъ мѣстѣ. Что и сколько изъ нея можетъ быть наилучше оцѣнено дѣтьми, и сколько, если утрачивается особенное качество воображенія, должно сохраняться для дѣтей какъ нѣчто своеобразное, это извѣстно только тѣмъ, кто понялъ на собственномъ опытѣ и черезъ наблюденіе надъ другими, что юношескій духъ, дѣйствительно, умѣетъ отыскать главныя красоты у Гомера, — если только содержаніе его передается на хорошемъ англійскомъ языкѣ,—и въ фундаментальныхъ произведеніяхъ и значительныхъ положеніяхъ у лучшихъ англійскихъ писателей, если только они подносятся юношѣ въ надлежащей формѣ. Психологически литература, богатая образами фантазійей, есть прямое развитіе изъ этой разновидности игры, и развертываніе игры въ литературѣ поэтому естественно.

VI. Менѣе распространенная разновидность лжи, ложь патологическая, упоминалась въ нашихъ матеріа-

лахъ около двадцати разъ. Склонность къ хвастовству и важничанью, къ привлеченю къ себѣ вниманія или восхищенія побуждаетъ иногда дѣтей, напримѣръ, при поступленіи въ новую школу или при переѣздѣ въ новый городъ изображать изъ-себя иное существо, чѣмъ каковы они по своей природѣ; фальшивый характеръ сохраняется дѣтьми въ теченіе нѣкотораго времени не безъ затрудненій и съ помощью всяческаго притворства, но скоро истина обнаруживается, и маленькаго обманщика ожидаетъ общая антипатія. Нѣкоторыя дѣти, особенно дѣвочки, страдаютъ болѣзненнымъ самосознаніемъ и болѣзненнымъ жеманствомъ, точно бы у нихъ отсутствовалъ собственный природный характеръ; онѣ всегда хотятъ играть роль и обращать на себя вниманіе. Мальчики предпочитаютъ дурачество и обманываніе другихъ съ помощью плутней и лжи, обнаруживая при этомъ иногда почти сверхъестественную хитрость и ловкость. Напримѣръ, цѣлая группа мальчиковъ соединилась, чтобы изготовить сообща изъ шнурковъ, катушекъ и закрѣпокъ очень сложный по внѣшнему виду инструментъ, который они называли „электризаторомъ“. Мальчикамъ, не посвященнымъ въ тайну, предлагали, крѣпко нажать кнопку, и тогда они почувствуютъ, молъ, сотрясеніе; на самомъ же дѣлѣ въ кнопкѣ скрывалась булавка. Эта та самая склонность, которая развивается у дѣвочекъ въ истерическое заболѣваніе: тогда онѣ обманываютъ или самихъ себя, или своихъ близкихъ; способы лѣченія, въ основѣ которыхъ лежитъ сильная вѣра, производятъ на нихъ большею частью истинно чудесное дѣйствіе; та же склонность дѣлаетъ изъ мальчиковъ шарлатановъ и обманщиковъ. Многимъ трудно повѣрить, что нѣкоторыя женщины, съ честью несущія общественныя и домашнія обязанности, рассказываютъ съ величайшей наивностью о безконечномъ рядѣ событий, сознавая вполнѣ ихъ выдуманность; и что люди, встрѣчающіеся имъ на пути, всю жизнь отдаются страсти обмана, что они любятъ грубое нарушеніе правды

или ложь ради ея самой,—совершенно такъ, какъ жертвы другихъ опьяняющихъ средствъ любятъ сильныя напитки. Новѣйшая литература о телепатіи и гипнотизмѣ изобилуетъ прекрасными примѣрами для иллюстраціи этого типа. Вначалѣ рѣшающими являются лишь побочныя мотивы, какъ любовь къ одобренію, къ деньгамъ и т. д.; позже сюда присоединяется настоящая манія лжи (pseudomania): обманываніе другихъ и даже самообманъ становятся страстью, одерживающей верхъ надъ мотивами благоразумія и собственной пользы. Человѣкъ не можетъ быть фальшивымъ по отношенію къ другимъ, будучи правдивымъ къ самому себѣ, и точно такъ же онъ не можетъ доставлять себѣ опасное удовольствіе обманывать другихъ безъ того, чтобы не стать до извѣстной степени своей собственной жертвой: въ концѣ-концовъ онъ вѣритъ собственной лжи. Тотъ, кто пренебрегъ въ свое время необходимымъ трудомъ, тотъ дойдетъ постепенно до того, что сумѣетъ добиться почетнаго положенія въ свѣтѣ съ помощью искусной лжи. Именно такіе случаи лжи требуютъ самага поспѣшнаго и сильнаго воздѣйствія со стороны воспитателя. Если при первыхъ проявленіяхъ порочной склонности отказъ ребенку въ уваженіи, симпатіи и довѣрїи, а также поученіе и сильное порицаніе не помогаютъ, остается испробовать цѣлительную силу розги; не помогаетъ и она, тогда слѣдуетъ прибѣгнуть къ искусству врача.

VII. Наконецъ, дѣти прибѣгаютъ ко многимъ средствамъ прикрытія лжи, также противорѣчащимъ требованіямъ совѣсти. Когда говорятъ „въ самомъ дѣлѣ“ или „право“ или особенно торжественно: „я желаю упасть замертво на мѣстѣ, если это не такъ“ — утверженіе получаетъ двойную цѣнность. Только ребенокъ, закоренѣлый во лжи или сильно боящійся послѣдствій, или вообще правдивый станетъ повторять: „это навѣрное такъ“, даже весь въ слезахъ, даже передъ лицомъ неоспоримой очевидности, тогда какъ другіе сознаются

или предпочтутъ симулировать ложное признаніе, какъ наиболѣе легкій выходъ изъ создавшагося положенія. Только маленькія дѣти, которыя невѣрно принимаютъ за истину то, что нравится ихъ роднымъ или окружающимъ ихъ взрослымъ людямъ, или также такія дѣти, которыхъ когда-нибудь заставили такъ солгать, находятъ удовольствіе признаться въ томъ, чего они никогда не сдѣлали. „Да“, съ присовокупленіемъ, но потомъ „я думаю“, означало „нѣтъ“ — такъ, по крайней мѣрѣ, у дѣтей во многихъ школахъ одного большого города. Возложеніе лѣвой руки на правое плечо также обладаетъ, по мнѣнію многихъ дѣтей, силой обезвреживать ложь, и даже клятву можно сдѣлать недѣйствительной, или придать ей противоположный смыслъ, если поднять лѣвую руку—вмѣсто правой. Постоянно мы напивались на родъ невысказаннаго условія: дѣти думали про себя „я не то хочу сказать“ или понимали сказанное въ иномъ смыслѣ, иногда чрезвычайно отличномъ отъ обычнаго. Если ребенокъ, котораго зовутъ, усиливается не слышать, онъ съ меньшей виной можетъ утверждать, будто не слышалъ зова. Содѣянный обманъ сознается гораздо рѣже, чѣмъ ложь на словахъ; поэтому утвердительный кивокъ головой менѣе преступенъ, чѣмъ слово „да“; указать ложное направленіе на вопросъ: куда пошелъ такой-то, болѣе простительно, чѣмъ описать дорогу въ ложныхъ словахъ. Обманъ съ помощью жестовъ менѣе тревожитъ дѣтскую совѣсть,— такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Дѣти обычно отрицаютъ самымъ энергичнымъ и торжественнымъ образомъ тѣ проступки, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, а если въ концѣ-концовъ чувствуютъ себя бессильными передъ очевидностью, объясняютъ или думаютъ: „это сдѣлала моя рука или моя нога, не я“. Такое тонкое различеніе отвѣтственнаго субъекта дѣйствій естественно у дѣтей, учителя или родители которыхъ часто подвергаютъ наказанію членъ тѣла, бывший активнымъ при совершеніи проступка. Словомъ, едва ли существо-

вала хотя бы одна изъ многочисленныхъ увертокъ, практиковавшихся нѣкогда іезуитами при исповѣди для опредѣленія терпимаго или грѣховнаго поведенія и облегченія страдающей совѣсти, которая не отпраздновала бы своего возрожденія въ самопроизвольномъ стремленіи дѣтей во что бы то ни стало смягчить горечь чувства вины.

Въ концѣ-концовъ нѣкоторыя формы привычной лжи такъ распространены среди дѣтей, что иллюстрированіе ихъ примѣрами, подобно вышеприведеннымъ, кажется излишнимъ и неинтереснымъ. Безупречная правдивость достигается съ трудомъ и поздно, а школьная жизнь такъ изобилуетъ искушеніями ко лжи, что правдивыя дѣти являются ея самымъ рѣдкимъ и самымъ благороднымъ цвѣткомъ. Главная практическая цѣль состоитъ для учителя въ различеніи разныхъ формъ зла и въ примѣненіи противъ каждой наилучшихъ средствъ. Привычка лгать далеко не простая испорченность; она чрезвычайно сложное явленіе, порожденное различными и часто противоположными склонностями, и потому лѣченіе, благотворно дѣйствующее на одну форму, иногда прямо пагубно для другой. Если мы отъ точки зрѣнія госпожи Опи перейдемъ къ болѣе глубокой, но часто ложно понимаемой точкѣ зрѣнія Гейнротъ и попытаемся понять взглядъ, утверждающій, будто всѣ грѣхи и всѣ (душевные) болѣзни ложь, ибо они представляютъ исключеніе намѣреній природы, тогда мы увидимъ, чѣмъ можетъ кончиться привычная неправдивость, и сколь обширна она по своему значенію въ самомъ началѣ. Говорить правду безъ всякихъ обвиняковъ,—вотъ лучшая педагогическая подготовка къ активной жизни, которая поднимаетъ человѣка на вершину нравственности, оставляя глубоко внизу ложную вѣру, ложный страхъ, ложный стыдъ, ложныя надежды и склонности, опутывающія насъ. Стремленіе играть въ жизни роль или занимать мѣсто, для которыхъ природа не дала намъ соответствующихъ данныхъ, привито ли

это стремление намъ школой или дѣйствуетъ въ насъ съ опьяняющей силой инстинкта, какъ то бываетъ у людей слабыхъ, безхарактерныхъ, съ неустойчивой психофизической организаціей—одинъ изъ главныхъ источниковъ расточенія моральной силы въ современномъ обществѣ; содѣянная ложь, ложь на словахъ, фантастическая ложь создаютъ то болѣзненное самосознаніе, которое такъ пріятно щекочетъ самолюбіе лицъ съ невропатической организаціей. Постоянное удовлетвореніе всѣхъ желаній ребенка культивируетъ въ немъ косвеннымъ образомъ лживость, ибо правда требуетъ безпощаднаго и строгаго самопожертвованія, дѣлающаго невозможными какія бы то ни было излишества и изиѣженности. Лживости способствуетъ частыя встрѣчи дѣтей съ чужими людьми, когда играютъ роль „первыя впечатлѣнія“. Благопріятна для ея развитія также частая перемѣна обстановки, школы или жилища: благодаря ей возникаетъ чувство, будто легко начать новую жизнь. Слишкомъ много новыхъ знаній, впечатлѣній, даже въ преподаваніи, развиваетъ, вѣроятно, одну изъ неизлѣчимѣйшихъ формъ лжи, а именно то состояніе нервовъ, въ которомъ первое впечатлѣніе сильно, живо и пріятно, а повторенія безразличны, если не положительно непріятны. Это состояніе можно назвать, рискуя увеличить и безъ того большое число легкихъ маній, *ne ot a p i a*. Слѣдовало бы предохранять дѣтей какъ отъ профессиональной лживости, такъ и отъ ложнаго преувеличенія ненормальнаго, что находитъ себѣ широкое мѣсто въ нашихъ газетахъ, и слѣдовало бы приучать ихъ къ постоянной и твердой отвѣтственности за дѣла и слова. Если люди или цивилизація нашего времени, еще способные на это, откажутся отъ лжи и вернуться къ ихъ лучшему истинному „я“, чтобы быть тѣмъ, что они суть волею природы и наслѣдственности, тогда осуществится самая высокая и сильная изъ всѣхъ радостей—возрожденіе. Хотя она терпитъ притѣсненіе и ограниченіе со стороны многихъ религіозныхъ и догматическихъ системъ, но она очень многообразна и про-

является въ качествѣ общей нравственной реформации или новой интеллектуальной точки зрѣнія, душевнаго облегченія и удовлетворенія, повышенной дѣеспособности и, можетъ быть, даже физическаго возстановленія при нѣкоторыхъ формахъ заболѣванія у натуръ съ извѣстнымъ темпераментомъ. Съ точки зрѣнія научной психологiи эту высокую радость можно назвать великимъ старымъ словомъ, которымъ однако часто въ высокой степени злоупотребляли—возрожденiемъ ¹⁾).

¹⁾ Значительная часть приводившихся здѣсь матеріаловъ обязана своей цѣнностью такту и неутомимости миссъ Сары Е. Уильямс.

IV.

Педологія, какъ основа точной педагогики ¹⁾.

Изученіе дѣтей ведется теперь съ помощью весьма различныхъ методовъ, въ очень различныхъ цѣляхъ и обнаруживаетъ всѣ степени научной точности. Значительная часть этой работы производилась въ Америкѣ, въ молодой республикѣ, чуждой стѣсняющихъ традицій Старого Свѣта и сохраняющей живое и свободное отношеніе къ каждой сторонѣ человѣческой природы; поскольку послѣдняя есть подлинное проявленіе жизни, школа и церковь, государство и семья должны приспособиться къ ней, если хотятъ укрѣпиться на твердыхъ, истинныхъ и добрыхъ началахъ. Америка не принимала сколько-нибудь значительнаго участія въ развитіи естественныхъ наукъ, и теперь культивированіемъ у себя различныхъ отраслей великой науки о человѣкѣ точно хочетъ заглазить свою прежнюю отсталость. Будущее новаго движенія зависитъ главнымъ образомъ отъ предстоящей продолжительной трудной работы, требующей дружныхъ усилій со стороны учителей, родителей и людей науки; ихъ трудъ необходимо было бы сконцентрировать въ обществахъ. Первое изъ нихъ—Отдѣлъ для изученія ребенка при Національной Педагогической Ассоціаціи—было основано въ Сѣверной Америкѣ въ 1893 году.

Наибольшая часть этого обширнаго и все нарастающаго матеріала о ребенкѣ собрана изслѣдователями, не

¹⁾ Child-Study: the Basis of Exact Education (Ferguson, December 1893).

дѣлавшими серьезной попытки согласовать свои труды съ трудами другихъ работниковъ на томъ же поприщѣ. Врачи, антропологи, психологи, родители и учителя мало обращали въ своихъ изслѣдованіяхъ вниманія другъ на друга. Сообразно съ возрастомъ, къ которому онъ относится, мы можемъ раздѣлить весь добытый матеріаль на четыре группы: 1) Изслѣдованія о человѣческомъ зародышѣ, предпринятыя Прейеромъ и другими. 2) Изслѣдованія о дѣтяхъ въ возрастѣ до трехъ или четырехъ лѣтъ. Сюда относятся работы Прейера, Перэ, Компейрэ, Селли, Трэси, Шиннъ и многихъ другихъ наблюдателей. Эти изслѣдованія принято обозначать названіемъ: „психогенезисъ“, такъ какъ полагаютъ, — хотя далеко не всѣ ученые, — что въ этой стадіи жизни развиваются первые элементы души. 3) Опубликовано много изслѣдованій о первыхъ годахъ (особенно о первомъ годѣ) школьной жизни ребенка. 4) Четвертую группу образуютъ изслѣдованія о юношескомъ возрастѣ, начинающемся съ тринадцатаго или четырнадцатаго года и длящагося, можетъ быть, десять лѣтъ—до достиженія полной зрѣлости.

Большая, отграниченная педологіей область — это, слѣдовательно, кругъ отъ юношескаго возраста одного поколѣнія до юношескаго возраста слѣдующаго поколѣнія, въ соотвѣтствіи съ воспитаніемъ нашего времени; придать этому воспитанію научный или философскій характеръ можетъ только наука о ребенкѣ. Въ данной статьѣ я могу лишь бѣгло коснуться нѣкоторыхъ методовъ и главнѣйшихъ изъ достигнутыхъ результатовъ.

Опуская оба первыхъ періода—жизнь зародыша и дѣтство до трехъ или четырехъ лѣтъ—и обращаюсь къ первымъ годамъ школьной жизни. Спеціальныя работы объ этомъ періодѣ представляютъ изслѣдованія, имѣющія дѣло съ большимъ числомъ дѣтей и со средними выводами. Примѣняемый методъ простъ: дѣтей приводятъ группами по-двое или по-трое въ раздѣвальную

комнату, гдѣ къ услугамъ разспрашивающаго или принимающаго измѣренія изслѣдователя имѣются различныя приспособленія для измѣренія объема головы или тѣла, измѣренія длины и разрѣза, вѣсы для взвѣшивания, динамометръ для испытанія силы и многіе другіе спеціальныя аппараты; зубы, глаза, легкія, носъ, глотку, слухъ, точность и быстроту движеній и т. д. изслѣдуютъ, соблюдая всѣ предписанія осторожности во избѣжаніе ошибокъ и въ интересахъ однообразія. При испытаніяхъ знаній ребенка, со стороны опытнаго изслѣдователя требуется тонкое чувство такта при многочисленныхъ перекрестныхъ вопросахъ и симпатичная личность, внушающая довѣріе ребенку. При правильномъ руководствѣ, однако, большинство изслѣдованій можетъ быть выполнено каждымъ хорошимъ учителемъ или разумными родителями—въ нѣсколько минутъ на каждого ребенка; для этого не зачѣмъ прерывать обычнаго хода школьныхъ занятій, и можно легко избѣжать нарушенія наивности дѣтскаго сознанія. Если отчеты оказываются очень обширными, то ихъ разработка представляетъ иногда трудную задачу. Вопросы о томъ, какія рубрики выбирать, какъ составлять таблицы и иллюстрировать матеріалъ кривыми, въ особенности же какъ таксировать уклоненія отъ среднихъ данныхъ и какъ ихъ использовать, требуютъ для своего разрѣшенія часто самыхъ сложныхъ статистическихъ методовъ. Методъ процентнаго соотношенія ступеней Гальтона, объясненіе неожиданныхъ результатовъ, надлежащая оцѣнка исключеній,—все это требуетъ технической искусности.

Новый и болѣе простой методъ, придуманный директоромъ семинаріи Е. Г. Расселемъ въ Уорстерѣ (Массачузетсъ), оказалъ семинаристамъ и семинаристамъ хорошія услуги. Онъ ограничиваетъ область наблюденій не путемъ установленія опредѣленнаго направленія и пунктовъ изслѣдованія; наоборотъ, каждое чѣмъ-либо замѣчательное дѣйствіе или проявленіе ребенка отмѣчается самымъ точнымъ и объективнымъ

образомъ. Данныя заносятся подъ соотвѣтствующими рубриками: память, воображеніе, гнѣвъ, лживость, эгоизмъ и т. д. Эти рубрики охватываютъ всю область психологіи, и лучшіе изъ отчетовъ употребляются при преподаваніи, вмѣсто учебника психологіи. Рэссель не далъ таблицъ, а опубликовалъ приблизительно 14000 такихъ отчетовъ въ порядкѣ одинъ за другимъ; на нихъ можно, такимъ образомъ, ссылаться, какъ на книгу или строфу въ Библии. Напримѣръ, „воображеніе“: см. рядъ III, № 278:

„Мальчикъ ирландскаго происхожденія, 7 лѣтъ. Стоялъ у водосточной трубы и пилъ воду, повернувшись къ другимъ людямъ спиной. Старался симулировать, точно онъ стоитъ, скрестивъ ноги, въ кабачкѣ, пьетъ и дѣлаетъ замѣчанія воображаемому хозяину кабачка относительно качества напитка. Дѣлалъ видъ, точно платитъ деньги и получаетъ мелочь сдачи“.

Собираніе такихъ данныхъ имѣло превосходное вліяніе на учителей. Благодаря ему, они научаются направлять свое вниманіе больше на отдѣльныхъ дѣтей, чѣмъ на „педагогическій фантомъ, называемый: ребенокъ, какъ таковой, ребенокъ вообще“. Всѣ подобныя изслѣдованія, предпринимаемыя учителями или родителями, приносятъ имъ самимъ наибольшую пользу, и Рэссель утверждаетъ, что практическое изученіе ребенка служить непосредственно ребенку и только косвенно наукѣ.

Перейдемъ къ результатамъ и начнемъ съ измѣреній. Первые достойныя вниманія изслѣдованія въ этой области исполнены были послѣ Кетле, Г. Р. Баудичемъ; онъ установилъ вѣсъ и вышину у 24.000 бостонскихъ школьниковъ и нашелъ, что въ возрастѣ до одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ мальчики больше и тяжелѣе дѣвочекъ. Затѣмъ дѣвочки начинаютъ расти очень быстро и обгоняютъ въ ближайшія нѣсколько лѣтъ мальчиковъ въ отношеніи роста и вѣса. Мальчики, однако, скоро догоняютъ дѣвочекъ, оставляютъ ихъ позади и остаются

уже впродъ выше и тяжелѣе. Онъ установилъ, что дѣти американскихъ родителей выше и тяжелѣе дѣтей иностранцевъ и утверждалъ, будто духовная сила ребенка уменьшается въ періодъ наиболѣе сильнаго роста. Сыновья трудящихся родителей ниже ростомъ и легче вѣсомъ сыновей отъ родителей изъ нетрудящагося класса. Г. В. Пекгэмъ измѣрилъ приблизительно 10.000 дѣтей въ Мильуоки, нашелъ при этомъ городскую жизнь менѣе благоприятной для развитія фигуры, чѣмъ жизнь въ деревнѣ, и установилъ, что время отъ мая до ноября—періодъ болѣе быстрого роста, чѣмъ остальные мѣсяцы года.

Съ тѣхъ поръ многочисленные наблюдатели принимали во многихъ мѣстахъ гораздо болѣе сложныя измѣренія. Назову прежде всего тѣ, которыя были выполнены подъ руководствомъ самаго выдающагося американскаго антропометра, Ф. Боаса, давашаго намъ статистику роста дѣтей въ шести большихъ американскихъ городахъ; въ одномъ Санъ-Луи подвергли измѣреніямъ 30.000 дѣтей. Многія изъ этихъ измѣреній были очень сложными и обнимали объемъ и величину черепа, величину пальцевъ и т. д. Многими результатами могла воспользоваться антропологическая секція на всемірной выставкѣ въ Чикаго. Изслѣдованіе показало, на примѣръ, что головы дѣвочекъ нѣсколько крупнѣе, чѣмъ головы мальчиковъ, и всегда немного меньше—какъ абсолютно, такъ и по отношенію къ тѣлу. Только съ прекращеніемъ роста, головы мальчиковъ становятся сравнительно меньшими, чѣмъ у дѣвочекъ. У дѣвочекъ на двѣнадцатомъ году жизни лица шире, чѣмъ у мальчиковъ. Бостонскія дѣти нѣсколько хуже развиты, чѣмъ средній американскій ребенокъ. Г. М. Уэстъ измѣрилъ въ Уорстерѣ (Массачузетсъ) 3.250 дѣтей и получилъ отъ каждаго ребенка шесть измѣреній, подтвердившихъ прежніе результаты и давшихъ новыя данныя объ отношеніи вышины при стоячемъ и сидячемъ положеніи. Аксель Ки вывелъ изъ изслѣдованія 18.000 дѣтей, что

мальчики проходятъ черезъ три опредѣленныхъ періода роста: умѣренное увеличеніе роста на шестомъ и седьмомъ году жизни, замедленный ростъ отъ девятаго до тринадцатаго года и гораздо болѣе усиленный ростъ отъ четырнадцатаго до шестнадцатаго года. Другія данныя указываютъ на семнадцатый годъ жизни, какъ на годъ пріостановки въ развитіи. Малингъ Гансенъ нашелъ, что дѣти мало растутъ отъ конца ноябрю до конца марта; отъ марта до августа они растутъ въ вышину, но мало прибавляются въ вѣсѣ, а отъ августа до ноября, наоборотъ, увеличиваются въ вѣсѣ больше, чѣмъ въ ростѣ. Въ этотъ послѣдній періодъ ежедневное увеличеніе въ вѣсѣ часто въ три раза превосходитъ таковое зимой. Многіе полагаютъ, что ростъ сосредоточивается то на одной группѣ органовъ и функцій, то на другой. У глаза, у кисти руки, у голоса, у груди и другихъ центровъ и функцій есть свой періодъ развитія, въ теченіе котораго они растутъ гораздо больше, чѣмъ долгое время раньше или послѣ.

Способъ педагогическаго использованія этихъ индукцій пока еще не совсѣмъ ясенъ, такъ какъ сами онѣ еще ненадежны; нѣкоторые придерживаются того мнѣнія, что обученіе въ періодъ быстрого общаго роста должно держаться общихъ рамокъ, быть пріятнымъ и мало напрягать волю, что новыя мысли хотя и очень легко схватываются, но ихъ проведеніе лучше отложить до другого времени. Если бы удалось установить законъ о періодахъ развитія, говорятъ они, онъ явился бы естественной основой для каждаго плана занятій. Глазъ, рука, голосъ и т. д. легко переутомляются передъ ихъ періодомъ зрѣлости; послѣ него они гораздо легче повторяютъ разъ выполненную работу, и если не придерживаться правильнаго увеличенія количества работы, они могутъ навсегда утратить трудоспособность. Несомнѣнно, періоды чрезвычайнаго роста требуютъ особеннаго вниманія къ себѣ; столь же несомнѣнно, что задержанный ростъ внѣ соотвѣтствующаго времени года

представляетъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ раннихъ признаковъ болѣзни. Ростъ и склонность къ заболѣванію, повидимому, противоположны одинъ другой. Мы нуждаемся въ болѣе подробныхъ измѣреніяхъ и данныхъ о величинѣ и функціи различныхъ частей тѣла (головы, рукъ и т. д.) и въ болѣе многочисленныхъ продолжающихся цѣлые годы измѣреніяхъ отдѣльныхъ дѣтей. Маленькія дѣти несходны между собой по роду своего развитія, и когда они становятся старше, то растутъ различно, въ зависимости отъ расы, климата и національности. Опираясь на измѣренія, произведенныя надъ болѣе, чѣмъ 30.000 дѣтей, В. Е. Портеръ показалъ, что рано развивающіяся дѣти тяжелѣе, а глупыя дѣти легче средняго ребенка даннаго возраста; такимъ образомъ онъ установилъ естественный критерій для ранней зрѣлости и тупоумія.

Съ величиной тѣла тѣсно связано владѣніе мускулами. Самыя важныя и наиболѣе систематическія изслѣдованія въ этой области это трудъ Брайана о „Развитіи произвольной способности движенія“. Онъ выбралъ наибольшую скорость ритмическихъ колебательныхъ движеній и наибольшую точность въ отношеніи направленія и силы движеній, какъ пробный камень, и изслѣдовалъ ростъ этихъ способностей у учениковъ низшихъ классовъ средней школы. Эти движенія лежатъ въ основѣ письма, рисованія и ловкости рукъ. Данныя Брайана указывали на превосходство правой руки надъ лѣвой, мальчиковъ надъ дѣвочками; показывали, что измѣненіе вслѣдствіе усталости гораздо больше усовершенствованія, являющагося съ возрастомъ, и что средній ребенокъ шестнадцати лѣтъ можетъ постукивать и выбивать трель приблизительно въ пять разъ сильнѣе шестилѣтняго ребенка. Онъ нашель, что мѣрка для этого движенія уменьшается у мальчика въ четырнадцать лѣтъ и у дѣвочки въ тринадцать лѣтъ, но этому предшествуетъ быстрое увеличеніе роста, и за этимъ слѣдуетъ нѣсколько меньшее увеличеніе. Кисть руки

между тринадцатымъ и четырнадцатымъ годомъ сильнѣе всей руки. Сила для произведенія точныхъ движеній мѣняется чрезвычайно и указываетъ на различія между нормальнымъ и болѣзненнымъ состояніемъ. Самое сильное сведеніе одной руки не усугубляетъ того же движенія у другой руки, а наоборотъ, уменьшаетъ его. Бинэ изслѣдовалъ у дѣтей время реакціи, автоматизмъ передвиженія, двухстороннія движенія и т. д. Задачей въ этой заново открытой области двигательной функции, изслѣдованіе которой теперь столь необходимо, является: найти естественный фундаментъ для гимнастики и ручной искусности, ловкости. О ритмической способности у дѣтей появилось недавно хорошее изслѣдованіе Чарльса Г. Сирса ¹⁾. Изъ многочисленныхъ сравнительныхъ изслѣдованій о функцияхъ обѣихъ половинокъ тѣла можетъ быть самая практическая—это труды Лейтенштейна и Кагенъ-Браха. Если мы примемъ во вниманіе, что развиваніе мускуловъ должно бы большею частью предшествовать духовному воспитанію, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мышленіе начинаютъ понимать какъ подавленную дѣятельность мускуловъ; если мы припомнимъ важный законъ, что всѣ силы достигаютъ развитія, прежде чѣмъ развертывается способность къ владѣнію ими или къ задерживанію ихъ проявленій; если мы, далѣе, возстановимъ въ памяти многочисленныя и частыя нарушенія способности къ движенію у нашихъ дѣтей,—то мы легко сможемъ понять, насколько практически важны подобныя изслѣдованія.

Перейдемъ къ медицинскимъ осмотрамъ дѣтей; мы можемъ привести изъ очень многочисленныхъ и постоянно увеличивающихся изслѣдованій лишь немногіе примѣры. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Конъ изслѣдовалъ въ Бреславлѣ 10.000 школьныхъ дѣтей и доказалъ, что близорукость увеличивается отъ класса къ классу. Хотя подобнаго рода изслѣдованія — ихъ

¹⁾ Pedagogical Seminary, March, 1901.

предпринимали съ тѣхъ поръ въ различныхъ странахъ— очень расходятся между собой въ отношеніи добытыхъ результатовъ, но они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ объ увеличеніи болѣзней глазъ; послѣднія достигаютъ иногда въ высшихъ школахъ больше сорока процентовъ и обусловлены плохимъ освѣщеніемъ, мелкимъ печатнымъ шрифтомъ и переутомленіемъ глазъ, когда они монотонными зигзагами перебѣгаютъ отъ строки къ строкѣ печатной страницы.

Что касается уха, которому посвящено почти столько же изслѣдованій, сколько и глазу,—Крисмэнъ далъ ихъ обзоръ въ одной монографіи,—то здѣсь положеніе дѣла иное, и зло менѣе велико. Главный результатъ состоитъ въ открытіи слѣдующаго факта: очень многія дѣти— слухъ которыхъ никогда раньше не подвергался изслѣдованію и не казался дефектнымъ, на самомъ же дѣлѣ настолько плохъ, что парализуетъ успѣшность устнаго обученія—просто нѣсколько глуховаты, а не неспособны къ ученію, какъ гласить о нихъ мнѣніе ихъ учителей. Рейхардъ констатировалъ, что двадцать два процента школьниковъ въ Ригѣ слышали тиканье карманныхъ часовъ не дальше, какъ на разстояніи шести метровъ, тогда какъ остальные дѣти слышали тиканье вплоть до разстоянія въ восемнадцать метровъ. Въ 1887 году миссъ Уильтзе изслѣдовала многія сотни бостонскихъ дѣтей въ отношеніи ихъ невоспріимчивости къ нѣкоторымъ звукамъ и нашла колеблющееся, но большое число дѣтей, которыя не были въ состояніи услышать правильно многіе элементарные звуки англійскаго языка. Съ тѣхъ поръ произведены были многочисленныя изслѣдованія во многихъ мѣстахъ и со сходными результатами; причиной является столь же часто природный недостатокъ, сколь плохое воспитаніе, не позаботившееся о правильномъ развитіи слуха и рѣчи. Берлинскіе врачи по ушнымъ болѣзнямъ сообщаютъ, что у двадцати пяти процентовъ изслѣдованныхъ ими дѣтей были обна-

ружены большіе или меньшіе недостатки слуха, мѣшавшіе дѣтямъ въ большинствѣ случаевъ при обученіи.

Хотя вкусъ и обоняніе никогда не изслѣдовали въ отдѣльности сколько-нибудь основательно, тѣмъ не менѣе многочисленныя наблюденія съ 1868 года указываютъ на удивительную связь между носовыми болѣзнями и слабостью памяти и вниманія; такіе случаи встрѣчаются чаще, чѣмъ предполагали. Удаленіе увеличенныхъ железъ привело, по свидѣтельству Кафеманна, больше чѣмъ у семи процентовъ мальчиковъ и больше чѣмъ у десяти процентовъ дѣвочекъ къ замѣчательнымъ результатамъ. Дѣти, казавшіяся тупоумными, обнаруживаютъ большую духовную силу, благодаря освобожденію мозга и облегченію членораздѣльнаго произношенія. Клауснеръ сообщаетъ объ изслѣдованіяхъ позвоночнаго столба у 2.124 школьныхъ дѣтей въ Мюнхенѣ; у тридцати шести процентовъ мальчиковъ и тридцати процентовъ дѣвочекъ низшихъ классовъ онъ нашелъ слѣды рахитизма; искривленіе позвоночнаго столба не было, слѣдовательно, вызвано школьнымъ обученіемъ, а указывало на большую чувствительность позвонковъ. Боковое искривленіе встрѣчалось чаще у дѣвочекъ. Санитарные инспекторы Берлина сообщаютъ о девяти процентахъ дѣвочекъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ боковымъ искривленіемъ. По свидѣтельству Быстрова, въ Петербургѣ, одиннадцать шестнадцатыхъ изъ 7.478 школьныхъ дѣтей страдаютъ головной болью. Изъ большого числа школьныхъ дѣтей Лондона только приблизительно у двадцати шести процентовъ оказались хорошіе зубы. Эрисманъ нашелъ у тридцати двухъ процентовъ школьныхъ дѣтей Гамбурга ненормальную нервную систему; нервное разстройство увеличивалось отъ младшихъ классовъ къ старшимъ.

Кольманъ, рассмотрѣвъ всѣ предпріятыя въ этой области изслѣдованія, пришелъ къ заключенію, что въ Европѣ приблизительно у тридцати процентовъ школь-

ныхъ дѣтей—ненормальная нервная система; процентъ не вполне нормальныхъ начинается въ низшихъ классахъ почти нулемъ и достигаетъ въ высшихъ классахъ гимназіи почти числа 66. Далѣе, о сумасшествіи у школьныхъ дѣтей существуетъ небольшая, но печальная литература. Королевское Статистическое Бюро въ Берлинѣ установило, что въ теченіе пяти лѣтъ 289 учениковъ покончили жизнь самоубійствомъ, и въ большинствѣ случаевъ поводомъ къ тому послужила школа. Отчеты Стэржеса въ Лондонѣ о пляскѣ св. Витта и о другихъ распространенныхъ нервныхъ болѣзняхъ приписываютъ главную причину заболѣваній нервной системы вредному вліянію школьныхъ работъ. Комби наблюдалъ 40.000 больныхъ дѣтей и пришелъ къ заключенію, что при жизни внѣ города они переносятъ критическій періодъ роста съ меньшей опасностью, чѣмъ въ городѣ, и что школьная жизнь повышаетъ эту опасность. Новая англійская коммиссія высказалась, что мальчики болѣе склонны къ неправильному развитію и мозговымъ заболѣваніямъ, а дѣвочки—къ блѣдной немочи, слабосилію и малокровію и нашелъ учениковъ, живущихъ дома, болѣе здоровыми, чѣмъ школьныхъ пансіонеровъ. Нервные дѣти особенно неохотно подчиняются запрещеніямъ; статистика германскаго государства показываетъ между 1883 и 1889 годами увеличеніе преступленій въ восемьдесятъ четыре процента въ возрастѣ между двѣнадцатію и пятнадцатію годами; среди 30.000 малолѣтнихъ преступниковъ Германіи дѣтская преступность увеличивается ужасающимъ образомъ. Г. Л. Тэйлоръ (Нью-Йоркъ) выражается такъ: наши города—родъ искусственнаго біологическаго питомника ненормальностей; городское дитя ведетъ жизнь желѣзнодорожнаго служащаго, его нервы всегда напряжены; въ городѣ слишкомъ много развлеченій и слишкомъ высокая температура, разрушающія способность противостоять несчастью и побороть затрудненія.

Въ этой связи слѣдуетъ упомянуть еще о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ объ утомленіи. Нѣкоторые видятъ въ

утомленіи источникъ большинства болѣзней. Несомнѣнно, постоянное напряженіе убиваетъ не только жизнерадостное настроеніе, но и приостанавливаетъ ростъ и развитіе, и искусство отдыха почти преобразуется въ науку. Отвѣты на вопросы Гальтона, обращенные къ англійскимъ учителямъ, называли главными результатами школьнаго переутомленія: а) временную слѣпоту въ отношеніи красокъ; в) потерю воспоминаній объ обыкновенныхъ вещахъ и с) замедленіе времени реакцій. Бургерштейнъ произвелъ превосходное изслѣдованіе надъ учениками многихъ классовъ въ четыре приема, каждый въ десять минутъ продолжительности, раздѣляя ихъ другъ отъ друга паузами въ пять минутъ. Онъ констатировалъ весьма замѣтное уменьшеніе духовной силы въ третьемъ промежуткѣ времени, выразившееся въ увеличеніи числа ошибокъ при выполненіи работъ; онъ установилъ между работой утромъ и работой послѣ четырехъ или пяти уроковъ уменьшеніе точности въ тридцать три процента. Его результаты указываютъ на необходимость новаго распредѣленія рабочаго времени, особенно для младшихъ классовъ. Работа при переутомленныхъ и оупѣвшихъ умственныхъ силахъ создаетъ всѣ дурныя умственные и духовныя привычки.

Названныя изслѣдованія—лишь незначительная часть многочисленныхъ трудовъ этого рода, выполненныхъ въ послѣднее время; правда, они привели и къ нѣкоторымъ фантастическимъ выводамъ. Вѣдь нужно принять во вниманіе, что очень многія дѣти могутъ заболѣть тѣмъ или другимъ образомъ и что и внѣ школы есть достаточно причинъ и поводовъ къ заболѣванію. Но, съ другой стороны, какъ засвидѣтельствовано многими изслѣдованіями, школьный воздухъ и школьныя бактеріи—даже въ щеляхъ пола и за ногтями у дѣтей, недостаточное освѣщеніе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ большинства школьныхъ помѣщеній, вредныя въ фізіологическомъ отношеніи сидѣнья, однообразное напряженіе пальцевъ при письмѣ и глазъ, необходимость

сидѣть тихо и неподвижно, какъ основа школьнаго преподаванія, хотя дѣятельность—главное свойство природы ребенка, мука экзаменовъ, загроможденіе памяти и плохіе методы обученія,—все это въ большей или меньшей степени является возбуждителемъ болѣзней.

Современная школа—наиболѣе широко распространенное учрежденіе, какое когда-либо существовало въ мірѣ; она никогда раньше не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ наше время. Сѣверная Африка, Новая Зеландія, Египетъ и многія страны, до самаго послѣдняго времени оставшіяся нецивилизованными, развили у себя, при нынѣшней колониальной политикѣ, превосходныя школьныя сѣти. Дѣтвора почти всего міра посѣщаетъ школы, гдѣ щекочутъ ея мозгъ и подвергаютъ его своеобразной татуировкѣ. Мы уже совсѣмъ позабыли, что люди и прежде бывали не только хорошими, но и великими гражданами, хотя они въ своемъ идилическомъ невѣжествѣ ничего не знали о прославленной выдумкѣ Кадма. Если эта—колоссальная школьная машина, въ которую теперь каждый вѣрится такъ непоколебимо, угрожаетъ хотя бы въ малой степени разрушить физическое благополучіе человѣческаго рода, то, значитъ, она плоха. Знаніе, купленное цѣною здоровья, которое съ высшей точки зрѣнія есть само по себѣ нѣчто совершенное или святое, не стоитъ такой дорогой цѣны. Здоровьемъ обусловлены высшія радости жизни, здоровье означаетъ совершенную зрѣлость, національное благополучіе. Не должны ли мы задать себѣ съ тревогою вопросъ: какая польза ребенку, если онъ овладѣетъ всѣмъ міромъ познаній, но утратитъ на этомъ здоровье?

Опасность чувствуется всѣми, и потому быстро вводятся повсюду школьныя экскурсіи, купанья, школьныя сады, завтраки въ школахъ, начинаютъ заботиться о введеніи въ различныхъ школахъ гимнастики, врачебнаго надзора, школьныхъ поликлиникъ; все это въ послѣднее время просто предписывается и регулируется официальной властью. Не всѣ мѣропріятія новы, но

многія изъ нихъ неизвѣстны были раньше. Упомянемъ также объ интересномъ стремленіи снова ввести старый англійскій спортъ и даже древнія греческія игры; далѣе— объ основательномъ психологическомъ изслѣдованіи игрушекъ и о различныхъ имѣвшихъ въ послѣднее время мѣсто въ Европѣ выставкахъ игрушекъ; затѣмъ— о новыхъ гигиеническихъ законахъ, опредѣляющихъ, гдѣ и какъ строить школьныя зданія и иногда какъ писать и печатать школьныя книги; о распространеніи прямого письма, ибо оно требуетъ прямого положенія тѣла, наконецъ, о новыхъ методахъ развитія руки и тѣла, опирающихся на различіе фундаментальныхъ движеній отъ болѣе позднихъ, болѣе тонкихъ и болѣе внѣшнихъ второстепенныхъ движеній. Остановимся изъ всего этого хотя бы на врачебномъ надзорѣ за школами; онъ, можетъ быть, нигдѣ не проводится такъ хорошо, какъ въ нѣкоторыхъ городскихъ округахъ въ Парижѣ, гдѣ молодые врачи изслѣдуютъ глаза, уши и пищевареніе каждаго ребенка и вписываютъ въ такъ-называемыя книги здоровья совѣты для родителей и учителей относительно діеты, тѣлесныхъ упражненій и ученія; кромѣ того, они осматриваютъ также школьныя зданія и площади. Существуетъ правильный взглядъ, что обо всемъ нужно судить съ точки зрѣнія здоровья и что воспитательная система должна способствовать улучшенію, но отнюдь не ухудшенію здоровья дѣтей.

Первое изслѣдованіе круга мыслей у дѣтей было предпринято въ Берлинѣ въ 1869 году; оно обнаружило ужасающее невѣжество касательно вещей, которыя должны бы знать каждый ребенокъ. До тѣхъ поръ предполагали, будто онъ ихъ, дѣйствительно, знаетъ. Благодаря любезности госпожи Куинси Шоу, я имѣлъ возможность произвести въ 1880 году обширныя изслѣдованія надъ большимъ числомъ бостонскихъ дѣтей при ихъ поступленіи въ низшій классъ народной школы. Тактичные и опытные люди, задававшіе дѣтямъ вопросы, пришли къ убѣжденію, что четырнадцать процентовъ

этихъ шестилѣтнихъ дѣтей никогда не видѣли звѣздъ и не имѣли о нихъ никакого представленія; тридцать пять процентовъ дѣтей никогда не бывали въ деревнѣ; двадцать процентовъ не знали, откуда получается молоко; пятьдесятъ пять процентовъ не знали, откуда берутся деревянныя вещи; тринадцать—пятнадцать процентовъ не знали названій для зеленого, голубого и желтаго цвѣта; сорокъ семь процентовъ никогда не видѣли свиньи; шестьдесятъ процентовъ не видѣли никогда щегленка; тринадцать—восемнадцать процентовъ не знали, гдѣ ихъ щека, лобъ, глотка и еще меньше изъ нихъ знало, гдѣ ихъ локоть, ребра и т. д. Болѣе трехъ четвертей всѣхъ дѣтей не видѣли никогда обыкновенныхъ хлѣбныхъ злаковъ, деревьевъ или произрастающихъ овощей и ничего не знали о нихъ. Вопросы относились именно къ этимъ, а не къ другимъ какимъ-нибудь предметамъ потому, что большинство изъ нихъ составляетъ матеріалъ первыхъ школьныхъ книгъ или элементарнаго обученія, которое—какъ показываетъ эта новая наука о невѣжествѣ—имѣетъ дѣло съ простыми, ничего не говорящими ребенку словами, а не съ реальными вещами. Что могли вынести изъ всего преподаванія о кожѣ, рогахъ, молокѣ и т. д. тѣ восемнадцать процентовъ дѣтей, которыя полагали, что настоящая корова не больше изображенной на ихъ картинкѣ? Деревенскія дѣти выдаются, конечно, въ этой области знаній, и хотя они въ общемъ знаютъ меньше городскихъ дѣтей, но знаютъ свое немногое лучше и обладаютъ большею способностью къ сосредоточенію вниманія. Въ Аннабергѣ, въ Саксоніи, подобныя основательныя и часто повторяющіяся изслѣдованія кладутъ теперь въ основу преподаванія въ первые школьные годы.—Изслѣдованія о цвѣтахъ и краскахъ выполнены Г. К. Вольфе, Барнесомъ, госпожей Гиксъ и другими. Вольфе подвергъ испытанію способность дѣтей—въ возрастѣ между пятью и семнадцатью годами—къ распознаванію красокъ и къ ихъ наименованію и установилъ такую послѣдователь-



ность въ узнаваніи: бѣлая, черная, красная, голубая, желтая, зеленая, блѣдно-красная, оранжевая, фіолетовая краска.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ интересныхъ изслѣдованіяхъ госпожи Калькинсъ и другихъ о цвѣтномъ слухѣ и о формахъ чиселъ; госпожи Уайтингъ объ индивидуальности основныхъ чиселъ—эти изслѣдованія даютъ возможность объяснить не только аномаліи, встрѣчающіяся чаще, чѣмъ до сихъ поръ предполагали, но и научаютъ, какъ ихъ излѣчивать—и о статистическихъ изслѣдованіяхъ семи видовъ лжи, которые встрѣчаются среди дѣтей. Т. Л. Болтонъ изучилъ объемъ памяти для чиселъ до девяти знаковъ и установилъ, что объемъ памяти увеличивается скорѣе съ возрастомъ, чѣмъ съ развитіемъ ума; онъ больше у дѣвочекъ, чѣмъ у мальчиковъ, и представляетъ собою масштабъ для опредѣленія способности продолжительнаго и сосредоточеннаго вниманія. Болтонъ нашелъ далѣе, что на первой ступени забывчивости порядокъ послѣдовательности не важенъ; при слишкомъ большомъ числѣ представленій онъ имѣетъ большее значеніе, и представленія забываются въ обратномъ отношеніи къ ихъ отдаленности отъ начала даннаго ряда представленій.

Теологическая и религіозная жизнь дѣтей изслѣдовалась на очень многихъ изъ нихъ. Эти изслѣдованія показали, что небесный сводъ является главною областью для религіозныхъ представленій, что дѣти очень ясно представляютъ себѣ Бога, ангеловъ, небо и самымъ матеріальнымъ образомъ связываютъ ихъ со звѣздами, облаками и громомъ. Богъ представляется имъ, на примѣръ, большимъ синимъ человѣкомъ, который выливаетъ на землю дождь изъ большихъ ведеръ, бьетъ по облакамъ, чтобы произвести громъ, укладываетъ на ночь спать солнце и луну, беретъ къ себѣ на небо мертвыхъ людей, птицъ и даже поломанныхъ куколъ, распредѣляетъ между папами и мамами маленькихъ дѣтей и находится въ тѣсной дружбѣ со св. Николаемъ. Хотя эта дѣтская фило-

софія не находитъ себѣ поддержки со стороны взрослыхъ, хотя въ каждомъ пунктѣ передъ ребенкомъ обнаруживаютъ ея несостоятельность, и она въ началѣ школьной жизни заслоняется другими представленіями, тѣмъ не менѣе она очень устойчива; правда, взрослому чловѣку такъ же трудно вскрыть ее въ глубинѣ души ребенка, какъ электрическому свѣту уловить тѣнь. Барнесъ установилъ, что между седьмымъ и десятымъ годомъ жизни въ ребенкѣ возникаютъ неопредѣленные вопросы и сомнѣнія относительно первыхъ понятій, которыя до тѣхъ поръ принимались на вѣру, не возбуждая ни сомнѣнія, ни потребности въ объясненіи; съ возрастомъ увеличивается сомнѣніе и достигаетъ наибольшаго напряженія на тринадцатомъ или четырнадцатомъ году, когда критическое отношеніе къ окружающему серьезнѣе, чѣмъ позже. Барнесъ изучалъ у дѣтей также половыя чувства и представленія. Госпожа А. Е. Выкова изслѣдовала дѣтей дурно читающихъ по причинамъ, коренящимся въ физическихъ недостаткахъ и недомоганіяхъ.

Всѣ эти изслѣдованія показываютъ, какъ легко школьное обученіе можетъ оказаться безуспѣшнымъ, насколько важна фантазія на дѣтской ступени развитія и какую большую роль играютъ подражаніе и стремленіе уподобиться взрослымъ. Вышеописанную дѣятельность Рэсселя нужно отнести сюда, она обѣщаетъ очень цѣнные результаты. Мы нуждаемся также въ точныхъ, объективныхъ изслѣдованіяхъ—они могутъ быть выполнены разсудительными матерями и учителями, если они сосредоточатъ вниманіе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ—о страхѣ, чувствѣ стыдливости, о гнѣвѣ, сожалѣніи, явленіяхъ плача, необыкновенныхъ проявленіяхъ воли, о чертахъ, которыя улучшаются или ухудшаются подъ вліяніемъ школы, о вліяніи тѣлесныхъ уродливостей, разумнаго и неразумнаго преподаванія религіи или о томъ или другомъ изъ удивительныхъ и часто встрѣчающихся явленій періодичности, которыя описалъ

Зигертъ, полагающій, что всякое развитіе достигаетъ своей цѣли зигзагами и что у умныхъ, живыхъ дѣтей есть также свои періоды хаоса. Мы не можемъ остановиться здѣсь на необыкновенныхъ дѣтяхъ или на педагогической патологіи,—какъ ее назвалъ Штрюмпель и какъ ее разработали Николаи, Зигертъ и другіе,—не можемъ коснуться изслѣдованій, предпринятыхъ надъ слѣпыми, глухими, идиотичными и преступными дѣтьми; послѣднихъ слѣдовало бы выдѣлить въ совершенно особую главу. Человѣческая натура на этой ступени крайне сложна, и только люди съ изъ ряда вонъ выходящими образованіемъ и подготовкой и съ выдающимся талантомъ могли бы изучать ее въ цѣломъ. Несомнѣнно, теперь мальчики и дѣвочки представляются намъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ до сихъ поръ, и это обстоятельство приведетъ къ большому преобразованію методовъ и предметовъ школьнаго обученія.

Если мы перейдемъ къ стадіи половой зрѣлости у юношества, то найдемъ, что юношескій возрастъ представляетъ фізіологическое возрожденіе; въ это время развиваются новыя черты характера и новыя страданія, органы и клѣтки; мальчики и дѣвочки становятся самостоятельными и должны посвящать свое время и свои интересы другимъ и общимъ дѣламъ и вопросамъ; кончается жизнь индивидуума и начинается жизнь расы; углубляется религіозное чувство, и почти каждый религіозный культъ почитаетъ и выдѣляетъ этотъ періодъ самыми торжественными церемоніями. Бэрнгамъ ясно изобразилъ большой ростъ жизнеспособности и энергіи въ этотъ періодъ, въ теченіе котораго природа передаетъ человѣку капиталъ жизненной силы, а Данісль показалъ статистически и психологически, какъ тѣсно связанъ этотъ періодъ съ возрожденіемъ—въ религіозномъ смыслѣ. Большая опасность состоитъ лишь въ томъ, чтобы низшіе элементы не развились въ чрезмерной степени. Однако ничто не поддается такъ воспитанію, какъ любовь. Какъ показываютъ новыя пато-

логическія изслѣдованія, любовь можетъ соединиться почти съ каждымъ дѣйствіемъ или любимъ предметомъ. Она можетъ воспринять и претворить въ себѣ все дурное изъ окружающей среды или подняться по ступенямъ небесной лѣстницы къ престолу Бога, какъ то описываетъ Платонъ въ своемъ „Пирѣ“. Молодежь нуждается въ возбуждающемъ вліяніи, которое, подобно свѣжему вѣтру, надувающему паруса, вызываетъ къ дѣятельности новыя нервныя ткани и способности, въ противномъ случаѣ увядающія. Если отсутствуетъ воодушевленіе высшими жизненными цѣнностями и нѣтъ глубокаго и живого интереса къ духовнымъ и нравственнымъ вопросамъ, тогда страсть сказывается сильно. Въдѣ оба момента, моментъ духовный и моментъ страсти, въ нѣкоторомъ смыслѣ физиологическіе или кинетическіе эквиваленты, и если молодой человѣкъ отдается этой склонности въ юношеское десятилѣтіе и погрязаетъ въ пьянствѣ и порокѣ, то онъ становится затѣмъ (сколько ихъ—такихъ юношей!) въ высокой степени пресыщеннымъ, апатичнымъ, стоически-равнодушнымъ и не способнымъ къ какому бы то ни было воодушевленію. Это несчастье для студенческой молодежи, если она утрачиваетъ свѣжесть и наивность, и студенты уже въ первый годъ академической жизни становятся солидными свѣтскими людьми вмѣсто того, чтобы быть въ соотвѣтствіи со своимъ возрастомъ неопытными и робкими. Желательно было бы, чтобы ошибались люди, говорящіе объ увеличеніи порочныхъ склонностей въ послѣдніе годы среди учащихся высшихъ и среднихъ школъ.

До настоящаго времени предпринято было мало систематическихъ изслѣдованій объ учащихся въ высшихъ школахъ въ Сѣверной Америкѣ. Исключеніе составляютъ лишь систематическія взвѣшиванія и измѣренія, связываемыя съ гимнастикой. Дрю собралъ 356 любовныхъ стихотвореній изъ переписки студентовъ и опубликовалъ интересныя данныя о наиболѣе часто

упоминающихся чертахъ лица и свойствъ характера возлюбленныхъ. Профессора большихъ высшихъ школъ въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки предлагали учащимся на четвертый годъ посѣщенія ими школы четыре вопроса объ изученіи философскихъ дисциплинъ (оно было необязательно)—о тѣхъ проблемахъ, которыя ихъ при этомъ наиболѣе интересовали и т. д. Отвѣты учащихся очень интересны, но изъ этихъ данныхъ невозможно составить одну цѣльную картину. Настроеніе и мнѣнія учащихся становится, повидимому, все вліятельнѣе; дежурные—старшіе учащіеся поддерживаютъ порядокъ даже при отсутствіи учителей; по идеаламъ учащихся можно прекрасно предсказать будущее. Учащіеся не только самостоятельно выбираетъ предметы своихъ занятій, но и вообще самъ рѣшаетъ, поступать ли ему въ высшую школу или нѣтъ. Во внутренней жизни школы академическое управленіе—родъ психологическаго машиностроительства, примѣняемаго къ чувствамъ и идеаламъ болѣе зрѣлой молодежи. Общество избранныхъ молодыхъ людей, обучаемыхъ выдающимися учителями, освобожденныхъ отъ всѣхъ заботъ практической жизни и приходящихъ въ общеніе съ превосходными умами всѣхъ временъ, должно бы въ своихъ безкорыстныхъ, свободно нарождающихся идеалахъ выявить господствующія въ народной душѣ теченія. Въ ореолѣ удивительнаго, ему одному свойственнаго обаянія это общество является, можетъ быть, наиболѣе интереснымъ въ мірѣ и заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія. У студенческой жизни свои собственные законы, совершенно не зависящие отъ программы и плана занятій и для многихъ болѣе важные, чѣмъ послѣдніе. Если господствующій въ ней тонъ понижается и искажается, какъ то бываетъ въ нѣкоторые періоды и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, тогда и нравственности угрожаетъ серьезная опасность.

Въ этой области необходимы дальнѣйшія изслѣдованія. Хорошо было бы, если бы нѣсколько изъ самыхъ

большихъ высшихъ школъ побудили какого-нибудь специально подготовленнаго и обладающаго природнымъ тактомъ ученаго посвятить свое время изслѣдованію и усовершенствованію университетской жизни, — вообще жизни высшихъ школъ; найти себѣ сотрудниковъ уже его дѣло. Богатый матеріалъ для изслѣдованій, такъ сказать, изъ естественной исторіи студенчества, представляютъ 200 журналовъ, издающихся высшими школами въ Сѣверной Америкѣ. На моральное настроеніе и на обычаи можно было бы вліять путемъ лекцій по исторіи студенческой жизни, начиная со среднихъ вѣковъ. Корпорации, кодексы чести, братства, спортъ, развлечения и т. д.; статистическое изслѣдованіе о выборѣ предметовъ занятій и опредѣляющихъ этотъ выборъ мотивахъ, письменныя работы и темы, религіозная жизнь и религіозныя потребности студентовъ—новая проблема, представшая въ послѣднее время передъ многими духовными лицами, входящими въ составъ педагогической коллегии высшихъ школъ; затѣмъ, особенно близкое знакомство со всей жизнью студента и личное знакомство съ нимъ, какъ съ учащимся и какъ съ спортсменомъ—все это указываетъ на новую область съ новымъ методомъ изслѣдованія,—область, которую можно было бы назвать высшей антропологіей.

Любовь къ природѣ и изученіе природы, какъ часть воспитанія *).

Моя тема—любовь къ природѣ и изученіе природы—очень стара и трактовалась не однажды. Природу изслѣдовали во всѣ времена, что всегда встрѣчало одобреніе. Однако, хотя эта тема поизносилась и стала общимъ мѣстомъ, тѣмъ не менѣе каждый согласится, что изученіе есть облагораживающее занятіе для человѣка, любовь—самое возвышенное чувство и природа, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,—наиболѣе содержательная изъ всѣхъ возможныхъ темъ; потому-то заранѣе ясно, что въ то ограниченное время, которымъ я располагаю, я смогу коснуться лишь немногихъ пунктовъ моей обширной темы, да и тѣхъ—лишь въ общихъ чертахъ. Я хочу показать, особенно, и прежде всего, что естествознаніе, искусство, литература, религія, человѣческая исторія и общество суть пять большихъ предметовъ не только для воспитанія, но и для свободной любознательности. Почти всѣ учебныя программы міра черпаютъ весь свой матеріалъ изъ этихъ областей, и каждая учебная программа коренится въ любви къ природѣ и въ изученіи ея.

Впрочемъ, это требуетъ нѣкотораго поясненія, и мы бросимъ взглядъ на исторію каждой изъ тѣхъ пяти областей. Начнемъ съ естествознанія.

I. Астрономія, напримѣръ, обязанная своими началами Евдоксію и Гиппарху и своимъ развитіемъ—Копернику, Галилею и Кеплеру, есть созданіе одного изъ самыхъ

*) The Love and study of Nature: A Part of education (Agriculture of Massachusetts 1898).

возвышенныхъ человѣческихъ интересовъ,—интереса къ небесному своду, простирающемуся надъ нами. Начиная съ Тихо Браге, уединившагося на цѣлые годы на безлюдномъ островѣ и посвятившаго себя всецѣло звѣздамъ, и вплоть до Пикеринга, фотографировавшаго въ теченіе своей ночной дѣятельности все небо по заранѣ выработанному, приобширномъ сотрудничествѣ другихъ ученыхъ, плану,—до Гольдена—на вершинѣ горы Гамильтона; до Лауэля—на Чимборасо, пытающагося разрѣшить спорный вопросъ о каналахъ на Марсѣ; до покойнаго Гульда, жившаго въ добровольномъ изгнаніи въ Южной Америкѣ, вдали отъ своей родины; до Тодда, предпринимавшаго экспедиціи для изученія солнечнаго затменія,—всѣ они были воодушевлены этой большой любовью къ природѣ, и вся наука астрономіи создана ея святыми, мучениками и отшельниками, окрыленными великой страстью раздвигать границы знанія все дальше и дальше, для того, чтобы человѣчество могло узнать о безконечномъ небесномъ пространствѣ, оживленномъ мириадами звѣздъ.

Физика и химія, начиная съ Роджера и Франциса Бэкона, черезъ періодъ алхиміи и черныхъ искусствъ ботаника, увлекавшая людей въ негостепріимныя, часто опасныя страны, гдѣ ихъ ожидали всяческія лишения и трудности; біологія, которой служили столь разнообразныя поклонники: Линней, Ламаркъ, Кювье, Сэнтъ-Илеръ, Одюбонъ и позже Дарвинъ, Гагенъ и экспедиція Challenger'a, какъ и многія другія путешествія, предпринятія въ цѣляхъ научныхъ изслѣдованій; географія отъ Марко Поло и до Стэнли и Нансена; геологія отъ Плинія; анатомія отъ Галлера и великихъ анатомовъ семнадцатаго вѣка,—все это созданія и труды людей, отказавшихся отъ пріятной жизни, принесшихъ въ жертву общечеловѣческое предпочтеніе къ общему знанію и отдавшихъ своей спеціальности съ увлеченіемъ, родственнымъ увлеченію и воодушевленности Симеона Столпника или траппистовъ. Они поистинѣ достойны той чести, которую хотѣлъ почтить ихъ Контъ, когда на-

звалъ каждый день года по имени этихъ творцовъ науки, подобно тому, какъ въ католическомъ календарѣ каждый день посвященъ имени какого-нибудь святого, выбраннаго изъ многихъ тысячъ ему подобныхъ, изъ подвижнической жизни которыхъ складывается великое зданіе добродѣтели.

II. Природа, кромѣ того, во всѣ времена была музой, вдохновлявшей художниковъ всѣхъ направленій. Чтобы писать ландшафты, какъ Клодъ Лоренъ, Тэрнеръ и другіе, чтобы понимать все ихъ значеніе, нужно умѣть видѣть сердцемъ. Строительное искусство, ведущее свое происхожденіе отъ лѣса, деревьевъ и формъ листьевъ, искусство скульптора, все еще заимствующее предписанія у греческаго искусства, стоявшаго такъ близко къ природѣ; поэзія, развившаяся изъ описанія и повѣствованія; музыка, возникшая изъ пѣнія птицъ, шума волнъ и вѣтра и другихъ звуковъ въ природѣ—все указываетъ, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и своими общими, руководящими принципами, что лучшее искусство—это то, которое стоитъ ближе всего къ природѣ, а лучший художникъ тотъ, кто остается наиболѣе естественнымъ въ своемъ творествѣ. Это чрезвычайно убѣдительно изложено Джономъ Рэскиномъ; онъ ставитъ во главѣ всѣхъ творческихъ талантовъ тѣхъ, чьи сердца бились въ унисонъ со звѣздами, небомъ, бурей, горами, цвѣтами, животными, временами года, восходами солнца и всѣми измѣнчивыми явленіями ночи, дня, климата и т. д. Вашонъ, недавно закончившій обширный трудъ въ нѣсколько томовъ *in quarto* о состояніи искусства въ различныхъ странахъ Европы и неизвѣстный авторъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ послѣднихъ лѣтъ „Рембрандтъ, какъ воспитатель“ сходятся въ двухъ выводахъ: во-первыхъ, въ томъ, что лучшими художниками слѣдуетъ считать тѣхъ, которые наиболѣе полно сохраняютъ чувства и идеи своего юношескаго расцвѣта до зрѣлаго и даже престарѣлаго возраста, и, во-вторыхъ, что большинство изъ тѣхъ, кто по лѣстницѣ славы приближается

къ вершинѣ, во всѣхъ областяхъ искусства воодушевлялись окружающей ихъ средой, гдѣ они провели наиболѣе воспримчивыя юношескіе годы; они нашли наиболѣе совершенное выраженіе для естественныхъ реакцій юности на вызванныя въ нихъ тогда впечатлѣнія, на пережитый ими тогда опытъ.

III. Тотъ же законъ господствуетъ и въ литературѣ, если только имѣть въ виду тѣ страны, гдѣ она зародилась изъ національныхъ, оригинальныхъ источниковъ. Содержаніе и матеріалъ древней арійской литературы, разработкѣ которой Максъ Мюллеръ посвятилъ свою жизнь, въ большинствѣ—блѣдныя метафоры, описывающія зарю дня, облака, бурю, молнію; послѣднія олицетворяются, и ихъ обычныя явленія преобразовываются въ аллегоріи человѣческой жизни. Всѣмъ извѣстно, что Геркулесъ и Вильгельмъ Тель—герои солнечнаго культа, какъ показываетъ этимологія ихъ именъ и ихъ героическіе подвиги. Діана—мѣсяць, Агайгу—буря, Вулканъ—огонь, Юпитеръ—небо и т. д. То же можно утверждать и относительно ранней германской литературы: Брунгильда, Торъ, Рогенъ также божества природы. Ранняя французская литература состоитъ изъ простыхъ басенъ о животныхъ, подобныхъ баснѣ о Рейнгардѣ-Лисѣ—о ней говорятъ, будто въ ней было выведено не меньше тысячи дѣйствующихъ животныхъ и будто она вышла въ тысячи изданіяхъ—переработанныхъ въ символическую форму; она служила яблокомъ раздора въ долгихъ религиозныхъ спорахъ между католиками и протестантами. У Эзопа мы находимъ другой, болѣе старинный циклъ сходнаго происхожденія и содержанія. Утверждаютъ, что животныя отражали человѣческую жизнь. Возьмемъ ли мы далѣе какое-нибудь собраніе родовыхъ гербовъ, исторій или сравнительное изслѣдованіе по космологіи,—вездѣ мы наталкиваемся на то же правило. Къ первымъ продуктамъ творчества греческаго духа принадлежатъ орфическіе гимны; нѣкоторые, и притомъ лучшіе изъ нихъ, обращены къ ночи, небу, воздуху, эху, землѣ,

солнцу, звѣздамъ, облакамъ, природѣ, Пану и т. д. Въ исторіяхъ національныхъ литературъ или въ особыхъ спеціальныхъ частяхъ послѣднихъ (см. Фейчъ, Бизе, Рейнольдсъ, Фишеръ о вліяніи моря на поэзію) и чѣмъ глубже мы удаляемся въ прошлое, тѣмъ очевиднѣе и безусловнѣе проступаетъ вліяніе природы.

IV. Религія. По мнѣнію Макса Мюллера изъ трехъ тысячъ арійскихъ божествъ почти всѣ, если не всѣ, были первоначально олицетвореніями силъ и явленій природы, и я осмѣливаюсь утверждать, что почти всѣ, часто встрѣчающіеся или бросающіеся въ глаза предметы въ природѣ, служили гдѣ-либо и когда-либо для того или иного народа, того или иного лица объектомъ высшаго почитанія. Персы и вавилоняне поклонялись звѣздамъ, и ихъ священнослужители были астрологами. Солнце и луна были высшими божествами для Сократа, и многочисленные храмы были посвящены ихъ культу. Даже Іоанна Амброзіусъ, эта достойная удивленія нѣмецкая поэтесса крестьянскаго происхожденія, молитъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній о томъ, чтобы ей дано было провести вѣчность послѣ смерти на лунѣ. Огонь, который Гераклитъ объявилъ высшимъ началомъ всего сущаго, служилъ объектомъ поклоненія у парсовъ, и Зенда-Веста—библія ихъ религіи. Индѣйцы на Востокѣ считали облака, бурю, погоду и молнію божественными. Многіе дикари обоготворяютъ воду, а Өалесъ называлъ ее лучшимъ откровеніемъ божества. Не только дикари, но и полуцивилизованные народы—фетишисты; они преклонялись въ религіозномъ трепетѣ передъ камнями и другими безжизненными предметами и употребляли ихъ какъ волшебныя средства и амулеты; объ этомъ можно прочесть подробно въ чрезвычайно интересной книгѣ Кондара „Хетъ и Моабъ“. Предсказанія по звѣздамъ и растеніямъ, какъ одно изъ выраженій народнаго суевѣрія, суть пережитки обширнаго религіознаго культа, который устанавливалъ связь между растеніями и планетами и въ меди-

цинскихъ, и въ священныхъ цѣляхъ черезъ ученіе о своеобразныхъ цѣлительныхъ свойствахъ. Уже само имя друидовъ намекаетъ на то, что они были поклонниками деревьевъ, и для нихъ, какъ ни для кого другого, роши являлись первыми храмами божества. Почти всѣ первобытные жители Америки почитали свои родовые гербы и вѣрили, что четвероногія животныя и птицы суть воплощенія великихъ героевъ прошлаго; благодаря переселенію душъ, они вошли въ тѣла животныхъ. Фергюсонъ доказалъ съ достовѣрностью, что почитаніе змѣй было раньше распространено по всей землѣ.

Конфуцій и китайцы и многіе политеисты почитаютъ своихъ человѣческихъ предковъ или великихъ людей, возводя ихъ въ полубоговъ. Пантеизмъ, религія многихъ образованныхъ людей въ наше время, которую они исповѣдуютъ болѣе или менѣе сознательно, есть обоженіе природы. Много разъ утверждали, что единство духа и вѣры, называемое монотеизмомъ, — достиженіе его было величайшимъ актомъ человѣческой души, — никогда не было бы достигнуто человѣкомъ, если бы не вліяніе всеобъемлющаго, голубого, пустого небеснаго пространства, общеніе съ которымъ установилось на горѣ Синаѣ или другой какой-нибудь священной горѣ. Изслѣдованіе священныхъ книгъ многихъ религій показываетъ, насколько господствующую роль играли при возникновеніи въ мірѣ религіознаго сознанія предметы и явленія природы и въ какой чрезвычайной степени были бы различны религіи безъ символизма, общаго многимъ наиболѣе выдающимся изъ нихъ.

V. Человѣкъ—великолѣпный, совершенный цвѣтокъ природы. Развиваясь, начиная съ дѣтства или даже съ зародышеваго состоянія, каждый изъ насъ повторяетъ въ своей собственной индивидуальной жизни всю исторію жизни съ тѣхъ поръ, какъ она началась на нашей планетѣ. Всѣ мы, дѣйствительно, были растеніями или животно-растеніями, простѣйшими, и т. д., такъ какъ мы снова

проходимъ черезъ каждую изъ этихъ ступеней. Человѣческій мозгъ, которому міръ обязанъ всѣми открытіями,—единственный проводникъ божественнаго въ міръ; поэтому для человѣка, стоящаго на вершинѣ природы, его собственное существо всегда было главнымъ предметомъ интереса; по извѣстному выраженію англійскаго поэта Попа, наивысшая наука для человѣчества есть наука о человѣкѣ, и философы также увѣряли людей, что они вовсе не могутъ думать о себѣ слишкомъ высоко. Поэтому вполне естественнымъ образомъ личность человека—наше средство для познанія божества, и даже теперь еще кое-гдѣ почитается лишь маленькимъ заблужденіемъ постановка вопроса, не есть ли Богъ нѣчто высшее, чѣмъ личность, хотя бы мы при этомъ признавали, что онъ во всякомъ случаѣ не ниже личности. Съ этой точки зрѣнія устанавливаются всѣ основоположенія антропологическихъ изслѣдованій, и если главное содержаніе Библии, по словамъ Эмерсона, вылилось изъ великаго сердца природы, то человѣкъ черпалъ изъ того же источника еще гораздо больше и сталъ для себя самымъ возвышеннымъ изъ всѣхъ откровеній. Перефразируя старое изреченіе объ отношеніи Новаго Завѣта къ Вѣтхому, мы можемъ сказать: человѣкъ скрытъ въ природѣ, а въ человѣкѣ природа открываетъ самое себя. Бытіе и разумъ человека возвышаютъ всѣ вещи въ высшую потенцію въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употреблялъ это выраженіе Шеллингъ, такъ какъ человѣкъ—микрокосмъ, и чтобы знать все, заложенное въ человѣкѣ, нужно узнать все, что заключается во вселенной.

Изъ этихъ простыхъ и краткихъ характеристикъ мы можемъ видѣть, что въ природѣ (въ широкомъ смыслѣ этого могучаго слова) повсюду таятся человѣческіе интересы и что любовь къ природѣ и изученіе ея можно бы сдѣлать первой обязанностью и высшей цѣлью человѣческаго существованія.

Теперь перейдемъ къ совершенно иной части нашей

темы и покажемъ, какъ развитіе ребенка на его первыхъ ступеняхъ проходитъ черезъ всѣ эти стадіи любви и интереса. Я отмѣтилъ у себя сотни случаевъ, когда дѣти собирали камни, сучки, куски металла, обломки глиняной посуды, дерево, кости, кору, кожу, тряпки и безчисленное множество другихъ неодушевленныхъ предметовъ, приписывали имъ родъ рудиментарнаго чувства, заворачивали гладкіе, свѣтлые или красиво окрашенные камни въ бумажныя ткани, старались сохранять ихъ въ тепломъ мѣстѣ, носили ихъ въ карманѣ и даже разговаривали съ ними, придумывали цѣлыя исторіи объ ихъ переживаніяхъ и слагали миѳы; ихъ можно назвать фетишистами въ полномъ смыслѣ этого слова. Вѣроятно, каждый изъ насъ продѣлалъ нѣчто подобное въ своей молодости, но память рѣдко сохраняетъ слѣды такихъ переживаній: они должны изгладиться, чтобы очистить мѣсто для высшихъ духовныхъ содержаній. То же продѣлываютъ часто наши собственныя дѣти или дѣти нашихъ друзей и знакомыхъ, незамѣтно для даже самыхъ нѣжныхъ родителей. Большинство дѣтей въ цивилизованныхъ странахъ скрываютъ свой фетишизмъ, ибо у нихъ рано появляется неясное предчувствіе будущей враждебной точки зрѣнія къ этому явленію. У меня имѣется также большое собраніе самопроизвольныхъ разговоровъ или молитвъ, обращенныхъ американскими дѣтьми къ солнцу или лунѣ и иллюстрирующихъ нѣкогда широко распространенное астрологическое сознаніе. Многія дѣти видятъ на лунѣ лица недавно умершихъ знакомыхъ или родителей, Бога, Пресвятой Дѣвы Маріи, Христа и т. д. Они воображаютъ луну чѣмъ-то въ родѣ внѣшней со- вѣсти и вѣрятъ, что она удаляется въ глубь неба или становится меньше и темнѣе, когда они совершили дурной поступокъ; что она сердится, стыдится, прячется пристыженная за облака, проливаетъ слезы, когда они дурно себя ведутъ, и, наоборотъ, что она подходитъ ближе къ землѣ, становится больше и яснѣе, когда они

ведутъ себя хорошо, и въ рѣдкихъ случаяхъ даже съ похвалою отзыается объ ихъ дѣйствіяхъ. Сходнымъ образомъ они и цвѣтамъ приписываютъ своеобразный языкъ. Роза говоритъ о любви, фіалка—о скромности, лилія—о царственной красотѣ, макъ—о снѣ, козій листъ, колокольчикъ, тюльпанъ, кольчатый цвѣтокъ, львиная пасть, дикая роза, жасминъ, гіацинтъ, трилистникъ, желтоголовникъ, полевая маргаритка,—все эти названія, если обратиться къ ихъ этимологіи, показываютъ, по крайней мѣрѣ, какъ близки цвѣты сердцу человѣка и съ какой теплотой онъ всегда къ нимъ относится. У нихъ свои нравственныя качества, они поясняютъ, иллюстрируютъ собою психологическія свойства, украшаютъ землю и радуютъ сердце человѣка. Ихъ благоуханіе напоминаетъ еиміамъ и чудо ихъ отношеній къ птицамъ и насѣкомымъ, а также ихъ пріятный запахъ вызываютъ въ человѣкѣ особенныя чувства. Мудрецу, срывающему цвѣтокъ съ богатой расщелинами скалы, становится ясно, что узнай онъ о сущности цвѣтка, его корней, его листьевъ и всѣхъ другихъ его принадлежностей, онъ могъ бы знать о сущности Бога и человѣка; между тѣмъ для человѣка, ни надъ чѣмъ не задумывающагося, цвѣтокъ на берегу ручья есть цвѣтокъ—и ничего больше. Великій проповѣдникъ дѣтскихъ садовъ пролежалъ однажды на землѣ—онъ и самъ не зналъ, сколько времени,—не спуская глазъ съ чашечки желтаго цвѣтка, съ черными пятнышками, точно загнилотизированный,—и всталъ перерожденнымъ. Ученіе о цвѣтахъ отражаетъ вполне эту дѣтскую ступень; въ полномъ соотвѣтствіи съ ней слѣдовало бы вести преподаваніе въ этой области, а не убивать, какъ то часто случается, способность усвоенія и произвольный дѣтскій интересъ примѣненіемъ техническихъ методовъ и наименованій изъ ботаники взрослому. Для ребенка деревья, дѣйствительно, разговариваютъ другъ съ другомъ, когда ихъ листья шумятъ, колеблемые вѣтромъ. Дѣти слышатъ и повторяютъ слова, съ которыми де-

ревья обращаются къ птицамъ, приглашая ихъ присѣсть на ихъ вѣтвяхъ и поѣсть ихъ плодовъ, свить гнѣзда и спѣть пѣсни, побраниться, поползать по вѣткамъ и т. д. Имъ представляется страшно жестокимъ обрѣзать деревья и кусты и достойнымъ наказанія срываніе цвѣтовъ; вѣдь это убійство, уничтоженіе живой жизни. Этотъ анимизмъ питаетъ растущій въ ребенкѣ интересъ къ природѣ, пока послѣдній не созрѣетъ и не окрѣпнетъ. Въ этомъ направленіи мы должны были бы серьезно позаботиться о доставленіи ребенку богатой духовной пищи; недостатокъ въ послѣдней приводитъ къ задержкѣ правильнаго развитія души, къ уродливостямъ и искаженіямъ.

То же и по отношенію къ животнымъ. Душа ребенка не видитъ пропасти между любимыми животными и человѣческими существами. Ребенокъ увѣренъ, что собака, кошка, лошадь и часто всѣ другіе звѣри вокругъ него воспринимаютъ, чувствуютъ и мыслятъ, какъ то дѣлаетъ онъ самъ; что они отвѣчаютъ на всѣ его намѣренія и усилія и, хотя говорятъ на совершенно отличномъ отъ человѣческаго языкѣ, но включаютъ въ него иногда многія человѣческія слова; у животныхъ есть души, попадающія послѣ смерти если не на наше небо, то на небо животныхъ; они, можетъ быть, даже общительнѣе родителей или товарищей въ игрѣ; они любятъ и ненавидятъ, боятся и чувствуютъ жажду мести, ведутъ себя хорошо или дурно, понимаютъ и научаются чему-нибудь быстро или медленно, утомляются, подобно куклѣ, одновременно съ ребенкомъ, ѣдятъ, спятъ и ходятъ, какъ ихъ маленькіе человѣческіе владѣльцы или товарищи по игрѣ; они любятъ, чтобы ихъ одѣвали, носили, возили, заботились объ ихъ туалетѣ, разукрашивали ихъ и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, можно бы почти утверждать, что у міра животныхъ имѣются всѣ человѣческія качества, — послѣднія разсѣяны по всей природѣ, — и что этотъ животный міръ можетъ быть очень полезенъ для насъ, если мы хотимъ вве-

сти ребенка въ психологию съ помощью истинно педагогическаго метода. Свинья для ребенка, знающаго ея привычки, а также сущность свиноподобнаго существа, — символъ большой жадности и сильнаго себялюбія не только въ фдѣ, но и въ нечистоплотности; знакомство съ такимъ конкретнымъ воплощеніемъ отталкивающихъ свойствъ даетъ ребенку лучшее понятіе о нихъ и вызываетъ въ немъ надлежащее отношеніе ко всему, что такъ или иначе связано съ ними въ жизни человека. Сказать о женщинѣ: это бабочка или пава, значитъ описать однимъ словомъ такія характерныя черты, для объясненія которыхъ лицу, незнакому съ соответствующими представителями животнаго царства, понадобилась бы цѣлая глава. Подобнымъ же образомъ, гусь, лиса, угорь, левъ, быкъ и медвѣдь, орелъ, голубь, кукушка, ястребъ, пеликанъ, воронъ, змѣя, газель, барсукъ, волкъ, тигръ, слонъ, крокодилъ, щука, гусеница, куколка бабочки и всѣ ея превращенія, пчела, муравей, оса, лѣннивецъ, насѣкомыя, обезьяна, зимняя спячка, переселенія и перелеты, витье гнѣздъ и многія другія вещи, психологическія категоріи или качества, воплощенныя и увеличенныя такъ, чтобы мы видѣли ихъ написанными съ прописной буквы, — прекрасный матеріалъ для нагляднаго обученія тѣхъ, кто переживаетъ ту стадію развитія, когда характеръ поддается формировкѣ и вліянію за и противъ въ каждомъ изъ данныхъ направленій.

Мы можемъ прибавить длинный списокъ болѣе или менѣе мифическихъ звѣрей или ложнаго пониманія животныхъ чертъ со стороны народа. Назовемъ, напримеръ, левиаѳана, феникса, альбатроса, гигантскую лягушку, центавра; фантазія ребенка почти столь же продуктивна въ созданіи невозможныхъ новыхъ звѣрей, какъ и сама природа. Поэтому мы рекомендуемъ звѣринцы, зоологическіе сады, держаніе дома любимыхъ животныхъ, посѣщеніе конюшенъ, музеи съ выставками чучель животныхъ въ самой школѣ, разве-

деніе флоры и фауны въ окрестностяхъ школьнаго зда-
нія, не говоря уже о спеціальныхъ урокахъ въ каждой
школѣ, посвященныхъ насѣкомымъ, птицамъ и четверо-
ногимъ, вреднымъ или полезнымъ для растений, плодовъ
и вообще для сельскаго хозяйства. Исторія паука-пря-
дильщика, виноградная вошь, гусеница, жизнеописаніе
и привычки другихъ паразитовъ, живущихъ на корѣ
или листьяхъ, въ сѣмени или плодахъ, удивительныя
привычки лошадиной мухи, дождевого червя, черезъ
тѣло котораго такъ часто проходила вся наша плодо-
носная почва, обыкновенная комнатная муха съ ея инте-
ресной и болѣе длинной біографіей, чѣмъ мы склонны
предполагать, личинка, червь, моль и летучая мышь,
сѣдобныя рыбы, бурьянъ, сахарный тростникъ, корне-
плоды, травы, картофельный жукъ, конопля, сверлящій
жукъ, вошь, живущая на листѣ яблони, и многія дру-
гія интересныя живыя существа, которыхъ въ послѣд-
нее время такъ основательно изучаютъ въ нашихъ выс-
шихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ,—представляютъ
для дѣтей какъ моральный, такъ и научный интересъ
и даютъ познавательный матеріалъ большой педагогиче-
ской цѣнности (не говорю уже о его хозяйственной
цѣнности); какъ таковому, ему слѣдуетъ отвести одно
изъ первыхъ мѣстъ.

Многія животныя превосходятъ человѣка въ нѣко-
торыхъ свойствахъ ощущенія, инстинкта и тѣлеснаго
развитія; поэтому даже взрослый человѣкъ, изучая жи-
вотныхъ и ихъ привычки, сознаетъ, что имѣетъ дѣло
съ болѣе высокими качествами, чѣмъ его собственныя.
Животныя—не только созданія родственныя намъ, но
старшія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ годящіяся намъ
въ учителя. Превосходство человѣка въ мірѣ опирается
на фактъ, что свойства, ставящія его надъ животными,
многочисленнѣе тѣхъ, въ которыхъ онъ уступаетъ жи-
вотнымъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ способны къ раз-
витію въ высокой и, можетъ быть, даже чрезвычайной
степени. Расцвѣтъ этихъ качествъ наступаетъ, однако,

въ позднемъ періодѣ его развитія, и свойства, отличающія его отъ животныхъ, обнаруживаются послѣдними; задержка въ позднѣйшихъ, критическихъ стадіяхъ развитія юношескаго возраста осуждаетъ его на жизнь, которой недостаетъ именно черты наиболѣе характерной для человѣка. Въ этомъ же заключается причина, какъ показали недавно Дедерлейнъ, Менертъ, Е. Боасъ и другіе, почему люди, вступающіе въ бракъ рано, до достиженія ими полной зрѣлости, передаютъ потомству только тѣ качества, которыя они сами унаслѣдовали,— тогда какъ люди, вступающіе въ бракъ позже, по достиженіи полной зрѣлости, присовокупляютъ къ филетическому развитію расы хотя бы безконечно малый элементъ индивидуальнаго вклада. То же обстоятельство объясняетъ, почему слишкомъ раннее половое развитіе— плохой знакъ для прогрессивнаго развитія рода. Поэтому дѣти въ несовершенной стадіи своего развитія стоятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ животнымъ, чѣмъ къ взрослымъ; въ этомъ направленіи можно открыть богатый источникъ педагогическихъ возможностей, накопленныхъ наслѣдственностью; если его изслѣдовать и использовать, то удастся, по моему убѣжденію, вскрыть педагогическія возможности, о существованіи которыхъ мы сейчасъ и не подозрѣваемъ. Вся исторія прирученія двухсотъ или трехсотъ породъ животныхъ есть большею частью продуктъ этой симпатіи къ животной жизни и животному духу; и если вѣрно утвержденіе, будто большинство животныхъ приручено женщиной, то передъ нами еще одна иллюстрація факта, что жизнь и духъ женщины носятъ въ большей степени печать рода, чѣмъ жизнь и духъ мужчины. Инстинктивный страхъ передъ часто безвредными животными и насѣкомыми и т. д. показываетъ не только, какъ стара и тѣсна связь между человѣкомъ и животнымъ въ прошломъ, несмотря на пропасть между ними въ развитіи, но представляетъ также другой важный элементъ интереса, наиболѣе сильнаго тамъ, гдѣ страхъ и побѣждающая его любовь бо-

рются за господство. Въ этомъ пласту хранятся самыя богатыя залежи палеопсихическаго развитія, и проявленіе соответствующихъ чертъ во многихъ разнообразныхъ культахъ животныхъ у нецивилизованныхъ народовъ представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ иллюстрацій того, какъ стадіи развитія ребенка повторяютъ ступени, по которымъ прошло развитіе рода.

Конечно, мои бѣглыя замѣчанія не могутъ исчерпать такой важной темы, но они выясняютъ или намѣчаютъ, по крайней мѣрѣ, ту точку зрѣнія, ставъ на которую мы тотчасъ же можемъ перейти къ главнѣйшему практическому примѣненію новаго ученія о природѣ. Природа въ этомъ широкомъ смыслѣ слова заключаетъ основной матеріалъ всего воспитанія. Изученіе языковъ есть нѣчто побочное и, въ главномъ, выраженіе природы; математика есть лишь самое точное описаніе фактовъ и законовъ природы, и каждая техническая или методическая часть воспитанія, какъ средство, подчинена одной великой цѣли: познать міръ, въ которомъ мы живемъ. Подумаемъ же, въ какой высокой степени школа исказила естественный порядокъ развитія, даже просто перевернула его. Астрономія—можетъ быть, старѣйшая изъ наукъ—была прежде всего религіей, и ея первое развитіе было продуктомъ чистаго интеллектуальнаго любопытства: Изученіе небесныхъ явленій и предметовъ было нераздѣльно связано для человѣка съ понятіемъ о будущемъ мѣстопребываніи души. Позже сюда присоединилась практическая сторона, т.-е. свѣдѣнія, полезныя для мореплаванія, топографическаго опредѣленія мѣста и т. д. Теперь же астрономическое изслѣдованіе движимо чистой научной страстью знанія ради него самого, и одинъ великій астрономъ совершенно правильно сказалъ въ этомъ отношеніи, что ни одно изъ замѣчательныхъ открытій новой астрономіи девятнадцатаго вѣка не имѣло практической пользы въ обычномъ, утилитарномъ значеніи этого слова.

И, однако, мы всё согласимся, что первый живой интерес ребенка къ физическому небу пропадает не использованнымъ: воспитаніе проходитъ мимо него. Въ среднихъ школахъ рѣдко преподается астрономія. И даже высшія школы видѣли въ обсерваторіи,—въ началѣ девятнадцатаго вѣка, во время Альберта Гопкинса, Митчеля и Бэррета,—лишь средство для облагороженія души. Въ настоящее время большія обсерваторіи не обслуживаютъ даже хотя бы нѣсколькихъ специалистовъ, а среднія школы, введшія у себя этотъ предметъ, начинаютъ съ тщательныхъ опредѣленій полуденныхъ знаковъ (солнечные часы) или отдаютъ время тонкимъ измѣреніямъ различныхъ положеній и опредѣленій времени, промежутковъ времени и затменій и выдвигаютъ, такимъ образомъ, на первый планъ математическую сторону, выступившую въ исторіи развитіи расы такъ поздно, и игнорируютъ совершенно интересное историческое развитіе предмета, начиная отъ Гезіода, и все это вопреки существованію популярныхъ произведеній, въ родѣ книгъ фонъ-Болла, Пекка, Лангли, Сервисса, Юнга и, быть можетъ, даже Ж.-Верна.

Метеорологія начинаетъ фантазіями объ облакахъ. Дѣти, подобно дикарямъ, видятъ на небѣ въ формахъ облаковъ и въ окраскѣ послѣднихъ всё знакомыя вещи въ увеличенномъ и разукрашенномъ видѣ. Бога, св. Николая, всевозможныя сцены послѣдняго суда, великолѣпныя одежды, гирлянды изъ лентъ, флаговъ, битвы, фигуры героевъ и полубоговъ, лица недавно умершихъ знакомыхъ, эльфовъ, ландкарты и т. п.—все это дѣти отыскиваютъ съ величайшимъ усердіемъ и интересомъ и наблюдаютъ за созданіями своей фантазіи; эта своеобразная школа способствовала больше всякой другой созданію фантазіи въ человѣческомъ родѣ, а также его мифологіи; она дала намъ боговъ грома и молніи, построила мосты изъ радугъ къ небу и ввела въ употребленіе большое число правилъ о погодѣ и метафоръ, все еще господствующихъ надъ душевными настроені-

ями человека, господствующих до такой степени, что кривая погоды влияет даже на преступность и на школьную дисциплину. Поэзия и кристаллография сиѣжныхъ хлопьевъ, музыка вѣтровъ и явленія утра и вечера — все это находитъ мало мѣста въ школьныхъ учебникахъ по метеорологіи; вмѣсто этого ребенка вводятъ въ предметъ, сообщая ему латинскія названія облаковъ, динамику воздуха, законы пассатовъ, физику и химию осадковъ и скучныя измѣренія паденія дождя, составъ и давленіе воздуха, измѣреніе рефракціи, физику циклоновъ, уравненія давленій, законы передачи и поглощенія теплоты и геологическое происхожденіе атмосферы. Конечно, перечисленныя свѣдѣнія имѣютъ величайшее научное значеніе и постольку оправдывается ихъ сообщеніе; я лишь утверждаю, что въ данной области воспитанія имъ принадлежитъ послѣднее, а не первое мѣсто. Здѣсь, какъ, впрочемъ, вездѣ, слѣдуетъ задолго до спеціальныхъ изученій ознакомить юношество съ непосредственно заинтересовывающими его предметами, изъ которыхъ выросли всѣ специальности; безъ такого рода пропедевтики у послѣднихъ нѣтъ глубокой почвы, въ которую они могли бы уйти корнями.

Физика, особенно въ высшихъ школахъ, неестественно обходитъ предметы практической жизни и вытѣсняетъ на задній планъ живой, естественный интересъ къ паровымъ машинамъ, батареямъ, цвѣтнымъ кругамъ и безчисленнымъ механическимъ игрушкамъ, которыя способны выяснитъ почти всякій большой законъ и возбуждаютъ въ душѣ ребенка глубокой и самопроизвольный интересъ; на первый планъ мы выдвигаемъ точные, если не строго математическіе, элементы, и вынуждаемъ къ нимъ вниманіе ребенка до наступленія надлежащаго времени. Даже общія понятія о круговращеніи, эфирѣ, колебаніяхъ и силѣ вообще, спекулятивныя размышленія объ эфирѣ, постоянномъ движеніи и о другихъ высоко-теоретическихъ проблемахъ гораздо интереснѣе и въ значительно большей степени обращаются къ научной

фантази, чѣмъ точнѣе изслѣдованія о маятникѣ, рычагѣ, опредѣленія специфической теплоты, измѣренія силы свѣта, математическія формулы отбрасыванія и преломленія лучей и т. д., составляющія матеріаль большинства изъ нашихъ элементарныхъ учебниковъ по физикѣ. Мы охотно соглашаемся, однако, что въ этой наукѣ зло не такъ велико и что уже замѣчается медленный, но вѣрный прогрессъ въ желательномъ направленіи.

Почти то же можно сказать о химіи. Въ этой наукѣ накоплено большое богатство историческаго матеріала, начиная съ алхиміи; онъ долженъ бы послужить развитію интереса, но слишкомъ часто оставляется въ высшихъ школахъ безъ вниманія. У мальчиковъ есть интересъ къ атомамъ и молекуламъ, и они могутъ слѣдовать за учителемъ до границы спекулятивнаго знанія, гдѣ взрослый специалистъ и самъ дитя; это гораздо лучше, чѣмъ занимать ихъ съ самаго начала трудными законами атомныхъ вѣсовъ или принуждать ихъ сразу къ новому и удивительному языку химическихъ символовъ, къ языку какъ устному, такъ и письменному.

Но самое тяжелое педагогическое прегрѣшеніе противъ заповѣдей психогенезиса совершается, можетъ быть, въ настоящее время въ начальномъ преподаваніи ботаники и зоологіи. Здѣсь мы часто наталкиваемся на классификацію и на латинскія названія, выступившія въ развитіи науки очень поздно; теперь, послѣ революціоннаго хода развитія, они служатъ лишь для приведенія біологическаго хозяйства въ порядокъ, чтобы можно было имъ легче пользоваться. Для взрослога чрезвычайно привлекательно начать логически съ клѣточки или низшихъ живыхъ формъ, хотя послѣднія иногда недоступны, а первыя можно видѣть только съ помощью микроскопа; отъ нихъ онъ поднимается по лѣстницѣ все усложняющагося развитія и лишь въ концѣ добирается до вещей наиболѣе знакомыхъ намъ въ повседневной жизни, вмѣсто того, чтобы, подобно прежнимъ изслѣдователямъ

природы, взять исходнымъ пунктомъ простую, свѣжую свободную и неиспорченную любовь къ природѣ. Обширныя изслѣдованія показываютъ, что въ среднемъ дѣти изъ цвѣтовъ лучше всего знаютъ и предпочитаютъ прежде всего розу, затѣмъ фіалку, полевую маргаритку, желтоголовникъ, лилію; изъ овощей они предпочитаютъ прежде всего картофель, затѣмъ маисъ, помидоры, фасоль, редиску; изъ насѣкомыхъ—сначала пчелу, затѣмъ бабочку, муравья, муху, москитовъ, осу, саранчу, жука; изъ птицъ—сначала красногрудку, затѣмъ воробья, канарейку, варакушку, попугая, ястреба, ласточку, ворону, орла, голубя; изъ домашнихъ животныхъ—собаку, кошку, лошадь, свинью, овцу, мышь; изъ дикихъ звѣрей—слона, льва, тигра, медвѣдя, обезьяну, волка и т. д. Отсюда мы видимъ, гдѣ начинается ихъ интересъ и гдѣ онъ глубже и сильнѣе всего. Если мы обратимся къ народнымъ повѣртіямъ относительно растений и животныхъ, то въ мифахъ, пѣсняхъ, поэтическихъ именахъ и т. д. найдемъ нѣчто сходное. Цвѣты—это родъ языка сердца, ихъ любятъ ради нихъ самихъ, и они выражаютъ человѣческія склонности. Я собралъ какъ-то двадцать одно стихотвореніе о полевой маргариткѣ, и, несомнѣнно, можно бы собрать много стихотвореній, басень, пословицъ и т. д. о многихъ другихъ предметахъ, перечисленныхъ выше. Мифическія деревья, отъ райскихъ до священнаго дуба Додоны, и сказки о феяхъ и переселеніи душъ и особенно труды объ оплодотвореніи и жизни и инстинктахъ животныхъ, которыми можно воспользоваться, какъ очаровательнымъ введеніемъ въ изученіе живой природы, показываютъ гдѣ лежатъ наиболѣе глубокіе корни этихъ интересовъ и гдѣ исключительно педагогическое искусство можетъ найти то усердіе или вызвать его, которое бы превозмогло технику историческихъ методовъ и скуку, связанную съ научными наименованіями. За исключеніемъ слабыхъ и часто дѣтскихъ попытокъ, предпринимаемыхъ въ дѣтскихъ садахъ, въ настоящее время правиль-

ные методы въ области зоологіи и ботаники еще совершенно не развиты. Эта область созрѣла для жатвы педагогическихъ изслѣдованій, и—я знаю нѣсколько направлений—они вполне пригодны для знаменательнаго, въ высокой степени необходимаго и неизбѣжнаго пересозданія современныхъ методовъ, въ которыхъ спеціалистамъ слѣдовало бы прійти къ общему соглашенію, вполне возможному для теперешней стадіи новаго научнаго развитія педагогическаго искусства и психогенетическихъ результатовъ.

Геологія есть одинъ изъ величайшихъ триумфовъ человѣческаго духа. Она даетъ, хотя и не безъ пробѣловъ, эволюціонную исторію міра, въ которомъ мы живемъ, и ея педагогическая цѣнность не уступаетъ цѣнности никакой другой науки, не только вслѣдствіе важности ея фактической стороны, но и по значенію ея, какъ логической дисциплины. И минералогія съ ея научными названіями и подробными изслѣдованіями формъ кристалловъ, и особенно петрографія, въ педагогическомъ отношеніи самый плохой предметъ, хотя она, можетъ быть, въ логическомъ отношеніи представляетъ наилучшій методъ. Избранныя главы изъ жизни первобытныхъ пещерныхъ людей, о вымершихъ животныхъ и растеніяхъ, о ландшафтѣ въ періодъ коралловыхъ образованій, о возникновеніи и исчезновеніи предметовъ въ природѣ дали бы лучшее представленіе о порядкѣ психическаго развитія; мы должны измѣнить послѣдовательность и всегда начинать съ предметовъ, представляющихъ человѣческій интересъ, отъ нихъ переходить къ растеніямъ и міру неодушевленному, возвращаясь къ первоначальной туманности и всегда посылая ученіе объ окаменѣlostяхъ ученію о камняхъ.

Я лишень сейчасъ возможности остановиться подробно на той или другой отрасли изученія природы. Цѣль моя лишь показать различіе между генетическимъ или педагогическимъ методомъ—съ одной стороны и логическимъ методомъ—

съ другой; сущность послѣдняго соотвѣтствуетъ духу взрослому челоуѣку, и было большимъ заблужденіемъ учителей и ошибкой учебныхъ программъ подмѣнить этимъ схоластическимъ методомъ генетической, который соотвѣтствуетъ естественнымъ законамъ развитія разсудка, интереса и способности усвоенія. Не могу не прибавить, однако, что географія, какъ она преподается теперь и какъ излагается въ школьныхъ учебникахъ, иллюстрируетъ высшую степень всей этой бессмыслицы. Лучше было бы начать съ міра поэмъ Гомера и нѣсколькихъ примитивныхъ ландкартъ и затѣмъ, расширяя кругъ свѣдѣній, перейти ко вселенной Данте, какъ она изображена въ прелестномъ введеніи Розетти; затѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію той духовной работы, которая привела къ эпохѣ открытій съ Колумбомъ во главѣ, а также къ разсмотрѣнію борьбы между наукой и религіей во времена Галилея и, наконецъ, предложить вниманію учениковъ избранныя темы изъ антропологии, кое-что о священныхъ горахъ, большихъ среднеувковыхъ военныхъ дорогахъ и только послѣ всего этого заняться отчетами объ измѣреніяхъ. Такой порядокъ предпочтительнѣе метода, начинающаго съ классной комнаты, сада, улицы и города и значительно лучше всякой дребедени о границахъ и главныхъ городахъ, рельефныхъ картъ, смѣси отрывковъ изъ астрономіи, зоологіи, горнаго дѣла, сельскаго хозяйства, политическихъ дѣленій, ботаники, геологіи, ученія о челоуѣческихъ расахъ, исторіи и т. д.; именно эта смѣсь дѣлаетъ современное школьное преподаваніе географіи однимъ изъ наименѣ научныхъ и наименѣ педагогическихъ предметовъ обученія. Перечисленные предметы имѣютъ съ точки зрѣнія періодовъ развитія лишь слабую связь между собой или даже не имѣютъ никакой опредѣленной и ясной связи; одни предметы принадлежатъ болѣе раннимъ, другіе болѣе позднимъ періодамъ, а цѣлое вездѣ у мѣста или, вѣр-

нѣ, нигдѣ не у мѣста. Большую часть географическаго матеріала и всѣ произвольно связанныя воедино частности приходится заучивать наизусть, что представляет собою родъ адской пытки въ экономіи научнаго хозяйства. Географія—наука нищаго духомъ и слабаго сердцемъ. Кто посѣщаетъ высшую школу, усвоить предметъ въ совершенно другой и болѣе логической связи. Такимъ образомъ, если бы этотъ предметъ имѣлъ серьезныя основанія для своего существованія въ школѣ, ничто не выясняло бы лучше неправильности теперь часто приводимаго, но вводящаго въ заблужденіе принципа, будто для однихъ и тѣхъ же предметовъ изученія пригодны одинаковые методы обученія, безразлично, заканчивается ли образованіе минимумомъ законно - утвержденной программы народной школы или продолжается въ средней и высшей школахъ. Въ юности я получилъ въ школѣ награду за правильное опредѣленіе границъ cadaго изъ нашихъ штатовъ, но теперь я не могъ бы сдѣлать этого, вѣроятно, даже по отношенію къ четвертой части всѣхъ штатовъ, хотя я побывалъ въ большинствѣ изъ нихъ, и это неумѣніе отнюдь не нарушаетъ теченія моей жизни, и друзья продолжаютъ считать меня образованнымъ человѣкомъ.

Стремленіе найти для изученія природы здравую педагогическую основу наталкивается на географію, какъ на величайшее препятствіе. Она—мѣшающій пережитокъ донаучной эпохи воспитанія, любимое дитя всякихъ авторовъ школьныхъ учебниковъ и предметъ ужаса и отвращенія для истиннаго педагога. Если мы сократимъ ее на одну четверть или одну десятую ея настоящаго учебнаго времени и объема и замѣнимъ ее началами основныхъ наукъ — она есть родъ рагу изъ послѣднихъ и походить на жизнь такъ, какъ нерасчлененная колбаса походить на живой организмъ змѣи—тогда успѣшность всей нашей школьной системы значительно повысится. Конечно, такая перемѣна можетъ произойти лишь медленно: крѣпости предрасудковъ

сдаются рѣдко сразу. Но постепенно свѣжія струи мысли и познанія, приобрѣтающія теперь все большее значеніе, снесутъ всѣ старыя укрѣпленія. Достаточно сравнить вспомогательный аппаратъ доведенной до совершенства новѣйшей школьной географіи—съ его многочисленными картами, фотографическими снимками съ различныхъ знаковъ, горныхъ производствъ, съ таблицами населенія, картинками животныхъ, геологическихъ ландшафтовъ, національныхъ костюмовъ множества странъ, охоты и рыболовства, изображеніями прекрасныхъ общественныхъ зданій, кораблей, шахтъ, дикарей, произведеній скульптуры, одежды дикихъ народовъ, семействъ дикихъ звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, съ извлеченіями изъ данныхъ народной переписи и отбросами приблизительно семидесяти различныхъ наукъ—со скромнымъ полемъ работы профессора географіи въ немногихъ иностранныхъ университетахъ, радующихся этой роскоши, или съ областью, отмежеванной себѣ „Королевскимъ Географическимъ Обществомъ“ въ Лондонѣ, и станетъ понятно, какой грибообразный, еще не описанный безформенный паразитъ угрожаетъ здоровью и благополучію нашей школьной системы.

Подобно тому, какъ Турцію называютъ иногда больнымъ человѣкомъ европейскаго континента, такъ географію можно назвать больнымъ предметомъ въ нашихъ школьныхъ программахъ, требующимъ помощи врачебнаго искусства. Турція—часть Азіи и Африки и врѣзывается и въ еще одну часть свѣта. Она—представительница вѣры, бывшей нѣкогда столь сильной, что она грозила подчинить себѣ Западъ, а теперь является потерявшимъ значеніе пережиткомъ средневѣковья. Точно такъ же географія въ своей старинной формѣ космологіи обнимала почти всю область теперешнихъ естественныхъ наукъ. Ея частое опредѣленіе, какъ „описаніе земли“—конечно, здѣсь подразумѣвается также воздухъ надъ землей и шахты подъ землей, а не одна математическая поверхность земли—включаетъ почти все, что можетъ вообще

интересовать человека. Естественныя науки отдѣлились отъ географіи, какъ науки духа постепенно высвободились изъ-подъ опеки философіи. Далѣе, пересмотръ нашихъ географическихъ учебниковъ послѣднихъ десятилѣтій показываетъ, что ихъ авторами были въ большинствѣ случаевъ люди, едва ли бы удостоившіеся принятія въ члены географическихъ обществъ; многіе изъ нихъ не получили даже высшаго образованія. То же можно утверждать о многихъ изъ тѣхъ, кто живо защищаетъ методы школьной географіи и стоитъ за ихъ дальнѣйшее удержаніе. Потому-то эти врачи нашего больного человека не находятъ признанія со стороны научной школы. Географія—любимый предметъ полуобразованныхъ или необразованныхъ; она никогда не чувствовала на себѣ возбуждающаго вліянія, исходящаго обыкновенно отъ университета, и почти всецѣло предоставлена учителямъ и издателямъ, проявляющимъ на ней свое творчество. Она обладаетъ почти всѣми недостатками популяризованной науки, не обладая, однако, ея преимуществомъ: она не была создана специалистами.

Я отнюдь не стою за совершенное устраненіе географіи изъ школьной программы,—но я не только сократилъ бы ея объемъ и удѣляемое ей время, но и ввелъ бы предметъ значительно позже и предложилъ бы предоставить наибольшую часть матеріала, собраннаго въ географическихъ школьныхъ учебникахъ, высшимъ школамъ, гдѣ онъ можетъ изучаться въ естественной научной связи, частью совокупно съ исторіей, частью съ астрономіей, частью съ геологіей, частью съ естественной исторіей и т. д.; для элементовъ всѣхъ этихъ наукъ слѣдовало бы удѣлить время и мѣсто въ низшихъ школахъ на счетъ ихъ общаго врага. Такимъ образомъ сдѣлана была бы уступка единству дѣтской души, тогда какъ теперь его игнорируютъ. Повторяю, само собою понятно, что эти перемѣны не могутъ совершиться немедленно и внезапно. Методы и учебники для обученія естествознанію, о введеніи котораго я говорю, еще недо-

статочно усовершенствованы; но мы знаемъ въ настоящее время изъ изслѣдованій дѣтской души и послѣдовательности развитія какъ ея интересовъ, такъ и ея силъ, что послѣдніе оставляются школьной географіей безъ вниманія, иногда имъ даже просто наносится вредъ. Я надѣюсь, что наступитъ время, когда во всѣхъ университетахъ будутъ читать профессора географіи; это послужитъ къ смягченію золь гипертрофіи, несваренія и хаоса, отъ которыхъ страдаютъ современные школы. Изслѣдователи дѣтскаго возраста сами, надо полагать, выступятъ вскорѣ съ хорошо обоснованнымъ предложениемъ относительно географическихъ учебниковъ и школьных программъ и относительно того, какъ устранить съ ихъ помощью укоренившееся зло. Вслѣдствіе недостатка мѣста я могу лишь охарактеризовать то, что является ближайшимъ, ужаснѣйшимъ и постояннымъ врагомъ естественнонаучнаго обученія, послѣ того, какъ теологія отказалась отъ большинства своихъ возраженій противъ него.

У природы есть и практическая сторона, но даже сельскіе хозяева не должны были бы ограничивать своего интереса къ явленіямъ природы экономической стороной послѣднихъ. Польза или вредъ, приносимая насѣкомыми, птицами и четвероногими животными хлѣбнымъ злакамъ, способны въ высокой степени побудить къ изученію ихъ инстинктовъ, привычекъ, связанныхъ съ размноженіемъ и уходомъ за потомствомъ; приобретенныя такимъ образомъ полезныя знанія имѣютъ очень высокое значеніе, но въ нихъ не все. Есть еще другой, болѣе высокій и чисто научный интересъ, питаемый неискоренимой любознательностью человѣка. Этотъ-то интеллектуальный интересъ далъ намъ наилучшія, самыя полныя и самыя точныя познанія по эмбриологіи, о классификаціи и о каждомъ другомъ факторѣ, составляющія въ ихъ совокупности одну большую область естественныхъ наукъ, этого драгоцѣннѣйшаго завоеванія человѣческаго рода. Это же интеллектуальное влеченіе

дало намъ ученіе объ эволюціи — будь то въ формѣ увеличенія духовнаго капитала сбереженій черезъ созданіе все большаго круга знаній при примѣненіи все меньшихъ усилій, или въ формѣ новаго обосновація всѣхъ нашихъ кардинальныхъ понятій о жизни, любви, размноженіи и болѣзни,—вмѣстѣ съ ученіемъ о сохраненіи силы оно составляетъ великое научное пріобрѣтеніе девятнадцатаго вѣка, дѣлающее невозможнымъ для спеціалиста ограниченіе небольшой областью.

Еще третій факторъ заслуживаетъ вниманія. Миѳы споконъ вѣковъ были плодотворной почвой для науки. Больше того, миѳъ былъ тѣмъ желткомъ, изъ котораго развивалась преобразованная наука. Миѳъ—юная форма науки; выражаясь картинно, можно сказать, что у дѣтей есть особый рядъ интеллектуальныхъ молочныхъ зубовъ; очень измѣнчивыхъ по величинѣ; нѣкоторые изъ нихъ никогда не утрачиваются, такъ какъ они спеціально приспособлены къ анимистической ступени духовнаго питанія и развитія. Миѳъ и наука не могутъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова исключить совершенно другъ друга. Въ одну эпоху или у нѣкоторыхъ людей можетъ господствовать механическое или точное пониманіе вещей, въ другое время и у другихъ людей—поэтическое или духовное пониманіе; критерій для каждаго рода пониманія заключается въ томъ, сколько элементовъ противоположнаго взгляда онъ въ себѣ вмѣщаетъ. Человѣческая точка зрѣнія по отношенію къ изученію природы—не только наилучшее введеніе въ религіозное пониманіе міра, но —и въ философію, и приводитъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ наивысшемъ развитіи, къ чему-то въ родѣ христіанскаго пантеизма, который—съ этимъ должна согласиться всякая религія — несомнѣнно хорошъ въ границахъ своихъ владѣній. Наука должна очистить миѳъ отъ фетишистскихъ и идолопоклонническихъ элементовъ, а миѳъ долженъ оживить науку, внеся въ нее элементъ теплыхъ человѣческихъ интересовъ.

Миѳъ кажется, что въ нѣкоторыхъ изъ сѣверо-амери-

канскихъ штатовъ естественно-научное преподаваніе сокращается по сравненію съ его прежнимъ преобладаніемъ въ школьной программѣ; во всякомъ случаѣ, оно отнюдь не занимаетъ принадлежащаго ему по праву центрального положенія. Городская жизнь въ очень многихъ пунктахъ очень неблагоприятна для живого соприкосновенія съ природой, и здѣсь трудно достать матеріаль для нагляднаго обученія. Поэтому, учителя иногда отказываются отъ преподаванія естественно-научныхъ предметовъ: оно не можетъ оказаться плодотворнымъ, если не ведется по новымъ методамъ, требующимъ непосредственнаго созерцанія. Кромѣ того, городскія дѣти отличаются, по свидѣтельству многочисленныхъ отчетовъ, ужасающимъ невѣжествомъ въ отношеніи самыхъ обычныхъ явленій природы. Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить новый успѣхъ, который всѣ мы привѣтствуемъ съ большой радостью. Религія и наука подаютъ другъ другу многочисленные знаки о прекращеніи между ними долгой борьбы. Это примиреніе означаетъ громадное сбереженіе силы, затрачивавшейся до сихъ поръ на споръ между двумя великими человѣческими интересами, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ процвѣтать безъ другого. Многие не могутъ себѣ вовсе представить, какъ далеко впередъ мы ушли отъ Гексли и его величайшаго озлобленія, отъ Тиндаля и его предложенія точно опредѣлить, отзывается ли небо на молитвы человѣка, отъ грубаго материализма Бюхнера и Молешотта. Нельзя противопоставлять вѣру и науку другъ другу. Великое сердце вселенной не можетъ не быть одинаковымъ въ своихъ твореніяхъ и въ своихъ словахъ. Приверженцы науки занимаютъ по отношенію къ религіи все болѣе и болѣе благоприятное положеніе. Лица духовнаго званія, въ свою очередь, интересуются все больше естественными науками, и теперь начинаютъ понемногу соглашаться съ требованіемъ, что въ каждое теологическое образованіе необходимо должны входить въ качествѣ элемента естественныя науки. И съ проповѣднической кафедры

све рѣже раздаётся слово обвиненія противъ „такъ называемой науки“; теперь студентъ часто вѣритъ одновременно и въ книгу о сотвореніи міра и въ геологію и интересуется обѣими. Тайны и закономерность природы возбуждаютъ повсюду тотъ религиозный трепеть, то преклоненіе и чувство зависимости, которыя Шлейермахеръ совершенно правильно называлъ основой религіи въ нашемъ духѣ. Тотъ самый великій Логосъ жизни, который руководилъ образованіемъ амебы, медузы и восходящихъ рядовъ позвоночныхъ вплоть до человѣка на вершинѣ мірозданія, не нашелъ еще своего окончательнаго и правильнаго выраженія, но хранитъ въ себѣ силу къ значительно болѣе высокому развитію. Сверхчеловѣкъ, образъ грядущаго, и особенно Христосъ, какъ идеаль и въ своей дѣйствительной жизни,—Онъ стоитъ на вершинѣ органическаго эволюціоннаго ряда и есть представитель высшей вѣтви большаго семейнаго дерева, тогда какъ мы являемся представителями его низшихъ вѣтвей—показываетъ намъ, къ какой возвышенной цѣли стремятся лучшіе эволюціонные факторы.

Мы читаемъ о Достопочтенномъ Бедѣ, что онъ смотрѣлъ въ свою простую подзорную трубу и молилъ о дарованіи ему способности написать Magnificat („Величить душа моя“) или Gloria in Excelsis Deo („Слава въ вышнихъ Богу“); далѣе о святомъ Францискѣ Ассизскомъ, говорившемъ со звѣздами, цвѣтами и червями, какъ со своими братьями и сестрами; мы видимъ порядокъ и совершенное строеніе самыхъ низкихъ и отталкивающихъ вещей, и намъ становится ясно, что природа—это покрывало; когда мы замѣчаемъ, какъ всѣ вещи взываютъ къ высшему объясненію, и наши глаза напрягаются, чтобы проникнуть сквозь голубой небесный сводъ, тогда наше сердце поетъ старую и единственную пѣснь Горуса: „Тихо, все тихо“. Не существуетъ мертвой, бездѣйственной матеріи; то, что представляется таковой, есть нѣчто случайное и происходитъ, можетъ быть, лишь отъ тепла или отъ чего-нибудь другаго. Міръ динамиченъ, онъ—

чистая сила, и эта сила духовная по своей сущности. О ея отгалкивающихъ сторонахъ мы могли бы сказать словами тонко мыслящаго современнаго англійскаго геніальнаго поэта, который обращался такъ къ своей некрасивой, но обладавшей прекрасными качествами характера и ума женѣ: „Твоя душа, возлюбленная, заслоняетъ отъ меня твое лицо“.

Мы несомнѣнно переживаемъ „Возрожденіе“ любви къ природѣ въ мірѣ нашего времени. Книжныя лавки переполнены безчисленными новыми книгами о папоротникахъ, грибахъ, птицахъ и звѣздахъ; народъ покупаетъ и читаетъ эти книги. Тѣмъ же темамъ посвящены статьи въ журналахъ и общедоступныя публичныя лекціи; конечно, есть еще много недовольныхъ или ограниченныхъ людей, сердца которыхъ остаются глухими къ кроткому, слабому голосу этого святого духа. Я припоминаю изъ юношескихъ лѣтъ, какъ благочестивый деревенскій пасторъ заключалъ обыкновенно свои проповѣди, показывая своимъ длиннымъ пальцемъ почти на каждого изъ насъ по очереди: „Теперь я спрашиваю: любите ли вы и любите ли поистинѣ Бога и хотите ли отречься отъ своихъ заблужденій, пока еще не поздно?“ Точно такъ же я обращаюсь къ вамъ съ не меньшей торжественностью и не меньшимъ благочестіемъ: „Любите ли вы всѣ истинно природу въ наше время, когда ея святой духъ такъ обильно нисходитъ на насъ, или ея великій миръ еще чуждъ вамъ, еще не объялъ васъ? Если это такъ, то присмотритесь къ окружающему и поразмыслите и убѣдитесь, что природа изъ всѣхъ вещей самая чистая, благородная, великая и истинная. Природа можетъ утѣшать, воодушевлять и давать откровенія. Она—великая мать всѣхъ вещей, изъ нея мы вышли, и къ ней вернемся,—по крайней мѣрѣ, вернется все то, что въ насъ есть смертнаго. Въ нуждѣ и несчастіи, когда сознательныя цѣли и сознательное стремленіе вѣнчаются неуспѣхомъ, мы можемъ упасть въ ея вѣрныя объятія, и если наша вѣра ослабѣваетъ или исчезаетъ, мы зна-

емъ, что наша ладья, погибая, попадаетъ въ великій океанъ природы. Наука отрицаетъ теперь существованіе пустого пространства: безконечное пространство заполнено эфирной силой. Мы знаемъ, что повсюду на землѣ возможна жизнь и, дѣйствительно, она существуетъ; какая-то большая сила, живущая во всемъ, побуждаетъ отдѣльные виды къ размноженію, иногда съ ужасающей быстротой, такъ что одинъ какой-нибудь видъ буквально заполонилъ бы собою міръ, если бы плодоносная сила не встрѣчала ограниченій во вліяніяхъ отбора и другихъ. Хаоса нигдѣ нѣтъ,—мы знаемъ это отъ современной науки,—всюду царствуетъ законмѣрность, и медленное развитіе пола и материнства показываютъ намъ, что основа и вершина всего—любовь. Самый возвышенный и поздній продуктъ природы—человѣкъ, и высшая функція всего того, что мы называемъ въ этомъ сложномъ собирательномъ пунктѣ силъ и вліяній окружающей средой, есть непосредственное познаніе души, будто цѣль всего существующаго—довести силы до состоянія высшей зрѣлости. Такъ дѣтство и юношескій возрастъ, въ ихъ расцвѣтѣ и въ ихъ полномъ великолѣпіи,—совершенные цвѣты природы, достойные любви, почитанія и преданнаго ухода, больше, чѣмъ что-либо другое на землѣ. Въ жизни, согласной съ природой,—благо дѣтства, и въ жизни, согласной съ природой и дѣтствомъ,—слава родителей.

Изслѣдованіе, какъ жизненная основа преподаванія *).

Въ теченіе многихъ лѣтъ я собиралъ фотографическія карточки дѣтей, и въ моей коллекціи ихъ набралось теперь уже много сотенъ. Самымъ тонкимъ миѣ представляется выраженіе лица ребенка или грудного младенца, когда у него открыты глаза и часто также ротъ—вслѣдствіе любопытства и удивленія. Предметы природы очаровываютъ и подавляютъ своимъ величіемъ душу, которая въ такія мгновенья почти совершенно погружается въ природу. Это состояніе родственно тому, къ которому стремился всякій культъ восторженности, отъ Платона и до Данте. Шопенгауеръ называетъ его истиннымъ художественнымъ созерцаніемъ, заставляющимъ на мгновенья забыть даже печаль бытія и превращающимъ человѣка точно въ ухо и глазъ, когда онъ созерцаетъ воплощенія чистѣйшихъ идей. Это—состояніе „радостнаго опьяненія“,—по терминологіи лучшихъ современныхъ эстетическихъ теорій. Это величайшее благо дѣтства могутъ уничтожить только плохіе методы школьнаго преподаванія; оно побуждаетъ маленькихъ дѣтей къ первымъ опытамъ приложенія внѣшнихъ чувствъ, членовъ тѣла и духа къ природѣ; оно—корень духа изслѣдованія, заставляющаго ребенка съ поразительной настойчивостью, а въ болѣе старшемъ возрастѣ часто со склонностью къ разрушенію, изслѣдовать, высматривать и подвергать всякимъ пробамъ и испытаніямъ попадающіеся на глаза предметы. Это стремленіе достигаетъ зрѣлаго развитія

*) Research—the Vital Spirit of Teaching (Forum, July 1894).

въ изслѣдователѣ, проводящемъ жизнь за телескопомъ или микроскопомъ, въ лабораторіи или университетскомъ семинаріи, въ библиотекѣ или въ научныхъ путешествіяхъ. Въ своей наиболѣе благородной формѣ духъ изслѣдованія скрываетъ въ себѣ столько элементовъ преклоненія и уваженія, что носитъ возвышенный и явно религіозный характеръ. Лучшая и своеобразнѣйшая черта новыхъ теченій въ области высшаго воспитанія, которую я хочу описать, это—склонность къ „изслѣдованію“,—слово, къ сожалѣнію, чаще достаивающееся похвалъ въ наше время, чѣмъ пониманія.

Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ фонъ Зибель въ своемъ отчетѣ охарактеризовалъ нѣмецкіе университеты, какъ гармоническое соединеніе преподаванія съ изслѣдованіемъ. При основаніи *Ecole pratique*, являющейся представительницей лучшихъ педагогическихъ вліяній во Франціи, Дюрюи имѣлъ въ виду, въ качествѣ главной цѣли, развитіе научныхъ изслѣдованій, въ чемъ онъ, по своему убѣжденію, признавалъ силу нѣмецкихъ университетовъ. Джоветтъ не только самъ примѣнялъ въ своихъ лекціяхъ методъ изслѣдованій, но высказывался въ позднѣйшій періодъ своей жизни за соотвѣтствующую подготовку людей, обнаруживавшихъ способности изслѣдователей. Во вступительной рѣчи Фраудсъ говоритъ о томъ, что сила высшаго воспитанія заключается въ развитіи творчества. Сеть Лоу и другіе ученые въ „изслѣдованіяхъ“ видѣли отличительный признакъ университетовъ, въ противоположность высшимъ спеціальнымъ школамъ. Очень интересны были пренія о новомъ Грешэмовскомъ университетѣ въ Лондонѣ между Фицгеральдомъ, желавшимъ сдѣлать изслѣдованіе первой и главной дѣятельности новаго университета, и лордомъ Кельвиномъ, желавшимъ отвести изслѣдованію меньше мѣста, чѣмъ преподаванію. Президенты Джильмэнъ, Джордонъ, Каултеръ, Уорфильдъ и Уэллингъ и профессора Роулэндъ, Райтъ Дж., I. Гауэрдъ, фонъ Гольстъ, К. Гроссъ, Джонъ Пирсъ высказали превосход-

ные доводы въ пользу изслѣдованія и возбудили воодушевленіе присутствовавшихъ. Духъ и сама дѣятельность изслѣдованія освобождаютъ отъ заблужденій и суевѣрій, вызываютъ въ насъ неудовольствіе знаніемъ изъ вторыхъ рукъ и преобразовываютъ всю нашу ученую дѣятельность такъ, что люди начинаютъ любить не столько учиться, сколько преодолевать трудности. Черезъ измѣненіе условий свѣтового преломленія, черезъ электроды, реактивы и психометры изслѣдованіе открываетъ новыя области, не уступающія величиной всему міру, доступному невооруженнымъ внѣшнимъ чувствамъ; онѣ наполняютъ душу взрослога человѣка изумленіемъ и любопытствомъ, столь же живыми, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ. Изслѣдованіе приводитъ духъ человѣка къ независимой дѣятельности, и люди становятся авторитетами, вмѣсто того, чтобы быть эхомъ чужихъ взглядовъ. Совершенно такъ, какъ наглядное преподаваніе присоединилось къ прежнему перегруженію памяти, и позже обученіе ручнымъ искусствамъ обнаруживало способности у дѣтей, одаренныхъ хорошимъ зрѣніемъ и большой ловкостью, тогда какъ ихъ раньше считали глупыми,—такъ и изслѣдованіе показало силу открывать и развивать талантъ; въ области изслѣдованія многіе студенты, менѣе одаренные въ другихъ отношеніяхъ, добиваются кое-какихъ успѣховъ. Одинъ выдающійся нѣмецкій профессоръ хотѣлъ даже постройку зданія подчинить цѣлямъ изслѣдованія; способствовать развитію химіи, говорилъ онъ, могутъ теперь лишь дешевыя лабораторіи, которыя можно было бы отстраивать каждыя десять лѣтъ заново, и, такимъ образомъ, считается съ новыми проблемами изслѣдованія въ этой блестящей наукѣ.

Болѣе глубокія причины и слѣдствія этого движенія нужно искать въ фактъ, что изслѣдованіе развиваетъ индивидуальность. Преобразованія большихъ классовъ въ меньшія избранныя группы недостаточно,—оно должно завершаться личною помощію и личнымъ содѣйствіемъ. Это имѣетъ отношеніе не только къ

природѣ юности, но и къ духу демократіи: въ ней-то лежитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ сила свободной и полной индивидуализаціи. Движеніе въ пользу изслѣдованія находитъ далѣе поддержку въ новѣйшей антропологіи; для нея человѣкъ опредѣляется въ двухъ трехъ своего существа волей,—стремленіе есть высшая и наиболѣе поддающаяся воспитанію часть его природы; такимъ образомъ, методъ изслѣдованія получаетъ наивысшую цѣнность, даже для низшихъ школъ, уже вовсе не говоря о значеніи открытій. Жить—значитъ теперь хотѣть; дѣйствія и поступки закладываютъ въ душѣ основные слѣды, опредѣляющіе собою затѣмъ даже самыя глубокія убѣжденія. Одна изъ самыхъ популярныхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ книгъ, выдержавшая въ теченіе едва двухъ лѣтъ много изданій, излагала мысль, что эпоха богатаго знаніями ученаго теперь уступаетъ мѣсто дѣйствующему и созидающему художнику; мысль эта произвела впечатлѣніе и вызвала сочувствіе. Въ эпоху старыхъ фермъ въ Новой Англіи, гдѣ у каждаго мальчика были свои активныя обязанности, и онъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ членомъ фирмы; въ эпоху стараго общества, въ обычаи котораго входили пренія, и въ эпоху прежнихъ диспутовъ, остававшихся главнѣйшей академической методой отъ дней Сократа и вплоть до девятнадцатаго вѣка,—для развитія активныхъ силъ молодежи дѣлалось гораздо больше, нежели позже въ рамкахъ академическаго образованія, влачившаго свое существованіе отъ эпохи увяданія диалектическаго метода и до нашего времени, склоняющагося къ изслѣдованію. Для средняго человѣка изслѣдованіе, несомнѣнно, представляетъ гораздо большую цѣнность въ смыслѣ дисциплины, чѣмъ въ смыслѣ открытій.

Для изслѣдованія необходимъ, прежде всего, профессоръ, не только показывающій дорогу, но и являющійся дѣйствительнымъ вождемъ. Величайшіе изслѣдователи скорѣе рождаются, чѣмъ воспитываются, и образуютъ

почти особый классъ людей. Они обладаютъ рѣдкой способностью серьезно отдаваться работѣ и еще болѣе рѣдкою способностью постоянно добиваться цѣнныхъ результатовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эксперименты, продолжавшіеся въ теченіе мѣсяцевъ, вдругъ оказываются бесполезными и обезцѣниваютъ также использованные методы и аппараты, изобрѣтенные послѣ долгихъ трудовъ и стоившіе много денегъ, изслѣдователи извлекаютъ новое ученіе изъ этого неуспѣха и идутъ дальше. Истина ихъ—страсть, и они сознательно предпочитаютъ ее спокойствію. Они живутъ въ своей работѣ и ради нея. Они создаютъ вокругъ себя атмосферу, благотворно и поощряюще дѣйствующую на окружающихъ; каковы бы они ни были, у нихъ есть свои послѣдователи и, можетъ быть, цѣлая школа. Часто они не встрѣчаютъ поддержки и наталкиваются иногда въ институтахъ, по которымъ они разсѣяны, на особенныя препятствія, тогда какъ научныя общества, ферейны и академіи недостаточно сильны или не организованы надлежащимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи оказать изслѣдователямъ моральную, интеллектуальную или матеріальную помощь. Разница между этими людьми и профессоромъ - рутинеромъ, вдалбливающимъ своимъ ученикамъ неизмѣнно одинъ и тотъ же матеріалъ, слишкомъ велика, и ее нельзя поэтому опредѣлить съ помощью изобрѣтенныхъ до сихъ поръ методовъ психологическаго измѣренія. Ее можно было бы иллюстрировать, съ одной стороны, профессоромъ изъ „Сесіі Дреете“ Винтропа, вокругъ котораго собирались иногда студенты, точно голодныя пчелы поздней осенью вокругъ высохшаго стебля травы на овечьемъ пастбищѣ, и съ другой стороны—укропнымъ стеблемъ, на которомъ Прометей уносилъ съ неба божественный огонь. Если обстоятельства позволяютъ предоставить таланту подходящее поле для работы, то можно пожинать много радости. Нѣкоторые профессора—рожденные учителя и всецѣло отдаются воспитанію и образованію молодыхъ

людей; они довольны, если становятся популярнымъ идоломъ среди студентовъ; такіе педагоги хороши и полезны, но они не означаютъ собою вершины науки. Другіе набрасываютъ превосходные проекты и планы и даже изобрѣтаютъ наилучшіе аппараты, но они не заканчиваютъ своихъ работъ. Третья группа профессоровъ расплывчато трактуетъ исторію своей отрасли науки и обнаруживаетъ талантъ историческаго изслѣдованія того, что сдѣлано другими; наконецъ, четвертая группа проявляетъ склонность и способность вліять на публику черезъ посредство общедоступныхъ лекцій, статей и книгъ; „это,—какъ сказалъ одинъ старый генералъ о маневрахъ,—все очень хорошо, но это не война“. Творческое изслѣдованіе и открытія выше и рѣже всѣхъ тѣхъ способностей и талантовъ. Одинъ изъ учениковъ Гельмгольца—самъ превосходный изслѣдователь—сказалъ мнѣ какъ-то, что каждая серьезная мысль его учителя была словно обогащеніемъ человѣческой сокровищницы знаній,—можетъ быть, высшая похвала, когда-либо сказанная о человѣкѣ науки.

Такіе поистинѣ рѣдкіе люди, стоящіе во главѣ новой жизни воспитанія, какъ Пирси, Агассицъ, Уитней, Лейди, Сильвестръ и многіе другіе, оказавшіе на всѣхъ окружающихъ могучее вліяніе и опредѣлявшіе своимъ авторитетомъ жизнь студентовъ, едва ли подразумеваются въ слѣдующемъ характерномъ извлеченіи изъ ректорскаго отчета старѣйшаго университета въ Сѣверной Америкѣ за 1891/92 годъ:

„Цѣнность услугъ профессора опредѣляется, какъ намъ кажется, съ трехъ точекъ зрѣнія. Первая: это успѣхъ его обычной преподавательской дѣятельности или, другими словами, успѣхъ, съ которымъ онъ даетъ въ теченіе семестра шесть-десять часовъ въ недѣлю. Вторая: его пригодность для работы внѣ программныхъ часовъ преподаванія, на примѣръ, для управленія, изслѣдованія, литературной дѣятельности или вообще дѣятельности различнаго рода, распространяющей его влі-

яніе за стѣнами учебнаго заведенія. Третья: продолжительность его службы. При оцѣнкѣ заслугъ профессора университета прикладываются еще и другіе критеріи, менѣе осязаемые и часто даже не поддающіеся описанію, но имѣющіе замѣтное и иногда рѣшающее вліяніе, напимѣръ: темпераментъ, обхожденіе съ людьми, тактъ и юморъ“.

Среди оригинальнѣйшихъ профессоровъ, духовно возбуждающихъ всѣхъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, я знаю въ Сѣверной Америкѣ одного особенно выдающагося, и онъ не только посредственный учитель, но, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, не удостоился даже принятія, въ качествѣ педагога, въ учебныя заведенія, въ которыхъ заслуги профессора оцѣнивались по вышеприведенному образцу. Напрашивается вопросъ, сколько духовной силы нужно принести въ жертву, чтобы обезпечить за собой тотъ родъ „общаго моральнаго вліянія на студентовъ“, который во многихъ высшихъ школахъ занимаетъ первое мѣсто; а между тѣмъ профессоръ университета нуждается въ крайней свободѣ, и его индивидуальности должно быть предоставлено широкое поле проявленій, поскольку это соединимо съ принципами организаціи и порядка. Манера держать себя, темпераментъ, настроеніе, личныя симпатіи или антипатіи ректора должны быть безусловно подчинены высшимъ вещамъ. Психическія аномальности генія и таланта требуютъ для себя часто очень широкихъ рамокъ, какъ то отмѣчаетъ Милль въ своей книгѣ „О свободѣ“. Продолжительное и интенсивное напряженіе иногда завершается у всѣхъ насъ дурнымъ настроеніемъ. Для многихъ изслѣдователей рутина и нормы обыкновенной жизни высшихъ школъ слишкомъ невыносимы; поэтому, да еще по нѣкоторымъ другимъ причинамъ при старой системѣ, вышеназванные выдающіеся люди потерпѣли фіаско. Въ новомъ „Храмѣ Соломона“ ихъ слѣдовало бы обставить наилучшимъ образомъ, предложить имъ наивысшее вознагражденіе и предоста-

вить имъ полную свободу; только такимъ образомъ не только университетъ, но и нація оказала бы своимъ помазаннымъ пророкамъ надлежащее уваженіе.

Въ новой педагогикѣ высшаго воспитанія слѣдовало бы отвести одну изъ наиболѣе важныхъ главъ выбору предметовъ изслѣдованія. При бѣгломъ просмотрѣ 60.000 темъ докторскихъ работъ, собранныхъ одной нѣмецкой книжной фирмой, меня больше всего поразила убогость большого числа этихъ темъ—въ тѣхъ дисциплинахъ, гдѣ я имѣю право на сужденіе. Десятки одаренныхъ студентовъ, съ которыми я познакомился, работали годъ-два надъ предметами ничтожнаго значенія. Профессора побуждаютъ многихъ изъ нихъ разрабатывать вопросы, въ отношеніи которыхъ возможны лишь отрицательные результаты; такую дѣятельность отнюдь нельзя назвать безцѣнной, но и нельзя признать за нею высшей цѣнности. Еще чаще кандидатамъ предлагаютъ такъ-называемыя „аналогичныя работы“, т.-е. они выбираютъ какое-нибудь новое и оправдавшее себя направленіе изслѣдованія, вводятъ небольшое измѣненіе въ условія и стараются вскрыть его вліяніе на результаты. Этотъ родъ темъ наиболѣе обезпечиваетъ противъ опасности безрезультатныхъ исканій. Другимъ студентамъ профессоръ предоставляетъ какой-нибудь вопросъ второстепеннаго значенія въ своей собственной работѣ, въ надеждѣ извлечь изъ этого позже пользу для себя. Въ послѣднее время нѣмецкіе профессора стали давать американскимъ студентамъ въ гуманитарныхъ наукахъ американскія темы. Конечно, студенту легко при такихъ условіяхъ произвести благопріятное впечатлѣніе на экзаминаторовъ,—но, съ другой стороны, онъ, несомнѣнно, работаетъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе отсутствія подъ рукой первоисточниковъ. Хотя диссертациі французскихъ кандидатовъ не такъ многочисленны, зато онѣ объемистѣе и представляютъ съ исторической стороны дѣйствительную цѣнность. Студентъ скорѣе самъ пользуется помощью профессора,

чѣмъ помогаетъ ему. Но именно въ этомъ заключается самая худшая опасность спеціализаціи; не широкіе горизонты открываются передъ молодымъ человѣкомъ, его кругозоръ ограничиваютъ узкою точкою зрѣнія. Я спросилъ одного кандидата, написавшаго удовлетворительную диссертацию и сдавшаго успѣшно экзаменъ по филологіи и правильно отвѣтившаго на многіе вопросы относительно формъ у Лукреція, писалъ ли этотъ авторъ комедіи, исторію, философію, писалъ ли онъ прозой или былъ поэтомъ, и не получилъ отвѣта: онъ не зналъ. Изъ двухъ самыхъ большихъ университетовъ Сѣверной Америки одинъ требуетъ представленія изслѣдованія, но не требуетъ его напечатанія, второй довольствуется обширными познаніями. Поэтому, нельзя судить о дѣйствительной цѣнности академической степени по отзыву специалистовъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда молодой изслѣдователь не стремится къ офиціальному полученію ученой степени и остается ассистентомъ или вообще въ зависимости отъ профессора. Профессоръ больше отождествляетъ себя со своей работой; тождество съ послѣдней студента теряется, и хотя онъ получаетъ хорошую подготовку, но требуетъ обыкновенно лучшаго вознагражденія, такъ какъ лишенъ возможности подписывать свой трудъ своимъ именемъ. Наконецъ, лучшіе профессора отличаются, можетъ быть, больше всего другъ отъ друга степенью, въ которой они допускаютъ и поощряютъ самостоятельность студентовъ. Нѣкоторые профессора обращаютъ вниманіе студентовъ въ лабораторіяхъ на тѣ или другія проблемы и оказываютъ имъ поддержку при ихъ разработкѣ; но они не смотрятъ на такія работы, какъ на исключительно свои, и, публикуя ихъ, прибавляютъ „при содѣйствіи“ или „въ сообществѣ съ“. Другіе профессора университета поручаютъ свои собственныя работы студентамъ и не только помогаютъ имъ ежедневно совѣтомъ, но, какъ Людвигъ въ Лейпцигѣ, исправляютъ невѣрныя кривыя, таблицы и добытые результаты и затѣмъ печатаютъ

статьи подъ именемъ студентовъ и называютъ лишь лабораторію, въ которой разрабатывались эти темы.

Основатели и кураторы Кларкского университета предложили мнѣ въ 1888 посвятить годъ изслѣдованію—шестой годъ, который я имѣлъ возможность использовать такимъ образомъ—и провести его въ европейскихъ университетахъ. Ничто не интересовало меня въ такой степени, какъ лучшіе методы подготовки изслѣдователей. Я собралъ замѣтки относительно наиболѣе успѣшныхъ идеальныхъ средствъ и способовъ; ихъ можно классифицировать слѣдующимъ образомъ, если не упускать изъ виду различныхъ предметовъ. Во-первыхъ, относительно выбора предметовъ или темъ: профессоръ долженъ былъ бы вести постоянныя замѣтки о соотвѣтствующихъ мысляхъ, на которыя онъ наталкивается при чтеніи или размышленіи; нѣкоторыя изъ нихъ созрѣваютъ со временемъ, сочетаются въ одно цѣлое или съ теченіемъ времени обнаруживается значительность однѣхъ и незначительность другихъ. У каждаго проникнутаго истинно-научнымъ духомъ пастыря душъ будетъ накапливаться запасъ такихъ замѣтокъ, снабженныхъ наилучшими указаніями, продуктами его собственнаго духа, находящимися всегда подъ рукой и пригодными для передачи и приложенія. Эти замѣтки должны быть темами, способными возбудить глубокой интересъ и обнимающими возможно болѣе широкій кругозоръ; онѣ должны группироваться вокругъ центрального пункта и быстро открывать доступъ въ отдаленнѣйшія области даннаго предмета, ибо ничто не оказываетъ лучшаго воспитательнаго воздѣйствія, какъ хорошая, все разрастающаяся одновременно съ прогрессирующимъ развитіемъ студентовъ тема; такая тема спасаетъ часто людей и карьеру. Здѣсь-то и обнаруживается миссія профессора, и одинъ современный писатель полагаетъ даже, что божественность Христа проявлялась главнымъ образомъ въ его способности выбирать въ человѣческой жизни среди дѣйствій и поступковъ только важныя вещи, обходя все неважное.

Собесѣдованія университетскихъ преподавателей по родственнымъ предметамъ могли бы еще болѣе способствовать подготовкѣ подходящихъ темъ и представляютъ для самихъ профессоровъ большую цѣнность.

Во многихъ предметахъ—какъ антропология, геология, метеорология, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также психология, далѣе во всѣхъ социальныхъ областяхъ, политическихъ, финансовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ научныхъ отрасляхъ—проблемы, ждущія своихъ изслѣдователей, богаче и обширнѣе въ Сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Изслѣдованіе вопросовъ, возникающихъ на почвѣ американской науки,—не только педагогическая, но также сильная національная потребность. Страдаетъ общественная, частная и промышленная жизнь, и нигдѣ нѣтъ такого изобилія предметовъ, требующихъ предварительныхъ заботъ о развитіи духа изслѣдованія. Когда мы перестанемъ понимать вещи книжнымъ образомъ и освободимся понемногу отъ воспитательныхъ методовъ Европы, тогда только мы услышимъ, какъ громко взываютъ какъ физическая природа, такъ и человѣкъ къ американскимъ студентамъ о необходимости разработки ихъ собственныхъ национальныхъ проблемъ.

Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ распределеніе предметовъ или темъ между отдѣльными студентами не менѣе трудная задача, чѣмъ выборъ ихъ. Часто для подходящей темы сейчасъ же находится подходящий человѣкъ, какъ только ее предлагаютъ. Тамъ, гдѣ возможно, слѣдовало бы, такъ сказать, привить тему крѣпкому и хорошо развившемуся стволу прирожденного интереса. Она должна апеллировать къ лучшимъ и самымъ сильнымъ способностямъ студента, способствовать расцвѣту его таланта и концентрации его силъ. Иногда отъ умудренного опытомъ учителя, знающаго своихъ учениковъ, можно требовать выбора. При соотвѣтствующемъ проведеніи такого требованія и выбора, тема докторской работы можетъ опредѣлить все

позднѣйшее развитіе, какъ дѣйствительно часто случалось. Я того мнѣнія, что правильный выборъ предмета изслѣдованія въ теченіе одного года воздѣйствуетъ на активный духъ болѣе образовательно, чѣмъ выборъ цикла лекцій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выбранный предметъ оказывается подходящимъ для даннаго чловѣка и когда онъ касается основныхъ, а не побочныхъ вопросовъ, насъ поражаетъ вызванная имъ къ жизни энергія. Я познакомился однажды со студентами, которые, прежде всего, специально изучили иностранный языкъ, такъ что могли читать на немъ; это знаніе было для нихъ необходимо, такъ какъ на данномъ языкѣ существовали сочиненія, имѣвшія капитальное значеніе для избранныхъ ими изслѣдованій. Въ двухъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ такимъ образомъ изучалась отрасль математической науки. Воодушевленіе важнымъ, основнымъ или вообще значительнымъ предметомъ сообщаетъ сильному молодому духу удивительную стойкость въ преодолѣніи трудностей формъ или средствъ выраженія (языковъ, методовъ или техники), даетъ логическую дисциплинированность и гораздо болѣе цѣнно, чѣмъ идеальное зубреніе какого-нибудь учебника логики. Молодые умы, менѣе всего отличающіеся сухостью, ненавидятъ формализмъ и формальное въ его изолированности отъ матеріальнаго, тогда какъ многіе педагогическіе методы именно это преспоносятъ; но они умѣютъ использовать все формальное, если оно надлежащимъ образомъ подчинено матеріальному. Молодежь любитъ новое, потому что она смотритъ въ будущее, и для меня очень сомнительно, слѣдуетъ ли заставлять молодого чловѣка въ двадцать пять или даже въ тридцать лѣтъ держать экзамены, требующіе продолжительной подготовки; гораздо лучше для него—затратить это время на болѣе творческую работу.

Тамъ, гдѣ профессора и студенты, какъ я ихъ описалъ выше, работаютъ сообща, при наличности соответствующихъ пособій и приспособленій, осуществлена идея

университета. Не важно, много ли или мало въ немъ отдѣлений и студентовъ; нужно лишь, чтобы оба фактора оказались достаточными какъ для сравненія работъ, такъ и для сотрудничества. Въ каждомъ отдѣленіи необходима наличность достаточнаго числа учащихся и ученыхъ мужчинъ, для того, чтобы каждый могъ слѣдить за дѣятельностью всѣхъ остальныхъ и принимать въ ней участие; необходимо также существованіе родственныхъ по своимъ предметамъ отдѣлений ради взаимной поддержки и взаимнаго благотворнаго вліянія. При слишкомъ большомъ количествѣ студентовъ вліяніе профессора на каждого изъ нихъ соотвѣтственно уменьшается, и тогда передъ нами скорѣе экстенсивная, чѣмъ интенсивная академическая дѣятельность. Опредѣлять университетъ, какъ то или другое,—обыкновенно признакъ провинціализма: это слово должно было обнимать разнообразныя и многочисленныя вещи, которыя высшее воспитаніе включаетъ въ себя. Гдѣ даетъ себя чувствовать истинный университетскій духъ изслѣдованія, тамъ жизнь; Святой Духъ говоритъ на современномъ языкѣ; старые оракулы находятъ новые голоса, и кто же откажется прислушаться къ нимъ? Какъ универсальная церковь включаетъ въ свое лоно всѣхъ, кто любитъ Бога и исполняетъ Его волю, такъ мы можемъ представить себѣ общій университетъ, въ составъ котораго входятъ всѣ студенческія группы, воодушевленныя любовью къ истинѣ. И дѣйствительно, новое государственное заведеніе въ Берлинѣ,—оно дѣлаетъ первую серьезную попытку координировать въ своихъ отдѣленіяхъ всѣ области нѣмецкихъ научныхъ изслѣдованій во избѣжаніе повтореній, ради помощи тѣмъ, кто нуждается въ поддержкѣ, далѣе—ради развитія методовъ сотрудничества между одинаковыми отдѣленіями различныхъ университетовъ и, наконецъ, ради открытія и опредѣленія новыхъ, развѣтвленій проблемъ и изслѣдованій нашего столѣтія для чего нужно много людей и много денегъ,—это заведеніе является выраженіемъ новыхъ методовъ многообъ-

щающей дѣятельности, которая процвѣтаетъ внѣ стѣнъ высшихъ школъ. Новый академическій духъ, находящій себѣ теперь частое проявленіе въ благородныхъ выраженіяхъ и сказывающійся также въ новыхъ предложеніяхъ относительно академическихъ улучшеній, по моему глубокому убѣжденію,—высшее и чрезвычайно много обѣщающее благо въ національной жизни Сѣверной Америки. Онъ преисполненъ въ своей лучшей формѣ позитивнаго духа молодости и не имѣетъ ничего общаго ни съ декадентствомъ, ни съ пессимизмомъ, проникающими иногда въ старыя крѣпости учености въ періоды упадка. Міръ и человѣческая жизнь такъ богаты; исторія такъ неполна, и ее слѣдовало бы написать сызнова, формы и законы жизни такъ мало извѣстны, хотя мы уже можемъ насчитать почти одинъ миллионъ видовъ. Твореніе Бога, священное не менѣе Его слова, затемняется лишь при чрезмѣрномъ количествѣ свѣта. Теперь только мы ясно познаемъ, какой неисчерпаемый источникъ силы представляетъ природа, какъ она сложна и въ то же время проста, какъ закономѣрна въ каждой своей части, и тѣмъ не менѣе, какъ благотворно дѣйствуетъ она на человѣка. Для тѣхъ, кто ее, дѣйствительно, любитъ и наблюдаетъ, природа не была до сихъ поръ въ такой степени доступна, какъ теперь, и ея откровенія никогда раньше не казались столь драгоцѣнными; кто стремился къ истинѣ, никогда раньше не находилъ такъ легко удовлетворенія.

Я не забываю ни опасностей и слабостей, ни самообмана, пристекающихъ часто изъ методовъ изслѣдованія; но когда изслѣдователь открываетъ новый видъ животнаго или растенія и переноситъ методъ, давшій хорошіе результаты при изученіи моли, на другихъ бабочекъ, или когда его продуктивность проявилась въ написаніи исторіи его маленькаго города, или въ выясненіи употребленія греческой частицы, или въ разложеніи на составныя части яйца какой-нибудь новой разновидности червей, то можно, по крайней мѣрѣ,

утверждать, что онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ важными предметами. Самое незначительное положеніе, являющееся обыкновенно лишь ничтожнымъ вкладомъ въ сокровищницу науки, поднимаетъ автора — и разъ въ жизни это должно случиться съ каждымъ человѣкомъ съ современнымъ образованіемъ—надъ авторитетомъ, книгами, обычаемъ, традиціей или привычкой, такъ какъ онъ подходитъ тогда къ дѣйствительности со свѣжими силами и независимымъ сужденіемъ. Онъ перестаетъ быть пассивно-воспринимающимъ существомъ, освобождается отъ обманчивыхъ наслажденій мертвымъ капиталомъ знаній и творитъ, дѣйствуетъ, руководимый научнымъ проникновеніемъ, критической повѣркой и личнымъ убѣжденіемъ. Слѣдующими словами университетъ посвящаетъ въ рыцари науки: „Стой прямо, смотри вокругъ себя, будь свободенъ, чтобы въ будущемъ—кто бы ты ни былъ: консерваторъ или радикаль, догматикъ или скептикъ — быть въ состояніи освѣтить собственные пути независимымъ знаніемъ“. Въ американскихъ высшихъ школахъ молодые люди, моложе двадцати пяти лѣтъ, въ отношеніи продуктивности работы уходятъ недалеко и едва могутъ похвалиться авторствомъ пѣсни или стихотворенія непреходящей цѣнности; они сдали хорошо свои экзамены и написали нѣсколько достойныхъ вниманія пародій, комическихъ сценъ или сатиръ; но вѣдь молодость—пора творчества и исканія новыхъ направленій, какъ ясно показали многочисленныя новыя изслѣдованія о талантѣ и гени. По общему свидѣтельству иностранныхъ профессоровъ, американская молодежь отличается врожденными способностями, и отсутствіе у нея строгой дисциплинированности вознаграждается въ значительной степени энергіей и здравымъ человѣческимъ смысломъ,— въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ жизнь въ Сѣверной Америкѣ—лучшая въ мірѣ школа.

Бросимъ еще быстрый взглядъ на результаты метода свободного изслѣдованія въ Германіи. Въ 1806 году

армія и промышленность Пруссіи сразу были уничтожены исходомъ битвы при Іенѣ. Государство было бѣдно, земля его бесплодна, духъ непрактиченъ, его военное положеніе хуже, чѣмъ когда-либо раньше въ исторіи, его прошлое преисполнено больше раздоровъ, чѣмъ единенія и согласія. Никогда еще нація не терпѣла такого униженія, никогда ея будущее не казалось столь мрачнымъ. Но германскій народъ былъ еще могучъ. Шарнгорстъ возстановилъ военную систему, а Штейнъ улучшилъ управление страной и положеніе крестьянъ. Янъ основалъ повсюду патріотическіе гимнастическіе фереины и проповѣдывалъ евангеліе древнихъ грековъ, что только сильные мускулы дѣлаютъ націю великими и людей свободными. Но руководящее и объединяющее слово произнесъ впервые Фихте въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“; онъ читалъ эти свои лекціи въ теченіе зимы, по вечерамъ въ воскресенье, передъ большимъ кругомъ слушателей изъ лучшаго общества; при этомъ наполеоновская стража стояла у дверей аудиторіи, а среди публики сидѣли шпіоны. Фихте говорилъ въ главномъ слѣдующее:

„Мы, нѣмцы, еще сильны, могущественны и здоровы; мы обладаемъ замѣчательнымъ языкомъ, дѣйствительно, оригинальнымъ и собственнымъ, а не составленнымъ, подобно англійскому, изъ многихъ языковъ; въ насъ течетъ чистая кровь, ибо мы не смѣшивались съ другими расами. Мы—творцы Реформаціи; въ ней мы разрѣшили величайшую задачу, какую человѣческій духъ когда-либо ставилъ передъ собой, и наши предки завѣщали намъ не оставлять дѣла, ради котораго они умерли. Мы—носители свѣта и надежды въ мірѣ; если мы падемъ, съ нами погибнетъ свобода и человѣчность. Для патріотическаго возсозданія возможенъ лишь одинъ прямой путь. Не въ первой линіи съ помощью армій или законовъ, а съ помощью медленныхъ и надежныхъ процессовъ національнаго воспитанія можемъ мы достигнуть возрожденія. Мы должны жить для нашихъ

дѣтей и дисциплинировать ихъ тѣло и душу въ такой степени, какъ никогда раньше въ мірѣ. Школы—единственный продуктъ, въ которомъ германскій духъ проявилъ до сихъ поръ свое выдающееся значеніе. Мы освободили человѣчскій духъ, мы проповѣдывали истину, учили, жили, вѣрили въ идеи и идеалы. Но мы должны сдѣлать воспитаніе наивысшей задачей; мы должны осуществить Платоновскую Республику, въ которой правилъ самый мудрый и воспитаніе было главной проблемой государственнаго искусства. Въ этой политикѣ наше назначеніе; наши вожди должны быть священнослужителями истины; они должны мыслить во всѣхъ отношеніяхъ безстрашно и неустанно, должны все подвергать изслѣдованію и не отказываться ни отъ какой жертвы ради великаго, святаго дѣла науки и учености“.

Къ такой цѣли Фихте призывалъ людей всѣхъ сословій и классовъ, ибо такимъ образомъ не только можно было бы добиться столь долго желаннаго и неосуществленнаго объединенія всего отечества, но и воспитать людей высокаго типа. Такъ говорилъ Фихте, идеалистъ и энтузіастъ, говорилъ, какъ никто послѣ Лютера, и его слушали, какъ никого послѣ Лютера. Для него воспитаніе было единственнымъ божественнымъ дѣломъ въ мірѣ, новымъ даромъ религіи. Въ соотвѣтствіи съ этими идеями, но при посредствѣ болѣе практичныхъ людей, чѣмъ Фихте, былъ основанъ университетъ въ Берлинѣ и заложено основаніе для національной политики, дѣлавшей воспитаніе пробнымъ камнемъ всего. Благодаря проведенію въ жизнь этихъ нормъ, Германія стала однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и наилучше управляемыхъ государствъ исторіи. Подобно тому какъ Реформація медленно распространилась и въ другихъ странахъ, такъ Германія стала творцомъ педагогическихъ формъ для большинства націй континентальной Европы. Нѣмецкіе методы пріобрѣли особенно сильное вліяніе послѣ того, какъ война 1870—71 года обнаружила ту силу, которую взрастила въ двухъ поколенияхъ эта политика.

Изслѣдованіе всегда было пробнымъ камнемъ для опредѣленія цѣнности университетской работы. Неустаннымъ изслѣдованіемъ было почти дѣломъ самихъ профессоровъ, при незначительномъ сотрудничествѣ старшихъ студентовъ. Не было, кажется, вопроса, не подвергавшагося изслѣдованію. Изслѣдовали проблемы о Богѣ и о существованіи вѣшняго міра и выводили вселенную изъ чистаго мышленія, бытія, „я“, воли, космическаго газа,—даже нелѣпости высказывали свободно. Никогда еще міръ не видѣлъ такой неутомимой и всесторонней жажды знанія. Что такое матерія, душа, основная форма, идея? Какъ и почему онѣ осуществились въ бытіи? Какія формы познанія возможны для мышленія въ абстракціи и какія формы существованія можетъ оно дать бытію? Въ чемъ состоитъ сущность жизни, любви, свободы, обязанности, закона, государства, религіи? Предметомъ изслѣдованія дѣлали старыя формы права и вѣры; искали повсюду возможности глубокаго обоснованія, хотѣли заложить прочный фундаментъ. Полная свобода духа никогда еще не оправдывалась въ такой степени достигнутыми результатами. Благодаря всему этому броженію, исчезли плоскія и плохія идеи, и истина предстала съ новой силой. Неустойчивыя натуры прошли черезъ періодъ хаоса, нѣкоторыя утратили послѣдніе проблески ума, но сильныя натуры нашли надежную почву подъ ногами и укрѣпились въ ней.

Спекулятивное мышленіе освободило, такимъ образомъ, научную любознательность, сдѣлала ее гибкой, и она обратилась къ прошлому и къ природѣ. Ученые съ выдающимися именами, хорошо извѣстными студентамъ, изслѣдовали библейскую, классическую и народную литературу, старыя и новыя языки, культурные и первобытные языки, исторію во всѣхъ частяхъ. Даже почву, на которой существовали нѣкогда старыя государства, раскапывали и производили въ ней археологическія изысканія. Безчисленныя большія и малыя открытія,

новыя точки зрѣнія и новыя методы возстановили наши знанія о каждой націи и языкѣ, каждымъ герцоѣ и институтахъ прошлаго и значительно расширили эти знанія. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ были, можно сказать, созданы химія и біологія и очень расширена область математики, астрономіи, физики и геологіи. Наука дала намъ новое и неизмѣримое небо и безконечно ббльшую землю, чѣмъ раньше; она до сихъ поръ— величайшій продуктъ человѣческихъ стремленій. Никогда раньше такое количество людей не обладало столь основательными знаніями о природѣ и исторіи и не стремились съ чувствомъ такого почтенія проникнуть въ мысли Бога, какъ теперь это дѣлаетъ философскій факультетъ, посвященный изслѣдованію, образующій сердце нѣмецкаго университета и предохраняющій соединенныя съ нимъ техническія и профессиональныя школы отъ узости и духовной мертвечины.

Конечно, идеальный университетъ не сойдетъ къ намъ съ неба, какъ новый Іерусалимъ; его нельзя создать однимъ наблюденіемъ или однимъ методомъ преподаванія. Онъ обусловленъ высшей академической политикой, которую создастъ тотъ факультетъ, которому по зрѣлому выбору слѣдуетъ довѣрить интересы науки. Экзамены, гдѣ и какъ бы они ни производились, также не являются факторомъ созданія идеальнаго университета. Произвольныя утвержденія, недоказанные факты и неассимилированныя знанія ослабляютъ преданность истинѣ. Гёте, Шиллеръ и выдающіеся люди того періода никогда не сдавали экзаменовъ. Я смѣло утверждаю, что студентомъ можно назвать каждаго изучающаго тотъ или иной предметъ серьезно и сознательно; въ слово „студентъ“ нельзя вложить никакого другого значенія; онъ научается относиться довѣрчиво къ своимъ собственнымъ силамъ и быть своимъ собственнымъ руководителемъ. Лоуэль говоритъ о себѣ, что онъ на опытѣ убѣдился въ несгораемости вселенной, а потому ему нечего бояться, когда онъ зажигаетъ

спичку. Каждое новое изслѣдованіе требуетъ нѣкоторыхъ, хотя и не всегда значительныхъ, издержекъ для конструированія новыхъ аппаратовъ и покупки специальной литературы и не можетъ быть предпринято въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя „насаждаютъ, но не поливаютъ“, и всегда находятся подъ Дамокловымъ мечомъ недостатка въ средствахъ. Одна работа памяти убійственно суха для молодыхъ людей въ Сѣверной Америкѣ, выдвигающихся впередъ больше, чѣмъ раньше, и обладающихъ отъ природы развитымъ практическимъ смысломъ, тогда какъ разработка нашихъ обширныхъ проблемъ способна возбудить энтузіазмъ. Пожелаемъ, чтобы наши университеты признали это наше очевидное призваніе и не противодѣйствовали ему и чтобы они работали сообща на пользу развитія той дисциплины, которая вытекаетъ изъ дѣятельности. Чѣмъ больше въ университетѣ книгъ, аппаратовъ и профессоровъ и чѣмъ лучше они и чѣмъ меньше число студентовъ, тѣмъ плодотворнѣе работа. Она обнимаетъ все царство духа и слишкомъ своеобразна, чтобы принимать непрошенное вмѣшательство. Слишкомъ много поученія ослабляетъ и убиваетъ духовныя силы; но преподаваніе такихъ учителей, какъ я ихъ себѣ представляю и къ числу которыхъ я самъ хотѣлъ бы принадлежать, — откровеніе. Оно занимается не мертвыми знаніями, а живой наукой изъ первоисточниковъ, — не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Президентъ Каультеръ совершенно правъ, что плата за лекціи есть и должна быть лишь малой частью доходовъ каждаго университета, заслуживающаго этого имени, и каждой истинной „мастерской Святого Духа“ Истинный университетъ походить, выражаясь словами Лоуэля, на „желтокоричневаго льва Мильтона, рвущагося на свободу“; разъ освободившись, онъ окажетъ также оживляющее вліяніе на высшія и низшія школы. Боязнь повтореній и соперничество между заведеніями исчезнутъ въ совмѣстной работѣ, необходимой въ громадной, изобилующей новыми проблемами области науки, а также —

управленія. Словомъ, университетъ долженъ опираться единственно на любовь къ наукѣ; истинный изслѣдователь улучшаетъ свой методъ и свое мышленіе и снова, и снова возвращается къ нимъ до тѣхъ поръ, пока они становятся ясными, опредѣленными, совершенными, и онъ въ состояніи легко владѣть ими и легко излагать и передавать ихъ другимъ. Чѣмъ яснѣе и доступнѣе становится наука для другихъ, тѣмъ болѣе пользуется она выраженіями намѣренныхъ и сознательныхъ дѣйствій, являющихся языкомъ зрѣлаго человѣка.

Новая психологія, какъ главная составная часть общаго образованія *).

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ я началъ собирать учебники логики, этики, психологіи и родственныхъ предметовъ, бывшіе въ употребленіи въ американскихъ высшихъ школахъ. Эти предметы преподавались обыкновенно президентами нашихъ высшихъ школъ въ послѣдній передъ выпускомъ годъ и представляли какъ бы вершину пройденнаго курса передъ экзаменами на бакалавра свободныхъ искусствъ. До начала девятнадцатаго вѣка эти предметы оставались тѣсно связанными съ теологіей и съ толкованіемъ Священнаго Писанія. До середины вѣка логика была центральнымъ и кульминаціоннымъ пунктомъ, хотя американскіе студенты не читали Аристотеля и при полученіи академической степени не клялись защищать его философію, какъ то было въ обычаѣ въ Оксфордѣ; этотъ старый культъ логики—со временъ софистовъ и академіи стоиковъ и вплоть до полемическихъ сочиненій Абельера и церковныхъ соборовъ до и послѣ знаменитыхъ тезисовъ Лютера—былъ академическимъ методомъ *par excellence* въ первыхъ американскихъ высшихъ школахъ. Интересъ въ теченіе цѣлой недѣли сосредоточивался на преніяхъ между студентами и профессорами; если не имѣлось настоящихъ противниковъ, довольствовались воображаемыми. Это былъ методъ разработки теологіи и метафизики между молотомъ и наковальней; затѣмъ ихъ насильно навязывали молодымъ людямъ, даже если

*) *The New Psychology as a Basis of Education* (Forum, August 1894).

они противились такому направлению мысли. Критеріемъ и нормой для всего служила дедуктивная логика съ учениемъ о ложныхъ заключеніяхъ наиболѣе интересной частью матеріала. Она была не только инструментомъ для души при изслѣдованіи идей, категорій и т. д., которыя тогда почитались дѣйствительнѣе объектовъ въ природѣ, но руководила также искусствомъ рѣчи и грамматикой въ то время, когда утверженіе „хорошій знатокъ грамматики—также хорошій теологъ“ принимали за буквальную истину. Когда Бэконъ, Локкъ и Миль ввели индукцію, она очень медленно нашла дорогу въ высшую школу и не обнаружила большой академической жизнеспособности; а дедукція, несмотря на замѣчательные новые учебники и ея слабое возрожденіе въ настоящее время, есть лишь рудиментъ того, чѣмъ она была.

Этика была второй вѣтвью философіи, занявшей одно изъ главныхъ мѣстъ въ американскихъ высшихъ школахъ. Хотя она преподавалась съ самаго начала, тѣмъ не менѣе многіе религіозные вожди относились къ ней крайне враждебно. Коттонъ Матеръ называлъ ее „невѣрнѣе подѣлкой искусства“. Вліянія религіознаго движенія Уитфильдса были въ общемъ направлены противъ нея; введеніе курсовъ по этикѣ Маркомъ Гопкинсомъ въ колледжѣ Уильяма въ Уильямстоунѣ считали опаснымъ и радикальнымъ нововведеніемъ, направленнымъ къ достиженію блаженства съ помощью сочиненій; послѣднія называли самыми презрительными именами. Первые американскіе учебники этики были главнымъ образомъ теологическаго направленія, и весь прогрессъ, достигнутый двумя столѣтіями преній, состоялъ въ переходѣ отъ взгляда, что добродѣтель есть сходство съ Богомъ, Его воля—единственный законъ обязанности и мораль—кодексъ божественнаго откровенія, къ взгляду, что этику лучше всего изучать на врожденныхъ взглядахъ и чувствахъ людей. За два десятилѣтія до объявленія независимости (т.-е. до 1776 года),

очень многимъ обязаннаго этому этическому движенію, наши учебники отводили много мѣста политическимъ правамъ, чего не наблюдалось со времени Аристотеля. Объединительное движеніе, съ его искренней вѣрой въ добрыя дѣла, борьба противъ рабства и другія послѣдующія реформы значительно расширили цѣли нашей этики въ высшихъ школахъ. Поразительное число этическихъ учебниковъ есть своеобразная національная манифестація. Они написаны съ различныхъ точекъ зрѣнія, и если мы присоединимъ сюда въ особенности многочисленныя письма, лекціи, путеводители, руководства и „собственныя книги“ этического содержанія, обращающіяся къ молодымъ мужчинамъ и женщинамъ, то мы убѣдимся, что имѣемъ здѣсь дѣло съ американскою специальностью, не имѣющей себѣ подобной ни въ какую другую эпоху и ни въ какой другой странѣ. У насъ или была особая причина такъ боязливо заботиться о юношествѣ, или мы—нація съ необыкновенными педагогическими склонностями. Главную основу для этого чрезвычайно далеко идущаго внѣдренія морали слѣдуетъ искать въ отсутствіи большихъ залежей обычаевъ, традиции и глубокихъ корней народнаго духа, въ смѣшеніи различныхъ народовъ и въ стремленіи энергической, пуританской совѣсти привести въ броженіе разсѣянныя и разрозненные элементы нашей національной жизни и объединить ихъ. Внѣдреніе моральныхъ нормъ—оригинальнѣйшій и важнѣйшій педагогическій элементъ, выдвинутый Сѣверной Америкой; ибо, въ противоположность логикѣ, она была продуктомъ нашихъ собственныхъ, особенныхъ національныхъ потребностей.

Позднѣе выступилъ третій элементъ, а именно исторія философіи, занимавшая нѣсколько десятилѣтій тому назадъ въ Германіи половинную часть философской программы преподаванія. У нѣкоторыхъ американскихъ профессоровъ она завершалась гегельянствомъ, у другихъ—вся перешла въ теорію познанія. Хотя это расширеніе философскаго сознанія является закономѣрнымъ

развитіемъ протестантскаго духа самоиспытанія, тѣмъ не менѣе оно противно какъ природѣ, такъ и потребностямъ американца. Полный курсъ по исторіи философіи заслуживаетъ восхищенія, какъ здоровая пища для сильныхъ людей, но мучить нашу академическую молодежь сомнѣніями, реаленъ или раціоналенъ внѣшній міръ, и особенно переплетать это со всестороннимъ релігіознымъ просвѣщеніемъ—это форма скептицизма, означающая для американскаго типа молодежи почти психическое обезглавленіе. Лучшій продуктъ такого метода— „Тээтстъ fin de siècle“, поражающій своими причудами; его наихудшій продуктъ—это полуинвалидъ въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, безъ самоопредѣленія, лишенный внутренней точки опоры, духовнаго единства и дѣйствительнаго критерія или способности перспективы. У нѣкоторыхъ современныхъ американскихъ профессоровъ, хлопотливыхъ и популярныхъ, перенесеніе этихъ ученій на студентовъ есть не что иное, какъ болѣзненный неврозъ цинизма, равнодушія и эгоизма. Недостаточно лишь упомянуть о такъ-называемыхъ теоретикопознавательныхъ причудахъ, заступившихъ въ наше время мѣсто ученій софистовъ и схоластиковъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ онѣ просто являются фізіологическими эквивалентами онанизма. Я сознательно употребляю эти сильныя выраженія, имѣя передъ глазами нѣкоторые опредѣленные клиническіе случаи, въ которыхъ достигнуто было именно такое дѣйствіе; и почему бы педагогу не возставать столь же сильно и откровенно противъ грѣховъ, вредящихъ душѣ человѣка, какъ противъ покушеній на его тѣлесное здоровье?

Въ программѣ философскихъ лекцій на 1894/95 годъ въ американскихъ высшихъ школахъ можно встрѣтить многіе систематическіе курсы, рассчитанные на то, чтобы поколебать вѣру въ надежность внѣшнихъ чувствъ и въ реальность не только природы, но также времени и пространства; они, по моему убѣжденію, привели бы въ

ужась Беркли, Юма, Канта или Фихте,—такъ ужасно буквально и грубо-практичны ихъ спекулятивныя разсужденія и построенія, препарированныя для незрѣлыхъ умовъ. Что касается до утвержденія, будто результатъ философіи состоитъ въ убѣжденіи, что нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ преходящей, моментальной мысли отдѣльнаго человѣка, то мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что несчастье уже на порогѣ.

Четвертое и послѣднее движеніе началось въ Сѣверной Америкѣ, въ университетѣ Джона Гопкинса въ Балтиморѣ, когда въ 1881 году была учреждена первая кафедрa по экспериментальной психологіи. Начало отличалось скромными размѣрами и качествами, и осуществленіемъ своимъ оно всецѣло обязано предприимчивымъ и умнымъ людямъ, стоявшимъ во главѣ университета; безъ нихъ попытка не была бы предпринята до сегодняшняго дня. Исторія этого новаго направленія показываетъ лучше всего нѣкоторыя превосходнѣйшія стороны нашихъ американскихъ учрежденій, а именно: готовность признать и принять хорошее, какъ только оно обнаруживается или заявляетъ о себѣ тѣмъ или инымъ путемъ. Хотя вторая кафедрa психологіи была учреждена въ Америкѣ не раньше середины восьмидесятыхъ годовъ, но уже въ 1892 году сорганизовалось „Американское Общество Психологіи“. Въмѣсто прежняго недостатка въ психологическихъ учебникахъ, теперь наблюдается ихъ чрезмѣрное обиліе. Два журнала—изъ нихъ *American Journal of Psychology* основанъ въ 1884 году, а *Psychologica Review* въ 1894—посвящены исключительно разработкѣ психологическихъ проблемъ и около десяти другихъ журналовъ—отчасти. Психофизическія лабораторіи числомъ своимъ превосходятъ таковыя всей Европы; въ нихъ ведутся многочисленные оригинальныя изслѣдованія. Мы бросимъ взгляды на главныя области, которыя разрабатываетъ теперь университетское отдѣленіе съ полной программой по психологіи, и мы увидимъ, какъ быстро пре-

образовываетъ эта возродившаяся „наука о чловѣкѣ“ другая философскія дисциплины, обѣщая сдѣлаться общей основой воспитанія и приобрести значеніе также для религіи.

I. Первою утвердилась лабораторная и экспериментальная работа. Ни въ какомъ другомъ научномъ отдѣленіи нельзя сдѣлать такъ много съ малыми деньгами, какъ на психологическомъ; это констатировали съ величайшею пользою для себя недавно даже многіе семинаріи для учителей и учительницъ. Эксперименты, касающіеся внѣшнихъ чувствъ, движенія, времени духовной дѣятельности, утомленія, боли, ритма и т. д., производятся въ лабораторіи съ цѣлью проникнуть въ важныя проблемы воспріятія, ассоціаціи, вниманія и воли; они усиливаютъ способность самонаблюденія и — какъ бы сказать — обезвреживаютъ ее; они проливаютъ новый свѣтъ на многіе темные вопросы и возстановили уже многія старыя ученія. Докторъ Санфордъ изложилъ результаты этого развитія въ приблизительно трехстахъ пятидесяти экспериментахъ; его экспериментальный курсъ едва ли менѣе важенъ для логики, чѣмъ для психологіи.

Въ лабораторіи варьируютъ до безконечности условія, касается ли дѣло нервныхъ волоконъ, клѣтки или нормальнаго чловѣческаго существа, и такимъ образомъ, дѣйствительно расширяются границы чловѣческаго опыта. Спятъ на вѣсахъ съ аппаратами, отмѣчающими самыя незначительныя измѣненія пульса, дыханія, кровеобращенія, тепла; изслѣдователь испытываетъ на самомъ себѣ дѣйствіе усыпительныхъ и анестезирующихъ средствъ въ небольшихъ дозахъ, дѣйствіе тоническихъ и другихъ средствъ, вліяющихъ на нервы; измѣняютъ, произвольно увеличивая или уменьшая, давленіе воздуха на всю поверхность кожи; въ теченіе мѣсяцевъ приводятъ квадратный сантиметръ собственной кожи въ соприкосновеніе со всѣми извѣстными реактивами; измѣряютъ со всей точностью силу и продолжи-

тельность памяти и воли; регистрируют ежедневныя и даже ежемѣсячныя явленія периодичности; изслѣдуютъ гипнотическія состоянія; примѣняютъ къ вкусу и запаху различныя формы электричества, свѣта, тепла и звука при посредствѣ химическихъ препаратовъ.

Хотя все это плодотворно и важно, но оно отнюдь не покрываетъ того, что входило въ прежнюю философію высшей школы. Оно содержитъ мало этическихъ моментовъ въ себѣ и дѣйствуетъ на средняго студента не всегда въ идеалистическомъ направленіи. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что нѣкоторые изъ новыхъ психологовъ не идутъ дальше, а довольствуются разработкой болѣе точныхъ методовъ и болѣе опредѣленныхъ результатовъ. Они едва ли заслуживаютъ раздающагося иногда по ихъ адресу упрека, будто они занимаются „психологіей безъ души“, но, несомнѣнно, они изучаютъ лишь одну часть новой психологіи.

II. Рядомъ съ экспериментальной психологіей назову сравнительную психологію. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ жизнью животныхъ, тѣмъ все болѣе расширяется наше понятіе инстинкта. То, какъ философія подходитъ къ этому понятію,—сказалъ однажды Шеллингъ,—есть одинъ изъ наиболѣе характерныхъ ея показателей. Наиболѣе распространены самыя низшіе изъ инстинктовъ; инстинкты растительнаго міра,—напримѣръ движенія, съ помощью которыхъ корень проникаетъ въ землю, точно бы на его концѣ помѣщался маленькій мозгъ; затѣмъ замысловатые пріемы ползучихъ растений и плотоядныхъ растений, явленія оплодотворенія, движенія бактерій, инфузорій и отъ нихъ—вверхъ по лѣстницѣ развитія—движенія дождевыхъ червей, муравьевъ, пчель, особой разновидности пауковъ и высшихъ млекопитающихъ,—всѣ эти изслѣдованія вскрываютъ природу и часто также происхожденіе тѣхъ свойствъ, которыя носятъ у человѣка апріорный, прирожденный характеръ. Ни въ инстинктѣ, ни въ сознаніи нельзя видѣть ключа ко взаимному объясненію этихъ явленій или основныхъ формъ.

Психологъ, наблюдающій всѣ формы животной жизни, до тѣхъ поръ, пока его симпатіи къ нимъ и его проникновеніе въ ихъ особенности не сравняются съ такими у Одибона или Уайтъ фонъ Сельборна и не вызовутъ въ немъ чувства преклоненія и благочестія, напоминающія чувства святого Франциска, не можетъ отклонить отъ себя глубоко-религіознаго чувства, что міръ разуменъ въ своихъ глубочайшихъ основахъ. Инстинктъ обнимаетъ болѣе широкую область жизни и коренится глубже, чѣмъ разумъ, но послѣдній—возвышеннѣе. Удовольствіе отыскивать слѣды цѣлесообразнаго порядка въ насъ и вокругъ насъ установить нѣчто въ родѣ примиренія между сознаниемъ и его бессознательной основой. Безграничная пластичность, приспособляющаяся къ каждому условію и реализующая вполнѣ всякую жизненную возможность, указываетъ на господство мудраго замысла; не признать этой мудрости мы не можемъ, даже если бы хотѣли, и на нее мы уповаемъ, когда ослабѣваютъ наши сознательныя цѣли и сознательное стремленіе.

III. Антропология въ дѣйствительности никогда не осуществляетъ во всемъ объемѣ и полнотѣ своего наименованія. Въ старыхъ и богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ подъ ней подразумѣвали явленія грѣхопаденія и искупленія человѣка. Для нѣкоторыхъ она преимущественно антропометрія; школа Бенедикта, напримеръ, произвела нѣсколько сотъ измѣреній черепа. Другіе понимаютъ подъ антропологіей изученіе первобытныхъ людей, обитателей пещеръ и т. д. Психологическая сторона, интересующая насъ здѣсь, обращена къ мѣу, обычаю и вѣрѣ. Истинно-историческая психология отъ готовыхъ системъ обращается къ ихъ корнямъ въ примитивныхъ мысляхъ, ощущеніяхъ и чувствахъ первобытнаго человѣка, которыя развивались въ освященной тайнѣ и которыя трудно возстановить, такъ какъ племена утратили свою первоначальную народную оригинальность. Часто прошлое приходится возстана-

вливать по языку, сказаніямъ, ритуалу, основнымъ взглядамъ и социальнымъ институтамъ. Эта высшая антропология ищетъ подобныя первоначальныя представленія, какъ естествоиспытатель ищетъ новые виды животныхъ; отыскиваніе въ прошломъ былыхъ чувствъ, мнѣній и взглядовъ становится ея страстью. Когда въ исторіи развитія расы подобный матеріалъ кристаллизуется въ космогоніи, въ національныя героическія поэмы или народныя бібліи, тогда закладывается психическій фундаментъ для культурнаго періода и начинается развитіе духовнаго космоса. Много родственныхъ чертъ представляетъ философія, будучи лишь болѣе совершенной организаціей. Сложившись такимъ образомъ, она исходитъ изъ общей народной точки зрѣнія и прославляетъ отечественную рѣчь, вещи и обязанности, какъ то дѣлалъ Сократъ. На ней всегда лежитъ мѣстный отпечатокъ; безсиьной и отвлеченной она представляется только тѣмъ, кто въ періоды ученичества и отсутствія оригинальности изучаютъ великія системы по текстамъ, игнорируя психическую среду, возрастившую эти системы; въ дѣйствительности, она самая содержательная изъ всѣхъ многообразныхъ формъ выраженія потребностей и идеаловъ человѣка, вносящая много теплоты въ созерцаніе матеріаловъ. При различіи народныхъ основъ всѣ системы также различны. Поэтому чужеземцы никогда не могутъ найти полнаго выраженія для національной философіи чужого народа, и „всеисчерпывающій методъ“, возможный въ мышленіи, долженъ выполнять работу всегда сызнава.

Греція сумѣла трансформировать свои традиціи въ философію, въ значительной степени предопредѣленную прошедшимъ и однородною, какъ кровь греческаго народа. Платонъ сочеталъ старыя философскія ученія съ глубокимъ пониманіемъ своего собственнаго времени и стремился къ нравственному возрожденію своего народа, почему и старался воодушевить людей своимъ идеаломъ. Его философія была національной и литера-

турой въ высшей и лучшей формѣ; догматическій характеръ она приобрѣла лишь въ періодъ упадка.

Сюда относятся также изслѣдованія о дѣтствѣ, начинающія съ чувства любви у родителей до рожденія ребенка и вплоть до его зрѣлости. Душа и тѣло маленькаго ребенка преисполнены силъ и отраженныхъ вліяній, можетъ быть, очень отдаленнаго прошлаго и имѣютъ право претендовать, по мнѣнію Платона, скорѣе всего другого на любовь, уваженіе и обслуживаніе ихъ окружающими. Для Компейрэ дитя—„самая привлекательная изъ новыхъ областей изслѣдованія, открытыхъ современной наукой“, а Ле Контъ говоритъ: „Невозможно преувеличить важности изслѣдованій о дѣтствѣ“. Ротъ, какъ первый центръ духовной жизни ребенка, къ которому направлено каждое движеніе и куда отправляется каждая вещь, чрезвычайная чувствительность осязанія со всѣми органами кожи, точно бы она достигла уже нормальнаго протяженія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ея органы теперь сконцентрированы на одной шестой нормальнаго пространства; медленное развитіе „я“ внутри, въ отличіе отъ „не-я“ внѣ ограниченной опредѣленными предѣлами поверхности кожи; медленное развитіе способности зрѣнія, пока послѣднее не становится страстью; постепенная координація элементовъ языка и движенія—всѣ эти вещи чрезвычайно поучительны для психолога. Центры глаза, уха и движенія развиваются, по всѣмъ видимостямъ, независимо, и лишь при помощи игры и даже самодисциплины удается связать эти элементы „я“ въ одно цѣлое, столь слитое воедино, что ни испугъ, ни гипнотизмъ не въ состояніи уничтожить этого единства. Первые шесть лѣтъ дѣтства проходятъ въ развитіи и напоминаютъ шесть дней творенія; проблемы личности, происхожденія языка, характера, темперамента, вѣроятно, никогда не будутъ разрѣшены безъ содѣйствія изслѣдованій о дѣтствѣ; послѣднее въ своемъ ростѣ повторяетъ передъ нашими глазами вкратцѣ исторію человѣческаго рода,

и иногда день въ жизни ребенка представляет, можетъ быть, развитіе рода въ теченіе столѣтій.

Психологія взрослого человѣка, преподаваемая преимущественно также и учителямъ—дѣятельности которой она во всякомъ случаѣ не вредитъ—весьма отличается отъ практическихъ и все-таки научныхъ изслѣдованій о генезисѣ человѣческой души. Поэтому, понятно, что мы ожидаемъ въ результатѣ очень многихъ изслѣдованій почти о всѣхъ сторонахъ дѣтской жизни и юношескаго возраста возможности обосновать совершенно новымъ, научнымъ образомъ каждую ступень воспитанія.

IV. Для четвертой области новой психологіи я не знаю никакого лучшаго наименованія, какъ „изслѣдование упадка“. Морель разсматривалъ сначала душевную болѣзнь какъ форму человѣческаго вырожденія; Штрюмпель разработалъ педагогическую патологию; Ломброзо изслѣдовалъ типы вырождающихся преступниковъ; существуетъ большая и всерастущая литература по изслѣдованію идиотовъ, нищихъ, бродягъ, слѣпыхъ, глухихъ и другихъ людей съ различными пороками и недостатками. Всѣ эти изслѣдованія обратили свое вниманіе прежде всего на бросающіяся въ глаза неправильности, а затѣмъ уже перешли къ менѣе выдающимся случаямъ: отъ идиотовъ къ глупымъ, отъ глухихъ къ плохослышашимъ, отъ душевнобольныхъ къ людямъ съ пониженной духовной отвѣтственностью. Теперь мы располагаемъ все увеличивающимся матеріаломъ, позволяющимъ приложить утонченные отличительные критеріи нормального и болѣзненнаго къ современнымъ теченіямъ въ литературѣ, искусствѣ, воспитаніи, религіи и даже политикѣ. Современная психологія видитъ объекты изслѣдованія не только въ посѣтителяхъ заведеній, но и въ самихъ заведеніяхъ и во всей обширной области исторіи и жизни и пользуется ими въ клиническихъ и діагностическихъ цѣляхъ; слово „здоровье“ получаетъ понемногу снова свое старое и болѣе широкое библейское значеніе—въ смыслѣ святости.

Всѣ виды человѣческаго вырожденія, индивидуальныя или унаслѣдованныя, подставляются въ великой моральной алгебрѣ на мѣсто почти нераскрытаго символа грѣха. Тщательно разработанныя монографіи объ уклоненіяхъ въ сферѣ чувства любви свидѣтельствуютъ не только о власти любви, но и объ ея многообразныхъ проявленіяхъ, и далѣе показываютъ, какъ каждое выраженіе любви, когда она отрѣзана отъ своего естественнаго объекта, т.-е. отъ лица другого пола, можетъ быть вызвано буквальнѣйшимъ и естественнѣйшимъ образомъ почти каждымъ предметомъ или каждымъ дѣйствіемъ. Периодическія явленія, выступающія такъ ясно въ совокупности со многими формами лунатизма, стараются прослѣдить теперь вплоть до ихъ продолженій въ нормальной жизни. Эпилепсія ослабѣваетъ до степени простыхъ рыданій; афазія—до небольшихъ недостатковъ въ произношеніи; манія—до мимолетнаго возбужденія; болѣзнь показываетъ намъ каждое явленіе и каждую склонность нашей нормальной жизни лишь въ усиленной степени.

Ни одинъ изъ многочисленныхъ учебниковъ психологіи не соединяетъ въ одно цѣлое этихъ четырехъ точекъ зрѣнія; я убѣдился на опытѣ, что для возможности дать слушателямъ весь относящійся сюда матеріалъ необходимъ трехлѣтній курсъ, при условіи ежедневныхъ лекцій. Каждая изъ названныхъ частей психологіи отвѣчаетъ человѣческимъ интересамъ. Преподавать ее—удовольствіе, могущее превратиться въ страсть. Однако, даже при самомъ усердномъ и удачномъ преподаваніи психологіи, невозможно избавиться отъ чувства, что подготавлиешь большую академическую проѣзжую міровую дорогу и что піонеры ея скоро будутъ забыты въ потокѣ жизни, хотя они напряженнымъ трудомъ отстаивали каждую пядь земли и создали отдѣльныя мелкія цѣнности, которыя незамѣтно превратились въ ходячую монету въ мірѣ духовнаго обмѣна. Можетъ быть, отношенія новой психологіи къ старой философіи тѣ же, каковы были столѣтъ тому назадъ отношенія между философіей и тео-

логией; далѣе, можетъ быть, психологія никогда не разовьется въ законченную систему, а навсегда останется естественной исторіей духа, занимающейся человѣческой логикою, въ границахъ которой пребываютъ и развиваются всѣ системы. Какъ иногда утверждаютъ относительно Ветхаго и Новаго Заветъа, такъ и мы можемъ сказать о философіи и психологіи: „Въ старомъ таится новое, въ новомъ находятъ себѣ откровеніе старое“. Это не кризисъ и не революція, а медленное и необходимое развитіе.

Каждая ступень человѣческаго развитія характеризуется особенною формою продуктивности и творчества. На одной ступени творческія способности человѣка создаютъ семейную и родовую жизнь; позже онѣ создали, можетъ быть, 121 арійскій корень Макса Мюллера; возстали пророки Бога, преодолѣли нечеловѣческія трудности и возвѣстили Его законъ, перенесли его изъ области дикихъ элементовъ и мистерій природы въ границы человѣческой жизни; здѣсь они оставили его, такъ какъ знали, что міръ извлечетъ изъ него пользу, сами же возвратились обратно, чтобы продолжать свои изслѣдованія. Въ той мѣрѣ, въ какой господствуютъ эволюціонныя точки зрѣнія, всѣ области, подчиненныя ихъ вліянію, сосредоточиваютъ свой интересъ на человѣкѣ, и прежніе статическіе взгляды уступаютъ мѣсто динамическимъ.

Гёте говорилъ о Шекспирѣ, что при первомъ знакомствѣ съ этимъ гениемъ имъ овладѣла какая-то вдохновляющая сила, онъ получилъ неизгладимыя впечатлѣнія и походилъ въ тѣ моменты на слѣпорожденнаго, которому чудотворная рука возвратила внезапно зрѣніе; имъ овладѣло живѣйшее чувство безграничнаго расширенія всего его существа. То же переживаютъ въ настоящее время люди, когда они видятъ, какъ широко распространена ихъ природа, такъ что каждая форма животной жизни есть лишь вѣтвь большого родового дерева.

Тѣмъ, у кого „естъ очи, но кто не видитъ“, эти новыя рожденія представляются отвратительными, и тѣ, кто долженъ былъ бы заниматься ими, отступаетъ отъ нихъ—такъ иногда молодыя матери отворачиваются вначалѣ отъ своихъ первенцовъ. Какъ люди, страдающіе мизофобіей, преувеличенно боятся запачкаться, и съ болѣзненной брезгливостью моются послѣ каждаго прикосновенія къ какому-либо предмету, такъ философскіе гилефобы видятъ въ каждомъ изслѣдованіи тѣла, особенно мозга, матеріализмъ. Среди современныхъ писателей я не могъ бы назвать даже дюжины матеріалистовъ—и изъ нихъ всего двое занимаются академической дѣятельностью, тогда какъ всѣ склоняются къ динамическому или даже спиритуалистическому пониманію матеріи. Все рѣже становящіеся протесты противъ матеріализма новѣйшей психологіи напоминаютъ исторію той собаки, которая увидѣла однажды бѣлку, впрыгнувшую въ отверстіе въ стѣнѣ, и хотя бѣлка оттуда сейчасъ же вспрыгнула на дерево, собака продолжала цѣлыми днями и недѣлями лаять, стоя передъ тѣмъ отверстіемъ; наконецъ, снесли стѣну и на ея мѣстѣ выросла трава, а собака все стояла тамъ, гдѣ раньше было отверстіе въ стѣнѣ, и лаяла.

Главное и непосредственное примѣненіе психологія находить въ области педагогики, если разсматривать послѣднюю какъ науку о человѣческой природѣ и искусство довести эту природу до совершенной зрѣлости. Такое пониманіе педагогики противорѣчитъ плоскимъ понятіямъ о воспитаніи, часто пользующимся одобреніемъ ученыхъ. Оно разсматриваетъ всю дѣйствительную исторію міра—отъ протоплазмы вверхъ, исключая явленія застоя и обратныя движенія—съ педагогической точки зрѣнія. Философія воспитанія, исторіи и жизни—одно и то же. Каждый институтъ, каждую націю, каждую эпоху судятъ въ зависимости отъ услугъ, оказанныхъ ими воспитанію въ этомъ широкомъ смыслѣ слова. Философія часто шла запрещенными путями въ

нашихъ низшихъ школахъ; ея единственное оправданіе— это польза, приносимая ею воспитанію. Но въ такомъ положеніи отнюдь не слѣдуетъ видѣть утилитарнаго использованія философіи, а наоборотъ, ея высшее достоинство; ибо, когда мы о чемъ-нибудь говоримъ, что оно хорошо, истинно и прекрасно само по-себѣ, то хотимъ сказать, что оно носитъ печать чистой педагогики. Отсюда исходятъ побужденія къ новому развитію морали въ одномъ изъ городовъ Гигеи („страны здравія“) и на основѣ здоровья; такое развитіе уже началось и необходимо должно приносить пользу всѣмъ классамъ общества. Это указываетъ, что социологія должна опираться вышеописаннымъ образомъ на біологію и психологію или она „сядетъ на такую высокую лошадь, что не увидитъ подъ собою земли“. Если она не захочетъ разсматривать исторіи міра, какъ исторіи любви (напримѣръ, въ смыслѣ Друммонда и только съ большою полнотою), то ей останется учить лишь динамикѣ эгоизма.

По моему убѣжденію, еще не вполне оцѣнены услуги, оказанныя новой психологіей христіанской религіи. Ея ученія о многообразныхъ формахъ чело-вѣческаго вырожденія вносятъ жизненность въ доктрину о грѣхѣ; она оживаетъ, точно во времена самага пламеннаго изъ древнихъ отшельниковъ, но носитъ теперь болѣе умѣренный характеръ и способна къ большому воздѣйствію на окружающихъ. Естественная исторія юношескаго возраста не выпускаетъ ничего и повторяетъ всѣ церковныя ученія о новой жизни. Любовь, начавшаяся съ первыми материнскими заботами о потомствѣ, и теперь почти заполняетъ кругозоръ эволюціонистовъ и становится столь глубокой и важной, какъ у Іисуса и Павла; въ это же время нравственный и естественный законъ, счастье или благополучіе, какъ радость бытія и мученіе, какъ тѣлесная или душевная боль, основательно изслѣдуемая теперь съ различныхъ сторонъ, углубляютъ и усиливаютъ всѣ библейскія противоположности между блаженствомъ и проклятіемъ.

Такъ различными путями снова открываютъ въ Библии великій учебникъ психологіи для человѣчества; онъ разсматриваетъ человѣка какъ цѣлое со стороны тѣла, души и воли, и его оцѣниваютъ слишкомъ низко только потому, что онъ проникнуть глубоко-божественнымъ духомъ. Въмѣсто перемирія между наукой и религіей, духъ погружается въ болѣе великое понятіе вселенной и положенія въ ней человѣка,—послѣднее, которое говоритъ о новомъ космосѣ въ старомъ библейскомъ смыслѣ согласія и любви во внутренней жизни.

Хотя эти понятія новы и не выяснены, они намѣчаютъ главныя точки зрѣнія новой науки о человѣкѣ, вдохновляющія дѣятельность психологическихъ университетскихъ отдѣленій. Большинство работъ печатается въ монографіяхъ, заполняющихъ бібліотеку спеціалиста, или въ сборникахъ общихъ изслѣдованій; такія изслѣдованія неизбѣжны для каждаго, желающаго быть руководителемъ въ воспитаніи религіи, философіи или неврологіи. Авторы учебниковъ и учителя книжной мудрости скоро нахлынутъ сюда, чтобы повторять на сотни ладовъ открытія и завоеванія, сдѣланныя другими, какъ маги и чародѣи повторяютъ свои фокусы. И пусть себѣ. Въдѣ у насъ есть и настоящіе вожди, какъ Гертцъ, Пастеръ, Феррель, скромные и подчасъ даже неизвѣстные большому свѣту люди, но „рожденные охотники, вѣчно преслѣдующіе истину“; ихъ духъ—неиссякаемый источникъ; они иллюстрируютъ собою, можетъ быть, то, что является нашей величайшей педагогической потребностью вообще, а именно: дѣйствительное духовное единство. Совершенно такъ, какъ у низшихъ животныхъ формъ развилась сперва любовь къ потомству и росла по направленію къ зрѣлости въ точномъ соотношеніи съ уменьшеніемъ числа потомковъ, такъ что теперь заботы могли сосредоточиться на немногихъ,—такъ сосредоточили нѣкоторые изъ этихъ мужей на одномъ пунктѣ всю свою дѣятельность и любовь, которая была тѣмъ и интенсивнѣе, чѣмъ менѣе симпатіи и пониманія они встрѣчали въ окружающихъ.

Кольриджъ сказалъ, что тотъ, кто любить церковь больше истины, полюбитъ позже приходъ больше церкви и въ концѣ-концовъ больше всего будетъ любить себя самого. Та же склонность замѣчается также у тѣхъ, кто вначалѣ любитъ собственную *alma mater* больше истины, науки или философіи. Какими ничтожными представляются по сравненію съ этими тремя цѣнностями всѣ триумфы той или другой высшей школы, переманившей къ себѣ нѣсколько десятковъ или сотенъ студентовъ! Какъ ничтожны всѣ виды *oratio pro domo*, прославляющей одно учрежденіе на счетъ другого! Новыя гармоническія отношенія между науками, группирующимися вокругъ изученія человѣка, требуютъ обширной академической политики, приспособленной къ потребностямъ науки и изслѣдованія; требуютъ совмѣстнаго дѣйствія, большого усердія и воодушевленія и даже, въ случаѣ нужды,—самопожертвованія для того, чтобы люди не отождествляли себя съ учрежденіемъ; необходимо имѣть въ виду не только открыть талантъ, но и предохранить его отъ преждевременной мертвящей экзаменаціонной работы.

Душа университетовъ—чистая наука; ея тѣло—зданія, управленіе, церемоніи и весь экзаменаціонный аппаратъ. Хотя наша психофизиологія этой души въ этомъ тѣлѣ до сихъ поръ лишь „неопредѣленное воспріятіе небесныхъ, смѣняющихъ одинъ другого хоромъ“, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что душа важнѣе тѣла и что лѣченіе духа, какъ я его намѣтилъ въ этой статьѣ, единственный надежный родъ лѣченія для всевозможныхъ академическихъ болѣзней или несовершенствъ, вызывающихъ у многихъ упреки и протесты.

**Идеальная школа на основѣ изученія дѣтей
(педологіи) *).**

Въ этой статьѣ я постараюсь забыть на короткое время обо всѣхъ обычаяхъ, традиціяхъ, методахъ и философствованіяхъ и поставлю вопросъ, чѣмъ было бы воспитаніе, если бы оно опиралось единственно и исключительно на здоровое и широкое пониманіе природы и потребностей дѣтства. До сихъ поръ фактической матеріаль оказывался недостаточнымъ для созданія идеальной школы, но вскорѣ онъ станетъ слишкомъ многообразнымъ, и тогда никто не отважится на смѣлую попытку; поэтому какъ разъ теперь надлежащее время для этой попытки. Слѣдующія положенія почти всецѣло, пунктъ за пунктомъ, опираются на изученіе ступеней развитія ребенка, и ихъ можно было бы назвать безъ большей нескромности первой попыткой формулировать практическую программу этого значительнаго теченія. Вслѣдствіе ограниченности мѣста я могу, однако, изложить лишь тѣ заключенія, которыя вліяютъ или могутъ повліять на практическую дѣятельность учителей.

Школа, которую я опишу, нигдѣ не существуетъ, но ея методы пользуются, если я не ошибаюсь, всеобщимъ признаніемъ. Многія изъ чертъ уже осуществлены, и если принять во вниманіе многія страны и эпохи, можно ихъ соединить въ одной мозаичной фигурѣ, и все же по существу школа, о которой пойдетъ рѣчь, невидима и еще не воздвигнута руками человѣка. Впрочемъ, такъ какъ нѣтъ ничего практичнѣе истинно идеальнаго, то моя еще нигдѣ не существующая школа

*) The Ideal School as Based on Child Study
(Forum, September 1901).

могла бы завтра быть осуществлена повсюду; даже всѣ консерваторы признають ее, я надѣюсь, достойной цѣлью стремлений и разойдутся между собою только во мнѣніи, слѣдуетъ ли осуществить ее немедленно или послѣ долгихъ подготовлений. Нѣчто подобное воодушевляло всѣ мои слабыя педагогическія попытки съ самаго начала, и въ педагогическомъ мірѣ я не оставался безъ цѣли и надежды.

Если мы начнемъ съ глубокой философіи, часто заключающейся въ словахъ, то увидимъ, что слово „школа“ означаетъ досугъ, свободу отъ работы, продолженіе первоначальнаго райскаго состоянія, созданнаго до того, какъ началась борьба за существованіе. Она означаетъ удлиненіе дѣтства человѣка и не менѣе важное продленіе юношескаго возраста. Она посвящена здоровью, росту и наслѣдственности; маленькая часть этихъ цѣнностей равна пудамъ учености. Охранители юношества должны были бы стремиться прежде всего къ тому, чтобы удерживать его отъ распущенности, предохранять отъ вредныхъ послѣдствій, должны были бы заслужить гордый титулъ „адвокатовъ счастья и правъ дѣтей“. Имъ слѣдовало бы глубоко чувствовать, что дѣти, какими они выходятъ изъ рукъ Творца, не испорчены, а представляютъ изъ себя нѣчто совершенное; и дѣйствительно, нѣтъ ничего, болѣе достойнаго любви и почитанія, чѣмъ душа и тѣло развивающагося ребенка.

Отсюда слѣдуетъ практически, что наша первая обязанность по отношенію къ юношеству состоитъ въ заботѣ о его досугахъ: урѣзываніе досуговъ есть покушеніе на права ребенка и нуждается для своего оправданія въ уважительныхъ основаніяхъ. Каждый предметъ въ программѣ учителя обязанъ отчетомъ о самомъ себѣ, и вмѣшательство и руководство педагога нуждается въ оправданіи передъ ребенкомъ. Мы должны превозмочь фетишизмъ по отношенію къ алфавиту, таблицѣ умноженія, обученію языку, цифровой системѣ и къ

книгамъ вообще и помнить, что всего нѣсколькими поколѣніями раньше наши предки не умѣли ни читать, ни писать, что изобрѣтеніе Кадма привело къ отравленію и засоренію мозга, что Карлъ Великій и многіе другіе великіе люди міра не умѣли читать и писать, и что, какъ доказали ученые, Корнелія, Офелія, Беатриче и даже Матерь Божья никогда не держали ни пера, ни карандаша въ рукахъ. Рыцари, отборные вожди въ средніе вѣка, считали искусство письма не больше, какъ хитроумной выдумкой ученыхъ, не достойной вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто не нуждался въ чужихъ мысляхъ и изобрѣтеніяхъ, ибо для него достаточно было и своихъ.

Больше того, о многихъ можно сказать, что образованіе оказало на нихъ неблагопріятное вліяніе, и они много выиграли бы въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ, если бы воспитались внѣ школы. Зубреніе и избытокъ школьнаго образованія убійственны для духовно-слабыхъ дѣтей; для слабаго духа, какъ говоритъ пословица, нѣтъ ничего опаснѣе идей, до которыхъ онъ еще не доросъ. Понемногу мы начинаемъ понимать ничтожность одной начитанности и учености, одного пассивнаго воспріятія образовательнаго матеріала; намъ становится ясно, что невѣжество благотворно для слабыхъ духомъ. Кромѣ того, на примѣрѣ ученыхъ буквоѣдовъ, софистовъ, схоластиковъ и педантовъ мы видимъ, что большая часть учености прежнихъ временъ была пустоцвѣтомъ, и на стражѣ святынь культуры стояли непризнанные педагоги. Для тѣхъ, кто обнаруживаетъ соотвѣтствующія способности, я отнюдь не желалъ бы ограничить возможности образованія и учености, но неспособныхъ необходимо оставлять, въ ихъ же собственныхъ интересахъ, внѣ границъ нашей образовательной системы.

I. Возрастъ, соотвѣтствующій дѣтскимъ садамъ, простирается отъ второго или третьяго года до шестого или седьмого. До возможности введенія идеальной шко-

лы, мы нуждаемся для этой ступени развитія въ освобожденіи отъ символистики. Въ это время тѣло нуждается въ наибольшемъ къ себѣ вниманіи, душа—въ наименьшемъ. Ребенку нужна скорѣе мать, чѣмъ учитель, скорѣе образованная няня, чѣмъ метафизикъ. Нужно уничтожить материнскія игры и затѣмъ отчасти возстановить ихъ послѣ критическаго просмотра, нужно преобразовать систему занятій и фребелевскихъ даровъ и значительно расширить ее. Мы должны позаботиться объ идеальной дѣтской, о залахъ и мѣстахъ для игръ на открытомъ воздухѣ; всюду и вездѣ ребенокъ долженъ находить воздухъ, свѣтъ и воду наилучшаго качества. Вліянія новой гигиены чувствуются меньше всего тамъ, гдѣ они нужнѣе всего. Пренебреженіе этими главными принципами показываетъ, что среди насъ есть многіе, полагающіе, что для выращиванія прекрасныхъ душъ годится любой уголь, лишь бы при этомъ непоколебимо и буквально соблюдались ученіе и методъ Фребеля. вмѣсто этой фребелевской магіи лучше предоставить дѣтямъ кубики, шарики, цилиндры, волчки; пусть пускаютъ мыльные пузыри, играютъ въ куклы, танцуютъ и забавляются самыми разнообразными играми и игрушками; вмѣсто двухъ или трехъ рыбъ, насѣкомыхъ, четвероногихъ и растений, нужно окружить дѣтей многими представителями животнаго и растительнаго міра; для игрушекъ необходимо отвести особое мѣсто храненія и занести ихъ въ особый каталогъ. Соблюденіе простыхъ формъ приличія и употребленіе бумажныхъ салфетокъ при ѣдѣ хлѣба и фруктъ и питьѣ молока чудесно вліяютъ на маленькихъ живыхъ куколъ. Пища возбуждаетъ работу духа и сохраняетъ хорошее настроеніе; полный желудокъ дѣлаетъ разговорчивымъ, и даже успѣхи въ занятіяхъ можно приписать вліянію пищевыхъ продуктовъ.

Дѣтскій садъ, по идеѣ педагоговъ, долженъ заполнить цѣлый день и стремиться убить время. Въ берлинскомъ заведеніи такого рода дѣти спятъ послѣ по-

лудня въ комнатѣ съ опущенными шторами, имъ даютъ сухари и даже бутылки съ молокомъ и услаждаютъ ихъ слухъ музыкой; такъ дѣти борются съ врагомъ чело-вѣка, съ утомленіемъ, и возстановливаютъ для себя бывшее райское состояніе. Часть программы дѣтскихъ садовъ должна была бы быть отведена досугу и мечта-ніямъ; намъ принадлежитъ право нарушать послѣднія, но какія бы то ни было подозрѣнія съ нашей стороны неумѣстны и вредны для дѣтей. Во время игры—и только во время игры—жизнь принимаетъ характеръ дѣйстви-тельности. Подражанію нужно отвести болѣе широкія границы. Дѣти должны слышать вокругъ себя лучшій англійскій языкъ, а позже слѣдуетъ приучать ихъ ухо къ французскому и нѣмецкому. Никогда не слѣдуетъ обучать ребенка краскамъ, какъ таковымъ. Дѣти бога-тыхъ людей растутъ, обыкновенно, слишкомъ большими индивидуалистами и даже сверх-индивидуалистами, особенно если они единственные дѣти; ихъ, наоборотъ, слѣдуетъ приучать къ дисциплинѣ и подчиненію, а у дѣтей бѣдныхъ родителей, растущихъ въ чрезмѣрномъ подчиненіи, слѣдуетъ развивать индивидуалистическія черты. Каждое слово въ драгоцѣнной позитивной фи-лософіи Фребеля, глубочайшаго изъ всѣхъ новѣйшихъ мыслителей - педагоговъ, заслуживаетъ вниманія; но каждое практическое выраженіе его идей требуетъ коренного пересмотра; нужно бы побудить, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ образованныхъ мужчинъ и женщинъ заняться дѣтскими садами и показать, путемъ препода-ванія въ семинаріяхъ для учителей и учительницъ, то, что до сихъ поръ оставалось для нихъ почти неизвѣстнымъ, а именно—въ чемъ заключается дѣйствительный духъ и вліяніе современной науки. Учитель долженъ изучать каждаго ребенка, но отнюдь не съ помощью обычныхъ техническихъ приѣмовъ. Учителямъ необходимо знать больше, чѣмъ тотъ минимумъ, который они преподають; они знаютъ ребенка изъ книгъ, но мало наблюдаютъ его въ жизни и мало любятъ его. Послѣ намѣченной

мною метапсихозы дѣтскій садъ долженъ былъ бы стать важной частью школьной системы.

II. Возрастъ семи или восьми лѣтъ—переходный періодъ, представляющій величайшій интересъ для науки. У большинства дѣтей къ этому времени всего три или четыре зуба; ихъ сердце подвержено въ теченіе слѣдующаго года, или даже раньше, ббльшей, чѣмъ обыкновенно, опасности; дыханіе короче и ребенокъ легко утомляется; физическая слабость, нервная слабость, недостатки зрѣнія и кашель опаснѣе, чѣмъ въ другое время, и чаще наблюдается малокровіе. Мозгъ, и его ростъ въ отношеніи вѣса и величины закончены, и слѣдуетъ ввести работу и напряженіе въ болѣе узкія границы. Въ развитіи есть еще нѣсколько критическихъ пунктовъ, но пока ихъ характеръ и значеніе для насъ еще не вполне выяснены.

III. Въ восемь или девять лѣтъ начинается новый періодъ, образующій почти въ теченіе четырехъ лѣтъ, до наступленія половой зрѣлости, единственную въ своемъ родѣ жизненную стадію, отличающуюся многими важными свойствами отъ предшествующаго и послѣдующаго періода. Въ эти годы уменьшается пропорція роста, такъ что тѣло относительно находится въ состояніи покоя; но замѣчается поразительное увеличеніе жизненной силы, дѣятельности и силы сопротивленія болѣзнямъ. Теперь утомленіе также переносится легко, и нужно удивляться тому, сколько ребенокъ въ состояніи перенести. Среднее дитя отдается играмъ и по отношенію къ величинѣ и вѣсу дѣятельнѣе въ теченіе всего дня, чѣмъ въ другіе періоды своей жизни. Какъ я изложу въ другомъ своемъ трудѣ, присовокупивъ теоретическія обоснованія, многое говоритъ за то, что эти четыре года представляютъ собою, въ соотвѣтствіи съ теоріей повтореній, долгій періодъ доисторической эпохи, когда наши первые предки были уже хорошо приспособлены къ окружающей ихъ средѣ. До усовершенствованія челоуѣческой природы, юношество въ

теплыхъ климатахъ, гдѣ развилось большинство чело-
вѣческихъ чертъ, рано освобождалось отъ родительской
опеки и само заботилось о своемъ пропитаніи. На этой
ступени развитія, которую мы назовемъ юношеской,
отдѣльный мальчикъ въ наши дни—неоцѣнимый ключъ
къ восстановленію той стадіи въ исторіи человѣческаго
рода, еще очень темной въ другихъ отношеніяхъ.

Какъ бы то ни было, природа ребенка ясно указы-
ваетъ на необходимость посвятить этотъ періодъ, глав-
нымъ образомъ, дисциплинированію, выработкѣ извѣ-
стныхъ привычекъ и механическимъ занятіямъ. Возрастъ
разума еще только начинается, и имъ пока мало поль-
зуются; поэтому паролемъ должна быть въ это время
дисциплина. Обученію письму и чтенію слѣдовало бы
удѣлять въ нашей школьной системѣ до восьмого года
жизни мало мѣста; предшествующее школьное обученіе
цѣлесообразнѣе сосредоточить на разсказахъ, наблюде-
ніяхъ надъ природой и на воспитаніи путемъ игръ и
другихъ родовъ дѣятельности. Затѣмъ только можно
серьезно обратиться къ обученію письму и чтенію, ибо
теперь начинается соотвѣтствующій періодъ развитія.
Если начать обученіе письму и чтенію преждевременно,
легко сдѣлать средняго ребенка на всю жизнь плохимъ
писакой: опасность заключается въ преждевременномъ
чрезмѣрномъ напряженіи болѣе тонкихъ мускуловъ. Но-
вѣйшія изслѣдованія показали, что зигзагообразныя
движенія глаза при чтеніи столь же опасны, какъ и
сходныя движенія руки при письмѣ. Въ наиболѣе бла-
гоприятномъ случаѣ опасно давленіе на эти нѣжные
мускулы. Преждевременное упражненіе въ чтеніи пи-
саннаго еще потому такъ вредно, что теперь большое
напряженіе развиваетъ ловкость и искусство въ пора-
зительно короткое время. Только теперь у средняго ре-
бенка мелкіе мускулы, столь важные для развитія духа
и воли, могутъ перенести тяжелую работу и большое
напряженіе. Теперь умѣстна точность, сопряженная въ
несоотвѣтствующее время со множествомъ опасностей
для духа и тѣла.

Словесная память теперь прекрасна, и слѣдовало бы упражнять ее въ гораздо ббльшей степени, чѣмъ то имѣеть мѣсто въ дѣйствительности. Въ этотъ періодъ закладываются автоматическія основы духа и нравственности, ни въ какое другое время не складываются и не укрѣпляются такъ легко привычки. Обученіе ручнымъ искусствамъ и игрѣ должны быть разнообразны и совершенны въ своемъ родѣ. Человѣческой же ребенокъ, естественно самый дикій изъ дикихъ звѣрей, проходитъ черезъ процедуру прирученія. Если хотятъ научить ребенка игрѣ на піанино или на другомъ какомъ-нибудь инструментѣ, — теперь самое подходящее время для упражненій и гаммъ. Техника рѣдко пріобрѣтается позже, если въ этомъ возрастѣ не закладываются ея основанія. Теперь также время для заучиванія именъ, особенно техническихъ наименованій. На первый планъ слѣдуетъ выдвинуть рисованіе; его нужно начать съ большихъ и совершенно свободныхъ формъ еще до обученія письму, но строго систематическимъ и точнымъ оно можетъ стать только къ концу этого періода. Художественное образование чуждается принужденія, и вначалѣ нужно позволять рисовать все—битвы, пожары, кораблекрушенія, желѣзнодорожныя катастрофы—съ многочисленными человѣческими фигурами и разнообразною дѣятельностью, но никакъ не углы, прямыя линіи или правильныя кривыя, всплывшія въ исторіи человѣческаго рода очень поздно. Такое рисованіе—и только такое—было бы дѣйствительнымъ выраженіемъ дѣтской души, и ребенокъ срисовывалъ бы то, что видитъ онъ самъ, а не взрослый.

Посредникомъ въ обученіи всего этого періода является родной языкъ; но онъ долженъ служить посредникомъ лишь на линіи между ухомъ и ртомъ—эта неизвѣстная эпоха существовала задолго до письма или чтенія—а не въ главномъ, на длинной кривой и біологически совершенно новомъ мозговомъ пути отъ глаза къ рукѣ. Учителя превозносятъ письменныя домашнія

и школьныя работы, сочиненія, экстемпорали, а между тѣмъ всѣ эти работы опираются на повья и еще неразвитыя способности нервовъ и мускуловъ. На такомъ, въ то время еще ненадежномъ фундаментѣ мы хотимъ укрѣпить знаніе англійскаго (нѣмецкаго или французскаго и т. д.) языка, и потому приходится слышать столько справедливыхъ жалобъ на плохой англійскій (нѣмецкій или французскій и т. д.) языкъ. При преждевременномъ обученіи мы портимъ ребенку какъ почеркъ, такъ и идиоматическую рѣчь. Ребенку слѣдовало бы жить въ мірѣ языка звуковъ. Онъ долженъ былъ бы ежедневно слушать и самъ говорить въ продолженіе многихъ часовъ; только при этомъ условіи возможно было бы заложить основы для чистаго и правильнаго англійскаго языка (французскаго или нѣмецкаго и т. д.) и подчинить письмо и чтеніе слуху и разговорной рѣчи. Ребенокъ писалъ бы такъ, какъ говорить, и мы были бы спасены отъ ужасовъ книжнаго языка. На данной ступени развитія слѣдовало бы задавать дѣтямъ гораздо меньше письменныхъ работъ, чѣмъ то обыкновенно дѣлается.

Ради достиженія этихъ цѣлей намъ слѣдуетъ придавать меньше значенія орфографически правильному письму, а также правильному, соответствующему зрѣлому мышленію синтаксису; правописаніе вообще гораздо малоцѣннѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Пока, однако, мы крайне нуждаемся въ хорошей грамматикѣ. Прежде всего мы должны добиваться способовъ выраженій, хотя бы не очень изящныхъ, но, главное, правильныхъ и сильныхъ. Поэтому нельзя не признать правъ на существованіе за большею частью того, что мы называемъ діалектомъ: діалектъ есть возрожденіе языка въ его наиболѣе пластической стадіи. Тонкія особенности, такъ цѣнимыя нами, еще отсутствуютъ въ діалектѣ; но въ немъ мы находимъ явное наслажденіе сильными выраженіями. Мы до сихъ поръ не знаемъ, чему слѣдуетъ обучать изъ области діалекта или какъ обучать ему, но,

несомнѣнно, слѣдуетъ удѣлить важное мѣсто лучшему матеріалу этого происхожденія. Нельзя считать мальчика радикально испорченнымъ потому, что онъ любитъ рассказы на діалектѣ, такъ какъ обороты рѣчи и выраженія у авторовъ этихъ рассказовъ, въ родѣ мистера Эйда, выходятъ изъ той же мастерской, гдѣ образуются всѣ слова. Наша цѣль облагородить выраженіе, которое должно точно и ясно сказать намъ о томъ, что хранится въ душѣ ребенка. Это выраженіе должно быть для другихъ мальчиковъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе дѣйствительнымъ. Обученіе, развивающее способность писать или говорить о частностяхъ того или другого предмета, недостаточно. Дѣти могутъ описывать лишь тѣ предметы, которые они знаютъ и которые имъ по плечу. Тему работы слѣдовало бы выбирать изъ области интересовъ ребенка,—тогда требуемое подходящее выраженіе найдется само собою. Далѣе, нельзя обучать языку, какъ таковому, или раздѣльно отъ предметовъ, дѣйствій или конкретной дѣйствительности и истины. Мы хорошо бы сдѣлали, если бы сожгли большинство изъ нашихъ учебниковъ, по которымъ ведется преподаваніе языка.

Въ этомъ возрастѣ ариѳметику—преподаванія ея въ американскихъ школахъ очень форсировано—слѣдуетъ вести механически: задавать сначала многочисленныя упражненія; позже заставлять заучивать правила и рѣшать задачи, но все больше механическимъ путемъ, давая возможно меньше объясненій. Прежде слѣдуетъ давать элементы геометріи, особенно ея конструктивные элементы, и метрическую систему, а затѣмъ уже перейти къ началамъ алгебры. Въ томъ же возрастѣ время начинать обученіе одному или двумъ иностраннымъ языкамъ по методу упражненія слуха ребенка и практики въ языкѣ. У ребенка есть естественная потребность выражать свои мысли также и въ другихъ формахъ, кромѣ формъ своего родного языка: въ этомъ возрастѣ удовольствіе отъ исковерканныхъ формъ языка, всякой

безсмыслицы и изобрѣтенныхъ словъ достигаетъ высшей степени: именно на этой ступени особенно обильно развивался человѣческой языкъ. Если начать обученіе иностраннымъ языкамъ раньше, это можетъ повредить развитію родной рѣчи; если же начать обученіе позже,—ребенокъ никогда не научится говорить хорошо на чужихъ языкахъ, и они никогда не станутъ для него непосредственнымъ орудіемъ мышленія. Психологія показала, что языкъ, апеллируя къ глазу, но не въ формѣ писаннаго или печатнаго слова, а въ формѣ картинокъ, находитъ для себя значительное подкрѣпленіе, и что даже краска усиливаетъ дѣйствіе языка. То или другое французское или нѣмецкое слово, которое едва ли бы удержалось при другихъ условіяхъ въ памяти, легче воспроизводится американскимъ ребенкомъ или запечатлѣвается лучше въ его мозгу, если одновременно показать ему предметъ или картинку или произвести соотвѣтствующее дѣйствіе. Книги отнюдь нельзя вывести изъ употребленія, но наиболѣе существеннымъ остается устное преподаваніе и мышленіе. Предметъ долженъ дѣйствовать непосредственно, безъ посредническихъ услугъ англійскаго слова.

Что касается до преподаванія мертвыхъ языковъ, то не слѣдуетъ начинать латинскаго на одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ году жизни, а греческій послѣ двѣнадцатаго или тринадцатаго. Здѣсь предметъ и методъ совершенно иные. Эти языки преподаются съ помощью роднаго языка, и круговращеніе отъ глаза къ рукѣ и отъ руки къ глазу слѣдуетъ бы въ значительно большей степени выдвинуть на первый планъ. Цѣль заключается въ противопоставленіи соотвѣтствующихъ словъ и въ переводѣ. Главная причина, почему нѣмецкій мальчикъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ въ шестомъ классѣ такъ легко усваиваетъ то, что кажется намъ столь труднымъ, лежитъ въ вліяніи учителя: учитель побуждаетъ его дѣйствительно изучать языкъ; учитель не довольствуется спрашиваніемъ урока, а изучаетъ языкъ вмѣ-

стѣ съ мальчикомъ. Одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ учителей средней школы сказалъ мнѣ какъ-то, что ученикъ никогда не долженъ обращаться къ словарю или записыванію словъ, такъ какъ при переводѣ ему долженъ всегда помогать самъ учитель. Каждое предложеніе слѣдуетъ перевести ученику; о смыслѣ словъ и о правилахъ грамматики онъ долженъ узнать прежде всего отъ учителя; уроки дома, приготовленіе первой части слѣдующаго урока должно быть повтореніемъ того, что говорилъ и дѣлалъ учитель.

Географію можно бы сократить на одну четвертую или одну восьмую ея теперешняго объема. Она часто не что иное, какъ мозаика изъ геологіи, топографіи, физической географіи, ботаники, зоологіи, антропологіи, метеорологіи и астрономіи. Однако, данныя этихъ наукъ не преподаются въ ихъ естественномъ и логическомъ порядкѣ, а ихъ связываютъ въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ ихъ соприкосновенія въ пространствѣ и времени, а не отъ сходства и причинъ отношенія. Даже въ наше время взаимодѣйствія наукъ факты изолируютъ изъ логической совокупности ихъ и нарушаютъ законы разума, пользуясь лишь случайными мѣстными связями между предметами. Наши географическіе учебники не уважаютъ единства дѣтскаго духа. Географическіе факты преподносятся ребенку разрозненными и безъ всякаго отношенія къ стадіямъ развитія ребенка. Интересъ къ первобытнымъ народамъ и животнымъ достигаетъ на девятомъ и десятомъ году жизни ребенка наивысшей степени; интересъ къ экономической и политической географіи обнаруживается между шестнадцатымъ и двадцатымъ годомъ. Географическіе учебники нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ старались избѣжать всѣхъ перечисленныхъ недостатковъ, но это имъ не вполне удалось; поэтому мы и теперь еще имѣемъ основаніе называть географію большимъ мѣстомъ нашихъ учебныхъ программъ.

Вмѣсто того, чтобы относиться столь почтительно

къ этому пережитку средневѣковья, намъ слѣдовало бы сильно сократить удѣляемое ему время и сначала преподавать географію, какъ ученіе о мѣстности, въ которой ребенокъ живетъ, заставляя его рисовать много картъ, но болѣе схематически и по каждому предмету, особенно по исторіи, знакомить его съ элементами антропологии и зоологии, перейти затѣмъ къ элементарной астрономіи, геологии, метеорологіи и ботаникѣ, которыми слѣдуетъ обучать ради нихъ самихъ, ради ихъ дисциплинирующаго значенія. Если мы сократимъ число уроковъ, посвящаемыхъ географіи въ настоящее время, мы сможемъ ввести въ школьную программу элементы всѣхъ этихъ наукъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вводятся обыкновенно до конца этого періода и продолжаютъ затѣмъ ихъ преподаваніе въ формѣ естественно-научнаго обученія.

Никогда рука не была такъ близка къ мозгу, какъ теперь: свѣдѣнія въ этотъ періодъ требуютъ пракческаго приложенія, и развитіе мускуловъ никогда въ другой періодъ не обусловливаетъ въ такой степени духовнаго развитія. Теперь нужно начать упражненіе мускуловъ во всѣхъ видахъ—отъ игры до ручного мастерства. Въмѣсто шведскихъ или другихъ предметовъ, принятыхъ въ учебную программу и тщательно выполняемыхъ, мы нуждаемся въ систематизации игрушекъ и простыхъ научныхъ аппаратовъ; важнѣе имѣть въ виду послѣдующее употребленіе предмета, чѣмъ сосредоточивать все вниманіе на процессѣ выработки его. При выборѣ всѣхъ этихъ вещей нужно постоянно имѣть въ виду кругъ интересовъ ребенка.

Въ идеальной школѣ въ данномъ возрастѣ пѣніе будетъ играть важную роль; но особенно вначалѣ пѣніе наизусть требуетъ для себя больше времени, нежели пѣніе по нотамъ. Главная цѣль заключается не въ развитіи способности пѣть съ листа, хотя и она очень важна, а въ воспитаніи чувствъ и особенно въ сочетаніи ихъ съ любовью къ родинѣ, къ природѣ, къ оте-

— 112 —
честву и религіи,—таковы четыре главныя темы пѣнія во всѣ времена—какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Музыка есть выраженіе чувства, какъ языкъ есть выраженіе разсудка. Столь же бессмысленно обучать дѣтей нотамъ, прежде чѣмъ они умѣютъ хорошо пѣть, какъ обучать ихъ чтенію, прежде чѣмъ они выучились говорить. Въ народной школѣ цѣль музыкальнаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы дать ребенку возможность выражать свои душевныя движенія и такимъ путемъ вліять на образованіе характера и воли, на развитіе жизнерадостнаго чувства и всего поведения ребенка,—эта цѣль—не въ подготовкѣ музыканта.

Разумъ еще не очень развитъ. Духъ ребенка на этой ступени содержитъ немногимъ больше того, что онъ воспринялъ черезъ внѣшнія чувства. Мы должны возможно шире раскрыть ему глаза и уши. „Показывать“, „самимъ производить передъ глазами ребенка“, вездѣ и во всемъ давать ему возможность наглядныхъ воспріятій, но не давать словесныхъ объясненій—вотъ драгоценное правило для педагоговъ. Очень не трудно воспитать софистовъ и педантовъ на счетъ развивающейся силы разума. Вотъ почему слѣдуетъ объяснять какъ можно меньше. Даже въ отношеніи нравственности и поведения ребенка въ этомъ возрастѣ повиновеніе—главная обязанность ребенка. Въ большинствѣ случаевъ попытки къ объясненію питаютъ самосознаніе и спесь. Этотъ методъ—вспомогательное средство для тѣхъ учителей и родителей, личность которыхъ не пользуется авторитетомъ. Повиновеніе должно быть, по крайней мѣрѣ, закономъ, если не склонностью. Если оно отсутствуетъ совершенно, то лишь вслѣдствіе недостатковъ характера у окружающихъ ребенка взрослыхъ или ложныхъ методовъ воспитанія.

Наконецъ, эти годы—возрастъ развитія силы, если для самопроизвольной и добровольной дѣятельности ребенокъ располагаетъ достаточнымъ временемъ и возможностями. Хорошій учитель—настоящій педотрибъ.

Какъ таковой, онъ нуждается въ соответствующемъ методѣ, но значительно больше—въ матеріалѣ. Въ сердцахъ дѣтей этого возраста онъ находитъ мало чувствъ и много себялюбія. Хроническое заблужденіе слишкомъ нѣжныхъ родителей и современныхъ учителей состоитъ въ томъ, что они преувеличенно оцѣниваютъ способность дѣтей на этой ступени развитія, особенно мальчиковъ, сочувствовать интересамъ или раздѣлять чувства взрослыхъ. Міръ, въ которомъ мы живемъ, не ихъ міръ. Мы—„олимпійцы“, и можемъ настоять на своемъ, потому что мы сильнѣй. Дѣти должны переносить насъ и уважать и оказывать намъ должное почтеніе и повиновеніе; а между тѣмъ интересы дѣтей этого возраста покоятся почти исключительно на взаимности и не выбираютъ путей взрослога. Болѣе зрѣлые интересы являются внезапно, но позже.

Еще до окончанія этого періода въ идеальной школѣ мальчики и дѣвочки ввѣряются преимущественно, хотя не исключительно, попеченію педагогическаго персонала того же пола. Къ концу этого періода идеальный ребенокъ, прошедшій черезъ идеальное воспитаніе, окажется физически ловкимъ и дѣятельнымъ и духовно подвижнымъ; онъ будетъ умѣть хорошо читать и писать, будетъ обладать богатыми познаніями относительно различныхъ сторонъ жизни окружающей его природы; онъ не будетъ ученымъ, но будетъ начитаннымъ, ибо прочтетъ нѣсколько десятковъ отборныхъ книгъ, будетъ умѣть читать простой французскій и нѣмецкій текстъ и понимать прочитанное, и можетъ быть, даже уже усвоить начала латинскаго и греческаго языковъ. Въ немъ уже будутъ заложены кое-какія основы для будущаго специализированія знаній. Ребенокъ знаетъ нѣсколько десятковъ игръ, знаетъ кое-что изъ различныхъ ремесель и можетъ самъ сработать нѣсколько десятковъ особенно интересующихъ его предметовъ. Онъ будетъ почтителенъ, хотя не особенно нѣженъ, и будетъ находить удовольствіе въ повиновеніи тѣмъ ли-

цамъ, которыхъ онъ любить, и въ неповиновеніи тѣмъ, кого онъ не любить. Во время игры онъ будетъ переходить отъ одной партіи къ другой и заключать различные союзы, но на непродолжительное время. Онъ ознакомится съ большинствомъ историческихъ источниковъ и литературныхъ памятниковъ человѣчества, будетъ умѣть пѣть и рисовать, хотя не талантливо, но вполне удовлетворительно и безъ искусственности и жеманства.

На этой ступени развитія ребенка идеальный учитель руководить ребенкомъ; онъ обладаетъ тою физическою ловкостью, которая недостаетъ еще ребенку; онъ сумѣетъ отвѣтить на большинство вопросовъ ребенка о полѣ и лѣсѣ, берегѣ и улицѣ и ихъ обитателяхъ, побудитъ дѣтей къ игрѣ и разрѣшать ихъ споры во время игры, будетъ серьезнымъ наставникомъ, при случаѣ веселымъ, когда нужно—строгимъ, непреклоннымъ въ своихъ требованіяхъ и нетерпимымъ къ плохимъ работамъ; онъ охотно будетъ предпринимать иногда экскурсіи и экспедиціи, будетъ умѣть пѣть, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, рисовать, будетъ специалистомъ въ той или другой области и—это, можетъ быть, его наилучшее свойство—будетъ располагать запасомъ содержательныхъ исторій изъ когда-либо рассказанныхъ или выслушанныхъ человѣчествомъ.

Идеальный рассказчикъ предпочтетъ всегда сумерки или вечеръ при слабомъ освѣщеніи, побуждающіе фантазію къ полетамъ ввысь, когда она оставляетъ далеко позади себя чувственный міръ; онъ предпочтетъ, можетъ быть, расположиться у вспыхивающаго огня, который послужитъ какъ бы фономъ для его рассказовъ. И когда онъ въ такой обстановкѣ произнесетъ свое „Быль нѣкогда“—гипнотическое очарованіе овладѣетъ его слушателями. Такъ онъ передастъ имъ сказанія объ Одиссеѣ, Орестѣ, Зигфридѣ, Торѣ, королѣ Артурѣ и его слугахъ, о странствованіяхъ Энея и Телемаха, перескажетъ содержаніе нѣкоторыхъ рассказовъ изъ той

или другой изъ великихъ народныхъ библій, перейдетъ затѣмъ, можетъ быть, къ Данте, къ нѣкоторымъ мифамъ Платона о переселеніи душъ—напримѣръ, къ мифу объ Атлантидѣ, пещерѣ, двухъ коняхъ, къ мифамъ о Геркулесѣ на распутьи, къ легендамъ старой Индіи, къ Рейнеке-Лису, Гримму и Зимроку. Чрезвычайно несправедливо требовать отъ ребенка добросовѣстнаго выполненія школьныхъ обязанностей, не познакомивъ его предварительно съ этими вещами. Въ ихъ моральное значеніе я вѣрю почти такъ, какъ въ значеніе Библии; они производятъ глубокое впечатлѣніе. Они—библія дѣтства, и мы обязаны ознакомить дѣтей съ ними. Благодаря передачѣ разсказа, многочисленныя факты и лица попадаютъ въ центръ вниманія. Именно это недостижимо для самыхъ новѣйшихъ методовъ взаимоотношенія (предметовъ преподаванія). Такія исторіи дисциплинируютъ сердце и въ то же время вниманіе и насаждаютъ вкусъ къ хорошему чтенію и отвращеніе къ плохимъ книгамъ. Желательно было бы, кромѣ того, найти у учителя благородныя манеры, ровное настроеніе, жизнерадость и симпатію именно къ этой ступени развитія дѣтской души. Нѣкоторыя лица точно созданы для этого возраста дѣтей, другія же предпочитаютъ юношескій возрастъ; интересъ большинства къ юношеству и служеніе послѣднему носитъ почти всегда свой своеобразный характеръ, и никто не можетъ быть одинаково хорошимъ учителемъ или отцомъ или одинаково хорошей учительницей или матерью для всѣхъ возрастовъ.

IV. Подъ юношескимъ (или дѣвическимъ) возрастомъ подразумѣваютъ теперь довольно опредѣленно ограниченную стадію, начинающуюся въ тринадцать лѣтъ у дѣвочки и годомъ позже у мальчика и длящуюся приблизительно десять лѣтъ до періода завершенной половой зрѣлости. Она подраздѣляется на собственно время половой зрѣлости—первые два года, на собственно юность отъ шестнадцатаго до двадцатаго года у мальчиковъ и отъ пятнадцатаго до девятнадцатаго года у

дѣвушекъ и на конечную стадію—начало двадцатыхъ годовъ. Первая ступень характеризуется большимъ увеличеніемъ роста въ высоту и вѣса. Оба пола въ это время особенно склонны къ заболѣваніямъ; болѣзненность является слѣдствіемъ большихъ измѣненій, однако, смертность между тринадцатымъ и пятнадцатымъ годомъ ниже, чѣмъ въ другомъ возрастѣ. Въ этотъ періодъ особенно быстро развиваются сердце, всѣ чувства и душевныя движенія. Страхъ, гнѣвъ, любовь, сожалѣніе, ревность, соревнованіе, честолюбіе и симпатія зарождаются теперь или проявляются въ самой сильной степени. Молодые люди интересуются взрослыми, и желаніе, чтобы съ ними обращались какъ со взрослыми, становится у нихъ одной изъ величайшихъ страстей. Они хотятъ все знать, все дѣлать, быть всѣмъ, какъ настоящіе мужчины или женщины. Дѣтство завершилось; возникаютъ планы относительно будущей профессіи и принимаютъ понемногу опредѣленную и окончательную форму.

Часто наблюдается новая и большая чувствительность къ малѣйшей критикѣ, похвалѣ или порицанію. Дѣти стараются установить, уступаютъ ли они другимъ или превосходятъ ихъ, и обнаруживаютъ какъ новое недовѣріе къ самимъ себѣ, такъ и новыя формы самоутвержденія. На конецъ второго десятилѣтія падаетъ наибольшій процентъ преступленій и наибольшее число обращеній (морально-религіозныхъ). И удовольствіе, и страданіе испытываются въ чрезвычайно усиленной степени. Просыпается со всей силою желаніе борьбы и инстинктъ дѣлать все на-показъ. Быстро развиваются сначала большіе, затѣмъ малые мускулы, но напряженіе ихъ вначалѣ неустойчиво и дѣйствія — неловки. Внезапно расширяются сердце и артеріи, и увеличивается давленіе крови. Молодые люди легко и сильно краснѣютъ. Природа побуждаетъ тѣло и духъ къ напряженію всѣхъ силъ. Наслѣдственность—въ первой линіи и среда—во второй опредѣляютъ, можетъ ли индивидуумъ перейти съ успѣ-

хомъ черезъ этотъ мостъ и можетъ ли онъ безъ ущерба для себя или безъ затрудненій и препятствій достигнуть полной зрѣлости. Заключаются новыя дружескія связи и товарищества; фантазія расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ; душа теперь особенно воспріимчива ко всѣмъ сторонамъ природы; музыку, которую усвоили раньше, начинаютъ лишь теперь понимать чувствомъ; идеалистическій подъемъ или стремленіе къ развитію въ высъ дѣлаютъ этотъ возрастъ самымъ лучшимъ и богатымъ временемъ жизни. Любознательность, невѣдомая раньше и доходящая до духовнаго голода, заполняетъ душу.

Прошло всего нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ, и передъ нами новое существо, требующее новой среды, новыхъ методовъ и новыхъ матеріаловъ. Инстинктъ, теперь гораздо болѣе мудрый, чѣмъ разумъ, чувствуетъ эту перемѣну. Въ юношескомъ возрастѣ большинство дѣтей оставляетъ школу навсегда и начинаетъ жить самостоятельно. Кривая побѣговъ и бездѣлья достигаетъ въ эти годы своей вершины. Это время весенней лихорадки; предшествующая жизнь кажется мертвой, и душа рвется отъ нея прочь. Послѣ дѣтства это—наиболѣе уязвимый и трудный періодъ,—пробный камень для родителей, учителей и педагогическихъ методовъ. Этотъ періодъ—пунктъ, когда въ преемственной исторіи человѣческаго рода начиналось воспитаніе каждаго народа; отсюда воспитаніе расширяется по восходящей линіи—до университета и по нисходящей—до дѣтскаго сада, расширяется тѣмъ больше, чѣмъ больше прогрессируетъ цивилизація и нарастаетъ масса матеріаловъ культуры. Вопросъ: что дѣлать намъ съ отроками и отроковицами тринадцати и четырнадцати лѣтъ? Старѣйшая проблема въ воспитаніи и отвѣтъ на него ясенъ. Нужно ихъ прежде всего изучить. Изученіе уже началось и привело къ нѣкоторымъ результатамъ; одни изъ нихъ вполне ясны, другіе еще ненадежны.

Механизированіе и дисциплина, умѣстныя въ предшествующемъ періодѣ, должны понемногу уступить

мѣсто свободѣ и самоопредѣленію. Индивидуальность требуетъ теперь болѣе широкихъ границъ для своего проявленія. Теперь можно учить только тому, что возбуждаетъ большой интересъ и представляется наиболѣе цѣннымъ, если не самымъ цѣннымъ въ мірѣ. Мы не имѣемъ больше права принуждать и ломать волю ребенка, а должны незамѣтно руководить имъ и воодушевлять его. Одна дисциплина теперь тормозитъ развитіе. Нужно изучать cadaго индивидуума, видѣть въ немъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своеобразную проблему,—иначе невозможно способствовать достиженію имъ полной зрѣлости. Для тѣхъ, кто посѣщаетъ школу, дальше необходимо допустить изученіе предметовъ по свободному выбору. Въ этомъ возрастѣ юноши не вполне добросовѣстно выполняютъ свои школьныя обязанности въ классахъ съ женскимъ педагогическимъ персоналомъ, какъ бы хорошъ ни былъ послѣдній. Они чувствуютъ свою мужскую природу и нуждаются въ мужскомъ вліяніи.

Въ идеальной школѣ теперь послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ на время, полное раздѣленіе половъ. Они начинаютъ разниться одинъ отъ другого въ каждой клѣткѣ и ткани; дѣвушки должны бы на время отказаться отъ соревнованія. Онѣ склонны больше мальчиковъ растрчивать капиталъ тѣлесныхъ силъ и взваливать на свои плечи трудъ, не соотвѣтствующій ихъ конституціи; индивидуумы одного поколѣнія могутъ растратить избытокъ своихъ силъ только насчетъ потомства. Дѣвушки консервативнѣе душой и тѣломъ; мальчики различаются больше между собой и радикальнѣе. Продолженіе рода требуетъ отъ женщины большей пропорціональности между тѣломъ и функціей. Руководители новаго воспитанія дѣвушекъ рекомендуютъ подготовку ихъ къ матеріальной самостоятельности, полагая, что получившія подобную подготовку, сумѣютъ позаботиться о себѣ съ наступленіемъ полной зрѣлости и материнства. Однако этотъ взглядъ ложенъ въ корнѣ;

слѣдуетъ утверждать какъ разъ обратное. Каждую дѣвочку нужно прежде всего подготовить къ обязанностямъ жены и матери, и если такого рода воспитаніе повести мудро и основательно, небольшое меньшинство невыходящихъ замужъ также окажется подготовленными къ самостоятельности.

Третій весьма важный и опредѣляющій все остальное принципъ гласитъ: ни на одной другой ступени жизни способность пониманія и правильнаго сужденія не опережаетъ въ такой степени способности выражаться. Поэтому слѣдуетъ отказаться отъ экзаменационной системы; мы можемъ довѣриться душѣ юноши: теперь она настолько воспримчива, что ничто не проходитъ безслѣдно, ничто не теряется. Духовное и моральное воспитаніе оставляетъ слишкомъ глубокія впечатлѣнія, и воспріятыя вліянія не могутъ быть воспроизведены во время экзаменовъ безъ ущерба для духа и воли. Во всемъ окружающемъ нѣтъ ничего, на что природа молодого человѣка или молодой дѣвушки не реагировала бы вполне опредѣленно. Но не всему интересному и достойному усвоенія можно учить въ этотъ періодъ; педагогическій фактъ исключаетъ многіе матеріалы; если же мы все-таки требуемъ отъ ученика ихъ воспроизведенія, мы обезсиливаемъ его душу, затрудняемъ ея здоровое развитіе. Для сообщенія фактовъ, идей, законовъ и принциповъ теперь самый подходящій моментъ; они—дыханіе и радость жизни для одареннаго юноши. Онъ—весь проникновеніе и воспримчивость; онъ вступилъ на всю жизнь въ стадію ученическихъ годовъ; онъ точно родился во второй разъ и находитъ все новымъ вокругъ себя, все—чудеснымъ.

Отмѣчу еще одно измѣненіе. Въ предшествующей стадіи ученикъ могъ работать съ нѣкоторою искусностью и достаточною точностью,—теперь душа и тѣло стали снова пластичными и неустойчивыми, такъ что точность и совершенство въ выполненіи работъ достижимы лишь при слишкомъ большомъ напряженіи. Учи-

телю приходится думать теперь о насажденіи въ душѣ юноши новыхъ влеченій; до жатвы результатовъ воспитанія еще далеко. Способность духа завершать и тщательно разрабатывать начатое замираетъ на время. Онъ способенъ постепенно и несложнымъ образомъ все ассимилировать, но недостаточно удовлетворительно. Теперь развивается основная мускульная система тѣла, состоящая изъ большихъ, а не малыхъ мускуловъ, и производящая поэтому угловатая, неловкія, неточныя движенія; на первый планъ выступаютъ такія основы души, какъ инстинктъ и наглядное созерцаніе, а не чистый разумъ. Надлежитъ заложить новый и болѣе обширный фундаментъ.

Что вытекаетъ изъ этихъ измѣненій для идеальной школы будущаго? Переходъ изъ низшихъ классовъ средней школы къ ея высшимъ классамъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ Америкѣ, гораздо больше соотвѣтствуетъ потребностямъ четырнадцатилѣтнихъ дѣтей въ измѣненной средѣ, чѣмъ европейская система. Хотя, какъ мы видѣли, собственное воспитаніе начинается лишь въ этомъ возрастѣ, и у многихъ народовъ молодое поколѣніе проходитъ черезъ короткій курсъ воспитанія лишь въ началѣ періода половой зрѣлости, тѣмъ не менѣе средняя школа по странной ироніи судьбы превратилась въ простое связующее звено. Ея функціи простираются отчасти на подготовку къ высшей школѣ, отчасти завершаютъ начатое низшими школами. Высшіе классы средней школы утратили независимость и обнаруживаютъ изъ всѣхъ образовательныхъ стадій и классовъ наименьшій интересъ къ крупнымъ проблемамъ воспитанія, которыя гласятъ, чему и какъ слѣдуетъ учить, чтобы оказывать содѣйствіе развитію въ періодъ между тринадцатымъ и девятнадцатымъ годами и сохранять силы юношества, расцвѣтающія полнымъ цвѣтомъ, но легко погибающія или развивающіяся по ложному направленію, если педагогъ не изучаетъ ихъ съ тактомъ и искусностью и не приспо-

соблюдается въ своихъ требованіяхъ и вліяніяхъ къ ихъ своеобразности.

Всѣ эти проблемы занимаютъ учителей средней школы меньше, чѣмъ всѣхъ другихъ; они, можетъ быть вовсе и не подозреваютъ объ ихъ существованіи. Для нихъ юношескій возрастъ—просто стадія, слѣдующая за народной школой, когда молодые люди успѣли уже многое, но все же знаютъ еще недостаточно для поступленія въ высшую школу. Для такихъ учителей задача состоитъ только въ томъ, чтобы превратить учениковъ въ кандидаты въ студенты высшей школы; одно, что ихъ заботитъ и пугаетъ, это—требованія высшей школы по отношенію къ поступающимъ. Духъ предприимчивости и инициативы чуждъ имъ давно; они отказались отъ своего права и преимущества толковать потребности этой жизненной ступени и служить имъ; они располагаютъ лишь скуднымъ профессиональнымъ образованіемъ, относятся къ воспитанію въ великомъ значеніи этого слова почти безъ всякаго интереса и оставляютъ безъ вниманія народную школу. Точно бы ихъ мотто было: *Non vitae, sed scholae discimus*. Въ результатѣ получается то, что мальчики съ развитой индивидуальностью уходятъ изъ средней школы: въ Сѣверной Америкѣ среди учениковъ этихъ заведеній теперь приблизительно шестьдесятъ процентовъ дѣвочекъ. Высшіе идеалы забыты, почти нѣтъ рѣчи о независимомъ функционированіи второй стадіи воспитанія; ученикъ и учитель отдаютъ свое время выполненію цѣлаго ряда задачъ искусственной программы, предписанной чужою волею и подготовляющей не къ жизни, а къ высшей школѣ. Ученики не смотрятъ на свою работу, какъ на закладку фундамента, сообщающаго ей цѣнность и значеніе самой въ себѣ и увеличивающагося изо дня въ день. Перемена наступитъ только тогда, когда средняя школа начнетъ серьезнѣе относиться къ интересамъ и склонностямъ учениковъ.

Въ собраніяхъ представителей среднихъ и высшихъ

школь Новой Англіи пренія и интересы сосредоточиваются на частностяхъ, на примѣръ, какъ ввести въ программу тотъ или другой предметъ, слѣдуетъ ли представлять нѣсколько бѣльшій или нѣсколько меньшій требованія или какъ исправить тотъ или другой методъ. Требования высшей школы и различныя предложенія относительно наилучшаго удовлетворенія послѣднихъ перестали служить педагогическими темами въ высшемъ смыслѣ. Пора радикально измѣнить все это. Высшая школа зависитъ отъ средней, но не наоборотъ. Последняя должна защищать свою самостоятельность и продолжать рѣшать свои проблемы самостоятельно; она должна стремиться вполне вооружать для жизни тѣхъ учениковъ, воспитаніе которыхъ заканчивается средней школой, и должна заставить такъ или иначе высшую школу считаться съ ея требованіями. Въ свою очередь, она должна постоянно возвращаться къ вопросу, какъ лучше отвѣчать на запросы, интересы и способности, свойственные юношескому возрасту, какъ удовлетворять и развивать ихъ; вмѣсто этого она озабочена тѣмъ, какъ укрѣпить въ памяти учениковъ запасъ готовыхъ свѣдѣній, въ границахъ, установленныхъ профессорами, смыслящими въ потребностяхъ воспитанника средней школы не больше учителей другихъ школь. Обычная теорія и практика „посредствующей связи“ нарушаетъ естественныя функции свободного выбора, поощряетъ однообразіе и неизмѣнность и игнорируетъ потребности большинства учениковъ средней школы, не посѣщающихъ высшей школы.

При такихъ условіяхъ бесполезно изучать юношескій возрастъ или набрасывать проекты реформъ, такъ какъ невозможно предпринять ничего значительнаго; обратное же соотношеніе между двумя типами школь, за которое я стою, было бы очень благоприятно для высшей школы, повысило бы черезъ нѣсколько лѣтъ ея посѣщаемость и увеличило бы жизненность и вліяніе всей системы. Новѣйшая цивилизація знаетъ

100

мало институтовъ, которые бы относились къ человѣческой природѣ съ такимъ недоумѣемъ, какъ современная сѣверо-американская средняя школа, зависящая отъ высшей школы. По отношенію къ низшимъ школамъ обязательное школьное обученіе имѣетъ сходство съ высокой охранительной пошлиной, тормозящей изобрѣтеніе лучшихъ методовъ фабрикаціи и противорѣчащей закону конкуренціи, этому главному двигателю развитія. Не хуже забронирована средняя школа и отъ новыхъ идей; она все больше становится, поэтому, жертвой традиціи, рутины и желѣзнаго закона механизированія. Она развивается въ направленіи наименьшаго сопротивленія, подъ давленіемъ сверху со стороны высшей школы и подгоняемая, съ другой стороны, народною школою. Такъ объясняется на мой взглядъ быстрое уменьшеніе посѣщаемости средней школы въ Сѣверной Америкѣ, уменьшеніе числа учениковъ, переходящихъ затѣмъ въ высшую школу и, наконецъ, педагогическое равнодушіе учителей средней школы, склонныхъ къ педантичности и искусственности спеціалистовъ, но не обнаруживающихъ продуктивности послѣднихъ въ области изслѣдованій.

Я говорилъ откровенно и касался только общихъ принциповъ обширной области, слишкомъ обширной, чтобы ее можно было исчерпать въ одной короткой статьѣ. Я тщательно избѣгалъ всѣхъ частныхъ, хотя записывалъ ихъ въ своихъ замѣткахъ очень подробно и по каждому предмету до конца періода средней школы, т.-е. до возраста девятнадцати лѣтъ, когда въ большинствѣ случаевъ завершается ростъ тѣла. Если бы я располагалъ деньгами, мы бы могли въ теченіе немногихъ лѣтъ осуществить систему воспитанія соотвѣтственно съ изложеннымъ мною планомъ; даже наиболѣе консервативные защитники существующихъ порядковъ не могли бы отказать ей въ признаніи ея преимуществъ. Эта воспитательная система была бы по существу иного характера; ея руководящимъ принципомъ былъ бы ре-

бенокъ, а не школа, и она напоминала бы принципъ Реформаціи, утверждавшей, что суббота, библія и церковь существуютъ для человѣка, а не наоборотъ; она соотвѣтствовала бы практикѣ и результатамъ новѣйшей науки и психологическихъ изслѣдованій; въ ея рамкахъ религія и мораль оказывали бы на воспитанниковъ бѣльшее вліяніе, она признавала бы всѣ права за индивидуальностью и стремилась бы подвинуть человѣчество впередъ по пути къ высшей зрѣлости сверхчеловѣка и стоять на стражѣ процесса развитія, этого высшаго и послѣдняго пробнаго камня искусства, науки, религіи, семьи, государства и всѣхъ другихъ человѣческихъ институтовъ.

**Одиннадцать опросных листовъ по изслѣ-
дованію дѣтскаго возраста.****1. Дѣтскія игрушки.**

(За исключеніемъ куколъ.)

Опишите ваши первыя игрушки или первыя игрушки ребенка, котораго вы наблюдали или о которомъ слышали или читали. Въ какомъ возрастѣ маленькій ребенокъ начинаетъ интересоваться игрушками, ощупывать и изслѣдовать ихъ? Играетъ ли онъ собственными пальцами рукъ или ногъ? Наблюдали ли вы когда-нибудь, чтобы онъ схватывалъ игрушки пальцами ногъ? Опишите подробно любимыя игрушки, которыя ребенокъ беретъ къ себѣ въ постель, съ собою на прогулку и т. д. Какія игрушки онъ охотно разрываетъ или разбиваетъ и въ какомъ возрастѣ наблюдается эта склонность къ разрушенію? Почему? Не замѣчается ли послѣдовательности въ предпочтеніи въ качествѣ игрушекъ кубиковъ, мячей, палокъ, утвари, растений и животныхъ, машинъ, инструментовъ и вещей, употребляемыхъ при наиболѣе распространенныхъ играхъ. Собираетъ ли ребенокъ палки, раковины, камни, орѣхи, шарики и играетъ ли ими, представляя себѣ всѣ эти предметы одушевленными? Разговариваетъ ли онъ со своими игрушками и отличается ли тогда его рѣчь по формѣ словъ, модуляціи и силѣ голоса и т. д. отъ его обычной рѣчи? Запишите со всею точностью одинъ изъ

— 100

такихъ разговоровъ. По отношенію къ какимъ игрушкамъ ребенокъ полагаетъ, что онѣ раздѣляютъ его радости и печали? Оставляетъ ли ребенокъ иногда свои обычные игрушки ради того, чтобы поиграть съ лопатой, щипцами отъ огня и другими запрещенными или неподходящими вещами? Забавляется ли онѣ иногда исключительно воображаемыми игрушками; строить ли онѣ въ своей фантазіи дома, которые населяетъ воображаемыми лицами, животными или вещами? Опишите такіе случаи съ крайнею точностію.

Какія игрушки предпочитаетъ ребенокъ: грубоватыя или изящныя, большія или маленькія, французскія, нѣмецкія, японскія, русскія, американскія или другія? Опишите все, что ребенокъ когда-либо сдѣлалъ самъ, будь то изъ бумаги, шнурковъ, стульевъ, камней, катушекъ, коробочекъ, металла, дерева, земли, снѣга, сукна, бумажной ткани или перьевъ. Любитъ ли онѣ животныхъ, сдѣланныхъ изъ сукна наподобіе чучель, напимѣръ, кроликовъ, слоновъ, или предпочитаетъ жесткія покрывки у такого рода игрушекъ, и что онѣ дѣлаетъ, когда животныя движутся? Производитъ ли ребенокъ охотно шумъ, стукъ, трубитъ въ трубу и т. д.? Какую прелесть представляютъ для него звучащія игрушки и какіе инструментальные или вокальные шумы онѣ предпочитаетъ? Опишите случаи, когда дѣти выражали увѣренность въ томъ, что игрушки видятъ, слышатъ, осязаютъ, ощущаютъ вкусъ и запахъ или случаи, когда дѣти думали, будто ихъ игрушки чувствуютъ холодъ, тепло и воспринимаютъ темноту. Проявляетъ ли ребенокъ когда-либо гнѣвъ противъ игрушекъ, вмѣсто того, чтобы направить его противъ лицъ, или какія-нибудь другія душевныя движенія? Ищетъ ли онѣ у нихъ утѣшенія, когда его обидѣли или выбрали окружающіе изъ взрослыхъ? Въ случаѣ потери игрушки, озабоченъ ли ребенокъ ея судьбой? Беретъ ли онѣ съ собою игрушки на прогулки ради совмѣстныхъ переживаній и приключеній? Обращается ли онѣ съ ними какъ съ реликвіями

или подарками на память? Прячетъ ли ребенокъ свои игрушки и обнаруживаетъ ли предпочтеніе къ скрытымъ уголкамъ и углубленіямъ и другимъ потаеннымъ мѣстамъ? Оставляетъ ли ребенокъ свои игрушки разбросанными или собираетъ ихъ въ кучу, приводитъ ли ихъ въ порядокъ или склоненъ больше къ беспорядку? Строить ли онъ во время игры изъ кубиковъ высокія и узкія здачія? Предпочитаетъ ли онъ немногія старыя игрушки или требуетъ постоянно новыхъ и въ большомъ количествѣ? Обнаруживаетъ ли онъ любовь къ собственности? Обращается ли онъ со своими собственными игрушками лучше или хуже, чѣмъ другіе? Разбиваетъ ли онъ игрушки случайно, въ гнѣвъ, изъ любопытства, чтобы разсмотрѣть ихъ внутренность, изъ легкомыслія или намѣренно, наказывая ихъ? Погребалъ ли когда-нибудь ребенокъ свои игрушки и какъ, и почему? Употребляетъ ли онъ нѣкоторыя игрушки только въ опредѣленное время, на примѣръ, по воскресеньямъ, ложась спать и т. д.?

Какое значеніе для игры имѣетъ краска, правильность формъ, гладкость? Представляются ли ребенку нѣкоторыя игрушки нравственно лучшими, чѣмъ другія? Кормитъ ли онъ свою игрушечную лошадку иногда хлѣбомъ или сѣномъ, т.-е. толкуетъ ли онъ природу игрушки вѣрно или по аналогіи со своей собственной? Наказываетъ ли онъ игрушки за дурное поведеніе и награждаетъ ли за хорошее? Держитъ ли онъ себя по отношенію къ игрушкамъ просто или съ сознаниемъ собственнаго достоинства и проводитъ ли границу между воображеніемъ и дѣйствительностью? Какое употребленіе имѣетъ каждая изъ вещей, которыми ребенокъ наполняетъ свои карманы? Носитъ ли ребенокъ амулеты, медали, камни, приносящіе счастье, или освященные предметы—ради предотвращенія несчастія? Къ какимъ игрушкамъ питаетъ онъ неизмѣнное предпочтеніе? Записывайте каждое слово, произносимое ребенкомъ во время его одинокихъ игръ. Какого рода различія проявляютъ мальчики и дѣвочки

въ предпочтеніи къ извѣстнымъ играмъ и въ манерѣ играть? Поскольку слова или дѣйствія взрослыхъ повліяли на развитіе такихъ предпочтеній? Опишите и, если возможно, сфотографируйте игрушечные домики на открытомъ воздухѣ и ихъ обстановку.

Опишите склонность дѣтей подражать другимъ лицамъ въ одеждѣ и въ другихъ вещахъ, сопровождающуюся въ каждомъ конкретномъ случаѣ подражанія измѣненіемъ личности. Опишите огораживаніе пространства, угловъ, площадей подъ открытымъ небомъ, которое предпринимается дѣтьми ради изображенія другихъ мѣстностей, при чемъ всегда имѣется въ виду измѣненіе времени и мѣста.

Разспросите торговцевъ дѣтскими игрушками и фабрикантовъ игрушекъ и достаньте ихъ каталоги.

Какія игрушки вы считаете самыми лучшими или самыми худшими для того или другого возраста, того или другого пола? Какого вы мнѣнія о кукольномъ театрѣ, тонкихъ и ломкихъ игрушкахъ, игрушечныхъ ремесленныхъ и торговыхъ инструментахъ, игрушкахъ, касающихся войны и военного быта, игрушечныхъ лавкахъ, рождественской елкѣ, сахарныхъ игрушкахъ и игрушкахъ въ связи съ модой?

Необходимы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свѣдѣнія о возрастѣ, полѣ и національности ребенка.

Декабрь 1894 года.

2. Дѣтскія суевѣрія.

Сюда относятся всѣ болѣзненные симптомы, дурныя предзнаменованія, волшебныя формулы и, по возможности, ихъ объясненія.

1. Лѣчебныя средства. Назовите наилучшее средство противъ бородавокъ и родинокъ, иканія, зубной боли, лихорадки, коклюша, обморока, головокруженія, сердцебиенія, рвоты, головной боли, круппа, хромоты, бессонницы, глистовъ, боли въ ушахъ, кровоте-

ченія изъ носа или чиханья? Какъ лѣчить раны отъ ожоговъ, накожныя болѣзни, фурункуль, укусы пчелы или ожоги крапивой, укусы собакъ или кошекъ, накожную сыпь, оспу, веснушки, обмороживаніе, кровотеченіе, паршу; какъ усмирять гнѣвъ, утолять голодь и жажду? Какимъ способомъ нужно примѣнять лѣченіе (напримѣръ, дуть на раны или т. п.)? Какое средство прекращаетъ боль при ожогѣ? Что нужно приложить къ ранѣ и что сказать при этомъ? Какія причины дѣйствуютъ при этомъ? Какія травы и лѣкарства помогаютъ при лихорадкѣ, сухоткѣ, поносѣ, оцѣпенѣніи, параличѣ, общей слабости, какъ нужно обходиться съ больнымъ, какъ держать себя? Какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы вызвать къ себѣ чувства симпатіи со стороны опредѣленнаго лица или примиреніе съ нимъ, или какъ повредить кому-нибудь или помочь издалека? Лучше ли обвязать больное горло грязнымъ или чистымъ чулкомъ?

2. Предзнаменованія. Что означаютъ слѣдующія предзнаменованія и какія мѣры слѣдуетъ предпринимать противъ нихъ: когда булавки или вообще найденныя вещи лежатъ концомъ вверхъ; когда въ чаѣ плаваютъ листья; когда мы видимъ луну черезъ лѣвое плечо; когда бѣлка, заяцъ или какое-нибудь другое животное перебѣгаетъ намъ черезъ дорогу; когда мы, взбираясь или спускаясь по лѣстницѣ, спотыкаемся; когда мы видимъ черныхъ кошекъ, слышимъ вой собакъ, встрѣчаемъ похороны, переступаемъ черезъ могилу; когда мы чихаемъ; когда тринадцать человѣкъ сидятъ у стола? Что означаютъ горящія свѣчи, перезвонъ колоколовъ, необычное положеніе тѣла при вставаніи съ постели, знаки при стираніи пыли и заметаніи сора, знаки на зеркалѣ, помѣщеніе предметовъ на обратную сторону, просыпаніе соли, плеваніе на рыбу приманку, сны? Когда слѣдуетъ рассказывать послѣдніе? Какъ слѣдуетъ носить и хоронить трупы умершихъ?

3. Растенія и животныя. Могутъ ли кошки втягивать въ себя дыханіе спящихъ дѣтей? Сколько

жизней приходится на каждую кошку? Что произойдет, если будут убиты лягушки, и коровы станут давать кровавое молоко? Что означают сверчки, жабы, пауки, мыши, пѣтухи, вороны, муравьи, пчелы, осы, стрекозы, птицы, улитки, змѣи, дрозды, ласточки? Что означает ихъ смерть, ихъ первое появленіе весной и т. д.? Кто знаетъ что-нибудь особенное объ этихъ животныхъ? Что означаютъ мартовскій заяцъ и сурокъ? Кому извѣстно о деревѣ или растеніи, выросшемъ вмѣстѣ съ ребенкомъ и увядшемъ съ его смертью? Какіе ваши любимые цвѣты и любимыя деревья и почему? Что означаютъ цвѣты?

4. Смѣсь. Что слѣдуетъ предпринять съ подковою, чтобы предотвратить несчастье? Когда слѣдуетъ выплунуть, чтобы привлечь къ себѣ счастье? Что лучше дѣлать при полнолуніи и что удастся лучше при новомъ мѣсяцѣ? Что случается обыкновенно въ полночь, когда бьетъ двѣнадцать часовъ? Какой самый счастливый и какой самый несчастный часъ дня, день недѣли для выполненія задуманнаго? Почему люди бросаютъ въ новобрачныхъ рисомъ и башмаками? Какой палецъ наиболѣе пригоденъ для ношенія на немъ кольца и что случается, когда кольцо изнашивается, ломается или теряется? Что нужно положить подъ подушку, чтобы видѣть сны? Кому и какъ слѣдуетъ разрѣзывать свадебный пирогъ и что нужно сдѣлать съ оставшимся пирогомъ? Какія предзнаменованія связаны съ первымъ зубомъ маленькаго ребенка? Какія особенности проявляетъ седьмой ребенокъ? Что означаютъ родимыя пятна? Что вамъ извѣстно объ эльфахъ, духахъ и вѣдьмахъ? Носите ли вы лунный камень? Боятесь ли вы носить опаль? Какъ вы относитесь къ кости-вилкѣ у птицъ и что дѣлаете съ ней далѣе, что предпринимаете, когда находите красный колосъ при шелушеніи кукурузы? Извѣстны ли вамъ особыя заклинанья и чудодѣйственные средства? Что помогаетъ найти снова потерянные вещи? Извѣстны ли вамъ знаки, предсказывающіе по-

году, на растеніяхъ, животныхъ или другихъ вещахъ? Что предзнаменуютъ Новый годъ, Рождество, Пасха, первое апрѣля, вечеръ наканунѣ праздника всѣхъ святыхъ? Назовите наиболѣе благопріятное время для стирки, постройки дома, выжиманія винограднаго сока, убоя скота, жатвы, садовыхъ работъ и другихъ занятій? Извѣстны ли вамъ правила о погодѣ? Что означаетъ двиганье стульями, потуханіе свѣчи? Что вамъ извѣстно о заклинаніяхъ? Приведите примѣры намѣреннаго нарушенія волшебнаго заклинанья и его послѣдствій. Растутъ ли камни? Удалось ли вамъ освободиться отъ запугивающаго суевѣрія? Отмѣьте и другія формы суевѣрія, сохранившіяся въ вашей памяти.

5. Какъ въ отчетахъ о собственныхъ мнѣніяхъ и опытахъ, такъ и при спрашиваніи дѣтей слѣдуетъ неизмѣнно имѣть въ виду вопросы—почему и какъ. Избѣгайте вопросовъ, подсказывающихъ болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ. Сообщайте о возрастѣ, полѣ и національности дѣтей и предлагайте новые вопросы, касающіеся ихъ суевѣрій.

Январь 1895 года.

3. Первое чувство собственнаго „я“.

1. Опишите ощупываніе или разсматриваніе пальцевъ на рукахъ и ногахъ, какъ вы наблюдали это у маленькихъ дѣтей, или какой-нибудь случай ощупыванья уха или другихъ частей тѣла, одной руки другою, далѣе—случай кусанья, пошлепыванія, битья или поглаживанія, точно бы этимъ ребенокъ хотѣлъ выразить похвалу или порицаніе или точно бы данный членъ тѣла былъ внѣшнимъ предметомъ или другимъ „я“. Опишите дѣйствіе, напоминающее изслѣдованіе какой-нибудь части тѣла, точно бы ребенокъ изслѣдовалъ кожныя границы своего тѣлеснаго „я“ или пытался установить разницу между прикосновеніемъ къ самому себѣ и прикосновеніемъ къ какой-нибудь другой вещи.

2. Какъ ребенокъ говорить о самомъ себѣ? Обращается ли ребенокъ къ себѣ какъ къ третьему лицу? Когда и черезъ какія стадіи онъ переходитъ къ употребленію мѣстоименія перваго лица? Употребляетъ ли онъ съ самага начала правильно слова: „я“, „мнѣ“, „меня“ и „мой“, далѣе—„ты“ и „твой“? Что означаетъ для ребенка каждое изъ этихъ словъ и какія измѣненія наступаютъ при употребленіи каждаго изъ нихъ? Опишите тщательно всѣ наблюдавшіяся вами различія между тѣломъ и самопроизвольными проявленіями души.

3. Перечислите всѣ наименованія, которыя родители, няни или знакомые давали ребенку или всѣ выраженія, какія вы когда-либо слышали, въ родѣ: сокровище, дѣтка, сердечко, миленькій, ангелочекъ и т. д., и не забывайте при этомъ самыхъ бессмысленныхъ и безтолковыхъ изліяній материнской нѣжности. Въ какомъ возрастѣ даютъ ребенку имя и когда начинаютъ называть его правильно по имени, съ какими измѣненіями, искаженіями и сокращеніями, на примѣръ, когда для родителей и когда для ребенка Жози становится Жозефиной и т. д.?

4. Какимъ образомъ ребенокъ доходитъ до распознаванія окружающихъ его лицъ, какъ узнаетъ онъ ихъ? Въ какомъ порядкѣ и по какимъ признакамъ онъ различаетъ ихъ? Назовите тѣ наименованія, которыя ребенокъ далъ первымъ десяти или двадцати лицамъ, столкнувшимся съ нимъ. Попытайтесь дать исторію этихъ наименованій съ того времени, когда всѣ чужіе для ребенка—„дядя“, и запишите какъ онъ впервые обозначалъ мужчину и женщину, мальчика и дѣвочку, взрослога, ребенка и младенца.

5. Какое вліяніе оказывали на ребенка, по вашимъ наблюденіямъ, мытье, причесыванье, новое платье, украшенія, далѣе—наблюденіе, похвала и лъстивыя слова другихъ?

6. Перечислите всѣхъ животныхъ, всѣ растенія и всѣ неодушевленные предметы, которымъ ребенокъ когда-

либо приписывалъ чувство, ощущеніе или другое изъ свойствъ сознательнаго „я“. Сообщите точно, какъ это происходило.

7. Приведите раннія размышленія старшихъ дѣтей о внутренней природѣ, въ родѣ: „Когда я закрываю глаза, вы можете видѣть только мое тѣло.“ „Существую ли я дѣйствительно или я такой же призракъ, какъ куклы?“ „Какъ это мои мысли выходятъ; изъ головы или сердца черезъ ротъ?“ „Почему я могу двигать ногами, а стулъ не можетъ?“ „Гдѣ или чѣмъ я былъ, прежде чѣмъ родился на свѣтъ?“ „И тогда все было такъ, какъ теперь?“ „Почему я былъ „я“, а не кѣмъ-нибудь другимъ?“ „Кѣмъ бы я былъ, если бы папа женился на другой мамѣ?“ и т. д.

8. Первые представленія о томъ, что будетъ изъ дѣтей, когда они вырастутъ. Почему выбранная ребенкомъ жизненная карьера обладаетъ для него такую притягательною силою и что повліяло на его выборъ?

9. Первые сомнѣнія относительно сказокъ, рассказанныхъ кормилицей, или относительно существованія св. Николая, эльфовъ, домовыхъ, вѣдьмъ, въ способности животныхъ говорить или въ другихъ мифахъ, въ басняхъ и суевѣріяхъ.

Не забывайте отмѣтить возрастъ, полъ и національность ребенка; далѣе, почерпнули ли вы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ данныя путемъ непосредственнаго наблюденія, изъ литературнаго источника или изъ воспоминаній.

Январь 1895 года.

4. Страхъ въ дѣтствѣ и юности.

1. Страхъ передъ небесными явленіями, на примѣръ, боязнь вѣтра, бури, грома, молніи, небесныхъ тѣлъ, метеоровъ, боязнь, что небесный сводъ упадетъ на землю, боязнь облаковъ и тумана; боязнь конца свѣта и связанныхъ съ нимъ явленій; боязнь ночи и темноты,

солнечнаго затменія; боязнь, что разобьется луна или не взоидет солнце; боязнь своеобразной окраски неба, сѣвернаго сіянія, чрезвычайной жары или холода, боязнь потерять дорогу и направленіе.

2. Боязнь нѣкоторыхъ неодушевленныхъ предметовъ: огня и пожара; воды при опасности утонуть, при умываньи или мытьѣ; боязнь наказанія и средствъ наказанія, а также мѣсть, гдѣ наказаніе производится, вообще всего, что съ нимъ связано; боязнь упасть, особенно съ возвышенныхъ мѣсть; боязнь непріютныхъ мѣсть, какъ пещеръ, ущелій, тѣснинъ, лѣснаго мрака, высокихъ горъ и уединенія, боязнь заблудиться или оказаться запертымъ; боязнь ружей и оружія, острыхъ концовъ и угловъ, очень узкихъ или, наоборотъ, очень обширныхъ пространствъ; боязнь грязи на платьѣ или кожѣ и прикосновенія къ ней; боязнь дрожекъ, повозокъ и т. п. и ѣзды верхомъ.

3. Боязнь нѣкоторыхъ одушевленныхъ, вообще подвижныхъ предметовъ: большихъ глазъ, большого рта и зубовъ; собакъ, кошекъ, змѣй, свиней, крысъ, мышей, пауковъ, жуковъ, жабъ и т. д., боязнь крови, разбойниковъ и воровъ, чужихъ людей, большого общества; робость; боязнь стать предметомъ насмѣшекъ или разговоровъ или предстать въ смѣшномъ видѣ; робость передъ лицами другого пола; боязнь фехтованія; трусость, недоувѣріе.

4. Боязнь болѣзни и смерти, потери друзей, утраты положенія, счастья, красоты или здоровья; боязнь сердечной болѣзни, рака, припадковъ, сухотки, голоданья, распространенныхъ болѣзней или болѣзней, о которыхъ прочиталъ въ книгѣ.

5. Боязнь сверхъестественнаго, напримѣръ, духовъ, демоновъ, вѣдьмъ, эльфовъ, драконовъ или мифологическихъ чудовищъ; ужасовъ въ снѣ, угрызений совѣсти, вслѣдствіе непростительныхъ грѣховъ; наказаній, вызванныхъ какими-нибудь особенными проступками или ниспосланныхъ небомъ; потери души и вообще

жизни за гробомъ; боязнь грѣха и утраты цѣломудрія.

6. Опишите какое-нибудь н е о ж и д а н н о е переживаніе, личное или наблюдавшееся вами у другихъ лицъ, и сообщите, заключало ли оно въ себѣ лишь явное чувство изумленія или было сильнѣе и вызывало дѣйствительный испугъ, вздрагиванье или крайнее пораженіе; не забудьте подробностей о причинѣ, дѣйстви и продолжительности: испугъ при отсутствіи опасности или другой причины, кромѣ наслѣдственнаго или травматическаго предрасположенія къ боязливости.

7. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ укажите послѣдовательность и продолжительность страха; какой онъ былъ силы; какія дѣйствія и какія хорошія или плохія въ педагогическомъ отношеніи послѣдствія онъ вызывалъ? Нарушалъ ли онъ сонъ? Опишите специфическіе симптомы: испугъ, блѣдность, потъ, мочеиспусканіе, оцѣпенѣніе, конвульсіи, рвоты, слабость, убѣганіе отъ безсилія; поднимаются ли волосы дыбомъ и т. д.; предписанія врача, лѣченіе.

Примѣчаніе. Этотъ опросный листъ, подобно другимъ сходнымъ съ нимъ, написанъ мною послѣ долгаго размышленія и совѣщаній съ другими свѣдующими людьми; я отправляю вамъ его съ вѣжливой, но серьезной, настойчивой просьбой, прочесть его пунктъ за пунктомъ съ большимъ вниманіемъ и поступить слѣдующимъ образомъ. 1. Тотчасъ же записать въ формѣ простыхъ замѣтокъ то, что приходитъ вамъ на мысль при чтеніи отдѣльныхъ отрывковъ или выражений изъ пережитаго вами въ вашемъ собственномъ дѣтствѣ. 2. Если вы отецъ или мать, то присокупите всѣ наблюденія, сдѣланныя вами надъ собственными дѣтьми, если они имѣютъ отношеніе къ вопросамъ даннаго опроснаго листа. Большой подмогой было бы, если бы вы вели дневникъ или вообще систематическія замѣтки. 3. Если вы учитель, вывѣсите опросный листъ въ старшихъ классахъ народной школы или напишите его со-держаніе на классной доскѣ, или дайте его въ среднихъ

классахъ отдѣльнымъ ученикамъ и предложите имъ написать сочиненіе на тему объ ихъ собственной боязни тѣхъ или другихъ предметовъ или явленій, существовавшей раньше или знакомой имъ и въ настоящемъ. 4. Если вы директоръ или преподаватель психологіи и педагогики въ семинаріи, вы можете соединить отвѣты на опросный листъ съ лекціей о чувствахъ и душевныхъ движеніяхъ. 5. Если вы директоръ школы, вы можете поручить учителямъ собираніе матеріала. Имена можно опускать во всѣхъ отчетахъ, но необходимо сообщать въ каждомъ случаѣ свѣдѣнія о возрастѣ, полѣ и національности.

По окончаніи вашего труда, т.е. когда нужный матеріалъ будетъ вами собранъ, пришлите его, пожалуйста, мнѣ для того, чтобы я могъ сравнить его съ другими матеріалами и со специальной научной литературой въ области психофизиологіи, антропологіи или патологіи. Всѣ опросные листы будутъ собраны воедино, напечатаны и разсланы избраннымъ лицамъ, отъ которыхъ можно ожидать цѣнныхъ замѣчаній, предложеній, поученій или практической помощи; только такимъ образомъ, съ помощью тщательно разработаннаго научнаго метода изслѣдованій, можно будетъ ближе и лучше ознакомиться съ дѣтскимъ возрастомъ и прійти къ лучшимъ способамъ воспитанія. Каждый пунктъ намѣченнаго выше метода оправдалъ себя въ практическомъ приложеніи, и въ Сѣверной Америкѣ, и Великобританіи, гдѣ опросные листы были опубликованы съ наилучшими результатами въ педагогическихъ журналахъ, собранъ уже цѣнный матеріалъ. Составленіе отчетовъ особенно полезно для тѣхъ, кто ихъ предпринимаетъ; педагогамъ-практикамъ оно даетъ поводъ и возможность заглянуть поглубже въ душу отдѣльныхъ учениковъ и въ сущность воспитательныхъ методовъ. Это засвидѣтельствовано многими, и, дѣйствительно, только при содѣйствіи многихъ лицъ возможно дальнѣйшая разработка этого метода изслѣдованія.

Февраль 1895 года.

5. Любовь и противоположныя ей чувства и состоянія у дѣтей.

1. Каковы первыя проявленія любви, наблюдаемыя у маленькихъ дѣтей, и на кого они направлены? Можно ли считать проявленіемъ любви, когда ребенокъ выражаетъ радость, узнавъ знакомое лицо? Приведите дѣйствительные случаи самопроизвольнаго выраженія любви къ другимъ у очень маленькихъ дѣтей, въ родѣ желанія быть всегда подлѣ насъ, приносить намъ маленькія жертвы, въ родѣ отдаванія игрушекъ и съдобнаго, выраженія симпатіи и антипатіи, борьбы съ себялюбіемъ, страхомъ, злобою и т. д.

2. Опишите случаи особенной симпатіи или антипатіи къ другимъ лицамъ, будь то того же или другого пола, къ взрослымъ, къ старшимъ, младшимъ дѣтямъ или дѣтямъ того же возраста, у дѣтей возраста дѣтскихъ садовъ и первыхъ школьныхъ годовъ. Въ чемъ выражаются эти симпатіи и антипатіи и въ чемъ заключаются ихъ вліянія?

3. Опишите случаи взаимнаго притяженія или отталкиванія у дѣтей до начала юношескаго возраста. Дайте исторію непріязненныхъ отношеній и злобы—съ одной стороны, дружескихъ отношеній и охлажденія вплоть до равнодушія—съ другой. Каковы общія характерныя черты у тѣхъ дѣтей, которыя особенно склонны индивидуализировать такимъ образомъ свои симпатіи и антипатіи къ лицамъ того же или другого пола, и каковы при этомъ преимущества и невыгоды для обоихъ половъ. Слабы или сильны такія дѣти тѣломъ и духомъ?

4. Опишите каждое наблюдавшееся вами измѣненіе въ юношескомъ возрастѣ, которое характеризуетъ переходъ отъ ребенка къ взрослому. Какія измѣненія замѣчаются въ отношеніяхъ къ отцу, матери, младшимъ или старшимъ братьямъ и сестрамъ? Отмѣтьте измѣненія въ предпочтеніяхъ тѣхъ или другихъ кушаній и напитковъ, привычекъ, относящихся ко сну, труду и обще-

ственнымъ формамъ, въ отношеніяхъ къ религии, литературѣ, музыкѣ, театру, искусствамъ, въ дружескихъ сообщеніяхъ, въ сообщеніи тайнъ, плановъ на будущее, въ предпочтеніи той или другой профессіи, въ любви къ школѣ, родинѣ и путешествіямъ. Какія измѣненія къ лучшему или худшему замѣчались въ состояніи здоровья, въ новыхъ унаслѣдованныхъ чертахъ характера? Какія книги и какіе характеры производятъ самое сильное впечатлѣніе и какого рода мечты и прихоти вы наблюдали у другихъ или припоминаете у самихъ себя?

5. Не пожелаете ли вы описать изъ собственныхъ воспоминаній откровенно и полно, но безъ приведенія именъ, появленіе и развитіе первой любви къ лицу другого пола и при этомъ сообщить подробно, что вы дѣлали, чувствовали, чего опасались, какъ вліяла любовь на ваши занятія, ваше поведеніе, отношенія къ другимъ знакомымъ. Было ли любимое вами лицо старше или моложе васъ, сходнаго съ вами или отличнаго темперамента, склонностей, вкуса, образованія? Какія изъ дѣйствій, чертъ характера и т. п. казались вамъ особенно привлекательными у любимаго лица? Знало ли послѣднее о вашемъ чувствѣ и отвѣчало ли на него и какъ? Были ли у васъ соперники, испытывали ли вы ревность и т. д.? Опишите все просто и объективно, безъ преувеличеній или фразерства, обычныхъ въ романахъ или поэтическихъ произведеніяхъ; въ заключеніе упомяните о томъ, какъ вы относитесь въ зрѣлые годы къ этой своей первой любви.

6. Опишите то, что вы наблюдали у дѣтей и знакомыхъ, такъ же подробно, если можете, какъ подъ рубрикой 5.

7. Не можете ли вы описать „влюбленность“ между двумя или нѣсколькими дѣвочками и сообщить въ чемъ она выражается и какъ вліяетъ на заинтересованныя стороны? Какія дѣвочки особенно пригодны выказывать такую любовь и какія—принимать ее? Можно ли отнести хорошую учительницу къ послѣдней категоріи? Ка-

кого рода опасности наблюдали вы въ процессѣ развитія любовныхъ побужденій у дѣвочекъ и молодыхъ дѣвушекъ въ народныхъ и среднихъ школахъ и какъ предупредить ихъ? Какіе недостатки наблюдали вы при тѣлесномъ, моральномъ или духовномъ воздержаніи въ этомъ возрастѣ?

8. Какія проявленія любви наблюдаются чаще всего у мальчиковъ средней школы и у молодыхъ людей въ высшихъ школахъ? Какія вліянія способны производить оздоровляющее дѣйствіе? Какія заблужденія встрѣчаются чаще всего и какъ бороться съ ними? Увеличиваются ли такого рода заблужденія въ среднихъ школахъ, вслѣдствіе подражанія порокамъ учащихся въ высшей школѣ?

9. Какое дѣйствіе производитъ каждое изъ слѣдующихъ вліяній на этотъ элементъ нашей природы: 1. Совмѣстное воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ. 2. Религія. 3. Моральное воспитаніе. 4. Чисто физиологическое общее ориентированіе относительно особенностей пола. 5. Косвенное выясненіе половыхъ отношеній на примѣрахъ изъ ботаники. 6. Пробужденія сильныхъ духовныхъ и нравственныхъ интересовъ и живой энтузіазмъ. 7. Сильное тѣлесное развитіе и гимнастика. 8. Свѣтская жизнь. 9. Чтеніе романовъ и поэтическихъ произведеній. 10. Одинъ единственный школьный товарищъ или небольшой, замкнутый кругъ знакомыхъ. 11. Очень простая пища, твердая постель; закаливаніе противъ вліяній погоды и т. п. Не забудьте обозначить возрастъ, полъ и національность.

Апрѣль 1895 года.

6. Нравственные недостатки и заблужденія у дѣтей.

Нѣтъ ли среди дѣтей вашихъ знакомыхъ одного ребенка, настолько извращеннаго въ нравственномъ отношеніи, что это бросается всѣмъ въ глаза?

1. Дитя, жестокое по отношенію къ другимъ дѣтямъ

или животнымъ, любящее мучить и пытать ихъ, точно бы у него отсутствовало естественное чувство сожалѣнія.

2. Лгунъ, лгущій по привычкѣ или просто фантазирующій безъ-удержу.

3. Воришка, любящій воровство ради воровства.

4. Ребенокъ, лишенный чувства цѣломудрія, онагистъ и развратитель другихъ дѣтей, преждевременно и неизмѣнно распутный, непристойный и безшабашный.

5. Ревнивый и завистливый ребенокъ, чувствующій себя чрезвычайно несчастнымъ, когда окружающіе оказываютъ предпочтеніе его друзьямъ.

6. Невѣрующій, богохульствующій, нечестивый юноша, приносящій клятву съ полнымъ равнодушіемъ или, бахвальствуя, оскверняющій священныя мѣста и оскорбляющій намѣренно и съ легкимъ сердцемъ религіозное чувство другихъ.

7. Ребенокъ, у котораго склонность къ разрушенію превратилась въ страсть и который разрушаетъ съ наслажденіемъ чужую собственность: деревья, заборы, зданія, мебель.

8. Лицемерное дитя съ привычками ханжи или ребенокъ, проявляющій въ неестественной или недѣтской степени или чисто условнымъ образомъ примѣрныя черты.

Эти типическіе случаи—немногіе примѣры длиннаго ряда извращеній, столь же важныхъ, какъ и вышеприведенные, часто прирожденныхъ и очень ярко выраженныхъ въ юности. Лицемерный или непріязненный ребенокъ, долго скрывающій свою злобу, но, наконецъ, обнаруживающій ее въ откровенныхъ поступкахъ; ребенокъ, поражающій чрезвычайнымъ тщеславіемъ или воображеніемъ или самовлюбленностью; ребенокъ съ преувеличенными и слишкомъ обильными чувствами, впадающій въ экстазъ, слишкомъ чувствительный, ворчливый или подчасъ истерическій; лѣнивое дитя съ поразительнымъ отвращеніемъ къ работѣ; преждевре-

менная зрѣлость въ добродѣтели или пороки; преждевременный потребитель табаку; склонность къ неводержности; ребенокъ, не знающій чувствъ благоговѣнія, лишенный моральнаго чувства или совѣсти; отъ природы упрямый, непослушный, не подчиняющійся и не признающій никакого авторитета; ребенокъ, которому чужда дѣтская любовь и привязчивость; ребенокъ, не испытующій ни малѣйшаго уваженія къ тѣмъ, кто его больше всего заслуживаетъ; эти и еще многіе другіе типы встрѣтятся вамъ.

Выбравъ одинъ случай, опишите его подробно и отмѣтьте слѣдующіе пункты: возрастъ, полъ, вѣсъ, ростъ, національность, темпераментъ и наружность, цвѣтъ глазъ и волосъ; какая у ребенка кожа: блѣдная или покрытая прыщами; какой носъ: кривой, прямой или тупой; выступаетъ ли у него подбородокъ впередъ или отступаетъ назадъ, замѣчаются ли неправильности въ строеніи тѣла, непропорціональность частей или органовъ; глупъ ли онъ или понятливъ; какъ онъ обыкновенно держится и какъ ведетъ себя.

Упомяните также, къ какимъ предметамъ и занятіямъ ребенокъ обнаруживаетъ наибольшую склонность.— Носятъ ли его дурныя наклонности прочный характеръ или даютъ о себѣ знать только періодически?—Какъ вы объясняете данный случай? Въ чемъ заключаются доказательства, свидѣтельствующія о дурной наслѣдственности? Давайте самыя подробныя сообщенія.—Можете ли вы указать на вліянія и послѣдствія богатства или бѣдности, здоровой среды, товарищей, особенныхъ искушеній, здоровья, созерцанія прекраснаго или отталкивающаго?

Опишите очень детально, входя во всевозможныя подробности относительно начала, теченія, продолжительности, реакціи и т. д., явно дурныя поступки. Если вы не вполне ориентированы относительно двухъ или нѣсколькихъ случаевъ, то изобразите только одинъ случай, но опишите его подробно и понаблюдайте, если

возможно, за ребенкомъ, ведите ежедневно или еженедѣльно замѣтки, и тогда наблюдаемый вами случай явится цѣннымъ вкладомъ въ индивидуальную психологію дѣтскихъ извращеній. Сообщите названія книгъ или статей, темой которыхъ служатъ въ прозѣ или стихахъ нравственно извращенныя дѣти. Въ заключеніе изложите, какія физическія, педагогическія и моральныя воздѣйствія примѣнимы въ описанномъ вами случаѣ на вашъ взглядъ.

Октябрь 1895 года.

7. Внушеніе и подражаніе у дѣтей.

Учителя, учащіеся и образованные родители, которые получаютъ этотъ опросный листъ, имѣютъ возможность собрать матеріалъ, весьма полезный при разработкѣ важныхъ вопросовъ, касающихся школы. Поэтому-то, благодаря нашимъ общимъ интересамъ въ области воспитанія, мы льстимъ себя надеждой, что найдемъ сочувствіе и поддержку при выполненіи задуманной работы. Замѣтки о случаяхъ—слѣдующіе отрывки вызовутъ ихъ въ памяти—не потребуютъ значительнаго времени; можете ли вы сдѣлать свои сообщенія въ ближайшемъ будущемъ? Если у васъ нѣтъ времени отвѣтить по каждому пункту, выберите тѣ, по которымъ вы въ состояніи дать наиболѣе ясныя отвѣты. Даже одинъ единственный примѣръ представляетъ для насъ цѣнность. Не забудьте отмѣтить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возрастъ и полъ, если не можете назвать имени. Особенно цѣнны личныя переживанія и личный опытъ, если описаніе ихъ точно и правильно.

1. Опишите, какъ ребенокъ, вмѣсто того, чтобы прямо попросить желаемый предметъ, прибѣгаетъ къ знакамъ, взглядамъ, жестамъ, особой позѣ, намекамъ, косвеннымъ указаніямъ и явному внушенію.

2. Какъ ребенокъ преувеличивалъ факты извѣстной исторіи или измѣнялъ такъ или иначе содержаніе раз-

сказа, какъ дѣти измѣняли старую игру или приспособляли ее къ обстоятельствамъ. Въ чемъ состояли измѣненія? Опишите какой-нибудь случай изобрѣтенія дѣтьми новой игры. Что ихъ побудило къ тому? Опишите, какъ дѣти, прочитавъ объявленіе о представленіи въ циркѣ, сами начали играть въ циркѣ; услыша о ворахъ, стали играть въ разбойники; играли въ забастовщиковъ, анархистовъ и т. д., какъ только прочитывали въ газетахъ о чемъ-нибудь подобномъ; опишите также попытки устроить факельныя шествія, тайныя собранія и т. д., приведя причины.

3. Какъ ребенокъ или взрослый во время пѣнія, декламации или рѣчи двигалъ головой, руками, губами или челюстями, точно онъ про себя воспроизводилъ слышанное, далѣе пытался привести губы, языкъ и голосовые органы въ надлежащее положеніе, чтобы издать опредѣленный голосовой звукъ.

4. Опишите случай, когда ребенокъ, ради подражанія другому лицу, сводилъ брови, косилъ или двигалъ неестественно глазами, опишите его попытки подражать жестамъ, первнымъ движеніямъ, положенію рукъ, головы и тѣла, хроманью, подпрыгиванью, покачиванью тѣла кого-нибудь, будь то: товарища по игрѣ, чужого, учителя или знакомаго.

Опишите напряженіе и стараніе подражать сюсюканью, протяжному произношенію, опредѣленнымъ модуляціямъ голоса, акценту, особенностямъ рѣчи, привѣтствіямъ или особымъ оборотамъ рѣчи или опишите случай, когда ребенокъ воображаетъ, что онъ—другое лицо, напримѣръ, учитель, пасторъ, врачъ, купецъ, кучеръ и т. д., или когда онъ пытается изобразить въ своемъ лицѣ другого или подражать кому-нибудь. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отмѣьте, есть ли это сознательное или бессознательное подражаніе.

5. Какимъ образомъ распространяются нервныя заболѣванія, въ родѣ пляски св. Вита, припадочнаго кашля, заиканья, истеріи и т. д., въ школѣ, торговомъ заведе-

ни или фабрикъ, черезъ внушеніе, подражаніе, страхъ или симпатію.

6. Какія-нибудь распространенныя среди большинства дѣтей причуды, какъ ношеніе опредѣленнаго цвѣтка или—если раньше этотъ городъ или эту мѣстность посѣтили индѣйцы,—перьевъ; далѣе—страстная любовь къ своеобразно окрашеннымъ лентамъ, къ бросающемуся въ глаза ношенію цѣпочки отъ часовъ, къ странной прическѣ и т. д., наконецъ, манія выдѣлывать бездѣлушки изъ орѣховой скорлупы, персиковыхъ косточекъ, кусковъ кости и т. п.

7. Случаи превращенія, подъ вліяніемъ учителя или другихъ лицъ и факторовъ, лѣнивыхъ, неловкихъ, равнодушныхъ, строптивыхъ или порочныхъ учениковъ въ прилежныхъ, усердныхъ, любезныхъ и добродушныхъ юношей. Отмѣтьте дѣйствительную причину переменъ чувства и опишите ростъ новой идеи.

8. Приведите случай, когда ученикъ начиналъ относиться съ любовью къ предмету, къ которому питалъ раньше большое отвращеніе, только потому, что этотъ предметъ былъ дорогъ учителю; далѣе—примѣры, когда отсутствіе симпатіи и интереса къ какому-нибудь учебному предмету со стороны учителя отнимало у ученика охоту изучать этотъ предметъ.

9. Опишите какой-нибудь искусственный пріемъ или методъ, оказавшіеся пригодными для пробужденія интереса къ труднымъ занятіямъ и выскажите свой взглядъ на роль и значеніе внушенія въ дѣлѣ преподаванія и дисциплины.

10. Если вы учитель, напишите при случаѣ слѣдующія слова на стѣнной доскѣ и предложите ученикамъ записать на листкѣ бумаги первое предложеніе или стихъ, какіе прійдутъ имъ въ голову при видѣ даннаго слова. Предложеніе или стихъ необходимо должны содержать въ себѣ данное слово. Одной минуты достаточно для каждаго слова. Пользуйтесь слѣдующими словами: бить, родина, возвратиться, Атлантическій океанъ, нашъ, разорвать, жизнь, звѣзда.

11. Назовите книги или рассказы, иллюстрирующие достойныя подражанія качества великихъ характеровъ или приведите заглавія такихъ книгъ, въ которыхъ описано вліяніе подражанія дурнымъ характерамъ.

Февраль 1896 года.

8. Степени увѣренности и убѣжденности у дѣтей.

Мы надѣемся найти въ каждомъ, кто прочтетъ этотъ опросный листъ, благорасположеннаго сотрудника. Можетъ быть вы бы могли сообщить намъ собственныя наблюденія и данныя вашего собственного опыта, отвѣтивъ, по крайней мѣрѣ, на вопросы одного изъ параграфовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимы свѣдѣнія о возрастѣ и полѣ лица, о которомъ идетъ рѣчь.

Опишите:

1. Первые выраженія ребенка, заставившія васъ предположить, что онъ перешелъ изъ стадіи безъ условной вѣры въ вещи и утвержденія въ стадію сомнѣнія: теперь прежніе его взгляды представлялись ему уже обусловленными и гипотетическими, онъ удивлялся возможности существованія вещей и явленій и сталъ употреблять выраженія: „это можетъ быть, такъ или иначе“, „это могло бы, должно бы быть такъ, хотѣлось бы, чтобы это было такъ“, „люди говорятъ“, „нѣкоторые люди говорятъ“, „отецъ, мать, учитель, министръ, священникъ говоритъ это“, „мнѣ снилось, что это было такъ“, „что случилось бы, если бы это было не такъ?“

2. Осанку и упругость тѣла у дѣтей, равновѣсіе головы, спокойный взоръ при встрѣчѣ съ чужими глазами, выражающими сомнѣніе, выраженіе рта, звукъ, модуляцію, силу и объемъ голоса, сжиманіе кулаковъ, жесты, топанье ногами, какъ жестъ, усиливающій утвержденіе: а) когда гипотеза, воображеніе или увѣреніе встрѣчаютъ насмѣшку со стороны окружающихъ; в) когда правильное утвержденіе подвергается сомнѣнію; с) когда обнаруживаютъ неправду.

3. Опишите самые ранніе изъ извѣстныхъ вамъ случаевъ, когда ребенокъ убѣждался въ правильности высказаннаго имъ предположенія черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ: когда онъ прикасался къ вещи, ошупывалъ ее, обнюхивалъ или ударялъ объ нее чѣмъ-нибудь, желая убѣдиться, не звучитъ ли она; далѣе — случаи, когда дѣти, въ цѣляхъ подкрѣпленія передъ другими своихъ утвержденій, говорили: „Возьми, понюхай, попробуй, послушай, посмотри“ — и призывали въ свидѣтели лицъ или ссылались на что-нибудь печатное.

4. Самые ранніе изъ извѣстныхъ вамъ примѣровъ, когда дѣти, въ подтвержденіе правильности своихъ сужденій или утверженій, предлагали залогъ, въ родѣ: „Если это неправда, я дамъ вамъ собаку“, „Если это неправда, я подарю вамъ свои ботинки“ и т. д. Предлагаютъ ли дѣти въ такихъ случаяхъ въ залогъ безразличныя или цѣнныя вещи?

5. Опишите случаи, когда ребенокъ накладывалъ на себя покаяніе или наказаніе за какое-нибудь неправильное утверженіе, напримѣръ: „Я не буду обѣдать“, „Я съѣмъ свою шляпу“, „Я съѣмъ кузнечика“ и т. д.

6. Случай, когда ребенокъ впервые искалъ подтвержденія истинности высказаннаго имъ у одного изъ присутствовавшихъ или у сообщника по клятвѣ.

7. Какія изъ слѣдующихъ увѣреній вы употребляли сами или слышали отъ дѣтей и въ какомъ возрастѣ и съ какими чувствами: „Это такъ“, „право“, „клянусь честью“, „это правда, какъ вѣрно то, что я здѣсь стою“, „это правда, какъ вѣрно, что я живу“, „такъ вѣрно, какъ то, что вы родились“, „столь же вѣрно, какъ слова проповѣди“, „истинно, какъ библія“, „я не измѣнилъ бы своихъ словъ, будь то даже въ присутствіи президента или регента“, „я могу подтвердить то же передъ отцомъ, матерью, министромъ или пасторомъ“, „я могу сказать это въ молитвѣ“, „я сказалъ бы это даже за минуту передъ смертью“, „пусть я умру на мѣстѣ, если это неправда“, „разрѣжьте меня на куски, если это не

такъ“ и т. д. Приведите и другого рода клятвы и увѣренія. Можно ли вѣрить сомнительно-правдивымъ дѣтямъ, когда они прибѣгаютъ къ подобнымъ торжественнымъ клятвамъ?

8. Опишите особенные жесты или церемоніи, придающіе данному обѣщанію или утвержденію характеръ торжественности, на примѣръ: ударъ по рукамъ, прикладываніе руки къ сердцу, складыванія рукъ на молитву, поднятіе руки къ небу, крестное знаменіе, возложеніе руки на библию, проведеніе пальцемъ поперекъ горла, произнесеніе формальной или дѣйствительной клятвы.

9. Преисполняютъ ли дѣтей битье объ закладъ, покаяніе, требованія, утвержденія, униженія, клятвенныя увѣренія, церемоніи, мысли о личной потерѣ, клятвы и т. д. торжественной серьезности истины и усиливаютъ ли они чувство благоговѣнія передъ истиной, или они пробуждаютъ чувство, что истина шатка и сомнительна, и тѣмъ самымъ способствуютъ развитію насмѣшливости, нескромности и лживости.

10. Назовите формы восклицаній или окликиваній по имени, далѣе формы клятвъ или проклятій, которыя вы слышали или читали, на примѣръ: „Богъ мой“, „проклятье“, „великій Скоттъ“, „святой Моисей“, „громъ и молнія“, „клянусь быкомъ Башана“, „пусть меня повѣсятъ“, „клянусь кровью моихъ отцовъ“ и т. д.

11. (Спеціально для учениковъ.) Какое чувство овладѣваетъ вами, когда вы слышите клятву или проклятіе? Что вы думаете о нихъ? Когда вы произносите восклицанія, увѣренія или проклятія или когда вы клянетесь святоотдественно, какими намѣреніями и мотивами диктуется ваше поведеніе? Полагаете ли вы, что это намѣреніе вліяетъ на ваше отношеніе къ ясному образу выраженія и строгой правдивости?

Октябрь 1896 г.

9. Тѣлесныя и другія наказанія дома и въ школѣ.

1. Законъ и практика жизни въ наше время. Законъ и практика прежнихъ временъ въ вашемъ городѣ или государствѣ. Что и когда слѣдуетъ наказывать по вашему мнѣнію? Разногласіе между родителями и учителями. Опишите извѣстные вамъ случаи, приведите пренія, рѣшенія суда и т. д.

2. Кому надлежитъ наказывать: школьному директору или учителю? Почему? Слѣдуетъ ли, по вашему взгляду, наказывать дѣвочекъ? Какъ и когда? Слѣдуетъ ли наказывать дѣтей за ошибки, собственными виновниками которыхъ являются родители или учителя? Можно ли отказаться отъ всякихъ наказаній по отношенію къ взрослымъ ученикамъ?

3. Какого рода проступки подлежатъ наказанію и какіе нѣтъ? Сколько времени должно пройти между проступкомъ и наказаніемъ? Должно ли наказывать ребенка за проступокъ: а) который онъ, вѣроятно, болѣе не повторитъ, в) за проступокъ, являющійся слѣдствіемъ слабости? Разумно ли наказывать всѣхъ дѣтей одинаково за одинаковые проступки? Въ какихъ классахъ оказались цѣлесообразными и дѣйствительными слѣдующія наказанія:

- I. Видимое равнодушіе.
- II. Отказъ ребенку во вниманіи.
- III. Порицаніе.
- IV. Карцеръ.
- V. Отобраніе любимыхъ вещей.

4. Каковы наиболѣе подходящіе виды наказаній? Аргументы противъ наказаній, въ родѣ сильнаго дранья за уши или битья по ушамъ, личныхъ оскорбленій, бранныхъ словъ, унижительныхъ положеній, оставленія въ школѣ и т. п. Стоите ли вы за штрафныя работы? Какого вы мнѣнія объ исключеніи? Какъ вы поступаете въ крайнихъ случаяхъ неповиновенія? Считаете ли вы цѣлесообразными устрашающіе примѣры? Какого рода наказанія предлагаютъ родители, если ихъ спрашиваютъ?

5. Достигается ли наказаніями улучшение? Какое вообще дѣйствіе они производятъ? Цѣль наказаній? Могутъ ли наказанія служить стимуломъ намѣреннаго прилежанія и сознательно предпринятыхъ усилій? Пробуждаютъ ли они страхъ передъ дурными дѣйствіями? Приведите и другіе результаты наказаній. Извѣстны ли вамъ случаи чрезвычайной строгости или также преувеличенной снисходительности и вліяніе какъ первой, такъ и послѣдней? Дѣйствителенъ ли принципъ небольшихъ, но неминуемыхъ наказаній? Могутъ ли наказанія подавить индивидуальность? Разрушаютъ ли они уваженіе къ самому себѣ? Какъ они дѣйствуютъ на дѣтей, если послѣднихъ наказываютъ въ присутствіи другихъ? Полезно или вредно наказаніе цѣлаго класса? Вредно ли распространять наказанія (или ихъ слѣдствія), которымъ должны быть подвергнуты немногія нравственно испорченныя и предоставленныя самимъ себѣ дѣти, на цѣлую школу?

6. Опишите: а) перенесенное вами наказаніе, которое вы признавали справедливымъ, сообщите, почему вы признавали его таковымъ, и какъ оно на васъ по дѣйствовало? б) Опишите наказаніе, которое казалось вамъ несправедливымъ; почему оно казалось вамъ таковымъ и какое вліяніе оно оказало?

7. Не слѣдовало ли бы наказывать нѣкоторые проступки во гнѣвѣ? Не оказывается ли иногда благотворнымъ избраніе ребенка? Какъ слѣдуетъ его избраніе, чтобы произвести на него наиболѣе сильное впечатлѣніе? Какого вы мнѣнія о „моральномъ усовѣщеваніи“? Вѣрите ли вы въ „дисциплинирующую и воспитательную силу послѣдствій“? Какъ далеко она простирается? Приведите случаи, когда наказаніе приводило къ преступленію. Какъ установить правильное соотношеніе между степенью наказанія и степенью проступка? Вѣрите ли вы въ крайнихъ случаяхъ упорства въ возможность „сломить волю“ ребенка? Какія слѣдствія влечетъ за собою небрежное и равнодушное при-

ведение въ исполненіе наказанія? Какое вліяніе оказываетъ привлекательная среда на поведеніе дѣтей?

8. Проходитъ ли ребенокъ въ своемъ процессѣ развитія по отношенію къ роду реагированія на наказанія черезъ различныя, ясно отограниченныя одна отъ другой стадіи? Каковы эти стадіи и ступени? Какъ относится ребенокъ къ своимъ собственнымъ заблужденіямъ и проступкамъ въ опредѣленные періоды развитія? Чувствуетъ ли онъ часто, что заслужилъ наказаніе? Нужно ли, чтобы ребенокъ всегда ясно понималъ, почему его наказываютъ?

9. Каковы слѣдствія наградъ? Въ какихъ формахъ слѣдуетъ награждать дѣтей? Раздаете ли вы награды, медали, отмітки? Сидятъ ли у васъ ученики на опредѣленныхъ мѣстахъ, и какъ вліяетъ на нихъ подобное размѣщеніе? Какъ вліяютъ на ребенка услуги, оказываемыя имъ учителю? Какого вы взгляда относительно привилегій, освобожденія отъ платы за ученіе въ школѣ, преподаванія старшихъ учениковъ младшимъ, почестей, связываемыхъ съ окончательными экзаменами? При какихъ условіяхъ награжденія полезны? Какія слѣдствія обнаруживаются при слишкомъ частомъ прибѣганіи къ наградамъ и похвалямъ? Извѣстны ли вамъ случаи, когда къ награжденіямъ прибѣгали такъ долго, что дѣти проявляли прилежаніе только подъ давленіемъ искусственныхъ мотивовъ? Что вы имѣете возразить противъ употребленія системы похвалъ и награжденій? Какого рода награжденія вы хотѣли бы примѣнять?

10. Является ли страхъ желательнымъ стимуломъ? Какова цѣль страха и гдѣ его границы? До какой степени молодежь поддается вліянію чувства чести? Помогаютъ ли призывы къ чувству чести? Какимъ образомъ можно обезвредить ложный кодексъ чести и лишить его силы вліянія? Разумно ли вынуждать у ребенка признанія о содѣянныхъ проступкахъ?

11. Извѣстны ли вамъ случаи, когда сарказмъ, на-

смѣшка, сатира, пристыживание или высмѣиваніе дѣтей имѣли дурныя послѣдствія?

12. Въ достаточной ли степени умѣемъ мы использовать положительныя слѣдствія, естественно вытекающія изъ правильнаго образа дѣйствій? Что вы понимаете подъ допустимымъ примѣненіемъ похвалы? Какъ относятся мальчики къ похвалѣ и какъ дѣвочки? Допустимо ли хвалить несовершенную работу или не вполне достигнутый результатъ? Какой изъ слѣдующихъ стимуловъ оказываетъ наибольшее воздѣйствіе на вашихъ учениковъ (отмѣйте возрастъ и классъ):

1. Любознательность.
2. Будущее благополучіе.
3. Слава.
4. Самообладаніе.
5. Вліятельное положеніе.
6. Практическое умѣніе.
7. Честолюбіе.
8. Чувство долга.
9. Чувство права.

Каждое наблюденіе, сдѣланное вами по предмету нашего разсмотрѣнія, и вашъ опытъ, скромнѣ ли онъ или богатъ, цѣнны и полезны для насъ.

Ноябрь 1897 года.

10. Чувство чести у дѣтей.

Въ нѣкоторыхъ школахъ господствуетъ „система чести“, а въ другихъ можно часто наблюдать въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ мальчикъ или дѣвочка получаютъ назначеніе на почетный постъ. Для насъ очень важно установить возможно болѣе точно и опредѣленно, насколько дѣйственны подобныя призывы къ чувству чести, и поэтому мы просимъ васъ дать намъ отвѣты на слѣдующіе вопросы. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отмѣчайте возрастъ и полъ.

1. Опишите нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ,

свидѣтельствующихъ о наличности сильнаго чувства чести:

- a) у маленькихъ дѣтей;
- b) у учениковъ народныхъ школъ;
- c) у учениковъ среднихъ школъ;
- d) у учащихся высшихъ школъ.

2. Опишите нѣсколько случаевъ, пережитыхъ вами самими и свидѣтельствующихъ о воодушевленіи идеаломъ чести.

3. Въ какихъ классахъ общества дѣти наиболѣе проявляютъ свойства, обозначаемыя слѣдующими терминами:

- a) хорошій или дурной;
- b) мужественный или женственный;
- c) богатый или бѣдный;
- d) понятливый или глупый;
- e) городской или деревенскій.

4. Какія различія между національностями вы наблюдали?

5. Опишите проявленія честности въ игрѣ (въ игрѣ въ карты, дамки и т. д. или въ подвижныхъ играхъ).

6. Опишите какую-нибудь „систему чести“ въ семьяхъ или школахъ:

- a) ея происхождение;
- b) ея цѣнность и ея недостатки.

7. Опишите какой-нибудь искусственный или дисциплинарный приемъ, съ помощью котораго апеллировали къ чувству чести у дѣтей.

8. Парализуетъ или поощряетъ чувство чести повиновение?

9. Знакомы ли вамъ мальчики или дѣвочки, обнаруживавшіе чувство недовольства и даже отвращенія, когда апеллировали къ ихъ чести, или просто поразительное отсутствіе чувства чести? Нѣсколько замѣчаній относительно предполагаемыхъ причинъ и мѣръ къ излѣченію этого недостатка. Извѣстенъ ли вамъ случай отсутствія чувства чести у мальчика, дѣвочки или цѣлаго класса?

10. Опишите случай, когда ученики чувствовали, что

совершили какой-нибудь проступокъ при необыкновенныхъ обстоятельствахъ или замыслили что-нибудь прямо противъ учителя, и тѣмъ не менѣ ихъ кодексъ чести безмолствовалъ.

11. Какія индивидуальныя различія въ чувствѣ чести могутъ явиться слѣдствіемъ:

- a) симпатіи или антипатіи къ учителю или другу,
- b) предмета преподаванія.
- c) домашней жизни.

12. Въ какой степени чувство чести зависитъ отъ сильнаго чувства правды и честности? Могутъ ли лгуны быть честными?

13. Опишите случаи проявленія профессиональной чести, какъ, на примѣръ, у учителей, лицъ духовнаго званія, врачей, юристовъ.

14. Опишите случай проявленія ложнаго чувства чести при дурныхъ поступкахъ, какъ то наблюдается, на примѣръ, у воровъ, когда они покрываютъ своихъ товарищей. Можно ли найти оправданіе для лжи? Приведите соотвѣтствующіе случаи.

15. Приведите примѣры чувства чести у обоихъ половъ.

16. Опишите вошедшіе въ обычай приемы при нанесеніи обиды.

17. Извѣстны ли вамъ случаи наказанія путемъ презрѣнія? Какого вы мнѣнія о такого рода наказаніяхъ?

18. Изложите по любому пункту изъ этого опроснаго листа ваши собственныя мысли.

19. При указаніи литературныхъ источниковъ нужно имѣть въ виду:

- a) Описаніе сильнаго и героическаго чувства чести во всемъ поведеніи человѣка и въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ;
- b) поэтическіе идеалы;
- c) этическіе или религіозные примѣры;
- d) кодексы чести у студентовъ, солдатъ, преступниковъ; обычаи въ торговой средѣ; свѣтскія формы;

е) примѣры изъ исторіи педагогики и изъ педагогическихъ сообщеній.

20. Приведите наилучшее на вашъ взглядъ опредѣленіе „чести“.

Мартъ 1898 года.

11. Безкорыстіе у дѣтей.

1. Опишите случаи безкорыстнаго поведенія дѣтей: добровольную поддержку ими родителей или другихъ лицъ, предупредительность по отношенію къ старикамъ, претерпѣваніе небольшихъ лишеній ради возможности сдѣлать подарокъ; преодоленіе въ себѣ какого-нибудь недостатка изъ желанія понравиться, любовь не на словахъ, а на дѣлѣ по отношенію къ нуждающимся въ помощи дѣтямъ или животнымъ; огорченіе по случаю смерти животныхъ; выраженія заботливой любви при несчастныхъ случаяхъ съ куклами и при переживаніи родителями боли или печали и т. д. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отмѣьте: а) возрастъ ребенка; б) охарактеризуйте семью и условія наслѣдственности; в) были ли мотивомъ дѣйствія подражаніе, заповѣдь или какое-нибудь вліяніе, внѣ прирожденнаго благороднаго импульса.

2. Знали ли вы дѣтей, отличавшихся безкорыстіемъ? Если да, какого они были возраста? Были ли они слабосильными или нормально дѣятельными и сильными?

3. Наблюдали ли вы въ этомъ отношеніи большія индивидуальныя различія у маленькихъ дѣтей?

4. Проявляютъ ли дѣти больше симпатіи къ животнымъ, чѣмъ ко взрослымъ?

5. Наблюдали ли вы въ развитіи дѣтей періоды, когда они то преимущественно своекорыстны, то преимущественно безкорыстны?

6. Наблюдали ли вы значительное увеличеніе безкорыстія въ періодъ половой зрѣлости?

7. Возбуждали ли картины, рассказы, пѣсни и т. д., основной мыслью которыхъ были безкорыстіе или великодушіе, симпатію у дѣтей?

8. Наблюдали ли вы дружбу между дѣтьми? Каковы были ея мотивы? Играетъ ли личная красота большую роль?

9. Наблюдали ли вы у дѣтей проявленіе необыкновеннаго великодушія или добросовѣстности?

10. Приведите примѣръ самопожертвованія изъ собственнаго дѣтства и постарайтесь припомнить возможно точнѣе обстоятельства, мотивы, собственные чувства и т. д.

11. Сообщите намъ свѣдѣнія о слѣдующихъ пунктахъ, руководствуясь вашимъ собственнымъ опытомъ:
а) Можете ли вы припомнить время, когда вы впервые почувствовали безкорыстныя желанія? Перешли ли послѣднія непосредственно въ соотвѣтствующія дѣйствія или все ограничивалось вначалѣ „чувствами“? б) Былъ ли въ вашемъ развитіи періодъ, въ которомъ вы отличались своекорыстіемъ или, наоборотъ,—безкорыстіемъ? в) Обнаружилось ли въ періодъ половой зрѣлости значительное увеличеніе безкорыстія въ поведеніи или въ чувствахъ?

Февраль 1899 года.

О нѣкоторыхъ раннихъ проявленіяхъ чувства собственной личности *).

Въ январѣ 1895 года я отпечаталъ и разослалъ опросный листъ, въ которомъ просилъ сообщить мнѣ свѣдѣнія о чувствѣ „я“ у дѣтей. Я получилъ до настоящаго времени 523 отвѣта, положенныхъ мною въ основу данной статьи. Почти всѣ отвѣты написаны учителями и четыре пятыхъ матеріала собраны преподавателями психологіи изъ наблюдений надъ учениками или изъ сообщений послѣднихъ. Нѣкоторые учителя вели свои наблюденія въ теченіе года, другіе — въ теченіе двухъ лѣтъ и очень немногіе — три года, прежде чѣмъ присылали мнѣ свои отчеты; нѣкоторые изъ этихъ отчетовъ представляли собою почти цѣлые трактаты, чрезвычайно интересные и поучительные, многіе же оказались малоцѣнными или совсѣмъ безцѣнными. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ профессоръ нашего университета мистеръ Стритъ любезно позволилъ мнѣ использовать 387 отвѣтовъ, собранныхъ имъ и касавшихся первыхъ представленій о душѣ. Помимо этихъ источниковъ я воспользовался данными изъ многихъ десятковъ статей, такъ что въ общемъ я представляю вниманію читателя коллективный трудъ чуть ли не тысячи лицъ.

I. Изъ нашего физическаго „я“ прежде всего привлекаютъ къ себѣ вниманіе руки и пальцы. Въ отчете

*) Some Aspects of the Early Sense of Self (American Journal of Psychology, April 1893).

тахъ упоминается о шестидесяти четырехъ младенцахъ, въ большинствѣ случаевъ въ возрастѣ между двумя и шестью мѣсяцами, которые съ любопытствомъ изслѣдовали свои руки; изъ нихъ лишь немногіе обнаруживали страхъ, замѣчая свои руки впервые. Иногда рука наблюдалась ребенкомъ съ большимъ упорствомъ, даже, можетъ быть, съ возрастающей интенсивностью, пока интересъ достигалъ такой степени, что слѣдовало хватательное движеніе, точно ребенокъ пытался автоматическимъ дѣйствіемъ движущейся руки схватить видимую руку; но, какъ только рука исчезала изъ зрительнаго центра, она переставала существовать для ребенка, точно уничтожалась магическимъ образомъ. Однако, именно рука въ движеніи первая привлекаетъ къ себѣ вниманіе глаза. Нѣкоторые авторы описываютъ выраженіе удивленія на лицѣ ребенка, когда его руки движутся съ необычайной силой, внезапно привлекающей къ себѣ на мгновеніе вниманіе, какъ будто бы глазъ впервые спрашивалъ: „Что это за движущіеся бѣлые предметы, за которыми такъ трудно услѣдить или схватить ихъ?“ Ротъ знаетъ руку гораздо раньше глаза, смотрящаго вначалѣ на нее, какъ на новую игрушку. Судя по отвѣтамъ, весьма вѣроятно, что руки знаютъ одна другую—Шопенгауэръ считалъ этотъ родъ познанія важной стадіей въ развитіи самосознанія—прежде чѣмъ онѣ становятся извѣстными глазу. Дѣтей четырехъ и пяти мѣсяцевъ описываютъ внимательно ощупывающими одну руку другой: каждая рука въ одно и то же время ощупываетъ и подвергается ощупыванію; каждая—субъектъ и объектъ по отношенію къ другой; такимъ образомъ, ребенокъ выдѣляетъ ихъ изъ міра внѣшнихъ вещей, и ихъ особенное свойство дастъ позже возможность душѣ легко включить ихъ въ цѣлое тѣлеснаго „я“. Руки глядятъ одна другую, хватаютъ, подстерегаютъ другъ друга, точно бы онѣ принадлежали кому-нибудь другому; ребенокъ поднимаетъ ихъ вверхъ и пристально созерцаетъ, изучаетъ и сравниваетъ; онѣ

кладеть одну руку въ другую, рядомъ съ другой, на другую, движеть ею и слѣдить за ней глазами, удерживаетъ въ неподвижности и затѣмъ снова приводитъ въ движеніе, точно желая добиться оптического эффекта, и, тѣмъ не менѣе, онъ еще ошибается и принимаетъ руки другихъ дѣтей и, въ одномъ или двухъ случаяхъ, даже другіе предметы за собственныя руки. Нѣкоторыя любопытныя сообщенія рассказываютъ о дѣтяхъ, которыя, положивъ руки подъ тѣло или заложивъ ихъ за спину, спрятавъ ихъ подъ рукава или въ складкахъ платья, какъ бы теряютъ ихъ и отыскиваютъ, обнаруживая въ процессѣ исканія возрастающее пониманіе истинныхъ фактовъ. Иногда эта стадія удерживается долго. Одна дѣвочка девяти мѣсяцевъ любила сидѣть у стола, очевидно, главнымъ образомъ, ради удобства играть собственными руками, а другая предпочитала обычно пользоваться бутылкой съ молокомъ, какъ родомъ подставки для рукъ,—она изучала ихъ охватывающими бутылку,—и забывала пить изъ нея молоко.

Въ возрастѣ до и послѣ двѣнадцати мѣсяцевъ пальцы привлекаютъ къ себѣ большое вниманіе. Ребенокъ переплетаетъ ихъ между собой, свертываетъ и развертываетъ, притрагивается къ каждому изъ нихъ, точно считая по пальцамъ (это напоминаетъ намъ манеру считать по пальцамъ и счетнымъ палочкамъ, господствовавшую въ давно прошедшія времена, пока ее не вытѣснили математическіе символы и простыя правила; теперь она сохранилась почти только въ любопытныхъ гаданіяхъ по числамъ), а позже, правда, въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ, располагаетъ пальцы такъ, что соответствующіе пальцы обѣихъ рукъ соприкасаются одинъ съ другимъ. Онъ тянетъ ихъ, кусаетъ, сгибаетъ, выкручиваетъ и, конечно, сосетъ неустанно, иногда вплоть до школьнаго возраста или даже уже будучи школьникомъ. Объ одномъ годоваломъ ребенкѣ рассказываютъ, что онъ часто поднималъ свои пальцы вверхъ, одинъ за другимъ; другой

ребенокъ, пятнадцати мѣсяцевъ отъ роду, ощупываль поочередно всѣ свои пальцы. Одна двухлѣтняя дѣвочка била свою руку, когда столкнула нечаянно вазу; другая дѣвочка того же возраста ущипнула свои пальцы въ наказаніе за то, что они ущипнули маленькаго ребенка. Дѣвочка тридцати мѣсяцевъ била себя, разгнѣванная, по пальцамъ послѣ того, какъ разорвала тряпку; при этомъ она увѣряла—очень обычное явленіе,—что тряпку разорвала не она, а ея пальцы. Можно вообще часто наблюдать, какъ маленькія дѣвочки бранятъ свои пальцы. Такого рода обращенія съ рѣчью къ членамъ собственнаго тѣла часто являются, вѣроятно, простымъ подражаніемъ дѣйствіямъ родителей, которые наказываютъ руки, совершившія что-нибудь дурное; интересно, однако, что это входитъ въ привычку, и многія дѣти говорятъ поэтому, обращаясь къ своимъ рукамъ: „противныя руки, это вы меня дѣлаете дурной дѣвочкой“ или „это вы взяли пирожное“, „сорвали сливы“, „сломали стаканъ“ и т. д. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ подслушалъ разговоръ трехлѣтней дѣвочки съ ея безпкойными, вѣчно подергивавшимися руками: „Почему вы не можете успокоиться, какъ того желаетъ мама“ (подъ мамой она подразумѣвала самое себя). Двѣ дѣвочки трехъ лѣтъ кусали свои пальцы, одна изъ нихъ до крови, „чтобы посмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ они мои“. Помимо давнишнихъ игръ пальцами, дѣти часто изобрѣтають игры, въ родѣ взаимныхъ посѣщеній ногъ и рукъ. Дѣти особенно охотно играютъ въ эту игру, когда спать вдвоемъ въ одной постели. Дѣти трехъ и даже пяти лѣтъ иногда считаютъ и пересчитываютъ свои собственные пальцы, чтобы убѣдиться въ ихъ присутствіи, и пальцы другихъ людей, желая узнать, столько ли же у нихъ пальцевъ и столько ли же на обѣихъ рукахъ.

Гинекологи придерживаются взгляда, что, можетъ быть, уже до рожденія рука „находитъ“ ротъ. Если это такъ, то такой фактъ имѣетъ большее значеніе для за рожденія внѣшняго, физическаго самосознанія, чѣмъ

самоощупываніе рукъ и ногъ одна другой или ошупываніе руками и ногами другихъ частей тѣла, такъ какъ ротъ, являющійся психическимъ центромъ, куда ребенокъ въ первомъ дѣтствѣ отправляетъ для испытанія все, болѣе чувствителенъ. Какого-нибудь послѣдователя Фихте теперь легко увѣрить, что сознательность тѣла начинается въ моментъ соприкосновенія руки и рта. Если Беркли правъ въ отношеніи несоизмѣримости видимаго и осязаемаго, тогда ребенокъ, созерцающій и ошупывающій свои руки, совершаетъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ непростительный психологическій грѣхъ, отъ котораго никогда не смогутъ очистить его душу даже лучшіе учителя и противъ котораго окажутся безсильными самыя тяжеловѣсныя термины теоріи познанія, преподаваемые на первомъ и на послѣднемъ курсѣ высшей школы. Но даже если бы и было достигнуто полное очищеніе души въ этомъ пунктѣ и счастливцу выпало бы затѣмъ на долю, замечтавшись, укусить свой видимый палець, онъ неизбежно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного мгновенія, долженъ былъ бы еретически и болѣзненно почувствовать, что палець—часть его осязаемаго „дѣйствительнаго я“. Каждая рука—субъектъ-объектъ для другой руки, по мѣрѣ прогрессированія ихъ взаимнаго ознакомленія; когда же развивается правосторонность, лѣвая рука становится, можетъ быть, болѣе субъективной, а правая—болѣе объективной. Во всякомъ случаѣ, правая рука болѣе склонна вторгаться въ область господства лѣвой руки, переходя черезъ билатеральную плоскость на противоположную сторону, и ее всегда будутъ держать въ почетѣ и предпочитать, а лѣвою пренебрегать; поэтому кажущееся столь многообѣщающимъ равновѣсіе между субъективнымъ и объективнымъ вскорѣ навсегда разрушается. Однако, въ надлежащее время вмѣшивается глазъ, и когда руки уже не могутъ быть долѣе тезисомъ и антитезисомъ одна для другой, онъ соединяетъ ихъ въ новомъ синтезѣ въ высшемъ зрительномъ сознаніи, подтверждаю-

щемъ истину того, что ребенокъ узнавалъ нѣкогда черезъ посредство рта о тѣхъ же рукахъ. Прежде послѣднія были проекціей даннаго, теперь онѣ продукты дѣтскаго духа, который самыми чувствами, хотя и слабо, антиципируетъ будущую мысль взрослого объ ихъ ноуменальной недѣйствительности, какъ простыхъ объективныхъ явленій; онѣ антиципируетъ это, когда замѣчаетъ, что „потерялъ ихъ“. Мы говорили уже о рукахъ, познаваемыхъ ртомъ, о рукахъ, познаваемыхъ руками, и о рукахъ, познаваемыхъ глазами, т. е., по крайней мѣрѣ, о трехъ родахъ рукъ,—не упоминая ничего о другихъ рукахъ осязающаго тѣла—какъ о краеугольныхъ камняхъ человѣческаго „я“. Каждая разновидность обладаетъ, несомнѣнно, своими собственными центрами, хотя намъ еще неизвѣстны ихъ точное число и пути или локализация въ мозговой корѣ центростремительныхъ и центробѣжныхъ нервныхъ волоконъ; мы не останавливаемся теперь на изображеніи схематической діаграммы ихъ функционирования или на описаніи медленно нарастающихъ ассоціативныхъ волоконъ, которыя соединяютъ ихъ позже въ психомоторные центры руки, не останавливаемся потому, что мозгъ чрезвычайно сложенъ, и каждая схема, какую бы ни выбралъ и ни примѣнялъ любой изъ нашихъ читателей, окажется, вѣроятно, столь же правильной, какъ его любимыя схемы чиселъ, звуковъ или красокъ. Но мы желали бы предложить болѣе компетентнымъ лицамъ, чѣмъ мы сами, изслѣдовать относящіяся сюда болѣе важные философскіе вопросы, а именно: при первомъ соприкосновеніи руки и рта осязаетъ первымъ и въ болѣе сильной степени ротъ руку или, наоборотъ, рука ротъ; находитъ ли глазъ первый руку потому, что глазъ движется или потому, что голова движется, и какой процессъ является при этомъ руководящимъ: двигательный или чувствительный. Какіе социальныя и этическіе факторы заключаются въ поступкѣ ребенка, когда онъ бранитъ и наказываетъ скверныя, напраказившія руки? Какое символическое толко-

ваніе многихъ, еще не зарегистрированныхъ дѣтскихъ игръ пальцами наиболѣе соотвѣтствовало бы философіи Фребеля? И наконецъ, чисто отвлеченный и дедуктивный психологъ-метафизикъ объяснить намъ, надо надѣяться, обладаемъ ли мы и въ какой степени инстинктомъ, чувствомъ, волей, разумомъ, вниманіемъ или простымъ автоматизмомъ,—ибо все послѣдующее, конечно, крайне безцѣнно до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не описано въ выраженіяхъ зрѣлаго сознанія, если ужъ не въ терминахъ господствующей метафизической системы.

Спеціальныи періодъ созерцанія ногъ наступаетъ нѣсколько позже періода, когда обладаніе руками доходитъ до сознанія. Въ полученныхъ нами сообщеніяхъ упоминается почти вдвое чаще о вниманіи ребенка къ ногамъ, чѣмъ къ рукамъ. Ноги болѣе удалены отъ первоначальнаго психического фокуса или положенія и также болѣе часто закрыты чѣмъ-нибудь, такъ что видъ ихъ является болѣе яркимъ и исключительнымъ событіемъ. Нѣкоторыя дѣти приходятъ въ сильное возбужденіе, когда обнажаютъ ихъ ноги и особенно когда снимаютъ съ нихъ чулки и башмаки. Маленькія дѣти часто обнаруживаютъ страхъ при движеніи ихъ собственныхъ прикрытыхъ колѣней или ногъ, и еще чаще первымъ ощущеніемъ, указывающимъ на открытіе ребенкомъ собственныхъ ногъ, бываетъ страхъ. Какъ и въ случаяхъ съ руками, движеніе ногъ привлекаетъ къ нимъ вниманіе ребенка; иногда ноги, вслѣдствіе внезапнаго невольнаго движенія, исчезаютъ изъ поля зрѣнія и „теряются“. Такъ какъ ноги болѣе удалены, то ихъ вертикальныя и боковыя движенія происходятъ подъ меньшимъ угломъ, но онѣ легче опускаются на дно поля зрѣнія, будучи прикрытыми одеждой и т. д. и скрытыми тѣломъ. Дѣтей отъ пяти до восьми мѣсяцевъ отъ роду описываютъ часто ищущими свои ноги послѣ того, какъ они ихъ открыли; они ищутъ ихъ съ болѣе или менѣе безцѣльными усиліями, которыя, однако, выдаютъ ихъ намѣреніе. Позже ребенокъ приобретаетъ способ-

ность схватывать свою ногу руками, затѣмъ—поднимать ее вверхъ или стягивать платье и еще позже—стягивать чулки, чтобы создать себѣ новую забаву. Многихъ дѣтей описываютъ забавляющимися чулками,—точно бы невѣдомыя, новооткрытыя игрушки зачаровывали ихъ. Они поднимаютъ чулки, пытаются отбросить ихъ въ сторону или выбросить изъ колыбели, или поднести ихъ ко рту, куда направляются, впрочемъ, всѣ вещи. Затѣмъ наступаетъ стадія сосанія пальцевъ ногъ, которое иногда уже послѣ трехъ мѣсяцевъ становится упорнымъ и тягостнымъ. Въ нашемъ собраніи шестнадцати заслуживающихъ вниманія случаевъ одиннадцать относятся къ сосанію пальцевъ лѣвой ноги. Тотъ же опытъ, что и при кусаніи рукъ, имѣетъ часто мѣсто и въ отношеніи ногъ, и дитя кричитъ отъ боли, прежде чѣмъ оно, дѣйствительно, ассоціируетъ укусъ съ болью. Иногда эта ассоціація отмѣчается опредѣленнымъ рядомъ опытовъ и нѣкоторыя дѣти, уже умѣющія говорить, выражаютъ новопріобрѣтенный опытъ такъ: „Я кусаю, и ты дѣлаешь мнѣ больно“, или: „Болитъ, когда я кусаю“. Въ нашемъ протоколѣ слово „подвергать изслѣдованію“ повторяется двадцать семь разъ, а „наблюдать“—тридцать три раза, чтобы описать это спеціальное направленіе вниманія. Дѣти часто трогаютъ свои ноги, ласкаютъ и поглаживаютъ ихъ, предлагаютъ имъ игрушки и бутылку съ молокомъ, точно бы ноги испытывали свой независимый голодъ и, утоляя его, удовлетворяли своему собственному „я“.

Пальцы ногъ представляютъ собою совсѣмъ особый классъ игрушекъ; ребенокъ крутитъ и тянетъ ихъ и выражаетъ иногда удивленіе, что съ ними нельзя играть, какъ съ погремушкой. Еще позже слѣдуютъ движенія ногъ и пальцевъ ногъ, производимыя ради удовлетворенія глаза; они отмѣчаютъ, вѣроятно, время, когда моторные импульсы ассоціируются съ впечатлѣніями съчатой оболочки. Еще до окончанія перваго года жизни дѣти начинаютъ находить удовольствіе въ играхъ съ

матерью или кормилицей, давая названія животныхъ и т. д. каждому пальцу ноги, какъ они дѣлали раньше съ пальцами рукъ. Различныя игры ногами возводятся часто въ опредѣленное событіе, регулярно ожидаемое ко времени укладыванья спать, по утрамъ или въ ваннѣ. Въ это время дѣти часто проявляютъ особый интересъ къ ногамъ другихъ лицъ, рассматриваютъ и ощупываютъ ихъ и т. д., иногда выражая удивленіе, что давленіе на палецъ на ногѣ матери причиняетъ боль ей, а не имъ, или сравнивая свои собственныя ноги съ чужими ногами пунктъ за пунктомъ. Любопытны также усиленія „сознанія ноги“ въ теченіе первыхъ годовъ дѣтства, когда дѣтямъ позволяютъ въ видѣ исключительной привилегіи ходить босикомъ или когда имъ надѣваютъ новые ботинки. Ребенокъ часто обращается къ ногамъ съ разговоромъ, наказываетъ ихъ, бьетъ, иногда вплоть до дѣйствительнаго ощущенія боли, за то, что онѣ разбили вещи, за то, что ребенокъ изъ-за нихъ упалъ и т. д.; у многихъ дѣтей появляются привычки, сначала достигающія большой силы, а затѣмъ исчезающія,—привычки трогать или щекотать ноги при взрывахъ громкаго хохота; по описаніямъ, нѣкоторыя дѣти проявляютъ почти болѣзненное отвращеніе къ ношенію чего бы то ни было на ногахъ, къ прикосновенію къ нимъ другихъ лицъ; у такихъ дѣтей приходится мыть ноги силою или прибѣгая къ хитрости. Общая привычка, лежа на спинѣ, барабанить подошвами по вертикальной стѣнѣ, точно предвосхищая процессъ хожденія, иногда имѣетъ свой періодъ особеннаго усиленія. Трое маленькихъ дѣтей, въ остальномъ вполне нормальныхъ, употребляли пальцы своихъ ногъ для схватыванія игрушекъ и кубиковъ столь настойчиво и исключительно, что пришлось принуждать ихъ къ употребленію рукъ—вмѣсто ногъ. Нѣкоторыя дѣти умудряются потирать подошвы ногъ одна о другую съ выраженіемъ большого удовольствія, подобно тому, какъ взрослые потираютъ руки одна о другую.

Нѣкоторыя дѣти почти влюбляются въ большой или маленькій палецъ ноги и особенно восхищаются какой-нибудь складкой или ямочкой на немъ, обворачиваютъ его въ шелковый лоскутокъ или кусокъ ленты или напяливаютъ на него отрѣзанный отъ перчатки палецъ, обворачиваютъ шнурками или удлиняютъ его, привязывая къ нему куски дерева. Поглаживать ноги у другихъ лицъ, особенно если онѣ красивой формы, часто становится почти страстью у маленькихъ дѣтей, и многіе взрослые признаются въ сохраненіи, какъ пережитка, того же побужденія, удовлетвореніе котораго сопровождается чувствомъ чрезвычайнаго наслажденія. Интересъ нѣкоторыхъ матерей къ пальцамъ ногъ у ихъ младенцевъ, приводящій къ экстатическимъ выраженіямъ, почти невѣроятнымъ по своей преувеличенности, — факторъ большого значенія. Въ общемъ, при чтеніи простыхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ невольно возникаетъ вопросъ, не являются ли нѣкоторыя крайности изъ этой группы переживаній камнями въ психофизическомъ фундаментѣ фетишизма ногъ, проявляющагося позже у дегенератовъ послѣ наступленія половой зрѣлости.

Двадцать три отвѣта говорятъ о маленькихъ дѣтяхъ отъ тринадцати до пятнадцати мѣсяцевъ отъ роду, заинтересованныхъ въ опредѣленный періодъ собственными колѣнками; группа дѣвочекъ-школьницъ усвоила привычку носить кольца на пальцахъ ногъ, какъ отличительный знакъ даннаго сообщества. Вытягиваніе пальцевъ ногъ и рукъ изъ суставовъ и хрустѣнье ими — обычная забава въ школьной жизни.

Слѣдующимъ звеномъ въ цѣпи познанія своего тѣла является знакомство съ ухомъ. Нѣкоторые младенцы всего трехъ или четырехъ мѣсяцевъ отъ роду приобрѣтаютъ дурную привычку тянуть себя за уши, преимущественно во время кормленія; другія дѣти тянутъ свои уши и царапаютъ ихъ иногда разъ-за-разомъ, пока не начинаютъ сами кричать, въ то время какъ изъ ушей идетъ кровь. Многія дѣти отъ шести до десяти

мѣсяцевъ не могутъ заснуть, не чувствуя своихъ ушей въ своихъ рукахъ; трое дѣтей безпрестанно пытаются сложить раковину уха и всунуть ее въ ушное отверстіе; четыре ребенка изъ всѣхъ описанныхъ въ сообщеніяхъ не могутъ кормиться грудью, не ощущая уха матери въ своей рукѣ; у немногихъ наблюдалась привычка хватать всѣ уши, доступныя имъ по степени отдаленности, или особенно уши кошки или собаки. Нѣкоторыя формы этихъ привычекъ часто сохраняются годами. Одна дѣвочка четырехъ лѣтъ безпрестанно ощупывала свои уши, каждое обѣими руками, изъ боязни потерять ихъ. Дѣти страдаютъ иногда отъ страха—вѣроятно, часто внушеннаго, почти болѣзненно интенсивнаго и часто длящагося годами—чтобы ихъ уши не сдѣлались слишкомъ большими или слишкомъ маленькими или не приняли формы ушей какого-нибудь животнаго, или не стали твердыми и костевидными, или не повисли, подобно мокрой тряпкѣ. У одной дѣвочки одиннадцати лѣтъ описываютъ настоящую страсть тянуть себя или своихъ подругъ за уши, прикасаться къ послѣднимъ или ощупывать ихъ. Четыре молодыхъ дѣвушки въ возрастѣ учащихся высшихъ школъ признаются въ склонности къ ушамъ; у всѣхъ чужихъ людей ихъ интересуется преимущественно этотъ органъ, и характеръ людей онѣ опредѣляютъ по формѣ или цвѣту ихъ ушей. Нѣкоторые увѣряютъ, что ничто не въ состояніи преодолѣть ихъ отвращенія къ некрасивымъ ушамъ; другіе хотѣли бы притрагиваться къ ушамъ всѣхъ своихъ друзей. Нѣкоторыя дѣти постоянно трясутъ головой, подобно собакамъ, чтобы почувствовать движеніе ушей, или усиливаются развить въ себѣ способность двигать ушами съ помощью головныхъ мускуловъ, подобно лошади; другія тянутъ и крутятъ уши по ночамъ, чтобы они отставали отъ головы, или растягиваютъ ихъ и прижимаютъ къ головѣ, или тянутъ внизъ мочку уха; что же касается до попеременнаго затыканія ушей руками и открыванія ихъ, то, вѣроятно, каждый изъ насъ забавлялся подоб-

нымъ образомъ. Но, конечно, такія дѣйствія возможны лишь послѣ того, какъ ребенокъ понялъ, что слухъ связанъ съ ухомъ. Между тѣмъ дѣти часто думаютъ, что слушаютъ глазами, ногами или руками. У многихъ дѣтей сильное влеченіе втыкать всевозможныя вещи въ ухо; эта привычка, по мнѣнію врачей, связана съ опасными послѣдствіями. Съ другой стороны, дѣтей преслѣдуетъ часто почти болѣзненно сильный страхъ, чтобы какое-нибудь насѣкомое не забралось въ ухо или не пролѣзло черезъ голову изъ одного уха въ другое. Специфическая жажда шумовъ часто появляется у ребенка, прежде чѣмъ она ассоціируется съ ухомъ и, какъ хорошо извѣстно, побуждаетъ маленькихъ дѣтей разбивать вещи и производить шумъ, непріятный для взрослыхъ.

Носъ занимаетъ въ дѣтскомъ сознаніи болѣе или менѣе выдающееся положеніе, хотя рѣже уха; у нѣкоторыхъ дѣтей можно наблюдать весьма опредѣленный періодъ особаго интереса къ носу. Хотя онъ рѣдко настолько великъ, чтобы можно было схватить его, но ребенокъ старательно ощупываетъ его съ явными признаками любопытства и подчасъ теревитъ себя за носъ, третъ носъ, все съ цѣлю ознакомиться съ нимъ. Взрослые любятъ дѣлать видъ, что отрываютъ у ребенка носъ, и этимъ объясняется страхъ нѣкоторыхъ дѣтей утратить носъ. Часто дѣти пытаются удлинить или укоротить собственный носъ. Одинъ ребенокъ безпрестанно уродовалъ свой носъ, прижимая его къ стѣнкѣ кровати, ударяя имъ о послѣднюю, чтобы онъ не росъ вверхъ. Ноздри также часто возбуждаютъ явное къ себѣ вниманіе, но въ этомъ отношеніи, какъ и въ склонности изслѣдовать ихъ пальцами или затыкать въ нихъ что попало, ребенокъ повторяетъ исторію познанаія ушей. Судя по нашимъ, правда, очень ужъ скуднымъ даннымъ, можно заключить, что средній возрастъ, когда дѣти научаются ассоціировать обонятельныя ощущенія съ органомъ обонянія, это—приблизительно три мѣсяца. Затѣмъ они

начинають сознательно и намеренно обнюхивать предметы и иногда изслѣдуютъ также свои ноздри.

Рука познается ртомъ, другой рукой и глазомъ; нога—рукой и глазомъ и весьма немного другой ногой; ухо—только рукой; глазъ же недоступенъ никакому другому внѣшнему чувству, развѣ легкому прикосновению; зрѣніе поэтому объективируется послѣднимъ и есть внѣшнее чувство наивысшаго разряда.

Первый предметъ, останавливающий на себѣ блуждающій взоръ новорожденного, это—глазъ матери. Глаза въ продолженіе перваго дѣтства являются центрами главнаго притяженія, и странно, почему дѣти часто не знаютъ почти ничего о собственныхъ глазахъ. Многія дѣти въ возрастѣ отъ трехъ до пяти мѣсяцевъ думаютъ что ихъ глаза, въ противоположность глазамъ другихъ людей, всегда закрыты, потому что они при прикасаніи къ глазамъ находятъ ихъ всегда закрытыми; и нѣкоторыя дѣти даже считаютъ себя несчастными или уродами, полагая, что они могутъ смотрѣть только съ трудомъ сквозь вѣки или кося и очень удивлены, увидѣвъ въ зеркалѣ свои глаза открытыми. Многія дѣти проводятъ много времени передъ зеркаломъ, изучая свои собственные глаза, и обнаруживаютъ предпочтеніе къ изслѣдованію цвѣта или наблюденію за движеніемъ глазныхъ яблоковъ и вѣкъ у другихъ лицъ. Трудно опредѣлить, что собственно привлекаетъ вниманіе ребенка: движеніе, блескъ отраженнаго свѣта или концентрическое строеніе радужной оболочки и зрачка; во всякомъ случаѣ, интересъ къ глазамъ возникаетъ съ первобытной силой и потому вызываетъ потребность въ дальнѣйшемъ спеціальному изслѣдованію. У маленькихъ дѣтей часто проявляется инстинктивное влеченіе тыкать пальцами въ глаза окружающимъ, желая ощупать ихъ или убѣдиться въ томъ, что они закрыты. Отражаемый глазнымъ яблокомъ блестящій пунктъ разсматривается часто какъ средство зрительныхъ воспріятій, иногда также какъ излучающійся свѣтъ. Дѣти часто научаются

различать между большими или маленькими, выпуклыми или впалыми и особенно остро между неподвижными и блуждающими глазами. Иногда приходится удалить картины из дѣтской комнаты и дѣтских садовъ, потому что глаза людей, изображенныхъ на картинахъ, беспокоятъ чувствительныхъ дѣтей. Глазъ, на ряду съ осязаніемъ, является, кажется, самымъ первымъ средствомъ общенія ребенка съ родителями; даже дѣти постарше всегда смотрятъ больше на глаза, чѣмъ на ротъ другихъ лицъ, и понимаютъ вначалѣ больше выраженіе глазъ, чѣмъ смыслъ словъ. Они слѣдятъ за бровями и выраженіемъ вокругъ глазъ съ тонкимъ пониманіемъ и обыкновенно боятся большихъ или стеклянныхъ глазъ. Послѣ того, какъ сознание овладѣло глазомъ, ребенокъ часто ощупываетъ его, надавливаетъ, третъ, производитъ надъ нимъ всевозможныя дѣйствія руками; кажется почти, будто ребенокъ изучаетъ свѣтотѣныя явленія, въ зависимости отъ давленія на глазъ; на самомъ же дѣлѣ его вниманіе направлено, вѣроятно, на установленіе порога боли для всѣхъ этихъ манипуляцій. Можно сомнѣваться, прибавилъ ли бы Сократъ что-либо къ своему самосознанію, если бы онъ достигъ того, чего онъ добивался, т.-е. если бы ему удалось обратить свои выступающіе впередъ глаза внутрь, такъ, чтобы одинъ глазъ могъ смотрѣть, минуя узкую переносицу, въ другой глазъ; но дѣти часто неустанно стремятся повернуть глаза по направленію одинъ къ другому и смотрѣть на кончикъ своего носа, на брови, волосы или языкъ, благодаря чему возникаетъ серьезная опасность косоглазія. Однако, это лишь одинъ изъ видовъ разнообразной гимнастики глазами въ дѣтствѣ. Ребенокъ движетъ глазами зигзагами въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи, вертитъ ими вверхъ и внизъ до крайнихъ предѣловъ, забавляется ихъ круговращеніемъ, и привычка мигать глазами укрѣпляется и доходитъ почти до конвульсивныхъ содроганій вѣкъ. Ребенокъ попеременно то открываетъ, то закрываетъ

глаза, и многія дѣти, судя по полученнымъ нами отчетамъ, забавляются, упражняясь въ умѣнїи держать цѣлыми часами и даже днями одинъ глазъ на половину или совершенно закрытымъ, иногда даже, въ подражаніе слѣпымъ, оба глаза. Всевозможные фокусы глазами могли бы занять цѣлую главу; въ общемъ, всѣмъ извѣстны различные приемы опусканія или подниманія глазъ, способы строить глазки, смотрѣть недовѣрчиво или живо блестя глазами, сверкать глазами и т. д. отражать въ нихъ всѣ измѣнчивыя душевныя настроенія и капризы юношески неуравновѣшенной души. Глаза, можетъ быть, даже больше рукъ, ногъ и рта, становятся центромъ этого рода самосознанія, озабоченнаго всегда вопросомъ, какое впечатлѣніе собственное „я“ производитъ на другихъ, и вопросъ, что дѣлать съ глазами въ присутствїи чужихъ, является болѣе трудной проблемой для безпомощнаго дѣтскаго возраста, чѣмъ вопросъ, что дѣлать съ руками и ногами. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что среди маленькихъ дѣтей очень распространена увѣренность, будто ихъ никто не видитъ, когда ихъ глаза закрыты или прикрыты чѣмъ-нибудь. Нѣкоторыя дѣти думаютъ, будто такимъ образомъ все ихъ тѣло исчезаетъ изъ поля зрѣнїя другихъ людей; другія—будто и голова перестаетъ быть видимой; еще болѣе высокая форма этого любопытнаго психоза выражается въ убѣжденїи, что закрой ребенокъ глаза, и никто не увидитъ его души.

Особымъ предметомъ интереса служатъ для маленькихъ дѣтей волосы; интересъ этотъ пробуждается въ концѣ перваго года жизни и зависитъ отъ обилїа волосъ. Маленькія дѣти узнаютъ, что слишкомъ грубое обращеніе съ этой принадлежностью ихъ личности причиняетъ имъ боль. Въ первомъ младенчествѣ склонность дѣтей вцѣпляться въ волосы или бороду взрослыхъ и особенно, ухватившись за нихъ, повиснуть на нихъ, почти конвульсивно сжавъ руки, явно напоминаетъ атавистическую связь съ необходимостью для человѣкоподобныхъ обезь-

ягъ, жившихъ на деревьяхъ, вцѣпляться въ волосатую шкуру родителей. Нѣкоторыя дѣти намѣренно вырываютъ себѣ волосы. По имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи матеріалу нельзя сомнѣваться, что у многихъ, если не у большинства дѣтей, есть опредѣленный періодъ, когда они впервые обращаютъ вниманіе на волосы, которые остаются въ теченіе цѣлыхъ дней или недѣль предметомъ чрезвычайнаго интереса. Они хватаютъ себя за волосы, тянутъ ихъ, поглаживаютъ рукой, еще чаще безпрестанно потираютъ ихъ, иногда до тѣхъ поръ, пока въ нѣкоторыхъ излюбленныхъ и легко доступныхъ мѣстахъ волосы значительно рѣдѣютъ. Нѣкоторыя дѣти, наоборотъ, обнаруживаютъ болѣзненный страхъ прикоснуться къ волосамъ, вѣроятно, вслѣдствіе причиняемой имъ при заплетаніи волосъ боли; страхъ этотъ достигаетъ чрезвычайной силы. Встрѣчаются дѣти, охотно поглаживающія или „ласкающія“ свои волосы, особенно будучи въ счастливомъ настроеніи, чувствуя себя хорошими или получивъ похвалу; когда же тѣ же дѣти разсержены, они бѣшено теребятъ себя за волосы. Длинные волосы часто закладываются въ ротъ; ребенокъ жуется и раскусываетъ ихъ, тянетъ; въ трехъ случаяхъ наши корреспонденты описываютъ дѣтей съ чрезвычайно сильной склонностью вырывать собственные волосы, точно побуждаемыхъ атавистическимъ инстинктомъ, приведшимъ нѣкогда къ обезволосенью человѣческаго тѣла. Несомнѣнно, волосы даютъ совершенно единственные въ своемъ родѣ осязательныя ощущенія какъ въ корняхъ волосъ, такъ и въ рукахъ, прикасающихся къ нимъ; они пластичны и гибки и удовлетворяютъ чувство движенія; поэтому первый интересъ къ нимъ родственъ интересу къ мѣху, играющему важную роль въ экономіи дѣтскаго опыта. Нѣкоторыя дѣти обнаруживаютъ почти фетишистскую склонность хватать, а позже поглаживать бороду всѣхъ, съ кѣмъ бы они ни приходили въ соприкосновеніе; но лишь къ концу второго года жизни средній ребенокъ начинаетъ проявлять зачатки удовольствія и сознательности въ связи съ прической.

Зубы, подобно большимъ глазамъ, дѣйствуютъ иногда устрашающе на маленькихъ дѣтей; но позже, по мѣрѣ преодоленія страха,—такъ бываетъ по отношенію ко всѣмъ предметамъ, вызывавшимъ боязнь,—появляется специальный интересъ. Съ появленіемъ первыхъ зубовъ развивается большая чувствительность десенъ, но также явный къ нимъ интересъ. Склонность кусать все попадающееся подъ руки,—въ началѣ слѣпой инстинктъ, который служитъ подспорьемъ въ прорѣзываніи десенъ; но послѣ появленія нѣсколькихъ зубовъ возрождается былое сознание, связанное съ жизнью рта, и теперь ребенокъ кусаетъ все, какъ онъ раньше сосалъ все. Первые зубы въ такой же степени приводятъ сознание въ замѣшательство, какъ и первые панталоны или башмаки. Дѣти благодарятъ въ своихъ молитвахъ Бога за ниспосланіе имъ зубовъ. Они ощупываютъ свои зубы и иногда показываютъ ихъ и оставляютъ ихъ слѣды не только на предметахъ, но и на собственномъ тѣлѣ и на тѣлѣ другихъ лицъ. Иногда дѣти сильно кусаютъ собственное мясо, не подозревая, насколько окрѣпли ихъ челюсти. Длинный рядъ случаевъ рассказываетъ о дѣтяхъ, кусавшихъ во гнѣвѣ другъ друга или даже игрушки въ періодъ прорѣзыванія зубовъ, и это показываетъ, что вмѣстѣ съ зубами развивается также сильная физическая склонность пускать ихъ въ ходъ, дѣлать изъ нихъ употребленіе, подобно животнымъ. Дѣти иногда особенно наблюдательны по отношенію къ зубамъ другихъ дѣтей; поэтому зубы, подобно глазамъ и другимъ органамъ, могутъ сыграть опредѣляющую роль въ возбужденіи симпатій и антипатій, особенно по отношенію къ взрослымъ. Изслѣдуется ротъ родителей, и подчасъ собственные зубы изучаются съ помощью зеркала. Когда молочные зубы выпадаютъ и вырываются, и другіе занимаютъ ихъ мѣсто, ребенкомъ овладѣваетъ большой интересъ къ зубамъ вообще, и на окружающихъ такъ и сыплются вопросы, касающіеся зубовъ у животныхъ и насѣкомыхъ, у Бога и т. д. Зубы съ золотой пломбой

часто становятся предметомъ напряженнаго интереса или восхищенія.

Различнымъ другимъ частямъ тѣла въ нашемъ матеріалѣ удѣляется меньше вниманія, чѣмъ вышеназваннымъ. Поразительно, что полъ мало заинтересовываетъ ребенка, да и то—въ болѣе старшемъ возрастѣ. Во многихъ, очевидно, болѣзненныхъ случаяхъ половые органы рано и усиленно начинаютъ занимать сознание, и иногда на первомъ году жизни обнаруживаются даже порочныя склонности; но нормальный ребенокъ не замѣчаетъ половыхъ органовъ и не интересуется ими. Ребенокъ часто задаетъ вопросы, но получаемые имъ отвѣты легко удовлетворяютъ его любопытство и охлаждаютъ интересъ. Шестидесять три дѣвочки ожидали, что, подростя, они превратятся въ мальчиковъ, и четырнадцать мальчиковъ надѣялись стать позже дѣвочками. Такая перемѣна связывалась, однако, въ ихъ представленіи не съ измѣненіемъ органовъ, а, главнымъ образомъ, лишь съ измѣненіемъ платья. Почти то же самое можно сказать о пупѣ и о соскахъ. Можно было бы посвятить короткую главу развитію сознания этихъ частей, но она носила бы преимущественно патологическій характеръ и потому, несмотря на представляемый ею психологическій интересъ, она не входитъ въ рамки настоящей статьи. Акты и продукты кишечныхъ испражнений и мочеиспусканія сосредоточиваютъ на себѣ интересъ ребенка въ теченіе известнаго времени въ едва ли меньшей степени, чѣмъ приниманіе пищи и питья; многіе скатологическіе обычаи дикихъ народовъ находятъ себѣ параллель въ дѣйствіяхъ дѣтей, на которыхъ мы не можемъ здѣсь остановиться.

Языкъ притягиваетъ къ себѣ, точно магнитъ желѣзо, вниманіе маленькихъ дѣтей; они часто ощупываютъ его, теребятъ, высовываютъ, придаютъ ему всевозможныя формы и производятъ имъ различные щелкающіе звуки и шумы. У многихъ дѣтей появляется сильная боязнь проглотить или потерять собственный языкъ. Любопытно

наблюдать, какъ буквально нѣкоторыя дѣти принимаютъ названія, употребляемыя по адресу языка, и какъ они боятся, чтобы его не отрѣзали или не откусили, и пытаются наказать свой языкъ за неповиновеніе или, позже, за ложь. Одинъ четырехлѣтній мальчикъ, котораго строго выбрали за сказанную имъ ложь, началъ тянуть себя за языкъ съ намѣреніемъ вырвать его и добился того, что изъ языка пошла кровь. Прикосновеніе языкомъ— дѣтская игра, и дѣти часто подзадориваютъ другъ друга потрогать кончикомъ языка ледъ, вещества, возбуждающія тошноту и т. д. Нѣкоторыя дѣти склонны лизать щеки, шею и руки тѣхъ людей, которыхъ они желаютъ поласкать; имъ хотѣлось бы также лизать морды кошкамъ, собакамъ, лошадямъ и коровамъ. У нѣкоторыхъ дѣтей упорно держится склонность облизывать твердые пищевые продукты и лакать жидкости; довольно многія переживаютъ особый періодъ желанія посмотрѣть и при случаѣ ощупать языки у другихъ дѣтей и даже у животныхъ: иногда завѣтнымъ желаніемъ группы маленькихъ дѣвочекъ является имѣть самый маленькій языкъ, и это желаніе вліяетъ на ихъ манеру говорить. Когда сознаніе языка достигаетъ высшей степени развитія, дѣти обнаруживаютъ иногда пристрастіе къ особеннымъ положеніямъ языка; улыбаясь, они просовываютъ языкъ между слегка пріоткрытыми рядами зубовъ или придаютъ ему другія положенія, искусственно создающія на лицѣ выраженіе смѣха. Несомнѣнно, языки очень отличаются одинъ отъ другого въ степени подвижности; у нѣкоторыхъ дѣтей языкъ можетъ принимать самыя разнообразныя и неожиданныя положенія. Въ тѣсной связи съ языкомъ находятся первыя формы сознанія голоса, когда создаются всѣ разновидности свойства звуковъ: низкіе и высокіе звуки, громкіе, сильные и мягкіе, слабые, придыхательные и вокальные, прищелкивающіе, гортанные, протяжные и отрывочные и, наконецъ, дрожащіе и увѣренныя подражанія музыкальнымъ тонамъ, вѣтру, скрипу колесъ и крику животныхъ и младенцевъ.

Ногти пальцевъ отъ ногъ и особенно пальцевъ рукъ не всегда привлекають къ себѣ вниманіе, но по временамъ очень ярко представлены въ сознаніи, и тогда ребенокъ сильно боится, какъ бы ихъ не отрѣзали, боится также, когда ихъ разсматриваютъ. Онъ созерцаетъ ихъ, осязаетъ, теревитъ, кусаетъ; у нѣкоторыхъ дѣтей появляется странная склонность къ царапанью. Она направлена на большинство осязаемыхъ предметовъ и есть одинъ изъ способовъ изслѣдованія предметовъ окружающей среды. Для ребенка недостаточно только видѣть и осязать предметъ, нужно еще поцарапать его съ разныхъ сторонъ,—тогда только достигается полное знаніе его. Получаемыя такимъ образомъ ощущенія—единственныя въ своемъ родѣ и составляютъ особый классъ. Одинъ германскій врачъ совѣтуетъ въ своемъ сочиненіи по медицинѣ не отпускать у дѣтей длинныхъ ногтей, подъ которыми накопились бы бактеріи, но, съ другой стороны, оставлять ногти достаточной длины—ради сохранения и развитія вышеупомянутыхъ ощущеній. Склонность царапать во гнѣвѣ лицо очень сильна у нѣкоторыхъ дѣтей и носить кошачій характеръ; поэтому, во избѣжаніе опасныхъ послѣдствій, необходимо посвящать ногтямъ ребенка спеціальныи уходъ. Многія дѣвочки, по даннымъ нашихъ матеріаловъ, обнаруживаютъ, очевидно, болѣзненную чувствительность къ малѣйшей негладкости ногтевыхъ краевъ; шероховатости вызываютъ у нихъ симптомы, напоминающіе гусиную кожу. Упоминается еще объ одномъ ребенкѣ съ болѣзненной склонностью, иногда наблюдаемой при помѣшательствѣ и потерѣ чувствительности, совать кусочки дерева, шерсти и другіе малые предметы подъ ногти.

Отмѣчены многіе случаи особаго вниманія къ различнымъ частямъ тѣла. Нѣкоторыя дѣти обладаютъ спеціальнымъ сознаніемъ плечей, подбородка, величины и формы рта, лодыжки ноги, запястья, затылка, и каждая ненормальность или недостатокъ неизбѣжно становится мѣстопребываніемъ повышеннаго самосознанія. Можетъ

быть, склонность дѣлать гримасы—лишь одинъ изъ видовъ развивающагося самосознанія, а если такъ, то этому развитію несомнѣнно способствуетъ привычка выворачивать каждый суставъ до крайней возможности, проявляя активность или оставаясь пассивнымъ.

„Я“ познается, вѣроятно,—сначала несовершенно,—какъ все, что включено въ кожу, а „не-я“, какъ все, находящееся извнѣ. Предлагались многіе хитроумные, неразрѣшимые вопросы, въ родѣ: какія части клѣтки животворны и дѣятельны и какія мертвы, пассивны или продукты разложенія; когда пища настолько ассимилируется, что становится дѣйствительно частью физическаго „я“. Въ нѣкоторомъ смыслѣ все, чѣмъ мы обладаемъ, есть часть нашего физическаго „я“, но пища, будучи проглоченной, попадаетъ въ трубку, проходящую черезъ физическое „я“, и столь же объективна для послѣдняго, какъ если бы она прикладывалась къ внѣшней поверхности тѣла. Маленькому ребенку приходится знакомиться съ очертаніями своей личности медленно и постепенно; процессъ ознакомленія начинается съ болѣе подвижныхъ частей; туловище познается послѣднимъ и наименѣе совершенно, такъ что дѣти достигаютъ школьнаго возраста, прежде чѣмъ получаютъ опредѣленное представленіе о скрытыхъ частяхъ и особенно объ органахъ, не доступныхъ осязанію; объ этомъ свидѣлствуетъ частое небреженіе мальчиковъ къ волосамъ на задней части головы. Ихъ рисунки, всегда изображающіе голову и члены, затѣмъ, можетъ быть, пальцы на рукахъ и ногахъ и лишь подъ конецъ тѣло, являются прекраснымъ показателемъ этого прогресса.

II. Соматическое сознаніе ребенка не поднимается вначалѣ надъ поверхностью тѣла. Кожу ребенокъ изслѣдуетъ всячески: щиплетъ ее, теревитъ, цапаетъ и т. п., но сначала она отнюдь не представляется ему цѣльной, ограничивающей поверхностью, позже же обычны вопросы, въ родѣ: „Могу ли я выпрыгнуть изъ своей кожи, а кто-нибудь влѣзть въ нее? Подой-

деть ли она къ другому, можетъ ли вытягиваться, сокращаться и т. д. Какъ бы мнѣ выльзти изъ нея? Какой у меня будетъ тогда видъ?“ и т. д. Обильное умываніе и натираніе развиваетъ сознаніе кожи, и, по утвержденіямъ многихъ изъ нашихъ корреспондентовъ, зудъ и почесываніе кожи вызываютъ специальное вниманіе къ ней. Дѣти часто испытываютъ большое удовлетвореніе въ поглаживаніи и ласканіи самихъ себя и другихъ лицъ; нервныя изъ нихъ обнаруживаютъ чрезвычайную чувствительность къ малѣйшей шероховатости. Наиболѣе яркія впечатлѣнія въ дѣтствѣ—кожныя.

Въ возрастѣ между тремя и пятью годами ребенокъ обыкновенно начинаетъ замѣчать кости и предлагаетъ окружающимъ множество вопросовъ о твердыхъ вещахъ подъ кожей. Нѣкоторыя дѣти считаютъ свои кости деревянными или желѣзными, или каменными и т. д. Когда они узнаютъ, что ихъ скелетъ состоитъ именно изъ костей и ничего другого, ими овладѣваетъ сильный, хотя лишь временный страхъ, какъ бы кости не сломались или какъ бы собаки и другія животныя, любящія кости, не съѣли ихъ; иногда ихъ пугаетъ сознаніе, что внутри ихъ находится ужасный скелетъ; существуетъ много любопытныхъ разновидностей костей—привидѣній, и ребенокъ засыпаетъ взрослыхъ вопросами о цѣли, матеріалѣ, величинѣ и формѣ костей. Судя по нашему матеріалу, колѣнная чашка—первая кость, которая становится объектомъ specialнаго интереса; за нею слѣдуетъ локоть и далѣе запястье и суставы. Кости являются обыкновенно первымъ и на время главнымъ предметомъ любопытства внутри тѣла; открытіе, что у кошекъ и собакъ также есть кости, часто цѣлое событіе для дѣтей, ихъ размѣры часто значительно преувеличиваются, а объ ихъ формѣ ведутся любопытные споры.

Затѣмъ слѣдуетъ желудокъ. Ощущенія переполненія и часто боли и ассоціаціи желудка съ пищею и питьемъ устанавливаются рано. Многія дѣти увѣрены, что вся

внутренность тѣла, за исключеніемъ костей, есть вмѣстилище для пищи, наполняющей также руки и ноги; если прорѣзать гдѣ-либо кожу, думаютъ они, можно найти подъ ней пищевую начинку. Нѣкоторыя дѣти полагаютъ, кромѣ того, что пища, отвердѣвая, непосредственно превращается въ кости. Часто капризы въ связи съ аппетитомъ объясняются вліяніемъ невѣроятнѣйшихъ представленій о пищеварительномъ каналѣ. Многія дѣти представляютъ себѣ тѣло набитымъ опилками или хлопкомъ, наподобіе подушечки для иголокъ, или землей, изъ которой былъ сдѣланъ человѣкъ, или всякимъ соромъ. Когда при прокалываніи и пораненіи кожи показывается кровь, у дѣтей возникаетъ представленіе—въ немъ виноваты помимо того несомнѣнно неудовлетворительные отвѣты на дѣтскіе вопросы—будто все тѣло есть кожа или пузырь, наполненный кровью, и если ударить по немъ, кровь вытечетъ наружу, и тѣло сморщится въ комочекъ, подобно лопнувшему воздушному шару. Они часто подмѣчаютъ біеніе сердца и думаютъ, что кто-нибудь постукиваетъ внутри ихъ; у нихъ въ воображеніи складывается даже опредѣленный образъ этого внутренняго человѣчка; они знаютъ, какъ онъ выглядитъ и какъ постукиваетъ. Немногіе органы внутри тѣла возбуждаютъ въ ребенкѣ такое сильное любопытство, какъ сердце, но дѣтскіе вопросы показываютъ, что это любопытство объясняется въ значительной степени ассоціаціей сердца съ жизнью и душой, которая часто отождествляется съ нимъ даже по формѣ. Когда дѣти замѣчаютъ дѣятельность дыханія, они почти всегда начинаютъ экспериментировать; они выдыхаютъ столько воздуха, сколько только возможно и вдыхаютъ наибольшее возможное количество; дышать то съ чрезвычайной быстротой, то съ чрезвычайной медленностью, то грудью, то животомъ и особенно часто и охотно задерживаютъ дыханіе, соперничая въ продолжительности другъ съ другомъ; такимъ образомъ высшіе центры научаются владѣть рефлекс-

торнымъ аппаратомъ. И опять сыплятся дѣтскіе вопросы: „Почему мы дышимъ? А животныя, растенія, Богъ и т. д. тоже дышать? Что такое дыханье?“ Дѣтей иногда преслѣдуетъ болѣзненный страхъ, какъ бы внезапно ни пріостановилось ихъ дыханье, и многія изъ нихъ рѣшаютъ не засыпать, чтобы имѣть возможность предупредить это несчастье. Въ это время развивается иногда боязнь закрытыхъ помѣщеній, необычайный страхъ оказаться запертымъ въ нихъ, въ клозетахъ, въ сундукахъ и задохнуться тамъ. У нѣкоторыхъ дѣтей на долгое время сохраняется представленіе, что тѣло—пузырь, наполненный воздухомъ; другихъ охватываетъ паническій страхъ при видѣ собственнаго дыханья въ морозный день—это улетаетъ ихъ душа, такъ думаютъ они. Можетъ быть, въ древнемъ предположеніи, будто человѣкъ можетъ летать во снѣ, была частица истины, и когда во время кошмара намъ представляется, будто мы поднимаемся на воздухъ и летимъ,—это легкія въ своей работѣ вызываютъ мысль о крыльяхъ.

Нужно признать открытіемъ величайшей важности, если эта направленная вовнутрь мысль устанавливаетъ то, чему научается деревенскій мальчикъ при видѣ убоя скота. Подобнаго рода опытъ, конечно, поверхностенъ и не связанъ съ объясненіями, но онъ вноситъ значительныя и благодѣтельныя поправки въ этотъ родъ самосознанія, давая ребенку представленіе о природѣ внутреннихъ органовъ и ихъ взаимоотношеніяхъ. Вотъ два наиболѣе часто повторяющихся вопроса, во-первыхъ: „Почему у меня есть желудокъ, глаза, руки?“ и т. д. или вопросъ, отыскивающий цѣль и употребленіе; и во-вторыхъ: „Есть ли у другихъ человѣческихъ существъ и животныхъ тѣ же органы?“ Сообщение, что у родителей, товарищей по игрѣ или у собаки, лошади и коровы есть ноги, глаза, зубы, уши, желудокъ и сердце, всегда вызываетъ у ребенка чувство интереса и удовольствія. Ни у одного ребенка, понятно, всѣ эти опытыя данныя не занимаютъ перваго плана въ сознаніи,

но у всѣхъ дѣтей есть нѣкоторый опытъ, и всѣ, несомнѣнно проходятъ—одни болѣе, другіе менѣе сознательно—черезъ опредѣленныя фазы развитія, послѣдовательность которыхъ, правда, все еще не установлена. Внутреннія ощущенія и понятія, какъ мы увидимъ ниже, наиболѣе тѣсно ассоціируются съ дѣтскими понятіями о душѣ.

III. Третій элементъ въ дѣтскомъ сознаніи, обыкновенно не включаемый въ качествѣ фактора въ понятіе „я“, но заслуживающій вниманія, это—одежда и украшенія; нашъ матеріалъ изобилуетъ данными по этому вопросу. Кольца на пальцахъ рукъ или въ ушахъ, ботинки и перчатки привлекаютъ взоръ ребенка къ соотвѣтствующимъ частямъ тѣла, и перемѣна одежды часто влечетъ перемѣну въ склонностяхъ и чуть ли не характерѣ. Въ теченіе второго года жизни этотъ элементъ часто достигаетъ значительнаго развитія. Вѣроятно, въ соотвѣтствіи съ выдающимся положеніемъ ноги въ дѣтскомъ сознаніи, новая пара башмаковъ производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и новое платье. Гораздо позже и перчатки получаютъ важное значеніе. Особенно поражаетъ, какую притягательную силу представляетъ для маленькихъ дѣтей какая-нибудь частность или мелочь въ родѣ башмаковъ съ пряжками, чулокъ съ украшеніями, куртки съ блестящими пуговками, шляпы съ перомъ, кусочка мѣха—тамъ или ленты—здѣсь, пряжки на поясѣ. Также первый карманъ, первые штаны, подтяжки, длинное платье, первые часы, зонтикъ, муфта, перчатки, кольцо, шейныя украшенія, стоячій воротникъ, духи, новая прическа, первый поясъ, первая брошка, вуаль—все это запечатлѣвается въ памяти живѣйшимъ образомъ, все это сыграло важную роль въ воспитаніи самосознанія. Стремленіе привлечь вниманіе окружающихъ къ новымъ вещамъ, часто дѣлающее дѣтей смѣшными, проявляется иногда особенно сильно по отношенію къ чужимъ и иногда по отношенію къ друзьямъ. Это важное нравственное различеніе. Для боль-

шинства дѣвочекъ всѣ новыя принадлежности одежды и украшенія становятся вдвойнѣ дорогими, если онѣ нравятся тѣмъ, кого дѣвочки знаютъ и любятъ, и, наоборотъ, теряютъ всю прелесть, если эти лица не обращаютъ на новинки никакого вниманія.

Лотце считалъ страннымъ образомъ свои три закона объ украшеніи человѣкомъ своего тѣла, въ которыхъ онъ пытался объяснить удовлетвореніе одеждой, столь же важными, какъ законы Кеплера въ области астрономіи. При прикосновеніи къ какому-нибудь предмету палкой мы инстинктивно анализируемъ наши ощущенія и разлагаемъ ихъ на ощущенія отъ соприкосновенія руки съ палкой, приписывая остатокъ предмету, касающемуся другой стороны палки. Такимъ образомъ, мы получаемъ своеобразное удовольствіе, когда наше сознаніе проходитъ черезъ все, что съ нами соприкасается, и это мы чувствуемъ въ тѣхъ принадлежностяхъ одежды, которыя удлиняютъ наше тѣло—и вмѣстѣ съ нимъ какъ бы увеличиваютъ нашу личность—со стороны головы или ногъ; сюда относятся высокіе ботинки, ходули, шапки, головныя украшенія и т. д. Лотце полагаетъ, что всѣ разновидности чувства измѣняются параллельно съ измѣненіемъ вышины и формы предметовъ, перемѣщающей центръ тяжести; особенное удовлетвореніе получается, когда равновѣсію угрожаетъ малѣйшая опасность. Мы чувствуемъ вѣтеръ или наши собственныя движенія весьма различно, въ зависимости отъ формы шляпы, иначе, если она высокая, иначе, если она широкая, надѣта набекрень или тяжелая. Во-вторыхъ, висящая, свободно болтающаяся или легко взвивающаяся одежда, вслѣдствіе измѣненія напряженія въ различныхъ направленіяхъ, вызываетъ въ насъ самое пріятное самочувствіе, преимущественно на периферіи или въ граціозныхъ кривыхъ линіяхъ ея свободно движущихся концовъ: шлейфъ, скользящій за нами по полу, подобенъ новому органу, обогащающему насъ новымъ чувствомъ. Кольца, ленты, серьги, часы, шарфы и все, что виситъ и болтается,

предпочитается молодежью не столько въ цѣляхъ выставить это на показъ, сколько ради удовлетворенія изысканнаго чувства давленія, не удовлетворяемаго новѣйшими модами, которыя изгнали распущенные, развѣвающиеся волосы. Наконецъ, наше самочувствіе переноситъ впечатлѣнія, получаемыя нами отъ нашей собственной одежды, ея крѣпости, жесткости или толщины, на форму или вѣсъ нашего дѣла. Давленіе корсета, полагаютъ Лотце, вызываетъ чувство болѣе сильнаго и эластическаго существованія; такъ и поясъ, браслеты и особенно первые штаны съ подтяжками даютъ пріятное чувство бодрости, упругости и выпрямленности. Если этотъ взглядъ правиленъ, то, слѣдовательно, мы восхищаемся складками красиваго, хорошо сидящаго платья не изъ за его красоты, а вслѣдствіе того, что мы безсознательно воспроизводимъ въ себѣ пріятное ощущеніе, испытываемое тѣломъ хозяйки платья. Такъ и фальшивая рука или нога вызываетъ въ обладателѣ ея иллюзіи относительно границъ его собственнаго тѣлеснаго существованія.

Это—очень крайній взглядъ. Большое удовольствіе, испытываемое въ дѣтствѣ при ношеніи новыхъ и красивыхъ вещей, объясняется желаніемъ вызвать къ себѣ съ ихъ помощью вниманіе и интересъ окружающихъ. Нашъ матеріалъ изобилуетъ сообщеніями о дѣтяхъ, хвастающихъ новою одеждою; они стараются привлечь къ ней вниманіе самымъ суетнымъ и смѣшнымъ образомъ. Больше того, тотъ фактъ, что дѣти предпочитаютъ носить легкія и тонкія платья, вмѣсто болѣе удобныхъ тяжелыхъ, слишкомъ узкіе ботинки, считая ихъ болѣе привлекательными, и платья, неудобно толстыя или тонкія въ опредѣленныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуетъ о господствѣ мотивовъ, оставляемыхъ Лотце безъ вниманія. Главный вопросъ, особенно у дѣвочекъ, не въ томъ, удобно и пріятно ли платье въ носкѣ, а какъ оно выглядитъ, и та же точка зрѣнія является рѣшающей по отношенію къ невидимымъ для постороннихъ частямъ

одежды. Всегда хорошо одѣтый ребенокъ научается избѣгать дѣйствій и среды, которыя могли бы испачкать его платье и становится чистоплотнымъ, разборчивымъ, щеголеватымъ, требовательнымъ и изиѣженнымъ. Съ другой стороны, ребенокъ, одѣтый бѣдно и грубо, приходитъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ окружающимъ его міромъ и приобретаетъ болѣе реальныя и существенныя знанія. Трудно сказать, кто испытываетъ большее удовольствіе: обычно хорошо одѣтыя дѣти, когда имъ въ исключительныхъ случаяхъ позволяютъ надѣть старое платье, которое уже нельзя испортить, и побѣгать босикомъ и безъ шляпы, отдавшись естественной свободѣ; или очень бѣдно одѣтыя дѣти, которымъ счастливый случай подарилъ красивыя платья, давъ имъ возможность испытать роскошь хорошей одежды. Иногда дѣтьми овладѣваетъ настойчивое влеченіе снять съ себя часть или даже всю одежду, стѣсняющую ихъ. Панталоны, какъ ихъ обыкновенно шьютъ, антифизиологичны и антигигиеничны, и многое можно было бы сказать въ пользу болѣе рациональной одежды для боковъ и бедеръ. Извѣстны случаи постоянного самообнаженія въ дѣтствѣ, носящіе болѣзненный и атавистическій характеръ. Изъ трехъ функцій одежды: служить защитой, украшеніемъ и удовлетворенію сознанія собственнаго „я“, по Лотце, мы должны, я полагаю, признать за первую наибольшую важность; послѣдняя выполняется въ дѣтствѣ рѣже всѣхъ остальныхъ, тогда какъ вторая бросается наиболѣе въ глаза. Многіе авторы упоминаютъ о развѣдающей формѣ само-сожалѣнія, съ какимъ дѣти смотрятъ на старое платье, замѣненное новымъ и лучшимъ; нѣкоторыя лица сохраняютъ для себя, а позже для своихъ дѣтей всѣ части и принадлежности одежды изъ своего дѣтства и младенчества и созерцаютъ ихъ позже со странными, трудно поддающимися описанію чувствами. На этой почвѣ происходятъ всякаго рода смѣшенія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначальное соматическое сознаніе человѣка подверглось въ значительной степени иска-

женію и преобразованію въ сознание одежды. Потребность въ чистой одеждѣ, чувствительность къ ткани и толщинѣ, мягкость и прилаженность къ формамъ тѣла,— вотъ, безъ сомнѣнія, всегда наличные элементы, и Лотце оказалъ дѣйствительную услугу, показавъ намъ, что одежда есть интегральная часть нашего самосознанія. Любовь взрослыхъ къ ношенію платья можетъ быть объяснена такимъ образомъ, но платья въ лучшемъ случаѣ—другое „я“ и, слѣдовательно, отчасти маскируютъ и извращаютъ первоначальное чувство физическаго „я“. Чистота тѣла, подобно чистотѣ платья, оказываетъ поразительное моральное вліяніе на дѣтей, мѣняющихъ свои манеры, нравъ, поведеніе и обнаруживающихъ свое лучшее „я“ послѣ того, какъ ихъ хорошо вымыли и моютъ часто и неизмѣнно. Разумное использование психологіи одежды можетъ принести большую пользу въ дѣлѣ воспитанія: необходимо установить для ребенка золотую середину между слишкомъ большимъ и недостаточнымъ самосознаніемъ, т. е. удерживать его въ равновѣсіи между чрезвычайной робостью и сверхъ-смѣлостью.

IV. Зеркало—факторъ большого значенія въ этомъ отношеніи, ибо ему дѣтство обязано болѣе опредѣленнымъ зрительнымъ образомъ собственной фигуры, чертъ, одѣянія, дѣйствій и т. д. Оно даетъ возможность человеку—въ противоположность примитивнымъ отраженіямъ въ водѣ—видѣть себя такимъ, какимъ его видятъ другіе; вмѣстѣ съ фотографіей оно придало самосознанію болѣе объективный и болѣе отвѣчающій реальной дѣйствительности характеръ. Видимые въ зеркалѣ образы—не тѣни и не „душеподобныя“, неясныя отраженія, они—дубликаты реального физическаго „я“. Мы обязаны этому источнику болѣе точнымъ и постояннымъ впечатлѣніемъ относительно того, красивыя или уродливыя ли у насъ черты, фигура, сложеніе или дѣйствія, и это даетъ намъ возможность болѣе безпристрастно сравнить себя съ другими. Истинное познаніе себя можетъ дѣйствовать какъ фаталистическое обезкураживаніе или стать

основой понятія о рангѣ; но, во всякомъ случаѣ, его наличность—элементъ большой важности. Многія дѣти спрашиваютъ о своей красотѣ или привлекательности до мельчайшихъ подробностей мать и товарищей по играмъ, и нужно признаться, что никакое самое вѣрное зеркало или фотографическая пластинка не предохраняютъ отъ воспримчивости къ лести. Если поднести разсерженныхъ или плачущихъ дѣтей къ зеркалу, они часто перестаютъ плакать и начинаютъ смѣяться. Многія дѣти ведутъ со своими изображеніями въ зеркалѣ длинные разговоры, обращаясь къ себѣ во второмъ лицѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ корреспондентовъ сожалѣютъ объ изобрѣтеніи зеркала, но большинство того мнѣнія, что каждому слѣдуетъ при случаѣ изучать собственныя черты, сложеніе, улыбку, походку, поклонъ и другія частыя дѣйствія или настаиваетъ даже, чтобы всѣ изучали свою фигуру спереди и сзади—такое изученіе должно войти въ привычку—въ цѣляхъ лучшаго знанія самого себя ради себя самого и ради друзей.

V. Имена, даваемые дѣтямъ, — важный факторъ въ развитіи ранняго чувства „я“.

Въ отвѣтъ на просьбу записать всѣ имена, даваемые дѣтямъ, не исключая самыхъ нелѣпыхъ изліяній материнской нѣжности, мы получили списки съ 780 различными выраженіями. Изъ нихъ 54 употреблялись обыкновенно съ приставкою слова „маленькій“, 14—съ приставкою „старый“, 5—съ приставкою „молодой“, 13—съ присовокупленіемъ—„мамы“ и 9—„папы“. Большинство изъ этихъ наименованій упоминалось всего одинъ разъ, но нѣкоторыя повторялись множество разъ. Любимымъ эпитетомъ было слово „любимецъ“; оно встрѣчается 52 раза; за нимъ слѣдуетъ „дорогой“ 49 разъ, бэби 41, сердечный 31, сокровище 31, сладкій 30, дѣтка 27, сладкій мицдаль 23, мальчуганъ, пуддингъ, замарашка, каждое слово по 20 разъ; мальчикъ 19, дѣвочка 16, ангель и голубчикъ, каждое слово по 15 разъ; птичка, болтушка, киска, булочка, цыпленокъ по 13 разъ; драгоценность и

кукла по 12 разъ; плутишка и милашка по 10 разъ; маргаритка, толстушка, кошечка по 9 разъ; ягненокъ и сынокъ по 8 разъ; драгоценный камень, дѣвчоночка, нагрудничекъ, милочка, солнечный лучъ по 7 разъ; обезьянка, плуть, комаръ, розовый бутончикъ по 6 разъ; конфекта 5 разъ; зайчикъ, толстячокъ, кудрявая головка, крикунъ, по 4 раза; и т. д.

Среди ласкательныхъ наименованій маленькихъ дѣтей имена животныхъ очень часты. Дѣтей называютъ: обезьяна, мартышка, козочка, поросенокъ, енотъ, козелъ и коза, киска, кошечка, собака, крыса, теленокъ, мышъ, синица, соня, корова, лошадка, бѣлочка, саламандра, горлица, ягненокъ и ягненокъ, улитка, головастикъ, выдра, устрица, крабъ, гусенокъ, цыпленокъ, голубокъ, утка, селезень, кукушка, реполовъ, голубь, черный дроздъ, ворона, сойка.

Распространены также имена изъ растительнаго царства, въ родѣ: яблочный цвѣтъ, сладкое яблоко, яблоко, запеченное въ тѣстѣ, сердцевина яблока, ранетъ, персикъ, рѣпа, орѣшина, жимолость, тыква, земляника, бутонъ, цвѣтъ, гвоздика, маргаритка, козодой, тюльпанъ, ранунокъ, макъ, львиная пасть, подсолнечникъ, пеонъ, анютины глазки, фасоль, курслѣпникъ, колокольчикъ, гяцинтъ.

Маленькихъ дѣтей называютъ иногда по имени какой-нибудь части тѣла или какого-нибудь физическаго свойства, напримѣръ: соня, кривоножка, пальчикъ, костлявый, толстунъ, шея, локоть, короткий, кожистый, карликъ, кудрявая голова, замарашка, растрепка, голубоглазый, свѣтлоглазый, бородавчатый, рыжий, шпилька, рогулька, камертонъ, соломенная голова (простофиля), тяжеловѣсный, упрямецъ, худой, снѣжный комъ, мизинецъ, негръ, золотоволосый, куколка, шумливый, метла, тычина, смуглый.

Даже одежда и другія внѣшнія вещи служатъ источникомъ для именъ, въ родѣ: башмакъ, панталоны, пуговка, рубаха, пахтанье, молочная каша, чучело, каретный фонарь.

Намеки на характеръ мы встрѣчаемъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ: старый филистеръ, недотрога, крикунъ, капризникъ, надоѣда, льстецъ, сумасбродъ, франтъ, грязнуха, трусь, баба, смѣльчакъ, миссъ независимость, миссъ непостоянство, миссъ противорѣчіе, овечья голова, вѣдьма, глупецъ, старая баба, свинопасъ, дезертиръ, сорванецъ, шельма, нахаль, плутишка, злодѣй, негодяй, мегера, низкій человѣкъ, мучитель, мягкосердечный, благочестивецъ, бродяга, славный малый, чурбанъ, упрямецъ, обворожитель, мошенникъ, бѣсенокъ, хвастунъ, грубіанъ, шалунья, весельчакъ, остроумецъ, плакучая ива, сахаръ, леденецъ, карапузикъ, скряга, необузданный, наушникъ, шутникъ, насмѣшница, удачникъ, слонтяй, чума, ханжа, жеманница, простофиля, болтунъ, неряха, сумасшедшій, чертенокъ.

Родственны съ вышеприведенными наименованіями тѣ, которыя указываютъ на характерные поступки, напримеръ: нерѣшительный, дрема, болтушка, тромбонъ, малышъ, переваливающийся съ ноги на ногу разгильдяй, липкій пластырь, клоунъ, потаскушка, искоренитель, сосунокъ, пьянчуга, милашка, трусь, пентюхъ, шарманка, ревунокъ, ласкатель, неловкій, пискунъ, буянъ (иронически объ очень смирномъ ребенкѣ).

Часто встрѣчаются имена, имѣющія отношеніе къ пищѣ и чувству осязанія: медъ, сладость, сахарный, конфекта, сахарный миндаль; лепешка, сахаръ, пирогъ, фрикадель, печеніе, сладкое блюдо, мятная лепешка, сливочный сыръ, шоколадный кремъ.

Въ нашемъ матеріалѣ встрѣчаются также слѣдующія повторныя и аллитеративныя наименованія: lovey-dovey (любовникъ), goly-poly, (круглый, толстенькій ребенокъ), kit-cat (лапта), hup-rup, airy-foiry (фея), unky-dunky, tootsy-wootsy (нога на дѣтскомъ жаргонѣ), popsy-wopsy (сердечко), flim-flam (безсмыслица), hodge-podge, nizzle-puzzle, soft-snap, bed-boy, bottle-boy, piggy-wiggy (свинка), nipperty-tuck, buz-fuz, till-the-bell, posey-woosy, lamie-wamie, bity-wity и т. д.

Наименованія изъ области сверхъестественнаго: ангель, купидонъ, дьяволенокъ, чортъ, идолъ, фениксъ, сфинксъ, вѣдьма, херувимъ, эльфъ.

Выдуманная лица—дѣйствующія лица изъ американской поэзіи и пѣсенъ—фигурируютъ въ такихъ наименованіяхъ, какъ: Анни Руней, Билль Най, Додо, миссъ Мэффетъ, Литль Бой Блу, Бэмпти-Дэмпти, Дядя Самъ, Джонъ Буль, Дикъ Терпинъ, Ту-Шусъ, Топси, королева Бессъ, Хопъ-о-Май-Зсэмъ, Пэнчъ и Джюди, Квиди, старый Джо Дженксъ, Орнери Джимъ, Мекъ Джинти, Джозуа Биллингсъ, Дикси, Робъ Рой.

Часто дѣтямъ даютъ, выражая этимъ ласкательное отношеніе, особыя собственныя имена, помимо ихъ обычныхъ именъ: Бекки, Тедди, Полли, Мэкъ Гэрди Пете, Гретхенъ, Молли, Салли, Бобъ, Патъ, Пегги, Нанси, Недъ, Лоретта, Либъ, Лизи, Мози, Жакъ. Часто одного ребенка осчастливливаютъ цѣлою цѣпью такихъ именъ: Бетси-Джонъ-Марія-Аннъ-Бетси-Рэббеджъ-Берни. Измѣненіе именъ и обмѣнъ ихъ съ товарищами, чтобы представляться себѣ самому на время другимъ лицомъ, должны имѣть особое значеніе, но, несмотря на весь ихъ интересъ, мы пока не въ состояніи вполне объяснить ихъ.

Слѣдующія наименованія употребляются больше изъ-за своеобразнаго сочетанія звуковъ, чѣмъ изъ-за ихъ значенія: lolly-pops (сладости), spooks, weezy, buggins, skee-sucks, coot (чурбанъ), thimble-rigger (плутъ), sniggle-fost, fliberty-gibbits, smuggie, chickarin, bodkin (другъ дома), slab-dab, pobs (знатные господа), nibs, nippy-haunner (глупецъ), gicks, gibbits, pot-snap, dot (карапузь).

Затѣмъ слѣдуютъ самыя разнообразныя наименованія: аборигенъ, товарищъ по комнатѣ, дѣтенышъ, шельмецъ, паренекъ, соплякъ, жвачка, звѣзда, бриллиантъ, бриллиантовое кольцо, магазинъ рѣдкостей, котенокъ, толстякъ, перлъ, лѣннivecъ, подснѣжникъ, индѣецъ, рубленая говядина, вау-вау, мамина жизнь, сердце, солнце, сокровище, драгоценность, пугало, шелушистый, воскъ, деревенщина, протакъ, цыпочка, пачкунъ, тряпичникъ.

До трехлѣтняго возраста одну дѣвочку называли не иначе, какъ папинъ чортикъ. Другую дѣвочку такъ долго называли куколкой, вслѣдствіе ея сходства съ одной опредѣленной куклой, что настоящее ея имя совершенно забылось. Третью дѣвочку ея дѣдушка продолжалъ называть крошкой, когда ей уже исполнилось девятнадцать лѣтъ. Мэри называла себя Вау или бэби, и это имя осталось за ней и въ замужествѣ. Ревилла была очень маленькой и потому получила прозвище Минни. Одну дѣвочку звали Дженни; въ восемь лѣтъ она потребовала измѣненія имени и отзывалась только на кличку Ида; Ида—такъ и осталось ея именемъ. Елисавета привыкла называть себя Либерти, и въ девятнадцать лѣтъ продолжала именоваться такъ же. Вплоть до восьми лѣтъ одного ребенка не называли иначе, какъ Зисси. Одна дѣвочка тринадцати лѣтъ не знаетъ другого имени, кромѣ прозвища карапузикъ, даннаго ей ея отцомъ. Пяти лѣтъ отъ роду маленькая Роза начинала гнѣваться, если ее не называли Элла, и ее стали называть Элла. Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка именовалась всѣми: „сладкая“, пока не пожелала называться Анной-Юліей; а одинъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, выросшій богатой теткой, зналъ только имя „добренькій“. Двое близнецовъ именовались до пяти лѣтъ бэби, но ихъ различали, часто присовокупляя описательные эпитеты „бородавчатый“ и „рыжій“. Одна дѣвочка убѣждала къ мистеру Ветцельстерну, почему ее прозывали до десятилѣтняго возраста Peggy W. (побѣгунья В.). Одного мальчика до одиннадцати лѣтъ называли просто мальчикъ. Иногда у дѣтей появляется потребность въ настоящемъ имени, когда они начинаютъ писать и ходить въ школу или не позже тринадцатаго года. Иногда дѣти совершаютъ обмѣнъ именъ или одинъ принимаетъ имя другого; одна дѣвочка называетъ себя, на примѣръ, Ида I, а другая Ида II. Для близнецовъ выбирали юмористическія имена, въ родѣ: Pete и Repeater, Max и Klimax, Kate и Duplicate и т. д.

Уменьшительныя имена концентрируютъ вниманіе въ болѣе сильномъ фокусѣ и имѣются во всѣхъ языкахъ. Дѣвочки въ переходномъ возрастѣ коверкаютъ свои имена, часто выбираютъ себѣ новыя и присовокупляютъ къ нимъ характерное іе; но пользоваться послѣдними могутъ исключительно ихъ ближайшія подруги. Такъ какъ въ англійскомъ языкѣ принято говорить всѣмъ вы (you), то это окончаніе іе по значенію должно замѣнить неупотребительное англійское ты (thou) и равносильно, напри- мѣръ, нѣмецкому Du, вмѣсто Sie, или французскому tu, вмѣсто vous. Общераспространенны также секретныя имена для самыхъ дорогихъ друзей. Мальчики же склонны къ болѣе грубымъ прозвищамъ. Новопоступившій школь- никъ сталъ называть своихъ товарищей Томасъ, Джемсъ, Уильямъ, вмѣсто Томъ, Джимъ, Вилли, за что его не возлюбили и прозвали нахаломъ. У родителей, считаю- щихъ нужнымъ называть своихъ дѣтей съ самаго ран- няго дѣтства полными именами: Елизавета, Маргарита, Софія, Робертъ и т. д.—къ этой группѣ принадлежитъ незначительное количество, но высоко достойное мень- шинство нашихъ корреспондентовъ и, кромѣ того, нѣ- которыя выдающіяся по своимъ педагогическимъ талан- тамъ воспитательницы дѣтскихъ садовъ—есть какой-ни- будь дефектъ въ сердцѣ или головѣ. Хотя нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ эпитетовъ кажутся зрѣлому со- знанію чрезчуръ слащавыми и приторными до тошноты, но ихъ обиліе говоритъ о многосторонности дѣтства, когда больше, чѣмъ въ какой-либо другой періодъ раз- нообразныя свойства расы проявляются въ индивидуумѣ, и каждое новое ласкательное имя становится новымъ проводникомъ для новыхъ родительскихъ чувствъ. Лю- бовь, будь то въ теченіе медовыхъ мѣсяцевъ или на золотой зарѣ истиннаго материнства души и тѣла, даетъ намъ нѣкоторое представленіе о первоначальныхъ по- бужденіяхъ, давшихъ начало именамъ и бывшихъ, мо- жетъ быть, однимъ изъ главныхъ источниковъ чело- вѣ- ческаго языка. Многія изъ этихъ наименованій отража-

ютъ самымъ яснымъ образомъ, какія слова могутъ наилучше обозначать черты тѣла, дѣйствія, предрасположенія и т. д., и это помогаетъ ребенку усвоить новыя точки зрѣнія на себя, прежде чѣмъ вся совокупность частей его тѣла получитъ этикетку въ видѣ одного единственнаго условнаго имени, утратившаго все свое нарицательное, коренное значеніе.

Гэппи, Борделей, Барберъ, Лонгъ, Дорсей и другіе ислѣдователи собственныхъ именъ показываютъ, что повсюду имена лицъ предшествуютъ всѣмъ другимъ, что въ Англии вторыя имена были почти неизвѣстны среди крестьянъ-землевладѣльцевъ до Норманскаго завоеванія; повсюду было нѣкогда время, когда каждый зналъ значеніе собственнаго имени и именъ другихъ лицъ. Многие изъ первоначальной исторіи можно возстановить съ помощью изученія именъ, иногда распространяющихся изъ одного центра; такого рода изученіе даетъ возможность специалисту разрѣшить проблемы, непонятныя съ точки зрѣнія науки о расѣ и языкѣ; поэтому-то не безъ основанія утверждали, что границы, напримѣръ, Эльзаса и Лотарингіи лучше всего опредѣлимы такимъ образомъ. Самыя старыя имена мы находимъ въ равнинныхъ и легко доступныхъ мѣстностяхъ: „горныя страны довольствуются этнологическимъ соромъ изъ равнинъ“; медленное возвышеніе женщины отмѣчается большимъ недостаткомъ женскихъ именъ, помимо именъ, образуемыхъ изъ мужскихъ съ прибавленіемъ женскихъ окончаній. Этимологическія коренныя значенія почти всѣхъ именъ имѣютъ тѣснѣйшую связь съ мѣстами, семьей, большими цеховыми производствами, въ родѣ шерстяного, съ моральными, умственными и физическими чертами, цвѣтами и животными, характеромъ ландшафта, рангомъ, должностью и родомъ занятій, мѣтологіей, войной и, наконецъ, съ вліяніями духовенства. Среди новѣйшихъ и западныхъ народовъ преобладаютъ мѣстныя имена, рѣдкія на Востокѣ и почти совершенно отсутствующія среди обитателей равнинъ, какъ у ара-

— 202 —

бовъ. Большинство собственныхъ именъ были сначала родовыми именами и выражало какое-нибудь свойство, общее многимъ индивидуумамъ. Возникновеніе промышленности, жизнь среди чрезвычайно разнообразныхъ условий, развитіе религіи, соціальной и политической организаци и расширеніе области знаній вообще вызвали процессъ увеличенія числа именъ и ихъ разнообразія, и въ настоящее время при наличности всѣхъ этихъ вспомогательныхъ средствъ и обширнаго интернаціональнаго хранилища, изъ котораго можно черпать, и при обычаѣ давать одному лицу нѣсколько именъ, почти каждый индивидуумъ, членъ большого сообщества, можетъ обладать только ему принадлежащимъ собственнымъ именемъ. Условность и произвольность большинства собственныхъ именъ открываетъ дорогу благозвучію, даетъ выраженіе волшебнымъ фантазіямъ, ассоціациямъ и даже суевѣріямъ, что отчасти объясняетъ частое изумленіе дѣтей, овладѣвающее ими самымъ неожиданнымъ образомъ, когда они вдругъ задумываются надъ своими именами; они начинаютъ тогда повторять ихъ и спрашиваютъ автоматически и почти повелительно: „Почему я Джонъ или Генрихъ? Что это означаетъ? Почему у меня такое странное и смѣшное имя? Былъ ли бы я совсѣмъ другимъ, если бы я назывался Эдуардомъ или Робертомъ? Что значитъ вообще Джонъ? Есть ли у меня или могу ли я получить другое, болѣе настоящее и подходящее имя? Какимъ я долженъ быть, называясь Джономъ?“ Часто звуку или виду напечатаннаго слова приписывается какое-нибудь человѣческое качество. Одинъ студентъ, по имени Мэкъ Интаиръ (Mc Intire), находилъ голову своего имени (Mac) слишкомъ большой для тѣла (Intire); онъ долженъ бы, молъ, выдѣлывать такія шины (tires); чувствовалъ себя усталымъ (tired); долженъ быть въ какомъ-нибудь смыслѣ цѣлымъ (entire); онъ радовался тому, что счастливо и навсегда избавился отъ опасности называться Mc Ginty (насмѣшливое прозвище), полагая, что ему дали его имя по какой-то случайно-

сти, такъ какъ оно предназначалось для другого лица,— ему представлялось невыносимо тяжелымъ всегда, можетъ быть, цѣлую вѣчность, носить все то же самое скучное (tiresome) имя и потому онъ хотѣлъ обмѣнять его на другое или какъ-нибудь очистить отъ ассоціаціи со столь произвольнымъ и таинственнымъ символомъ; временами ему казалось, будто его имя знамя и дѣломъ его жизни должно быть водрузить это знамя на вершинѣ славы, чтобы весь міръ произносилъ его съ благоговѣніемъ и восхищеніемъ: все это онъ мыслилъ и говорилъ въ напряженномъ, полусознательномъ состояніи, находясь точно въ полуснѣ, въ области мечтаній.

VI. Большинство дѣтей представляетъ себѣ душу или „я“ въ какой-нибудь особенной формѣ. (а) Въ отвѣтахъ, присланныхъ мистеромъ Стритомъ—о нихъ была рѣчь выше—144 ребенка представляли себѣ душу такою же, какъ и тѣло; то же явствуетъ изъ многихъ прибавочныхъ и дополнительныхъ отвѣтовъ на мой собственный опросный листъ. Душа—тонкая, похожа на привидѣніе, можетъ быть, голубоватая или свѣтло-сѣрая; она можетъ быть сдѣлана изъ тумана, мглы, дыма, облака, дыханья, газа, пара; она часто прозрачна; окружена оболочкой, изрѣдка окрашена въ какой-нибудь цвѣтъ; она легкая и потому въ состояніи парить; тонкая и можетъ проникать сквозь стѣны; иногда ребенокъ приписываетъ душѣ воздушную оболочку, потрясаемую страхомъ или физической дрожью. Она родственна тѣни или неясному отраженію въ водѣ, которое первобытный человѣкъ часто отождествлялъ съ душой; душа мала, какъ младенецъ или какъ образъ въ зрачкѣ глаза, или велика, какъ великанъ.

(б) Для многихъ дѣтей душа подобна нѣкоторымъ частямъ тѣла, для большинства—имѣетъ форму сердца и есть сердце въ сердцѣ; оно, можетъ быть, меньше, невидимо или есть особая часть сердца, или второе сердце надъ первымъ, позади него, или помѣщено въ стѣнкѣ сердечнаго мускула. Для другихъ душа не что

иное, какъ красная кровь или желудокъ, или животъ въ формѣ круглой чаши. Немногимъ она представляется печеню, огненнымъ языкомъ, особенною костью, легкими, мозгомъ, половымъ органомъ, пупомъ, пустой кожей или кожей, наполненной воздухомъ, флегмой, подлежащей выплевыванію и теряемой отчасти или всецѣло. Нѣкоторыя дѣти описываютъ душу въ видѣ головы съ крыльями, глаза, красивой, иногда прозрачной или брилліантовой руки или указательнаго пальца, или еще чаще ноги удивительной формы и цвѣта, или подошвы ноги (представленіе, внушенное сходствомъ словъ: по-англійски душа soul, подошва sole), или чего-нибудь помѣщеннаго въ ногѣ. Для нѣкоторыхъ душа—скелетъ, попадающій на небо или въ адъ.

(с) Затѣмъ слѣдуютъ животныя формы. Душу представляютъ себѣ голубемъ, бабочкой, орломъ, горлицей, мышью, червемъ, гусеницей, змѣей, паукомъ, кошкой, ястребомъ, райской птицей, бѣлымъ червякомъ, львомъ, волкомъ, въ зависимости отъ случайныхъ сходствъ въ звукахъ словъ или въ оборотахъ рѣчи. Эти формы часто ассоціируются съ господствующимъ у дѣтей представленіемъ, что они были или могутъ стать животными, и менѣе часто съ ихъ склонностью подражать дѣйствіямъ или звукамъ животныхъ. Но по этому пункту, какъ и по многимъ другимъ, наши данныя слишкомъ скудны, хотя они чрезвычайно интересны и намѣчаютъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій заманчивыя перспективы.

(d) Весьма распространены представленія о другихъ самыхъ разнообразныхъ формахъ души. Маленькія дѣвочки часто представляютъ себѣ душу цвѣткомъ въ полномъ цвѣту, распространяющемъ вокругъ себя благоуханіе—образъ, сохраняющійся надолго и способный принимать самыя утонченныя формы; онъ вызывается именемъ ребенка, пѣсней или рассказомъ. Мѣсто души въ воображеніи ребенка заступаетъ подчасъ бѣлый или ярко-окрашенный камень или драгоцѣнный

камень различной величины, формы и расположения, или горящій уголекъ, дрожащее, свѣтлое пламя или сверкающіе огненные языки. Звѣзды, кометы, вѣтры, шумы, облака, красныя отъ любви и зеленыя отъ ревности и т. д., все это отождествляется тѣмъ или другимъ ребенкомъ съ душой. Души уподобляются тонкимъ шнуркамъ или мягкому бархату; хорошія души—бѣлаго цвѣта, дурныя—чернаго, со всѣми промежуточными оттѣнками сѣраго. Мыльные пузыри — души, отрыжка, запахи, особенно возбуждающіе, — это объясняется, по ученію Егера (Jäger), обоняніемъ душъ; искры изъ пальцевъ—части души, а молнія—это новыя души, нисходящія съ неба на землю. Мы слышимъ души въ звукахъ эхо, словъ, голоса; рѣчь—душа, и животная теплота—тоже душа. Души могутъ имѣть форму яицъ, могутъ находиться какъ разъ посрединѣ тѣла, быть сдѣланными изъ печени; онѣ слишкомъ велики, чтобы быть въ состояніи выйти наружу черезъ ротъ, но вслѣдствіе болѣзни или подъ вліяніемъ несчастья или непріятнаго случая онѣ значительно съеживаются и сокращаются въ объемѣ. Онѣ—пергаментная бумага, можетъ быть, обвернутая вокругъ сердца, на которой вписываются наши поступки, особенно дурныя и гдѣ можно ихъ прочесть; или онѣ невидимы и живутъ на небѣ, нисходя въ тѣло лишь ко времени смерти. Можно имѣть нѣсколько, иногда даже много душъ. Гартлей Кольриджъ описывалъ обыкновенно свою душу въ трехъ видахъ: душу—образъ, душу—эхо и душу—тѣнь. Не только во снѣ, но и въ бодрствующемъ состояніи души могутъ далеко удаляться отъ тѣла и посѣщать далекія мѣста, могутъ потеряться, заблудиться или вовсе исчезнуть какимъ-нибудь волшебствомъ. Наши души состоятъ въ тѣсномъ общеніи не только съ Богомъ и мертвыми, но и съ душами животныхъ и растений, но въ отвѣтахъ ни разу не упоминается объ общеніи съ душами вещей, хотя послѣднее имѣетъ мѣсто по общему предположенію. Будучи десяти лѣтъ отъ роду, Луиза Алькотъ воображала

свой духъ круглой комнатою, а душу—крылатымъ животнымъ въ этой комнатѣ. Тамъ находятся полки для мыслей; хорошія изъ нихъ лежатъ на виду, а дурныя—подъ запоромъ, но и онѣ доступны. Нѣкоторыя смысленныя дѣти, даже уже въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ, не только не имѣютъ представленія о душѣ, но никогда и не задумывались ни о чемъ подобномъ; да прійди имъ подобныя мысли въ голову, они прогнали бы ихъ, какъ неосторожныя.

Многіе, если не большинство, этихъ взглядовъ—продукты вліянія картинъ, буквальныхъ толкованій фигуральныхъ выраженій, переживаній, которыя уже невозможно возстановить, и т. д.; но ихъ форма обусловлена также необходимостью для ребенка мыслить въ конкретныхъ терминахъ внѣшнихъ чувствъ. Отвлеченныя представленія хотя бы о жарѣ, воздухѣ, вѣтрѣ, эхо, запахѣ—трудная вещь. Психологи часто требовали, чтобы мы, мысля о душѣ, совершенно отвлекались отъ всѣхъ тѣлесныхъ формъ; приписывать душѣ форму, цвѣтъ, вѣсъ или опредѣленное мѣстопробываніе это—идолопоклонство или матеріализмъ; нужно старательно устранять не только всѣ метафоры внѣшнихъ чувствъ, на почвѣ которыхъ возникаютъ сами термины: психика, душа, духъ, spiritus, animus, но нужно помнить еще, что основной принципъ личности или „я“ не имѣетъ отношенія ни ко времени, ни къ пространству. Однако, такая радикальная чистка лишь замутняетъ мышленіе и можетъ сдѣлать науку и ея приложеніе къ воспитанію простымъ словопрениемъ и разрушить дѣйствительные критеріи для устраненія противорѣчій; кромѣ того, она вызываетъ грубыя реакціи, въ родѣ новѣйшаго спиритизма. Передъ нами, такимъ образомъ,—совершенно независимо отъ спора между матеріализмомъ и идеализмомъ,—проблема большого педагогическаго значенія: какіе образы и метафоры должно употреблять, какъ наиболѣе согласныя между собой, наиболѣе соответственны и полно выражающіе факты; какіе изъ этихъ

пережитковъ изъ временъ дѣтства слѣдуетъ сохранять хотя бы временно,—да и слѣдуетъ ли ихъ вообще сохранять,—и какіе устранять вовсе. До выработки, по крайней мѣрѣ, общаго понятія о томъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ наукѣ о душѣ или въ педагогикѣ, мы почти безсильны противъ самыхъ вредныхъ и противорѣчивыхъ теорій и ихъ практическихъ приложений. Изучаемъ и образовываемъ ли мы какой-то духъ или мозгъ, тѣнь или физиологическую структуру, голубое сердце, пламя или эхо, состояніе, френологическія шишки или все вмѣстѣ? Возможно ли мыслить гипотетическую матерію души въ рамкахъ и понятіяхъ современной гистологии и физиологии мозга, не навлекая на себя прямыхъ обвиненій въ матеріализмѣ? Грубое представленіе матеріи отступаетъ въ каждомъ пунктѣ передъ динамизмомъ, понятіемъ гораздо болѣе тонкимъ, чѣмъ любое изъ понятій духа было или могло быть до послѣднихъ десятилѣтій; сложныя сплетенія нервныхъ клѣтокъ и волоконъ, ихъ химическія свойства и быстрыя измѣненія молекулярныхъ состояній должны бы найти себѣ выраженіе въ неомонистической гипотезѣ о душѣ, которая займетъ—въ интересахъ педагогики—мѣсто вышеописаннаго нелѣпаго суевѣрія, удерживающагося въ качествѣ наслѣдія дѣтства до зрѣлыхъ годовъ.

Эти дѣтскія понятія не являются постояннымъ фономъ, совокупностью опыта, единствомъ въ многообразіи; они часто меньше соотвѣтствуютъ дѣйствительности, чѣмъ самыя обыкновенныя осязаемыя вещи; они не продукты психологической интерпретаціи или метафизическаго мышленія, и потому ученый психологъ естественно чувствуетъ своею первою обязанностью иконоборчество въ цѣляхъ превратить духъ новичка въ *tabula rasa*. На мой взглядъ это, однако, неправильно. Занимаясь съ молодыми студентами, онъ долженъ бы перевернуть нѣкоторые общепотребительные методы и, вмѣсто того, чтобы разсматривать „я“ подъ конецъ, какъ то дѣлаетъ теперь большинство психологовъ, мудрый

учитель начнет съ него, остановится на взглядахъ дикарей, дѣтей, на анимизмъ, на ученія о душѣ и разсужденіяхъ Платона и Аристотеля, коснется не безъ симпатіи теоріи обонанія Егера; объяснитъ доктрину о различныхъ чувствахъ; наименованія души; опишетъ миеологию душъ, огня, молніи, животныхъ; используетъ новѣйшій и древній спиритуализмъ, взгляды теософовъ, повторное воплощеніе и переселеніе душъ, погребальныя обычаи, представленія о поглощеніи и разсѣянніи, различные взгляды на происхожденіе душъ, различныя этическія понятія о посмертномъ существованіи души; отъ этихъ темъ онъ перейдетъ къ удовольствію, страданію, страху, гнѣву и другимъ инстинктивнымъ чувствамъ у животныхъ, затѣмъ къ разсудку и, подъ конецъ, къ внѣшнимъ чувствамъ. Такимъ путемъ ему удалось бы уничтожить оставшіяся отъ дѣтской эпохи ложныя понятія, заставить почувствовать антропоморфизмъ во всей его универсальной и принудительной силѣ и укрѣпить болѣе терпимое и симпатизирующее, чѣмъ критическое направленіе духа. Было большою ошибкой, что психологія такъ часто исходила изъ изученія ощущеній, которое—предпринятое теоретически или экспериментально—уже на самомъ порогѣ приводитъ въ замѣшательство всѣми своими сомнѣніями относительно реальности и природы знанія. Мѣсто для всего этого поближе къ концу, нежели къ началу философіи.

Душу самыми разнообразными приѣмами превращали въ „сущность“. Въ ней видѣли отколовшуюся часть *primum mobile*, эманацию Бога, одной съ Нимъ субстанции; учили о ея предсуществованіи на звѣздѣ или въ качествѣ звѣзды; она спустилась на землю добровольно или ее послали на землю, гдѣ она въ наказаніе должна принять тяжелую тѣлесную оболочку и переселяться изъ одного существа въ другое; ее создаютъ въ опредѣленный моментъ и внѣдряютъ въ зародышъ или она передается физически опредѣленнымъ

образомъ. Древній матеріализмъ понималъ подъ душой самую тонкую, легкую, наиболее прозрачную и всепроникающую матерію. Въ онтологическіе періоды ее разсматривали, какъ субстанцію съ изнутри присущими ей свойствами, ноуменальную вещь въ себѣ, облеченную въ способности или идеи, какъ явленія. Въ эпоху господства страха или угрожающаго послѣдняго суда особенно подчеркивалось ея простота и неразрушимость: огонь не можетъ погубить ее, она переживетъ, невредимая, даже ужасную космическую катастрофу любого изъ страшныхъ судовъ (*dies irae*). Въ началѣ господства математическаго мышленія ее мыслили точкой или безъ протяженія и теперь ее также часто описываютъ абсолютно внѣпространственной и внѣвременной. Сочетавъ воедино эти послѣднія трансцендентальныя черты, мы увидимъ, что никогда ничего не было столь невозможнымъ въ дѣйствительности и столь безнадежнымъ для познанія. Чудовища, рождаемыя иногда дѣтской фантазіей и абсолютно нежизнеспособныя, сочетаютъ въ себѣ меньше несоизмѣримыхъ и противорѣчивыхъ атрибутовъ. Подобная душа не только продуктъ пустой болтовни, но, можетъ быть, безсмысленнѣйшій *flatus vocis*, и избавленіе отъ такого представленія было бы чрезвычайно полезно для психологіи.

Духовное пониманіе психологическихъ процессовъ нашло значительную поддержку въ понятіяхъ нервовъ, хотя послѣднія въ настоящее время часто приводятъ въ замѣшательство, не соотвѣтствуя одно другому. Теперь какъ разъ наиболее распространена мода говорить о химическихъ молекулахъ, представляющихъ изъ себя нѣчто до извѣстной степени очень сложное, но въ дѣйствіи возвращающихся къ болѣе простому состоянію. Но мы соединили съ этимъ мысль о неустойчивости пирамиды, балансирующей на своей вершинѣ или падающей, а также о нагруженіи и разгруженіи. Эти химическія понятія связаны съ фосфоресценціей и сгораніемъ Льюнса, съ питательными процессами въ основѣ

жизни и духа, съ продуктами разложенія и т. д. и нуждаются въ тщательной новой разработкѣ. Дни Гальвани и Вольта, когда даже Гумбольдтъ напечаталъ два теперь устарѣвшихъ тома о чудесномъ возрожденіи ткани подѣ влияніемъ электричества, дали намъ много новыхъ понятій: положительныя и отрицательныя полярности, пунктъ безразличія, длинные и короткіе токовые круги, напряженіе, проводники, токи и т. д.; всѣ эти понятія полезны, хотя въ различной степени. Въ третьихъ, старое понятіе о вибраціи все еще оказывается пригоднымъ. Въ дни обширныхъ опытовъ Вебера, производимыхъ имъ въ Лейпцигѣ надъ волнами въ сосудѣ съ ртутью, колебаніе синуса почиталось чуть ли не ключомъ ко вселенной; мысль Гартлея, иногда странно смѣшиваемая съ платоновскимъ понятіемъ о душѣ, какъ объ арфѣ и о мозгѣ, наполненномъ жужжаніемъ и колебаніями и производящемъ эоловы гармоніи, дошла до насъ не только въ фактѣ симпатической дѣятельности органовъ Корти, но и въ шарлатанской рекламѣ объ излѣченіяхъ съ помощью вибрацій; эта же мысль естественно сочетается съ напряженіемъ требующей отдыха мускульной силы. Далѣе, мы обогатились понятіями ткани, образами переплетенныхъ нервовъ или сосудовъ, сложной структуры: здѣсь плотной и крѣпкой, тамъ свободной и газообразной; или, если ткань слишкомъ запутана, или, если усталость преодолѣетъ насъ, мы говоримъ, что элементы включены или ослаблены; затѣмъ, у насъ есть гидравлическая система трубъ или каналовъ, развѣтвляющаяся въ глубинѣ и владѣющая широкими и узкими путями, быстрыми или медленными и ненадежными или задержанными токами. Старое понятіе образовъ, фантомовъ, копій, образцовъ и т. д. при случаѣ и теперь еще выручаетъ насъ. Тогда какъ Гербартовская механика представленій, то поднимающихся надъ порогомъ, то парализующихъ, то усиливающихъ одно другое, широко пользуется аналогіями изъ области свѣта и тепла, борьбы за существованіе

давления, переслаивания и осадка, испарения и сгущения, и т. д., каждое изъ этихъ понятій обезцѣнивается въ прекрасно обставленной лабораторіи психолога и появляется въ облаченіи горячечной рубахи между чисто схематическимъ поясненіемъ и солидно обоснованной гистологіей и физиологіей, требуетъ постоянного измѣненія духовнаго регистра и, принятое слишкомъ серьезно, приводитъ въ домъ умалишенныхъ. Я попытаюсь показать позже, какъ можно использовать большинство этихъ понятій, избѣжавъ путаницы и предупредивъ ея возникновеніе въ будущемъ.

Психологіи нужна душа не только, какъ собирательное мѣсто понятій или какъ основа для категоріи и тождества, безъ чего невозможно сочетаніе мыслей; или какъ подстерегающее „я мыслю“, сопровождающее, по ученію Канта, всѣ духовные процессы; правда, кромѣ Канта, не всѣ такого мнѣнія; нѣкоторые думаютъ, что это „я мыслю“ есть просто скрипѣніе плохого духовнаго механизма. Психологія не удовлетворяется внутренней перцепціей, *sensus communis*, чувствомъ отношенія Чольбе, субъективнымъ „я“ Лотце, какъ „теоретическимъ объясненіемъ соматическаго самочувствія“; ни, далѣе, Гербартовской борьбой психическихъ элементовъ за самосохраненіе; ни однимъ изъ Брэдлеевскихъ шести родовъ самосознанія; ни поспѣшнымъ принятіемъ распространенныхъ понятій соціальнаго „я“; ни идеей союза личностей, на которыя духовное раздвоеніе при гипнотизмѣ иногда разлагаетъ человѣческую душу; ни также галлереей образовъ по памяти, составляющихъ біографію каждой личности,—на этой работѣ памяти Гоббсъ основывалъ тождество личности, а Шопенгауэръ видѣлъ въ ея пріостановкѣ причину помѣшательства.

Теперь многіе согласны въ томъ, что всѣ эти трудности допускаютъ практическое разрѣшеніе, если просто принять реальность болѣе или менѣе автономнаго „я“, какъ регулятивную гипотезу, и строить на ней дальнѣйшіе выводы, принимая, можетъ быть, мысль

Фрошаммера, что духъ развивается во внутрь, въ глубину, свободно и цѣльно, въ соотвѣтствіи со всѣмъ міровымъ процессомъ, который въ насъ и черезъ насъ превращается въ поступки и исторію. Области локализации внѣшнихъ чувствъ въ мозгу, повидимому, лучше соединены съ моторными центрами, чѣмъ между собой, и находятъ въ послѣднихъ то единство, которое недостаетъ имъ въ бездѣтельной жизни. Если современный человѣкъ стоитъ передъ растущей опасностью упадка и внутренняго распада, такъ какъ жизнь становится неподвижной и бездѣтельной, и если „я“, какъ то полагаетъ Гиртъ, есть лишь біологически полезная иллюзія, помогающая намъ болѣе прочно скрѣпить мозаику нашего синтеза личности, то это, по крайней мѣрѣ, платонически „благородная ложь“, которая должна предохранить насъ отъ непостоянства и капризовъ, отсутствія жизненной цѣли и родственныхъ опасностей практическаго характера; рядомъ съ ними самая большія ереси объ онтологической природѣ индивидуальности столь же незначительны, какъ аллотропическіе споры, была ли Иліада написана, дѣйствительно, Гомеромъ или другою личностью съ тѣмъ же именемъ.

Развѣ вышеприведенныя классификаціи дѣтскихъ идей о душѣ—оставимъ въ сторонѣ философскую склонность превращать душу въ субстанцію въ ученіяхъ, которыя, какъ ясно доказали изслѣдователи-психологи, лежатъ въ направленіи теоріи феноменальности—не показываютъ слѣдующаго: какъ извѣстныя формы обоженія природы у дѣтей готовятъ почву для высшей религіи въ болѣе позднее время, такъ достойный и измѣненный эпикурейскій матеріализмъ можетъ быть на извѣстной ранней ступени мышленія лучшей основой для понятій души, безсмертія и Бога, будучи, однако, дурнымъ и ложнымъ въ качествѣ конечной стадіи? Для педагогики „я“ этотъ матеріализмъ долженъ поэтому слѣдовать за разсмотрѣніемъ грубыхъ представленій о душѣ у дѣтей и дикарей. Во всякомъ случаѣ, онъ пред-

почтительнѣе эпифеноменальной психологіи или психологіи безъ души.

VII. Нѣкоторые философскіе интересы часто зарождаются очень рано и проявляются въ болѣе или менѣе автоматическомъ и мечтательномъ вопросѣ о цѣнности (а) чувственныхъ впечатлѣній. Многие корреспонденты описываютъ изъ собственнаго дѣтства или изъ жизни знакомыхъ дѣтей внезапные взрывы философской любознательности въ вопросахъ: существуютъ ли на самомъ дѣлѣ окно, дерево, рука и т. д., на которыя мы смотримъ? „Вы, дѣйствительно, ихъ видите?“ „Это, дѣйствительно, такъ или я вижу все во снѣ?“ Нѣкоторые предметы представляются вдругъ странными, причудливыми, смѣшными, и дѣти иногда щиплютъ самихъ себя, желая убѣдиться, что они бодрствуютъ, а не спятъ. Этотъ опытъ повторяется большею частью въ связи со зрѣніемъ и рѣже всего въ связи съ осязаніемъ и вкусомъ; обыченъ онъ также въ связи со слухомъ. „Откуда я знаю, что предметы не простой призракъ?“ Этого рода сомнѣнія вызываются, вѣроятно, нѣкоторыми явлениями изъ области ощущений, можетъ быть, какимъ-нибудь преходящимъ функциональнымъ отцѣпленіемъ, высвобожденіемъ изъ общей связи двигательныхъ или реакціонныхъ центровъ, и это возбуждаетъ вопросъ, распространимый на всю видимую вселенную. Сомнѣніе касается солнца, луны, звѣздъ, неба, облаковъ, далекихъ холмовъ, и ребенокъ требуетъ доказательствъ ихъ дѣйствительнаго существованія. Дѣти не отрываютъ иногда взора отъ предметовъ, точно загипнотизированныя ими, открываютъ и закрываютъ уши, глаза или и тѣ, и другіе одновременно, какъ бы желая провѣрить постоянство ощущений. Этотъ первоначальный скептицизмъ обнаруживается иногда впервые, когда дѣти въ первый разъ надѣваютъ очки или когда они рассматриваютъ вещи сквозь цвѣтные или темныя стекла. Подобныя соображенія часто овладѣваютъ ребенкомъ, когда онъ находится въ состояніи мечтательности или досужаго созерцанія. Юно-

шескія размышленія легко переходять въ фантастическія сомнѣнія относительно міра или вещей вообще. Душа видитъ привидѣнія, фантомы, вмѣсто привычной дѣйствительности. Такого рода впечатлѣнія, однако, нельзя считать гипнотическими, такъ какъ они иногда побуждаютъ духъ къ проявленію величайшаго интереса и активности. Это точно бы вдругъ произошло внезапное разъединеніе между чувствомъ и мыслью, зрительный аппаратъ объективировался необычайнымъ образомъ, и все получаемое черезъ его посредство не поддавалось больше изслѣдованію. Внѣшнія чувства работаютъ нормально, но они болѣе рефлексивны и автоматичны, чѣмъ обыкновенно. Можетъ быть, тогда впервые мысль или чувство заявляютъ о своей независимости отъ внѣшнихъ чувствъ и реализуютъ болѣе глубокую дѣятельность, болѣе внутреннюю и интимную, по сравненію съ которой предметы представляются тѣнями. Если такъ, то эти переживанія отмѣчаютъ собою быстрый ростъ болѣе самопроизвольнаго и жизненнаго „я“, пока міръ представляется на мгновенье миражемъ или галлюцинаціей; можетъ быть, эти явленія послужили отправной точкой для ученія Беркли, и его аргументы—такого же психологическаго происхожденія. Эти туманныя, бѣглыя переживанія неизбѣжно способствуютъ углубленію чувства „я“ или же они являются слѣдствіемъ уже углубленнаго „я“.

б) Не менѣе часты вопросы другой родственной категоріи: „Существую ли я на самомъ дѣлѣ?“ „Живу ли я дѣйствительно или только подобно кукламъ?“ „Что я такое?“ „Что значитъ быть „я“?“ „Что я дѣлаю, когда я думаю или что во мнѣ думаетъ, чувствуетъ, разговариваетъ и т. д.“ „Что дѣлаетъ мою душу и мое тѣло столь различными?“ „Когда вы бьете меня по рукамъ и ногамъ, вы раните меня, но не можете поранить мое настоящее внутреннее „я“. „Почему я не могу видѣть своихъ мыслей, когда закрываю глаза?“ „Какъ будетъ выглядѣть моя душа послѣ моей смерти?“ „Что такое

мое „я“, которое вы не можете видѣть, когда я закрываю глаза; или когда я прячу голову, вы можете видѣть только мое тѣло; или что движетъ моими ногами?“ „Что такое учить мои уроки?“ „Что остается во мнѣ по ночамъ, такъ что къ утру я остаюсь тѣмъ, чѣмъ былъ?“ „Почему я тотъ же, какимъ былъ въ младенчествѣ?“ „Что печалится или радуется во мнѣ и чувствуетъ себя счастливымъ?“ „Почему я оказался пораженнымъ, когда порѣзалъ себѣ пальцы?“ Многие разсказываютъ о самихъ себѣ, что по временамъ тотъ или другой изъ приведенныхъ вопросовъ всецѣло овладѣвалъ ими; отвѣты родителей не удовлетворяли ихъ, и они чувствовали себя утомленными, испуганными и полубольными, не будучи въ состояніи освободиться отъ навязчивыхъ вопросовъ. Можетъ быть, такъ обозначается заря истиннаго самосознанія, когда „я“ сначала лишь мелькаетъ, а затѣмъ улавливается. Ни одинъ изъ нашихъ отчетовъ не обнаруживаетъ и слѣда Юмовскаго скептицизма, но „я“ понимается въ нихъ, какъ субстанція и актуальность. Можетъ быть, теперь открыты новые источники внутренней энергіи и самопроизвольности, и въ новооткрытой независимости „я“ душа находитъ одну изъ новыхъ потенцій Фихте. Способность мыслить, чувствовать и хотѣть, независимо отъ деспотизма внѣшнихъ чувствъ и ихъ отраженій, обозначаетъ начало настоящей психической свободы, впервые проявляющей себя въ этихъ простыхъ іероглифахъ опыта. Во всякомъ случаѣ, я убѣжденъ, что къ проблемѣ теоріи познанія можно подойти съ новой, генетической точки зрѣнія и что описанныя явленія указываютъ на нее.

с) Совершенно отличны отъ обоихъ вопросовъ, о которыхъ только что шла рѣчь, частые дѣтскіе вопросы, указывающіе на возможность совершенно иного сознанія или я, чѣмъ нынѣ существующія. „Я—я самъ или нѣтъ?“ „Что меня дѣлаетъ тѣмъ, каковъ я есть?“ „Почему я не она или почему онъ не я?“ „Если бы не было

меня, было ли бы другое „я“ на моемъ мѣстѣ?“ Въ пятидесяти четырехъ отчетахъ описывается изумленіе дѣтей по поводу того, какъ бы это было, если бы ихъ отецъ, мать или оба вмѣстѣ были другими? „Если бы папа женился на В, чьей дѣвочкой я была бы?“ „Были ли бы у меня локоны?“ „Какъ бы я тогда чувствовала, поступала, глядѣла и существовала ли я бы вообще?“ Дѣти очень часто страдаютъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можетъ быть, втихомолку, изъ боязни, что ихъ лишь приняли за своихъ дѣтей, и на самомъ дѣлѣ папа и мама не ихъ настоящіе родители; все, что случается вокругъ нихъ, они толкуютъ съ этой предвзятой точки зрѣнія, вопреки всѣмъ увѣреніямъ въ противномъ. Часто они играютъ недѣлями и мѣсяцами въ особыя игры, въ которыхъ предполагается, что они—другія или у нихъ другіе родители. „Какое бы у меня было имя, если бы С. была моей матерью?“ „Былъ ли бы я на небѣ или я бы отправился туда, не спускаясь на землю, или меня бы вовсе не было?“ Дѣти иногда мысленно перебираютъ своихъ друзей, спрашивая себя, согласятся ли они стать на ихъ мѣсто или помѣняться мѣстами на время или ради улучшенія положенія. „Почему я не была М. (М.—другая дѣвочка, рожденная въ тотъ же день)?“ Нѣкоторыя дѣти желали бы проникнуть въ души другихъ, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ выглядить, разузнать секреты или стать другими. Нѣкоторыя воображаютъ себя другими, чтобы добиться, чувствуютъ ли эти другіе по отношенію къ намъ то же, что мы по отношенію къ нимъ, чтобы развлечься отъ скуки или узнать какъ выглядишь, когда краснѣешь и т. д. Имъ хотѣлось бы знать, что чувствуешь, будучи деревомъ или розой. Многія желали бы быть цвѣтами; одна смышленная дѣвочка четырехъ лѣтъ считала себя разговаривающимъ цвѣткомъ. Еще чаще встрѣчаются подражанія животнымъ или даже воплощенія въ животныхъ, конечно, воображаемыя. Одна дѣвочка пяти лѣтъ цѣлыми днями подражала лошади, другія усиливались пить, какъ ку-

рица, кошка или корова, или настаивали на томъ, чтобы имъ позволили сидѣть на яйцахъ, на жердяхъ, рядомъ съ курицами, увѣряли въ своемъ умѣньи летать до тѣхъ поръ, пока и сами почти повѣрили въ это.

Страсть къ разыгрыванію ролей почти универсальна среди дѣтей. Они подражаютъ самымъ разнообразнымъ людямъ и даже ихъ недостаткамъ. „Давай играть въ сестры“, соглашались двѣ сестры между собой, точно бы фикція родства прибавила прелести игрѣ или еще болѣе укрѣпила бы дѣйствительное родство. Кажется, точно дѣти по временамъ ненавидятъ себя за то, что у нихъ есть „я“ или они есть „я“ и чувствуютъ, что личность — не сущность, а явленіе; до тѣхъ поръ, пока они не приобретаютъ способности развернуть свои индивидуальныя особенности, они стремятся къ развитію чертъ, общихъ всему роду; имъ ненавистно быть разновидностью типа, и они точно хотѣли бы испытать на себѣ холодное дыханье возвышеннаго равнодушія природы и философіи. Одна пятилѣтняя дѣвочка боролась иногда съ вопросомъ: „Не собака ли я, ставшая на заднія лапы?“ Въ своихъ играхъ дѣти превращаются въ столбъ, уличный фонарь, скалу, стулъ, зеркало, столъ, дерево и т. д. Только пятеро дѣтей изъ всей массы утверждали, что они долго и послѣ сознательнаго размышленія желали стать другими. Одна шестилѣтняя дѣвочка пришла въ сильное возбужденіе изъ-за того, что она не могла и не хотѣла быть самой собой: это было слишкомъ страшно. Когда дѣти находятся въ раздраженномъ состояніи или когда другіе не исполнили какой-нибудь ихъ просьбы, они часто желаютъ быть кѣмъ-нибудь другимъ. Дѣвочки часто хотѣли бы быть мальчиками и часто ожидаютъ, что въ болѣе старшемъ возрастѣ, дѣйствительно, ими станутъ; или, наоборотъ, боятся, какъ бы имъ не стать мальчиками. Другія боятся ночью, что слѣдующимъ утромъ онѣ проснутся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; нѣкоторыя сильно страдаютъ изъ-за боязни потерять здоровый смыслъ или стать идиотами или сумасшедшими.

Особенныя черты, свойства, совершенное воспитаніе, мозгъ, желудокъ, знанія, музыка, талантъ, предрасположенія и еще чаще богатство и жизненныя обстоятельства другихъ очень часто служатъ предметомъ желаній, но преобладающее большинство дѣтей довольно своимъ „я“ и не хотѣли бы превратиться въ кого-нибудь другого, всего менѣе въ нѣкоторыхъ несимпатичныхъ лицъ. „Я радъ, что папа нашель меня раньше всѣхъ другихъ, такъ какъ они подмѣнили бы меня“. „Вы желали мальчика, но не знали, что это буду я“, сказала одинъ четырехлѣтній мальчикъ. „Чѣмъ я былъ до того, какъ пришелъ въ міръ?“ „Вещи были такими же, прежде чѣмъ я родился, и останутся безъ перемѣны послѣ моей смерти или, можетъ быть, ихъ тогда совсѣмъ не будетъ?“ „Что, если бы я не родился?“ „Откуда я пришелъ?“ „Почему мы вообще живемъ на свѣтѣ?“ „Останутся ли вещи, когда я состарюсь?“ „Кто такой Богъ и почему Онъ сотворилъ души и далъ намъ мысли и слѣдить за тѣмъ, какъ мы ихъ употребляемъ?“

Эти явленія трудно объяснить, но они показываютъ, что дѣтство носитъ родовой отпечатокъ и обѣщаетъ въ будущемъ многія разновидности личности и сознанія, обѣщаетъ прежде чѣмъ на него упадутъ тѣни тюрьмы. Надъ отдѣльнымъ существованіемъ тяготѣетъ печать страданія, если не несправедливости; индивидуальный опытъ такъ частиченъ, такъ ограниченъ—наслѣдственность съ ея неопредѣленными многочисленными атавистическими воспоминаніями шире какой бы то ни было индивидуальной жизни или души въ ихъ своеобразныхъ проявленіяхъ,—и часто чувство у человѣка, будто онъ представляетъ нѣчто необыкновенное или особенное, только доказываетъ слѣдующее: то, что мы называемъ сознаніемъ, есть ничто или одно воображеніе; существуетъ болѣе широкое, безсознательное бытіе, *natura non patigata души*, осужденное оставаться смутнымъ чувствомъ, такъ какъ свѣтъ, который могъ бы нѣсколько освѣтить цѣлое, долженъ былъ сконцентрироваться на опредѣ-

ленной части, да еще потому, что личности положены, такимъ образомъ, извѣстныя границы. Влеченіе къ жизни можетъ стать почти страстью къ познанію того, что совершается внутри другихъ череповъ, а не только нашего собственнаго. Въ насъ живо желаніе быть гражданами всѣхъ временъ и всѣхъ ступеней существованія и наблюдателями другихъ душъ съ внутренней точки зрѣнія ихъ собственнаго сознанія. Открытое, тѣсное социальное общеніе, благодаря которому мы, съ помощью метода опроснаго листа и т. д., узнали и использовали чужія переживанія и чужой опытъ, обязано отчасти своей притягательной силой стремленію къ возможно болѣе широкой опытной основѣ и къ всестороннему соприкосновенію съ жизнью, хотя бы и не всегда непосредственному.

д) Другой дѣтскій опытъ связанъ съ нѣкоторымъ раздвоеніемъ души. Плача, многія дѣти сожальютъ самихъ себя, бѣгутъ къ зеркалу посмотрѣть, какъ они выглядятъ и даже во время сильной печали не забываютъ себя, относясь къ себѣ съ большимъ сочувствіемъ; они жальютъ самихъ себя, когда разсержены или страдаютъ, симпатизируютъ своимъ измѣнчивымъ настроеніямъ и стараются утѣшить себя, въ случаяхъ раздраженія и недовольства; они точно наблюдаютъ себя на разстояніи въ качествѣ посторонняго лица и жальютъ себя за испытываемыя страданія. Многія поглаживаютъ и ласкаютъ себя, обращаются къ себѣ съ нѣжными словами, какъ къ другому лицу, достойному сожалѣнія. Другія дѣти, особенно дѣвочки, въ состояніи усталости или болѣзни любятъ воображать себя все болѣе ослабѣвающими, увядающими, подобно цвѣтку, умирающими молодыми и какъ-то патетически и театрально; воображаемые друзья горько плачутъ по нимъ; потокъ ихъ слезъ можно остановить, лишь обративъ ихъ вниманіе на то, что ихъ глаза очень покраснѣли отъ слезъ, и у нихъ вообще очень плохой видъ. Нѣкоторыя дѣти стараются помочь себѣ совѣтами или объясненіемъ причинъ или само-

осужденіемъ: они называютъ себя противными, постыдными существами; другія воображаютъ себя состоящими изъ хорошихъ и дурныхъ „я“, спорящихъ и борющихся изъ-за господства. Выдумываются цѣлыя сцены и даже допросъ и судъ, при чемъ судьями являются сами дѣти, и передъ ихъ лицомъ хорошія и дурныя „я“ излагаютъ свое дѣло. „Я пошелъ въ одно мѣсто, хотя мнѣ это запретили, и получилъ удовольствіе, но въ то же время я чувствовалъ, что поступаю дурно; слѣдовательно, во мнѣ должны быть два „я“. Ведутся діалоги и монологи, вліяющіе часто возбуждающе и входящіе иногда въ постоянную привычку. Особенно въ деревенской жизни дѣти часто разсуждаютъ съ самими собой о природѣ и о собственныхъ настроеніяхъ; они разговариваютъ также съ вѣтромъ и деревьями и получаютъ отъ нихъ воображаемые отвѣты, ведутъ тихую бесѣду между собственными желаніями и отсутствующими въ дѣйствительности, но присутствующими въ ихъ воображеніи родителями или совѣстью; иногда они бьютъ самихъ себя, если споръ становится особенно горячимъ. Немногія дѣти называютъ свои дурныя влеченія сатаной; они трясутъ самихъ себя послѣ случаевъ непослушанія, желая изгнать изъ себя сатану, и т. д. Часто даже маленькія дѣти сильно плачутъ, украдкой поглядывая, достигаетъ ли ихъ плачь желанной цѣли; плачутъ эффекта ради, ради того, чтобы добиться чего-нибудь опредѣленнаго; но, увидя себя одинокими въ комнатѣ, они удивительно быстро успокаиваются и начинаютъ играть со счастливой улыбкой на недавно искривленныхъ плачемъ губахъ. Такія явленія, несомнѣнно, нужно разсматривать, какъ начальныя формы проявленія соціальнаго сознанія. Дѣйствительное дитя, это одна партія, а воля или приказаніе родителей или точка зрѣнія заинтересованнаго или равнодушнаго зрителя—другая партія. Нѣкоторыя изъ переживаній почти указываютъ на первыя примитивныя проявленія чего-то въ родѣ категорическаго императива, если только этотъ терминъ Канта дѣй-

— 211 —
ствительно является подходящимъ обозначеніемъ для нарождающейся совѣсти; другія же имѣютъ отношеніе къ одному или нѣсколькимъ воображаемымъ товарищамъ. Послѣднія часто лишь крайніе случаи раздвоенія личности.

е) Можетъ быть, сильнѣе всѣхъ выше названныхъ склонностей, сильнѣе иногда полуболѣзненного усердія въ разспросахъ о Богѣ, сильнѣе отдаленнаго и безконечнаго во времени и пространствѣ, заставляющаго дѣтей думать, что они должны покинуть міръ, и бояться, что, проснувшись однажды, они уже не найдутъ ни земли, ни чего другого; сильнѣе возвращенія души къ собственнымъ началамъ и причинамъ—сильнѣе всего этого универсальная склонность къ зрѣлости, побуждающая каждаго ребенка предвосхищать въ своихъ играхъ и мысляхъ жизнь взрослого. Дѣти воображаютъ себя взрослыми и подражаютъ послѣднимъ въ одеждѣ, манерахъ, разговорѣ, избираютъ себѣ призваніе еще въ малолѣтнемъ возрастѣ безъ основательныхъ мотивовъ; поэтому приходится склониться въ пользу взгляда Грооса, что большая часть дѣтскихъ игръ есть упражненіе и подготовка къ дѣятельности и занятіямъ взрослого и что въ этой подготовкѣ и заключается главное содержаніе, смыслъ и цѣль дѣтства. Они хотятъ быть тряпичниками, чтобы имѣть хорошіе колокольчики; посыльными и кондукторами, чтобы ѣздить каждый день; торговцами, чтобы имѣть леденцы; учителями, чтобы писать на стѣнной доскѣ; модистками, чтобы сдѣлать себѣ прекраснѣйшія шляпы; паяльщиками; молочниками; держателями гостиницъ, въ надеждѣ на обогащеніе; барабанщиками; мальчиками на посылкахъ и т. д. потому, что таковы занятія ихъ друзей. Но съ другой стороны, по отношенію къ большой группѣ игръ, которыя я опишу въ другомъ мѣстѣ, ясно обнаруживаются границы теоріи Грооса; эти игры упражняютъ, повидимому, рудиментарные психическіе органы и способствуютъ ихъ исчезновенію до періода зрѣлости.

Если разсматривать любое чувственное впечатлѣніе, какъ такое, которое встрѣчается большею частью въ воспоминаніи, въ отсутствіи предметовъ, то именно тогда имѣетъ мѣсто первое внѣдреніе внутренняго „я“. Безъ способности возстановленія, проявляющейся въ самопроизвольныхъ воспоминаніяхъ, самосознаніе, какъ его понимаетъ теорія познанія, или вовсе бы не возникло, или возникло бы очень поздно. Это происходитъ въ различныхъ областяхъ внѣшнихъ чувствъ, гдѣ слѣды прежнихъ ощущеній накапливаются, какъ запасной капиталъ, и распределяются по сходнымъ группамъ силами, родственными тѣмъ, которыя Максвеллъ называетъ „сортирующими демонами“. Мы уже находимся на пути отъ перваго Локковского источника познанія ко второму, отъ ощущенія къ мышленію. Сложный процессъ дѣйствуетъ въ каждомъ центрѣ внѣшнихъ чувствъ и постепенно вылуцчиваетъ внутреннее „я“ изъ тѣла, подобно тому, какъ описанный выше дѣтскій опытъ выдѣлялъ ограниченное кожею тѣло изъ массы впечатлѣній отъ внѣшняго міра, которыми оно было окружено. Далѣе, вокругъ каждаго центра, завѣдующаго центростремительными реакціями, собираются двигательные образы. Вначалѣ внутреннее воспріятіе (перцепція)—туманное царство тѣней; однако, постепенно тѣни становятся реальными, получаютъ форму, цвѣтъ, приводятся въ движеніе, такъ что ихъ можно ошибочно принять за ощущенія. Эта обращенная во внутрь стадія мышленія характеризуется часто тѣмъ, что представляется неразумнымъ родителямъ и учителямъ, фанатикамъ нравственности, ложью. „Я видѣлъ тысячу медвѣдей и тигровъ въ нашемъ саду“ означаетъ чувственный образъ множества такихъ звѣрей, возникающій въ умѣ вполне ясно и въ первый разъ безъ соотвѣтствующихъ предметовъ, въ то время когда ребенокъ начинаетъ постепенно сознавать, что въ своей фантазіи онъ можетъ носить цѣлыя звѣриницы, и становится независимымъ отъ внѣшнихъ чувствъ. Можетъ быть, также вслѣдствіе боязни

быть подслушаннымъ въ разговорахъ съ самимъ собой ребенокъ научается различать между рѣчью и мышленіемъ, отдѣлять духовныя явленія отъ формъ выраженія, обусловленныхъ мускулами, и мыслить тѣ дѣйствія, которыя онъ не можетъ осуществить, такъ какъ подавленіе внѣшнихъ проявленій возбуждаетъ субъективность. Ложь внѣшнихъ чувствъ—вполнѣ опредѣленная стадія въ духовной эволюціи, къ которой мы вернемся, такъ какъ способность основывать игру и работу на этой лжи отмѣчаетъ, повидимому, границу между душой человека и животнаго. Внѣшнее познается черезъ посредство внутренняго, и существуетъ перцепція продуктовъ прежнихъ перцепцій. Ребенокъ не отдается болѣе всецѣло и съ полнымъ самозабвеніемъ объективному міру, а начинаетъ уходить вглубь даже отъ собственнаго тѣла, перестающаго быть частью или, во всякомъ случаѣ, цѣлымъ его „я“.

Какъ, слѣдовательно, самосознаніе медленно возникаетъ путемъ сложныхъ процессовъ изъ объективнаго сознанія, а аперцепція—изъ перцепціи, вмѣсто того, чтобы задерживаться въ низшихъ областяхъ образовъ внѣшнихъ чувствъ, такъ любознательность можетъ стремиться къ познанію знанія, возведенному въ высшую потенцію, и быть вовлеченной въ водоворотъ туманнаго и вреднаго ученія о солипсизмѣ; это ученіе—подобно оболочкѣ, которая облекаетъ душу и которую душа не можетъ снять съ себя. Вопросъ не въ томъ, сколько рекомендуется соперничающихъ путей для освобожденія изъ путъ агностицизма; ибо въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, поскольку міръ представляется лишь моимъ понятіемъ, каждая волевая или эмоціональная реакція на него покажется недѣйствительной. Въ спекулятивной, какъ и въ патологической психологіи, манія величія идетъ рука объ руку съ прогрессивнымъ параличомъ. Извѣстный, но единственный и несравнимый романтизмъ Фихте, выразившійся въ его понятіи „я“, былъ антропоморфизмъ, превращавшій вселенную въ абсолютное космическое „я“; природа этого „я“ вы-

ражалась въ томъ, что оно утверждало самое себя, какъ сущность; его „я есмь“—единственное возможное дѣйственное проявленіе, и объективность есть не что иное, какъ его собственная ограниченная, пріостановленная на извѣстныхъ предѣлахъ дѣятельность; неустанное, моральное утвержденіе должно его разрушить и уничтожить. Этотъ-то романтизмъ Фихте можетъ вскружить голову самому трезвому и здоровому изъ насъ, но мы не должны поддаваться такого рода титанизму и пытаться вознести наши маленькія „я“ на вершину богоподобія. Данное, представленіе, представленіе представленія и т. д.,—какъ бы далеко мы ни продолжали въ этомъ направленіи, какъ бы высоко ни поднимались по восходящимъ Джэксоновскимъ ступенямъ, которыя, вѣроятно, изобрѣтетъ будущее, до какого высокаго потенціального знанія ни вознеслись бы такимъ путемъ,—могутъ имѣть лишь практическое значеніе. Мы не толкаемъ „я“ назадъ къ его колыбели, не лишаемъ его такъ или иначе внѣшнихъ и внутреннихъ оболочекъ, чтобы оно такимъ образомъ, какъ того желалъ Тертуллианъ, наконецъ, осталось навсегда голымъ, чистымъ, свободнымъ, драгоценной сердцевиной, совершенно вылущенной изъ послѣдней оболочки. Признать, вмѣстѣ съ Шеллингомъ, тождество между субъектомъ и объектомъ или, вмѣстѣ съ Гегелемъ, ихъ равноцѣнность, значитъ исказить истинную природу огненной частицы въ насъ, которая, точно будучи кульминаціоннымъ пунктомъ для самого біолога, не находитъ для себя выраженія ни въ одной изъ созданныхъ послѣднимъ формъ; но сущность огненной частицы—въ творчествѣ, и она единственный *actus primus*. Благодаря ея самопроизвольности, вниманіе вторгается въ глубину, переходя отъ пункта къ пункту, и теперешнее бытіе и дѣятельность „я“ лишь введеніе въ будущее. Останется ли „я“ навсегда чѣмъ-то „выведеннымъ“ или оно объективируется въ отдаленномъ апокатастазѣ—что бы ни подразумѣвала мистика подъ этимъ состояніемъ, столь часто описаннымъ ею—

мы не знаемъ, но весьма сомнѣваемся, такъ какъ въ экономіи природы сознаніе всегда играетъ или вспомогательную или руководящую роль, и все автоматическое всегда вторгается извнѣ. Идея центра или состоянія всякаго сознанія, какъ мы понимаемъ это наиболее многообразное изъ всѣхъ понятій, въ видѣ ли существа, знающаго одновременно все и руководящаго всѣми частностями въ жизни вселенной въ смыслѣ и направленіи зрѣло обдуманной политики, или въ видѣ душъ-монадъ, каждая *parvus in suo genere deus*, отражающихъ въ себѣ всю вселенную, эта идея—сонъ или мечта потребителя лотуса, рай глупца, ибо она приноситъ природу—все равно человѣческую или божественную—въ жертву разсудку. Въ концѣ концовъ самонаблюденіе никогда не сможетъ разрѣшить проблемы „я“.

VIII. Вліяніе другихъ „я“ на наше собственное „я“ начинается въ тайнахъ процесса унаслѣдованія и принимаетъ въ періодъ беременности болѣе объективныя формы. Спокойны ли или внезапны и порывисты движенія матери, это вліяетъ на тѣло и душу новаго существа, которое она носитъ, подобно тому, какъ стальная пластинка регистрируетъ каждое измѣненіе въ напряженіи мускуловъ руки; мать, наилучше заботящаяся о себѣ дѣлаетъ лучшее для своего еще не рожденнаго ребенка. Когда послѣ рожденія ребенка движенія матери уже не передаются ему черезъ жидкую среду, ея прикосновенія, легкіе удары, ласки, актъ кормленія и т. д. составляютъ въ теченіе нѣкотораго времени значительную часть впечатлѣній ребенка отъ внѣшняго міра и его измѣненій. Весьма вѣроятно, что первое узнаваніе ребенкомъ лица матери въ теченіе немногихъ первыхъ недѣль жизни отмѣчаетъ собою начало развитія соціального сознанія; многіе изъ нашихъ отчетовъ подчеркиваютъ, подобно Фребелю, большое значеніе и большую опредѣленность и точность этого акта. Ребенокъ рождается со способностью сильно кричать; способность же смѣяться развивается позже и очень постепенно;

часто именно узнавание вызывает первую улыбку и такъ возбуждаетъ ребенка, что онъ извивается отъ радости. Не трудно опозитизировать это явление или сдѣлать его предметомъ спекулятивныхъ соображеній. До него ребенокъ одинокъ во вселенной, поскольку онъ можетъ чутъ это своимъ еще рудиментарнымъ сознаниемъ; теперь же первое „ты“ встаетъ передъ нимъ изъ пустоты въ туманныхъ очертаніяхъ. Возможно также, что въ этотъ моментъ закладывается начало міра объектовъ; изъ нихъ лицо матери—„обѣщаніе и сила“, и отъ него, какъ исходнаго пункта, душа ребенка медленно подвигается впередъ навстрѣчу впечатлѣніямъ отъ другихъ „я“, а, можетъ быть, и вещей и т. д. Во всякомъ случаѣ, больше всего приковываетъ къ себѣ глазъ, и хотя ребенокъ могъ открыть раньше, особенно съ помощью осязанія, присутствіе посторонняго, все-таки глазъ и лицо матери остаются самыми знакомыми его зрѣнію. Проснулась симпатія, у любви есть свой предметъ; узнавание означаетъ первое сознательное воспоминаніе, какъ актъ радости, новой и единственной въ своемъ родѣ. Ребенокъ начинаетъ съ лица и груди матери въ своемъ изученіи ея тѣла, которое все болѣе и болѣе, хотя и медленно, выясняется для него въ своихъ контурахъ; но ея глаза, а можетъ быть, также ротъ, волосы и т. д. подмѣчаются имъ въ самомъ началѣ; ребенокъ наблюдаетъ свои собственныя руки, ноги и уши прежде членовъ матери, а также раньше узнаетъ о своихъ внутреннихъ органахъ и процессахъ въ нихъ; инстинктивное сравниваніе, описанное нами выше, сравниваніе каждой части отдѣльно отграничиваетъ тѣла „другихъ“ и выдѣляетъ первое соматическое „я“ ребенка.

Между тѣмъ ребенокъ претерпѣваетъ со стороны матери различныя манипуляціи. Ея лицо ассоціируется для него со множествомъ разнообразныхъ прикосновеній, звуковъ и движеній, и мать становится для него, такимъ образомъ, источникомъ большой части всѣхъ

перемѣнъ, возможныхъ въ психическомъ кругозорѣ младенца. Благодаря ей, онъ отъ голода переходитъ къ состоянію сытости, отъ холода и сырости—къ теплу и сухости, отъ одного положенія къ другому; ея присутствіе означаетъ всевозможныя удовольствія, а ея отсутствіе— всевозможныя страданія. Чувство одиночества, хотя бы на одно мгновенье, связано съ отчаяньемъ и адской мукой. Она—Провидѣніе ребенка, отъ котораго онъ всецѣло зависитъ и до такой степени, что нѣкоторые очень религіозные люди, дѣйствительно, видятъ въ матери божество. Если она не старается сдѣлаться свѣтлымъ центральнымъ пунктомъ въ развивающемся социальномъ сознаніи ребенка и быть въ совершенствѣ такую, какою хорошая мать можетъ и должна быть, личность ребенка выходитъ менѣе организованной и цѣльной, менѣе способной благоговѣть передъ божественной личностью въ сердцѣ вселенной; мать создаетъ мѣсто для божества въ душѣ ребенка, влияя на него своей душой,—такъ деревянная модель создаетъ матрицу, въ которую затѣмъ лютъ металлъ. Въ теченіе нѣкотораго времени мать воплощаетъ для ребенка весь остальной міръ, божественный и человѣчскій. Она для него все общество; исходя отъ нея, ребенокъ знакомится съ другими людьми и научается различать ихъ. И они также производятъ впечатлѣніе на душу ребенка, какъ она: прежде всего своими глазами и лицомъ, точно платоническія и херувимскія головы; медленно выясняются въ сознаніи ребенка очертанія ихъ тѣлъ и ихъ дѣйствія.

Далѣе, общеніе съ матерью опредѣляетъ поведеніе ребенка и его хорошее настроеніе. Онъ рано начинаетъ предпочитать все то, что вызываетъ у нея улыбку, и избѣгать всего противнаго,—точно бы его единственнымъ призваніемъ было угадывать всѣ ея желанія и склонности и слѣдовать имъ. Дѣтская натура обращается къ солнечному сіянію материнской благосклонности и развивается, согрѣтая имъ. Ребенку нравится все то, чему она улыбается, даже шутки; онъ старается привлечь къ

себѣ ея вниманіе во время игры и услѣдить за направле-
ніемъ ея симпатій. Если она счастлива, когда ребен-
нокъ ведетъ себя хорошо, и слегка огорчена, когда ре-
бенокъ непослушенъ, нормальное дитя непременно избе-
ретъ первое, ибо удовольствіе увеличиваетъ жизненную
силу. Ребенокъ не можетъ воздѣйствовать на ея страхъ
и не долженъ воздѣйствовать на ея недовольство, но
онъ можетъ вліять на ея любовь, и если послѣдняя
сильна и глубока, послушаніе станетъ его инстинктомъ
еще прежде, чѣмъ онъ овладѣетъ рѣчью. Мать также
первый образецъ и примѣръ для ребенка, модель для
сознательныхъ и бессознательныхъ подражаній. Ея ритмъ
въ движеніи, ея акцентъ, модуляція голоса заразительны.
Если она спокойна, серьезна, положительна или, наобо-
ротъ, раздражительна, нервна и легко возбудима —
все отражается на ребенкѣ: какова мать, таковъ и
онъ. Всѣ ея настроенія отражаются на ребенкѣ: сча-
стливое, веселое, довольное или ворчливое, болѣзненное,
недовольное или озабоченное. Всѣ они и множество
другихъ вліяній, исходящихъ отъ матери, воздѣйству-
ютъ на начала привычекъ въ питательныхъ и двига-
тельныхъ системахъ, на ритмъ покоя и усталости и т. д.,
и эти зачатки привычекъ не только сами неизмѣнны,
но обуславливаютъ собою всѣ послѣдующія надстройки.

Однако, какъ постепенно новая планета отталкивается
отъ центральнаго солнца и медленно закругляется, на-
ходитъ свою орбиту и затѣмъ развиваетъ собственныя
формы жизни, такъ и душа маленькаго ребенка медленно
развивается къ независимости; но какъ планета сдѣлана
изъ солнечной матеріи и никогда не освобождается отъ
власти закона притяженія, такъ и душа ребенка всегда
находится подъ вліяніемъ того, чѣмъ была для нея мать,
что она для нея сдѣлала. Очаровательная дѣтская игра-
выглядыванья и убѣганья играетъ впечатлѣніями вре-
меннаго бытія безъ матери. Боязливость, утомленіе или
благополучіе маленькихъ дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ
измѣняется въ обратномъ отношеніи къ квадрату отда-

ленности отъ матери, т.-е. того разстоянія отъ нея, на которомъ ихъ оставляютъ, носятъ или на которомъ они могутъ ползать или ходить, пока ими не овладѣваетъ неизбежное чувство одиночества или страха потеряться. Другіе члены семьи также становятся понемногу выдающимися факторами въ развитіи соціального сознанія ребенка. Для дѣтей, живущихъ въ деревнѣ, разница между семьей и чужими болѣе ярко выражена, чѣмъ для городскихъ дѣтей; первыя въ ранніе дѣтскіе годы болѣе изолированы, а также ихъ семьи имѣютъ болѣе опредѣленныя границы и болѣе сильныя пункты притяженія.

Вскорѣ развиваются двѣ склонности: одна—центро-стремительная, влекущая ребенка къ собственному дому, сердцемъ котораго является мать, и другая—центробѣжная. Тоска по дому и страсть къ новой средѣ и новымъ лицамъ, сказывающаяся, напримѣръ, въ бродяжничествѣ и во влеченіи къ эмиграціи, часто борются между собой. Нѣкоторыя дѣти уходятъ изъ дому побродить по бѣлу свѣту; они оставляютъ все позади себя безъ страха и сожалѣнія, тогда какъ другія обнаруживаютъ одинаково ненормальную боязнь покинуть родную обстановку и разстаться съ близкими. Вѣроятно, вслѣдствіе атавистическихъ отраженій древней войны всѣхъ противъ всѣхъ въ долгой и ожесточенной борьбѣ за существованіе, всѣ чужіе, особенно тѣ, которые поражаютъ слишкомъ необычнымъ одѣяніемъ, чертами, манерами и т. д., возбуждаютъ въ извѣстный періодъ жизни ребенка болѣе или меньшій страхъ, хотя и съ большими различіями въ продолжительности и силѣ въ различныхъ дѣтяхъ. Внѣшняя граница расширяющейся соціальной склонности, исходящая отъ матери, какъ центра, и расходящаяся радіусами въ разныя стороны, обозначается для большинства дѣтей уродливыми или цвѣтными людьми, полицейскими, солдатами, бродягами, докторомъ, угольщикомъ, тряпичникомъ и т. д., которыхъ они боятся. Между хорошо извѣстнымъ и совершенно незнакомымъ и страшнымъ лежитъ широкая

область, гдѣ расширяющіяся соціальныя влеченія, какъ любовь, медленно раздвигающая свои границы вплоть до включенія въ нихъ челоуѣчества, природа, какъ громадное вмѣстилище всякихъ олицетвореній, и любопытство, желавшее бы видѣть, чувствовать и знать все,— встрѣчаются и смѣшиваются съ болѣе глубокими противоположными теченіями атавистическаго страха и образуютъ водовороты и вихри въ мозговыхъ клѣткахъ, нервахъ и пульсѣ, а также въ душѣ. Въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ преобладаютъ эти противоположныя теченія, и они чрезвычайно робки, застѣнчивы и пугливы, почему отъ замѣшательства и неловкости не въ состояніи ничего дѣлать въ присутствіи чужихъ. Вниманіе друзей къ ихъ дѣйствіямъ и ихъ личности является для такихъ дѣтей кинетическимъ эквивалентомъ присутствія чужихъ въ связи съ той силой, съ какою оно парализуетъ дѣтей или возбуждаетъ застѣнчивость: сосредоточивать на себѣ взоры такъ же неприятно и стѣснительно, какъ быть выставленнымъ передъ публикой. „Пусть никто не смотритъ“, часто проситъ ребенокъ, когда ему предстоитъ выполнить что-нибудь; упорный взглядъ, даже не будучи „дурнымъ глазомъ“ или не обладая силой, когда онъ обращенъ на затылокъ головы, заставляетъ повернуть голову—распространенное суевѣріе вѣрить въ такую силу нѣкоторыхъ взглядовъ—все-таки возбуждаетъ въ дѣтяхъ мучительное самочувствіе или гнѣвъ; да и взрослые воспринимаютъ его часто, какъ оскорбленіе. Есть, конечно, дѣти, которыя любятъ быть въ центрѣ вниманія и дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для его привлеченія и удержанія; вниманіе со стороны окружающихъ или постороннихъ побуждаетъ ихъ къ рисовкѣ и хвастовству; лесть оказываетъ на нихъ очень вредное вліяніе, а безъ нея они совершенно пассивны. Страсть быть интересными и вынуждать у другихъ любовь и похвалы дѣлаетъ дѣтей смѣлыми, тщеславными и аффектированными, наподобіе Джорджъ Элліотъ, которая въ четырехлѣтнемъ возрастѣ играла на піанино съ боль-

шой важностью, если ее кто-нибудь просилъ объ этомъ, а передъ слугами выдавала себя за великую музыкантшу; впрочемъ, это указываетъ одновременно на сильное социальное чувство и выдающееся социальное направление личности ребенка. Такія дѣти теряютъ, вѣроятно, надлежащее равновѣсіе между любовью и страхомъ, приводящее къ психическому напряженію, которое носить, въ зависимости отъ различныхъ степеней и формъ, различныя названія: робости, скромности, уваженія, благоговѣнія, послушанія и т. д.—все проявленія смягченнаго и различнымъ образомъ умѣреннаго и сдерживаемаго страха. Вершина социального наслажденія достигается тогда, когда какой-нибудь расширяющійся импульсъ одерживаетъ новую побѣду надъ страхомъ, и ребенокъ начинаетъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ чужимъ, къ забіякамъ, учителямъ и т. д., проявляетъ большую рѣшительность и самоувѣренность въ поведеніи и способность отразить критику или враждебное отношеніе. При этомъ неизбѣжны внезапное краснѣнье, дрожанье или даже борьба противорѣчивыхъ чувствъ, но „я“ ребенка развивается и крѣпнетъ съ каждымъ новымъ случаемъ подобнаго мужественнаго самоутвержденія ¹⁾).

¹⁾ Профессоръ Дж. М. Болдуинъ (см. его „Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода“, русскій переводъ, М. 1911, стр. 162—166) различаетъ три стадіи робости: сначала, въ первый годъ жизни по отношенію къ чужимъ людямъ первоначальную органическую робость; затѣмъ обратную склонность: ребенокъ относится очень терпимо къ чужимъ и любитъ людей вообще; эта вторая стадія есть слѣдствіе ласковаго обращенія съ ребенкомъ; третья стадія: возвращеніе робости на второмъ и третьемъ годахъ жизни. Для второй стадіи Болдуинъ находитъ филогенетическую параллель въ „покоѣ, который человѣкъ обрѣлъ, порвавъ со своимъ животнымъ прошлымъ“. Вторая стадія утраты страха иллюстрируется, по мнѣнію автора, жизнью древнеевропейскихъ патріарховъ и т. д.; онъ изслѣдуетъ, существовалъ ли такой періодъ „одновременно на всей землѣ“, называетъ его въ примѣчаніи „хорошо извѣстнымъ періодомъ“, но прибавляетъ, что

Многія вліянія сучаснай жыццёвай дзейнасці ў напраўленні духоўнага разлагання і стараюцца вярнуць нашу індывідуальнасць вспяць да поліэнічнаму агрегату класоў і безглавых дзяржаў. Для многіх жыццё пратэкае пэсывна, ў адных воспріяціях, тагда как цэласць і адзінства—прадукты дзейнасці. Адно ведаанне разлагае, калі яно атрэзана ад практычнай жыццёвай. Да, кромі таго, расплодзіліся занадта большае многаобразне культуры і ведаў. Вгляды

даказательства яго існавання патрабавалі б многіх ісканых, не выконных сёння; таму ён прызнае гіпотэтычны характар праведзенай паралелі і выражае надзею, што такое прызнанне спакойна „вученых крытыкаў, прывілежаваных творцаў тэорыі“.

Мяне і многім іншым апрашаным мною антрапологамі рэальна нічога невядома аб такім „хорошо вядомым перыядзе“; невядома, даўдэ, ніхто, хто калі-ліб прадпалагал, буда гэты перыяд існаваў „адначасна на ўсёй зямлі“. Нааборат, многае гаворыць за тое, што такая стадыя павіна была быць абмежаванай па аб'ёме как географічна, так і этнаграфічна, і кароткай па працягласці. Даўдэ, апісаная родавая стадыя нікак не можа быць паўторана дзіцём аднаго ілі двух лёт ад роду, хата бы яна калі-ліб рэальна існавала і імела ў існавым сваю онтогенетычную паралель; пэсладняя можа бы імела месца толькі ў жыцці значна большага старшага дзіця. Тэаветельнае іследванне сабраннага мною маатэрыяла адносна некалькіх соть дзіцячых носіло і слэда другой стадыі са яе ўкращаным страхам ілі робасцю межу двумя стадыямі ўзвельчанай робасці; я мог констатіраваць лшы ў першыя гады дзіцтва ачене правільнае ўменьшэнне і змяненне асновы.

Тэаветельнае і пэсояаннае іследванне аддільных дзіцячых—адна із самых лухшых напраўленій і маатэраў іследвання і прывело ўже да прэкарасных рэзультаатаў, но даваць спекулятыўныя тэаветаванія, абнімаюція громадную абласць, опіраюся на іследванне аднаго ілі двух дзіцячых, па-маему недопустіма. Чтабы быць ў састанні судзіць аб тэаветі, „асновывающемся ў значнаельнай степені на непаасредствённым наблюденіем над дзіцьмі“,—тэаветі, цэнаельнасць котораго па справедлівым словам прафэсара Болдуіна „састаніць ў вэаможнасі пэсладуюціх паатвэрдэній“, мы должны ведаць, скоелько дзіцячых і какія дзіцячых іследваліся ілі, па краёнай мэра, са

относительно природы и сущности „я“, можетъ быть, и не сравниваются по числу съ 289 учениями о природѣ высшаго блага, приведенными у Варрона, но одна ихъ противорѣчивость дѣлаетъ невозможнымъ то, что Аристотель называлъ чисто теоретической жизнью разума. Смѣшеніе крови и наслѣдственность создаютъ несогласимья, если не прямо противорѣчивыя черты смѣшанныхъ расъ. Несовершенное здоровье вызываетъ колебанія въ настроеніи и тѣ измѣненія соматическаго самоощущенія, которыя не только ложатся въ основу тунеядной личности, но уже сами по себѣ въ состояніи быть причиною умственнаго расстройства и даже помѣшательства—чѣмъ слабѣе тѣло, тѣмъ оно деспотичнѣе; чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ больше повинуется и тѣмъ меньше господствуетъ въ сознаніи. Сверхкультура—ядъ для слабыхъ душъ: она ослабляетъ ихъ еще больше. Слишкомъ много не вполне усвоенныхъ идей, навязанныхъ противящемуся разсудку,— не брачное соединеніе души съ знаніемъ, а изнасилованіе, аналогичные результаты котораго можно было бы привести въ изобиліи. Это-то дѣлаетъ невозможной настоящую любовь къ знанію, а создаетъ показное, разсчитанное на эффектъ желаніе къ поверхностнымъ занятіямъ важными вопросами. Исторія философіи научаетъ такихъ людей полной безпринципности, лишаетъ ихъ собственнаго сужденія. Безпо-

помощью какого метода достигнуты столь общіе выводы. Если же Болдуинъ подвергъ анализу просто „ребенка, какъ такового“ или „понятіе дѣтства“, то, вѣроятно, и подобный методъ имѣетъ право на существованіе, несмотря на свойственные ему недостатки и связанные съ нимъ опасности, но это скорѣе методъ Бэконовскаго паука, ткущаго свою паутину изнутри себя, чѣмъ методъ муравья, собирающаго все пужное извнѣ. Правда, для обоихъ есть мѣсто въ экономіи природы, но мы хотѣли бы надѣяться, что оба, и паукъ, и муравей, увидятъ когда-нибудь, какъ пчела, и собирающая матеріалъ извнѣ, и производящая медъ изнутри себя, остановитъ свое вниманіе на обширной новой области изученія дѣтей, которая походить теперь на многообѣщающее поле, усыянное распускающимися цвѣтами, и станетъ здѣсь собирать медъ.

койная страсть изслѣдовать и объяснять мѣшаетъ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніямъ; она дѣйствуетъ автоматически и допускаетъ постольку сравненіе съ рвотою, поскольку она нарушаетъ правильность духовнаго пищеваренія. Обиліе однородныхъ или разнородныхъ товарищей, городская жизнь, постоянное пребываніе въ обществѣ и цивилизація вообще не благопріятствуютъ спокойному внутреннему развитію ребенка: не даромъ Руссо требовалъ для него жизни въ деревнѣ, въ тѣсномъ общеніи съ природой. Разлагающе дѣйствуетъ на дѣтскую душу все это обычное множество игрушекъ, интересовъ, занятій, друзей, костюмовъ, удовольствій, смѣняющихся настроеній и даже слишкомъ частыя рѣшенія относительно радикальныхъ преобразованій.

Съ другой стороны, воспитаніе, приспособленное къ природнымъ интересамъ, будитъ волю и вырабатываетъ естественно-цѣльную натуру, а не нѣчто искусственное и схематично-программное. Нѣкоторыя законныя проявленія упорства и самоутвержденіе, соперничающее изъ за господства съ другими „я“; сохраненіе въ неприкосновенности личной совѣсти, чувство долга и чести и умѣніе слѣдовать его велѣніямъ, вопреки толпѣ; друзья, интересы, заботы о томъ, чтобы не утратить совершенно аромата убѣжденій; нѣсколько глубокихъ вѣрованій, за которыя готовъ умереть, хотя бы и не исповѣдуя строго-формулированной вѣры; правильныя, укоренившіяся привычки; энергичная мысль, обладающая чудесною силой вносить единство въ малосвязные элементы нашей духовной жизни; жизненная сфера, отвѣчающая нашимъ способностямъ и вкусамъ, притомъ отсутствіе, по возможности, раздражающихъ поводовъ къ треніямъ; спеціализація, покоящаяся на широкомъ основаніи, которая давала бы намъ мастерство въ нѣкоторыхъ небольшихъ областяхъ и служила бы убѣжищемъ для души и вознагражденіемъ для нея за многія непріятности и слабости; достаточная обезпеченность, необходимая для чувства независимости и самоуваженія, но не переходящая

за ту границу, когда человекъ становится ея рабомъ; основательная гордость, вызываемая уваженіемъ и любовью къ родинѣ, дому, семьѣ; обладаніе характеромъ и общественной репутаціей, приобретенными нами и носящими опредѣленныя индивидуальныя черты; несеніе отвѣтственности,—вотъ факторы, скрѣпляющіе синтезъ личности.

Личность—это сочетаніе свойствъ и вліяній въ одно цѣлое, которое разсматривается и дѣйствуетъ какъ единство. Послѣ Цицерона многія древнія и средневѣковыя сочиненія объ ораторскомъ искусствѣ перечисляли черты идеальнаго человека, наиболее пригоднаго къ тому, чтобы вліять на людей, наиболее достойнаго уваженія и наиболее вызывающаго на подражаніе. Сначала назывались форма, фигура, сложеніе и элементы физической красоты, какъ то: красивые глаза, носъ, подбородокъ, красивый бюстъ, нога, рука, плечи и т. д., все совершенныхъ контуровъ: высѣченное въ мраморѣ, оно сдѣлало бы скульптора безсмертнымъ. Физическая красота—громадная сила, а уродливость—вѣчное проклятіе. Далѣе слѣдуютъ одежда и туалетъ со всѣми подробностями касательно волосъ, ногтей, башмаковъ, покрытія головы, особенныхъ модъ и даже косметики, парфюмеріи и т. д., если въ нихъ есть нужда, хороший вкусъ, какъ начало искусства и средство, исправляющее недостатки формы; все это темы и вещи, достойныя долгаго и подробнаго изученія какъ источники личнаго вліянія. Въ-третьихъ, рѣчь идетъ объ автоматическихъ движеніяхъ, какъ однихъ изъ самыхъ важныхъ средствъ возбужденія симпатій и антипатій, и даже о фетишизмѣ, искусственныхъ приемахъ произношенія и выраженія лица, о носилкахъ и каретѣ, объ употребленіи голоса, о положеніяхъ и движеніяхъ рукъ и ногъ, улыбкѣ и смѣхѣ, привычкахъ обращенія съ вѣромъ, о носовомъ платкѣ, салфеткѣ, ножѣ и вилкѣ, жестахъ, модуляціи голоса, манерахъ, магнетическомъ токѣ, атмосферѣ, осанкѣ, стилѣ, отражающихъ среду, воспитаніе

и наслѣдственность и въ своей безсознательности выявляющихъ истинно „я“, которое, наоборотъ, слова, социальныя формы и условности такъ часто скрываютъ. Затѣмъ слѣдуютъ произвольныя дѣйствія: совершенныя дѣла или способности, характеризующія волевое „я“. Что человекъ можетъ сдѣлать? Какъ поступаетъ онъ подъ вліяніемъ ревности, гнѣва, страха, любви, искушенія и во всевозможныхъ условіяхъ? Что такое профессиональная сфера дѣйствія? Гдѣ и когда характеръ проявляетъ уступчивость? Когда утрачивается самообладаніе? Сколько имѣется энергіи въ наличности? Въ-пятыхъ: какія качества и колебанія свойственны обыкновеннымъ теченіямъ чувствъ, темпераменту и господствующимъ чувствамъ? Обнаруживается ли сердечная черта вѣрнаго товарищества, которая снисходительна ко всѣмъ грѣхамъ и проступкамъ? Открывается ли доброе сердце, являющееся для принца Хэла въ драмѣ Шекспира „солнцемъ и луной“? Главенствуетъ ли долгъ, или душа ослабляется снисходительностью человека къ самому себѣ? Сказывается ли недоброжелательство, плутовство, придирчивость? Какъ душа реагируетъ на разочарованіе или любовь, на публичность, славу, усталость? Ровная ли она или измѣнчиваго настроенія? Гармонична или неуравновѣшенна? Слаба? Съ самосознаніемъ и болѣзненна? Сердечна или узко-индивидуалистична? Наконецъ, занимая гораздо менѣе выдающееся мѣсто, чѣмъ мы думаемъ, слѣдуютъ духовныя качества или интеллектуальныя блага культуры, величина фондовъ знанія, инвентарь духовныхъ средствъ и особенно широта и сила симпатіи къ лицамъ и къ идеямъ, области, возбуждающія интересъ, сужденіе и здравый смыслъ при использованіи знаній, оригинальность и независимость мысли. Если мы прибавимъ сюда еще болѣе случайныя преимущества славы, здоровья, рожденія и имени, то получимъ представленіе объ обилии вліяній, позволяющихъ воздѣйствовать на другія души, овладѣвать ими и руководить ими, въ чемъ заключается большое и разностороннее благодѣяніе, еще не описанное достаточно психологіей.

Эти и другія высшія человѣческія качества, воплощающіяся въ родителейъ, учителей, другъ, проповѣдникъ, профессоръ, докторъ, героя, идеальномъ человѣкѣ или сверхчеловѣкѣ, который можетъ остаться безъ всѣхъ своихъ способностей, но исключительно добрымъ, обладаютъ гораздо бѣльшей объединяющей силой по отношенію къ лицамъ, находящимся въ сферѣ ихъ вліянія, чѣмъ учрежденія, соціальныя традиціи или безличное, отвлеченное образованіе. Міръ Гомера не зналъ государства, церкви, школы: не было ни Библии, ни литературы, ни науки или изобрѣтенія,—все воплощалось въ личностяхъ и въ естественныхъ взаимоотношеніяхъ между людьми. Этотъ міръ, а не кучка вырождающихся является истиннымъ выраженіемъ общительной природы человѣка; отсюда его поразительная пригодность для юношескаго возраста, формирующагося черезъ столкновеніе съ крупными характерами; если юношество не находитъ нужныхъ ему героевъ и вождей, то оно часто создаетъ себѣ ихъ изъ самаго скуднаго и жалкаго матеріала или находитъ поддѣльныхъ идоловъ въ самой безцѣнной фикціи. Кромѣ этихъ вещей къ основнымъ чертамъ среды, необходимой для развитія личностей съ характеромъ, нужно отнести нѣкоторые недостатки и грѣхи, вырабатывающіе свойственный въ опредѣленное время и въ опредѣленной степени человѣческому характеру инстинктъ „всеобщаго противодѣйствія“.

Когда намъ говорятъ, что только душа можетъ отражать въ себѣ самое себя, что самосознаніе—библія психологовъ, я возражаю, что оно только часть души; что у личности есть гораздо болѣе глубокіе корни въ бессознательномъ, что свидѣтельство сознанія, въ которомъ лишь одна часть содержанія души узнаетъ другую часть, не можетъ дать выраженія самымъ значительнымъ элементамъ; что всѣ процессы сознанія окружены берегами бессознательнаго, точно во внутреннемъ морѣ, и удалены отъ великаго океана жизни и духа, потому что мышленіе должно въ самомъ благопріятномъ случаѣ подра-

жать внѣшнимъ чувствамъ, хотя бы слабо и туманно; что сознание „не творецъ или носитель синтеза „я“, но лишь одна изъ формъ его выраженій“. Если бы даже мы обладали полной исторіей сознанія каждаго члена рода, она была бы весьма несовершеннымъ выраженіемъ человѣческой души, не потому только, что сознание пока еще переживаетъ младенческіе годы, и лучшее еще не находитъ себѣ въ немъ выявленія, а потому, что исторія его невозможна по самой природѣ сознанія. Мы искали настоящее „я“ въ разсудкѣ. Но тамъ его нѣтъ, и нѣтъ его въ волѣ, лучше выражающей „я“, чѣмъ мышленіе. Ядро „я“ лежитъ подъ порогомъ сознанія. Заблужденіе теоретиковъ „я“ родственно ошибкѣ тѣхъ, кто полагалъ, что ледяныя горы лучше всего изучать сверху, и что ихъ приводитъ въ движеніе вѣтеръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ около девяти десятыхъ всей ихъ массы находится подъ водой, а движутся онѣ глубокими и болѣе постоянными, чѣмъ вѣтры, океаническими течениями; часто теченіе гонитъ ихъ противъ вѣтра, вопреки старымъ аэродинамическимъ уравненіямъ.

Мы должны, слѣдовательно, не пренебрегая этими болѣе старыми оракулами, обратиться къ иному источнику за реальнымъ знаніемъ дѣйствительнаго „я“, а именно: къ объективному изученію каждой фазы и ступени развитія души и тѣла у животныхъ, дикарей и дѣтей. Душа несравненно шире сознанія, и ея наивысшія силы и способности вырастаютъ изъ корней, лежащихъ особенно глубоко, на низшихъ ступеняхъ жизненной лѣстницы. Сознаніе такъ отличается отъ духа, какъ пѣна разнится отъ пива, и болтовня нѣкоторыхъ фанатиковъ сознанія напоминаетъ средневѣковый обычай, по которому время ученія для цырюльниковъ заканчивалось, когда ученикъ умѣлъ приготовить двѣ бочки пѣны изъ двухъ унцовъ мыла. Можетъ быть, извиненія нѣкоторыхъ философскихъ новичковъ сравнимо съ доводами бостонскаго трактирщика, отвѣчавшаго на протестъ своихъ гостей противъ большого количества пѣны

въ кружкахъ пива: чѣмъ лучше пиво, тѣмъ сильнѣе оно пѣнится, а также: на пѣнѣ мы больше зарабатываемъ, чѣмъ на пивѣ.

Въ силу границъ самонаблюденія и даже сознанія, и въ силу того, что настоящее, глубже лежащее „я“ невозможно познать такимъ образомъ, наука о ребенкѣ обращается къ болѣе объективнымъ методамъ „Child-Study“ (изученіе ребенка)—терминъ, возникшій въ Америкѣ. Психогенезисъ, педологія или какое-нибудь другое названіе были бы, можетъ быть, болѣе учеными терминами; но изученіемъ ребенка представляетъ столь фундаментальное движеніе, что необходимо было обратиться къ широкимъ общественнымъ кругамъ, ко всѣмъ умамъ, свободнымъ отъ условностей и отъ всѣхъ предрасудковъ, глубоко укоренившихся въ философскихъ школахъ и сектахъ, и использовать глубокой инстинктъ родительской любви, создавшей всѣ воспитательныя системы и учрежденія. Поступая такъ, педагогика и философія еще разъ пересмотрѣли основы, изъ которыхъ онѣ сами возникли: онѣ обратились къ основнымъ принципамъ и къ простому здравому смыслу, какъ къ высшей апелляціонной инстанціи, стремились подчеркнуть практическія цѣли этого изученія и отвѣтить на нѣкоторыя неотложныя потребности философіи, которая должна сдѣлать для нашей страны и нашего вѣка то же, что великіе философы другихъ періодовъ сдѣлали для своего вѣка. Реха была спасена изъ огня чужимъ человѣкомъ, одѣтымъ въ бѣлое и исчезнувшимъ потомъ: движимая чувствомъ благодарности, она идеализировала своего спасителя, и ей уже казалось, что она обязана своею жизнью ангелу; ея мистическая, созерцательная душа выработала культъ почитанія, который постепенно всецѣло поглотилъ ея жизнь, доведя ее почти до пункта помѣшательства, когда вдругъ пришло извѣстіе, что такой-то, вырвавшій ее изъ пламени, долженъ умереть за оказанную женщиной помощь. Ея иллюзіи исчезли, она снова обрѣла здоровье и вернула того человѣка

къ жизни и къ служенію чловѣчеству. Философія была для Платона исканіемъ вѣчныхъ основъ, когда разлагавшееся государство и софистическая культура угрожали всеобщимъ распадомъ. Позже она соединила воедино старыя культы, проложила дорогу христіанству и еще позже дала послѣднему въ руки средства защиты и самоутвержденія. Она дала наукѣ ея методы и инструменты, объединила тевтонскій духъ, нашла выраженіе для англійской индукціи и утилитаризма, а въ Сѣверной Америкѣ выработала методы для церкви, государства, школы и колледжей. Однако въ послѣднее время мы почти играли философійей и всецѣло занятые не только безплодными, а прямо неразрѣшимыми проблемами, стремились быть критиками и полемистами, блистать литературой, запутались въ частностяхъ и въ технической сторонѣ вопросовъ, возстановили нѣкогда жизненныя проблемы, но теперь давно мертвыя, такъ какъ онѣ утратили свое практическое значеніе въ высшемъ моральномъ смыслѣ, оказали довольно сомнительную услугу религіи и обыкновенной добропорядочной жизни и, однако—это главное—снабдили теоретическія области фактами и силами, исключаящими страсти, преисполняющими людей науки энтузіазмомъ къ идеалу, очищающими ихъ души отъ раздоровъ, ревности, суевѣрія и себялюбія и вносящими нѣчто священное въ призваніе и труды передовыхъ умовъ, посвящающихъ себя высшему служенію. Что касается до „я“, то мы, дѣйствительно, почти вернулись къ точкѣ зрѣнія Кондильяка, который говорилъ: „Когда я, напримѣръ, нюхаю розу, это обонятельное ощущеніе исчерпываетъ мое „я“. Учителя философіи, призванные теперь, подобно Рехѣ, къ болѣе полезной дѣятельности, отдаются ей, и добытые результаты являются новымъ доказательствомъ необходимости философскихъ каѳедръ, несмотря на обиліе соперничающихъ претендентовъ на схоластическое время и деньги; мы можемъ далѣе констатировать лучшее пониманіе сложныхъ потребностей юношества, упадокъ теоретико-

познавательнаго и чисто историческаго образованія и подъемъ неврологическихъ и этическихъ интересовъ, поддержку предстоящихъ религіозныхъ и соціальныхъ реформъ и лучшее воспитаніе и развитіе дѣтей и юношества до полной зрѣлости души и тѣла. Это наилучшій пробный камень для семьи, школы, церкви, государства и даже всей цивилизаціи и основа для единственно-истинной философіи не только воспитанія, но и исторіи.

XI.

Изнслѣдованіе о страхахъ *).

При обращеніи психологическаго изслѣдованія, въ послѣднее время, въ сторону воли и чувства все рѣзче выступали границы какъ экспериментальнаго, такъ и интроспективнаго метода; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ теперь очень сузились и дѣйствуютъ почти тягостно на изслѣдователя. Мы не можемъ ни возбудить болѣе сильныхъ эмоцій въ лабораторіи, ни хладнокровно изучать самихъ себя при нормальныхъ условіяхъ, когда находимся въ состояніи аффекта. Кромѣ того, многія инстинктивныя чувства находятъ себѣ лишь частичное и очень неполное выраженіе въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Для ихъ выясненія нужно, какъ я полагаю, прибѣгнуть къ среднимъ выводамъ, къ своего рода мозаичной работѣ, складыванію данныхъ изъ многихъ жизней; только такъ и выяснится и относительная глубина, и значительно болѣе обширный объемъ психическаго опыта. Также и дѣтство нужно изслѣдовать, ибо, невзирая на высшій уровень сознанія у взрослыхъ, для нихъ утрачивается, и по необходимостямъ роста должно утрачиваться, многое навсегда. Существуетъ точка зрѣнія, будто зрѣлая душа, подобно зрѣлому тѣлу, находится въ состояніи упадка. Именно въ виду этого общаго положенія мы призвали на помощь въ этой области опросный методъ, стремились дать ему новое развитіе и найти для него новое приложеніе и придумали схему или планъ для обработки получаемыхъ

*) A Study of Fears (American Journal of Psychology, Januar 1897).

данныхъ; все это вмѣстѣ приноситъ значительные плоды и даетъ возможность предпринимать кое-что, бывшее немислимымъ раньше. Эти средства также приводятъ психологію въ болѣе тѣсное и частое соприкосновеніе съ человѣческой жизнью въ болѣе широкихъ областяхъ; психологія получаетъ, слѣдовательно, практическое значеніе во многихъ областяхъ и имѣетъ теперь всѣ данныя, чтобы вліять въ желательномъ направленіи на нѣкоторыя тенденціи, нынѣ замѣтныя въ этой наукѣ.

Труднѣе и важнѣе всего выборъ предмета. Онъ часто долженъ быть столь общеизвѣстнымъ и простымъ, что удивляешься лишь одному: какъ никто не подумалъ до сихъ поръ сдѣлать его темой спеціальнаго изысканія. Онъ долженъ быть доступенъ для психологическихъ методовъ и обладать въ извѣстной степени качествами законченности и своевременности. Онъ долженъ быть спеціальнымъ въ отличіе отъ предшествовавшаго общаго опроснаго листа. Онъ долженъ касаться столь замѣтныхъ явленій, что даже неопытный родитель или учитель сможетъ дать заслуживающій довѣрія отвѣтъ, подобно тому, какъ неподготовленные наблюдатели отвѣчали на официальные и обширные вопросы выработанные четырьмя европейскими антропологическими обществами и изслѣдователями метеорологическихъ явленій, перелетныхъ инстинктовъ у птицъ, инстинктовъ перемѣщенія у рыбъ и т. д. Вопросы должны намекать на главное, но не подсказывать предпочтительный отвѣтъ; они должны заботиться въ достаточной степени о формѣ для того, чтобы данныя можно было подвергнуть статистической обработкѣ, но все же предоставлять свободу для выясненія подробностей во всѣхъ важныхъ случаяхъ; ихъ можно сокращать и цитировать—такъ приводятся клиническія объясненія въ медицинской литературѣ—хотя бы и въ урѣзанномъ видѣ, вслѣдствіе ихъ многочисленности.

Идеаль, конечно, и въ этомъ дѣлѣ достигается очень рѣдко или вовсе не достигается. Слѣдующій отчетъ

разсчитанъ на то, чтобы выяснить какъ преимущества, такъ и недостатки нашего метода. Онъ основанъ на отвѣтахъ на одинъ изъ тридцати двухъ опросныхъ листовъ, выпущенныхъ Кларкскимъ университетомъ до сентября 1896 года. Тому предшествовали нѣкоторыя предварительныя испытанія, и въ февралѣ 1895 года опросные листки были разосланы 748 лицамъ.

1. Страхъ передъ небесными явленіями, какъ, напри- мѣръ, вѣтрами, бурями, громомъ и молніей, небесными свѣтилами, метеорами, паденіемъ неба, облакомъ, мглой и туманомъ и формами облаковъ; передъ концомъ міра и сходными явленіями; передъ ночью и темнотой, затменіемъ солнца или луны, передъ тѣмъ, что разобьется луна или не взойдетъ солнце; передъ особеннымъ цвѣтомъ неба, сѣвернымъ сіяніемъ, сильной жарой или холо- домъ; потерей способности распознавать мѣстность и градусы компаса.

2. Передъ нѣкоторыми неодушевленными предме- тами, напри- мѣръ: огнемъ и пожаромъ; водой, передъ тѣмъ, чтобы не потонуть; страхъ муть другихъ или быть вымытымъ; страхъ передъ наказаніемъ и его орудіями, вещами и мѣстами, ассоціровавшимися съ нимъ; боязнь паденія и высокихъ мѣстъ; боязнь погребовъ, рывинъ, ущелій, лѣснаго мрака, высокихъ холмовъ и вообще уеди- ненія; боязнь потеряться или попасть въ такой уголъ, откуда нѣтъ выхода; страхъ ружей и оружія, концовъ, острыхъ краевъ, очень узкихъ или обширныхъ, открытыхъ про- странствъ; грязи на одеждѣ или кожѣ и вообще при- косновенія; перевозочныхъ средствъ и ѣзды верхомъ.

3. Боязнь живыхъ, вообще произвольно движущихся предметовъ; большихъ глазъ, рта, зубовъ; собакъ, кошекъ, змѣй, свиней, крысъ и мышей, пауковъ, клоповъ, тара- кановъ, жабъ и т. д.; вида крови, разбойниковъ, ноч- ныхъ воровъ, чужеземцевъ, общества; боязнь быть высмѣяннымъ; стать предметомъ толковъ или пока- заться смѣшнымъ; застѣнчивость передъ лицами другого пола; страхъ драки; трусливость, малодушіе, подозри- тельность.

4. Боязнь: болѣзни, умираюя, смерти, потери друзей, положенія, состоянія, красоты или вообще здоровья; сердечныхъ болѣзней, рака, припадковъ, чахотки, нужды; боязнь распространенныхъ болѣзней или тѣхъ, о которыхъ вычитано въ книгахъ.

5. Боязнь сверхъестественнаго, на примѣръ: привидѣній, духовъ, вѣдьмъ, фей, драконовъ или мифологическихъ чудовищъ; боязнь сновидѣній; боязнь угрызеній совѣсти изъ-за якобы содѣянныхъ непростительныхъ грѣховъ; наказаній, навлеченныхъ на себя или ниспосланныхъ небомъ, потери души, вообще боязнь загробнаго міра, грѣха или нечистоты.

6. Опишите внезапныя переживанія, испытанныя вами самими или которыя вы наблюдали на другихъ: замѣчалось ли въ нихъ лишь ясное удивленіе или они были достаточно сильны, чтобы вызвать дѣйствительное потрясеніе, испугъ или пораженіе; сообщите подробно о причинахъ, слѣдствіяхъ и ихъ продолжительности и степени измѣняемости; опишите, далѣе, страхи безъ наличности опасности или другой причины, кромѣ наслѣдственности или травматическаго предрасположенія къ робости.

7. Въ каждомъ случаѣ установите степень страха и возрастъ даннаго субъекта, какъ долго страхъ продолжался, каковъ онъ былъ по своей интенсивности, какія вызвалъ дѣйствія и имѣлъ ли дурныя или хорошія воспитательныя послѣдствія; дурно ли повліялъ онъ на сонъ? Установите спеціальныя симптомы: вздрагиваніе, блѣдность или потъ, мочеиспусканіе, неподвижность тѣла, судороги, предлихорадочную дрожь и ощущеніе, точно морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, тошноту, слабость, обморокъ, бѣгство, причины, способы воздѣйствія и лѣченіе.

Этотъ опросный листъ составленъ нижеподписавшимся и посылается вамъ съ просьбой тщательно прочесть его слово за словомъ и (1) записать въ наиболѣе легкой и простой формѣ отмѣтокъ то, что при чтеніи

каждаго параграфа или фразы вы вспоминаете изъ собственныхъ дѣтскихъ страховъ; (2) если вы мать или отецъ, то прибавьте тѣ наблюденія, сдѣланныя вами надъ вашими собственными дѣтьми, на которыя натолкнетъ васъ опросный листъ или о которыхъ вы вспомните при чтеніи его (значительнымъ пособіемъ было бы для васъ, если бы вы вели „дневникъ“ или памятную книжку въ любой формѣ); (3) если вы учитель, прочтите опросный листъ своимъ ученикамъ, напишите его на классной доскѣ или дайте его отдѣльнымъ ученикамъ (изъ высшихъ классовъ народной школы или ученикамъ средней школы) и предложите имъ написать отчетъ, какъ упражненіе въ составленіи сочиненій (назначивъ для этого специальный часъ во время школьныхъ занятій или послѣ нихъ) объ ихъ собственныхъ прежнихъ или настоящихъ переживаніяхъ страха; (4) если вы завѣдующій нормальной школой или преподаватель психологіи, вы можете связать отвѣтъ на опросный листъ съ классной работой по изученію чувствъ или эмоцій; (5) если вы начальникъ или смотритель, вы можете поручить это дѣло учителю или ученику старшихъ классовъ, который и соберетъ нужныя данныя. Отвѣты могутъ быть по желанію анонимными, но обязательны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указанія возраста, пола и національности.

Отвѣты могутъ быть немедленно отправлены нижеподписавшемуся или, если вы пожелаете, вы можете сами подвергнуть ихъ предварительно изученію, такъ какъ они представляютъ наилучшій матеріалъ для урока психологіи, какъ тема собесѣдованія въ кругу учителей или матерей, или для обращенія къ публикѣ, для статьи въ газетѣ. Послѣ того какъ вы такъ или иначе используете собранный вами матеріалъ, пришлите его нижеподписавшемуся.

Этотъ опросный листъ былъ напечатанъ во многихъ педагогическихъ журналахъ въ Америкѣ и въ Англии, былъ перепечатанъ также частью и размноженъ учите-

лями и другими лицами. Приведемъ отчетъ объ отвѣтахъ, легшихъ въ основу нашей статьи:

Е. Г. Рессель, начальникъ государственной Нормальной Школы въ Уорстерѣ (Массачузетсъ) прислалъ 266 листовъ, изъ которыхъ въ каждомъ описывалъ одинъ какой-нибудь случай боязни. Они были написаны предварительно и безъ отношенія къ какому бы то ни было опросному листу и представляли выборъ изъ 40000 отвѣтовъ, данныхъ учителями, его бывшими учениками, соотвѣтственно съ описаннымъ въ другомъ мѣстѣ („Pedagogical Seminary“ vol. II, p. 343) методомъ. Главное ихъ достоинство заключается въ сжатости, въ приближеніи къ фотографической объективности и въ отсутствіи комментаріевъ; 134 изъ нихъ представляли оригинальныя наблюденія, 88 воспоминанія, 39 сообщены по рассказамъ другихъ лицъ и остальные заимствованы изъ литературы. Они хорошо распредѣлены между возрастами отъ 4 мѣсяцевъ до 12 лѣтъ и почти равномерно по обоему полу; исключеніе составляютъ лишь воспоминанія, исходящія большею частью отъ лицъ женскаго пола.

Миссъ Лили А. Уильямсъ, старшая преподавательница психологіи въ Трентонѣ (Нью-Йоркъ), въ Нормальной Школѣ, прислала отвѣты 461 лица; изъ нихъ 118 оригинальныя наблюденія, 163 воспоминанія и 75 сообщенія съ чужихъ словъ. Воспоминанія занимали въ среднемъ шесть или семь страницъ каждое. Другіе 105 отвѣтовъ были сочиненіями на тему о страхѣ, испытанномъ въ прошломъ или настоящемъ; ихъ писали дѣвочки въ возрастѣ отъ 5 до 18 лѣтъ. Миссъ Уильямсъ разработала самый успѣшный методъ для собиранія цѣнныхъ отвѣтовъ на опросные листы; онъ описанъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾.

Начальникъ школы св. Павла Г. С. Бэкеръ прислалъ 552 записки, хорошо распредѣленныя по всѣмъ школь-

¹⁾ См. ся статью „Какъ собирать данныя для изслѣдованій въ генетической психологіи“ „Pedagogical Seminary“, vol III, p. 419.

нымъ ступенямъ. Старшіе ученики, послѣ прочтенія и объясненія опроснаго листа, отвѣтили на него въ формѣ сочиненій; что же касается младшихъ дѣтей, то ихъ отвѣты записаны учителями.

Начальникъ высшей англійской школы въ Кэмбриджѣ (Массачузетсъ) Р. Г. Юлингъ разъяснилъ сначала опросный листъ, а затѣмъ сдѣлалъ его темой одной изъ ежедневныхъ письменныхъ работъ и прислалъ отвѣты 77 младшихъ учащихся, 6 средних; 55 неуказанныхъ; онъ получилъ 18 отвѣтовъ отъ вольнослушателей и 17 отъ дѣтей, итого въ общемъ 173 и т. д., и т. д.

Данныя, по которымъ составлена первая таблица, собраны, такимъ образомъ, въ различныхъ мѣстахъ и съ помощью различныхъ методовъ; они состоятъ изъ записокъ о самомъ сильномъ страхѣ у 1701 человѣка, въ большинствѣ случаевъ моложе 23 лѣтъ; сюда присоединяется 386 дополнительныхъ сообщений и множество отвѣтовъ по специальнымъ вопросамъ. Нѣкоторые просто перечисляютъ тѣ предметы, которые внушаютъ имъ страхъ, другіе сообщаютъ обильныя подробности объ одномъ какомъ-нибудь случаѣ страха или испуга; нѣкоторые пишутъ о полудюжинѣ собственныхъ страшныхъ переживаній, о переживаніяхъ друзей, но иногда забываютъ отмѣтить не только возрастъ, но и полъ. Это чрезвычайно затруднило статистическую обработку матеріала; пришлось выдѣлять соответствующій матеріалъ для каждой таблицы и разрабатывать его отдѣльно. Сначала все заносилось на таблицы, затѣмъ я лично прочитывалъ каждую записку съ большою тщательностью, переписывалъ каждое важное предложеніе и характерное слово, оставляя безъ вниманія лишь все второстепенное и излагая сущность какъ можно короче. Я избѣгалъ ковычекъ, затрудняющихъ чтеніе, но сохранялъ по возможности оригинальные обороты рѣчи и старался сохранить сообщенія объ интересныхъ случаяхъ.

Вышеназванные 1701 человѣкъ описали 6456 случаевъ страха, которые можно распредѣлить по предметамъ страха приблизительно между слѣдующими группами.

Таблица I.

<i>Небесныя явленія.</i>		<i>Животныя.</i>	
Громъ и молнія	603	Пресмыкающіяся	483
Сильный вѣтеръ	143	Домашнія животныя	268
Циклонъ	67	Дикія животныя	206
Облака и ихъ формы	44	Насѣкомыя	203
Метеоры	34	Крысы и мыши	193
Сѣверное сіяніе	23	Кошки и собаки	79
Кометы	18	Птицы	51
Туманъ	16		1.486
Штормъ	14	Огонь	365
Затменія	14	Вода	205
Чрезвычайная жара	10	Боязнь утонуть	57
Чрезвычайный холодъ	8		627
	996	Чужіе люди	436
Темнота	432	Разбойники	153
Привидѣнія	203		589
Страшныя сповидѣнья	109	Смерть	299
Одиночество	55	Болѣзнь	241
	799		540

Эта таблица относится къ 5037 случаямъ; остальные 1419 случаевъ страха, вызваннаго многими другими предметами, мы рассмотримъ позже.

Изъ нашего матеріала мы выбрали 1106 хорошо описанныхъ случаевъ страха у 500 мальчиковъ и 1765 случаевъ страха у 500 дѣвочекъ, боявшихся 28 предметовъ, приведенныхъ ниже, и составили таблицу, чтобы наглядно показать зависимость страха отъ пола:

Таблица II.

	<i>Ж.п.</i>	<i>М.п.</i>		<i>Ж.п.</i>	<i>М.п.</i>
Громъ и молнія	230	155	Кровь	44	14
Лица	190	129	Высоты	40	43
Пресмыкающіяся	180	123	Совѣтъ	40	28
Темнота	171	130	Шумы	36	10
Смерть	102	74	Погребеніе заживо	32	5
Домашнія животныя	96	57	Воображаемыя вещи	24	23
Крысы и мыши	75	13	Страхъ утонуть	20	19
Насѣкомыя	74	52	Облака	15	4
Привидѣнія	72	44	Одиночество	15	4
Вѣтеръ	61	35	Площади	14	2
Конецъ міра	53	11	Метеоры	12	6
Вода	53	62	Робость	8	9
Разбойники	48	32	Фенъ	7	—
Машины	47	31	Насмѣшка	6	1

Далѣ мы выбрали изъ нашего матеріала 1521 случай страха у 516 мальчиковъ и 3101 случай у 671 дѣвочки и распредѣлили ихъ по возрастамъ, чтобы выяснитъ вліяніе возраста на переживанія страха.

Таблица III.

Возрастъ.	Мужской полъ.	Среднее число.	Женскій полъ.	Среднее число.
0—4	36	1.76	74	4.89
4—7	144	1.54	176	2.44
7—11	104	3.56	227	4.34
11—15	140	3.69	127	6.22
15—18	72	2.40	38	10.67
18—26	50	2.55	29	4.31
	524	(2.94)	671	(4.62)
		2.58		5.46

Слѣдовательно, на 36 мальчиковъ моложе 4 лѣтъ приходится въ среднемъ 1,76 случаевъ, а на 74 дѣвочки того же возраста въ среднемъ 4,89 случаевъ страха на каждую и т. д. На всѣхъ мальчиковъ вмѣстѣ падаетъ 2,94, на всѣхъ дѣвочекъ вмѣстѣ 4,62 случая въ среднемъ. Страхъ у мальчиковъ увеличивается между 7-мъ и 15-мъ годомъ, а затѣмъ уменьшается, тогда какъ страхъ у дѣвочекъ правильно возрастаетъ въ промежутокъ между четвертымъ и восемнадцатымъ годомъ.

Если мы возьмемъ оба пола вмѣстѣ, то окажется, что съ увеличеніемъ возраста слѣдующіе предметы и явленія все болѣе и болѣе теряютъ свою устрашающую силу: метеоры, облака, кровь, гибель міра, похищеніе, феи, потеря знанія мѣстности, робость передъ чужими; наоборотъ, съ возрастомъ усиливается, повидимому, устрашающее вліяніе молній и грома, пресмыкающихся, разбойниковъ, совѣсти, машинъ. Болѣе сильное, но затѣмъ блѣднѣющее впечатлѣніе производятъ въ годы половой зрѣлости: вѣтеръ, темнота, вода, домашнія животныя, насѣкомыя, привидѣнія, смерть и болѣзни. Что касается многихъ другихъ явленій страха, то число собранныхъ

случаевъ слишкомъ незначительно, чтобы можно было почерпнуть изъ нихъ сколько-нибудь цѣнныя указанія. Вліяніе возраста—важный факторъ, но пока оно не поддается точному опредѣленію, такъ какъ увеличеніе силъ, а также склонность къ преувеличеннымъ изліяніямъ чувствъ измѣняютъ многое. Многія явленія страха уменьшаются съ годами; другія, наоборотъ, увеличиваются, и третьи, наконецъ, остаются въ теченіе всей жизни; многіе изъ нашихъ корреспондентовъ увѣряютъ, что ихъ боязливость осталась неизмѣнной.

Обратимся теперь къ специальнымъ группамъ.

1. Боязнь высокихъ мѣстъ и паденія съ высоты: страхъ силы тяготѣнія.

Приводимые нами въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ отдѣлахъ, случаи выбраны изъ большаго числа имъ подобныхъ.

1. Ж., 16¹⁾. Собственно не боится упасть съ высокихъ мѣстъ внизъ, но влеченіе самой броситься внизъ такъ сильно, что ей приходится напрягать каждый мускулъ, чтобы удалиться отъ обрыва и часто взывать о немедленной помощи; часто съ этимъ связано чувство удушья.

2. Ж., 17. Испытываетъ то же влеченіе, хотѣла бы знать, какъ чувствуешь себя при паденіи съ высоты, особенно съ значительной высоты.

3. Ж., 12. Позволила поднять себя на высоту на подъемной машинѣ только послѣ того, какъ ей завязали глаза платкомъ; наверху она дрожала отъ страха, ее не оставляло чувство, что она сейчасъ упадетъ внизъ; пришлось ей снова завязать глаза.

4. Ж., 13. На крышѣ высокаго зданія испытываетъ непреодолимое желаніе протиснуться между желѣзными прутьями периль, чтобы убѣдиться, можно ли упасть на мостовую; она твердо увѣрена, что, дѣйствительно, ушла бы внизъ, если бы ее не держали: она чувствуетъ внѣшнюю силу, владѣющую ею противъ ея воли и вопреки ея самообладанію.

¹⁾ Ж. Означаетъ женскій полъ, М.—мужскій полъ, цифры—число лѣтъ, т.-е. возрастъ.

5. М., 15. Не могъ взбираться даже на самое низкое дерево; когда онъ недавно случайно взглянулъ черезъ перила, онъ отпрыгнулъ далеко назадъ, объятый страхомъ, что сейчасъ упадетъ и будетъ лежать внизу въ видѣ безформенной массы.

6. Ж., 17. Когда она опускается на лифтѣ, ей кажется, что она попадетъ прямо въ преисподнюю; когда она смотритъ внизъ, въ глубину, съ ней начинается рвота, колодцы всегда точно зачаровываютъ ее; она никогда не хотѣла подходить къ нимъ и заглядывать въ нихъ, но ее толкала какая-то сила.

7. Ж., 37. Не можетъ войти въ лавку, если надъ дверями виситъ большая вывѣска, изъ страха, что послѣдняя упадетъ; страхъ значительно усиливался, если вывѣска висѣла свободно и скрипѣла; она постоянно боится паденія звѣздъ, которыя разрушатъ землю, также паденія метеоровъ.

8. Ж., 10. Въ теченіе многихъ лѣтъ все хотѣла заглянуть въ одинъ очень глубокій колодець,—по словамъ другихъ дѣтей, онъ былъ бездонной глубины,—но никогда не могла рѣшиться.

9. М., 11. Находясь на возвышенномъ мѣстѣ, всегда пытается улетѣть.

10. Ж., 23. Падаетъ въ обморокъ при видѣ другихъ людей на особенно высокихъ мѣстахъ.

11. Ж. Не въ состояніи перейти черезъ высокій мостъ или горное ущелье или спать въ верхнемъ этажѣ.

12. М., 50. Профессоръ психологіи. Въ своей юности отнюдь не боялся значительныхъ высотъ. Но вскорѣ послѣ окончанія университета онъ собственными глазами видѣлъ, какъ его слуга упалъ съ четвертаго этажа; онъ помогъ внести его въ квартиру и привелъ врача, но съ тѣхъ поръ онъ не можетъ спать въ гостиницѣ въ верхнихъ этажахъ; чтобы преодолѣть себя, онъ неоднократно пробовалъ взойти на одинъ высокій памятникъ и возвращался съ половины пути, вслѣдствіе слишкомъ большого напряженія; восемнадцать лѣтъ спустя онъ могъ переходить черезъ висячій мостъ, переброшенный черезъ Ніагару, идя посрединѣ моста и держась за карету; страхъ вызывается мыслью, что мостъ можетъ оборваться, но отчасти объясняется также недостаткомъ самообладанія.

13. Ж., 17. Не можетъ взглянуть вверхъ по вертикальному направленію безъ головокруженія и страха

упасть и, дѣйствительно, иногда, поскользнувшись, падаетъ.

14. М., 17. Бойтся одинаково взглянуть вверхъ на возвышенныя мѣста или съ послѣднихъ посмотрѣть внизъ.

15. М., 46. Не можетъ сидѣть подъ люстрами въ театрѣ или подъ галлереей изъ боязни, что сверху что-нибудь упадетъ на него.

16. Ж. Единственное воспоминаніе одной дамы объ ея дѣдушкѣ: онъ любилъ поднимать ее высоко въ воздухѣ и подбрасывать.

17. Ж., 8. Побывала въ большомъ имѣніи, гдѣ ей очень нравилось до тѣхъ поръ, пока она не узнала о существованіи тамъ колодца; узнавъ о немъ, она, заливаясь слезами, бросилась въ домъ и просила увезти ее изъ имѣнія; и она плакала каждую ночь и постоянно думала о колодцѣ.

18. М., 30. Не можетъ никогда сидѣть въ церкви въ первомъ ряду на хорахъ.

19. Ж., 28. Можетъ сидѣть въ первомъ ряду на хорахъ только при условіи, если держится за сосѣдку; бойтся „спрыгнуть на молящихся“.

20. Ж. Одна мать рассказываетъ, что всѣ ея семеро дѣтей бывали очень возбуждены, когда ихъ подымали къ потолку.

21. Ж., 56. Взобралась на Эйфелеву башню и была очень рада; но воспоминаніе объ этомъ вызываетъ у нея страшныя сновидѣнья.

22. Ж., 27. Не можетъ подниматься по лѣстницамъ или ходить по желѣзнымъ поламъ съ маленькими дырочками безъ боязни провалиться.

23. Ж., 40. Мучима страхомъ, что упадетъ съ лѣстницы; во снѣ видитъ себя часто какъ массу разможженныхъ костей.

24. М. Служащій въ женскомъ колледжѣ страдалъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ отъ сильнаго, вызывавшаго безсонницу страха, что воспитанницы причинятъ себѣ поврежденія, сбѣгая съ крутого откоса.

25. М., 3. Во время ѣзды съ горы начинаетъ бояться, кричитъ, чтобы ѣхали медленно, хватается мать за руку, становится нервнымъ и дрожить.

26. Ж., 18. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была очень озабочена, какъ бы ей или другимъ людямъ не упасть съ земли въ свободное небесное пространство; опасность.

казалось ей всегда налицо, но она увеличивалась ночью, когда, по ее понятиям, все опрокидывалось вверх ногами.

27. М., 18. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ нормальный человекъ, онъ не могъ никогда пользоваться никакими средствами передвиженія: ни желѣзной дорогой, ни велосипедомъ, ни лодкой, ни каретой; онъ знаетъ одного пятнадцатилѣтняго мальчика съ тою же особенностью.

28. Ж., 17. Не можетъ ѣздить по горнымъ дорогамъ, проходящимъ надъ обрывами или по крутымъ склонамъ.

29. М., 16. Полагаетъ, что ужасы ада состоятъ главнымъ образомъ въ безпрестанномъ паденіи вглубь.

30. М., 45. Очень боится, что во снѣ выскочитъ изъ окна, и каждую ночь принимаетъ мѣры предосторожности; однако, онъ во снѣ никогда даже не встаетъ.

31. М., 21. Когда ему было около пятнадцати лѣтъ, онъ часто видѣлъ себя во снѣ летающимъ и просыпался съ увѣренностью въ своей способности летать; это ему очень нравилось.

32. Ж., 9. Боялась провалиться въ щели, которыя образуются въ землѣ при высыханіи лужъ.

33. М., 31. Бросаетъ все внизъ, когда стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ: когда что-нибудь падаетъ, онъ испытываетъ величайшее наслажденіе, сопровождающееся захватывающимъ чувствомъ, будто онъ самъ поднимается вверхъ и паритъ въ воздухѣ.

34. Ж., 6. Не хотѣла бы попасть на небо, потому что оно лежитъ слишкомъ высоко, и оттуда легко упасть.

35. М., 67. Много раздумывала о дѣйствіяхъ „обратнаго тяготѣнія“, которое онъ иногда считала возможнымъ.

36. Ж., 6. Боялась, чтобы ее не носили, какъ маленькаго ребенка; очень испугалась однажды, когда во время путешествія вдругъ увидѣла высокую гору; ее охватила еще большая боязнь, когда прямо надъ ее головой прошло облако.

Чувство паренья въ воздухѣ для нѣкоторыхъ людей пріятно, какъ показываетъ случай 31 и, можетъ быть, также случай 9; нѣкоторые вѣрятъ даже въ свою летательную способность, вслѣдствіе соответствующаго ощущенія во время кошмара. Для №№ 2, 9 и 33 ощущеніе паденья или опусканья такъ прелестно, что ослабляетъ

ихъ самообладаніе. Но для большинства людей эти чувства ужасны; они могутъ быть вызваны восхожденіемъ на гору, какъ въ случаѣ 24 и 25, или поднимаемъ на лѣстницу, какъ въ случаѣ 23, или наступаніемъ на самыя малыя отверстія, какъ въ 32 и 22; они могутъ сдѣлать всѣ искусственныя средства передвиженія предметомъ страха, какъ въ 27, и даже стояніе на льду можетъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ; избѣгаются галереи и высшіе этажи, какъ въ случаяхъ №№ подъ 12, 11, 19 и 18; подъемныя машины и колодцы вызываютъ страхъ, какъ въ случаяхъ 6, 8 и 17; боязнь просыпается при видѣ другихъ людей на высотѣ или когда самъ смотришь внизъ и вверхъ, какъ въ случаяхъ 10, 14 и 13; сюда слѣдуетъ, можетъ быть, отнести также страхъ видѣть предметы надъ собой, какъ въ случаяхъ 7 и 15. № 26—одинъ изъ многихъ случаевъ, собранныхъ мною относительно „симптомовъ“ страха упасть въ пустое пространство или страха думать о безконечномъ времени или безконечномъ пространствѣ, когда у многихъ лицъ появляется головокруженіе и чувство тошноты.

Эта боязнь силы притяженія встрѣчается такъ часто, что, вѣроятно, было бы очень легко увеличить до безконечнаго вышеприведенную серію случаевъ; каждый читатель дополнить ее изъ собственнаго или чужого опыта новыми примѣрами. Несомнѣнно, такого рода боязнь иногда является слѣдствіемъ паденія и т. д. Существуютъ обозначенія, общія для всѣхъ родовъ страха; помимо нихъ и помимо нелѣпой склонности называть разновидности страха, въ зависимости отъ объектовъ его, греческими именами (благодаря этому, мы обогатились бы, какъ замѣчаетъ Арндтъ, выраженіями, въ родѣ клопсифобія—боязнь воровъ, триакайдекофобія—страхъ передъ числомъ 13; послѣдовательности ради каждый изъ 298 предметовъ страха въ нашихъ отчетахъ могъ бы претендовать на особое имя), безъ указанія при этомъ на какую-нибудь новую болѣзненную сущность, я считалъ бы все же умѣстными названія, какъ барофобія—

для обозначенія боязни силы притяженія, элуэстезія—для группы ощущеній паденія, анакатэстезія—для паренія и т. д.

При дѣйствительномъ паденіи черезъ пространство приостанавливается обычное давленіе мозга, сердца, печени, почекъ и всѣхъ другихъ частей тѣла на лежащія подъ ними части. Часто дѣйствіе сказывается прежде всего на желудкѣ и его содержимомъ и наступаетъ рвота. Кромѣ напряженія, вызываемаго тонусомъ артеріальныхъ и венозныхъ стѣнокъ сосудовъ, кровь передаетъ въ выпрямленномъ положеніи тѣла давленіе жидкостей по вертикальнымъ каналамъ. При паденіи это давленіе устраняется, а при подниманіи на воздухъ состоянія давленія стали бы совсѣмъ обратными. Какъ это измѣняетъ ощущеніе, намъ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ не невозможно, что движеніе жидкостей по законамъ тяготѣнія въ полукружныхъ каналахъ представляютъ особенную функцію и особенный органъ, нѣкогда общій для всѣхъ кровеносныхъ сосудовъ. Брейеръ¹⁾ считаетъ доказаннымъ, что ушные бляшки, благодаря ихъ тяжести, притрогиваются къ волосамъ клѣточекъ и создаютъ такимъ образомъ въ центрахъ чувство положенія головы; далѣе, что онѣ—органы специфическаго чувства для вертикальнаго и устремляющагося впередъ движенія. Эти бляшки образуютъ органъ статическаго чувства, воспринимающаго впечатлѣнія отъ подвигающагося впередъ движенія въ трехъ плоскостяхъ пространства, какъ ампулы воспринимаютъ впечатлѣнія отъ круговаго движенія. Указывали даже на то, что воспріятіе звуковыхъ волнъ, какъ вторичная функція, развилось изъ первичной функціи ощущенія тѣхъ нарушеній въ окружающей средѣ, которыя противорѣчатъ силѣ тяготѣнія. Далѣе, при паденіи измѣняются дѣятельность сердца, кровообращеніе и дыханіе. Легкія занимаютъ мѣсто плавательнаго пузыря, а своеобразная дѣятель-

¹⁾ Breuer, Ueber die Funktion der Otolithen-Apparate, in Pflüger's Archiv, томъ 48, стр. 195.

ность дыхательныхъ органовъ при пареніи въ воздухѣ во время кошмара съ анакатэстезическими явленіями и, можетъ быть, элуэстезическими ощущеніями паденія указываетъ на возможность, что и здѣсь слѣды функціи обнаруживаютъ структуру древнѣйшаго происхожденія. Вдыханіе труднѣе, и при паденіи съ высоты легкія вовсе не въ состояніи дышать. Устраненіе давленія, которое постоянно чувствуется на подошвахъ ногъ, въ сѣдалищѣ или на любой другой поддерживающей тѣло поверхности и приближеніе къ состоянію до рожденія, съ одинаковымъ давленіемъ жидкости во всѣ стороны (въ сторону зрѣнія, слуха и т. д.), порождаетъ въ каждой части тѣла совершенно своеобразныя состоянія.

Мы не происходимъ отъ птицъ; поэтому мы не можемъ унаслѣдовать ощущеній летанья. Но если мы не захотимъ замкнуть прошлаго души въ еще болѣе узкія границы, чѣмъ прошлое тѣла, то мы должны будемъ предположить, что наши далекіе предки вели рыбоподобное существованіе и дышали иначе, нежели дышимъ мы. Слабые слѣды этого состоянія должны бы сохраниться въ душѣ и понынѣ; при особенныхъ обстоятельствахъ и у ненормальныхъ людей они выступаютъ съ такою же силою, какъ слѣды жаберныхъ щелей подъ нашей затылочной кожей у человѣческихъ уродовъ. Я слишкомъ большой идеалистъ и слишкомъ высокаго мнѣнія о душѣ, чтобы желать оспаривать эту возможность; хотя мы не можемъ демонстрировать ея, какъ рудиментарные органы, но можемъ живо почувствовать наличность нѣкоторыхъ старѣйшихъ элементовъ психической жизни, слабаго атавистическаго эхо, напоминающаго о первоначальномъ морѣ, не столь примитивнаго, какъ странный геотропизмъ растений, но звучавшаго уже, можетъ быть, до образованія членовъ или даже до образованія зрительныхъ факторовъ пространственнаго воспріятія; если бы мы были въ состояніи разложить его и достаточно изслѣдовать, это привело бы насъ, въ связи съ послѣдующими отдѣлами—II и III, въ сосѣд-

ство съ психоплазмой пространственнаго свойства. Пусть я тератологиченъ, т.-е. представляю уродливое исключеніе, но для меня ощущенія паренья, скользенья (вслѣдствіе внутренняго побужденія), паденья и вставанья были съ самой юности, какъ во снѣ, такъ и наяву, очень реальными, и это, замѣтьте, при совершенномъ здоровьѣ сердца, легкихъ и желудка; такой фактъ я не противопоставляю доказательствамъ, что причины этихъ ощущеній слѣдуетъ искать въ болѣзненныхъ состояніяхъ,—одно не исключаетъ другого.

Далѣе, выпрямленное положеніе тѣла человѣка—нѣчто необыкновенное, пріобрѣтенное поздно. Радость ребенка по поводу первыхъ шаговъ имѣетъ свой источникъ въ настоящемъ искусствѣ балансированья. Сильный человѣкъ охотно играетъ подобными ощущеніями при подбрасываніи вверхъ маленькихъ дѣтей, при бросаніи вообще, при скачываніи съ отлогостей, размахиваніи, качаніи морскихъ судовъ, восхожденіи на горы, подъемахъ на воздушныхъ шарахъ, хожденіи по натянутой веревкѣ, соскакиваніи съ мостовъ и, наконецъ, при летаніи. Лотце приписываетъ эстетическое удовольствіе отъ ходуль, высокихъ каблучковъ, большихъ шляпъ и т. д. особенной радости, вслѣдствіе незначительнаго перемѣщенія вверхъ центра тяжести. Обезьянья склонность дѣтей извѣстнаго возраста карабкаться повсюду вверхъ—другое поясненіе того же явленія; то же нужно сказать о риторическихъ пріемахъ одного нѣмецкаго профессора: его кафедра имѣла три ступени, и онъ поднимался то только на одну, то на двѣ, то на всѣ три и такимъ образомъ демонстрировалъ передъ своими слушателями и своимъ собственнымъ сознаніемъ растущее величіе и „возвышенность“ своей персоны. Слова легкость (плавность) и экзальтація и, наоборотъ, унылость (отяжелѣніе) и угнетенность напоминаютъ нѣчто сходное. Необыкновенная мускульная сила даетъ ощущеніе легкости, которое иногда превращается въ вѣру въ возможность паренья въ воздухѣ тяжелыхъ тѣлъ или въ дѣйствительность

экстатической восторженности или въ блаженство вознесения тѣла на небо. Съ другой стороны, встрѣчаются случаи—два изъ нихъ извѣстны мнѣ лично—чрезвычайной ломкости костей: у двухъ извѣстныхъ мнѣ лицъ во всякое время могли имѣть мѣсто самопроизвольные переломы, почему они не безъ уважительной причины боялись стоять; при другихъ обстоятельствахъ такого рода боязнь могла бы показаться болѣзненной; это могутъ испытывать ипохондрики, напримѣръ ипохондрикъ у Толстого, воображавшій, будто онъ изъ стекла; несмотря на всѣ предпринимавшіяся имъ самыя нелѣпыя мѣры предосторожности, онъ однажды подскользнулся, упалъ и считалъ себя разбитымъ съ такою самовнушительной увѣренностью, что умеръ; или случаи обратной силы тяжести, какъ подъ № 35; или параноикъ, который хотѣлъ столкнуть своего гостя съ крыши, чтобы показать ему вмѣшательство спасительной руки Бога; только увѣреніе, что всемогущество Бога сможетъ еще лучше обнаружиться, если они оба пойдутъ внизъ и оттуда попробуютъ вскочить на крышу, заставило его отказаться отъ первоначальнаго намѣренія.

Эти послѣдніе случаи, какъ и большинство изъ собранныхъ нами примѣровъ страха, можно считать иллюстраціями когда-то бывшаго, теперь пережитаго состоянія, ибо это состояніе было налицо до пріобрѣтенія привычки выпрямленнаго положенія; другіе случаи объясняются, можетъ быть, пробужденіемъ въ ребенкѣ нормальнаго импульса не только достигнуть полнаго роста, но и перерасти обычную вышину тѣла. Вообще гдѣ же намъ ожидать найти въ душѣ слѣды давнопрошедшихъ временъ, какъ не въ такихъ массивныхъ, нагроможденныхъ одно на другое ощущеніяхъ? И развѣ не напрашивается сама собою мысль, что функція столь же стара и многообразна, какъ сами органы? Даже ихъ морфогенетическое значеніе превосходитъ самыя смѣлыя мечты Ламарка, если согласиться со спекулятивными разсужденіями Копа или Ру. Квинке, Бючли и другіе доказываютъ, что первая

структура протоплазмы опредѣляется физическими законами поверхностнаго напряженія; мы можемъ констатировать ихъ дѣйствіе на кровяныхъ шарикахъ, на строеніи клѣтокъ тканей, напримѣръ печени и т. д., и слѣдуетъ признать, что прежняя жизнь души сложилась на основѣ такой фундаментальной связи съ физической природой¹⁾.

II. Боязнь заблудиться.

1. Ж., 7—10. Часто просыпалась въ ужасѣ и громко кричала, потому что не могла вспомнить, гдѣ она была и даже лежала ли она въ постели.

2. Ж., 19. Потѣеть, чувствуетъ себя слабой и еетошнить, если она, проснувшись ночью, не сейчасъ же можетъ локализовать каждую дверь и каждое окно.

3. Ж., 21. Ни отъ какой другой разновидности страха не страдала такъ, какъ отъ боязни потеряться или быть перевернутой въ постели; въ чужомъ мѣстѣ она не спитъ изъ-за этой боязни; ее постоянно мучитъ страхъ, что она не найдетъ дороги изъ школы, пойдетъ по невѣрному направленію, хотя мѣстность ей хорошо извѣстна; точно такъ же она не могла освободиться отъ боязни войти въ чужой классъ; она боится войти въ хотя бы маленькій лѣсокъ, повернуть за уголъ или пройти по извилистой дорогѣ изъ боязни заблудиться; поэтому она запоминаетъ направленіе дороги до мельчайшихъ подробностей.

4. М., 12. Постоянно страдаетъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, отъ страха потерять направленіе.

5. М., 7. Отчаянно цѣпляется за свою мать, когда ему приходится, идя съ ней, завернуть за уголъ или войти въ лавку или еще куда-нибудь.

6. Ж., 35. Во время морского путешествія страдала отъ мучительнаго страха, что пароходъ потеряетъ карту или компасъ.

¹⁾ См. особенно O. Bütschli, Untersuchungen über mikroskopische Schäume und das Protoplasma. Leipzig, 1892, стр. 139 сл.; Verworn, Allgemeine Physiologie. Jena 1895, стр. 428 сл.; Dantes, La vie. Paris 1896, стр. 34—50; W. Roux, Ges. Abhandlungen. Leipzig 1895; Core, Primary Factors in Original Evolution. Chicago, 1896, ch. X.

— 311 —

7. Ж., 17. Представляла себѣ вѣчность, конецъ времени, пространства и міра, что вызывало въ ней чувство слабости и сердцебіеніе; она становилась серьезной и задумчивой и заготовляла для такихъ случаевъ собраніе отрывковъ изъ Библии и хвалебныхъ гимновъ.

8. Ж., 25. „Меня всегда наполнялъ ужасъ передъ неизмѣримостью вѣчности; при мысли объ этомъ мною овладѣвали страшныя чувства; такъ продолжалось до двадцатаго года, когда наступила реакція; я начала, наконецъ, вѣрить въ полное уничтоженіе и предпочитала мысль быть разсѣянной во вселенной“.

9. Ж., 21. Никогда не хотѣла разставаться съ подругами по игрѣ, такъ какъ постоянно боялась, что онѣ могутъ спрятаться; мысль потеряться хотя бы на одно мгновеніе вызывала въ ней сжиманіе сердца.

10. М., 42. Учитель одной высшей школы, одинаково владѣющій какъ правой, такъ и лѣвой рукой, съ трудомъ различаетъ правую сторону отъ лѣвой; на углахъ ему часто приходится останавливаться и подумать, обернуться и т. п.; иногда онъ приходитъ изъ-за этого въ очень нервное состояніе.

11. М., 27. Учился одинъ годъ въ Берлинѣ, но никогда не чувствовалъ себя тамъ хорошо, потому что востокъ казался ему западомъ и солнце на ложномъ пути.

12. Ж. До трехлѣтняго возраста она почти не выходила изъ дому и потому, когда ее стали выводить, обстановка внѣ дома угнетала ее; ей было неприятно наблюдать отдаленные предметы, и она не отходила больше, чѣмъ на двадцать шаговъ отъ дверей.

13. М., 38. Непремѣнно долженъ предварительно ознакомиться съ городомъ, гдѣ останавливается, по плану или, по крайней мѣрѣ, имѣть планъ при себѣ, иначе приходитъ въ замѣшательство.

14. Ж., 18. Не могла пройти даже самаго небольшого разстоянія по полю, хотя бы прекрасно видѣла передъ собою мѣстность; она тотчасъ же приходила въ замѣшательство и начинала кружиться на мѣстѣ.

Первые два случая могли быть вызваны сновидѣніемъ о незнакомой мѣстности съ устрашающими подробностями. Сны о той или другой мѣстности очень живы у дѣтей и постепенно переходятъ, подобно туманнымъ видамъ, въ чувство, которое при пробужденіи мы испытываемъ

по отношенію къ окружающей насъ реальной обстановкѣ. „Гдѣ я нахожусь?“ таковъ часто первый вопросъ проснувшихся по утру дѣтей, и нерѣдко наблюдаются странныя колебанія между двумя состояніями и элементами того и другого, какъ при гипнотическихъ явленіяхъ. Каждый предметъ въ комнатѣ—это своего рода маякъ или спасательный якорь, помогающій дѣтямъ попасть изъ далекихъ путешествій, совершаемыхъ ими во снѣ, въ безопасную гавань дѣйствительности; поэтому каждое измѣненіе вызываетъ въ ребенкѣ замѣшательство. Нѣкоторые писатели приписываютъ наибольшее значеніе самопроизвольному и особенно полному пробужденію. Очень распространенъ среди дѣтей страхъ потеряться (см. №№ 9 и 12); онъ можетъ стать чрезвычайно сильнымъ, и знакомая обстановка домашняго угла въ такихъ случаяхъ чрезмѣрно притягиваетъ къ себѣ ребенка. Дѣти очень различны между собой въ усердіи, съ какимъ они стремятся узнать все ихъ окружающее, и еще больше въ энергіи и мужествѣ изслѣдовать все и найти объясненіе. Случаи, въ родѣ 4 и 12, и, можетъ быть, также и 9, почти напоминаютъ атавистическое возвращеніе къ первымъ формамъ сидячей жизни. Съ другой стороны, у дѣтей очень распространена склонность убѣжать; она напоминаетъ бродячіе инстинкты у птицъ, рыбъ, млекопитающихъ и у кочевыхъ народовъ, далѣе—весеннюю лихорадку, столь частую у сѣверныхъ народовъ послѣ ихъ долгой зимы, затѣмъ странствующихъ учащихся, бродягъ, слоняющихся по свѣту и т. д. Глазъ, ухо и носъ въ своихъ первоначальныхъ формахъ—органы ориентированья, руководящіе движеніемъ. Когда мы знаемъ, въ какомъ направленіи движется солнце, мы можемъ устранить припадки космической слабости, какъ въ случаяхъ 13 и 4. Подобно тому, какъ дѣтямъ трудно отличить р отъ q, и нѣкоторыя изъ нихъ смѣшиваютъ р съ b, такъ и для нѣкоторыхъ людей трудно отличить право отъ лѣво, пройти въ кругъ и т. д. Мы не обла-

даемъ магнетическимъ чувствомъ притяженія къ сѣверному полюсу, и потому нами нѣкогда живо воспринималась смертельная опасность заблудиться въ условіяхъ первобытной общительной стадной жизни; она побудила насъ къ тщательнымъ наблюденіямъ всѣхъ отмѣтокъ и указателей, а особенно въ долинахъ—къ наблюденіямъ надъ небеснымъ сводомъ. Я считаю вѣроятнымъ, что нѣкоторыя изъ частыхъ явленій ориентированія у дѣтей заключаютъ въ себѣ филогенетическіе элементы, какъ слѣдствіе опыта предковъ. Животная жизнь должна дѣйствовать, но въ дѣйствіи она должна знать переднюю и заднюю сторону, направленіе, по которому направляется дѣйствіе и откуда оно приходитъ, должна держаться все больше одного опредѣленнаго мѣста, откуда начинается свое дѣйствіе, должна умѣть прогнать, отталкивать, протискиваться впередъ, а позже умѣть найти для себя надежное убѣжище; такъ развивается постоянная мысль о возвращеніи. Этотъ родъ ориентированія долженъ быть самымъ первоначальнымъ факторомъ въ развитіи чувствъ пространства.

III. Боязнь замкнутости.

1. М., 14. Я всегда испытывалъ сильный страхъ, когда на мою голову набрасывали платокъ или забирали меня въ темномъ чуланѣ.

2. Ж., 19. Уже одна мысль о тюремномъ заключеніи заставляетъ меня почувствовать удушье.

3. М., 28. Не выносить закрытой кареты; его пугаетъ не ѣзда, а закрытое помѣщеніе.

4. М., 18. Такъ боится задохнуться, что чувствуетъ себя потеряннымъ и взываетъ о помощи, когда голова его укутана дѣтскимъ передникомъ.

5. Ж., 36. Питаетъ отвращеніе къ узкимъ маленькимъ комнатамъ; окна, если ужъ не двери, должны оставаться открытыми; никогда не рѣшается войти въ комнату, если ключъ торчитъ въ дверяхъ съ внѣшней стороны; если же она все-таки входитъ, то ей приходится дѣлать большія усилія, чтобы дышать.

6. Ж., 18. Ненавидитъ пещеры, ущелья и всѣ узкія мѣста и площади; въ лѣсу ощущаетъ какое-то стѣсненіе и томленіе и не можетъ вздохнуть глубоко.

7. Ж., 20. У нея появляются тѣ же симптомы, когда она сидитъ въ углу; къ послѣднему у нея непреодолимый страхъ.

8. М., 16. Цвѣтной расы. Больше всего на свѣтѣ боится заключенія; если нужно закрыть дверь, то сдѣлать это хочетъ непременно онъ самъ; „тѣ же чувства я испытываю по отношенію ко всему, что ограничиваетъ мою свободу, и хотѣлъ бы воскликнуть вмѣстѣ съ Патрикомъ Генри: Дайте мнѣ свободу или уничтожьте мою жизнь!“

9. Ж., 20. Не запираетъ за собою незнакомыхъ дверей, а старается подѣ какимъ-нибудь предлогомъ держать ихъ за ручку или только прислонить; описываетъ пережитыя ею въ дѣтствѣ впечатлѣнія, когда ее одиннадцатилѣтней дѣвочкой заперли въ амбарѣ.

10. Ж., 26. Сильные туманы вызываютъ въ ней чувство подавленности; она боится, что туманъ спустится, и она задохнется; но внутри дома она не испытываетъ этого страха.

11. Ж., 15. Въ трехлѣтнемъ возрастѣ она впервые замѣтила туманъ и испугалась, принявъ его за вуаль, которую Богъ растянулъ надъ землею и никогда больше не удалить съ земли.

12. Ж., 18. Во время тумана думаетъ, что облака упадутъ на землю; въ такихъ случаяхъ она не можетъ дышать и чувствуетъ себя больной.

13. Ж., 17. Просыпаясь до начала дня, она боится, что солнце можетъ не взойти, молится и взываетъ о свѣтѣ.

14. Ж., 20. При видѣ чего-нибудь змѣеподобнаго, у нея является ощущеніе, точно липкая веревка обвертывается вокругъ ея шеи и сейчасъ задушитъ ее.

15. Ж., 17. Долгое время боялась жаркой погоды и удушья отъ жары; каждое упоминанье о смерти заставляетъ ее думать объ удушеніи.

16. М., 16. Сильно страдаетъ отъ страха быть заживо погребеннымъ и приводитъ собранныя имъ подробности о страшныхъ искривленіяхъ выкапанныхъ изъ земли и проснувшихся къ жизни тѣлъ.

17. М., 18. Требовалъ трубку, чтобы говорить и дышать черезъ нее.

18. М. Желаль, чтобы его инструменты похоронили съ нимъ, съ ихъ помощью онъ смогъ бы прокопать себѣ выходъ наверхъ; другой юноша хотѣлъ взять съ собой въ могилу кушанье и питье.

19. М., 42. Всегда настолько боится задохнуться, что даже въ самое холодное время года спитъ при широко раскрытыхъ окнахъ.

20. Ж., 27. Не можетъ ни читать, ни слышать словъ задохнуться, задушить, повѣсить и т. д.,—у нея немедленно обнаруживаются первныя явленія; послѣднія появляются иногда уже при словахъ подавленіе, тюрьма, тиранство, принужденіе или застаютъ ее врасплохъ съ наступленіемъ ночи.

21. Ж., 18. Дурной или очень сильный запахъ вызываетъ у нея чувство удушья, запертости и жары.

22. Ж., 18. Носитъ только очень большія кольца; если при сниманіи съ пальца кольцо хотя бы чуть-чуть задерживается, она пугается; не позволяетъ повѣсить себѣ медальона на шею.

Жажда воздуха, ощущаемая, когда легкое послѣ рожденья въ первый разъ наполняется воздухомъ, почти неутолима,—такъ велика тогда потребность въ воздухѣ, и ограниченіе въ доступѣ воздуха порождаетъ первыя явленія удушья. Небольшія дыхательныя затрудненія предрасполагаютъ къ болѣзненной боязни закрытыхъ мѣстъ, тогда какъ короткое дыханіе и связанное съ нимъ перенасыщеніе крови кислородомъ не влечетъ за собою страха переходить черезъ открытыя площади. Во всѣхъ этихъ глубоко лежащихъ аналогіяхъ ощущеній, выступающихъ болѣе во снѣ, чѣмъ въ бодрствующемъ состояніи, состояніе крови, легкихъ или сердца указываетъ, повидимому, на то, что воображеніе чаще дѣйствуетъ въ сновидѣніяхъ, а противоположные ему элементы характернѣе для бодрствованія. Если бы мы могли поставить какое-нибудь лицо въ безопасности на вершущку высокаго столба и суживать постепенно его горизонтъ хотя бы съ помощью дождевого зонтика, закрывая его все больше и больше, пока данное лицо не окажется точно запертымъ въ колодецѣ, и если бы мы могли измѣрить, когда именно наступаетъ боязнь закры-

таго пространства; затѣмъ, наоборотъ, понижая его горизонтъ, оставляли бы его на высокой вершинѣ и могли бы описать, какъ боязнь пространства переходитъ въ боязнь высотъ, тогда мы были бы несомнѣнно въ состояніи измѣрять интересныя и новыя психологическія соотношенія. Сюлли Прюдомъ желалъ, чтобы міръ не былъ круглымъ, а простирался въ безконечность, но при этомъ, чтобы вездѣ надъ нимъ были звѣзды и небо; сознаніе границъ міра угнетало его.

Въ группахъ I, II и III выступаютъ важные факторы пространственнаго воспріятія. Ощущеніе паденья и страхъ передъ силою притяженія едва ли указываютъ на жизнь въ водѣ въ сѣдой древности, какъ паренье и плаванье, съ которыми всегда связаны измѣненія въ дыханьи. У меня нѣтъ никакого желанія спекулировать объ относительномъ возрастѣ, т.е. давности, этихъ двухъ группъ ощущеній. Оріентированье относительно горизонтальной длины и ширины началось, вѣроятно, съ различеній между головнымъ и хвостовымъ направленіями, а также между переднимъ и заднимъ—при выпрямленномъ положеніи тѣла. Послѣ перехода къ выпрямленному положенію стало гораздо легче поворачиваться, но и столь же легко упасть, такъ что горизонтальное оріентированье было сопряжено теперь съ гораздо большими трудностями. Мы потребляемъ при дыханьи въ часъ количество воздуха, равное кубическому содержанію нашего тѣла, увеличенному въ нѣсколько разъ, и это обстоятельство могло, подобно каждому изъ вышеназванныхъ элементовъ, быть факторомъ при первомъ развитіи пространственной квалификаціи. Не требуется апріорныхъ доказательствъ ихъ наличности для зрительнаго или осязательнаго пространства. Группа II появилась одновременно съ активными чувствами движенія. Осязаніе, мускульныя ощущенія ¹⁾ и полукруглые каналы

¹⁾ Cp. The Muscular Perception of Spacey St. Hall: Aspects of German Culture, стр. 225 сл. сл.

специализировали эти функции; зрѣніе и увеличивающееся господство зрительныхъ воспріятій во всей области духа возстановили ихъ еще разъ съ значительно расширенными толкованіями, но послѣдній корень, внутреннее свойство, вещь въ себѣ пространственнаго воспріятія, если мы сможемъ когда-либо разложить ее на послѣдніе элементы, заключаетъ уже, можетъ быть, въ себѣ эти факторы; ихъ создали въ первый періодъ животной жизни тѣ строгіе, но почтенные учителя, которые еще понынѣ доставляютъ людямъ самыя надежныя и постоянныя знанія—страхъ и страданье. Если такъ, то Берклей, Кантъ и современная теорія познанія должны уступить мѣсто генетическимъ факторамъ пространственной перцепціи, которымъ не удѣляли вниманія до сихъ поръ и которые даютъ возможность разсматривать проблему шире и менѣе формально.

IV. Боязнь воды.

Это разновидность страха въ той или иной нелѣпой формѣ пользуется почти всеобщимъ распространеніемъ въ какой-нибудь изъ періодовъ дѣтства; у нея много формъ.

1. Ж., 19. „Когда меня мыли, я коченѣлъ, выпячивалъ глаза и доходилъ отъ страха почти до конвульсій“.

2. Ж., 17. До одиннадцатилѣтняго возраста сильно боялась воды; при купаньи кричала отъ страха и доходила почти до конвульсій.

3. Ж. Одна дѣвочка испытывала страхъ, когда ее мыли, до третьяго или четвертаго года жизни; уже при видѣ теплой воды въ ваннѣ она начинала драться, бросаясь изъ стороны въ сторону, и кричать, точно бы ей угрожала смерть; въ теченіе нѣкотораго времени ее даже подозрѣвали въ намѣренномъ неистовствѣ по злости; но постепенно плесканье въ водѣ начало ей нравиться, и она перестала бояться сосѣдняго пруда.

4. Одна мать нашла средство для избѣжанія испуга ребенка при опусканіи его въ воду: она покрывала воду въ ваннѣ одѣяломъ, сажала ребенка сверху и осторожно опускала его въ воду.

5. Ж., 16. „Я ужасно боялась воды; я сначала мочила кончики пальцевъ, прикасалась ими къ каждой щекѣ и считала свой утренній туалетъ законченнымъ; я боялась отчасти холода, отчасти сырости“.

6. Ж., 17. До девятилѣтняго возраста не могла перейти черезъ рѣку, хотя бы самую маленькую, или перѣхать хотя бы въ каретѣ или на повозкѣ, не закрывъ предварительно глазъ и не отвернувъ головы.

7. М. Одинъ двухлѣтній мальчикъ начиналъ тотчасъ же плакать и кричать, когда видѣлъ, какъ льютъ воду въ чашку или слышалъ шумъ потока.

8. Ж. Одна шестилѣтняя дѣвочка долго такъ боялась воды, что всегда ходила по самой серединѣ мостовъ: она думала, будто часть воды можетъ подняться вверхъ и смыть ее; въ четырнадцать лѣтъ этотъ страхъ появился снова.

9. Ж., 20. Когда она готовилась войти въ первый разъ въ море для купанья, ею внезапно овладѣлъ непреодолимый страхъ, и ей казалось, что она сейчасъ задохнется.

10. Ж., 19. Боялась прійти въ соприкосновеніе съ водой, пока ее однажды не окунули насильно; съ тѣхъ поръ вода приобрѣтала для нея все бѣльшую прелесть.

11. М. Одинъ мальчикъ раньше никогда не боялся воды; когда ему было пять лѣтъ, одинъ знакомый взялъ его съ собой купаться; съ тѣхъ поръ вода вызываетъ въ немъ нервный страхъ.

12. М., 16. Въ восьмилѣтнемъ возрастѣ его окунули какъ-то съ головой; съ тѣхъ поръ онъ не отваживается больше плавать и боится даже взглянуть на воду.

13. М. Четверо мальчиковъ описываютъ большой ужасъ, овладѣвшій ими при окунаньи лица или головы; двое изъ нихъ хорошіе пловцы, но никогда не окунались съ головой.

14. М., 11. „Если идетъ дождь въ то время, когда я нахожусь въ лодкѣ, я начинаю очень бояться“.

15. Ж., 17. Часто катается въ лодкѣ, но постоянно боится, какъ бы ни проломилось дно; причины этого страха не можетъ опредѣлить.

16. Ж., 16. Ежедневно пользуется плотомъ для переправы, но не спускаетъ при этомъ глазъ со спасательнаго пояса и раздумываетъ, что ей дѣлать, если плотъ пойдетъ ко дну.

17. Ж. Одна учительница боится мостовъ, особенно такого моста, съ котораго можно смотрѣть въ воду;

иногда она, находясь на мосту, не въ состояніи двинуться ни впередъ, ни назадъ.

18. Ж., 24. „Мой братъ матросъ, а я не могу видѣть бушующаго моря и не смѣю даже подумать о немъ“.

19. Ж. Пятеро дѣвочекъ боялись сильныхъ дождей, ожидая отъ нихъ повсемѣстнаго наводненія.

20. Ж., 18. Въ купальнѣ внезапно пристала къ подругамъ сейчасъ же войти въ воду и выйти: „такъ мы покончимъ съ этимъ и забудемъ“.

21. Ж., 18. Не можетъ смотрѣть на воду, не почувствовавъ сильнаго влеченія окунуться, хотя она не умѣетъ плавать.

22. Ж., 15. Не осмѣливается заглянуть въ глубокую воду, потому что она представляется ей прохладной и покойной и притягиваетъ ее въ свои глубины.

23. Многие описываютъ пріятное чувство медленнаго погруженія, плаванья или лежанья на днѣ прудовъ или морей.

24. Шумъ вѣтра напоминаетъ многимъ море, иногда морскую болѣзнь, иногда вызываетъ зрительные образы или какое-нибудь морское настроеніе, которое соотвѣтствуетъ вѣтру или измѣняется съ нимъ.

25. Ж., 14. Видъ акваріума, который вызвалъ у нея ночное удушье и ощущенія тонущаго человѣка, причинялъ ей безпокойство цѣлыми днями и ночами.

26. Ж., 7. Когда она въ первый разъ увидѣла океанъ, ею овладѣлъ такой страхъ, что ей не смѣютъ готовить ваннъ изъ морской воды—она требуетъ каждый разъ увѣреній въ томъ, что вода въ ваннѣ прѣсная.

27. Нѣкоторыя дѣти представляютъ себѣ море наполненнымъ множествомъ прекрасныхъ и драгоцѣнныхъ вещей или существъ, въ родѣ коралловъ, нимфъ или пещеръ изъ драгоцѣнныхъ камней—все это они жаждутъ увидѣть; другія же дѣти преисполнены нелѣпыхъ страховъ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, въ моряхъ живутъ всевозможныя чудовища.

28. Ж., 43. Увѣрена, что при сильномъ дождѣ и иногда при густомъ туманѣ она должна утонуть.

29. Ж., 21. Утонуть—это, по ея мнѣнію, наилучшій родъ смерти; мысль опуститься спокойно на дно невѣдомыхъ глубинъ, оставивъ позади себя всѣ заботы и страданія, такъ привлекаетъ ее, что она близка къ рѣшенію осуществить ее.

30. Ж. Для одной английской дамы мысль утонуть являлась окруженной поэтическим ореолом; она видѣла себя въ воображеніи плывущимъ трупомъ въ живописномъ положеніи и тѣмъ не менѣе всегда боялась купаться въ открытомъ морѣ, предпочитая ванны.

31. Ж., 20. Думала постоянно, что ей предопредѣлено утонуть; она избѣгала всякой возможности подобнаго конца, но въ воображеніи живо представляла себѣ всѣ связанныя съ нимъ явленія.

32. М. Двое мальчиковъ не хотѣли бѣгать на конькахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода была глубока, хотя всѣ другія дѣти не избѣгали этихъ мѣстъ; и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше дѣтей на льду, тѣмъ возможнѣе катастрофа.

33. Ж. Одна дама пишетъ намъ, что ея шестнадцатилѣтній сынъ, въ остальномъ вполне нормальный юноша, ощущаетъ частую потребность мочеиспусканья, но боится этого, какъ боится также пить воду.

34. Ж., 32. Считала море холоднымъ, жестокимъ и почти всемогущимъ, зловреднымъ великаномъ.

Маленькія дѣти въ большинствѣ случаевъ боятся воды, потому что она холодная. Такъ объясняются, надо полагать, случаи 1, 2, 5 и другіе, ибо кожа у дѣтей очень чувствительна, и недостаточная приспособляемость къ температурѣ можетъ такъ или иначе повлечь за собою не только неприятное чувство, но даже боль и, какъ слѣдствіе послѣдней, страхъ. Но едва ли возможно объяснить такимъ образомъ №№ 3 и 4; также въ основѣ многихъ остальныхъ случаевъ лежатъ другіе элементы. Связь со случайностями или съ существами, живущими по предположенію дѣтей въ водѣ, имѣетъ мѣсто въ №№ 8, 11, 12, 18, 24, 25, можетъ быть, въ № 32 и, весьма вѣроятно, еще и въ другихъ. Если мы устранимъ или выдѣлимъ все могущее быть слѣдствіемъ этихъ обѣихъ причинъ, то у насъ не останется удовлетвори- тельнаго объясненія для случаевъ 6, 9, 10; случаи 13, 14, 15, 16 указываютъ на другіе элементы, тогда какъ „притягивающій“ факторъ въ 21, 22 и 23 напоминаетъ ученіе о навязчивыхъ представленіяхъ, но послѣднее, какъ это часто бываетъ, скорѣе само нуждается въ объясненіяхъ, чѣмъ даетъ ихъ. И опять иные элементы

выступаютъ въ случаяхъ 20, 29 и 30. Факторъ удушья, одинъ изъ глубочайшихъ корней страха, и здѣсь часто является формой физиологическаго резонанса, который можетъ быть вызванъ дождемъ, облаками или туманомъ, даже сыростью въ воздухѣ. Специфическій, т.-е. удѣльный, вѣсъ воды отнимаетъ у движеній конвульсивность и дѣлаетъ пассивныя движенія болѣе медленными и умѣренными; въ состояннн разгоряченности и утомленія прохлада и мягкость воды представляютъ большую прелесть. Самоубійцы, особенно женскаго пола, охотно выбираютъ этотъ родъ смерти: топятся въ водѣ. Въ прозѣ и поэзи не разъ описывались эти влїянія, и не разъ моря и рѣки населялись мнѣическими созданннми, столь же притягательными, сколь и устрашающими.

Если оставить въ сторонѣ все то, что можно отнести на счетъ индивидуальнаго опыта, то развѣ въ чувствахъ боязни воды не сказывается родовая наследственность? Этотъ неизбежный здѣсь вопросъ неразрѣшимъ, какъ неразрѣшима проблема соотношеннй между врожденнымъ и прїобрѣтеннымъ въ другихъ областяхъ. Имѣющнйся матерналь, несомнѣнно, недостаточенъ, хотя онъ и богатъ намеками на различныя возможности. Я склоняюсь прежде всего ко взгляду, что психологамъ слѣдуетъ предположить существованнє чисто инстинктивныхъ слѣдовъ отъ тѣхъ временъ, когда высшнй животныя оставили жизнь въ морѣ, перестали быть амфибнотподобными и избрали своимъ мѣстопребываннємъ землю. Развѣ мы не унижаемъ душу, предполагая ее менѣе сложной или менѣе одаренной слѣдами отъ ея прежнихъ стаднй развитня, чѣмъ тѣло, которое въ амннотической жидкой средѣ проходитъ, подобно рыбѣ, черезъ первичныя стаднй жизни до рождення и сохраняетъ слѣды первоначальныхъ жаберныхъ разрѣзовъ въ теченнє всей зрѣлой жизни? Какъ эти слѣды иногда достигаютъ преувеличенныхъ размѣровъ у людей-уродовъ, такъ въ исключительныхъ случаяхъ древнее обаяннє воды и древняя боязнъ воды могутъ выступать въ со-

знаніи на первый планъ. Во всякомъ случаѣ понятно, что вліяніе относительно долгаго періода, когда жизнь протекала въ водѣ, оставило въ душѣ слѣды, ощути-
мые еще теперь, и что оно находитъ себѣ выраженіе особенно въ поэзіи—поэзія болѣе преисполнена чув-
ства и старше прозы—въ слабыхъ слѣдахъ борьбы между боязнью воды и любовью къ водѣ. Нѣкогда, можетъ быть, въ вѣкъ большихъ амфибій или, по край-
ней мѣрѣ, между девонскою эпохою каменнаго угля и рыбъ и гигантскими пресмыкающимися третичной и юрской формаціи, т.-е. во всякомъ случаѣ много спу-
стя послѣ появленія типа позвоночныхъ животныхъ,— виды движеній, дыханія, питанія, чувство рановѣсія и ориентированія относительно мѣста, дѣятельность всѣхъ спеціальныхъ чувствъ и т. д. измѣнились болѣе или менѣе радикальнымъ образомъ. Почему же предполо-
жить, что болѣе старыя и глубокія коренныя формы психической дѣятельности претерпѣли измѣненія, болѣе изгладившія слѣды прошлаго, чѣмъ то случилось при измѣненіяхъ, которымъ подверглось тѣло?

Простѣйшая гипотеза, по-моему, слѣдующая: самое глубокое изъ всѣхъ чувствъ къ водѣ—это старая любовь къ ней; ея слѣды сохранились до сихъ поръ и доказы-
ваются въ нѣкоторыхъ чертахъ ея обаянія для человѣка и въ ея притягательной силѣ, когда она кажется такой прохладной, мягкой, покойной, поддерживающей, манящей и прозрачной. Полученные нами отвѣты на другой опросный листъ свидѣтельствуютъ о необъяснимой стра-
сти дѣтей къ водѣ: они любятъ видѣть ее, чувствовать подъ руками, барахтаться въ водѣ, играть ею или плыть въ лодкѣ по водѣ. Сила и глубина этой страсти, если даже выдѣлить всѣ вліянія въ этомъ направленіи, воз-
никшія на почвѣ опыта отдѣльнаго ребенка, и другія— новѣйшаго филогенетическаго происхожденія, указы-
ваютъ на прежнюю, гораздо болѣе продолжительную жизнь въ морѣ. Позже, послѣ того, какъ земля разви-
лась до континентальныхъ размѣровъ и привычки жизни

амфибій уступили мѣсто условіямъ, дѣлавшимъ жизнь на сушѣ постоянной, высшія животныя проводили все меньше и меньше времени въ водѣ и подъ конецъ, по мѣрѣ утраты способности плавать, вода становилась для нихъ опасной. Для животныхъ, наиболѣе приспособившихся къ сушѣ, вода представляла наибольшія неудобства, и, такимъ образомъ, боязнь воды стала хронической и очень сильной, такъ какъ она должна была подавить прежнюю любовь. Животныя, наиболѣе боявшіяся воды, имѣли на извѣстной стадіи развитія больше шансовъ пережить менѣе боязливыхъ. Нѣкоторыя разновидности дѣтскаго страха, въ родѣ вышеприведенныхъ, показываютъ понынѣ, насколько тяжело было отвыкать отъ старой колыбели всей жизни. Мысль о возвращеніи къ старому элементу получаетъ иногда внезапно необыкновенную силу и становится велѣніемъ и непреодолимымъ влеченіемъ, когда старая склонность подобно изверженію, вырывается наружу тамъ, гдѣ верхніе слои тонки или неравномѣрно распределены. Женщины-самоубійцы топятся гораздо чаще мужчинъ и вообще предпочитаютъ этотъ родъ самоубійства, потому что въ женской организаціи старыя вліянія удерживаются дольше, чѣмъ въ мужской; старая склонность къ водѣ у женщинъ относительно сильнѣе, чѣмъ былой страхъ. Но у всѣхъ нормальныхъ душъ любовь и страхъ находятся въ гармоническомъ соотношеніи, такъ что удовольствіе отъ первой и самозащита на почвѣ второго сочетаются воедино—страхъ и опасность прибавляютъ теперь новое обаяніе.

Слѣдуетъ, можетъ быть, здѣсь прибавить, что водобоязнь, какъ обозначеніе главнаго признака въ группѣ болѣзненныхъ явленій, по всѣмъ видимостямъ исчезаетъ изъ современной медицинской литературы. Не существуетъ дѣйствительной боязни воды, какъ таковой,—боязни, отличной отъ боязни другихъ блестящихъ вещей или болѣе твердыхъ матерій, исключая случаевъ истерій и лжебоязни. Бѣшенство, при которомъ ощу-

щаются сухость и сжатіе глотки и затрудненное глотаніе—является ли болѣзнь воображаемой или приобрѣтенной путемъ зараженія—не имѣетъ никакого отношенія къ нашему предмету разсмотрѣнія.

V. Боязнь вѣтра.

1. М., 1 годъ, 8 мѣсяцевъ. Когда завываетъ вѣтеръ или производитъ какой-нибудь шумъ, мальчикъ немедленно устремляется къ матери.

2. Ж., 2. Приходитъ всегда въ странное возбужденіе, когда дуетъ вѣтеръ; прижимается къ близкимъ и утихаетъ.

3. М., 16. Въ дѣтствѣ ничто не пугало меня такъ, какъ вѣтеръ; чтобы усмирить меня, достаточно было лишь произнести это слово.

4. М., 18. Когда завывалъ вѣтеръ, я говорилъ себѣ: это точно мать плачетъ по своему умершему ребенкѣ.

5. Ж., 19. Звукъ вѣтра или шуршанье листьевъ всегда приводили ее въ плохое, угнетенное настроеніе.

6. Ж., 40. Ночной вѣтеръ казался ей всегда рычаньемъ собакъ; она не могла заснуть и воображала себѣ множество собакъ вокругъ дома.

7. Ж., 28. Становится всегда нервной и безпокойной, когда слышитъ вѣтеръ въ деревьяхъ: „мнѣ приходится напрягать всю силу воли, чтобы продолжать сидѣть и работать, а не бродить, какъ безпокойный духъ, по дому; гроза безъ вѣтра не приводитъ меня въ безпокойство“.

8. Ж. Сильный вѣтеръ вызываетъ у этой дамы съ утонченной натурой такое ощущеніе, точно она находится на морѣ; она чувствуетъ укачивающія движенія волнъ и позывъ къ рвотѣ.

9. Ж., 43. „Будучи дѣвочкой, я всегда чувствовала себя несчастной въ точномъ соотношеніи съ силою вѣтра; я обыкновенно наблюдала за движеніями вѣтвей деревъ и по нимъ опредѣляла силу вѣтра; внезапное или даже постепенное усиленіе шума въ листьѣ еще и донныѣ заставляють вздрагивать мое сердце; я боялась, какъ бы легкій вѣтерокъ ни превратился бы въ сильнѣйшій вѣтеръ; каждое утро, просыпаясь, я прежде всего думаю о вѣтрѣ и часто сравниваю его силу изъ-

часа въ часъ; я никогда не испытала дѣйствительной опасности отъ вѣтра“.

10. Ж., 24. Сильно боится вѣтра и безпрестанно изучаетъ облака, чтобы по нимъ заключить о его направленіи и силѣ.

11. Ж., 4. Боится, что вѣтеръ унесетъ ее или ее знакомыхъ.

12. М., 46. Грохотъ машинъ въ отдаленіи, кареты, громъ, морской прибой или глубокій голосъ напоминаютъ мнѣ иногда внезапно вѣтеръ такой страшной силы, которая могла бы снести и уничтожить море, сушу и даже всю землю; нѣкоторые „мотивы элементовъ“ въ Трилогіи Вагнера для меня невыносимы въ своей трагичности.

13. Ж., 20. Свистъ и вой вѣтра обезпокоиваютъ ее, и иногда она воображаетъ, что слышитъ дыханье какого-то чудовища.

14. Ж., 17. Во время бури представляетъ себѣ сражающіяся арміи.

15. М., 28. Боится иногда, что вѣтеръ смететъ все съ лица земли или даже, что сидящія въ глубинѣ природы силы вырвутся наружу и превратятъ все въ хаосъ.

16. М., 9. Считаетъ вѣтеръ выраженіемъ Божьяго гнѣва; чѣмъ сильнѣе дуетъ вѣтеръ, тѣмъ сильнѣе гнѣвъ Бога.

17. Ж., 18. Считала вѣтеръ крикомъ дикихъ людей или думала, что это проказничаютъ духи или играютъ въ прятки.

18. Ж., 18. Часто воображала, будто слышала, какъ вѣтеръ сказалъ: Я иду, я опрокину тебя и т. п.

Этотъ страхъ часто вызывается непосредственно тѣмъ, что мы переживаемъ, видимъ или читаемъ, какія опустошенія производятъ сильные вѣтры, бури на морѣ и т. д., и многое объясняется тѣсной ассоціаціей съ бурей и громомъ. Шумъ вѣтра обладаетъ поразительной властью надъ эмоціями дѣтства, особенно въ теченіе начальныхъ пластическихъ стадій языка, и вызываетъ въ воображеніи всевозможныя сцены и картины по тому же принципу, который иллюстрируется въ описательной программной музыкѣ. Вѣтеръ поднимается, шумитъ, воетъ, вздыхаетъ; онъ напоминаетъ всевозможные голоса животныхъ (6), чудовищъ (13), звуки машинъ (12),

сраженій (14), шумъ моря во всѣхъ его разновидностяхъ (8), патетическія сцены (4), гибель міра (15). Онъ капельмейстеръ огромнаго оркестра музыки природы и можетъ играть почти на всѣхъ струнахъ нашей эмоциональной жизни. Но при всемъ своемъ могуществѣ вѣтеръ невидимъ. Можетъ быть, больше всѣхъ другихъ вещей онъ былъ создателемъ невидимаго духовнаго міра въ первоначальномъ сознаніи. Какъ объяснить сверхчувственныя вещи иначе, нежели въ связи съ вѣтромъ; на эту связь указываетъ этимологія нѣкоторыхъ словъ во многихъ первобытныхъ и культурныхъ языкахъ, напимѣръ, spiritus, духъ, душа, мысль и т. д. Вѣтеръ первый и главный учитель ребенка въ той школѣ, гдѣ онъ знакомится со всѣми могучими силами природы, вызывающими жару, холодъ, солнечное сіяніе, образование облаковъ, дождь, разрушеніе и также измѣненіе настроенія, точно бы они были неизвѣстная, всеобъемлющая личность, у которой нѣтъ глазъ, но которая все видитъ. Онъ измѣняется постоянно въ силѣ и направленіи, не слѣдуетъ никакому извѣстному закону, а между тѣмъ его измѣненія такъ же чувствительны для насъ, какъ удары собственнаго пульса; и находясь въ напряженномъ, нервномъ состояніи, мы прислушиваемся къ его „что теперь?“ Придерживаемъ дыханье, точно бы его приближеніе и удаленіе зависѣло отъ этой таинственной силы. Первобытные люди жили на днѣ большого воздушнаго моря, и измѣненное давленіе вліяло на кровь, мускульное напряженіе и даже на колѣбныя судороги; поэтому насъ не должно удивлять, если они не знали, что такое воздухъ въ состояніи покоя и неоднократно олицетворяли вѣтеръ въ томъ или иномъ видѣ. При желаніи мы можемъ, конечно, предположить, что соотвѣтственно съ какимъ-нибудь ученіемъ, напимѣръ, ученіемъ Маха о наследственности или одной изъ формъ памяти черезъ продолженіе молекулярнаго колебанія въ клѣткахъ или ихъ элементахъ (біофоры Вейсмана, плазомены Визнера, пангены де Фриса, micellae Негели и

т. д.) или какимъ-нибудь другимъ, менѣе матеріальнымъ путемъ; нынѣшнія реакціи дѣтской и юношеской души или особенно чувствительныхъ характеровъ, или нервныхъ больныхъ и до сихъ поръ обнаруживаютъ слѣды или шрамы отъ ужасныхъ бурь долгой эпохи диллювiального человѣка или даже вѣка древнѣйшаго моря, дѣлающіе наши души лучшими резонаторами, почему нѣкоторыя вліянія вѣтра воспринимаются особенно, какъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ; не слѣдуетъ, однако, ни минуты упускать изъ виду, что строгія логическія доказательства возможны лишь при наличности совершенно иного матеріала. Приходится удовольствоваться лишь новыми точками зрѣнія, представляющими особый интересъ и возбуждающими мысль; исходя изъ нихъ, мы должны продолжить изученіе этихъ группъ переживаній старыхъ, богатыхъ вліяніями, но въ жизни взрослого человѣка, въ большинствѣ случаевъ, уже не играющихъ никакой роли и раньше оставившихся наукой въ полномъ небреженіи. Души, боящіяся вѣтровъ, походятъ на Эоловы пещеры, изъ которыхъ—въ воображеніи—все еще могутъ вырваться вѣтры, угрожающіе уничтожить землю, море и небо.

VI. Страхъ передъ явленіями на небѣ.

Въ этой главѣ я привожу лишь очень немногіе типическіе случаи страха изъ болѣе чѣмъ тысячи полученныхъ мною сообщеній; примѣры характеризуютъ чувства дѣтей по отношенію къ небесному своду, облакамъ, небеснымъ тѣламъ, погодѣ и т. д.

1. Ж., 17. Въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ видѣла картину съ изображеніемъ неистоваго клоуна между облаками; позже часто воображала, будто видитъ его на небѣ и узнаетъ его очертанія на звѣздахъ; испытывала сильный страхъ, но никогда не высказывала его.

2. Ж., 16. Пугается, какъ только взглядываетъ на облака; видитъ въ нихъ очертанія ужасныхъ чудовищъ и боится даже тогда, когда рассматриваетъ картинки

съ изображеніемъ облаковъ; изъ боязни увидѣтъ въ облакахъ какія-нибудь фигуры часто убѣгала домой, бросая игры съ подругами; съ захватывающимъ дыханіе возбужденіемъ наблюдала за измѣненіями формъ облаковъ.

3. Ж., 19. Въ девять лѣтъ отъ роду узнавала въ формахъ облаковъ, по ея увѣреніямъ, слѣдующихъ животныхъ: коровъ, собакъ, лошадей, сѣверныхъ оленей, кошекъ, крысъ, свиней, козъ, львовъ, верблюдовъ и т. д.; она воображала, что въ облакахъ такъ или иначе жили большія животныя, и часто содрогалась отъ ужаса; вслѣдствіе этого интереса къ облакамъ въ дѣтствѣ, ее очень привлекало позже научное изученіе формъ облаковъ.

4. Ж., 16. Еще не превозмогла сильнаго страха, что тяжелыя, низко нависшія облака упадутъ на землю; нѣкоторыя изъ нихъ она считала за хищныхъ животныхъ и мифологическихъ чудовищъ.

5. Ж., 18. Боялась кучевыхъ облаковъ; когда они бывали черными, она боялась, что они разорвутся и произведутъ всеобщее разрушеніе; она никогда не выносила, чтобы облака стояли прямо надъ ея головой.

6. Ж., 27. Низко нависшія облака вызывали въ ней чувство удушья.

7. Ж., 19. Долго вѣрила въ то, что облака принимаютъ форму, соотвѣтствующую грядущимъ событіямъ; одно облако было похоже на вулканъ, и она ожидала поэтому цѣлыми днями превращенія сосѣдняго холма въ огнедышащую гору.

8. Ж., 22. Я боялась облаковъ съ рѣзко обозначенными краями, ожидая, что они разорвутся и съ неба начнетъ падать огонь.

9. Ж., 17. Въ теченіе многихъ лѣтъ удѣляла вниманіе страннымъ маленькимъ облачнымъ образованіямъ; каждый заостренный конецъ, обращенный внизъ, она принимала за циклонъ.

10. Ж., 5. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ боялась облаковъ и дождевыхъ капель; когда шелъ дождь, она была печальна и подавлена.

11. Ж., 7. Послѣ того, какъ она услышала о потопѣ, она плакала при каждомъ сильномъ и сколько-нибудь продолжительномъ дождѣ изъ боязни, что наступаетъ конецъ міра.

12. Ж., 18. Въ формахъ облаковъ видѣла сцену распятія.

13. Ж., 21. Видѣла въ облакахъ ангеловъ и триумфальныя колесницы и группы небесныхъ духовъ.

14. Ж., 23. Видѣла въ формѣ одного облака лицо своей покойной матери.

15. Ж., 26. Узнавала въ облакахъ главныя сцены почти изъ всѣхъ разсказовъ, особенно изъ разсказовъ о привидѣніяхъ, которыя она читала.

16. Ж., 17. Свѣтлыя облака обыкновенно приводили ее въ веселое настроеніе, а темныя—наполняли ее страхомъ.

17. Ж., 8. Видѣла въ облакахъ всѣ библейскія сцены; самыя красивыя облака она называла одѣяніемъ Бога.

18. Ж., 19. Облака напоминали ей всегда о другомъ мірѣ, и она считала его очень близкимъ.

19. М., 11. Все необыкновенное во внѣшнемъ видѣ облаковъ заставляетъ его опасаться конца міра, такъ какъ онъ вѣритъ въ библейское предзнаменованіе.

20. Ж. Одна дама сохранила въ памяти облако, которое она принимала за мифологическое чудовище; другое облако представлялось ей головой чорта; отдѣльныя облака вызвали въ ней еще другія, навсегда запечатлѣвшіяся въ памяти представленія.

21. Ж., 18. Видѣла часто горы, море и ландшафты въ облакахъ, но они казались ей неприятными и мѣстомъ ужасныхъ событій.

22. Ж., 16. При видѣ луны, заходящей за облака, ей становилось тошно, и у нея кружилась голова.

23. Ж., 21. Долгое время очень боялась небесныхъ тѣлъ, но они неудержимо влекли ее къ себѣ, и она часами не спускала глазъ со звѣздъ; „потрясающимъ образомъ становилась мнѣ ясна моя собственная ничтожность и всемогущество Бога; я хотѣла молиться, чтобы стать лучше, но считала себя слишкомъ незначительной и не заслуживающей вниманія; созерцаніе звѣздъ вліяло благотворно на мое поведеніе“.

24. М., 23. Боялся желтаго неба, желтыхъ облаковъ или желтаго свѣта; багровое небо напоминало ему кровь и ужасныя будущія событія; одинъ профессоръ университета боялся въ дѣтскомъ возрастѣ багряныхъ заходовъ солнца: „казалось, что солнце заходитъ, чтобы поджечь землю“.

25. Ж., 21. Она слышала кое-что о планетахъ и ихъ путяхъ, и у нея сложилось безумное представленіе, что планеты сойдутъ со своихъ путей и налетятъ одна на

другую; особенно она боялась, что земля вѣрнется въ солнце; „этотъ страхъ сдѣлалъ изъ меня хорошую дѣвочку“.

26. Ж. Преподавательница въ высшей школѣ, она никогда не боялась небесныхъ явленій, за исключеніемъ сѣвернаго сіянія; послѣднее еще теперь вызываетъ у нея неопредѣлимое чувство ужаса, и она не можетъ видѣть этого явленія безъ дрожи.

27. Ж., 9. Однажды убѣжала изъ дому; ее привели домой ночью и по дорогѣ показали ей падающія звѣзды; она думала, что онѣ соскакивали со своихъ мѣстъ вслѣдствіе ея дурного поведенія; ожидала, что звѣзды упадутъ на землю, если она не исправится, чувствовала себя очень виновной, и когда позже видѣла падающую звѣзду, то всегда спрашивала себя, была ли она дурной дѣвочкой или кто-нибудь другой былъ дурнымъ и злымъ.

28. Ж., 17. Говоритъ, что какъ она, такъ и ея подруги боятся метеоровъ, потому что метеоръ можетъ упасть на домъ; комета еще хуже: она всегда прямо направляется къ землѣ, чтобы смести всѣхъ насъ своимъ хвостомъ.

29. М., 4. Наблюдалъ затменіе луны; когда луна потемнѣла, закричалъ отъ страха и не захотѣлъ больше поднять глазъ.

30. Ж., 7. Кричала отъ ужаса, увѣренная, что кто-то потушилъ солнце.

31. М., 18. Будучи трехлѣтнимъ ребенкомъ, боялась полнолунія, начинала бѣгать и кричать, спасаясь отъ него.

32. Ж., 4. Бойся луны и увѣрена, что луна ее преслѣдуетъ.

33. Ж., 16. Охотно созерцала луну, но никогда не дѣлала этого, когда была одна, потому что боялась, какъ бы настоящій человѣкъ съ луны ни пришелъ внизъ и ни унесъ бы ее съ собою; отъ этого страха она не избавилась и нынѣ.

34. Ж., 30. Однажды, въ молодости, ночью, сидя на верандѣ, она слушала рассказы; въ это время мѣсяцъ вышелъ изъ-за облаковъ и залилъ все серебрянымъ свѣтомъ; она приняла это за конецъ міра; и теперь еще она безъ страха не можетъ видѣть луны, выходящей изъ-за облаковъ.

35. Ж., 20. Въ возрастѣ между семью и девятью годами ее всегда волновалъ страхъ, что мѣсяцъ упадетъ и убьетъ всѣхъ; по ночамъ она наблюдала, не увели-

чился ли онъ и не приблизился ли онъ къ землѣ и не хотѣла спать на спинѣ, боясь, что луна упадетъ ей на лицо и раздавитъ ее; она молилась о томъ, чтобы находиться дома, когда настанетъ конецъ міра; у нея была еще надежда, что ей удастся укрыться въ безопасности въ какомъ-нибудь уголкѣ между скалъ, когда люди въ отчаяніи станутъ взывать къ скаламъ и холмамъ и просить прикрыть ихъ собою.

36. М. Одинъ молодой человекъ сообщаетъ о себѣ, что ребенкомъ онъ боялся, какъ бы Оріонъ, созвѣздіе Рака и другія чудовища созвѣздія неба не сошли на землю.

37. Ж., 10. Разсматривала луну, какъ вдругъ ей показалось, будто она улыбается ей; испуганная, она бросилась бѣжать домой.

38. Ж., 8. Ей казалось, что временами луна выглядит блѣдной, уходитъ глубже въ небо и хочетъ угаснуть.

39. Ж., 22. Испытывала страхъ и сердилась иногда, такъ какъ луна слѣдовала за ней и шпионила.

40. М., 18. Будучи ребенкомъ, очень боялся собственной тѣни, пробовалъ убѣгать отъ нея, наступать на нее и думалъ, что это, можетъ быть, его душа.

41. Двое дѣтей считали дождь слезами небесныхъ духовъ, которые вели себя дурно и боялись наказанія.

42. Ж., 19. Ребенкомъ боялась багровыхъ заходовъ солнца, такъ какъ, по ея мнѣнію, они могли поджечь міръ; она не отваживалась взойти на гору изъ страха упасть съ земли въ неизвѣстное пространство.

43. Ж., 26. Раньше сильно боялась льда, холода и особенно снѣга, такъ какъ думала, что онъ совершенно засыплетъ землю, и всѣ замерзнутъ.

44. Ж., 16. Не любила сумерекъ, считая ихъ временемъ, когда выходятъ духи и вѣдьмы, колдуютъ и вообще обдѣлываютъ свои темныя дѣла.

45. М., 12. Постоянно боялся метеоровъ и падающихъ звѣздъ, связывая ихъ съ концомъ міра.

46. Ж., 17. Вещь, приводившая ее въ наисильнѣйшее содроганіе, было сѣверное сіяніе; оно ее пронизывало насквозь—таково ея ощущеніе.

47. Ж., 13. Бойтся страшныхъ знаменій на небѣ, а также далекихъ планетъ.

48. Ж., 19. При очень теплой погодѣ опасалась, какъ бы жара не расплавила элементовъ.

Здѣсь мы снова наталкиваемся на много случаевъ боязни паденія: небесный сводъ, облака, солнце, луна, радуга, метеоры, кометы, огненные шары, человекъ съ луны, чудовища звѣзднаго неба могутъ упасть на насъ, разбить все на землѣ или разрушить самую землю, какъ въ случаяхъ 4, 5, 27, 28, 33, 35, 36, 37 и 45; и столкновенія возможны—№ 25; или изверженія, взрывы—№ 5 и 8; возможны небесные посѣтители или гости съ другихъ планетъ—№ 47; чудовища или демоны съ облаковъ—№№ 1, 2, 20 и 36; также хищныя животныя. Предсказывается будущее №№ 7 и 24, ужасы послѣдняго суда или другая жизнь—№№ 18, 19 и 45; видятъ циклоны № 9; сѣверное сіяніе вызываетъ ужасъ—№№ 26 и 46; холодная вода и снѣгъ заставляютъ бояться, что замерзнешь или будешь погребенъ подъ снѣгомъ—№ 43¹⁾; жара, высушивающая все или расплавляющая—№ 48; дождь, грозящій наводненіемъ и потопомъ—№ 11 и другія нелѣпыя предположенія, какъ въ случаяхъ 10 и 41; въ облакахъ видятъ библейскія сцены—№№ 12, 13, 17 и 20; солнце—№№ 30, 25, 24 и 23; луна—№№ 29, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38 и 39; тѣни—№ 40; свѣтлыя краски—№№ 17, 24 и 42; сумерки—№ 44; вѣтеръ (см. выше отдѣлъ V) и громъ (см. ниже отдѣлъ XI),—все это предметы, вызывающіе страхъ.

Мы знаемъ очень мало о вліяніяхъ погоды на психическія состоянія²⁾. Каждое время года предрасполагаетъ къ особннымъ болѣзнямъ и даже къ своей специфической безнравственности и оказываетъ значительное вліяніе на возвратныя и циркулярныя формы помѣшательства. При плохой погодѣ увеличивается число самоубійствъ и несчастныхъ случаевъ, и продуктивность фабрикъ уменьшается иногда на 10%. Хорошая погода,

¹⁾ См. „Zan Zoo“ въ Harper's Magazine, авг. 1891 г., т. 83, стр. 345—355.

²⁾ Ср. I. S. Lemon, Psychic Effects of the Weather въ „American Journal of Psychology“, томъ IV, стр. 277 и слѣд.

наоборотъ, увеличиваетъ силу напряженія мускуловъ и артерій и облегчаетъ пищевареніе. Жара и холодъ, сырость и сухость, темнота и свѣтъ и, можетъ быть, также электрическое напряженіе вліяютъ на настроеніе, на занятія, на школьную дисциплину, на торговля и дѣловыя предпріятія, опредѣляютъ состояніе сельскаго хозяйства и многихъ отраслей промышленности, измѣняютъ поведеніе животныхъ, такъ что эти измѣненія служатъ даже затѣмъ признаками, по которымъ предсказываютъ погоду, они же составляютъ господствующую тему разговоровъ у всѣхъ расъ и народовъ; интересъ человѣка къ нимъ такъ великъ, что съ теченіемъ времени возникла масса правилъ о погодѣ; сравненіе послѣднихъ съ новѣйшей метеорологіей представляетъ одну изъ поучительнѣйшихъ параллелей между народными вѣрованіями и наукой. Многие гимны, начиная съ *Dies irae*, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ часто гнѣвъ Бога и даже ужасы послѣдняго суда представлялись и описывались только какъ ужасная погода. Послѣднее изданіе молитвенника для епископовъ содержитъ въ себѣ много молитвъ о погодѣ. Въ дѣтскихъ душахъ сохранились многочисленные слѣды первоначальной психоплазмы, изъ которой первобытный человѣкъ создавалъ многочисленные волшебныя или демоническія существа, являшіяся ему въ облакахъ, туманѣ и во всѣхъ измѣненіяхъ дня и ночи. Земля тверда и неизмѣнна, а небеса—мѣсто постоянныхъ измѣненій, которыми управляютъ неизвѣстные законы; человѣку они представляются непосредственнымъ выраженіемъ чувствъ человѣкоподобныхъ существъ по отношенію къ нему. Подобно тому, какъ въ древности и позже, вплоть до Колумба, былъ очень распространенъ взглядъ, будто послѣ долгаго путешествія по морю и по сушѣ можно достигнуть неба и небесныхъ тѣлъ, состоящихъ съ землей въ прямомъ физическомъ контактѣ, такъ и для многихъ дѣтей это не составляетъ никакого сомнѣнія, и они также представляютъ себѣ адъ въ видѣ нестерпимой жары, а

небо, какъ нѣчто необыкновенно великолѣпное, съ чрезвычайными событіями и прекрасными людьми, мѣсто райской красоты, освѣщенное лучами чуднаго заката, достижимое довольно легко: стоитъ для этого только взобраться на вершину настоящихъ или воображаемыхъ священныхъ горъ. Правда, съ эпохи первичной туманности, вѣка, когда вся солнечная система была лишь космической погодой, не существовало хотя бы сколько-нибудь сходнаго съ этимъ состояніемъ. Но противоположности между температурой раскаленной лавы и холодомъ ледниковаго періода; бури и наводненія стихійной силы, въ родѣ потопа, господствовавшія послѣ силюрійскаго вѣка, когда жизнь укрѣпилась на землѣ; и особенно тѣ потрясенія, которыя нарушали непрерывность слѣдовавшихъ одинъ за другимъ геологическихъ періодовъ; разрушительные элементы, сильно измѣнявшіе составъ воздуха; неожиданно набѣгавшіе и снова исчезающіе потоки; громъ, вѣтеръ, бури невѣроятной силы,—все это смягчилось до того состоянія и тѣхъ условій, въ которыхъ возможна современная жизнь, введенная въ границы, и изъ всѣхъ этихъ элементовъ составляется то, что мы называемъ теперь погодой.

Съ точки зрѣнія новаго, прокладывающаго себѣ теперь дорогу пониманія души, мнѣ не кажется удивительнымъ, а скорѣе предположеніемъ, соответствующимъ гипотезамъ, которыя мы должны принять, формулировать и подвергнуть испытанію, что въ данныхъ разновидностяхъ дѣтскаго страха мы имѣемъ дѣло съ отзвуками болѣе грандіозныхъ и страшныхъ явленій первоначальной погоды, когда даже облака были гуще,—отзвуками, которые, можетъ быть, первые породили такія старыя преданія, какъ твердь Книги Бытія, надзвѣздный міръ Платона и Данте и многія другія воспоминанія о времени, когда всѣ нынѣ совершающіяся перемѣны совершались въ значительно большихъ размѣрахъ. Если бы мы знали всю исторію погоды, мы увидѣли бы, что нѣкоторые дѣти и взрослые, страдающіе такого

рода страхами, иллюстрируют собою стадии приостановки въ развитіи тормозящихъ силъ, которыя являются психонервическіе элементы, болѣе старыя и болѣе могущественныя внутри извѣстныхъ границъ, чѣмъ наши настоящія метеорологическія измѣненія. Для такихъ людей никакая многообъясняющая радуга не можетъ заглушить ужаса музыки „элементовъ“, какъ это дѣлаютъ въ тѣхъ композиціяхъ Вагнера, которыя дѣйствуютъ на слушателя пробужденіемъ этихъ старыхъ отзвуковъ, другіе мотивы, на примѣръ мотивы пасторальной симфоніи.

Высоко надъ областью нашей воздушной оболочки простирается царство голубого неба, вѣчныхъ неподвижныхъ звѣздъ, странствующаго солнца и луны; въ божественность надвоздушнаго царства, какъ Сократъ намекаетъ въ Апологіи, должны вѣрить всѣ мудрыя люди, и къ нему, какъ мы увидимъ ниже, возносятся еще понынѣ молитвы многія христіанскія дѣти. Здѣсь люди поколѣніями за поколѣніями старались прочесть свою судьбу, какъ астрологи дѣлаютъ это и сейчасъ. Если предположить, что у каждаго растенія есть своя планета, и у каждой планеты свое растеніе, нужно признать, что ученіе Кардануса о симпатическихъ свойствахъ и ученіе о цѣлительныхъ травахъ все еще господствуетъ или, по крайней мѣрѣ, оказываетъ вліяніе на терапевтическія идеи у значительнаго большинства человѣчества. Чѣмъ больше мы узнаемъ рисунки¹⁾ дѣтей и ихъ пониманіе формы, тѣмъ болѣе мы сознаемъ, насколько неизбѣжно было для дикаря - ребенка перейти отъ отдѣльныхъ звѣздъ къ созвѣздіямъ; они и формы облаковъ много способствовали развитію и укрѣпленію въ дикаря убѣжденія относительно существованія обширнаго царства духовъ надъ нами. Извѣстна идея Мюллера-Кокса о перво-

¹⁾ См. A Study of Children's Drawings in the Early Years by Herman T. Lukens in „Pedagogical Seminary“, томъ IV, стр. 79 сл.

бытномъ арійцѣ, почти не выходившемъ изъ своихъ долинъ, окруженныхъ горами, не знавшемъ ни политическихъ, ни промышленныхъ интересовъ и никакихъ другихъ; поэтому онъ неизбѣжно обращалъ свой бодрый и могучій духъ къ небесному своду, какъ единственному предмету, занимавшему его своими измѣненіями; онъ обращался къ небу съ такой любознательностью и такимъ усердіемъ, какія мы едва можемъ себѣ представить; поэтому миѳы всѣхъ арійскихъ племенъ коренятся въ олицетвореніи зари, бурь, захода солнца и, рассказанные въ длинныхъ эпическихъ поэмахъ, являются прототипами классической теологій съ ея борьбой между днемъ и ночью, Геркулесовскими подвигами солнца, его борьбой съ облаками-чудовищами, романами милой луны и т. д. Эта идея Миллера-Кокса находитъ подтвержденіе въ скрытомъ предрасположеніи дѣтей, которое они обнаруживаютъ въ описанныхъ выше страхахъ и фантазіяхъ. Какъ дѣятельность ледниковаго періода, послѣ того, какъ она создала ландшафты и почву послѣдующаго четверичнаго періода и оставила воспоминанія о себѣ въ большихъ скалистыхъ блокахъ и моренахъ, сократилась и удовольствовалась настоящимъ ледянымъ покровомъ полюсовъ и высокихъ горъ, гдѣ можно еще наблюдать въ маломъ масштабѣ развитіе подъ ея вліяніемъ формъ земли, такъ и этотъ психизмъ, подобно другимъ значительнымъ первобытнымъ психизмамъ, сократился, создавъ глубочайшіе и все собою обуславливающіе инстинкты человѣка, и медленно отступилъ въ границы слабого младенчества; на рудиментарныхъ и преходящихъ формахъ послѣдняго мы имѣемъ возможность изучать эти „неопредѣленные отрывки мотивовъ небесныхъ хоровъ“. Небо также первая и лучшая *fabula gasa* для перенесенія на него всѣхъ энтопическихъ явленій первобытныхъ людей, нѣкогда столь живыхъ и яркихъ, что ихъ, какъ то имѣетъ мѣсто у современныхъ дикарей, можно было, дѣйствительно, принять за предметы чувственныхъ воспріятій и за видѣнія экста-

тиковъ, которыя иногда даже не нуждаются въ темнотѣ. Преобладающее большинство старыхъ боговъ и демоновъ—силы воздуха или неба, гдѣ царствовалъ Юпитерь. Кромѣ того, надземная область очень велика и открыта во всѣ стороны, такъ что, хотя дѣйствительныя опасности въ отдѣльныхъ пунктахъ очень незначительны, возможныя опасности, имѣя въ виду совокупность всѣхъ пунктовъ, очень многочисленны; всяческія суевѣрія, въ буквальномъ смыслѣ слова парящія надъ нами, пользуются большими преимуществами положенія и передвиженія, и все, вмѣстѣ взятое, объясняетъ въ достаточной степени, почему у боязни небесныхъ свѣтилъ столь же глубокіе корни, какъ и у основъ религіозной природы человѣка, почему этотъ страхъ такъ легко возникаетъ и достигаетъ такой силы и такого многообразія.

VII. Боязнь огня: пиррофобія.

1. Ж., 16. Я считала огонь чѣмъ-то въ родѣ демона и пламя—за его языки, которые подбирали и уничтожали все, куда только доставали; мнѣ казалось, будто огненный демонъ постоянно усиливался расширить предѣлы своего царства.

2. М., 18. Сильный огонь представляетъ одно изъ грандіознѣйшихъ зрѣлищъ; страшное чувство овладѣваетъ мною при видѣ его могущества; я не знаю, люблю ли я, или боюсь большихъ пожаровъ.

3. М., 21. Пожарный набатъ всегда будитъ его, и онъ никогда не засыпаетъ, прежде чѣмъ не услышитъ сигнала пожарныхъ о возвращеніи въ казармы; въ дѣтствѣ онъ былъ нервнымъ и возбужденнымъ мальчикомъ и не могъ спокойно усидѣть въ школѣ, не получивъ предварительнаго позволенія бѣжать на пожаръ, какъ только гдѣ-нибудь загорится: „пожаръ—великолѣпное зрѣлище; мои симпатіи всегда втайнѣ скорѣе на сторонѣ огня, чѣмъ на сторонѣ пожарныхъ; я желалъ бы, чтобы огонь разгорался сильнѣе и разбрасывался пошире, и если бы горѣлъ домъ моего отца, я испытывалъ бы оттѣнокъ того же самаго чувства, хотя, несомнѣнно, я старался бы изо всѣхъ силъ потушить огонь; при всемъ томъ я

всегда болѣзненно осторожно обращался съ искрами и спичками“.

4. Ж., 41. Я боюсь всевозможныхъ опасностей и часто спрашиваю себя поэтому: „что хорошаго въ жизни, окруженной столькими ужасами, которые могутъ каждую минуту разразиться несчастіями?“ Больше всего я боюсь огня, въ значительной степени по собственному опыту: я боюсь его такъ сильно, что не могу вынести мысли о сожженіи моего трупа, хотя и считаю сожженіе наилучшимъ способомъ погребенія, но я увѣрена, что мой трупъ, нечувствительный ни къ чему другому, почувствуетъ огонь; когда мнѣ приходится читать о неудачно сожженныхъ трупахъ, я переживаю въ воображеніи ихъ страданія и не понимаю, какъ они ихъ перенесли“.

5. Ж., 18. Она никогда не пережила опасности отъ огня и тѣмъ не менѣе иногда, цѣлыми часами—и такъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ—страдала безсонницей, боясь пожара; особенно свойственный ей ужасъ, овладѣвавшій ею часто во снѣ, состоялъ въ принужденіи спрыгнуть съ высоты и затѣмъ въ страшномъ ощущеніи паденья.

6. Ж., 19. „Боязнь огня лишаетъ меня наяву и во снѣ всякаго самообладанія; мнѣ представляется, что я уже чувствую запахъ огня и ожидаю увидѣть пламя, когда обхожу домъ; черный дымъ, выходящій изъ трубы, или какое-нибудь потрескиваніе наполняетъ меня страхомъ“.

7. Ж., 17. „Когда я только слышу слово „огонь“, дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу; мое сердце точно пріостанавливается“.

8. Ж., 16. „Вблизи нашего дома находится куча горючаго матеріала; если бы поджечь его, получилась бы иллюминація, способная привести въ восхищеніе самое необузданное воображеніе; влеченіе поджечь эту кучу почти лишаетъ меня самообладанія; но я знаю, что тогда сгоритъ также нашъ домъ“.

9. Ж., 17. Когда она слышитъ рассказы объ огнѣ или сама видитъ пожаръ, она испытываетъ чувство покинутости и долго не хочетъ оставаться одна.

10. Ж., 16. Услышавъ пожарный набатъ, она цѣлыми годами затѣмъ ожидала конца міра, который начнется съ пожара въ городѣ.

11. Ж., 17. Въ жаркіе дни боялась, что міръ внезапно сгоритъ; сообщеніе, что внутренность земли на-

ходится въ расплавленномъ состояніи, привело ее въ нервное возбужденіе; она думала, что солнце привлечетъ огонь на поверхность земли.

12. Ж., 19. Боялась огненного дождя, какъ только небо становилось краснымъ; эта боязнь была такой сильной, что торжествовала надъ страхомъ грозы: она понимала, что дождевая вода охладитъ землю и хотя бы временно устранить возможность огненного дождя.

13. Ж., 18. Видѣла обыкновенно ужасные сны и, оставаясь одна, боялась даже днемъ страшнаго выраженія лица и особенно огненного меча ангела, изображеннаго въ Библии стражемъ рая.

14. М., 14. Боялся слишкомъ разгорячиться послѣ того, какъ прочелъ о „самовозгараніи“.

15. М., 45. Когда ему было тринадцать лѣтъ, его преслѣдовалъ стихъ изъ одной извѣстной пѣсни: „И когда жжетъ сильная лихорадка и т. д.“; онъ ощущалъ соотвѣтствующіе симптомы и думалъ о томъ, какъ ужасны муки адскаго огня.

Въ противоположность многимъ сухопутнымъ животнымъ и амфибіямъ, человѣкъ не знаетъ ни зимней, ни лѣтней спячки и въ противоположность хлоднокровнымъ рыбамъ, у которыхъ температура тѣла колеблется въ границахъ разницы между лѣтней и зимней тепло-той воды, даже поверхность человѣческаго тѣла лишь очень незначительно слѣдуетъ термическимъ измѣненіямъ атмосферы. Такъ какъ нормальныя измѣненія температуры человѣческихъ тѣлъ незначительны, то жизнь въ болѣе холодныхъ странахъ, одежда, жизнь внутри жилищъ и искусственное ихъ отопленіе слѣдали человѣка въ его чувствительности независимымъ отъ жаркихъ и холодныхъ мѣстностей. Но именно, какъ показываютъ послѣднія, психическія состоянія человѣка глубоко измѣняются въ зависимости отъ температуры. Всѣ человѣческіе аффекты и идеалы слабѣютъ и почти исчезаютъ при 32° С., какъ будто бы вліянія температуры, нечувствительныя для тѣла, изливаются на душу; не только любовь и темпераментъ, но также воля, воображеніе, нравственность и всѣ расовыя различія, отличающія арктическаго человѣка отъ жителя экваторіаль-

ныхъ странъ,—различія, столь поверхностныя въ соматическомъ и столь глубокія въ психическомъ отношеніи, могутъ быть отчасти измѣряемы данными средней годовой температуры.

Съ тѣхъ поръ, какъ герои культуры научили чело-вѣка владѣть огнемъ, приготовленіе пищи не только сдѣлало домашній очагъ центромъ дома, но расширило діету чело-вѣка и сберегло его пищеварительную энергію для другихъ цѣлей и сдѣлало металлы пластическими для искусства. Слѣды обаянія этихъ старыхъ ассоціацій изобилуютъ въ дѣтской жизни, какъ показываютъ нѣкоторыя сообщенія. Праздное созерцаніе огня вызываетъ мечтательную задумчивость со слѣдами очень первобытнаго, но все же серьезнаго мышленія. Оно вызываетъ воспоминанія и склонность къ разсказамъ. Измѣненія формы и игра красокъ въ огнѣ гипнотизируютъ духъ и въ то же время дѣлаютъ его автономнымъ; мы видимъ, какъ твердыя вещества превращаются въ дымъ, и намъ кажется, что какая-то таинственная сила витаетъ въ нихъ и надъ ними. Ее - то обожали парсы, и она возносила жертвы съ древнихъ алтарей къ богамъ. Также у дѣтей можно наблюдать все это и еще многое другое до сихъ поръ въ болѣе полныхъ и богатыхъ формахъ, чѣмъ тѣ, которыя сохранила исторія.

Первые люди полагали, что находятся между вулканическими огнями внизу и солнцемъ, звѣздами, молніей и горящими небесами вверху, а Гераклитъ, разрабатывая многіе старые и разсѣянные философскіе фрагменты, училъ, что всѣ вещи сдѣланы изъ огня въ различныхъ стадіяхъ его потуханія, и то ярко горятъ, то только тлѣютъ; міръ колеблется между возвращеніемъ всѣхъ вещей къ состоянію чистаго огня и его почти совершеннымъ потуханіемъ въ космической смерти. Три стадіи льда, воды и пара были для него, безъ сомнѣнія, столь же пластическимъ понятіемъ, какимъ была для Гегеля идея качества, переходившая на идею количества. Для Гераклита душа была жизнью или животной те-

плотой,—это—огненная частица, разсѣянная по тѣлу и со-
грѣвающая его; тѣло поглощало душу точно такъ, какъ
земля ночью поглощала солнце, почему ея матерія ста-
новилась теплѣе и свѣтлѣе. Этотъ общій взглядъ совре-
менная наука возстановила въ болѣе значительной фор-
мулировкѣ и развила его въ ученіи о постепенномъ
распространеніи тепловой энергіи. Между температурой
въ 273° С., при которой всѣ газы, если бы они сохра-
нили свою пропорцію сокращенія при охлажденіи и все-
таки не перешли въ жидкое состояніе, должны были бы
исчезнуть—тѣмъ страннымъ нулевымъ пунктомъ во все-
ленной, при которомъ замираютъ даже химическіе про-
цессы—и неизвѣстнымъ градусомъ тепла, при которомъ
даже самыя упорныя вещества превратились бы въ газы
или туманъ, какъ разъ въ томъ пунктѣ, который наи-
болѣе благоприятенъ для чувствительнѣйшаго и быст-
рѣйшаго превращенія молекулярнаго состоянія углерод-
ныхъ соединеній, тѣло человѣка и, особенно, его мозгъ
сохраняютъ равновѣсіе и поляризуются какимъ-то обра-
зомъ для всяческихъ возможностей. Съ другой стороны,
тѣло удерживается въ равновѣсіи также страхомъ; по-
слѣдній отчасти прямое слѣдствіе ожоговъ, замерзанія
и вообще лично испытанныхъ золь отъ огня и холода;
отчасти же онъ неопредѣлимо древнѣе, поскольку онъ
является унаслѣдованнымъ ужасомъ, дрожью, содрога-
ніемъ, на которые мы можемъ смотрѣть какъ на пере-
житки отъ низшей, лежащей далеко позади насъ ступени
психической жизни; зрѣлое сознаніе можетъ подавить
въ себѣ проявленіе этихъ пережитковъ, но не можетъ
искоренить ихъ. Элементы глубокой философіи Гера-
клита развились въ душахъ людей подъ вліяніемъ явле-
ній природы, но они были скрыты, разсѣяны и лишены
всякой возможности воздѣйствія до тѣхъ поръ, пока
этотъ великій философъ не вскрылъ ихъ и не соеди-
нилъ въ одно систематическое цѣлое; нѣкоторые видятъ
въ его системѣ величайшую изъ греческихъ философ-

скихъ системъ: она, несомнѣнно, во многомъ предвосхищаетъ выводы современной кинетической науки.

VIII. Боязнь темноты.

Для этой чрезвычайно сложной группы мы предлагаемъ вниманію читателя слѣдующіе примѣры:

1. М., 16. Всегда боялся тѣней и избѣгалъ поэтому подниматься по лѣстницѣ или итти по улицѣ, гдѣ были тѣни.

2. М., 15. Въ дѣтствѣ очень боялся тѣней и задышался на бѣгу, спасаясь отъ нихъ.

3. М., 16. Его собственная тѣнь у окна наполнила его ужасомъ, такъ какъ онъ принялъ ее за индѣйца извнѣ.

4. Ж., 44. Будучи ребенкомъ, играла ежедневно въ комнатѣ на чердакѣ; какъ только исчезалъ дневной свѣтъ, появлялись тѣни, какъ ей казалось, устрашающихъ формъ; воображеніе создавало въ этой обстановкѣ картины ужаса, и комната стала для нея невыносимой.

5. М., 22. Въ лѣсу всегда испытываетъ чувство мрака, подавленности и робости; мысли его не отрываются отъ печальныхъ возможностей; но присутствіе кого-нибудь, хотя бы только собаки, разсѣиваетъ его страхъ.

6. М., 14. Въ сумеркахъ видитъ повсюду, какъ что-то движется; находится ли онъ въ комнатахъ или на дворѣ, онъ всюду открываетъ таинственныя движенія.

7. Ж., отъ 10 до 14. Всегда боялась одного опредѣленнаго окна въ ихъ домѣ; послѣ заката солнца она не могла пройти мимо него, не испытавъ чувства, что въ него просовывается рука, чтобы схватить ее, или всматривается чье-то лицо.

8. Ж., 9. Никогда не можетъ сидѣть ночью въ бесѣдкѣ, не ухватившись за кого-нибудь изъ страха.

9. Ж., 27. Никогда не проходитъ черезъ темное пространство, не оглянувшись; часто ей кажется, будто она видитъ тѣни, мелькающія фигуры.

10. Ж., 17. Можетъ спокойно войти въ темное мѣсто, но начинаетъ бояться въ тотъ моментъ, когда поворачиваетъ обратно; тогда она начинаетъ кричать и бѣжать.

11. Ж., 17. У нея никогда нехватаетъ мужества обернуться въ темноту; при входѣ въ домъ она хочетъ всегда быть первой.

12. М., 16. Въ темнотѣ становился настоящимъ трусомъ; но избавился отъ этого послѣ того, какъ его нѣсколько разъ испугали.

13. М., 19. Описываетъ, какими средствами онъ дошелъ до того, что ничего не пугается и безъ принужденія отправляется туда, гдѣ раньше испытывалъ страхъ.

14. Ж., 17. Любила сидѣть ночью у окна и думала о томъ, каково-то ей было бы въ темнотѣ въ сосѣднемъ лѣсу; она представляла себѣ всевозможные ужасы, пока не получила отъ страха гусиной кожи.

15. Ж., 27. Можетъ войти въ темную комнату на кончикахъ пальцевъ, чтобы не слышать собственныхъ шаговъ, и если полъ не скрипитъ, но всегда вздрагиваетъ отъ страха чего-то близкаго, готоваго прикоснуться къ ней.

16. Ж., 17. Въ темной комнатѣ чувствуетъ на себѣ чей-то взоръ, устремленный на нее изъ угловъ, кто-то преслѣдуетъ ее сзади.

17. Ж., 19. Постоянно напрягаетъ глаза, желая видѣть вещи; часто воображаетъ, что дѣйствительно ихъ видитъ; стоитъ, точно въ оцѣпенѣннн; ей становится жарко, и она ощущаетъ колотья.

18. Ж. У одной англійской дамы неотвязчивая мысль, что изъ темноты протягивается длинная рука, готовая схватить ее; часто она воображаетъ, будто рука уже прикоснулась къ ней и представляетъ себѣ „неописуемо злыхъ людей“ по обѣ стороны длинной, темной лѣстницы; когда она снова видитъ свѣтъ, радость ея велика.

19. Ж., 34. Во время сна въ ея комнатѣ долженъ горѣть свѣтъ,—иначе она видитъ ужасныя фізіономіи въ темнотѣ.

20. Ж., 57. Входитъ въ свою спальню только послѣ того, какъ ее увѣрили, что тамъ ярко горѣлъ газъ въ теченіе всего вечера.

21. Ж., 18. Страхъ наступленія момента, когда ея мать, пожелавъ ей спокойной ночи, поцѣлуетъ ее и оставитъ одну въ темнотѣ, набрасывалъ мрачную тѣнь на все ея дѣтство; она лежала неподвижно, въ оцѣпенѣннн, сдерживала дыханье, чтобы прислушиваться съ открытымъ ртомъ, пряталась подъ чепчикъ, который всегда долженъ былъ покрывать ея голову, представляла себѣ фигуры, которыя сгибались надъ ней, часто просыпалась съ сердцебіеніемъ и съ чувствомъ, точно она падаетъ въ воздухъ, летитъ или падаетъ спиною

внизъ, и дрожала часами; она даетъ теперь торжественное обѣщанье: „ступать каждый разъ всюю ногой на ступеньки лѣстницы“.

22. М., 16. Становился обыкновенно на колѣни передъ постелью и произносилъ молитву „Отче нашъ“, но постепенно его охватывалъ сильный страхъ, что изъ-подъ постели кто-то схватитъ его за ноги; онъ долженъ былъ перестать молиться.

23. Ж., 21. Имѣла привычку задерживать дыханье и дышать въ постели возможно меньше, потому что она прочла объ одномъ человѣкѣ, который спасъ себѣ жизнь такимъ образомъ, когда его обнюхивалъ левъ; она думала, что, прикидываясь мертвой, сможетъ спастись отъ любого комнатнаго чудовища.

24. Ж., 18. Часто поглядывала на нижній конецъ кровати, ибо ежеминутно ожидала появленія руки, лапы или чего-нибудь другого ужаснаго, которое схватитъ ее за ноги.

25. Ж. Одна англійская дама не можетъ выносить „большой темноты“ и получаетъ иногда вслѣдствіе гипнотизирующихъ ее ужасовъ припадки; она лежитъ совершенно тихо, спиной къ стѣнѣ или къ защищенной сторонѣ, прячетъ руки подъ одеяло, чтобы ее не укусила паукъ, притягиваетъ ноги къ туловищу, чтобы никто не схватилъ ее за ноги, и боится даже, что кто-нибудь лежащій подъ кроватью просунетъ кинжалъ сквозь матрацъ.

26. М., 16. Въ теченіе многихъ лѣтъ боялся проснуться въ полночь, когда происходятъ ужасныя вещи; цѣлый годъ онъ ожидалъ увидѣть черную карету съ черными обезглавленными лошадьми, кучеромъ, одѣтымъ въ черное и также безъ головы, и одной черной дамой, которая выйдетъ изъ кареты у воротъ, постучитъ у входныхъ дверей, возвратится къ каретѣ и поѣдетъ дальше.

27. Ж. Одна англійская учительница пишетъ: „Въ дѣтствѣ у меня было странное представленіе о безопасности, когда я бывала одна въ темнотѣ; я воображала, что у каждаго угла моей кровати стоитъ левъ, всегда готовый вступить въ борьбу съ безконечнымъ числомъ тигровъ и змѣй, которые наполняли, согласно моей фантази, каждую ночь верхній этажъ; пока львы оставались на своихъ постахъ, я была спокойна; когда же мнѣ казалось, что одинъ изъ нихъ исчезалъ, я ле-

жала безъ сна, объятая ужасомъ, такъ какъ троихъ львовъ было недостаточно для успѣшной борьбы съ тиграми.

28. М., 16. Въ возрастѣ между восьмымъ и десятымъ годомъ я былъ увѣренъ, что ночью порой въ темнотѣ въ нашемъ домѣ толпились медвѣди, и никто не могъ меня разувѣрить въ этомъ.

29. М., 14. Восьми или девятилѣтнимъ мальчикомъ я боялся темноты и воображаемыхъ существъ, которыхъ я называлъ „Bos“ и „Boos“; теперь я ихъ ничуть не боюсь: я могу лечь спать въ темнотѣ; я превозмогъ всякіе страхи, довѣрившись божественному Провидѣнію.

30. Ж., 35. Если ей приходилось выйти послѣ наступленія темноты, она держалась за ручку дверей, пока торжественно не ввѣряла себя божественному попеченію.

31. Ж., 19. Будучи ребенкомъ, она имѣла обыкновеніе, ложась спать, смотрѣть на темный потолокъ комнаты, пока на немъ не показывались маленькія черныя фигуры, прыгавшія въ пространствѣ между нею и постелью; сначала она наблюдала за ними съ удовольствіемъ; но когда число ихъ увеличивалось до нѣсколькихъ тысячъ, она начинала бояться, удерживала дыханье, кричала и выпрыгивала изъ постели.

32. Ж. Одна дама пишетъ, что всѣ ея разнообразныя страхи предъ духами возникали изъ одного центрального, господствовавшаго надъ всѣмъ ужаса передъ темнотой; она боится еще теперь, но сама не знаетъ точно, чего она боится; ребенкомъ она боялась таинственнаго, невидимаго, но дѣйствительнаго, настоящаго духа, котораго она и ея сестры выдумали сообща въ дѣтской и назвали его „страшнымъ человѣкомъ“. Онъ и его ужасныя угрозы стали для нихъ невыносимыми, такъ что имъ запретили упоминать его имя; поэтому дѣти стали называть его „Н. М.“ (начальныя буквы словъ horrid man = страшный человѣкъ); если трое дѣтей оставались одни, когда начинало смеркаться, они садились въ серединѣ дѣтской, прислонившись другъ къ другу спиной, такъ, чтобы одна изъ нихъ могла наблюдать за дверью, другая за каминомъ и третья за окномъ и предупредить появленіе „Н. М.“; „я никогда не соглашалась молиться на колѣняхъ, боясь, чтобы изъ-подъ кровати не высулась рука и не отрѣзала бы мнѣ ноги; я не позволяла также поднимать на ночь оконныхъ шторъ, боясь увидѣть появленіе въ окнѣ чужого лица, которое движетъ губами, желая произнести мое имя“.

33. М., 19. Не испытывает никакого определенного страха; но когда темнѣетъ, онъ можетъ дышать лишь коротко и тяжело.

34. Ж., 23. До восьмилѣтняго возраста никогда не ходила въ погребъ, даже днемъ; до двѣнадцатаго года никогда не рѣшалась пойти въ амбаръ послѣ наступленія темноты; до пятнадцатаго года не могла лечь въ постель въ темнотѣ; до семнадцатаго года не рѣшалась пройти ночью до сосѣдняго дома; выполнить все это было для нея въ первый разъ большимъ событіемъ.

35. Въ одномъ собраніи въ клубѣ миссъ Маршъ въ Детройтѣ тридцать четыре матери бесѣдовали на эту тему; большинство сошло во мнѣніи, что до восьми или девяти лѣтъ мальчики боятся темноты больше дѣвочекъ, что родители часто бранятъ за это дѣтей, между тѣмъ какъ неразумно пробовать искоренять этотъ страхъ съ помощью насильственныхъ методовъ.

Намъ извѣстно очень мало объ естественной исторіи сна. Ходжъ и Айкинсъ ¹⁾ нашли, что амеба ночью столь же дѣятельна, какъ и днемъ, но Лебъ, Граберъ и Ферворнъ наблюдали, что очень низко стоящія жизненные формы возбуждаются не только свѣтомъ и теплотой, но также часто красками. Удаленіе вліянія солнца вызываетъ въ большинствѣ жизненныхъ областей покой и сонъ. Сумерки парализуютъ дѣятельность, вызываютъ воспоминанія о домѣ и друзьяхъ и часто мысли о смерти. Темнота затрудняетъ движенія, ибо большая часть волевыхъ дѣйствій нуждается въ свѣтѣ и контролируется глазомъ. Когда слѣпя дѣти поступаютъ въ заведенія для слѣпыхъ, у нихъ часто очень неразвита мускулатура, потому что они, какъ и всѣ люди съ тяжелыми недостатками зрѣнія, склонны двигаться весьма мало, такъ что моторные элементы атрофируются у нихъ почти навсегда. Какъ закрытіе глазъ, такъ и темнота означаютъ пресѣченіе притока раздраженій и впечатлѣній, питающихъ духовную жизнь. Это оказываетъ большое вліяніе на напряженіе кровеносныхъ сосудовъ и муску-

¹⁾ „The Daily Life of a Protozoan“, Amer. Jour. of Psych., VI, p. 524.

ловъ и на продолжительность и живость духовныхъ процессовъ, какъ показываютъ эксперименты. Это относится особенно къ дѣтямъ, такъ какъ у нихъ духовная дѣятельность связана тѣснѣе съ особенностями и свойствами внѣшнихъ чувствъ, чѣмъ у взрослыхъ. Въ темнотѣ исчезаютъ побужденія держать открытыми глазныя вѣки; она закрываетъ намъ глаза; это вызываетъ сонъ, пріостановку дѣятельности всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, прежде всего—зрѣнія.

У общаго правила, что темнота вызываетъ сонъ, есть много исключеній, но ночныя привычки животныхъ должно и можно часто объяснить такъ, какъ развитіе „вечернихъ привычекъ“ среди людей. Во-первыхъ, самъ глазъ противится часто состоянію бездѣятельности, навязываемому ему темнотою. Дѣти напрягаютъ глаза, чтобы видѣть въ сумеркахъ и даже при темнѣйшей темнотѣ, пока темнота не становится такой густой, что ее можно ощущать или рѣзать; или „большая тьма на дворѣ“ представляется имъ чудовищемъ, желающимъ проглотить ихъ, въ то время какъ сравнительная темнота въ домѣ вызываетъ у нихъ чувство тѣсноты и удушливости, явленія и процессы въ глазу проектируются вовнѣ, и изъ слабыхъ линій или пунктовъ складываются самыя разнообразныя картины, особенно если ощущеніе тишины, часто столь же непріятное, сколь возбуждающее, ничѣмъ не прерывается. Если только что наступившее спокойствіе въ зрительномъ полѣ у дѣтей внезапно нарушается свѣтомъ лампы, то они обнаруживаютъ противодѣйствіе, и если при „свѣтовомъ голодѣ“ по привычкѣ трутъ глаза, какъ то часто наблюдается у слѣпыхъ, то это есть не что иное, какъ примѣненіе самаго простаго раздражающаго средства,—примѣненіе, правда, напрасное.

Если удалить свѣтъ отъ глазъ, и оставшійся въ темнотѣ все-таки успѣшно противится сну, зрительные образы выступаютъ тѣмъ яснѣе,—закрываемъ же вѣды глаза при напряженномъ раздумьѣ. Сначала эти

зрительные образы у дѣтей не отличаются существенно отъ настоящаго зрительнаго воспріятія. Когда ребенокъ лежитъ безъ сна въ темнотѣ и одиночествѣ, его фантазія научается понемногу дѣлать первые самостоятельные шаги и набрасываетъ первыя картины на фонѣ темноты, пользуясь зрительными элементами. Въ нѣкоторомъ отношеніи, напримѣръ эстетическомъ, моральномъ, гигиеническомъ, едва ли возможно переоцѣнить эволюціонную и педагогическую цѣнность первыхъ ступеней знакомства съ темнотой. Я полагаю, что возрастъ наиболѣе сильнаго страха совпадаетъ съ возрастомъ интереснаго періода развитія мышленія зрительными образами (между пятымъ и седьмымъ годомъ; если дѣти слѣпнутъ послѣ этого возраста, то они продолжаютъ мыслить зрительными образами, что невозможно, если они слѣпнутъ раньше ¹⁾). Кажутся ли блѣдные образы ярче потому, что они не стоятъ рядомъ съ дѣйствительными зрительными впечатлѣніями, или сама энергія, отрѣзанная отъ оптическихъ процессовъ, усиливается по закону кинетическихъ эквивалентовъ, или имѣетъ мѣсто и то, и другое,—мы не знаемъ. Кромѣ того, нормальное зрѣніе опредѣляетъ вниманіе и держитъ въ своей власти сѣтчатую оболочку и дѣятельности воспріятія. Мы принуждены видѣть то, что находится передъ нами, все равно причиняетъ ли это намъ боль или усталость. Но въ темнотѣ образы фантазіи возникаютъ самопроизвольно, всплываютъ сами собой. Восточный профессиональный рассказчикъ сказокъ днемъ безпомощенъ и неловокъ, какъ сова при солнечномъ свѣтѣ, и только когда спускается ночь, онъ въ состояніи развернуть всѣ чары своего искусства. Мы не знаемъ, какова была бы наша фантазія, не существуй темноты, ея великой учительницы, или не закрывайся глазъ, какъ не закрывается ухо, или не будь ночи для зри-

¹⁾ J. Jastrow, New Princeton Review, Jan., 1888. Также классическіе труды Неегманп'а.

тельныхъ воспріятій, какъ нѣтъ ночныхъ перерывовъ для слуховыхъ воспріятій.

Это возвращаетъ насъ къ нашей проблемѣ, а именно: почему дѣтская фантазія занята въ темнотѣ ужасными вещами, тогда какъ дѣти, навѣрное, предпочитаютъ пріятное непріятному, и ночь есть собственно наиболѣе защищенное и безопасное время. Судя по полученнымъ нами отчетамъ, одна изъ причинъ заключается въ частыхъ явленіяхъ вздрагиванья. При наступленіи сна господствующая дѣятельность мозга ослабѣваетъ по отношенію къ низшимъ центрамъ и наличнымъ раздраженіямъ, и напряженіе основныхъ и спиннопозвоночно мозговыхъ клѣтокъ уменьшается вслѣдствіе болѣе или менѣе общей судороги. Это явленіе, вслѣдствіе его сходства съ вздрагиваніями обезглавленныхъ животныхъ, называютъ психическимъ обезглавленіемъ; оно настолько похоже на вздрагиванье, вызываемое внезапнымъ испугомъ, что приходится заключать о наличности какой-нибудь опасности. Иногда психозъ страха появлется, несмотря на отсутствіе предмета страха; иногда его вызываетъ какая-нибудь необъяснимая гипнотическая сцена; иногда дѣйствительно существующій предметъ представляется съ силою, возбуждающей страхъ, или внезапное явленіе напоминаетъ что-нибудь страшное и внушающее страхъ. Кошмаръ и даже большинство сновъ (см. ниже группу IX) и другія причины, отъ которыхъ мы просыпаемся, причиняютъ намъ страданье, и потому мы страшимся ихъ.

Мы знаемъ также, что ночью и особенно во время сна мы беззащитны. Мы не можемъ ни убѣжать, ни бороться. Мы также большею частью одни, и одиночество благопріятствуетъ боязливости; беспомощность не только заставляеть насъ думать объ опасности, но притягиваетъ послѣднюю. Когда же прекращается принужденіе со стороны чувствъ, и духовные образы стремятся попасть въ фокусъ вниманья и борются за первенство, преимущество оказывается на сторонѣ болѣе

сильныхъ и яркихъ. Такимъ образомъ, развивающаяся фантазія беретъ первые уроки въ школѣ страха въ видѣ предчувствуемаго или ощущаемаго страданья именно потому, что послѣднее является болѣе сильнымъ побужденіемъ, чѣмъ удовольствіе, и одерживаетъ побѣду въ этой борьбѣ. Дѣти, жадныя до ужасовъ, инстинктивно прибѣгаютъ къ сильнѣйшимъ средствамъ побужденья для развитія простыхъ первыхъ стадій фантазіи, подобно тому какъ мы щиплемъ самихъ себя, боясь уснуть.

Обратимся теперь къ объясненію предрасположенія къ страху и нѣкоторыхъ видовъ страха. Какъ разъ благодаря этимъ автоматическимъ состояніямъ, которымъ такъ благоприятствуетъ темнота и иногда даже утомленіе, фантазія закладываетъ фундаментъ духа и отдѣляетъ мышленіе отъ виѣшнихъ чувствъ; тогда душа чувствуетъ боль старыхъ рубцовъ, полученныхъ ею въ долгой борьбѣ, въ теченіе которой разумъ выработался изъ инстинкта, а инстинктъ изъ рефлекса. Въ прошломъ область страданья была несравненно больше области удовольствія, и это прошлое еще такъ могущественно, что его вліяніе тяготѣетъ надъ наиболѣе заботливо оберегаемымъ ребенкомъ, передъ которымъ должно было бы иначе открываться относительно самое широкое поле удовольствій. Для нашего времени темнота и неизвѣстность представляютъ, въ противоположность прежнимъ временамъ, мало ужасовъ. Однако, старая ночь незнанія, неизвѣстности, мать страха, владѣетъ въ темнотѣ нашими нервами и пульсомъ, несмотря на нашу лучшую освѣдомленность. Послѣдняя отсутствуетъ у дѣтей и потому они еще больше поддаются чарамъ темноты. Страхъ передъ никогда невиданными животными, живущими въ чужихъ странахъ, или давно вымершими, передъ разбойниками, боязнъ невозможныхъ чудовищъ, привидѣній и т. д., которыхъ дѣти вовсе не боятся въ бодрствующемъ состояніи, указываетъ въ далекое прошлое, куда достаютъ нѣкоторыми изъ своихъ корней этого рода страхи.

IX. Боязнь сновъ.

1. М., 12. Однажды ночью его измучилъ тяжелый кошмаръ, затѣмъ въ теченіе мѣсяцевъ онъ боялся его возвращенія и воздерживался отъ того рода пищи и вообще отъ всего, что якобы вызываетъ кошмары; многія дѣти усиливались не засыпать, чтобы избѣгнуть дурныхъ сновъ.

2. М., 19. Всегда былъ жертвою ужасныхъ сновъ о вещахъ, которыя принимали свойства лицъ и вели себя какъ колдуны и привидѣнья; ихъ дѣйствія казались ему затѣмъ даже въ бодрствующемъ состояніи вполне возможными.

3. Ж., 16. Видѣла сны, оставившіе послѣ себя такія сильныя впечатлѣнія, которыя не поблекнуть, по ея убѣжденію, въ теченіе всей ея жизни.

4. Ж., 14. Если она поздно вечеромъ читаетъ рассказы, ночью ее преслѣдуютъ дурные сны; всегда боится возвращенія тѣхъ же сновъ и ихъ осуществленія.

5. М., 24. Очень живо переживаетъ ужасы во снѣ; его пожираютъ звѣри; сжигаютъ живымъ; онъ падаетъ и разбиваетъ себѣ всѣ кости; его поражаетъ молнія и т. п.

6. Ж., 9. Боится возвращаться одна домой изъ школы послѣ дурныхъ сновидѣній предшествовавшей ночью.

7. Ж., 18. При простудѣ у нея опухаютъ гланды, и ей снятся всевозможныя громадныя и страшныя вещи, прикасающіяся къ ней.

8. Ж., 19. Постоянно боялась, что начнетъ ходить во снѣ, хотя съ ней этого никогда не случалось; боялась выпасть изъ окна и т. д., боялась увидѣть ночью запертыя двери и не найти къ нимъ ключа.

9. М., 34. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ видѣлъ во снѣ три раза, что его братъ утонулъ вслѣдствіе собственной неосторожности, и счелъ это за предсказаніе; ему представлялось, что онъ находится на берегу глубокой рѣки, слышитъ бульканье воды надъ утопающимъ и протягиваетъ руку, чтобы спасти его; мысль объ этихъ снахъ преслѣдовала его цѣлыми годами, какъ онъ ни старался—прибѣгая даже къ молитвамъ—забыть ихъ.

10. Ж., 16. Видѣла сонъ, который навсегда останется для нея болѣе живымъ и яркимъ, чѣмъ дѣйствительность; она была одна съ матерью на широкой равнинѣ; кругомъ было темно, но въ однихъ мѣстахъ болѣе, въ другихъ менѣе; слѣва изъ подземелья выхо-

дили люди, они плакали и ломали руки; появились звѣзды, но затѣмъ внезапно все снова погрузилось въ мракъ; снова появились звѣзды и пересѣкли, вмѣстѣ съ кометами и метеорами, на своемъ лету небо; молнія освѣтила востокъ и потрясла землю; „я прижалась къ матери и цѣловала ее, но губы ея были сухи и прилипали къ моимъ; мои руки постепенно опускались, и я упала замертво“.

11. М., 5. Болѣзненный мальчикъ; величайшая мука его состоитъ въ постоянно возвращающемся снѣ о большой красной коровѣ съ большими зелеными глазами; его мать пишетъ: его страхъ такъ великъ, что онъ непременно умретъ, если встрѣтитъ теперь корову.

12. Ж., 19. Съ восьмилѣтняго возраста видѣть постоянно одинъ и тотъ же, но неопредѣленный сонъ. „Что-то дикое приближается ко мнѣ спереди; мнѣ кажется, что это некрасивая старая женщина, но я вижу только двѣ руки и ноги, которыя дѣлаютъ какіе-то знаки, протягиваются впередъ, свертываются и развертываются; это существо приводитъ меня въ ужасъ, и долго еще у меня сохраняется непріятное чувство“.

13. Ж. Англичанка-учительница; въ возрастѣ между двумя и тремя годами страдала шестью или семью различными формами кошмаровъ; каждая изъ нихъ возвращалась въ правильной послѣдовательности каждые три или четыре мѣсяца съ промежутками около трехъ недѣль, такъ что она всегда могла опредѣлить время наступленія слѣдующаго кошмара; всѣ формы были совершенно опредѣленны и никогда не измѣнялись, всѣ возбуждали одинаковый ужасъ; во снѣ она могла заранее опредѣлить ихъ теченіе и просыпалась радостная, когда они проходили; хотя они прекратились на двѣнадцатомъ году ея жизни, она вспоминаетъ все съ поразительной живостью и точно слышитъ еще насмѣшливый хохотъ, особенно характерный для одного изъ видовъ кошмара, точно ощущаетъ движенія отъ полета, который она совершала во время второго кошмара.

14. Ж., 40. Въ девятнадцать лѣтъ ей снилось однажды, что она пошла въ амбаръ, выкопала себѣ могилу, соорудила гробъ, легла въ него, умерла и была похоронена; въ могилѣ же снова жила; вслѣдствіе этого сна ее не покидалъ ужасъ передъ возможностью быть похороненной заживо.

15. Ж., 30. Вспоминаетъ, какъ ей снилось что-то неопредѣленное: подойдя къ ней, оно странно шумѣло, точно вихрь; въ ушахъ ея раздавалось рычанье, у нея выступилъ холодный потъ, она потеряла сознание; если въ комнатѣ было свѣтло, это видѣніе исчезало; въ темнотѣ оно появлялось снова.

16. Ж., 19. Въ часто повторяющемся кошмарѣ кто-то ее преслѣдуетъ и постепенно догоняетъ; по ея мнѣнію, кошмаръ оставилъ надолго слѣды на ея нервахъ.

17. Ж., 18. Больше всего я боялась сновъ о ворахъ и разбойникахъ и просыпалась съ крикомъ.

18. М., 16. Часто видѣлъ себя во снѣ стоящимъ передъ воротами, напрасно стараясь поднять палку; онъ вытягивалъ руку впередъ, пока она не деревенѣла; еще и теперь онъ не преодолѣлъ тогдашняго страха.

19. Ж., 30. Часто просыпается отъ ощущенья, что какой-то предметъ въ комнатѣ становится больше и приближается къ ней; это очень мучительно, и она приписываетъ все сну.

20. Ж., 17. Часто повторяющіеся сны о томъ, что ее связываютъ, что она не можетъ убѣжать, переходить по доскѣ черезъ пропасть и падаетъ, дѣлаютъ ее совершенно больной.

21. М., 35. Въ возрастѣ одиннадцати лѣтъ ему часто снилось, что онъ заключенъ въ большой шаръ и не можетъ выбраться изъ него; онъ зналъ, что его мать часто держала его за руку, но чувство, будто онъ заключенъ внутри ужасной вещи, сохранялось долго и въ бодрствующемъ состояніи.

22. Ж., 17. Чувствуетъ, что ея мозгъ приходитъ въ болѣзненное состояніе отъ постоянныхъ сновъ объ индѣйцахъ.

23. Ж., 16. Видитъ передъ собой на дорогѣ столько змѣй, что не можетъ пройти, не наступивши на нихъ; пропасти, черезъ которыя она хочетъ переступить, расширяются.

24. Ж., 19. Страшный ужасъ охватывалъ ее во снѣ, когда она чувствовала себя одинокой въ открытомъ, безграничномъ полѣ; у большого дерева она начинала бѣжать и бѣжала, не переставая, всю ночь; она не видѣла конца и останавливалась въ отчаяніи; просыпаясь, она чувствовала себя усталой и облитой холоднымъ потомъ; въ бодрствующемъ состояніи она никогда не боялась открытыхъ пространствъ.

25. Ж., 18. Ей снилась большая собака, отъ которой она могла спастись, лишь бросившись кубаремъ внизъ по лѣстницѣ, прокатившись черезъ садъ и вверхъ по улицѣ; поэтому она боится собакъ.

26. Ж., 19. Часто ей снится, будто она взлетаетъ высоко въ воздухъ и чувствуетъ его холодное дыханье на щекахъ; все вокругъ точно заколдовано, у нея захватываетъ дыханье и отнимаются члены; въ другой разъ ей снится, будто она находится въ обширномъ свѣтломъ пространствѣ, залитомъ ослѣпительно бѣлымъ свѣтомъ; внезапно все измѣняется, и она видитъ небольшое пространство, окутанное въ глубокую тьму.

27. Ж., 21. Ей снится часто, что она падаетъ съ набережной, но не идетъ ко дну, а пробирается дальше, точно по эластической доскѣ; ужасъ состоялъ при этомъ въ боязни упасть съ доски.

28. Ж., 20. У нея часто является чувство, будто она плыветъ въ воздухъ и кружится безъ всякой поддержки; въ такихъ случаяхъ она не могла спать, не держась за руку сестры.

29. М., 19. Ему такъ часто снились полеты, что онъ рассказывалъ цѣлыя исторіи о своихъ подъемахъ въ воздухъ и почти вѣрилъ въ возможность подняться надъ землей, если надуть легкія, вытянуть руки и разбѣжаться; иногда онъ просыпается съ увѣренностью, что открылъ способъ летать.

30. Ж., 16. Подробно описываетъ удовольствіе, которое она испытываетъ, когда, просыпаясь, удостовѣряется, что лишь видѣла сонъ и ее не увезли цыгане въ своей повозкѣ.

31. Ж., 15. При попыткѣ вспомнить дѣтство и вернуться мысленно къ первому дню своего рожденья почувствовала, будто только что проснулась; это чувство мучило ее и пробудило въ ней предположеніе, что она очень стара.

32. Ж., 18. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ увидала въ библии картину, съ изображеніемъ женщины, бросающейся на солдатскія копья; эта картина долго обезпокоивала ея сонъ.

33. М., 16. Видѣлъ ужасные сны о чортѣ и о большомъ Нѣчто, которое приближалось къ нему и становилось все больше, пока онъ не отвернулъ головы.

34. Ж., 25. Ей часто снилось, что стѣны комнаты приближаются, чтобы раздавить ее; видѣла передъ собою все увеличивающееся страшное лицо.

35. Ж., 17. Ей часто снится, что она вдегъ и опускаетъ поводья; иногда лошадь бѣжитъ, иногда нѣтъ.

36. М., 14. Ему часто снилось, будто его гонять по входной лѣстницѣ, но онъ не можетъ подняться по ней, и теперь во снѣ онъ думаетъ, что это только сонъ, и, какъ только онъ начнетъ падать, онъ проснется; благодаря этому обстоятельству сны его потеряли весь ужасъ.

37. Ж., 19. Когда ей снится летанье, то она вспоминаетъ о прежнихъ снахъ такого же рода: но въ послѣдніе годы она вѣритъ, что, дѣйствительно, летаетъ.

38. Ж., 18. Ей снится въ теченіе долгихъ недѣль высокій и страшный человѣкъ на каедрѣ.

39. М., 15. Постоянно во снѣ борется съ животными.

Во снѣ могутъ возникнуть всѣ виды страха; снится, что упаль, заблудился; снятся животныя, громъ, вода, огонь и т. д. Объясненіе сновъ было бы въ то же время объясненіемъ всѣхъ видовъ страха. Очень часты склонности къ спеціализаціи и къ повторенію. Каждое впечатлѣніе во снѣ еще легче переходитъ въ иллюзію, чѣмъ въ темнотѣ, ибо во время сна отсутствуетъ задерживающее вліяніе не только зрѣнія, но и другихъ виѣшнихъ чувствъ и центровъ. Поэтому несчастье, котораго мы въ бодрствующемъ состояніи боимся лишь какъ возможности, становится во снѣ дѣйствительностью, и мы дѣйствительно сражаемся, падаемъ, насъ гонять, хватаютъ, душатъ, мы бѣжимъ, пока не падаемъ, летимъ, рыдаемъ, любимъ и умираемъ. Мы ограничимся здѣсь въ нашихъ объясненіяхъ самымъ немногимъ: сонъ есть процессъ отдыха для истощенныхъ клѣтокъ, состояніе большой перемѣняющейся дѣятельности въ сферѣ высшаго пищеваренія, и нормальное, самопроизвольное пробужденіе органа или центра изъ состоянія сна должно бы приносить съ собою чувство удовлетворенія, силы и, можетъ быть, даже удовольствія. Обезпечить человѣку такой сонъ и такое пробужденье—одна изъ лучшихъ цѣлей и задачъ для гигиены и діететики тѣла и души,—кровообращенье и пищеваренье должны бы находиться въ наилучшемъ со-

стояніи; во снѣ мы особенно чувствительны ко всякому нарушенію этихъ функцій. Какъ бы ни было велико количество дурныхъ сновъ, возникающихъ вслѣдствіе этой легко устранимой причины предрасположенія къ страхамъ, всѣ они объясняются нарушениями нормальнаго сна. Послѣдній не исключаетъ сновидѣній, потому что пробужденіе наступаетъ постепенно и не во всѣхъ мѣстахъ одновременно, не исключаетъ также сновидѣній, сопровождающихся страхомъ и болью, если у нихъ есть свои центры и специфическія функціи, нормальной дѣятельностью которыхъ они вызываются. Судя по полученнымъ нами многочисленнымъ сообщеніямъ о снѣ, мнѣ кажется вѣроятнымъ, что существуютъ фокусы страданья и боли, лежащіе не менѣе глубоко и съ не менѣе сильной склонностью къ дѣйствию, чѣмъ фокусы пріятныхъ сексуальныхъ сновъ. Нѣкоторые изъ унаслѣдованныхъ и повторныхъ случаевъ, какъ и случаи изъ другихъ группъ, указываютъ на организмъ, унаслѣдовавшій старую болѣзненную тенденцію, но функционирующій нормально во снѣ; эти тенденціи парализуютъ его больше, чѣмъ переполненіе желудка и т. д., но и послѣднее, какъ всякое другое наличное состояніе, можетъ стать причиной страшныхъ сновидѣній. Наиболѣе велика потребность въ дальнѣйшихъ и точныхъ изслѣдованіяхъ, именно по отношенію къ такимъ мотивамъ сновидѣній, какъ летаніе, сознаніе увеличенія собственнаго объема, чувство, что тебя кто-то держитъ, что ты заблудился, потерялся и т. д.

Х. Внезапный испугъ или потрясеніе.

1. М., 18. Видѣлъ однажды, какъ переѣхали овцу, и слышалъ ея предсмертный стонъ; въ теченіе недѣли эта сцена возобновлялась передъ его глазами каждую ночь, и онъ не могъ избавиться отъ нея, хотя подъ конецъ она вызвала въ немъ скорѣе гнѣвъ, чѣмъ страхъ.

2. М., 37. Утромъ беретъ газету въ руки всегда съ сердцебіеніемъ изъ боязни ужасныхъ вещей, которыя ему сейчасъ придется увидѣть и прочесть.

3. М., 6. Однажды во время циклона его мать собрала вокруг себя своих дѣтей и сказала имъ, что они умрутъ всѣ вмѣстѣ; мальчикъ получилъ отъ испуга пляску св. Вита и сталъ слабоумнымъ.

4. Ж., 17. Какъ-то раньше убѣжала изъ дому; съ тѣхъ поръ при толкотнѣ или скопленіи народа выходитъ изъ себя отъ ужаса.

5. Ж., 9. Зацѣпилась рукой за дверь, повредила себѣ ноготь и упала въ обморокъ; ея братъ видѣлъ это, также упалъ въ обморокъ и поранилъ себѣ плечо; второй братъ нашелъ ихъ обоихъ и въ свою очередь упалъ въ обморокъ; всѣ трое долго проявляли большую нервность.

6. Ж., 27. Пугается изъ-за всякаго пустяка разъ двадцать въ день; сердце ея точно подкатывается къ горлу.

7. М., 12. Въ теченіе мѣсяцевъ вздрагивалъ при каждомъ ударѣ колокола.

8. Ж., 2. Больше всего боится фигурки, выпрыгивающей изъ коробочки (дѣтская игрушка); она сдѣлала ее нервнымъ, дрожащимъ ребенкомъ.

9. Ж., 7. При звукахъ барабана приходила въ „неописуемо сильное“ возбужденіе.

10. М., 5. Въ то время, когда онъ игралъ, его бабушка чихнула такъ сильно, что шумъ отъ чиханья напоминалъ стукъ тарелокъ въ кладовой; мальчикъ испугался до потери сознанія и долгое время лежалъ въ обморокѣ.

11. Ж., 13. Она пугается больше всего, когда послѣ сосредоточенія вниманія на чемъ-нибудь вдругъ выглядываетъ вверхъ и видитъ поблизости людей.

12. Ж., 7. Самымъ худшимъ наказаніемъ было для нея, когда ей плескали въ лицо чайную ложечку воды; въ концѣ-концовъ пришлось оставить эту шутку, такъ какъ она слишкомъ дурно вліяла на ея здоровье.

13. Ж., 18. Слово „электричество“ неописуемо пугаетъ ее; во время урока физики она никогда не можетъ прикоснуться къ мѣднымъ кнопкамъ электрической машины; одинъ разъ она попыталась превозмочь себя, но тутъ же рѣшила ни за что въ мірѣ не повторять этого опыта, хотя бы потрясеніе было самымъ незначительнымъ: „говорять, будто батареи укрѣпляютъ людей, но я предпочла бы смерть“.

14. Ж., 12. Однажды въ темнотѣ мать прикоснулась къ ея рукѣ; она вскочила, побѣжала, скатилась съ лѣстницы и получила тяжелый припадокъ истеріи.

15. Ж., 13. Какъ-то въ церкви мы слышали громкій стукъ у дверей; когда посмотрѣли, тамъ никого не оказалось, хотя стукъ повторился; она сначала не обратила на это вниманье, но позже услышала, что нѣкоторые люди считаютъ подобный стукъ небесными призывами; съ тѣхъ поръ внезапный стукъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приводилъ ее въ ужасъ.

16. Ж., 18. Узнала о внезапной смерти подруги, съ которой она говорила утромъ того же дня; „страшное потрясеніе чуть не убило меня на мѣстѣ и въ одинъ моментъ превратило беззаботную дѣвочку въ серьезную женщину“.

17. М., 13. Два года тому назадъ видѣлъ, какъ его оварищу по школѣ раздавило ногу и вскорѣ затѣмъ, акъ трамвай переѣхалъ другого товарища, соскочившаго съ вагона на ходу; съ тѣхъ поръ питаетъ ужасъ къ трамваямъ, хотя ѣздитъ ежедневно въ школу.

18. Ж., 17. Съ тѣхъ поръ, какъ въ темнотѣ братъ внезапно подскочилъ къ ней, она боится темноты и неожиданныхъ встрѣчъ.

19. Ж., 18. Когда она была еще маленькимъ ребенкомъ, ихъ поваръ выскочилъ однажды изъ темнаго угла, желая ее напугать; съ тѣхъ поръ она не можетъ проходить въ темнотѣ мимо того угла.

20. Ж., 19. Охотно посѣщаетъ театръ, но сперва справляется „не будутъ ли стрѣлять изъ револьвера во время представленія“; въ послѣднемъ случаѣ предпочитаетъ остаться дома.

21. Ж., 17. Ружья—мука ея жизни; ея братъ любилъ стрѣлять, но она всегда убѣгала, пряталась, закрывала глаза, затыкала уши и часто поднимала крикъ.

22. Ж., 18. Съ самаго дѣтства боялась быть застрѣленной, такъ у нея было предчувствіе, что она умретъ такимъ образомъ: въ возрастѣ двѣнадцати лѣтъ ей снилось, что ее присудили къ растрѣляню; хотя она почувствовала въ своемъ тѣлѣ ружейную пулю, но не была ранена; это излѣчило ее отъ страха.

23. М., 19. Ему было около восьми лѣтъ, когда онъ услышалъ въ первый разъ, что ружье стрѣляетъ въ направленіи прицѣла; онъ сталъ наблюдать одного человека во время стрѣльбы и потерялъ страхъ.

24. Ж., 18. Лежала въ гамакѣ, когда къ ней приблизилась собака, преслѣдовавшая кошку; подлѣ гамака собака залаяла; дѣвушка увидѣла открытый ротъ и ду-

мала, что онъ направленъ противъ нея; „собака убѣжала, но я не могла двинуться съ мѣста; съ тѣхъ поръ я начала бояться собакъ и чувствовала себя нѣсколько недѣль совершенно истощенной отъ испуга“.

25. Ж., 44. Внезапный испугъ вызываетъ у нея тошноту, бессонницу и обильное мочеиспусканье; также прїятныя неожиданности, какъ, на примѣръ, внезапный прїѣздъ подругъ, лишаютъ ее сна и аппетита.

26. Ж., 30. Вслѣдствіе внезапнаго извѣщенія о смерти подруги получила кровотеченіе и умерла черезъ нѣсколько дней.

27. Ж., 6. Выслушавъ внезапное сообщеніе о смерти подруги, накричала на принесшаго это сообщеніе: „Это ложь, убирайтесь вонъ!“

28. Ж., 42. Огнестрѣльное оружіе вызываетъ въ ней ужасъ, она боится даже ружья „безъ замка, ствола или дула“.

29. М., 14. Говорить: „всѣ ружья бьютъ и могутъ разорваться; они опасны съ обоихъ концовъ и посрединѣ“.

Среди слѣдствій внезапнаго испуга можно различить двѣ главныхъ группы. Первая—вздрагиваніе мускуловъ. Оно происходитъ иногда почти безъ всякой координаціи и представляетъ собой „комъ движеній“ или состоитъ изъ болѣе организованныхъ движеній защиты, бѣгства и т. д. Оно бываетъ всѣхъ степеней силы, начиная съ незначительнаго, но очень частаго у возбужденныхъ людей вздрагиванія и вплоть до судороги или рефлекторной эпилепсіи съ послѣдующимъ параличомъ. Вторая группа слѣдствій—преимущественно психическая. Наступаетъ сильное сотрясенье головного мозга (*commotio cerebri*), сопровождающееся моментальной подавленностью и, можетъ быть, послѣдующей потерей памяти и двигательныхъ образовъ, парѣстезіей, и т. д. Въ обширной и для психологіи очень поучительной литературѣ о нервномъ потрясеніи замѣчается въ послѣднее время явная тенденція признать вліяніе психическихъ причинъ¹⁾,

¹⁾ Oppenheim, Die traumatischen Neurosen, Berlin 1892, стр. 178 сл. См. также Groeningen, Ueber den Schock, Wiesbaden, 1885 г., стр. 134 сл.

вмѣсто прежнихъ ученій о вазомоторномъ параличѣ, о крови, клѣткѣ и другихъ попытокъ физическаго объясненія и перейти отъ прежнихъ теорій о специфически спинномозговой къ общей локализаци. Случаи, какъ №№ 3, 4 и 7 и другіе, указываютъ на психическій факторъ, который вліяетъ въ родѣ зоны, создающей эпилепсію, или рубцовъ. Чрезвычайное вниманіе, внезапное истощеніе, рефлекторная задержка или эмоціональное напряженіе, къ которому такъ предрасположены нервные люди, или, можетъ быть, гипнотическое внушеніе могутъ причинить страданія, вызвать измѣненныя ощущенія и глубокія психическія перемѣны, вліяющія на всю духовную и моральную жизнь, и всѣ могутъ быть идеогеннаго происхожденія. Какую бы торію нервнаго потрясенія мы однако ни приняли, мы можемъ представить себѣ, какъ я полагаю, кривую вниманія со всѣмъ ея рядомъ предметовъ, степеней, напряженій и т. д. движущейся между крайними границами полнаго перерыва и непрерывной связи. Если послѣдняя совершенна, то наступаетъ безсознательность, чему примѣромъ можетъ слуожить лягушка, которую кипятятъ насмерть: лягушка не движется, если теплота увеличивается очень медленно. Перерывъ въ постепенности и связи означаетъ потрясеніе. Незначительныя измѣненія, которыя еще воспринимаются, и особенно максимумъ внезапной перемѣны, на который возможно реагировать безъ заблужденія или потери энергіи, весьма варьируютъ съ возрастомъ, силой, здоровьемъ и настроеніемъ и обладаютъ, вѣроятно, антропометрической цѣнностью, еще недостаточно изслѣдованной. Колебанія между чрезвычайной чувствительностью къ потрясеніямъ и невосприимчивостью, между боязнью нервнаго потрясенія—съ одной стороны и страстью къ нему—съ другой могутъ имѣть громадную педагогическую, а также діагностическую цѣнность.

Боязнь потрясенія и неожиданности, сильную форму которой можно назвать гормефобіей, является, повидимому, фундаментальнымъ инстинктомъ физическаго и

особенно психического самосохранения. Она побуждает птицъ и животныхъ ставить сторожевые посты, строить убѣжища и т. д. и глубоко измѣняетъ ихъ привычки. Теорія Спенсера объ эволюціи глаза, какъ органа, предупреждающаго осязаніе въ цѣляхъ избѣжанія внезапнаго прикосновения; опредѣленіе науки, какъ предвидѣнья; стремленіе систематизировать науку логически и сдѣлать ее понятной; эволюціонная теорія; исчезновение вѣры въ чудеса,—все это имѣетъ цѣлью предохранить человѣка отъ разрушительнаго дѣйствія нервнаго потрясенія, давая ему возможность предугадывать перемѣну издалека, развивать господство мысли и чувства надъ элементами потрясенія, для того, чтобы ихъ по возможности ограничить, хотя они слишкомъ крѣпки и полному удаленію не поддаются. Даже вниманіе—органъ предвосхищенія, и увеличеніе знанія все болѣе приближаетъ его кривую къ правильной причинной линіи. Человѣкъ сводитъ душевныя потрясенія своей первоначальной психической жизни къ опредѣленнымъ мѣстамъ времени и силы и регулируетъ ихъ соотвѣтствующимъ образомъ; тонкость, необходимая для обращенія съ этими продуктами превращенія, а также воспримчивость къ значительно болѣе обширнымъ областямъ, которыя они открываютъ, увеличиваются, и интеллигентные взрослые менѣе часто знакомятся съ сильными потрясеніями и менѣе способны перенести ихъ. Но дѣти болѣе подвержены имъ. Ихъ міръ включаетъ еще обширныя области случайности, гдѣ каждую минуту могутъ произойти самыя неожиданныя вещи. Во многихъ случаяхъ развитія, пріостановившагося въ юношескихъ стадіяхъ, обнаруживаются еще слабыя слѣды древняго хаоса невѣжества и ужасной борьбы и жертвъ при его преодолѣніи, и мы узнаемъ оздоровляющую культурную силу того, что является теперь общими мѣстами науки. Непостоянству или конвульсивности психическихъ элементовъ соотвѣтствуетъ страхъ всего внезапнаго, могущаго вызвать сильныя разряженія; поэтому ни одинъ видъ страха не

требуетъ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія и не поддается столь трудно воздействию; но въ то же время какъ разъ этотъ родъ страха представляетъ многообѣщающее поле для научнаго изслѣдованія.

По отношенію къ этому разряду страховъ мы, можемъ быть, больше чѣмъ по отношенію къ каждому другому, можемъ вскрыть прямую связь его съ лежащимъ въ его основѣ процессомъ мозговой дѣятельности и дать слѣдующее короткое описаніе.

Амебоподобныя движенія, наблюдаемыя въ начальныхъ стадіяхъ большинства основныхъ физиологическихъ функций и столь же притягательныя, сколь и возбуждательныя, представляютъ двѣ главныхъ фазы, а именно: расширеніе и сокращеніе. Въ первой фазѣ живая субстанція протягивается по какому-нибудь направленію, расплывается или вытягивается, принимаетъ пищу и т. д.; во второмъ состояніи, которое она принимаетъ въ отвѣтъ на прикосновеніе, потрясеніе или шокъ, а также на сильныя термическія, химическія или электрическія раздраженія, живая субстанція свертывается, чтобы имѣть возможно меньшую поверхность, и умираетъ всегда сокращенной. Представляютъ ли жизненныя явленія новое рѣшеніе сложной проблемы молекулярной механики или новый жизненный принципъ, этого мы, конечно, не знаемъ. Извнѣ они ограничиваются и отчасти контролируются законами поверхностныхъ напряженій, и одна изъ проблемъ состоитъ въ томъ, чтобы найти причины сокращенія поверхности, благодаря которой выступаютъ движенія, и причины увеличенія поверхности, которое благоприятствуетъ сферической формѣ¹⁾, имѣя въ виду, что сродство протоплазмы и кислорода уменьшаетъ напряженіе, а возможно быстрое измѣненіе молекулярнаго состоянія увеличиваетъ его.

Дюваль²⁾ указалъ на то, что свободные концы нервовъ—Кахаль находилъ ихъ часто соприкасающимися,

¹⁾ Verworn, Allgemeine Physiologie, Jena, 1895, стр. 544 сл.

²⁾ Duval, Comptes Rendus à la Société de Belgique, Февр., 1895 г.

какъ съ протоплазматическими продолженіями нервныхъ клѣтокъ, такъ и съ клѣточными ядрами въ мозгу— могутъ сокращаться съ помощью амебоподобнаго движенія, и этотъ-то перерывъ въ контактахъ можетъ быть причиною сна и наркоза. По его мнѣнію, способность служить проводниками возстанавливается въ бодрствующемъ состояніи черезъ самопроизвольное, возобновленное прикосновеніе, хотя Келликеръ напрасно искалъ движенія въ концахъ двигательныхъ и чувствительныхъ волоконъ у живыхъ личинокъ, гдѣ ихъ можно было бы найти скорѣе всего. Взглядъ Дюваля измѣнилъ и расширилъ Рабль-Рюкгардъ, тогда какъ Ленгоссекъ¹⁾ полагаетъ, что этотъ взглядъ не имѣетъ отношенія къ функциональной цѣнности мозговой архитектуры, а скорѣе приложимъ къ сложности нервной функціи. Кромѣ того, дендриты предрасположены, вѣроятно, реагировать только на опредѣленные прикосновенія и ни на какія другія, ростъ устанавливаетъ новыя возможности соприкасанія и т. д. Боковыя волокна, по его предположенію, воспримчивы и къ пищѣ, и къ раздраженіямъ. Если признать существованіе свободныхъ концовъ вездѣ, тамъ, гдѣ Гольги находилъ сѣтчатку, и если они дѣйствуютъ безъ прикосновенья, тогда Ленгоссекъ легко можетъ приспособиться къ новому принципу дѣйствія на разстояніи, вмѣсто идеи непосредственной нервной связи,—ибо исключительно функциональная связь менѣе матеріалистична.

Кахаль²⁾ утверждаетъ, что клѣточки *neuroglia* сѣрой субстанции показываютъ всѣ стадіи сокращенія и расширенія. При сокращеніи протоплазма клѣточки увеличивается, отростки становятся короткими и толстыми, а второстепенные отростки исчезаютъ. Въ отношеніи этой

¹⁾ Lenhossek, Der feinere Bau des Nervensystems im Lichte der neuesten Forschungen, Berlin 1895, стр. 76, 143 и т. д.

²⁾ Cajal, Einige Hypothesen über den anatomischen Mechanismus der Ideenbildung der Assoziation und der Aufmerksamkeit Archiv für Anatomie, 1895, стр. 367.

— 304 —

Функции сокращения онъ сравниваетъ клѣточки neuroglia съ пигментными клѣточками кожи у животныхъ, мѣняющихъ свою окраску. Сжимающихся мозговыхъ клѣточекъ больше всего въ молекулярномъ пласту, гдѣ концы у соприкасающихся волоконъ особенно толсты. Въ состояніи внѣ сокращения отростки клѣточекъ невроглии проходятъ между нервными концами и клѣточками и изолируютъ ихъ; наоборотъ, въ состояніи сокращения онѣ поглощаютъ протоплазму побочныхъ отростковъ и тѣмъ вызываютъ прикосновение. По ученію Дюваля, сокращения сопровождаютъ духовный покой, а расширение означаетъ дѣятельность. Кахаль утверждаетъ обратное: эти клѣтки становятся благодаря движенію, автоматическому или нѣтъ—это безразлично, факторами уклоненія и изолированія. Энергическое сокращеніе этихъ клѣточекъ устанавливаетъ въ одномъ мѣстѣ связи, а въ другомъ прерываетъ ихъ; такъ возникаютъ въ умѣ ассоціаціи, слова и мысли въ быстрой смѣнѣ или застой и забывчивость, сосредоточеніе вниманія на одной мысли или одномъ представленіи, энергичная дѣятельность и т. д. При напряженіи вниманія сотни псевдоподій, упирающихся въ каждый капиллярный сосудъ въ мозгу, сокращаются и вызываютъ этимъ избытокъ или приливъ крови къ пространству, окружающему сосуды. Такимъ образомъ создается тѣлесная основа всѣхъ родовъ духовной дѣятельности и состояній, какъ болѣзненныхъ, такъ и нормальныхъ, сна, усталости, вниманія, замѣшательства и т. д., путемъ сокращенія и расширения клѣточныхъ развѣтлений въ мозгу. Деморъ ¹⁾, опирающийся на ученіе Нислса о дендритическихъ гранулезныхъ образованіяхъ, полагаетъ, что удлиненія часто бываютъ въ формѣ жемчужной нитки; если же они вызываются морфіемъ, алкоголемъ или хлороформомъ, они всегда такой формы. Деморъ не идетъ такъ да-

¹⁾ Demoor, La Plasticité Morphologique des Neurones Cérébraux. Archiv de Biol. XIV. 1896.

леко, какъ Клеммъ,¹⁾ который говоритъ: „Сѣткообразное, волокнистое, ячеековое—все это выражаетъ состоянія одной и той же плазмы, преходящія или длящіяся всю жизнь, или, можетъ быть, наступающія при умираиіи“. Демооръ же того мнѣнія, что многія гистологическія частности не даютъ представленія о настоящемъ строеніи нейроновъ, а лишь свидѣтельствуютъ объ ихъ реактивномъ состояніи, и показываютъ прежде всего громадную пластичность чувствительной протоплазмы. Онъ думаетъ, что клѣточки сочетаютъ свои функціи, устанавливая большее или меньшее соприкосновеніе между своими удлиненіями и такимъ образомъ поддерживаютъ и координируютъ свою дѣятельность—иначе она была бы монадической—собственной энергіей біотонического движенія. Ретціусъ²⁾ становится на консервативную точку зрѣнія, допуская измѣненія въ длинѣ у клѣточекъ glia, по крайней мѣрѣ въ зародышевомъ состояніи; если имѣетъ мѣсто боковое соприкосновеніе отростковъ, они позже отвердѣваютъ; Кесъ³⁾ полагаетъ, что его измѣренія показываютъ, какъ діаметръ и объемъ волоконъ увеличивается съ ихъ употребленіемъ; далѣе, при противоположностяхъ, остраго помѣшательства и тупоумія, замѣчается разница въ величинѣ; Гольги⁴⁾ считаетъ движеніе не доказаннымъ. Хотя дѣйствительно это движеніе остается пока недоказаннымъ, но гипотезы о немъ вызвали живой интересъ и послужили могучимъ толчкомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Гистологія изучала до сихъ поръ главнымъ образомъ мертвый мозгъ, а онъ даетъ плохое представленіе о сложной дѣятельности, развертывающейся въ живомъ мозгу. Классическій трудъ Ходжа⁵⁾ показалъ глазу мета-

1) Klemm, Jahrb. f. Wiss. Biol. 1895., Heft 4.

2) Retzius, Biologische Untersuchungen. Neue Folge, Bd. VI, 1896, стр. 28 и 36.

3) Kies, Wiener Medizinische Wochenschrift, 1895, Nr. 41 u. 42.

4) Golgi, Untersuchungen etc, Jena, 1894. стр. 270.

5) Hodge, A Microscopical Study of Changes due to the Functional Activity in Nerve Cells, 1892.

большія измѣненія клѣтокъ, сопровождающія нормальную дѣятельность нервовъ. Если движенія, о которыхъ шла рѣчь выше, или какія бы то ни было другія сопровождають нормальную психическую дѣятельность, то мы въ правѣ заключить, что сильное потрясеніе, можетъ быть, наиболѣе сильное изъ всѣхъ переживаній, должно значительно повысить ее и вызвать измѣненія, уничтожая или усиливая нѣкоторыя ассоціаціи и создавая новыя, порождая новыя колебанія вниманія, измѣняя нашъ автоматизмъ, закладывая основу для парестезіи, потери словъ, навязчивыхъ представленій, импульсивныхъ дѣйствій, раздражая антагонистическіе мускулы, возбуждая вазомоторные или брюшные нервы, заиканье, внезапное окоченѣніе, истощеніе, неполный параличъ, и всевозможныя другія послѣдствія, вплоть до явленій раздвоенія личности. Сильныя и внезапныя переживанія страха, можетъ быть, въ прошломъ сформировали мозгъ и измѣнили его тонкую структуру въ неподозрѣваемыхъ до сихъ поръ размѣрахъ; они заложили въ его теперъ непоколебимомъ строеніи—не говоря о его двигательныхъ привычкахъ или о предрасположеніяхъ нейроновъ—физическій фундаментъ не только для легкой боязливой конвульсивности вообще, но особенно для чувствительности по отношенію къ частнымъ формамъ потрясенія. Болѣе пластичный мозгъ или мозгъ съ менѣе твердо установившимся сцѣпленіемъ частей или элементовъ долженъ бы, слѣдовательно, особенно бояться потрясеній большой силы и испытывать отъ нихъ наиболѣе тяжелыя послѣдствія.

При попыткѣ объяснить „почему мы разсѣяны?“ Г. Гиртъ¹⁾ развиваетъ мысль о „я“, какъ о мозаичномъ синтезѣ изъ многихъ элементовъ; части его не всѣ связаны функционально въ каждомъ дѣйствіи или въ каждое данное время. Я не нахожу черты въ первоначальныхъ симптомахъ нѣкоторыхъ формъ душевнаго заболѣванія

¹⁾ G. H i r t h, Lokalisations-Psychologie, 1895, стр. 67 сл.

(Мейнертъ называлъ это ашентіа, Корсаковъ толковалъ, какъ полиневритическій психозъ, Крепелинъ описываетъ, какъ бредъ въ состояніи изнеможенія, Цигенъ, какъ диссоціативную паранойю, Шасленъ, какъ простое умственное расстройство и т. д.), которая не была бы налицо, по крайней мѣрѣ на мгновенье, въ случаяхъ сильнаго и внезапнаго испуга. Съ этого рода страхомъ очень тѣсно связаны виды страха слѣдующаго отдѣла.

XI. Громъ.

1. Ж., 18. Лѣто въ деревнѣ было бы раемъ, если бы не громъ, портящій все удовольствіе.

2. М., 17. Считалъ нечестивымъ взглядывать на небо при приближеніи грозы: былъ даже не въ состояніи сдѣлать это.

3. М., 4. Постоянно сердился и думалъ, что Богъ стрѣляетъ все время съ цѣлью пугать его.

4. Ж. Въ возрастѣ между 3 и 5 годами становилась на колѣни, находясь на рукахъ у матери, плакала, кричала отъ страха при ударахъ грома и желала смерти.

5. Ж., 18. Когда на небѣ гремитъ, она ложится на диванъ и прячетъ особеннымъ образомъ лицо, но боится не за себя, а за зданіе.

6. Въ классной комнатѣ какъ-то однажды при каждомъ громовомъ раскатѣ многіе ученики громко вскрикивали, но когда просвѣтлѣло и буря прошла, болѣе смѣлые начали смѣяться и вышучивали другихъ, желая показать свое мужество.

7. М., 12. Хотѣлъ бы, чтобы во время грозы всѣ вокругъ производили возможно большій шумъ.

8. Одна моя знакомая лѣтъ тридцати пяти не оставляла постели въ теченіе восьми лѣтъ вслѣдствіе рѣдкой формы нервной слабости. Ея состояніе улучшалось при холодной погодѣ, но во время грозы она чувствовала себя тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе гроза. Каждый ударъ грома приводитъ ее въ оцѣпенѣніе или вызываетъ у нея судороги, какъ у лягушки, отравленной стрихниномъ. Ея состояніе во всякомъ случаѣ является показателемъ количества грозъ въ теченіе лѣта.

9. М., 6. Несмотря на свою глухоту и нѣмоту, боится грома и молніи.

10. Одна восьмилѣтняя дѣвочка, у которой этотъ страхъ былъ особенно силенъ, часто живо представляла себѣ въ воображеніи, что горитъ домъ, всѣ члены семья лежатъ мертвыми на полу, въ постели, на гумнѣ и т. д. и, обоженные молніей, покрыты красными, бѣлыми или синими полосами; она рассказала объ этомъ уже будучи семнадцатилѣтней дѣвушкой; во время грозы живо вспоминаетъ о своихъ былыхъ страхахъ.

11. Ж., 18. Постоянно говорить машинально самой себѣ: „Когда-нибудь во время такой грозы сотрясется земля; не случится ли это сегодня?“

12. Ж., 11. Во время грозы страдаетъ припадками, но, когда гроза проходитъ, выходитъ солнце, и на небѣ появляется радуга, и воздухъ свѣжъ и прохладенъ, увѣряетъ въ своемъ наслажденіи красивѣйшимъ зрѣлищемъ въ мірѣ и чувствуетъ себя счастливой, какъ раньше чувствовала себя потрясенной страхомъ.

13. М., 16. Очень боится грозы, но по ея минованіи жалѣетъ, что она не была болѣе сильной, такъ какъ она для него чрезвычайно привлекательна, особенно въ воспоминаніи.

14. Ж., 17. Потѣетъ и не можетъ двигаться.

15. Ж., 16. Послѣ каждого раската грома говоритъ самой себѣ: „Я еще не умерла; хорошо, что громъ слѣдуетъ уже за ударомъ молніи, хотя это плохое утѣшеніе, ибо слѣдующій ударъ столь же ужасенъ“.

16. Ж., 19. Ея боязнь грома началась съ 4-го іюля, когда она услышала пальбу изъ пушекъ.

17. М., 14. Избавился отъ боязни грома послѣ того, какъ его отецъ изъ окна обратилъ его вниманіе на красоту молніи.

18. Одна учительница освободилась отъ долго мучившаго ее страха; когда ей пришлось ободрять своихъ боязливыхъ воспитанницъ.

19. Ж., 17. Излѣчилась отъ страха, представивъ себѣ, что Богъ посылаетъ грозу на ростъ и пользу всему живому.

20. М., 14. Объясненіе электричества лишило меня страха.

21. М., 7. Вскриваетъ и молится, чтобы Богъ предохранилъ его отъ опасности быть убитымъ.

22. Ж., 8. Послѣ того, какъ она пережила сильную грозу, приходитъ въ неопредѣлимый ужасъ уже при одномъ словѣ „дождь“.

23. Ж., 19. Когда приближается гроза и особенно когда небо становится мѣднокраснымъ, тогда совѣсть ея особенно чувствительна и громко возвышаетъ свой голосъ; въ ней шевелится сильнѣйшее желаніе быть очень хорошей.

24. М., 14. Для него громъ означаетъ войну и напоминаетъ ему военные событія.

25. Ж., 28. Всегда чрезвычайно любила смотрѣть на молнію; чѣмъ сильнѣе громъ, тѣмъ большее удовольствіе она испытываетъ.

26. Ж., 34. Во время грозы заливается слезами.

27. Одинъ извѣстный профессоръ въ дѣтствѣ постоянно наблюдалъ за облаками и изучалъ вѣтры, смотрѣлъ сквозь деревья на движенія грозовыхъ облаковъ; если онъ часто и принималъ первые торжественные раскаты за нѣчто другое, то все же не соглашался помычъ при уборкѣ сѣна, такъ какъ онъ слышалъ, что потъ притягиваетъ молнію. Каждый взмахъ вилами при нагруженіи телѣги сѣномъ казался ему опаснымъ: стальные зубья, полагалъ онъ, притягиваютъ молнію; онъ прятался вблизи деревьевъ, потому что деревья притягиваютъ молнію къ себѣ, но не слишкомъ близко къ нимъ изъ боязни ниспадающихъ вѣтвей; не хотѣлъ взбираться на скалу—это казалось ему опаснымъ; ставилъ кровать на стеклянныя подставки сидѣлъ на лѣстницѣ или прятался подъ перину; молился и заключалъ союзъ съ Богомъ. Съ ослабленіемъ грома онъ испытывалъ скорѣе чувство торжества, чѣмъ благодарности, и издѣвался надъ облаками, предлагая имъ нанести ему ударъ.

28. Ж., 26. Вслѣдствіе нервнаго напряженія знаетъ задолго до наступленія грозы о ея приближеніи; во время грозы находится въ ужасномъ состояніи боязни, не можетъ оставаться спокойной, собираетъ и прячетъ ножи и всѣ стальные предметы, утрачиваетъ при сильномъ громовомъ раскатѣ способность рѣчи и движенія, думаетъ о своихъ грѣхахъ, потомъ страдаетъ отъ головной боли и хотѣла бы, чтобы не существовало лѣта и вмѣстѣ съ нимъ грозы.

При приближеніи грозы нѣкоторые люди закрываютъ всѣ окна и опускаютъ шторы, тушатъ свѣтъ, спускаются въ погребъ, ищутъ убѣжища въ темномъ чуланѣ, покрываютъ голову одѣяломъ, садятся на подушкахъ посреди комнаты, забираются подъ перины на постели,

ножки которыхъ изолированы, такъ какъ стоятъ на стеклянныхъ подставкахъ и т. д. Нѣкоторыя дѣти изобрѣтаютъ мѣры самоохраны и увѣрены, что находятся въ безопасности въ воображаемомъ шарѣ изъ твердой стали, въ домѣ изъ каучука или стекла, въ подвалѣ, или что обладаютъ фантастической системой громоотводовъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ очень забавны. Съ удивленіемъ читаешь о семействахъ, гдѣ дѣти унаслѣдовали этотъ страхъ отъ родителей и во время грозы сидятъ въ безмолвномъ страхѣ, молятся или поютъ священные пѣсни, повторяютъ или громко читаютъ нѣкоторыя библейскія описанія синайскаго грома и принимаютъ рѣшнія, правда, слабыя и неопредѣленные, относительно исправленія своихъ недостатковъ,—рѣшенія, которыя при прояснившемся небѣ исчезаютъ такъ же, какъ исчезаетъ страхъ привидѣній при наступленіи дня. Поразительно, какое слабое вліяніе оказываютъ эти пережитые страхи на дѣйствительное выполненіе добрыхъ намѣреній, а также на часто планируемыя приготовленія къ слѣдующей грозѣ. Тѣмъ не менѣе невозможно утверждать, что у тѣхъ, кто больше страдаетъ отъ этого страха, никогда не было громоотводовъ. Приблизительно до одиннадцати лѣтъ средней ребенокъ, судя по нашему матеріалу, боится грома больше, чѣмъ молніи, и часто наслаждается послѣдней, боясь перваго. Нѣкоторые описываютъ съ удовольствіемъ и подробно, какъ имъ выяснили, что опасна молнія, а не громъ.

Тотъ фактъ, что этотъ страхъ стоитъ во главѣ всѣхъ другихъ родовъ страха, хотя только дробная часть одного процента смертныхъ случаевъ происходитъ отъ молніи, показываетъ, что наши корреспонденты еще не сумѣли установить соотвѣтствіе между скалой страха и скалой опасности. Нигдѣ нельзя констатировать съ болѣею ясностью, какое вліяніе оказываетъ на чувство и воображеніе мощь шума. Представленія о громѣ чрезвычайно разнообразны, воображеніе варьируетъ въ отно-

шеніи силы и формы. Во время грозы одни дѣти неизмѣнно думаютъ о битвѣ, взрывѣ бомбъ и т. д., другія о разрывѣ луны или небесъ или о приближеніи бури сверху внизъ по направленію къ землѣ. Дѣти часто представляютъ себѣ небеса въ видѣ свода изъ желѣза, цинка, олова и т. д., звучащаго подобно потолку, по которому катятъ бочки, шары, колеса; или полагаютъ, что лопаются облака или толкаютъ одно другое, или наталкиваются на горы и дома. Сильный громъ дѣти приписываютъ обыкновенно тяжелому давленію или удару механическаго рода. Громъ, это—стонъ или гнѣвные крики Бога, святого Николая, чертей или ангеловъ. Всевозможныя шумныя событія или занятія—паденіе снѣга съ крышъ домовъ, набирание угля, большія мельницы, машины, локомотивы и т. д.—почитаются причиной сообразно съ хорошо знакомыми законами апперцепціи ¹⁾. Яркая молнія въ темнотѣ представляетъ для глаза болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ противоположность между громомъ и тишиною для уха, но глаза можно закрыть, а уши нѣтъ. Шумъ не только дѣйствуетъ болѣе потрясающе, но и представленія о причинѣ молніи—зажиганіе многихъ спичекъ, газоваго рожка, расщепленіе облаковъ, сверканье большихъ глазъ и т. д.—слабѣе и менѣе разнообразны.

Однако главный пунктъ—это слѣдующее: громъ даетъ намъ глубокое чувство дѣйствительности надъ нами. Для примитивнаго сознанія вѣра въ силы надъ нами и почитаніе ихъ никогда не достигаютъ такой напряженности, какъ во время грозы. Ренанъ ²⁾ показалъ, какъ подобныя явленія на горѣ Синаѣ почти создали и религіозное и политическое сознаніе евреевъ, обитателей равнины, сдѣлавъ для нихъ образъ Бога болѣе дѣйствительнымъ, могучимъ, страшнымъ, близкимъ и т. д.; а

¹⁾ См. Stanley Hall, Contents of Children's Minds, Pedagogical Seminary. Vol. I, p. 161 сл.

²⁾ См. History of the People of Israel, томъ I, стр. 157 сл.

Кюне ¹⁾ изложилъ въ своемъ большомъ трудѣ, какое множество существъ мотивовъ, мифологическихъ мотивовъ и народныхъ повѣрій всѣхъ арийскихъ племенъ носить форму этихъ созданий фантазіи. Можетъ быть, было бы слишкомъ много утверждать, будто моральный, эстетическій и религіозный капиталъ, добываемый изъ чувствъ дѣтей по отношенію къ этимъ явленіямъ природы, пока, вслѣдствіе незначительнаго развитія дѣтской психологіи, не поддается учету и не учтенъ наукой; все—въ свое время, и мы не можемъ предвосхитить будущаго, какъ Франклинъ не могъ предвидѣть нашего вѣка электричества. Но, конечно, поверхностно приписывать всѣ эти вліянія потрясенію и шуму и обращать вниманіе только на рефлекторные эффекты, упуская изъ виду болѣе обширные и глубокіе филогенетическіе факторы.

XII. Боязнь животныхъ.

Полученные нами отвѣты касаются всѣхъ извѣстныхъ домашнихъ животныхъ, 44 случаевъ страха дикихъ, никогда невиданныхъ звѣрей, 12 случаевъ боязни животныхъ, существующихъ лишь въ воображеніи, и, наконецъ, случаевъ боязни обыкновенныхъ маленькихъ животныхъ, клоповъ, насѣкомыхъ, жуковъ и т. д.

1. Ж., 6. Боялась прирученнаго медвѣдя, дѣлала при этомъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ автоматическихъ движеній и до 21 года ожидала встрѣтить медвѣдей въ каждомъ темномъ и уединенномъ мѣстѣ.

2. Ж., 19. Читала о пантерѣ, которую застрѣлили на вилкообразной вѣткѣ, съ которой она затѣмъ свалилась; тотчасъ же у нея разыгралось воображеніе, и она представила себѣ пантеру, сидящей на такой же вѣтви дерева, мимо котораго она проходила, идя въ школу, и съ тѣхъ поръ она должна была употреблять большія усилія, чтобы продолжать ходить тою же дорогою.

¹⁾ См. Herabkunft des Feuers.

3. М., 4. Цѣлыми мѣсяцами думалъ постоянно о медвѣдяхъ и воображалъ, что они находятся въ сосѣдней комнатѣ.

4. Ж., 9. Долго страдала отъ преслѣдованій воображаемаго льва.

5. Ж., 18. Не боится никого и ничего, кромѣ коровъ.

6. Ж., 26. Изъ боязни коровъ и быковъ не переходитъ никогда черезъ поле и во снѣ видитъ обыкновенно коровъ и быковъ какой-то сверхъестественной породы.

7. Ж., 5. Отказывается пить молоко послѣ того, какъ увидѣла, какъ доятъ коровъ.

8. Ж., 18. Подъ открытымъ небомъ боится всего, что цвѣтомъ напоминаетъ коровъ; увидѣвъ вдали коровъ, взбирается на стѣну и молится, хотя коровы никогда не преслѣдовали ее и даже не замѣчали.

9. Ж., 11. Годами боялась быть унесенной орломъ.

10. Ж., 7. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ боялась тигровъ.

11. М., 4 и М., 7. Много думали, говорили и мечтали о львахъ, которые имъ представлялись повсюду; у нихъ сложились какія-то чудовищныя представленія.

12. Ж. Двухъ дѣвочекъ, одну четырехъ, другую пяти лѣтъ испугало то обстоятельство, что одинъ человѣкъ назывался по фамилии Вольфъ (волкъ); всѣ его черты представлялись имъ волкообразными.

13. М., 12. Прочелъ о волкахъ въ Россіи, съ тѣхъ поръ не могъ войти въ темную комнату.

14. Ему кажется, что изъ всѣхъ темныхъ угловъ на него глядятъ сверкающіе глаза волка.

15. Ж., 22. Долго была увѣрена, что подъ его кроватью лежитъ большой волкъ.

16. М., 6. Думалъ, что въ темномъ углу его комнаты живутъ медвѣди; „они подошли къ моей кроваткѣ и велѣли мнѣ задержать дыханіе на короткое время; я послушался, потому что я боялся ихъ, хотя они мнѣ нравились“.

17. Ж., 17. Безъ видимой причины такъ боится лошадей, что не можетъ приблизиться къ нимъ или ѣздить верхомъ; ея мысли и сны заняты лошадьми, которыя то понесли, то бѣгутъ по ней, то бьютъ копытами; кусаютъ и т. д.

18. М., 7. У него чудовищное представленіе объ овцахъ и особенно о козлахъ и онъ боится ихъ поэтому; увѣренъ, что они могутъ опрокинуть стѣну.

19. М., 8. Въ одно и то же время восхищается и боится большого черного сурка, какъ-то особенно при-

тягивающаго его, и изобрѣтаетъ о немъ удивительныя исторіи.

20. М., 6. У него чрезвычайно преувеличенное представленіе о клыкахъ, силѣ и т. д. дикой свиньи; онъ не можетъ слышаться разсказовъ о ней.

21. М. Вотъ уже годъ, какъ слоны стали любимцами моего шестилѣтняго сына. „Я не знаю, больше ли онъ ихъ любить, или больше боится, но во всякомъ случаѣ онъ представляетъ ихъ себѣ стоящими выше человѣка.

22. М., 7. Боится центавровъ и лошадей, извергающихъ огонь; въ существованіи ихъ не сомнѣвается.

23. Ж., 17. Кошмаръ состоитъ у нея въ появленіи передъ нею собакъ, которыхъ она боится также днемъ.

24. Ж., 22. Каждая собака внушаетъ ей чувство ужаса, похожее на то, которое Фаустъ испытывалъ по отношенію ко все увеличивавшейся собакѣ за печкой.

25. Ж., 19. Лай собакъ, даже издалика, возбуждаетъ въ ней всегда чувство страха.

26. Ж., 16. Боится столько же непріятныхъ глазъ, сколько высунутаго и болтающагося языка собакъ.

27. Ж., 18. Любитъ собакъ, когда онѣ поворачиваются къ ней спиной, и она можетъ поглаживать ихъ, но, если онѣ поворачиваются къ ней головой, убѣгаетъ; такъ было съ самаго дѣтства.

28. Ж., 8. Зоветъ всѣхъ собакъ ласковыми именами, но, какъ только онѣ отзываются на ея зовъ и приближаются къ ней, убѣгаетъ.

29. М., 34. Помнитъ еще, какъ онъ въ дѣтствѣ боялся собакъ, потому что въ состояніи бѣшенства онѣ кусаютъ людей, и укушенные люди начинаютъ ползать, лаять, кусаться и, наконецъ, сами превращаются въ собакъ.

30. Ж., 19. Не любитъ кошекъ, потому что онѣ ступаютъ неслышно и прыгаютъ далеко.

31. Ж., 39. У нея всегда было почти болѣзненное, необъяснимое отвращеніе къ кошкамъ; ничего она такъ не боится, какъ ихъ; „онѣ противны, отвратительны“.

32. Ж., 27. Знаетъ всегда, когда кошка находится въ комнатѣ, хотя бы и не видя ее; боязнь кошки лишаетъ ее самообладанія и вызываетъ у нея тошноту.

33. Ж. Одна дама разсказываетъ, что въ возрастѣ между восьмымъ и двѣнадцатымъ годомъ она была увѣрена, что у нея внутри вырастетъ кошка, если она проглотитъ кошачьи волосы; поэтому она страшно боялась подобной возможности.

34. М., 25. Четырехлѣтнимъ мальчикомъ думалъ, что былъ раньше когда-то кошкой и хотѣлъ снова превратиться въ кошку, пить, какъ она и т. д.

35. М., 19. Боится кошекъ, потому что онѣ хитры, неслышны, вѣдьмоподобны, у нихъ блестящіе глаза, и никогда неизвѣстно, что онѣ сдѣлаютъ въ слѣдующій моментъ.

36. Ж., 6. Однажды вечеромъ два раза засыпала, сидя на своемъ стулѣ; просыпаясь, видѣла кошку на другомъ стулѣ противъ себя; кошка также просыпалась и зѣвала; это привело дѣвочку въ ужасъ; ей показалось, что кошка отняла у нея дыханіе.

37. Ж. Въ возрастѣ трехъ или четырехъ лѣтъ больше всего боялась кончика кошачьяго хвоста, который двигался въ то время, когда кошка спала; она думала, что хвостъ можетъ укусить.

38. Ж., 21. При видѣ мыши всегда получаетъ истерику; припадокъ продолжается иногда нѣсколько часовъ; одинъ изъ нихъ привелъ ее къ тяжелому заболѣванію; она боится даже игрушечной или сахарной мыши.

39. Ж., 19. Пискъ мышей заставляетъ ее часто громко вскрикивать; всѣ знаютъ, что въ этомъ ея слабая сторона.

40. Ж. Увидя живую мышь, она на весь день становится слабой и больной; видъ мертвой мыши вызываетъ у нея чувство тошноты.

41. Ж., 18. Въ четырехлѣтнемъ возрастѣ ей подарили игрушечную крысу; она никогда не видѣла раньше крысы, начала кричать и никогда не могла превозмочь своего страха.

42. Ж. Одна учительница англійскаго языка испытываетъ иногда внезапный страхъ, когда ей приходится пройтись ночью; она боится, что можетъ наступить ногою на мышь; прежде она задерживала поднятую ногу въ воздухѣ, а теперь производитъ шипящіе звуки, чтобы прогнать воображаемую мышь.

43. М., 54. Сильный человѣкъ, а между тѣмъ боится кошки или мыши больше смерти и дѣлаетъ большіе обходы, лишь бы не натолкнуться на крысу; то же переживалъ его отецъ и братъ.

44. М. Силачъ-мясникъ, если хотя слегка порѣжется, тотчасъ же падаетъ въ обморокъ при видѣ собственной крови.

45. Ж. Посѣщала колледжъ, но не могла даже подумать объ отвратительныхъ крысахъ съ длинными хвостами: у нея сейчасъ морозъ проходилъ по кожѣ,

и она приходила въ безпокойное состояніе; между тѣмъ съ крысами у нея не было связано никакихъ неприятныхъ переживаній.

46. Ж., 15. Видъ змѣй, даже мертвыхъ и выставленныхъ въ музеѣ, вызываетъ въ ней ужасъ, потому что „у змѣй дурной глазъ, точно бы причиненіе зла доставляетъ имъ удовольствіе“.

47. Ж., 16. Каждый вечеръ смотритъ подъ мебелью въ своей комнатѣ, не спрятались ли тамъ змѣи; вооружается длинной палкой и ошупываетъ ею всю постель, прежде чѣмъ лечь спать; закрываетъ окна во второмъ этажѣ, чтобы не вползли змѣи; но боязнь—ея общаго характера.

48. М., 16. Каждый вечеръ обыскиваетъ свою кровать, подозрѣвая присутствіе змѣй, и представляетъ себѣ въ воображеніи, что онѣ ползаютъ по стульямъ, столамъ и т. д.

49. Ж., 23. Бойтсѣ пройти по лугу изъ опасенія наткнуться на змѣю; осматривается по сторонамъ, идетъ очень медленно и разсматриваетъ каждую пядь земли; часто перепрыгиваетъ черезъ кривую вѣтку или сухой стебель.

50. Ж., 19. Она и ея сестра такъ боялись змѣй въ дѣтствѣ, что не хотѣли прикоснуться къ книгѣ съ изображеніемъ змѣй.

51. Ж., 15. Вздрагиваетъ при каждомъ шуршаньи въ лѣсу, вызываемомъ вѣтромъ въ вѣтвяхъ деревъ, подозревая, что ползетъ гремучая змѣя.

52. М., 15. Часто отказывался отъ предлагаемыхъ ему напитковъ и вообще избѣгаетъ спиртныхъ напитковъ изъ боязни змѣй.

53. Ж., 18. Ея боязнь змѣй вызывается ихъ глазами, а не движеніями или ядомъ.

54. Дѣти часто думаютъ, что змѣи могутъ стоять, какъ человекъ, могутъ сворачиваться въ обручъ, изрыгать огонь, жалить хвостомъ, взбираться вверхъ по тѣлу, раздавить его, прыгать и т. д.

55. М. „Когда моему мальчику было четыре года, онъ въ первый разъ увидѣлъ змѣю—маленькая змѣйка обвилась вокругъ его ноги; она не причинила ему никакого вреда, но онъ закричалъ, объятый ужасомъ, и въ теченіе послѣдующаго года не хотѣлъ ни минуты оставаться одинъ“.

56. Ж., 9. Напрасно старался привыкнуть къ игрушечной змѣѣ, мѣсяцы усилій оказались бесполезными.

57. Ж., 12. Часто видѣла во снѣ змѣѣ и хотѣла поэтому спать внѣ постели, невзирая ни на какой холодъ.

58. Ж. Взрослый человѣкъ, но боится всего, что ползеть или пресмыкается, будь то самое маленькое животное или насѣкомое.

59. Ж., 20. Не рѣшалась снять со своего платья гусеницы; она знаетъ о безвредности гусеницъ для человѣка и тѣмъ не менѣе при видѣ ихъ цѣпенѣтъ отъ ужаса.

60. Ж., 24. Холодная дрожь пробѣгаетъ у нея по тѣлу, когда она видитъ что-нибудь похожее на червя или личинку; если же въ ея присутствіи прикоснуться къ червю, гусеницѣ и т. д., она бываетъ близка къ обмороку.

61. Ж., 18. Всегда страдала отъ сильнѣйшей боязни, что почувствуетъ на себѣ прикосновеніе червяка.

62. Ж., 17. При видѣ зеленыхъ червей получаетъ головокруженіе, судороги и ощущаетъ тошноту.

63. Ж. Преподавательница естественной исторіи въ колледжѣ, она не можетъ превозмочь своей боязни червей; при ботанизованіи она пугается, увидя хотя бы маленькаго червя, цѣпенѣтъ и вскрикиваетъ.

64. Ж., 19. Въ дѣтствѣ особенно боялась дождевыхъ червей; если кто-нибудь хотѣлъ положить на нее червяка, она пускалась въ бѣгство, бѣжала, пока не падала, кричала и была увѣрена, что умретъ, если прикоснется къ червю; теперь этотъ страхъ ослабѣлъ и смѣнился своеобразнымъ отвращеніемъ.

65. Ж., 27. Больше всего боится дождевыхъ червей; это инстинктивный страхъ, для котораго у нея нѣтъ разумнаго основанія; боязнъ часто овладѣваетъ ею ночью, поэтому она заботится о томъ, что ея ночное бѣлье тѣсно прилегало къ шеѣ, и черви не могли поползти внизъ по ея спинѣ.

66. М., 15. Больше всего боится пауковъ; дрожить, прикасаясь къ паутинѣ; страшится, какъ бы ночью на него ни упали пауки.

67. Ж., 19. Величайшимъ страданіемъ ея дѣтства былъ страхъ, что къ ней приблизится паукъ, уже одно представленіе о которомъ было ужасно.

68. Ж., 20. Изъ боязни пауковъ не могла никогда снимать паутины.

69. Ж., 17. Узнавъ, что кровотечение изъ ея пораненнаго пальца приостановили, обмотавъ вокругъ него паутину, она предалась ужасу и ожидала каждый день смерти.

70. М., 3. Его укусила пчела; послѣ этого онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отказывался ѣсть медовый пряникъ, пряникъ съ изюмомъ, арбузы и т. д.

71. Ж. Молодая дѣвушка, посѣщающая колледжъ, увѣряетъ, что охотно беретъ въ руки червей, жуковъ и т. д., а между тѣмъ она ненавидитъ ихъ и, навѣрное, никогда не преодолѣетъ этого отвращенія.

72. М., 14. Вообразилъ, будто по немъ ползетъ жукъ, смахивалъ жука нѣсколько разъ, но ничего не находилъ.

73. Многія дѣвушки и женщины и немало мальчиковъ описываютъ свое особое, большое отвращеніе къ жукамъ, москитамъ, пчеламъ, осамъ, муравьямъ, червямъ, тараканамъ и многимъ другимъ ползающимъ и жужжащимъ насѣкомымъ.

74. Ж. Маленькая дѣвочка выходитъ изъ себя, когда на нее садятся мухи; выдумываетъ хитроумныя средства, чтобы удержать ихъ вдали отъ себя.

75. Двое видятъ мухъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

76. Приходить въ возбужденіе отъ всего, что жужжитъ и гудитъ.

77. Животнымъ приписывается часто очень высокая разумность: они, молъ, понимаютъ нашъ языкъ и имѣютъ, кромѣ того, свой собственный; оттого-то есть основаніе бояться ихъ.

78. Двое дѣтей боятся моли, одинъ ребенокъ боится пиявки, двое—маленькихъ водяныхъ ящерицъ, одинъ не могъ видѣть рыбъ.

79. М., 6. Въ продолженіе двухъ недѣль отказывался пить воду, такъ какъ слышалъ о существованіи микроскопическихъ животныхъ.

80. Многіе боятся грубой шерстяной матеріи, форменнаго платья, одежды и т. д.

81. Почти всѣ дѣти боятся въ теченіе извѣстнаго времени собакъ.

82. Четверо дѣтей боятся специально маленькихъ птицъ; вообще же вороны, ястребы, куры, гуси, индюки и особенно совы служатъ часто предметами страха для дѣтей.

83. М., 6. Двое мальчиковъ часто ползали по полу на колѣняхъ и рычали наподобіе львовъ, внушая ужасъ другъ другу.

84. Часто особенный взглядъ глазъ коровы, овцы, лошади, собаки и т. д. внушаетъ страхъ.

85. Когда маленькія дѣти въ первый разъ видятъ какое-нибудь животное, хотя бы и маленькое, они часто очень пугаются; трое дѣтей боялись жабъ, двое цыплятъ, одинъ ребенокъ испугался пойманной мыши, другою козы и третій горлицы.

86. Ж., 19. Такъ боялась изображеній животныхъ, что это уничтожало весь ея интересъ къ географіи.

87. Ж., 19. Страшно боялась, какъ бы пометъ воробья ни упалъ вблизи нея.

88. Ж., 17. Не въ состояніи смотрѣть на отдѣльныя части животныхъ во время урока по физиологіи, и одна мысль о томъ, чтобы убить муху, вызываетъ въ ней содроганіе.

89. Ж., 13. Животныя, которыхъ она видитъ въ облакахъ, пугаютъ ее больше всего.

90. Ж., 7. Особенно боится крика козодоя.

Приведенные примѣры выбраны изъ 1486 случаевъ страха животныхъ. Таблицы I иллюстрируютъ нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ количественно наиболѣе богатой изъ нашихъ группъ. Тотемистическія тенденціи замѣчаются въ случаяхъ №№ 3, 11, 19, 20 и т. д.; фетишизмъ въ №№ 25, 83, 86, 88; различныя суевѣрія въ №№ 22, 24, 29, 33, 36, 67, 81; отдаленныя ассоціаціи въ №№ 7, 8, 12, 41, 46, 50, 51, 69, 70, 71, 79, 84; своеобразные страхи въ №№ 3, 10, 21, 25, 62, 64, 65, 66, 67, 73, 78, 81, 85, 88; преувеличенныя представленія о размѣрахъ и силѣ животныхъ въ №№ 6, 9, 11, 18, 20, 54, 77. Дѣти иногда живо представляютъ себѣ, будто нѣкоторыя животныя находятся очень близко отъ нихъ, и это возбуждаетъ въ нихъ страхъ, такъ въ №№ 3, 15 и 16. Страхъ можетъ возникнуть самопроизвольно и внезапно, какъ въ №№ 41 и 64, и создавать ощущеніе мнимаго прикосновенія, какъ въ 72 и 75.

Боязнь пресмыкающихся, особенно змѣй, игравшая въ первобытныхъ религіяхъ¹⁾ очень большую роль, за-

¹⁾ См. Fergusson, Tree and Serpent Worship.

нимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ другихъ родовъ боязни животныхъ. Мышей, червей и наѣдомыхъ боятся несравненно больше, чѣмъ большихъ и опасныхъ животныхъ, и это указываетъ, что—какъ незначительныя, но опредѣленные наказанія лучшее устрашающее средство, удерживающее отъ преступленій, чѣмъ неопредѣленныя, большія наказанія, такъ и на наши нервы больше воздѣйствуютъ знакомые уколы и укусы наѣдомыхъ и жужжащихъ и ползающихъ животныхъ, чѣмъ опасность со стороны хищныхъ животныхъ. Большое сенсоріальное разстройство, которое можетъ быть вызвано ощущеніями легкаго шекотанія, вѣроятно, также имѣетъ вліяніе. Міръ животныхъ гораздо обширнѣе и разнообразнѣе въ отношеніи свойствъ, формъ и дѣйствій, чѣмъ міръ людей, и у человѣка такъ часто проявляются животныя склонности и выраженія ощущеній, что міръ ребенка значительно расширяется, когда онъ знакомится съ животными. Эстетическія, моральныя и физическія свойства изолируются, возвеличиваются и лучше понимаются. Расширяются симпатіи, дается ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ коренныхъ чертъ человѣческой природы. Дѣти проявляютъ часто робость и боязливость по отношенію къ животнымъ, и этотъ старый и скоро утрачиваемый страхъ имѣетъ глубокіе корни, но тѣмъ не менѣе любовь и интересъ всѣхъ нормальныхъ дѣтей по отношенію къ животнымъ очень великъ, и нельзя достаточно оцѣнить педагогическаго значенія обширнаго знакомства со многими жизненными формами низшихъ и высшихъ животныхъ. Громадное многообразіе міра инстинкта, съ его чудесною пластичностью и приспособляемостью ко всякой жизненной возможности, стоитъ ближе къ дѣтямъ, чѣмъ ко взрослымъ, и является одной изъ наилучшихъ школъ для развитія симпатіи и многихъ болѣе врожденныхъ, нежели прибрѣтенныхъ способностей души. Многое изъ того, что дѣлаетъ послѣднюю хорошей или великой, покоится на животныхъ инстинктахъ и въ нихъ находитъ свое объ-

ясненіе. Чѣмъ больше я изучаю чувства дѣтей къ животнымъ, тѣмъ менѣе могу согласиться съ Селли, Компейрѣ и другими, будто здѣсь излишне прибѣгать къ гипотезѣ атавистической передачи. Боязнь животныхъ больше, чѣмъ другіе виды страха, походитъ на исчезнувшіе рефлексы, фрагменты и остатки психическихъ состояній и дѣятельностей, которые въ настоящее время трудно встрѣтить во всей ихъ прежней мощи и которые необъяснимы вполне ни изъ индивидуальной жизни ребенка, ни даже изъ нынѣшнихъ условій жизни. Я очень далекъ отъ утвержденія, что боязнь кошки, собаки и коровы древнѣе прирученія этихъ животныхъ или что даже мелкіе корни боязни змѣй достаютъ до третичнаго вѣка пресмыкающихся и т. д., но мнѣ кажется разумнымъ оставить это болѣе широкое разрѣшеніе, столь интересовавшее Дарвина, открытымъ и дожидаться дальнѣйшихъ и болѣе подробныхъ изслѣдованій этой самой большой, но, можетъ быть, быстрѣе другихъ исчезающей разновидности страха.

Пока же собранный нами матеріалъ позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на нѣкоторыхъ намѣченныхъ предыдущемъ пунктахъ.

XIII. Боязнь глазъ: оммафобія.

1. Девять дѣвочекъ боятся большихъ глазъ.

2. Ж., 6. Долго боялась серебряной перечницы въ формѣ совы съ огненно-красными глазами, устремленными въ пустое пространство.

3. Ж., 9. Боялась письменнаго стола, въ которомъ ея дядя пряталъ свой стекляной глазъ.

4. Ж., 8. Когда стоитъ одна передъ зеркаломъ, любить пугать самое себя, широко-раскрытыми глазами созерцая свое собственное изображеніе, пока у нея не начинается пробѣгать дрожь по спинѣ; тогда она прячетъ голову, чтобы прогнать дикій ужасъ.

5. Ж., 6. Не хотѣла играть „Красную шапочку“ и не могла даже слушать этой сказки, если ей не давали

предварительно обѣщанія, что волкъ не станетъ дѣлать большихъ глазъ.

6. Ж., 17. Однажды за столомъ мимолетно взглянула въ окно и увидѣла въ немъ якобы турка съ очень большими глазами; турокъ не спускалъ съ нея глазъ; въ своемъ ужасѣ она дошла почти до конвульсій и никогда не могла избавиться отъ этого страха.

7. Ж., 5. Видѣла въ саду глаза—огненные и блестящіе; до шестнадцати лѣтъ при словахъ „блестящіе глаза“ ее всегда охватывала дрожь, и она приходила въ подавленное состояніе.

8. Ж., 21. Въ теченіе многихъ лѣтъ очень страдала отъ страха, такъ какъ видѣла глаза, смотрящіе со двора въ окна.

9. Ж., 19. Будучи ребенкомъ часто фантазировала, будто видитъ большіе глаза и иногда страшныя лица, направленные на нее, какъ разъ когда она ложилась спать; чѣмъ старательнѣе она закрывала голову и чѣмъ больше усиливалась не смотрѣть въ ту сторону, тѣмъ ужаснѣе становился ихъ пристальный взоръ; и понинѣ люди съ большими глазами ей несимпатичны.

10. Предметомъ страха были четыре куклы съ выпавшими или поврежденными глазами.

11. Ж., 17. Съ дѣтства боится, что какая-нибудь старая женщина подозрительнаго вида заглянетъ ей въ глаза и околдуетъ ее.

12. Ж. 17. Въ то время какъ ей рассказывали исторію о привидѣніи, ей показалось, будто ея отецъ, стоя за стеклянной дверью, которая вела въ сосѣдную комнату, тарасилъ на нее глаза; она поблѣднѣла, точно окаменѣла и долгое время спустя оставалась нервной и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ.

13. Ж., 17. Глаза одной знакомой всегда вызывали у нея очень непріятное чувство, и она особенно боялась встрѣчи съ нею вечеромъ.

14. Ж., 10. Испытываетъ почти непреоборимый ужасъ при видѣ бѣлка безпокойныхъ глазъ негритянки.

15. Ж., 7. День и ночь боялась глазъ изображеннаго въ библии злого ангела.

16. Ж., 10. Долгое время боялась глазъ, неустанно слѣдившихъ за ней съ висѣвшей на стѣнѣ картины; наконецъ, страхъ ея смѣнился яростью.

17. Ж., 14. Люди съ выпуклыми глазами всегда немного пугаютъ ее.

18. Большинство дѣтей не выносятъ, чтобы ихъ наблюдали или пристально на нихъ смотрѣли.

19. Одинъ ребенокъ долгое время игралъ съ собакой, но однажды, заглянувъ ей въ глаза, сильно испугался и послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль боялся собаки.

20. М., 6. Видѣлъ, какъ блестѣли глаза его кошки, сидѣвшей въ погребѣ, и очень испугался.

21. Одинъ, въ общемъ храбрый, мальчикъ въ возрастѣ между четырьмя и семью годами стремительно бросался къ матери, какъ только слышалъ слова „большіе глаза“, или кричалъ въ темнотѣ.

22. Одинъ учитель убѣжденъ, что глазъ самое дѣйствительное средство школьной дисциплины.

23. Многія дѣти боятся глазъ, косящихся на нихъ или сверкающихъ бѣлками, или безпокойно бѣгающихъ изъ стороны въ сторону.

24. Многія дѣти боятся выпученныхъ или неподвижныхъ глазъ.

25. Нѣкоторыя дѣти боятся маленькихъ глазъ.

26. Ж., 29. Очень боится нѣкоторыхъ людей, думая, что черезъ глаза даннаго лица на нее смотритъ второе лицо; иногда ночью она видитъ въ воображеніи лица, которыя пристально смотрятъ на нее страшными, умными глазами; иногда меня пугаетъ странный взглядъ глазъ лица, къ которому я обращаюсь, точно бы за нимъ скрывалась еще другая душа, знающая меня.

Глазъ—самая подвижная часть нашего лица; онъ можетъ закрываться и открываться; отверстіе зрачка измѣняется безпрестанно и является, такимъ образомъ, столь же чувствительнымъ показателемъ психическихъ перемѣнъ, какъ и колѣнные рефлексы; глазъ, въ зависимости отъ степени вліянія выступаетъ впередъ или уходитъ вглубь, и блескъ его то усиливается, то уменьшается; онъ притягиваетъ къ себѣ вниманіе цвѣтовыми контрастами, и понятно поэтому, что глазъ первый предметъ, возбуждающій зрительный интересъ ребенка. Фребель считаетъ первое заглядываніе младенца въ глаза матери важной ступеню въ психическомъ развитіи ребенка. Въ дѣтскихъ рисункахъ глазъ появляется пер-

вымъ изъ чертъ лица ¹⁾. Маленькія дѣти смотрятъ говорящему въ глаза и рѣдко на губы или ротъ. Въ противоположность другимъ внѣшнимъ чувствамъ, глазъ направляетъ свой первый интересъ на глазъ другого лица, и Дрю ²⁾ установилъ, что въ 356 любовныхъ стихотвореніяхъ студентовъ прелесть глазъ воспѣвалась 91 разъ и превозносилась больше всѣхъ другихъ красотъ. Глаза гипнотизируютъ; пристальный взглядъ, дѣйствительно, означаетъ борьбу двухъ волей; слишкомъ пристальный, упорный взглядъ приводитъ болѣе старшихъ дѣтей въ оцѣпенѣніе. Фокусъ зрѣнія часто столь тождественъ съ вниманіемъ, что въ дѣтяхъ, когда на нихъ устремлены взоры, развивается или самосознаніе, или чувство стѣсненія; они очень рано научаются распознавать, смотрятъ ли на нихъ, и часто боятся соглядатайства Бога. Пристальный взглядъ предвосхищаетъ дѣйствіе; примѣръ: выслѣживаніе звѣря на охотѣ. Для каждаго преслѣдуемаго или достигнутаго звѣря критическіе моменты его жизни, вызывающіе величайшее напряженіе силъ, лежатъ между тѣмъ мгновеніемъ, когда его увидѣлъ непріятель, и послѣдующимъ нападеніемъ, борьбой или бѣгствомъ. Инстинктъ прежде всего ищетъ въ глазахъ признаковъ добраго или дурнаго намѣренія; послѣднія изучаются особенно медленно, ибо самыя незначительныя измѣненія во взорѣ часто являются несомнѣннымъ признакомъ грозящей опасности. Устрашающее дѣйствіе большихъ глазъ, которыми пугаютъ капризныхъ дѣтей и иллюстрируютъ рассказы о чудовищахъ, вѣдьмахъ и т. д., объясняется отчасти атавистическими пережитками, отзвуками тѣхъ долгихъ эпохъ, когда человѣкъ боролся за свое существованіе съ животными, имѣвшими большіе или странные глаза и зубы, когда далѣе велась долгая война всѣхъ противъ всѣхъ внутри че-

¹⁾ См. Lukens, A Study of Children's Drawings in the Early Years, въ Pedagogical Seminary. Октябрь 1896 г., стр. 79 сл.

²⁾ Pedagogical Seminary, томъ II, стр. 504.

ловѣческаго рода. Дикари рисуютъ свои божества съ ужасными глазами, и коллекціи ихъ свайныхъ родовыхъ гербовъ, масокъ и грубыхъ, первобытныхъ рисунковъ показываютъ, что, можетъ быть, послѣ зубовъ именно глаза способны вызывать наибольшій страхъ. Много лѣтъ тому назадъ я велъ замѣтки объ одной молодой женщинѣ, помѣщавшейся въ Балтиморскомъ домѣ для умалишенныхъ; она въ теченіе мѣсяцевъ страдала отъ неисчезавшаго ложнаго представленія, будто ей угрожаетъ опасность со стороны чудовища со страшными зелеными глазами, сидящаго въ стеклянномъ шарѣ; тамъ же находился больной со слабымъ зрѣніемъ, который принималъ солнце за злой циклопическій глазъ божества, готоваго пожрать своихъ человѣческихъ дѣтей въ наказаніе за ихъ грѣхи.

XIV. Страхъ зубовъ: одонтофобія.

1. Четверо дѣтей плачутъ отъ страха, когда видятъ, какъ движутся фальшивые зубы.

2. Семеро дѣтей обнаруживали признаки страха, когда увидѣли въ первый разъ смѣющихся людей.

3. Двое дѣтей боялись подойти къ родственнику, который потерялъ одинъ или нѣсколько зубовъ.

4. Другія дѣти боятся людей съ необычайно широкими, длинными, острыми или зазубренными зубами.

5. Иногда дѣти боятся взрослыхъ съ большими выдающимися или неправильными зубами.

6. Изъ многихъ случаевъ явствуетъ, что дѣти прежде всего склонны бояться оскаливанья зубовъ, и лишь позже съ нимъ ассоціируется удовольствіе.

7. Ж., 15. Ненавидитъ всѣхъ людей, у которыхъ глазные зубы выглядятъ иначе, чѣмъ другіе.

8. Ж., 14. Не въ состояніи прикоснуться къ чужимъ зубамъ.

9. Ж. Трое дѣвочекъ моложе четырехъ лѣтъ не хотѣли цѣловать людей со странными формами зубовъ.

10. Ж., 19. Проявляетъ всегда безпокойство по отношенію къ одному знакомому, боясь, что онъ улыбкой испортитъ ей все удовольствіе.

11. Ж., 18. Не любить тѣхъ людей, которые при смѣхѣ показываютъ коренные зубы.

12. Трое маленькихъ дѣтей приходятъ въ ужасъ, если кто-нибудь показываетъ, оскаливаетъ зубы или скрежещетъ ими.

13. Ж., 3. Не можетъ научиться тѣмъ играмъ, въ которыхъ твердые зубы прикасаются къ мягкому мясу; своеобразное удовольствіе, связанное часто съ этого рода забавами, приближается къ страху и, подобно многимъ другимъ вещамъ, обязано своею главною прелестью храбрости, играющей страхомъ.

14. Ж., 17. Приходить въ нервное состояніе, когда слышитъ стукъ или скрежетъ зубами.

15. Ж., 19. Полагаетъ, что слѣдуетъ учить людей приятно смѣяться и правильно показывать при этомъ свои зубы.

16. Ж., 4. Боится подойти къ комоду, гдѣ ея мать прячетъ свои фальшивые зубы.

17. Ж., 5. Боится войти въ комнату, гдѣ стоитъ маленький идолъ со страшными клыками.

18. М. Одинъ умирающій обнаруживалъ въ бреду страхъ передъ полузакрытымъ гармоніумомъ, называя его клавиши зубами; его дочь, сидѣвшая у постели больного, по ея словамъ, долго спустя не могла освободиться отъ непріятнаго чувства, которое въ ней вызывалъ не только каждый гармоніумъ, но и всѣ музыкальные инструменты съ клавишами.

Входъ въ пищеварительный каналъ долженъ былъ быть предметомъ величайшаго страха въ ту эпоху, когда господствовалъ законъ: ѣсть или быть съѣденнымъ. Одинъ изъ первоначальныхъ элементовъ привлекательности поцѣлуя заключался, вѣроятно, во взаимномъ увѣреніи и убѣжденіи, что вмѣсто величайшаго страха воцарилась любовь. Отталкивающій моментъ былъ вначалѣ сильнѣе притягательнаго. Обаяніе рта и зубовъ для любящихъ явилось значительно позже, и интересъ ко всѣмъ ихъ движеніямъ, положеніямъ и формамъ развился изъ постепеннаго торжества надъ прежнимъ страхомъ.

XV. Боязнь мѣха: дорафобія.

Для этой группы у меня имѣются 111 разработанныхъ случаевъ; 11 изъ нихъ касаются дѣтей въ возрастѣ одного года и моложе; 15—дѣтей въ возрастѣ между однимъ и двумя годами, 19—между двумя и тремя годами, 7—между тремя и четырьмя годами, 10—между четырьмя и пятью, 7—между пятью и шестью, и остальные касаются болѣе старшаго возраста или же возрастъ совсѣмъ не упомянуть. Приведу 38 случаевъ.

1. М., 6 мѣсяцевъ. Прикоснувшись въ первый разъ къ мѣховой муфтѣ, началъ кричать и плакать такъ сильно, что мы испугались, какъ бы онъ не задохнулся; этотъ его страхъ удалось превозмочь, когда ему было три года.

2. М., 7 мѣсяцевъ. Поднялъ руки и громко и испуганно закричалъ, когда его сестра, играючи, потряхивала муфтой по направленію къ нему; нѣсколько мѣсяцевъ спустя его убѣдили прикоснуться къ муфтѣ, но это лишь воскресило въ немъ прежнюю боязнь.

3. Ж., 8 мѣсяцевъ. Увидѣвъ боа, положила на него руки и закричала; боа было похоже на сѣрую кошку, которой она боялась.

4. М., 8 мѣсяцевъ. Обнаруживалъ, какъ казалось, инстинктивный страхъ передъ мѣховымъ воротникомъ; ассоціаціи со знакомыми животными не установлено.

5. М., 11 мѣсяцевъ. Вздогнулъ и закричалъ, когда къ нему подошелъ близкій знакомый въ одеждѣ, отороченной мѣхомъ; когда тотъ снялъ куртку, страхъ ребенка прошелъ.

6. Ж., 1. Ее опрокинула большая собака; послѣ этого случая она долго боялась всякихъ мѣховъ; въ пяти случаяхъ ассоціація съ боязнью собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ является очевиднымъ источникомъ боязни мѣха.

7. М., 1. Не можетъ безъ ужаса прикоснуться къ овечьей шкурѣ, но лежитъ на ней спокойно, пока его руки не коснутся шерсти.

8. Ж., 16 мѣсяцевъ. Ее охватывалъ моментальный ужасъ при прикосновеніи къ кудрявой головкѣ новой куклы, но она очень любила старыхъ лысыхъ куколъ; никогда не могла носить мѣховой шапочки и не переносила мѣховой опушки.

9. У шестерыхъ дѣтей представленіе о кусаньи было ясно ассоціировано съ прикосновеніемъ къ мѣху.

10. Трое дѣтей явно боялись черныхъ мѣховъ, на-
примѣръ тюленьяго мѣха.

11. Въ другихъ двухъ случаяхъ маленькія дѣти боялись бѣлаго мѣха.

12. М., 2. Всегда „приходилъ въ смертельный ужасъ даже отъ самаго маленькаго кусочка мѣха“; ни за что не хотѣлъ приблизиться къ матери, когда она носила бѣлую ангорскую шляпу, украшенную перьями.

13. Трое дѣтей не соглашались носить мѣхового платья, боясь его.

14. По мнѣнію одного изъ нашихъ корреспондентовъ, дѣти боятся мѣха, если убѣдились, что кошка царапается или вообще испытали непріятности отъ животныхъ.

15. Одиннадцать корреспондентовъ высказываются въ томъ смыслѣ, что этотъ страхъ инстинктивенъ.

16. Трое наблюдали подобный страхъ въ маленькихъ дѣтяхъ, никогда не видѣвшихъ никакихъ животныхъ, ни даже кошки или собаки.

17. Ж., 2. Не боится мѣха, созерцая его глазами, но, какъ только прикоснется къ чему-нибудь волокнистому или пушистому, кричитъ, объята ужасомъ.

18. Ж., 3. Во время посѣщенія звѣринца начала бояться мѣха и съ тѣхъ поръ боялась всякаго рода мѣховъ.

19. Ж., 13. При прикосновеніи къ мѣху у нея по тѣлу пробѣгаетъ дрожь.

20. Ж. Хотя бы одинъ единственный волосъ на ея платьѣ возбуждаетъ въ ней очень сильное непріятное чувство.

21. Ж., 4. Боится исключительно черныхъ мѣховъ. Другая дѣвочка боится только бѣлыхъ и сѣрыхъ мѣховъ.

22. Ж., 4. Боится только пятнистыхъ мѣховъ.

23. Въ двухъ случаяхъ дѣти любили смотрѣть на мѣхъ и боялись прикоснуться къ нему.

24. Ж., 14. Долгое время боялась специально уви-
дѣть, какъ, при дуновеніи на него, мѣхъ ложится въ
разныя стороны, и изъ-подъ волосковъ виднѣется кожа.

25. Ж., 5. Боится лишь грубыхъ мѣховъ и мѣховъ съ длинными волосинками.

26. Ж., 14. Рано стала бояться буйловыхъ шкуръ, прикосновенія къ коровамъ или лошадямъ, потому что

у нихъ волосы, какъ у медвѣдей; только къ двѣнадцати годамъ она избавилась отъ этого страха.

27. Ж., 16. Превозмогла боязнь мѣха послѣ того, какъ ей подарили мѣховой жакетъ.

28. М., 4. Выражаетъ свой ужасъ передъ прикосновеніемъ къ мѣху такъ: закладываетъ обѣ руки за спину и сильно отплевывается.

29. Ж., 5. Невозможно уговорить ее дотронуться до бумажной ткани или терпѣть ее вблизи себя; называетъ ее даже „кошкой“.

30. Ж., 8. Въ ея ощущеніи страха мѣхъ ассоціированъ съ мускусомъ.

31. М., 8. Излѣчился отъ боязни мѣха, когда въ его присутствіи убили корову и содрали съ нея шкуру.

32. Ж., 17. Всегда ощущала и теперь еще ощущаетъ сильнѣйшее отвращеніе къ прикосновенію мѣха, къ ея кожѣ; испытываемое ею при этомъ чувство она не можетъ охарактеризовать иначе, какъ словомъ „странное“.

33. Не боится насѣкомыхъ, даже ползающихъ, боится исключительно волосатыхъ гусеницъ.

34. Многіе корреспонденты сообщаютъ о болѣе или менѣе сильной нелюбви къ шерстянымъ одѣяламъ.

35. Ж., 14. Питаетъ отвращеніе къ шерсти и отказывается носить верхнюю или нижнюю шерстяную одежду.

36. Ж., 15. Я не выношу прикосновенія къ бархату, персикамъ или вообще къ вещамъ съ пушистой поверхностью; такія вещи напоминаютъ мнѣ иногда грязь и болѣзнь.

37. Ж., 16. Боится прикоснуться къ персикамъ, хотя очень ихъ любитъ и ѣстъ, если кто-нибудь другой ихъ очиститъ.

38. Ж. Женщина, но не любитъ носить шерстяныхъ перчатокъ; когда она была ребенкомъ, для нея сдѣлали пару хорошенькихъ бѣлыхъ перчатокъ, но на кончикѣ одного пальца оказался ввязанный волосокъ; это вызвало у нея чувство отвращенія столь сильное, что съ тѣхъ поръ она не надѣвала перчатокъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ страхъ мѣха возникаетъ, повидимому, главнымъ образомъ или исключительно вслѣдствіе прикосновенія, таковы случаи: 1, 7, 8, 23, 26, 32, 33; онъ переносится на одѣяла, перья, бархатъ и т. д.—случаи

29, 34, 35, 36, 37—или даже на отдѣльный волосъ—случаи 20 и 38. Своеобразное ощущение щекотанья является, можетъ быть, причиной. Прикосновеніе къ мѣху—нѣчто непривычное, но мы не знаемъ, объясняется ли все этимъ и такими ассоціями, какъ въ случаѣ № 9. Въ случаяхъ 2 и 5, а также 12, 28, 29, повидимому, замѣшано одно зрѣніе. Нѣкоторыя дѣти любятъ смотрѣть на мѣхъ, но не могутъ прикоснуться къ нему, такъ въ случаяхъ 17 и 23. Пережитыя раньше непріятности или страданія—главный факторъ боязни во многихъ случаяхъ: 3, 6, 14, 18; нерѣдко, однако, подобный факторъ отсутствуетъ: 4, 15, 16. Страхъ мѣха можетъ объясняться ассоціей съ укусомъ—9; цвѣтомъ—10 и 11; мускусомъ—30, грязью—36; онъ можетъ специализироваться и стать боязнью исключительно черныхъ мѣховъ—21 или пятнистыхъ—22; или боязнью голой кожи, открывающейся подъ мѣхомъ—24; или грубыхъ мѣховъ—25, 26. Можетъ быть, дѣйствительно гораздо болѣе распространенная любовь къ мѣху скорѣе нуждается въ объясненіи, чѣмъ боязнь мѣха; но и любовь, и страхъ настолько сильны и инстинктивны, что едва ли ихъ можно объяснить внѣ отношеній къ той эпохѣ, когда связь съ животными была гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь, или когда наши отдаленные предки были волосатыми.

XVI. Боязнь перьевъ.

1. М., 2. Всегда боится перьевъ, особенно боится, чтобы они не полетѣли на него; когда какъ-то разъ пушинка вылетѣла изъ стеганаго одѣяла, онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

2. Ж., 2. Много разъ принималась кричать изъ боязни перьевъ.

3. М., 3. Никогда не подходилъ близко ни къ какимъ перьямъ; страхъ его еще усилился, когда его стали часто подразнивать перьями.

4. Ж., 18. Боялась перьевъ до пяти лѣтъ; когда однажды въ передней мимо нея въ воздухъ пронес-

лось перышко, она закричала, бросилась бѣжать и упала; только медленно и постепенно она освоилась съ мыслью, что перья безопасны и вовсе не живыя существа.

5. Ж., 4. Большая лакомка, она ни за что не подойдет къ буфету, если туда положили перо.

6. Ж., 15. „Бояться перьевъ я начала въ 3 года и боялась особенно мягкихъ, пушистыхъ и сѣрыхъ“.

7. „Чтобы удержать меня въ комнатѣ, няня вкладывала въ замочную скважину дверей перо; когда я хотѣла войти въ комнату и замѣчала перо въ дверяхъ, я останавливалась и принималась кричать“.

8. Ж., 2. Увидѣла пушинку, вылѣзшую изъ подушки, и получила такой припадокъ страха, что пришлось принять на нѣкоторое время съ ея постели всѣ подушки.

9. Ж., 24. Знаетъ маленькую дѣвочку, которая блѣднѣетъ при видѣ перьевъ на дамской шляпкѣ.

10. Одинъ учитель никогда не могъ прикоснуться къ бумажной матеріи или къ перьямъ или приблизиться къ шкапу, въ которомъ они хранились.

11. Ж. Если ей приходилось проходить черезъ комнату, гдѣ лежали бумажная матерія или перья, она очень торопилась и старалась не смотрѣть въ ихъ сторону.

12. Ж. Другая дѣвочка испытываетъ сильный страхъ, если на ея платьѣ садится хотя бы самый маленькій кусочекъ нитки или пуха; держитъ руки возможно подале и кричитъ до тѣхъ поръ, пока не удаляютъ этихъ вещей.

13. Ж. Одна англичанка пишетъ: „Въ возрастѣ одного или двухъ лѣтъ я ужасно боялась всякаго рода перьевъ, но только не перьевъ на живыхъ птицахъ; однажды я опустилась въ оцѣпенѣніи на полъ, увидя, какъ пушинка изъ стеганаго одѣяла двигалась въ направленіи ко мнѣ“.

14. Ж., 4. Ужасно испугалась сухого листа, который появился въ ваннѣ, внесенный струей воды.

15. Пугаетъ большой страхъ къ метелочкѣ изъ перьевъ.

16. М., 18 мѣсяцевъ. Одна мать пишетъ: „Достаточно мнѣ держать въ рукѣ перо, чтобы мой мальчикъ во всемъ слушался меня“.

17. Другая мать кладетъ перья на все то, чего ея ребенокъ не долженъ трогать.

Большинство, если не всё, изъ подобныхъ случаевъ, повидимому, въ достаточной степени объясняются увѣренностью ребенка въ существованіи произвольно-движущейся силы или сходствомъ съ насѣкомыми, ассоціаціями съ ощущеніями щекотанья и т. д. Произвольное передвиженіе наиболѣе отличительная черта животной жизни, и Дарвинъ, и Бруксъ и другіе описали страхъ собакъ передъ предметами, движимыми слабымъ вѣтромъ или невидимымъ шнуркомъ.

XVII. Особая боязнь людей.

1. Ж., 16. Передъ чужими людьми всегда краснѣетъ и заикается.

2. Ж., 44. Никогда не могла совершенно освободиться отъ мучительной застѣнчивости дѣтства.

3. Ж., 46. Никогда не можетъ подойти къ чужимъ и встрѣтить ихъ привѣтливо; еще нелюбезнѣе къ другому полу, какъ менѣе симпатичному и болѣе критически настроенному; почти никогда не можетъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза; боится вмѣсто улыбки встрѣтить пристальный взглядъ.

4. Ж. Дѣвочка англичанка; очень боялась, когда ее вводили изъ дѣтской въ гостиную къ взрослымъ.

5. Ж., 7. То смѣется, то плачетъ истерически, если кто-нибудь, пусть даже животное, устремляетъ на нее глаза.

6. М., 14. Предпочитаетъ круговую дорогу въ обходъ черезъ поля, накладывая себѣ полмили пути, лишь бы только избѣжать встрѣчи съ людьми.

7. Ж., 30. Дама-англичанка; всегда боялась серьезныхъ, положительныхъ людей, особенно сильно тѣхъ изъ нихъ, кто отличался увѣренной, энергичной или рѣзкой манерой держать себя.

8. Ж., 23. Передъ своими старшими двоюродными братьями чувствовала себя маленькой, ничтожной, испуганной; ей казалось, что выйти изъ своей забитости и подавленности и показать себя она можетъ только совершивъ какой-нибудь злой, неловкій или отчаянный поступокъ или произнеся рѣчь, или даже солгавъ.

9. Ж., 17. „Никогда не осмѣливалась пойти куда-нибудь или сдѣлать что-нибудь изъ боязни быть осмѣянной; согласна была скорѣе признать бѣлое чернымъ“.

10. Ж., 10. Всегда играла съ дѣвочками, никогда съ мальчиками изъ страха, что послѣдніе могутъ подраться.

11. Ж., 19. Между 8 и 12 годами ужасно боялась дѣвочекъ въ возрастѣ 15—16 лѣтъ, потому что онѣ держали себя съ большимъ самомнѣніемъ и смотрѣли на маленькихъ дѣвочекъ сверху внизъ.

12. Ж. Нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ боятся всѣхъ мальчиковъ, такъ какъ мальчики могутъ быть нелюбезными съ ними или сдѣлать ихъ предметомъ своихъ разговоровъ, или обнаружить полное равнодушіе.

13. М., 14. Настолько робокъ, что не говоритъ съ дѣвочками изъ боязни показаться смѣшнымъ; ему приходится предварительно слишкомъ много обдумывать, что именно слѣдуетъ сдѣлать и сказать.

14. М., 18. Всегда очень боялся своего отца и не любилъ его присутствія; не могъ держать себя при немъ свободно, становился нервнымъ и глуповатымъ.

15. Ж., 31. Выходитъ изъ себя, когда ее порицаютъ, бранятъ: недовольство отца и его приказанія занимаютъ у нея всегда мѣсто совѣсти, и она чувствуетъ и донинѣ побужденіе дѣлать не столько то, что слѣдуетъ, сколько то, что нравится другимъ.

16. Ж., 52. Никогда не могла успокоиться и чувствовать себя хорошо съ тѣми, въ чьемъ расположеніи она не была увѣрена; готова была скорѣе принести все въ жертву, чѣмъ снести порицаніе.

17. Ж., 27. Однажды она замѣтила, какъ ея любовь къ учительницѣ безъ причины смѣняется страхомъ; ея руки становились холодными или влажными, и ея глаза вздрагивали и отворачивались, когда она встрѣчалась глазами со взоромъ учительницы; спокойствіе ея сна оказалось нарушеннымъ, и ей пришлось оставить школу на годъ; она полагала, что этотъ страхъ былъ слѣдствіемъ нервного самочувствія.

18. Ж. Одна образованная дама въ дѣтствѣ, въ возрастѣ 7—8 лѣтъ, считала многихъ старыхъ женщинъ вѣдьмами и ихъ глаза опасными.

19. М., 6. Больше всего другого боялся, что у старшихъ мальчиковъ руки преобразятся въ лапы, которыми они его схватятъ.

20. Ж., 42. Въ возрастѣ 12—14 лѣтъ ею часто и внезапно овладѣвало чувство, будто въ комнатѣ находится постороннее лицо; она быстро оборачивалась;

часто ей казалось, что она видѣла убѣгающую тѣнь, и она была убѣждена въ присутствіи другого лица.

21. М., 12. Если ручка отъ дверей не поворачивалась, онъ бывалъ увѣренъ, что какой-нибудь страшный человекъ держалъ ее снаружи.

Дѣтская боязнь людей часто касается прежде всего и главнымъ образомъ черныхъ, хромыхъ, некрасивыхъ или особенно уродливыхъ людей, затѣмъ—цыганъ, тряпичниковъ, китайцевъ, полицейскихъ, угольщиковъ, бродягъ, паяльщиковъ, врачей, учителей, разносчиковъ и часто распространяется на почти всѣхъ постороннихъ, чужихъ. Дѣти боятся людей съ рѣшительными—№ 7—или самоувѣренными манерами—№ 8; тѣхъ, которые повелѣваютъ ими и угнетаютъ ихъ—№ 15, 16; часто недовѣрчивы къ другому полу—№№ 11, 12, 13; боятся порицанія—№ 16 или насмѣшки—№ 9 и уходятъ отъ всѣхъ, въ чемъ доброжелательствѣ они не увѣрены—№ 16.

Если нѣкогда существовала эпоха, когда всѣ чужіе были опасны, то это было время борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, по предположенію Гоббса, или во всякомъ случаѣ суровой борьбы за существованіе между людьми. Многіе живутъ еще до сихъ поръ по принципу: обращаться и съ друзьями такъ, точно они легко могутъ обратиться во враговъ. Въ деревнѣ, при слабой населенности, боязнь чужихъ, совершенно исчезнувшая у нагло-развязныхъ городскихъ уличныхъ мальчугановъ, продолжаетъ существовать во всѣхъ степеняхъ и формахъ. Именно съ этой разновидностью страха, больше чѣмъ со всякими другими, слѣдуетъ, по моему убѣжденію, связать явленія краснѣнія. Изъ отвѣтовъ на другой опросный листъ—о нихъ будетъ рѣчь ниже—явствуетъ, что всѣ части тѣла безъ исключенія подвержены краснѣнію. Покраснѣть можно внезапно или краснѣть можно постепенно; краснѣніе начинается въ нѣкоторыхъ рѣзко опредѣленныхъ пунктахъ и оттуда распространяется дальше, иногда, подобно дуновенью, пробѣгаетъ отъ области желудка или даже отъ ногъ вверхъ, переме-

жается съ блѣдностью или становится такимъ сильнымъ, что вызываетъ въ заключеніе сыпь; въ рѣдкихъ случаяхъ оно сопровождается образованіемъ пузырей; оно, наконецъ, можетъ быть такимъ интенсивнымъ, что побуждаетъ людей къ уединенной жизни и заставляетъ ихъ оставить свою профессію. Сердце усиленно бьется, возможны сжиманія въ груди. Сознаніе затемнено, испытывается чувство безпомощности, слабости, дрожь, потѣніе; глаза мигаютъ, опущены внизъ или смотрятъ въ сторону, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ проливаются слезы; въ ушахъ звенить, наблюдаются судорожныя, неловкія движенія, дыханье пріостанавливается; иногда краснѣющій закрываетъ лицо и бросается бѣжать¹⁾. Большинство изъ этихъ симптомовъ также симптомы страха. Въ нѣкоторыхъ языкахъ существуетъ только одно слово для обозначенія краснѣнія и стыда, такъ въ шведскомъ слово *blygsel*; Окенъ много времени тому назадъ называлъ стыдъ „частичнымъ страхомъ“²⁾. Почти всѣ, если не рѣшительно всѣ, наши реакціи на сильное краснѣніе тождественны съ тѣми, которыя слѣдуютъ за страхомъ.

Краснѣніе связано въ большинствѣ случаевъ прямо или косвенно съ поломъ. Женщины краснѣютъ гораздо больше и еще въ болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ мужчины; больше всего—въ дѣвичьи годы и преимущественно при упоминаніи о другомъ полѣ, въ присутствіи мужчинъ или при предложеніяхъ со стороны другого пола. Предположеніе о возникновеніи этого предрасположенія отчасти изъ полового страха нашихъ далекихъ предковъ вполне совмѣстимо съ фактомъ, что краснѣніе въ настоящее время часто сопровождается чувствомъ удовольствія. Робость, застѣнчивость, дѣвичья скромность обязаны своимъ обаяніемъ женскому сопротивленію, возникшему изъ страха. Если даже краснѣніе есть излученіе огня

¹⁾ См. H. Campbell, M. D. *Morbid Blushing: its Pathology and Treatment* въ „Wood's Med. and Surg. Monographs“, 1890; также Camille Melinard въ „Chantauquan“ 1893.

²⁾ Oken, *Naturgeschichte*. IV, стр. 205,

полового возбужденія, то тормозящее вліяніе страха должно было быть главнымъ факторомъ, который децентрализировалъ краснѣніе и удалилъ его отъ актовъ или органовъ; страхъ быть наблюдаемымъ, боязнь послѣдствій, утраты склонности дѣйствуетъ на оба пола и можетъ даже распространиться на мысли, вызывающія въ одиночествѣ краснѣніе. Даже краснѣніе при комплиментахъ объясняется, надо полагать, тѣмъ, что нѣкогда чувство служить предметомъ восхищенія было связано съ большей опасностью. Другія причины краснѣнія, наиболѣе часто приводимыя въ нашихъ матеріалахъ, это пристальный взоръ, насмѣшка, обвиненіе, подозрѣніе, врожденная робость, неловкость, нарушение этикета, критика и даже страхъ покраснѣть. Возникаетъ самосознаніе тѣла или души, и люди становятся столь чувствительными къ мнѣніямъ другихъ, что не могутъ быть естественными въ присутствіи тѣхъ, въ чьихъ симпатіяхъ и хорошемъ мнѣніи они не вполне увѣрены. Они должны находиться среди друзей, даже мысли которыхъ не вызываютъ въ нихъ страха,—иначе вазомоторная система еще донинѣ отражаетъ древнюю боязнь чужихъ лицъ, тогда какъ волевые мускулы или ихъ мозговые центры уже не возбуждаются больше къ бѣгству или борьбѣ. Я попытаюсь показать позже, насколько это соответствуетъ закону стадій забыванія. Краснѣніе вслѣдствіе неожиданности и потрясенія совершенно особаго происхожденія и краснѣніе отъ удовольствія слѣдуетъ объяснять еще иначе. Мы не стремимся дать здѣсь теорію краснѣнія вообще, а лишь теорію, касающуюся только одного элемента проблемы. Какого бы мнѣнія ни держались о нашемъ предложеніи имѣть въ виду палеопсихическіе элементы при объясненіи другихъ группъ страха, мы несомнѣнно имѣемъ передъ собой явленія, не объяснимыя вполне данными индивидуальнаго опыта. Немногіе станутъ сомнѣваться въ существованіи инстинктивныхъ страховъ передъ чужими, на ряду съ инстинктивными влеченіями къ чужимъ людямъ.

XVIII. Боязнь одиночества.

1. Ж., 22. До шестнадцатаго года жизни никогда не оставалась одна. Обыкновенно не боялась, но ее охватывало чувство покинутости, и оно-то было страшнымъ.

2. Ж., 17. Отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ сильно боялась хотя бы кратковременнаго одиночества; напримеръ, при собираніи ягодъ, если она хотя бы на мгновенье теряла изъ виду своихъ подругъ, она поднимала крикъ и иногда теряла сознание.

3. Ж., 21. Всегда любила гулять въ уединенныхъ мѣстахъ, въ поляхъ; но по временамъ ее охватывало непріятное чувство одиночества, и возникавшій такимъ образомъ страхъ парализовалъ ея движенія.

4. Ж., 23. Въ теченіе всего школьнаго періода она сильно боялась, когда ее оставляли одну дома, а это случалось часто; все вокругъ казалось ей тогда мрачнымъ и ужаснымъ. Каждая нѣсколько минутъ она выходила и осматривалась по всѣмъ направленіямъ, не идетъ ли кто-нибудь. Всѣ попытки сосредоточить мысли на чемъ-нибудь другомъ оказывались безуспѣшными. Тиканье часовъ раздавалось такъ громко, что она точно ощущала тишину, которая производила на нее какое-то ошеломляющее впечатлѣніе. „Мнѣ казалось, что всѣ умерли; я пѣла, предпринимала самыя необычныя вещи, наблюдала за часами, за приближеніемъ ночи, боялась нелѣпыхъ неожиданностей, искала общества животныхъ въ сараѣ и даже цвѣтовъ въ саду.

5. Ж., 17. Долго страдала изъ-за сильной боязни, что всѣ ея друзья и родственники покинутъ ее.

6. М., 16. Въ семилѣтнемъ возрастѣ его охватилъ страхъ изъ-за мнимаго намѣренія его родителей уйти отъ него; въ продолженіе четырехъ недѣль онъ не могъ успокоиться; ночью онъ просыпался, думая, что они уже оставили его.

7. Ж., 7. Во снѣ она видѣла себя одинокой въ домѣ и просыпалась; она кричала, но умалчивала о причинѣ; и только на вопросъ нашего опроснаго листа она дала опредѣленный отвѣтъ.

8. Ж., 20. Все ея дѣтство было омрачено страхомъ уединенныхъ мѣстъ,—теперь же она находитъ особенную и неописуемую прелесть въ лѣсномъ мракѣ, въ горныхъ ущельяхъ и другихъ уединенныхъ мѣстахъ.

9. Ж. При углубленіи въ чтеніе одна англичанка по временамъ вздрагиваетъ отъ внезапнаго ощущенія одиночества и боязни приближающейся ночи; домъ можетъ быть при этомъ полонъ людей. „Въ такія минуты мнѣ кажется, что вокругъ меня копошатся невидимыя существа. Я становлюсь посрединѣ комнаты и нѣкоторое время остаюсь неподвижной; затѣмъ дѣлаю большое усиліе, кое-какъ добираюсь до двери и бросаюсь вонъ изъ комнаты, не осмѣливаясь оглянуться назадъ“.

Чувство одиночества возникаетъ, повидимому, иногда болѣе или менѣе внезапно и самопроизвольно, такъ въ случаяхъ 3 и 9; даже временное одиночество можетъ стать невыносимымъ—2, 4; друзья готовы покинуть насъ—5; товарищи убѣгаютъ отъ насъ—6; воображаемое или приснившееся одиночество вызываетъ чувство ужаса—№ 7; общество животныхъ и растеній утѣшаетъ и успокаиваетъ въ одиночествѣ, случай 4 и это напоминаетъ живой интересъ заключеннаго Пикціолы къ растенію, сокъ котораго спасъ ему жизнь, и любовь Сильвіо Пеллико къ муравьямъ, мухамъ и паукамъ въ его камерѣ. У человѣка—стадные инстинкты, и каждая индивидуальность становится одинокой соотвѣтственно со степенью своей отграниченности. Циммерманъ и Алгеръ показали, какъ великія и новыя мысли заставляютъ людей чувствовать себя особенными и обособленными. Пустыня и ея эпитимія—одиночество всегда была оплотомъ для великихъ душъ и питала великія мысли; но слабыя души траппистовъ, Каспара Гаузера и т. д. одиночество приводитъ къ тупоумію. Дѣти въ теченіе своего долгаго дѣтства больше всѣхъ другихъ животныхъ зависятъ отъ ухода взрослыхъ, и въ ихъ боязни одиночества мы видимъ, часто въ искаженной и преувеличенной формѣ, тотъ факторъ, который очень много способствовалъ образованію обычаевъ, партій и сектъ у наиболѣе подражательныхъ изъ всѣхъ созданий.

XIX. Страхъ смерти.

1. Ж., 25. До четырнадцати лѣтъ не могла безъ слезъ подумать о смерти. Часто ей съ потрясающей силой представлялось, какая ужасная вещь смерть; она думала: не можетъ и не должно быть, чтобы мы всѣ умерли и отказались отъ прекрасной жизни на землѣ— и неутѣшно плакала.

2. М., 6. Плакалъ, предаваясь отчаянію отъ того, что долженъ будетъ умереть. Особенно страдалъ по ночамъ.

3. М., 15. Считаетъ смерть столь невыразимо ужасной, что можетъ говорить о ней лишь дрожащимъ голосомъ и думать о ней лишь съ содроганіемъ.

4. М., 43. Одного священника всю жизнь преслѣдовала и терзала мысль о смерти; его единственное утѣшеніе—въ надеждѣ прожить до второго пришествія Христа и быть спасеннымъ такимъ образомъ отъ смерти.

5. М., 9. Бойтсся смерти, потому что „тогда нельзя будетъ видѣть, слышать, думать и кушать“.

6. Ж., 7. „Теперь я ложусь“ возбуждало у нея каждую ночь такой болѣзненный страхъ смерти, что она молилась объ отпущеніи ей всѣхъ содѣянныхъ грѣховъ; мысль объ адѣ и послѣднемъ судѣ наполняла ее ужасомъ.

7. Ж., 7. Я видѣлъ двухъ миленькихъ дѣвочекъ, которыя наблюдали за человѣкомъ на высокой крышѣ. Одна изъ дѣвочекъ сказала: „О, я хотѣла бы, чтобы онъ упалъ спиной внизъ и убился“. „И чтобы его подняли окровавленнымъ“, добавила вторая, хихикая. „Чтобы сломались всѣ его кости“, сказала первая. „И чтобы его похоронили въ черномъ гробу“, дополнила вторая. „Чтобы всѣ его дѣти плакали“, продолжала первая. „И чтобы они умерли отъ голода“, снова вставила свое слово вторая. Онѣ приходили все въ большее и большее возбужденіе, ими овладѣвали все болѣе и болѣе страхъ; онѣ понижали голосъ и, наконецъ, я пересталъ ихъ слышать.

8. Ж., 8. Очень боялась своей больной сестры, услышавъ, что она должна умереть.

9. Ж., 17. Ужась, возбуждаемый во мнѣ комнатой, въ которой кто-нибудь умеръ, очень мучителенъ.

10. М., 6. Можетъ войти въ комнату, въ которой лежитъ трупъ, и можетъ даже дотронуться до мертвеца,

„потому что онъ еще не такъ мертвъ, какъ если уже похороненъ“.

11. М., 10. Поцѣловалъ спокойно и безъ всякаго неприятнаго чувства трупъ матери, но отпрыгнулъ, почувствовавъ, какъ холодны ея губы; съ тѣхъ поръ онъ годами боялся труповъ.

12. Ж., 19. Бойся смерти почти истерически, но только изъ страха быть заживо погребенной.

13. Ж., 34. Постоянно считала смерть наилучшей вещью; видъ смерти не ослабляетъ удовольствія предвкушать ее, какъ лучшее, что жизнь можетъ дать; это чувство возникаетъ не изъ богословскихъ размышлений или пресыщенія жизнью, ибо она прекраснаго здоровья, жила всегда въ благопріятной обстановкѣ, наслаждалась жизнью; она не думаетъ о томъ, что будетъ послѣ жизни, а видитъ въ самой смерти желанное завершение.

14. М., 30. Два раза былъ на краю смерти, но совершенно примирился съ возможнымъ концомъ и не боялся.

15. М., 25. Тонулъ, усиливаясь спастись, но былъ доволенъ, когда пошелъ ко дну: ему было любопытно испытать, что такое смерть, и только послѣ спасенія имъ овладѣлъ сильный страхъ.

16. Ж., 7. Ея мать рубила мясо и упала при этомъ въ обморокъ; она подбѣжала, продолжала рубить мясо, вмѣсто матери, говоря къ самой себѣ: „Мама умерла, значить нужно рубить мясо мнѣ“.

17. М. Въ возрастѣ между 18 и 25 годами постоянно носился съ намѣреніемъ: „Посмотрю-ка я, вынесу ли я теперь мысль о смерти“. Между тѣмъ его страхъ возрастаетъ до нелѣпыхъ размѣровъ; это уже не боязнь, а меланхолія.

18. Ж., 45. Больше всего боится смерти зимой и молить Бога сохранить ей жизнь до весны; осень для нея неприятное время года, но мысль о возможности быть похороненной подъ снѣгомъ для нея просто невыносима.

19. М., 28. Много думаетъ о смерти и связываетъ ее съ представленіями о вѣчности, времени и пространствѣ; онъ абсолютно не выноситъ мысли о жизни безъ конца; когда онъ, изучающій философію, задумывается надъ безконечностью времени, комокъ подкатывается у него къ горлу.

20. Ж., 6. Размышляет о смерти и приходит въ такое возбужденіе, въ такой ужасъ, что приходится избѣгать всякихъ намековъ на смерть въ семейныхъ молитвахъ, чтеніи и т. д.

21. Ж., 28. Ей было девять лѣтъ, когда врачъ сказалъ ей матери, что она проживетъ недолго; дѣвочка слышала слова врача, не показала виду, но стала серьезной, задумывалась и относилась все къ своей судьбѣ; сначала она считала 10 лѣтъ роковымъ для себя возрастомъ, затѣмъ 12, 14, 18, и т. д.; въ настоящее время она здорова, но меланхоличнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по обстоятельствамъ ея жизни.

22. Ж., 23. Постоянно боится, ожидая смерти отца; хотя онъ здоровъ, она въ воображеніи представляетъ себѣ всѣ подробности этой возможности и безпрестанно страдаетъ столь же сильно, какъ если бы этотъ случай дѣйствительно наступилъ.

23. Ж., 18. Страхъ по поводу возможной смерти матери все увеличивался и увеличивался, пока внезапно не исчезъ совершенно—точно прорвался нарывъ.

24. Ж. Между шестью и девятью годами боялась, что всѣ люди умрутъ одинъ за другимъ, и она останется на землѣ совершенно одинокой; затѣмъ, когда исчезнетъ все остальное, погибнетъ міръ.

25. Ж., 25. Мысль о собственной смерти и о смерти ея знакомыхъ является у нея часто и внезапно и держится упорно; тринадцатилѣтней дѣвочкой она сидѣла какъ-то въ церкви рядомъ съ сестрой, какъ вдругъ ей пришла въ голову мысль, что она не можетъ двигаться и умерла; она боялась оглянуться изъ опасенія убѣдиться въ своей смерти и оцѣпенѣлости своего тѣла; но вотъ она все-таки пошевелилась, страхъ оставилъ ее, и она вздохнула съ облегченіемъ; этотъ мрачный, тяжелый періодъ ея жизни закончился торжествомъ упованія на Бога.

26. Ж., 12. По пути въ школу ей приходилось проходить мимо кладбища, и она такъ сильно боялась, что страдала бессонницей, похудѣла и буквально пугалась собственной тѣни; излѣчилась она медленно, благодаря заучиванію наизусть „Божественной пашни“ Лонгфелло.

27. М., 45. Преподаватель колледжа; не можетъ пройти ночью черезъ деревенское кладбище, знакомое ему еще съ дѣтства, безъ того, чтобы въ немъ не проснулся былой страхъ; онъ часто пробовалъ заставить себя пройти черезъ кладбище, но въ концѣ-концовъ

отказывался отъ этого намѣренія, ибо „пришлось бы употребить слишкомъ много усилій, пригодныхъ на что-либо болѣе важное“.

28. Ж., 21. Лишь послѣ того, какъ ее убѣдили, что въ могилѣ человѣкъ уже не живетъ, исчезла ея болѣзненная боязнь смерти.

29. Ж., 21. Ея мать часто пѣла: „Когда этотъ бѣдный, колеблющійся, запинаящійся языкъ успокаивается въ могилѣ“; это пѣніе вызывало въ ея воображеніи живую картину матери, лежащей въ гробу, и породило въ ней неизвѣстную ей раньше боязнь смерти.

30. М. Одинъ молодой человѣкъ не пожелалъ взять комнату и столоваться у одной особы, которая работала для погребальной конторы.

31. Ж., 2. Видѣла свою мать въ гробу и съ тѣхъ поръ неизмѣнно боялась всѣхъ черныхъ ящиковъ, сундуковъ и даже лодокъ, хотя она не сохранила воспоминанія о живой матери.

32. М., 10. Думаетъ, что послѣ смерти попадетъ въ адъ; натираетъ тѣло сѣрой, чтобы подготовиться къ будущему и т. д.

33. Ж., 18. Боятся смерти, ибо увѣрена, что небо надоѣсть ей, и она ради перемѣны и въ поискахъ возбужденія отправится въ другія мѣста; вотъ почему она невыносимо страдала при мысли о смерти.

Боязнь смерти концентрируется то на боязни крепа, на прикосновеніи къ нему, на черныхъ платьяхъ, то на страхѣ передъ впавшими глазами, оскаленными зубами, спутанными волосами; далѣе—на жуткомъ чувствѣ, вызываемомъ червями, на боязни быть заживо погребеннымъ и забитымъ въ гробу, когда крики о помощи изъ могилы останутся неслышанными; на боязни сжиганія труповъ; на страхѣ умереть далеко отъ дома, внезапно, умирать медленно и мучительно; на боязни гроба, савана и т. д. Молодые боятся собственной смерти, взрослые боятся за другихъ. Только въ одиннадцати случаяхъ сообщалось о боязни ада. Въ девяти случаяхъ религія побѣдила страхъ смерти, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ она вызвала или увеличила страхъ.

Изъ нашихъ 299 случаевъ страха мы привели наиболѣе типичные, но все же мы отсылаемъ читателя къ

болѣ полной разработкѣ чувствъ дѣтей по отношенію къ смерти въ статьѣ С. А. Скотта ¹⁾; авторъ пользовался нашимъ матеріаломъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, по сравненію съ ея значительностью, тема эта слишкомъ мало разработана. У большинства маленькихъ дѣтей вначалѣ, повидимому, совершенно отсутствуетъ инстинктивное чувство (страха) къ смерти; въ этомъ отношеніи случай № 16 типиченъ. Унаслѣдованный страхъ смерти можетъ пробудиться внезапно и почти рефлекторно черезъ прикосновеніе къ трупу, какъ въ № 11; можетъ долгое время оставаться не вполне выяснившимся, какъ въ № 7 и 10, или прорываться съ чрезвычайной силой, можетъ быть періодически, какъ въ №№ 1, 2, 3, 12, 17, 18, 20, 21 и 25; погребеніе часто гораздо страшнѣе смерти; боязнь переносится на комнату—№ 9, на тяжело больныхъ—№ 8, на служащихъ въ погребальной конторѣ—№ 30, на кладбища—№ 26 и 27, на черные ящики, сундуки или лодки—№ 31. Часто боятся смерти другихъ—№№ 22, 23, 24 и 25. Боязнь смерти вслѣдствіе ничтожныхъ причинъ можетъ бросить тѣнь на всю жизнь—№№ 6, 21 и 29; ее усиливаетъ мысль о вѣчности—№ 19. Иногда подобный страхъ отрицается—№ 32. Трусливость поддается излѣченію—№ 26 или смягчается вѣрою въ полное уничтоженіе—№ 28; смерть иногда привѣтствуютъ, какъ прекращеніе физическаго бытія—№ 13. Даже самого неба можно бояться—№ 19, 33.

Страхъ смерти, повидимому, особенно силенъ въ годы, предшествующіе великому альтруистическому періоду въ юношескомъ возрастѣ, который сопровождается легкой меланхоліей, желаніемъ умереть, какъ реакціей на господствовавшее передъ тѣмъ себялюбіе; эта реакція можетъ принять формы какъ въ случаѣ № 13. Я знаю двухъ университетскихъ преподавателей, которые съ удовольствіемъ мысленно представляютъ себѣ ходъ процессовъ разложенія. Одинъ изъ нихъ желаетъ, подобно

¹⁾ C. A. Scott, Old Age and Death въ American Journal of Psychology, Vol. VIII, 67.

Ричарду Джеффрию, чтобы его пепелъ развѣялъ вѣтеръ или смылъ рѣчной потокъ, и чтобы онъ такимъ образомъ возможно шире соприкоснулся съ природой; другой наблюдаетъ пламя въ крематоріи какъ родъ превращенія или вознесенія къ Божеству. Одинъ изъ нихъ съ большимъ интересомъ относится къ судьбамъ физическихъ элементовъ своего собственнаго тѣла и считаетъ будущее своей души, какъ бы оно ни было удовлетворительно и утѣшительно, ненужнымъ добавленіемъ. То же мы видимъ въ случаѣ подъ № 28, гдѣ едва ли имѣетъ мѣсто боязнь вѣчности, какъ въ № 19, или боязнь однообразія, какъ въ № 33, и это не должно насъ удивлять съ психологической точки зрѣнія, если вспомнить, какое утѣшеніе буддисты находятъ въ мысли о небытіи. Развитіе ученія о безсмертіи и его использование въ качествѣ нравственнаго мотива оказало культурѣ значительныя услуги, но оно же принесло съ собой всяческіе ужасы, разрушительно дѣйствующіе на нервныя системы многихъ людей, не обладающихъ достаточною силой, чтобы правильно на нихъ реагировать. Необходимость противодѣйствовать этому страху, всегда бывшая одной изъ главныхъ проблемъ религіи, опять-таки указываетъ на педагогику. Практическія и научныя цѣли одинаково требуютъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ради подведенія болѣе прочнаго и болѣе естественнаго фундамента подъ эсхатологическіе вопросы.

XX. Боязнь болѣзней.

Какъ извѣстно, дѣти боятся всѣхъ распространенныхъ болѣзней и находятъ у себя то тѣ, то другіе воображаемые симптомы.

1. Ж., 18. Находитъ у себя симптомы всевозможныхъ болѣзней и повсюду испытываетъ симптоматическія боли; само слово „симптомъ“ звучитъ для нея ужасно, а слово „ракъ“ вызываетъ у нея дрожь.

2. Ж., 20. Хотя она здорова и сильна, но воображаетъ, что болѣла всѣми тѣми болѣзнями, о которыхъ читала:

ракомъ, воспаленіемъ легкихъ, чахоткой и дифтеритомъ, — это болѣзни, съ которыми ея воображеніе наиболѣе освоилось.

3. Ж., 18. Когда у нея появляется маленькій нарывъ или царапина, она увѣрена, что это ракъ, чувствуетъ себя больной, иногда становится на колѣни и молится.

4. Ж., 8. Слышала, будто отъ помидоровъ дѣлается ракъ и, хотя раньше ѣла помидоры очень охотно, теперь отказывалась отъ нихъ около двухъ лѣтъ; позже она начала бояться чахотки; услыша, что жирныя вещества излѣчиваютъ отъ этой болѣзни, она стала ѣсть жирное мясо, салаты, обильно приправленные масломъ, и другія тошнотворныя блюда, пока не заболѣла.

5. Ж., 10. Изъ-за боязни оспы отказывалась ѣсть масло.

6. М., 15. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ боялся, что его сердце перестанетъ биться; постоянно считалъ удары пульса, провѣряя, не замедляется ли онъ; вскакивалъ ночью, увѣренный, что пришелъ его конецъ; избѣгалъ утомительныхъ тѣлесныхъ упражненій и т. д.

7. Ж., 10. Отказывался долгими годами ѣсть леденцы, глазурь на пирожныхъ, конфеты; никогда не объяснялъ причины, а теперь пишетъ, что боялся почечной болѣзни.

8. Ж., 15. Прочла какое-то шарлатанское объявленіе, въ которомъ описывались различныя накожныя болѣзни и нашла у себя всѣ соотвѣтствующіе симптомы, чувствовала себя отвратительно, испробовала опасныя лѣченія и т. д.

9. Ж., 18. Прочла о сведеніи челюстей и была увѣрена, что ея челюсть становится неподвижной, какъ только она говорила мало или у нея болѣло горло; какъ-то она заболѣла дифтеритомъ въ тяжелой формѣ, но была очень довольна, когда узнала, что ей не грозитъ судорожное смыканіе челюстей.

10. М., 22. Жизнь его омрачалась страхомъ столбняка.

11. Ж., 18. Ее угнетаетъ боязнь нервныхъ припадковъ.

12. Ж., 19. Чрезвычайно боится грязи, потому что черезъ посредство послѣдней передаются заразительныя болѣзни.

13. Ж., 14. Боялась дома, гдѣ кто-нибудь бывалъ боленъ, прикладывала носовой платокъ къ носу и бѣжала мимо такого дома; никогда не прикасалась къ

письму съ извѣстіемъ о смерти; изучала направленіе вѣтра и т. д. изъ боязни схватить простуду.

14. Ж., 6. Долго боялась, что лопнетъ наподобіе Іуды Искаріота; ей казалось уже, будто она видитъ вытекающую кровь.

15. Ж. Воспитательница въ дѣтскомъ саду; надѣется, что небо наградитъ ее за усилія перевозмочь непреодолимое отвращеніе къ грязнымъ платьямъ и грязнымъ фізіономіямъ дѣтей.

16. Ж., 12. Читала о сыпи при проказѣ и думала, что у нея она начнется съ краснаго пятна на рукѣ; хотѣла знать, насколько времени заранѣе можно опредѣлить проказу, становится ли тѣло бѣлымъ или отпадаютъ куски тѣла.

17. Ж., 15. Воображала, будто страдаетъ кровотеченіемъ изъ легкихъ; просыпалась ночью и искала слѣдovъ крови; постоянное отплевываніе вошло у нея въ дурную привычку.

18. Ж., 11. Видѣла припадокъ пляски св. Витта и отъ ужаса едва сама не получила этой болѣзни.

19. М., 10. Выслушалъ строгую нотацию относительно возможности простудиться и не хотѣлъ послѣ этого ни кататься съ горъ, ни бѣгать, боясь вспотѣть; боялся холода, оставался всегда въ комнатѣ, благодаря чему здоровье его пошатнулось.

20. М., 7. Слышалъ о ранахъ и думаетъ, что малѣйшій ушибъ или царапина убьютъ его; проявляетъ преувеличенную заботливость о самомъ себѣ.

Эти примѣры боязни болѣзней, выбранные изъ 241 случая, показываютъ, въ какой степени безосновательныя опасенія могутъ повліять на выборъ пищи, жизненный режимъ и здоровье—такъ въ случаяхъ №№ 4, 5, 6, 7 и 19; вниманіе сосредоточивается на различныхъ болѣзняхъ—№№ 2, 6, 8, 9, 10, 12, 16 и 18. Эта группа страховъ выясняетъ то, что вытекало также изъ многихъ другихъ источниковъ, а именно: личную мораль во всѣхъ ея отдѣлахъ лучше всего преподавать съ точки зрѣнія современной гігіены, какъ науки о здоровьѣ; наши изслѣдованія также стремятся войти въ эти болѣе широкія рамки. Несомнѣнно, боязнь болѣзней можно использовать самымъ широкимъ образомъ и лучше, нежели страхъ смерти, если только ее согласовать съ требова-

ніями новой, развивающейся этики. Нѣкоторыя старыя разновидности страха, напримѣръ боязнь животных, въ общемъ, идутъ на убыль, тогда какъ страхъ смерти и болѣзней, повидимому, увеличивается. Животныхъ и дикарей этотъ страхъ, имѣющій отношеніе къ будущему, не беспокоитъ такъ, какъ насъ. То обстоятельство, что этого рода страхъ можетъ внезапно вырасти до размѣровъ всеобъждающей силы, указываетъ на существованіе глубокаго наслѣдственнаго корня, къ которому сильно присосалось суевѣріе. И тѣмъ не менѣе жизнь никогда не была столь богатой и радостной, какъ теперь, и по контрасту смерть никогда не представлялась столь мрачной. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одно лицо встрѣтило мучительную и вѣрную смерть при цвѣтущемъ здоровьѣ съ поразительнымъ мужествомъ, которое отчасти объясняется на мой взглядъ наслѣдственностью отъ тѣхъ временъ, когда господствовало относительное равнодушіе къ смерти и люди еще не научились терзаться по поводу ея или вообще будущихъ состояній. До эпохи новѣйшей медицины и хирургіи, а также до ухода за больными ассоціація ранъ и болѣзней со смертью была тѣснѣе; теперь увеличилось число формъ болѣзней, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось пропорціональное отношеніе болѣзней и инвалидности къ отдѣльной смерти, увеличился и страхъ, а слѣдовательно, и положительная оцѣнка здоровья.

Что съ развитіемъ цивилизаціи психическія состоянія все болѣе и болѣе обусловливаютъ здоровье; что вниманіе къ какой-нибудь части или функціи тѣла измѣняетъ его молекулярныя соотношенія, и потому пониманіе соматическаго состоянія можетъ привести къ опасности ипохондріи; что вступленіе въ поле сознанія сердца, печени, мочеполовыхъ органовъ и т. д. иллюстрируетъ принципъ: чѣмъ слабѣе органъ, тѣмъ больше онъ выдвигается на первый планъ и, наоборотъ, чѣмъ здоровѣе, тѣмъ менѣе мы сознаемъ его существованіе; что, далѣе, инстинктъ подражанія нигдѣ не проявляется многообраз-



нѣе, чѣмъ въ области болѣзненныхъ симптомовъ—все это вещи, которыхъ никто не станетъ оспаривать. Хотя мы и отклоняемъ большинство изъ ученій и нелѣпныя претензіи такъ называемой „христіанской науки“, ея утвержденія, будто чувство и вѣра излѣчиваютъ, но мы можемъ съ увѣренностью утверждать одно: душевному воздействию поддаются всѣ душевно-обусловленныя болѣзни. То же утверждалъ Кантъ въ своей статьѣ: „Die Macht des Gemüts“. Если боязнь привидѣній, шумовъ или даже прикосновеній благопріятствуетъ возникновенію иллюзій, т.-е. обмановъ внѣшнихъ чувствъ, то насколько больше должна благопріятствовать боязнь болѣе субъективныхъ ощущеній, симптоматичныхъ для болѣзней, вѣрѣ въ ихъ наличность. При хорошемъ самочувствіи, когда радость бытія далеко превосходитъ удовольствіе отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ или удовлетвореніе каждаго спеціального желанія или стремленія; когда мы наилучшимъ образомъ осуществляемъ древнюю эпиграмму Марціала, что жизнь означаетъ не жить, а быть здоровымъ; когда даже знаніе, могущество, поль и слава блѣднѣютъ рядомъ съ полнотой чувства отъ переливающейся черезъ края жизни—вотъ это здоровье, совершенство, благословеніе, и въ противоположность имъ смерть и болѣзнь кажутся особенно далекими и мрачными. Однако, боязнь ихъ—можетъ быть, главный видъ боязни въ жизни зрѣлаго чловѣка—угнетаетъ души почти въ точной пропорціи съ ихъ слабостью. Быть слабымъ значитъ быть боязливымъ. Не только болѣзни и смерти никогда раньше не боялись въ такой степени, какъ теперь, но воображеніе, создавшее въ прошломъ многіе ужасы, все еще не преданные міромъ забвенію, никогда еще не было болѣе дѣятельнымъ по созданію призраковъ, чѣмъ въ этой новой области, гдѣ оно тормозитъ свободное, предприимчивое безстрашіе дѣтей и юношества и окружаетъ насъ всевозможными запрещеніями относительно того, что дѣлать, что ѣсть и т. д., пока жизнь не становится чѣмъ-то въ родѣ жалкаго фрагмента настоящей жизни.

Многія дѣйствительныя излѣченія, приписываемыя воздѣйствию чувства, вѣры и т. д., въ сущности слѣдуетъ приписать естественной физической регенераціи вслѣдствіе устранения предательскихъ парализующихъ вліяній страха.

Одна группа изъ этихъ явленій страха представляетъ особый интересъ, образуя прямую противоположность къ явленіямъ нервного потрясенія: этого рода страхъ возникаетъ и нарастаетъ такъ постепенно, что не попадаетъ въ поле яснаго сознанія. Именно травматическіе страхи нужно признать возникающими медленно, хроническими и конституціональными, т.-е. причины ихъ коренятся въ свойствахъ организма. Если даже вначалѣ наблюдается элементъ притворства, то онъ быстро исчезаетъ. Этотъ страхъ развился такъ постепенно, и всѣ процессы ограниченія жизненной сферы настолько инстинктивны и непреднамѣренны, что реальныя причины возникновенія страха болѣзней внѣ подозрѣній. Какъ по нѣкоторымъ еще продолжающимся геологическимъ процессамъ мы можемъ изучать развитіе древнихъ формаций, такъ изъ этихъ современныхъ явленій страха мы можемъ заключить, въ какія формы медленно окристаллизовались въ человѣчествѣ нѣкоторыя изъ старыхъ разновидностей неврозовъ и психозовъ страха. Можетъ быть, больше всѣхъ другихъ видовъ страха эти страхи показатели вырожденія, и потому-то, а также вслѣдствіе ихъ трудно распознаваемой природы, они менѣе поддаются излѣченію. Хотя явленія упадка, начинающіяся на темной средней ступени, менѣе доступны заклинанію, чѣмъ страхи высшей ступени полного сознанія, но по отношенію къ первымъ это все же возможно, чѣмъ по отношенію къ явленіямъ страха чисто соматическаго происхожденія. То, что среднему сознанію представляется чудомъ вѣры, то лежитъ въ дѣйствительности совершенно въ границахъ психологическихъ законовъ, въ настоящее время вполне доступныхъ намъ и ясныхъ.

XXI. Моральные и религиозные страхи.

1. М., 14. Самые сильные страхи—страхи совѣсти; онъ вѣрить, что небеса немедленно наказываютъ насъ за наши проступки.

2. Ж., 14. Страдала ужасными страхами совѣсти, но теперь нѣсколько успокоилась.

3. М., 10. Захотѣлъ провѣрить слова учителя, что если онъ будетъ забавляться играми по воскресеньямъ, то въ наказаніе ушибется или поранитъ себя; дѣйствительно, онъ поранилъ себѣ колѣно и въ теченіе десяти лѣтъ послѣ этого соблюдалъ воскресенье.

4. Ж., 12. Всякій разъ, когда она боится чего-нибудь, напримѣръ, разбить куклу, она молится, и все сходитъ благополучно.

5. Ж., 12. Сдѣлавъ что-нибудь дурное, она считала неизбежной встрѣчу съ полицейскимъ, и этотъ страхъ обратилъ ее на путь добра.

6. М., 9. Боязнь полицейскаго—хорошій и истинный показатель состоянія его совѣсти.

7. Ж., 12. Послѣ совершенія какого-нибудь проступка она ожидаетъ, что въ наказаніе на нее упадетъ луна.

8. Ж., 13. Если она капризничала или была непослушной, то боится, что на нее упадетъ кирпичъ, или что она порѣжется, или упадетъ съ моста; такія слѣдствія она не приводила въ связь съ божественнымъ существомъ, а считала, что таковъ порядокъ вещей въ мірѣ.

9. М., 9. Читалъ о землетрясеніи; ему прочили послѣднее въ наказаніе; чтобы избѣжать его, онъ не дотрагивался до своихъ игрушекъ по воскресеньямъ.

10. Ж., 16. Увѣрена, что не усвоитъ урока, выученнаго въ воскресенье.

11. Ж., 16. Думала, что всѣ люди должны будутъ пройти черезъ бездну по волоску, протянутому надъ огнемъ, и старалась быть хорошей и доброй, чтобы волосокъ выдержалъ ее.

12. Ж., 45. Одна англійская дама рассказываетъ, что религиозные страхи лишили ее всѣхъ радостей дѣтства; найдя, что Богъ не отвѣчаетъ на молитвы, она обратилась къ чорту и нашла его любезнѣе; затѣмъ ею овладѣлъ страхъ непростительнаго грѣха: образы большого бѣлаго трона, овецъ и козлищъ, однихъ принятыхъ, другихъ отвергнутыхъ, предсказанія Донати о

зловѣщей кометѣ 1858 года, неминуемый страхъ передъ грохотомъ столкновенья, оглушающіе звуки трубы страшнаго суда и т. д.; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ въ ней стала медленно развиваться мысль, что ей, можетъ быть, удастся найти какую-нибудь темную нишу, гдѣ Богъ не увидитъ ея, а когда ей скучно станетъ въ одиночествѣ, она встрѣтитъ мальчика, также избѣжавшаго страшнаго суда, и они заживутъ вмѣстѣ счастливо и богато, пользуясь оставленными пищей и добромъ.

13. Ж., 19. Въ церкви или въ обществѣ часто чувствуетъ, что сейчасъ скажетъ что-нибудь ужасно нечестивое.

14. Ж., 18. Ее никогда не оставляетъ страхъ передъ тѣмъ, какъ бы она не совершила какого-нибудь ужаснаго грѣха; это обнаруживается, когда она слышитъ или читаетъ о чемъ-нибудь особенно ужасномъ.

15. Ж., 45. Ее часто охватываетъ боязнь внезапно потерять здравый смыслъ и тогда ударить кого-нибудь и сказать или сдѣлать что-нибудь ужасное; эти страхи спазмодическаго характера.

16. Ж., 8. Слова священника, что всѣ люди похожи на женщину, взбирающуюся на крестообразную скалу среди разъяренныхъ волнъ, на картинѣ, которую онъ показалъ, произвели на нее такое сильное впечатлѣніе, что она стала сильно бояться воды и чувствовала, что ей суждено умереть отъ воды.

17. Ж., 21. Учительница; въ 14 лѣтъ беспокойная совѣсть привела ее къ рѣшенію покончить съ собой; она взяла ножъ для разрѣзыванія мяса, медленно прорѣзала большую дыру въ платѣ, но тутъ ее оставило мужество, и она порѣшила, что, какъ она ни дурна, міру придется терпѣть ее еще нѣкоторое время.

18. Ж., 11. Шла послушать проповѣдь подъ открытымъ небомъ, вступила въ церковь; позже стала считать себя лицемѣрной, начала нервничать, похудѣла, страдала безсонницей, исповѣдывалась передъ всѣми во всѣхъ своихъ мысляхъ, представляла себѣ конецъ міра и долго обдумывала, придется ли ей быть съ овцами или козлицами; конецъ казался ей совсѣмъ близкимъ, небо было исписано именами и исчерчено картами; она вошла въ сторонѣ въ уголъ между добрыми и злыми и осталась незамѣченной; эти страхи наложили печать на ея характеръ и сдѣлали ее эгоисткой.

Маленькія дѣти часто думаютъ, будто міръ такъ устроенъ, что ихъ дурныя поступки караются немедленно (№ 17), и ихъ ожидаетъ ушибъ или поранѣніе (3); встрѣча съ полицейскимъ (5, 6); паденіе мѣсяца (7) или кирпича (8) имъ на голову, или землетрясеніе (9) и т. д. Они часто провѣряютъ это свое предположеніе и находятъ его фальшивымъ (2) или правильнымъ (3, 10). Боязнь, часто спазмодическая, не быть въ состояніи удержаться отъ дурныхъ поступковъ или сквернословія (13, 14, 15) указываетъ на недостатокъ самообладанія, часто являющійся психонервической аналогіей болѣе объективированнаго страха передъ внезапнымъ возмущеніемъ элементовъ и концомъ міра. Страхи этого рода, вѣроятно, скорѣе указываютъ на болѣзненное состояніе, чѣмъ религиозные страхи божественнаго возмездія, какъ въ №№ 11, 12, 17, 18, хотя оба рода часто связаны между собой. Склонность видѣть возмездіе и наказанія въ погодѣ, обычныхъ явленіяхъ и т. д.—корень, изъ котораго выросли религиозныя суевѣрія, но это явленіе представляетъ стадію въ развитіи моральнаго сознанія, необходимую какъ условіе развитія понятія о вселенной, подчиненной высшимъ нравственнымъ законамъ; склонность провѣрять, такъ ли это, та же, что и взрослога, который ожидаетъ плодовъ отъ своей молитвы. Этическая и религиозная педагогика ожидаетъ отъ насъ указаній, какъ относиться къ подобнымъ факторамъ.

Очень тѣсно связаны съ описанными страхами двѣ слѣдующія большія группы:

XXII. Конецъ свѣта.

1. Ж., 11. Отъ сосѣдей услышала, что конецъ міра наступитъ въ 1899 году, и полна боязни; хочетъ выполнить все до того времени и рисуетъ себѣ картину этого событія.

2. Ж., 33. Въ девятилѣтнемъ возрастѣ стала, подъ влияніемъ Библии, толковать текуція событія какъ признаки конца міра: міръ очень пороченъ, Богъ очень разгнѣванъ, и чѣмъ дольше не приходитъ ужасное нака-

заніе, тѣмъ страшнѣе оно будетъ и тѣмъ неизбежнѣе будетъ возмездіе за каждый незначительный грѣхъ; то, что ей нравилось больше всего, наиболѣе разгнѣвывало Бога; это бросало тѣнь на каждый день ея жизни въ теченіе многихъ годовъ.

3. Ж., 18. Трудно описать испытываемую ею тоску, вслѣдствіе страха при малѣйшемъ колебаніи погоды; это сказалося на ея здоровьѣ.

4. Ж., 19. Долгое время считала, что приближается конецъ, какъ только облака или луна становились красными или били въ пожарный набатъ; этотъ страхъ имѣлъ для нея большую нравственную цѣнность: сдѣлалъ ее доброй и всегда готовой безропотно умереть.

5. Ж., 22. Этотъ страхъ усиливался вслѣдствіе ея предположенія, что конецъ міра наступитъ, когда никто не будетъ думать о немъ; все ее давило, и каждая мелочь не выходила изъ ума; она всегда усиливалась бодрствовать по ночамъ.

6. М., 13. Такъ боялся конца міра, что слова молитвы „Да придетъ царствіе Твое“ считалъ лицемѣріемъ и измѣнилъ ихъ.

7. Ж., 25. Полагала, что конецъ міра возвѣстится грозой, громъ будетъ гремѣть все сильнѣе и сильнѣе, и потому боялась грозы.

8. Ж., 16. Считала, что конецъ міра начнется съ гнѣвнаго заклинанья.

9. М., 16. Видѣлъ признаки наступающаго конца міра во всѣхъ преступленіяхъ, описываемыхъ въ газетахъ.

10. М., 13. Видѣлъ наступленіе конца міра въ падающихъ звѣздахъ.

11. Ж., 17. Полагала, что съ концомъ міра все замерзнетъ и потому боялась холода.

12. М. Боязнь конца міра вызывала въ немъ боязнь огня и даже спичекъ, якобы могущихъ ускорить конецъ.

13. Часто очень развита боязнь небесныхъ столкновеній, почему многія дѣти чрезвычайно интересуются погодой.

Подобно страхомъ, приведеннымъ въ §§ XIX и XX, эти страхи наиболѣе распространены въ возрастѣ между 13 и 18 годами или въ раннихъ стадіяхъ юношескаго броженія и объективируютъ крайне интереснымъ образомъ непостоянство его глубокихъ измѣненій и перерожденій.

XXIII. Привидѣнія.

Вѣроятно, значительное большинство дѣтей проходитъ, по крайней мѣрѣ, черезъ болѣе или менѣе продолжительную стадію боязни привидѣній, хотя наша коллекція насчитываетъ всего 203 случая.

1. Ж., 18. Будучи ребенкомъ, была поглощена въ теченіе нѣкотораго времени исключительно привидѣніями; только о нихъ и думала и говорила; представляла себѣ что-то тяжелое, движущееся по ея постели, видѣла передъ собой въ воображеніи глаза, слышала шумы, и снова передъ ней разыгрывались всѣ когда-либо слышанныя исторіи; она обливалась холоднымъ потомъ и чувствовала, какъ ея волосы становились дыбомъ.

2. Ж., 23. Студентка колледжа и тѣмъ не менѣе говоритъ, что никто не разувѣритъ ее въ существованіи привидѣній: „Я вѣрила въ нихъ, будучи двухлѣтнимъ ребенкомъ, и всегда буду вѣрить“.

3. Ж., 17. Она слышитъ, какъ многіе оспариваютъ существованіе привидѣній, но она знаетъ истину лучше, такъ какъ сама видѣла привидѣніе.

4. Ж., 17. Была увѣрена, что домъ полонъ привидѣній, и они безпрестанно движутся по лѣстницамъ и передней; отъ постоянного страха она заболѣла; наконецъ уволили прислугу, вселившую ей этотъ страхъ; ея отецъ взялъ ее съ собой на спиритическое собраніе. „Спириты заставили его говорить съ покойной дочерью Бертой черезъ трубку; но у отца никогда не было дочери Берты, и это излѣчило меня“.

5. Ж., 23. Ей было 8 лѣтъ, когда ей сказали, что она можетъ встрѣтиться съ духомъ матери, умершей 2 дня спустя послѣ рожденія дочери; ей очень хотѣлось увидѣть мать, но вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ былъ такъ великъ, что она не осмѣливалась больше смотрѣть на портретъ матери изъ боязни увидѣть ея привидѣніе; все касавшееся смерти и матери стало отнынѣ преисполненнымъ ужаса.

Этого рода страхи должны были возникнуть въ ранній періодъ жизни человѣчества. Сновидѣнія, гипнагогическіе образы, состоянія транса, энтоптическія проэкціи въ темноту ночи, господство зрительнаго толкованія воспріятія другихъ чувствъ, хитрости древнихъ священнослужителей, антропоморфическая сила перво-

бытной, по преимуществу зрительной, фантазии и неизвѣстные намъ факторы надежды, любви и страха создали мѣръ существъ, болѣе или менѣе непоколебимая вѣра въ которыя является теперь стадіей въ развитіи почти cadaго челоуѣческаго существа; сила и устойчивость этой вѣры въ наиболѣе культивированныхъ изъ зрѣлыхъ умовъ документируется самымъ утонченнымъ и цѣннымъ образомъ въ коллекціяхъ Англійскаго Общества Психологическихъ Изысканій. Для дѣтей, живущихъ съ воображаемыми товарищами, для людей, одоуѣваемыхъ „чувствомъ присутствія“ или видѣвшихъ привидѣнія (см. 2 и 3), всѣ отрезвляющія испытанія не имѣютъ никакого значенія. Къ преобладавшей склонности вѣрить въ привидѣнія, которую мы наслѣдуемъ отъ нашихъ дикихъ челоуѣческихъ предковъ и которая владѣетъ нервами и пульсомъ наиболѣе культурныхъ изъ людей, въ эти болѣе поздніе психогенетическіе годы присоединилась страсть къ индивидуальному существованію и послѣ смерти; послѣдняя, хотя часто критикуемая наукой, постоянно увеличивалась съ каждымъ новымъ шагомъ въ развитіи личной свободы и съ растущимъ чувствомъ значенія индивидуума во вселенной и неприкосновенности совѣсти; теперь, выражаясь словами Канта, видѣнія духовидцевъ объясняются видѣніями метафизиковъ. Это соединеніе древней склонности съ новѣйшимъ направленіемъ развитія вызвало къ жизни одно изъ самыхъ грозныхъ предположеній, надлежащее постиженіе и использование котораго ожидаетъ, повидимому, появленія на землѣ какого-нибудь великаго генія въ области педагогико-религіозной, который дастъ новую формулировку всему ученію о безсмертіи.

Если бы мы присовокупили къ послѣднимъ тремъ группамъ страховъ родственныя, но низшія формы фольклора среди дѣтей, о которыхъ будетъ сообщено ниже, то мы должны были бы причислить сюда пережитки состоянія низкаго и трусливаго лукреціевскаго

суевѣрія, весьма напоминающаго то, что Ленорманъ *) описываетъ какъ, можетъ быть, наиболѣе первобытную изъ всѣхъ извѣстныхъ религій и наиболѣе чистый продуктъ страха, именно религію Шумеровъ-Аккадовъ, предшественниковъ древнихъ евреевъ; страшны ихъ полчища духовъ, привидѣній и семеро ужасныхъ Маскимъ изъ преисподней, которые всегда и всюду стараются внести смуту, извратить природу, распространить болѣзнь и подавить человѣка ужасами, противъ которыхъ онъ можетъ призвать на помощь только извѣстныя формы заклинанія и колдовства и искать защиты у солнца, отца свѣта; лишь медленно возникаетъ идея невидимыхъ Элогимъ, сильныхъ усмирителей этихъ призраковъ, и открывается путь для еврейскаго монотеизма, въ которомъ сила добра становится могущественнѣе всѣхъ демоновъ. Можетъ быть мы никогда не узнаемъ, всѣ ли человѣческія расы трепетали отъ пассивной боязни духовныхъ или небесныхъ силъ и поскольку первобытныя религіи родились изъ страха, но страхъ, смягченный до перехода въ благоговѣніе, почтеніе, почитаніе, чувство абсолютной зависимости отъ власти надъ нами, навсегда останется необходимой составной частью религіи, которую даже любовь можетъ лишь ввести въ извѣстныя границы, смягчить, но не уничтожить. Мы должны бы бояться низшихъ существъ, а высшія существа должны бы притягивать насъ и возвышать, а не унижать, какъ въ большинствѣ суевѣрій, порожденныхъ страхомъ.

XXIV. Болѣзненные страхи.

1. Ж., 18. Ее преслѣдуетъ страхъ мохнатого человѣка, пристально смотрящаго на нее сквозь окно или изъ-за стульевъ, кресель или изъ-подъ стола.

2. М., 12. Воображалъ, что кто-то смотритъ на него сквозь отдушину въ печи и потому постоянно закрывалъ ее.

*) Lenormant, La magie et la divination chez les Chaldéens, 1878.

3. Ж. Учительница; въ теченіе многихъ лѣтъ боялась, входя въ пустую комнату, увидѣть висѣщимъ кого-нибудь на перекладинѣ или крючкѣ; не можетъ объяснить причины этого страха.

4. Ж., 18. Съ дѣтства не любила прикасаться къ кому бы то ни было и никогда не подаетъ руки, если можетъ избѣжать этого.

5. Ж., 17. Страдаетъ хронической боязнью, что не получить достаточнаго количества пищи, не по недостатку денегъ, а по недостатку припасовъ.

6. М., 10. Читая объ Іосифѣ, запасавшемъ хлѣбное зерно для голодныхъ годовъ въ Египтѣ, началъ прятать хлѣбъ, бобы, картофель, сушеное зерно и т. д. подъ кроватью и умывальникомъ и держалъ ихъ тамъ, пока эти припасы не испортились.

7. Ж. Молодую женщину преслѣдуетъ страхъ, что скоро не будетъ дровъ и истощится запасъ угля въ каменноугольныхъ копяхъ.

8. М., 12. Думаетъ, что солнце, израсходовавъ свой свѣтъ и тепло, потухнетъ.

9. М. Богатый фермеръ; онъ боится бѣдности, занимается деньгами и платитъ проценты и держитъ ихъ наготовѣ на тотъ случай, когда у него отнимутъ домъ; у его дочери и внучки тотъ же страхъ.

10. М., 16. Страдаетъ болѣзненнымъ страхомъ быть отравленнымъ; полощетъ стаканъ три раза, прежде чѣмъ выпить изъ него.

11. М., 17. Считалъ себя отравленнымъ, живо представлялъ себѣ всѣ симптомы прогрессирующаго отравленія, но все это не было дѣйствительностью.

12. Ж., 19. Была увѣрена, что кто-то неизвѣстный словить ее, если, будучи одна, она пошевелится; передъ каждымъ движеніемъ считала до десяти и т. д.

13. Ж., 25. Учительница; сильно страдала отъ страха приблизительно въ 6-тилѣтнемъ возрастѣ, въ теченіе одного года, что кто-нибудь отломаетъ ей уши, бывшія по ея представленію стеклянными.

14. Ж., 40. Преподавательница колледжа; ею овладѣла мысль, что паровой асфальтирующій катокъ—живое существо; оно пыхтитъ, скользитъ туда и обратно и говоритъ, чванясь: „Вы кто такой?“ Каждый разъ ей казалось, что пришелъ ея конецъ,—до того она боялась, что катокъ вскочитъ на нее; ее пугалъ всякій уличный

шумъ; ей казалось, что запряженные лошади упадутъ на нее; она оставила учительство и излѣчилась.

15. Ж., 35. Учительница; въ возрастѣ приблизительно 10 лѣтъ стала испытывать ужасный страхъ, что она заколдована и должна громко высказывать всѣ свои душевные помыслы; этотъ страхъ уступилъ мѣсто другому: боязни, что ее заколдуютъ, и она не сможетъ никогда надѣть на себя достаточное количество одежды, какъ того требуетъ скромность; такъ продолжалось годы; люди относились къ ней съ сожалѣніемъ; наконецъ, пришелъ страхъ такого рода: она идиотка, и никто не осмѣливался сказать ей объ этомъ; иногда этотъ страхъ и теперь еще возвращается.

16. Ж., 20. Лѣтъ 12—13 долго страдала отъ страха, особенно, когда бывала уставшей, что сдѣлаетъ какую-нибудь неосторожность и тѣмъ вызоветъ чью-нибудь смерть; боялась положить не на мѣсто лѣкарство, уронить на полъ кожицу отъ банановъ, открыть дверь ночью ворами, ожидая посѣтителей и т. д.

17. Ж., 35. Учительница колледжа; не отрывала глазъ отъ замерзшаго озера, пока не начинала бояться, что сойдетъ съ ума; видъ льда на рѣкѣ приводилъ ее въ отчаяніе; видъ бѣгущей воды заставлялъ ее предпринимать различныя мѣры для ея остановки.

18. Ж. Видъ снѣга приводилъ другую учительницу въ ужасъ изъ опасенія болѣзней и всевозможныхъ бѣдствій; она испытывала физическое недомоганіе.

19. Третья учительница боялась яркаго солнечнаго свѣта и могла оставаться лишь въ комнатѣ, выходящей окнами на сѣверъ.

20. Четвертой овладѣвало неопишное безпокойство во время пребыванія въ сѣверной комнатѣ или при облачномъ небѣ.

21. Ж., 39. Учительница. Будучи ребенкомъ, страдала по ночамъ ужасною боязнью превратиться въ животное, чувствовала, какъ мѣнялось ея лицо, и у нея выросли рога и борода, точно у козла; цѣлыми недѣлями не осмѣливалась смотрѣть въ зеркало, а когда въ сумерки заглядывала въ зеркало, то видѣла тѣ фантастическіе образы; это было такъ ужасно, что даже еще теперь ей невыносимо страшно говорить о прошломъ.

22. М., 30. Питаетъ чрезвычайно сильное отвращеніе къ пыли и сору.

23. Ж., 23. Особенно страшится влажныхъ рукъ.

24. Ж., 16. Боится сухой кожи.

25. Ж., 57. Ребенкомъ такъ боялась грязи, что никогда не могла играть въ песокъ.

26. М., 14. Получилъ конвульси, когда дантистъ началъ чистить ему зубы полировальной бумагой.

27. М., 7. Больше всего боится звука разрываемой матеріи.

28. Ж., 15. Не выносить заостриванія грифелей или даже графитныхъ карандашей; царапанье пера или скрипъ грифеля вызываютъ у нея холодную дрожь.

29. Боязнь органаго лада vox humana, кажущагося неземнымъ, заставила одну англичанку отказаться отъ посѣщенія церкви.

30. Уличные крики продавца устриць, точильщика и т. п. вызываютъ у нѣкоторыхъ дѣтей болѣзненный страхъ, такъ какъ кажутся имъ неземными воплями непонятныхъ словъ, звучащими изъ другого міра.

31. Ж., 18. Ее преслѣдуетъ страхъ быть переѣханной, она обходитъ поэтому на большомъ разстояніи поѣзда, переходитъ черезъ дорогу на сто шестьдесятъ футовъ впереди отъ самаго медленнаго экипажа, падаетъ въ обморокъ при быстрой ѣздѣ и видитъ послѣднюю во снѣ.

32. Ж., 40. Боится специально большихъ колесъ въ движеніи, сбруи.

33. М., 18. Испытываетъ паническій страхъ, когда ничего не слышитъ; страшится тишины, не переноситъ заткнутыхъ ушей.

34. Ж., 38. Острые концы и края вызывали въ ней дрожь въ теченіе всей жизни.

35. Ж., 18. Имѣя въ рукахъ что-нибудь острое, хотя бы иголку, не можетъ двигаться изъ боязни упасть на остріе.

36. М., 17. Питаетъ, по его мнѣнію, врожденный ужасъ къ ножу и боится увидѣть ножъ у кого-нибудь въ рукахъ.

37. М., 30. Въ другихъ отношеніяхъ человекъ нормальный, онъ не выноситъ, когда ножи и вилки на столѣ обращены острыми концами къ нему; то же самое относится къ иголкамъ и перьямъ.

38. М., 18. Постоянно вздрагиваетъ при видѣ большого ножа или очень остраго маленькаго и не постигаетъ, какъ онъ сможетъ когда-нибудь браться самъ или у цырюльника.

39. Ж., 21. Падаетъ въ обморокъ при видѣ въ школѣ

крови изъ носа или малѣйшаго порѣза; не можетъ читать о прививкѣ оспы или проходить мимо хирургической больницы и т. д.

40. Ж., 19. Долго боялась всякаго рода столкновений съ людьми и испытываетъ нѣчто подобное, даже когда съ ней лишь не соглашаются во взглядахъ.

41. Ж., 21. Падаеть въ обморокъ, слыша разговоръ о битвѣ.

42. Ж., 14. Больше всего боялась зрѣлища дерущихся мальчиковъ или ссорящихся людей.

43. Ж., 13. „Была дурнымъ членомъ нашей семьи“.

44. М., 16. Не боится самого наказанія, но мысль о послѣднемъ приводитъ его въ ярость отъ ужаса.

45. М., 8. Пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что въ его организмъ течетъ кровь; представлялъ себѣ свое тѣло мѣшкомъ съ кровью и думалъ, что при малѣйшей царапинкѣ вся кровь вытечетъ изъ него.

46. Ж., 18. При видѣ крови всегда падала въ обморокъ; не выноситъ вида выступающихъ венъ; съ трудомъ читаетъ слово кровь.

47. Ж., 8. Одна изъ пяти дѣвочекъ, которыя, такъ же, какъ и мать, падаютъ въ обморокъ при видѣ крови.

48. Ж., 17. Падаеть въ обморокъ при видѣ крови, но остается спокойной, не испытывая никакого страха.

49. Ж., 25. Больна при видѣ сырого мяса; не можетъ видѣть, какъ къ нему прикасаются.

50. М., 5. Доходитъ почти до конвульсій при видѣ маски или гримасъ; маска, которую онъ видѣлъ однажды, преслѣдовала его въ теченіе двухъ лѣтъ.

51. Ж., 8. У нея странное отвращеніе къ шумамъ; тиканье карманныхъ или стѣнныхъ часовъ причиняютъ ей безпокойство и кажется ей зловѣщимъ; шумъ вѣтра въ соснахъ вызываетъ въ ней образы привидѣній среди вѣтвей; въ церкви она боится, что органъ заиграетъ такъ громко, что церковь задрожитъ и упадетъ.

52. Ж. Образованная особа; однажды смотрѣла на красный свѣтъ на парусномъ суднѣ на морѣ, какъ вдругъ лучи представились ей длинной красной рукой дракона; она не могла отогнать этого образа и потеряла власть надъ своими нервами.

53. М., 1. Углы подушки пугали его такъ, что онъ не успокаивался, пока ихъ не вкладывали вовнутрь.

54. М., 19. Въ дѣтствѣ въ теченіе многихъ лѣтъ онъ постоянно боялся по ночамъ громаднаго человѣка съ

длиннымъ острымъ ножомъ, въ черной мантии, съ черными глазами, всклокоченной бородой и бѣлыми зубами.

55. Ж., 11. Постоянно боялась маленькой черной собачки съ кудрявой головой, созданной ея воображеніемъ и находившейся будто бы всегда позади нея.

56. Ж., 17. Въ теченіе многихъ лѣтъ жила въ постоянномъ страхѣ, что сдѣлаетъ что-нибудь недозволенное и получить выговоръ или будетъ наказана.

Въ вышеизложенномъ мы узнаемъ болѣе или менѣе развитыя формы различныхъ извѣстныхъ „фобій“, перечисляемыхъ въ каждомъ руководствѣ, на примѣръ: страхъ острыхъ концовъ и краевъ—34, 35, 36, 37, 38; страхъ крови—39, 45, 46, 47, 48, 49; конфликтовъ—40, 41, 42, 43, 44; прикосновенія къ грязи или зараженія—4, 22, 23, 24, 25; *follie de doute*—12, 15, 16, 20; ипохондрія—13, 15, 21; зрительная иллюзія—1, 2, 14; вкусовой страхъ или боязнь преслѣдованія—10, 11; болѣзненная чувствительность по отношенію къ зрительнымъ—17, 18, 19, 20 или слуховымъ—27, 28, 29, 30, 51 впечатлѣніямъ; безосновательные страхи голодовки—5, 6; бѣдности—9. Мы обозначили эту большую группу болѣзней, соотвѣтственно съ медицинскими нормами для взрослыхъ, несмотря на фактъ, что собранные нами случаи свидѣтельствуютъ о значительно болѣе, чѣмъ предполагается, распространеніи такихъ болѣзненныхъ формъ среди дѣтей. Испытываніе такого рода страха или даже всѣхъ его разновидностей со значительной интенсивностью не есть нѣчто ненормальное для нихъ, а быть можетъ, есть признакъ излишка силъ, если только возстановляющіе факторы въ ихъ распоряженіи и дѣйствуютъ быстро. При отсутствіи же послѣднихъ страхи держатся упорно и усиливаются, препятствуя самообладанію. Взглядъ Гербарта и Тэна, что нѣкоторыя или даже всѣ впечатлѣнія склонны къ усилению до интенсивности иллюзій, если не ограничиваются въ этомъ своемъ стремленіи соперничающими или противоположными образами, прекрасно иллюстрируетъ безчисленные возможности ограниченія одного рода страха другими разно-

видностями того же аффекта. Когда разыгрались чувства и воображение, и „сумма задержек“ наиболее велика, тогда не удивительно, если иногда утрачивается на мгновение равновѣсіе, какъ не удивительно, что дѣти падаютъ, учась ходить. Въ большинствѣ изъ приведенныхъ выше случаевъ, касающихся взрослыхъ, коррективы слишкомъ слабы или слишкомъ запаздываютъ, или, обезсиленные, вовсе не функционируютъ. Какъ часто напрасные страхи порождаются переутомленіемъ, иллюстрируется школьными страхами, подобными 25 и 28 и слѣдующимъ случаямъ:

XXV. Школьные страхи.

1. Ж., 9. Въ школьной хрестоматіи прочла: „И всегда вблизи насъ, хотя невидимые, дорогіе, бессмертные духи“, — и поняла, что мертвые разгуливаютъ, невидимые, по свѣту; съ тѣхъ поръ боялась оставаться одна, стала робкой и начала страдать бессонницей.

2. Ж., 28. „Человѣкъ съ оторваннымъ ухомъ“ Эбаута и легкой уколъ—мѣтка Хоозорна на ухѣ Донателло—произвели на нее ужасное впечатлѣніе, что показываетъ, какой ужасъ возбуждаетъ незначительное обезображеніе, если оно носитъ таинственный характеръ.

3. Ж., 10. Узнавъ о русской войнѣ, стала нервной и потеряла сонъ, боясь вторженія непріятеля.

4. Ж., 6. „Красная шапочка“ произвела на нее такое впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ она подозрѣвала въ каждомъ, чье лицо было скрыто отъ нея, переодѣтаго волка.

5. Прочтя „Дѣти въ лѣсу“, другой ребенокъ сталъ бояться лѣса и возможности заблудиться въ немъ.

6. Ж. Отъ 6 до 16 лѣтъ боялась показаться смѣшной, почему не могла рассказывать то, что знала; никогда не осмѣливалась задавать вопросовъ относительно интересующихъ ее предметовъ или событій.

7. Ж., 15. Страхъ потерять свое мѣсто въ классѣ или не выдержать экзамена доходилъ у нея до болѣзненности; она лежала по ночамъ безъ сна, представляя себѣ собственное огорченіе и то, что скажутъ окружающіе; ея вниманіе сосредоточивалось не на знаніяхъ, а на отмѣткахъ и, наконецъ, здоровье ея оказалось надорваннымъ.

8. М., 7. Передняя была для него предметом ужаса; фигуры на обоях смотрѣли на него, подобно ужаснымъ существамъ, оскалившимъ зубы, и онъ назвалъ ихъ „gubber noses“.

9. Особенный страхъ возбуждало въ церкви изображеніе святого, смотрящаго на черепъ.

10. М., 15. Когда онъ впервые узналъ о существованіи окаменѣлостей, онъ долго боялся превратиться въ камень.

11. М., 10. Уча о землетрясеніяхъ, часто воображалъ, будто чувствуетъ дрожаніе земли, останавливался на прогулкѣ и т. д.

12. Ж., 8. Боялась, что небольшія разсѣлины съ засохшей на нихъ грязью откроются и поглотятъ ее.

13. Ж., 6. Узнавъ о шарообразности земли, начала страдать хроническимъ страхомъ упасть съ земли.

14. Ж., 8. Боялась уходить далеко отъ дома, чтобы не попасть на край, гдѣ земля соединялась съ небомъ, и не упасть.

15. Ж., 9. Такъ боялась изображеній животныхъ въ школьной географіи, что ее освободили отъ этого предмета.

16. Ж., 13. Проходя въ школѣ физиологію глаза, начала сильно бояться слѣпоты и прибѣгала къ нелѣпнымъ средствамъ предохраненія отъ послѣдней.

17. Ж., 14. Проходя физиологію, стала вдругъ обнаруживать упорную боязнь, что проглотитъ свой языкъ и не будетъ въ состояніи говорить.

Подъ конецъ мы приведемъ нѣсколько случаевъ борьбы противъ страха и примѣры того, какой интересъ это обстоятельство сообщаетъ предметамъ.

XXVI. Подавленіе страховъ.

1. Ж., 45. Приблизительно до 12 лѣтъ она боялась локомотивовъ, но бывала на вокзалѣ и однажды стала танцовать передъ машиной, возбуждаясь и пугаясь все больше, по мѣрѣ ея приближенія, но, точно зачарованная, не будучи въ состояніи перестать, пока ее не отвели насильно въ сторону; усиліе превозмочь страхъ лишь ухудшило его.

2. Ж., 17. Любила страшныя исторіи всякаго рода, но, прослушавъ ихъ, сильно страдала отъ страха

ночью; днемъ она охотно избрѣтала ихъ съ цѣлью излѣчиться отъ страха: нѣсколько мальчиковъ шести лѣтъ медленно развились въ великановъ вышиною въ десять футовъ; сначала мистеръ Пьюникль, затѣмъ мистеръ Фоксъ, Пай и другіе; эти созданія казались трусами, когда мы гнались за ними, но выползли позади насъ и хотѣли убить насъ во время сна; мы устраивали сообща охоту на нихъ, и если кто-нибудь закричалъ бы „вотъ онъ Пай“, мы всѣ бросились бы ловить его.

3. М., 17. Когда онъ прячется или робѣетъ, то говоритъ самъ себѣ: „Ты боишься“, и это уничтожаетъ страхъ.

4. Ж., 14. Она труслива, но готова на всякую храбрость, лишь бы не прослыть трусихой.

5. М., 15. Дѣлаетъ гримасы своей маленькой сестрѣ, дѣлаетъ видъ, будто хочетъ ее ударить, вообще прибѣгаетъ ко всевозможнымъ приемамъ, чтобы излѣчить ее отъ трусости.

6. М., 14. Думаетъ, что если бы учитель никогда не угрожалъ, а объяснялъ, то ученики не знали бы страха.

7. М., 16. Его увѣрили, будто пребываніе въ темнотѣ безопаснѣе пребыванія въ свѣтломъ пространствѣ; его главный страхъ состоитъ въ боязни какъ бы не испугаться.

8. М., 8. Былъ трусомъ, пока однажды братъ не сказалъ ему: „Ты не можешь быть больше, чѣмъ убитымъ“; повторяя эти слова, онъ сталъ храбрымъ.

9. Ж., 16. Научилась теперь просто не любить того, чего прежде боялась.

10. М., 15. Бодрствуетъ по ночамъ, играя мыслями о всевозможныхъ страхахъ и представляя себѣ, какимъ смѣлымъ онъ будетъ въ положеніяхъ, требующихъ безумной отваги.

11. М., 17. Никогда не боится въ моментъ опасности, ночью же съ содроганьемъ думаетъ, какъ дурно могло бы все окончиться, приходитъ въ такое возбужденіе, что всгаетъ съ постели, одѣвается и выходитъ на улицу стряхнуть съ себя страхъ.

12. Ж., 16. Питаетъ особую симпатію къ одному старому квакерскому дому собраній: теперь любить и посѣщаетъ его, такъ какъ въ дѣтствѣ считала его наполненнымъ привидѣніями, и это создало интересъ къ дому.

13. Ж., 6. Начинаетъ играть съ особеннымъ интересомъ съ оконной вѣткой, къ которой до того питала необъяснимый страхъ.

14. М., 6. Большая деревянная ложка, сначала предметъ страха, потому что казалась пригодной для пошлепыванья, стала затѣмъ особенно предпочитаемой игрушкой.

15. М., 6. Войдя одинъ въ пустую комнату, топнулъ ногой и закричалъ: „Выходи вонъ все, что скрывается здѣсь, въ этой комнатѣ“.

Заключительный обзоръ и выводы.

Въ полученныхъ нами отвѣтахъ на опросные листы очень часто сообщается, какъ страхъ выражается тѣлесно, но описанія большею частью слишкомъ неточны, почему лишены сколько-нибудь значительной цѣнности. Слово „содрогаться“ встрѣчается 73 раза и чаще всего употребляется лицами женскаго пола; слова, обозначающія слабость, потерю способности говорить и движения—параличъ и т. д., встрѣчаются 70 разъ; дрожанье, сотрясенье нижней челюсти, членовъ и т. д. 58 разъ; оцѣпенѣнїе и неподвижность или тоническія въ отличіе отъ клоническихъ напряженій 50 разъ; блѣдность 44 раза; измѣненія въ дыханьи, какъ то: задерживанье дыханья, отдышка, припадки удушья, глубокое вдыханье, 43 раза; сердечная дѣятельность, обыкновенное сердцебиеніе, иногда прїостановки пульса 42 раза; ознобъ, но безъ дрожи, хотя часто въ связи съ чувствомъ, что морозъ проходитъ по кожѣ, 35 разъ; потѣнїе или краснѣнїе 28 разъ; судорожныя движенія 28 разъ; необычайно сильное стремленіе къ борьбѣ или бѣгству 25 разъ; тошнота 21 разъ; закрываніе глазъ, лица или то и другое вмѣстѣ 21 разъ; состояніе восторга или изступленія 12 разъ; временная слѣпота, глухота или безчувственность 11 разъ; шумъ въ ушахъ, мгновенный свѣтъ или цвѣтотыя явленія въ глазахъ 9 разъ. Трое упоминаютъ склонность къ мочеиспусканью и испражненію. Маленькія дѣти громко кричатъ и плачутъ. Трое изъ нихъ, боявшіяся

собакъ и кошекъ, плевали на нихъ; общая нервность— частое явленіе. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій ощущеній обнаруживаютъ въ тѣхъ или другихъ признакахъ, что они были нѣкогда побудителями полезныхъ дѣйствій; для другихъ же въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь объясненія, основанныя на догадкахъ, въ родѣ объясненія Вундта, будто лицо краснѣетъ ради предохраненія мозга отъ вредныхъ вліяній и т. п.

Со времени высказаннаго Марселемъ въ 1847 году утвержденія всеобще признается, что при *delirium tremens* алкоголиковъ наиболѣе сильныя выраженія страха многочисленнѣе, чѣмъ всѣ другія извѣстныя группы симптоматическихъ явленій. Страхъ съ большинствомъ изъ своихъ болѣзненныхъ симптомовъ находитъ себѣ доступъ черезъ любое изъ внѣшнихъ чувствъ и можетъ овладѣть каждой группой мускуловъ, полосатыхъ и неполосатыхъ. Маньянъ¹⁾, Цигенъ²⁾, Крепелинъ³⁾ и другіе описываютъ эти симптомы, какъ крайніе и характерные. Въ предстатіяхъ этой формы остраго помѣшательства съ галлюцинаціями боязнъ животныхъ разнаго рода: жуковъ, пауковъ, червей, змѣй, крысъ, собакъ, львовъ и воображасмыхъ чудовищъ, играетъ особенно большую роль. Докторъ С. Ф. Ходжъ долго и тщательно изучалъ алкоголизмъ у собакъ и скоро опубликуетъ свой трудъ; онъ сообщаетъ мнѣ, что чрезвычайный страхъ— самый характерный психическій признакъ пьяныхъ собакъ, отличающій ихъ дѣйствія и внѣшній видъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ непьющихъ членовъ того же помета. Маньянъ показалъ также, какъ эта причина можетъ привести къ маніи преслѣдованія, отъ стадіи общей подозрительности и до періода, когда жертва болѣзни обращается противъ своихъ вообража-

¹⁾ Magnan, *Alcoholism and the Various Forms of Alcoholic Delirium*, London 1876, стр. 33. См. также его *Psychiatrische Vorlesungen*. 1891. Книга I, XI.

²⁾ Ziehen, *Psychiatrie*, Berlin, 1894, стр. 355.

³⁾ Krapelin, *Psychiatrie*, Leipzig, 1893, стр. 539.

емыхъ враговъ и изъ преслѣдуемаго превращается въ преслѣдователя. Это, несомнѣнно, наиболѣе подходящая область для изученія ясныхъ проявленій страха, такъ какъ здѣсь болѣзнь высшей ступени привела къ удаленію всѣхъ покрововъ, и въ духовномъ отношеніи вернула человѣка къ состоянію четвероногихъ.

Изслѣдованіе, подобное нашему, оставляетъ впечатлѣніе объ унижающемъ, ослабляющемъ вліяніи сильныхъ страховъ. Они напоминаютъ отвислые когти или плевныя оболочки или болѣе твердыхъ ископаемыхъ давно исчезнувшихъ психозовъ. Одинъ слабенькій мальчикъ лѣтъ 10 насчиталъ 57 предметовъ, которыхъ онъ сильно боялся и прибавилъ, что другихъ онъ боится меньше. Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка боялась солнца изъ-за возможности получить солнечный ударъ, облаковъ изъ-за смерчей, луны, которая можетъ разорваться и упасть на землю, солнца, которое можетъ потеряться или сжечь насъ всѣхъ, и холодной погоды, потому что замороженные пальцы и уши могутъ отпасть отъ тѣла,—такъ жизненная дѣятельность этой дѣвочки была значительно ограничена, благодаря всѣмъ этимъ страхамъ. Одинъ невѣжественный, но крѣпкій мальчуганъ четырнадцати лѣтъ боялся пузырей, образующихся въ лужахъ во время дождя, принимая ихъ за чортовы пальцы, боялся закрытаго моста, потому что его увѣрили въ существованіи чортова жилья подъ мостомъ; онъ усердно скребъ и мылъ свою шею, услышавъ, что въ противномъ случаѣ въ грязи начнутъ расти луковицы, когда же ихъ вытаскиваютъ, останутся опасныя дыры; онъ боялся далѣе открыть гидрантъ: его предупредили, что оттуда выползаетъ отвратительная зеленая змѣя и укуситъ его; телефонъ казался ему также слишкомъ опаснымъ, какъ предметъ забавы. Одна тринадцатилѣтняя дѣвочка, не казавшаяся ненормальной, боялась большихъ глазъ и разбойниковъ, которые крадутся; всѣхъ пресмыкающихся, потому что они ползаютъ; сѣверныхъ сіяній, вызывающихъ дрожь; не могла смотрѣть на распятіе, входитъ одна въ

гостиную, такъ какъ боялась висѣвшей тамъ картины съ изображеніемъ собакъ и лисицы. Другая дѣвушка семнадцати лѣтъ понимала подъ телеграммами исключительно сообщенія о смерти; она боялась выйти, потому что на нее могла упасть комета, боялась всѣхъ женщинъ, которыя носили большія серьги, и миѳическаго чернаго человѣка, разѣзжающаго въ кабриолетѣ въ одну лошадь и вооруженнаго мечомъ и т. д. Дикій охотникъ, бѣлая женщина, летающій драконъ, всадникъ безъ головы и безчисленныя другія созданія напуганнаго воображенія указываютъ на возможность развитія страсти къ ужасамъ и страхамъ, не менѣе сильной, чѣмъ алкоголизмъ. Храброе дитя не поддается страху и охотно напрягаетъ всѣ силы противъ него.

Несовершенства какъ методовъ, такъ и результатовъ этой работы выступаютъ очень ясно, и дальнѣйшее зависить отъ ихъ устраненія; поэтому нельзя ни минуты упускать ихъ изъ виду. Мы не можемъ этого достаточно подчеркнуть. Большинство отчетовъ написано не свѣдущими людьми, а лицами, обладающими лишь незначительными познаніями въ психологіи и не знающими, какъ велика опасность со стороны неопредѣленныхъ, неточныхъ утвержденій; такія лица при описаніи собственныхъ чувствъ особенно склонны къ преувеличенію. Многія сообщенія не представляли никакой цѣнности, и мы ими вовсе не воспользовались. Многіе изъ цвѣтисто-описанныхъ страховъ неясны и безъ сомнѣнія гораздо менѣе реальны, чѣмъ кажется по языку. Нѣкоторыя же почти сплошная выдумка. Словомъ, полученныя нами данныя самой различной цѣнности, начиная отъ самой низшей до самой высокой. Многое зависить, конечно, отъ здраваго смысла и опыта лица, которое производитъ предварительную сортировку матеріала; о себѣ могу сказать, что я сдѣлалъ все, бывшее въ моихъ силахъ. Съ другой стороны, немногія психическія переживанія такъ достовѣрны и реальны для тѣхъ, кто ихъ испытываетъ, или такъ очевидны въ другихъ, какъ

страхъ, хотя боязнь прослыть за боязливыхъ или трусовъ въ общемъ удерживаетъ отъ чистосердечныхъ признаній и описаній. Многія сотни случаевъ страха были сообщены учащимися въ колледжахъ или университетахъ, специалистами по психологіи, друзьями автора, къ способностямъ и освѣдомленности которыхъ онъ питаетъ величайшее довѣріе; особенно сообщенія миссъ Уильямсъ разработаны по тщательно провѣренному методу, рассчитанному на устраненіе по возможности многихъ недостатковъ и ошибокъ. Удалась ли попытка избѣжать всѣхъ нежелательныхъ намековъ и предвосхищеній отвѣтовъ въ опросномъ листѣ, объ этомъ читатель можетъ отчасти судить и самъ. Нѣсколько сотъ приведенныхъ здѣсь случаевъ принадлежать къ самымъ надежнымъ изъ всего обширнаго матеріала, хотя они выби- рались скорѣе въ цѣляхъ показать распредѣленіе, нежели качество. Менѣе отрывочными, болѣе полными, совершенными и значительно болѣе цѣнными могли бы быть лишь отвѣты, данные специалистами, наблюдавшими самихъ себя или изучавшими индивидуально своихъ собственныхъ дѣтей. Дѣйствительно, чѣмъ значи- тельнѣе медицинскія, антропологическія, психіатри- ческія и другія относящіяся къ предмету специальныя познанія, и чѣмъ тѣснѣе связь съ ребенкомъ вплоть до неразлучности съ нимъ, тѣмъ цѣннѣе наблюденія дан- наго лица. Однако, къ счастью, мы уже вышли изъ ста- діи новичка, который назвалъ бы подобные благонамѣ- ренные отчеты по нашему предмету или совершенными, или никуда негодными. Каждый, вѣроятно, самъ пере- живалъ въ слабой степени большинство изъ явленій страха, и этотъ личный опытъ послужить опорой при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ случаевъ. Такую опору я цѣню очень высоко, и мое собственное довѣріе къ большин- ству данныхъ, въ цѣломъ и въ выводахъ, постоянно возростало по мѣрѣ лучшаго ознакомленія съ ними. Я напечаталъ многіе отвѣты, такъ какъ они проникнуты свѣжей самопроизвольностью, духомъ ребенка и народа,

и побужденія къ работѣ мысли, исходящія изъ моей коллекціи случаевъ, являются для моихъ заключеній почти тѣмъ же, чѣмъ являются тексты священнаго писанія для примѣчаній Барнеса или комментаріевъ Додриджа. Даже наиболѣе простые, безпритязательные факты важны по существу и бросаютъ далеко вокругъ себя ясный свѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ почти совершенныя психогаммы. Я старался избѣгать всего безцѣннаго и побочнаго.

Большинство изъ моихъ объясненій и намековъ, понятно, скорѣе предположенія, чѣмъ окончательно формулированные выводы. Ничто не можетъ быть названо здѣсь законченнымъ, и лишь немного доказано убѣдительно. Эти богатые области еще только открываются для работъ пионеровъ, и сначала неизбѣжно примѣненіе методовъ по раскопкѣ поверхности, весьма отличныхъ отъ методовъ по раскопкѣ нѣдровъ шахтъ; къ послѣднимъ, несомнѣнно, скоро приведетъ все увеличивающаяся специализація. Приемы обыкновенныхъ собирателей винограда очень отличаются отъ приемовъ организованной промышленности на главной дорогѣ психологіи. Необходимо сохранить все въ мягкомъ и пластическомъ видѣ, замедлить процессъ утолщенія или помѣшать выдѣленію слишкомъ многихъ твердыхъ частей, въ цѣляхъ оставить открытыми всѣ возможности для роста и развитія всего и во всѣхъ направленіяхъ. Это значитъ также, что болѣе грубые умы вообще не найдутъ здѣсь ничего осязательнаго; далѣе, что все оставляется незащищеннымъ и открытымъ для всякихъ нападковъ; но жизненная сила слишкомъ пластична и ее нелегко ослабить. Примѣры, выбранные изъ громаднаго матеріала, соотвѣтственно съ наиболѣе объективными рубриками, подъ которыя они безъ труда подходили, затѣмъ бѣглый взглядъ на нѣкоторыя болѣе широкія стороны и проблемы, на которыя указываютъ, повидимому, всѣ печатныя и непечатныя данныя, породили, по крайней мѣрѣ, методъ, достойный нашего предмета; на немъ-то мы его и испробуемъ. Нѣтъ ни одной группы явленій

страха, которая не требовала бы дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ болѣе обширнымъ матеріаломъ, лучшаго распредѣленія по возрастамъ, еще болѣе осторожности и прогрессирующей точности; тогда вскорѣ явится возможность практическихъ педагогическихъ приложений и т. д. Наша статья касается лишь нѣкоторыхъ, очень немногихъ сторонъ этой обширной темы.

Большинство психологическихъ учебниковъ заключаютъ мало пригоднаго о страхѣ или вовсе не упоминаютъ о немъ. Многіе довольствуются однимъ упоминаніемъ; другіе теоретизируютъ о симптомахъ, обыкновенно приписываемыхъ страху, и пользуются его распространенными явленіями для живописнаго иллюстрированія; иные распространяются относительно чувствъ, инстинктовъ или эмоцій вообще, но не останавливаются на разсмотрѣніи отдѣльныхъ чувствъ въ подробностяхъ; есть и такіе, которые заняты, главнымъ образомъ, номенклатурой или опредѣленіями, или мѣстомъ страха и т. д. въ какой-нибудь схемѣ психическихъ дѣятельностей. Какая проблема могла бы лучше иллюстрировать грубую схоластическую стадію современной психологіи чувства и эмоцій, чѣмъ пространныя новѣйшія изслѣдованія вопроса, являются ли они результатами напряженія мускуловъ, стѣнокъ сосудовъ и т. д. или причинами этого напряженія? Нѣтъ болѣе неразрѣшимой проблемы; тѣмъ и объясняется ея спекулятивное обаяніе. Кромѣ того, если бы даже рѣшеніе было достижимо когда-либо, то его слѣдовало бы искать въ противоположномъ направленіи отъ того, что Киршманъ называлъ обыкновенно методомъ дальнѣйшаго начертанія и описанія, передъ которымъ рано или поздно раскрывается все, доступное познанию. Въ учебникахъ психіатріи всякія фобіи все болѣе и болѣе отступаютъ на задній планъ, и тѣ элементы, которые принадлежали раньше къ симптоматическимъ совокупностямъ, обыкновенно распредѣляются между другими болѣзнями. Объемистый и тѣмъ не ме-

нѣ очень доступный трудъ Моссо ¹⁾, отводящій много мѣста описаніямъ фізіологическихъ явленій страха и его внѣшнимъ выраженіямъ, далъ меньше, чѣмъ можно было ожидать, въ смыслѣ толчка къ дальнѣйшимъ изученіямъ. Миссъ Калкинсъ ²⁾ дала таблицу 202 случаевъ страха у дѣтей и установила, что у дѣтей моложе шести лѣтъ преобладаютъ нормальные страхи; среди 122 случаевъ она нашла 23 случая врожденнаго и 9 случаевъ унаслѣдованнаго страха. Бинэ ³⁾ разсматриваетъ 110 отвѣтовъ на опросный листъ о страхѣ, но идетъ какъ-то ошупью и нерѣшительно-осторожно; тѣмъ надежнѣе его выводы. Его заключенія, что страхъ зависитъ въ значительной степени отъ живости воображенія, и его педагогическіе выводы совпадаютъ съ нашими собственными, но мы несогласны съ его мнѣніемъ, будто степень интеллигентности почти не имѣетъ значенія при возникновеніи страха.

Изъ болѣе теоретическихъ изслѣдованій о страхѣ я считаю лучшей работу Г. М. Стэнли ⁴⁾, болѣе полную и совершенную, нежели „Psychologie des sentiments“ („Психологія чувствъ“) Рибо. Стэнли опредѣляетъ страхъ, какъ предвосхищеніе страданія, предперцепція котораго образовала первую эмоцію и обозначала большой шагъ впередъ, ибо была первымъ использованіемъ прошлаго опыта и является главнымъ побудителемъ къ познаванію и дѣятельности. Боязливый не только переживаетъ другихъ, но воспоминаніе о перенесенныхъ страданіяхъ даетъ силу и способность предвидѣть опасность и из-

¹⁾ Mosso, Die Furcht. Leipzig, 1889. Англійскій переводъ. „Fear“ by Angelo Mosso. London and New York, 1896, стр. 278. Русскій переводъ „Страхъ“. Сиб. 1887.

²⁾ Mary Whiton Calkins, The Emotional Life of Children въ „Pedagogical Seminary“, томъ III, стр. 319—323.

³⁾ Binet, La peur chez les enfants, въ „L'Année Psychologique“, 1895, стр. 223—254.

⁴⁾ H. M. Stanley, Evolutionary Psychology of Feeling, главы VII и VIII.

бѣгать ее. Со страхомъ, какъ таковымъ, связано особое страданіе, отличное отъ страданія, вызываемаго предметомъ страха, но первое меньше, и подстановка его означаетъ экономію. При очень сильномъ страхѣ предвосхищающее его знаніе диссоціируется. Многіе случаи страха вовсе не опираются на опытъ. Страхи медленно дифференцируются, сначала въ степени, какъ сильные и возбуждающіе возможно большую дѣятельность, или какъ слабые. Въ этихъ рамкахъ индивидуальныя различія очень велики, какъ могъ бы показать фобометръ, отмѣчающій пунктъ насыщенія, когда утрачивается всякое самообладаніе. Другое индивидуальное различіе заключается въ томъ, что одни близоруки въ отношеніи страха, другіе дальновидны. Законъ: страхъ „обратно пропорціоналенъ разстоянію“ не имѣетъ одинаковой силы для всѣхъ. Наконецъ, благоговѣніе и преклоненіе передъ возвышеннымъ являются, можетъ быть, самыми утонченными формами страха.

Становясь на эту болѣе широкую точку зрѣнія, мы видимъ, насколько существенной принадлежностью каждой животной и человѣческой души былъ страхъ. И теперь онъ не менѣе универсаленъ; тѣ немногіе, кто такъ энергично отрешивается отъ всякаго страха, и психологи, устанавливающіе процентныя отношенія безстрашныхъ, имѣютъ въ виду нервное потрясеніе или паническій ужасъ, или острый страхъ, или специально физическій страхъ и т. д., не принимая во вниманіе болѣе утонченныя формы, напримѣръ: страхъ передъ Богомъ, боязнь безчестія, крушенія вышихъ цѣлей, касается ли дѣло себя или другихъ. Не только всѣ, дѣйствительно, вѣдаютъ страхъ, но всѣ должны его испытывать. Педагогическая проблема состоитъ не въ устраненіи страха, а въ томъ, чтобы ввести его въ границы способности къ надлежащимъ реакціямъ. Страхи, парализующіе мозги однихъ людей, для другихъ—прекрасные возбудители. Они всегда нужны всѣмъ въ той или другой формѣ и степени. Трудность заключается въ томъ,

чтобы приспособить страхъ къ большому разнообразію индивидуальностей и весьма различнымъ ступенямъ развитія. Не слѣдовало бы ни въ какомъ случаѣ совершенно устранять низшія и болѣе грубыя формы страха, но стремиться неизмѣнно къ замѣнѣ низшихъ и первоначальныхъ мотивовъ и побудителей болѣе высокими, связанными съ болѣе широкими горизонтами, поднимаясь вверхъ къ мотивамъ благоговѣнія и преклоненія передъ возвышеннымъ. Здѣсь нужно уменьшить страхъ, тамъ подавить, здѣсь сдѣлать его болѣе утонченнымъ, тамъ менѣе грубымъ. Мы боимся Бога, потому что боялись грома. Какое богатство мотивовъ было бы отнято у насъ, не существуй весь психофизическій аппаратъ страха. Определеніе Аристотелемъ воспитанія, какъ обученія страху по отношенію къ надлежащимъ предметамъ и явленіямъ и въ надлежащей мѣрѣ, можно также использовать въ качествѣ определенія мужества.

Далѣе, страхъ необходимъ, ибо въ страхахъ заложены корни многихъ изъ сильнѣйшихъ интеллектуальныхъ интересовъ. Никогда предметъ не имѣетъ для ребенка болѣе притягательной силы, чѣмъ въ моментъ, когда онъ оправляется отъ боязни этого предмета. Одинъ изъ главныхъ стимуловъ къ знаніямъ и наукамъ—это преобореніе страха, и многія изъ вещей, съ которыми мы теперь прекрасно освоились, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ мы раньше наиболее боялись (XXVI). Сознаніе, что какой-нибудь видъ страха уже не владѣетъ нами, а что мы владѣемъ имъ, даетъ радостное чувство силы и внутренняго роста. Даже любовь можетъ начаться особенной робостью и боязливостью. Дѣти, выросшія подъ давленіемъ религіозныхъ ужасовъ, иногда наименѣе почтительны, и когда „просвѣтятся“, то проявляютъ особенную склонность къ мудрствованію относительно религіозныхъ святынь съ новой радикальной точки зрѣнія. У дѣтей безразсудная смѣлость—любимая форма хвастовства. Страхъ необходимъ прежде всего для того, чтобы научиться сосредоточивать вниманіе

онъ воспитываетъ способность къ концентраціи. Можетъ быть, даже пища не имѣетъ столь оттачивающаго вниманіе вліянія. Возникаетъ вопросъ: убѣжать или вступить въ борьбу, и человѣкъ долженъ быть заранѣе приспособленъ и къ тому, и къ другому. Интересъ заключаетъ въ себѣ общій актъ вниманія къ предмету съ ослабленнымъ элементомъ боли, а любопытство одна изъ формъ интереса. Полное знаніе часто устраняетъ не только страхъ, но исключаетъ и благоговѣніе. Любовь не исключаетъ боязни,—точно бы онѣ были несовмѣстимы или боязнь переходила въ любовь, но элементъ страха, перешедшаго въ болѣе мягкую форму уваженія, существенно притягиваетъ къ объекту любви. Фихте полагалъ, что „я“ само устанавливаетъ для себя границы; и затѣмъ переступаетъ черезъ нихъ,—такъ и мы можемъ мыслить душу, ограничивающую самое себя объектами страха; пріобрѣвши знанія, она торжествуетъ надъ ними и обращается къ нимъ затѣмъ съ чувствами любви и интереса; такъ „я“, объектъ, знаніе и любовь обязаны отчасти своею дѣйствительностью древнему коренному страху. Если боль есть урѣзанная дѣятельность, и удовольствіе—усовершенствованное дѣйствіе, тогда слѣдуетъ подвергнуть не менѣе подробному разсмотрѣнію любовь къ предметамъ природы, въ качествѣ дополнительной части къ этой статьѣ. Работа, посвященная оборотной сторонѣ нашего предмета, въ главномъ уже закончена и вскорѣ будетъ отпечатана¹⁾; только тогда возможно болѣе полное изслѣдованіе взаимоотношеній между любовью и страхомъ; тогда мы увидимъ, какъ я полагаю, что боязнь не только мать всѣхъ суевѣрій, но также рудиментарный органъ, отъ полнаго развитія и послѣдующаго сокращенія котораго зависятъ многія прекрасныя явленія душевной жизни; что философскіе тезисъ, антитезисъ и синтезъ существенные біотоническіе мотивы; что слишкомъ счастливое, беззаботное и непо-

¹⁾ См. выше статью VII.

знавшее страховъ дѣтство—большое несчастье, и молитву о предохраненіи дѣтей отъ такого дѣтства слѣдовало бы помѣстить въ старыхъ англійскихъ молитвенникахъ рядомъ съ просьбою уберечь нашихъ дѣтей отъ трусости.

Страхъ походить на болѣзнь, онъ мучителенъ и такъ конкретенъ, что понятно, почему его долго считали по существу болѣзнью; даже Броунъ - Секаръ говорилъ о возможности привить его бациллы. Во многихъ формахъ бреда, особенно при *delirium tremens*, господствующій элементъ—страхъ. У ужаса есть даже свои поэты: По, Гофманъ, Виртцъ и т. д. Боязливый неустойчивъ противъ болѣзни, и страхъ точно притягиваетъ ее. Пинель считалъ страхъ чрезвычайно важнымъ факторомъ при психо-неврическихъ расстройствахъ и всегда спрашивалъ больного о такихъ его переживаніяхъ. Пережитые страхи глубоко вліяютъ не только на жизнь, но даже и на теоретическія ученія великихъ людей—такъ было съ Гоббсомъ и нѣсколько отличнымъ образомъ съ Шопенгауэромъ. Одно изъ самыхъ дурныхъ вліяній чрезмѣрнаго страха выражается на мой взглядъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ людей себялюбивыми, глубоко и преимущественно эгоистичными; немногіе факторы оказываютъ такое сильное давленіе въ этомъ направленіи. Это обстоятельство и его частая связь со слабостью лежатъ въ корнѣ инстинктивной нелюбви къ признаніямъ о страхѣ. Едва ли существуетъ лучшее доказательство индивидуальной силы, унаслѣдованнаго здоровья и мощи, чѣмъ фагоцитарная способность къ вытравленію низшихъ страховъ или ихъ безостановочному перерабатыванію въ высшія формы. Какъ ни дурны и ни опасны грубыя формы страха, безъ нихъ невозможно развитіе болѣе утонченныхъ формъ. Поэтому необходимо не ихъ искорененіе, а ихъ перевоспитаніе. Каждый элементъ души и тѣла—факторъ, опредѣляющій сколько и какого рода грубые элементы каждый индивидуумъ можетъ переплавить въ болѣе благородные.

Фундаментальное положеніе нашей статьи заключается въ увѣренности, что опытъ индивидуума и даже его ближайшихъ предковъ, будучи въ состояніи объяснить многія изъ явленій страха,—большее число, чѣмъ предполагаютъ большинство изъ нашихъ корреспондентовъ,—не можетъ объяснить всѣхъ разновидностей боязни. Этотъ взглядъ, какъ и противоположный ему, невозможно доказать убѣдительно. Невооруженный глазъ совершенно не въ состояніи установить, является ли источникомъ свѣта вблизи горизонта освѣщенный домъ или звѣзда. Психическіе элементы вообще и чувства въ особенности походятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на мягкія части животныхъ, о которыхъ въ палеонтологическихъ воспоминаніяхъ сохранились лишь немногіе слѣды. Интересъ къ проблемамъ души концентрировался обыкновенно раньше на ея будущемъ состояніи теперь же онъ направленъ на ея настоящее; въ данный моментъ господствуютъ теоретико-познавательныя тенденціи и даютъ намъ общеупотребительную психологию безъ перспективы. Вейсманизмъ, можетъ быть, также способствовалъ тому, чтобы сдѣлать современную психологию поперечнымъ сѣченіемъ души взрослого и замедлить водвореніе принципа эволюціи въ этой области. Онъ оказалъ ограничивающее вліяніе на психологию не безъ сходства съ Декартовскимъ ученіемъ объ автоматизмѣ животныхъ. Это имѣло, можетъ быть, даже свои преимущества, такъ какъ изученіе окружающаго и близкаго должно предшествовать изученію дальняго. Но долгое время до Платона и послѣ него ученія о предсуществованіи души—даже церковью—такъ нераздѣльно связывались съ ученіями о будущемъ ея существованіи или о безсмертіи, что оба удерживались вмѣстѣ и падали вмѣстѣ, и начиная съ ученія о переселеніи душъ до Уордсворта, отъ Клиффорда до Копа устойчиво держались палеопсихическіе или архиэстетическіе взгляды различнаго рода. Теперь развивается и крѣпнетъ, повидимому,

склонность къ болѣе свободной точкѣ зрѣнія, и это показываетъ, что душа и тѣло, какъ бы они ни были различны, съ самаго начала связаны, подобно близнецамъ; если существовало переселеніе душъ, то параллельно съ нимъ совершались измѣненія тѣлъ и, далѣе, если организація или мозгъ безпрестанно все усложняются, мы должны позаботиться, чтобы наши понятія о душѣ не принимали ее за нѣчто низшее, паразитарное или эпигенетическое, но, съ другой стороны, и не за нѣчто менѣе значительное и почтенное, чѣмъ тѣло; нужно, чтобы они и за ней признавали рудиментарные и исчезающіе органы и процессъ безпрестанныхъ измѣненій, какъ въ живомъ тѣлѣ; познать законы этихъ измѣненій—цѣль психологіи. Подобно тому, какъ, напримѣръ, спинной канатикъ выполняетъ свою функцію въ зародышѣ и трансформируется, такъ мы можемъ найти психическіе функціи или элементы, очень важные для опредѣленной ступени развитія, но безслѣдно исчезающіе въ зрѣлой душѣ или, во всякомъ случаѣ, мы можемъ ихъ постулировать въ гипотезѣ наподобіе плодотворной гипотезы Геккеля о гастрической стадіи.

Такимъ образомъ, мы, какъ я полагаю, найдемъ среди наиболѣе цѣнныхъ направленій новыхъ психогенетическихъ изслѣдованій то, что можно назвать стадіями забвенія. Какъ потеря сознанія, такъ и утрата памяти ни въ какомъ случаѣ не означаетъ вырожденія, а иногда быстрѣйшимъ образомъ совершается при *э́тапе d'accroissement*. Можетъ быть мы никогда не узнаемъ, какъ выученное нами, становясь автоматическимъ достояніемъ, переходитъ въ область основныхъ ганглий или пластическихъ тканей и въ сферу репродуктивной дѣятельности, когда знанія становятся тайно-духовными, не узнаемъ, имѣетъ ли вообще мѣсто подобный процессъ. Однако, немногіе станутъ сомнѣваться въ наличности такой тенденціи, и не въ правѣ ли мы думать, что духовное приобрѣтеніе остается не завершеннымъ до тѣхъ

поръ, пока оно не вошло какимъ-то образомъ въ плоть и кровь и не видоизмѣнило репродуктивныхъ элементовъ? Эти измѣненія наслѣдственности могутъ представлять почти безчисленныя подсознательныя степени и проходить черезъ нихъ, прежде чѣмъ они непосредственно вызываютъ къ жизни сознание или самопроизвольное дѣйствіе. Младенцы, хотя они не могутъ говорить, тѣмъ не менѣе въ противоположность обезьянамъ, обладаютъ способностью научиться языку; такъ и мы должны предположить существованіе способности бояться или предвосхищать боль и связывать ее съ опредѣленными предметами и переживаниями въ качествѣ унаслѣдованнаго предрасположенія, часто гораздо болѣе древняго, чѣмъ мы привыкли ожидать въ психологіи. Главная часть воспитанія все еще состоитъ въ томъ, чтобы научить, чего слѣдуетъ бояться,—тогда только страхъ станетъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ; впрочемъ, страхъ уже самъ по себѣ есть школа, притомъ столь же древняя, какъ инстинктъ самосохраненія.

Какъ мягкія части всегда древнѣе твердыхъ частей и обусловливаютъ или производятъ послѣднія, и какъ одноклѣточные и протозоицескія жизненныя формы геологически старѣе и неизмѣннѣе болѣе позднихъ метазоицескихъ видовъ, такъ слабыя раздраженія со стороны болѣе устойчивыхъ, постоянныхъ причинъ должны были быть гораздо распространеннѣе сильныхъ. Мы можемъ также предположить, что часто повторяемая впечатлѣнія вызываютъ въ теченіе геологическихъ вѣковъ болѣе глубокія и продолжительныя слѣдствія, чѣмъ сильныя и рѣдкія, по принципу, аналогичному съ болѣе сильнымъ устрашающимъ эффектомъ на преступника слабыхъ, но неизбѣжныхъ и опредѣленныхъ наказаній. Большая доля развитія зародышевой плазмы совершается по методу частыхъ, но слабыхъ повтореній, часто приближающихся къ почти постоянному напряженію. Какъ въ геологіи, такъ и здѣсь величайшіе результаты достигаются часто дѣйствіемъ самыхъ малыхъ и наиболѣе медленно дѣй-

ствующихъ причинъ, но дѣйствующихъ безпрестанно. Нѣкоторымъ изъ явленій страха свойственно особое могущественное качество, напоминающее объ очень древнемъ происхожденіи и указывающее на устойчивость клѣтокъ или протоплазмы больше, чѣмъ на сформированныя, а слѣдовательно, болѣе измѣняемая ткани позднѣйшихъ стадій. Какъ нѣкоторые случаи самопроизвольнаго краснѣнія и пугливаго вздрагиванія во снѣ (равог постигнус) свидѣтельствуютъ о результатахъ давнишнихъ нервныхъ потрясеній, совершенно отличныхъ отъ другихъ случаевъ паразитарной личности или опустившихся на дно души переживаній, которыя гипнотизмъ извлекаетъ изъ бессознательныхъ душевныхъ глубинъ—все это страхи и нервныя потрясенія болѣе новѣйшаго происхожденія—такъ страхи болѣе слабыя, въ родѣ боязни лѣса, ночной темноты, небесныхъ тѣлъ, одиночества и т. д., носятъ, повидимому, на себѣ печать древности. Если мы вообще согласимся признать существованіе въ душѣ обратной перспективы, то, спрашивается, какія душевныя явленія позволяютъ дѣлать заключенія относительно глубокаго возраста въ большей степени, чѣмъ эти?

Лучшее доказательство древности предрасположенія челоука къ страху не опирается на одну какую-нибудь группу явленій страха или на суммированное доказательство всѣхъ группъ вмѣстѣ, а на относительную, пропорціональную силу различныхъ элементовъ и тенденцій страха. Ихъ относительная сила гораздо больше подходитъ къ условіямъ прошлаго, чѣмъ настоящаго. Ночь теперь самое безопасное время, змѣи уже не принадлежатъ къ числу нашихъ опаснѣйшихъ враговъ, и боязнь животныхъ въ главномъ не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ цивилизованной жизни; чужіе обыкновенно неопасны, неопасны и большіе глаза и зубы; боязнь небесныхъ явленій умѣстна по отношенію къ небу старыхъ суевѣрій, но никакъ не по отношенію къ небу новѣйшей науки. Боязнь непогоды и постоянные разго-

воры о погодѣ имѣли смыслъ при жизни на деревьяхъ, въ пещерахъ или палаткахъ или, по крайней мѣрѣ, при гораздо большей зависимости человѣка отъ непогоды, при отсутствіи защиты отъ жары, холода, бури и т. д., тогда какъ современные дома, вагоны, кареты и одежда въ достаточной степени защищаютъ отъ всего этого. Больше того, интенсивность многихъ страховъ, особенно у юношества, не находится ни въ какомъ соотношеніи съ причиной, вызвавшей ихъ. Первые опыты ребенка при знакомствѣ съ водой, съ умѣреннымъ шумомъ вѣтра или отдаленнымъ громомъ и т. д. должны бы возбудить лишь слабую боязнь,—почему же иногда дѣтей вдругъ охватываетъ панической страхъ? Не имѣемъ ли мы права утверждать слѣдующее: какъ по результатамъ изысканій Палмена оказывается, что гаги въ своихъ ежегодныхъ перелетахъ изъ сѣверной Европы въ Африку пересекаютъ Средиземное море и пролетаютъ надъ обширными и, слѣдовательно, опасными водными пространствами, такъ какъ раньше въ этихъ мѣстахъ, была земля—ихъ топографическіе инстинкты такимъ образомъ древнѣе, чѣмъ современное геологическое строеніе стараго міра—такъ дѣло обстоитъ и съ чувствами—инстинктами у человѣка. Послѣдніе неисчислимо древнѣе интеллекта и очень медленно сформировывались въ общія формы настоящаго подъ давленіемъ социальныхъ, теллурныхъ и космическихъ вліяній; нѣкоторыя изъ этихъ вліяній сохранились до сихъ поръ въ неизмѣнномъ видѣ, но большинство измѣнилось или совершенно исчезло. Приспособленіе, поэтому, одна изъ глубочайшихъ проблемъ педагогики. Оно особенно трудно потому, что вся цѣль фундаментальныхъ явленій страха рѣдко находитъ выраженіе въ сознаніи, а сознаются лишь ихъ отдѣльныя стороны; это иллюстрируется принципомъ фетишизма, родственнымъ инстинкту, если не лежащимъ въ корнѣ этого наименованія, который всегда принимаетъ часть за цѣлое и лежитъ въ основѣ символизма; отдѣльныя же стороны явленій страха побуждаютъ насъ

бы
къ
и
къ
о-
ы,
ъ
о
а-
й
о-
и-
и
о-
т-
ѣ
е-
а
й
ъ
я
ъ
я
-
а
-
и
й
-
-
о
ъ
о
-
-
ъ

придерживаться нашихъ категорій даже послѣ того, какъ онѣ превратились въ простые шлаки, въ постоянно горящемъ огнѣ измѣненій, въ которыхъ тѣло и духъ образуютъ только стадіи.

Фактъ, что нѣкоторыя изъ страховъ столь утонченны, что кажутся мимолетными фантастическими вымыслами, носятъ не реальный характеръ и напоминаютъ определенную группу псевдофобій,—мы часто говоримъ, читая о нихъ, что могли бы представить себѣ ихъ въ воображеніи, но никогда не могли бы дѣйствительно испытать нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ страховъ—все это отнюдь не опровергаетъ ихъ древняго возраста и не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока намъ неизвѣстно, поскольку работа воображенія является созданіемъ изъ ничего и поскольку въ ней возстановляются стертые слѣды далекаго прошлаго опыта. По ученію Беккари, каждый phisum (родовой стволъ живыхъ существъ), хотя и будучи очень пластичнымъ для постоянныхъ и переносныхъ впечатлѣній въ первыхъ стадіяхъ своего развитія, утрачиваетъ затѣмъ эту способность, и консервирующая наследственность становится позже правиломъ, при чемъ именно наиболѣе старые слѣды передаются потомству съ наибольшей вѣроятностью. Это обстоятельство усиливаетъ предположеніе, что самые старые психозы, несмотря на ихъ силу, вѣроятно, самые неясные, и что вліяніе предшествующей наследственности торжествуетъ надъ вліяніями послѣдующей, болѣе молодой наследственности, хотя ея голосъ тоньше, тише, слабѣе. Объяснять же эти психозы, какъ продукты опыта настоящаго времени, равносильно приблизительно утверженію, что Богъ создалъ горныя окаменѣлости; ибо такимъ образомъ мы не только игнорируемъ ихъ своеобразную структуру, но и прошлое психозовъ, совершенно отличныхъ отъ современныхъ формъ и функционировавшихъ при совершенно иныхъ условіяхъ.

Нѣтъ нормальнаго органа или ткани, которыхъ бы мы не унаслѣдовали отъ нашихъ человѣкоподобныхъ предковъ. Кромѣ органовъ на вершинѣ функціи у взрослыхъ структуры,—въ родѣ мягкихъ кожныхъ волосъ у человѣческаго зародыша, хвостцоваго позвонка съ мускулами и нервами, мозговой железы, мигательныхъ перепонокъ, рыбной чешуи и, можетъ быть, 120 другихъ зародышевыхъ формъ, особенно ярко выступающихъ при уродливостяхъ, и т. д.—дѣлаютъ точку зрѣнія, подобную взгляду Агассица, который видѣлъ факты, но не понималъ ихъ значенія, совершенно невозможной. То же произойдетъ скоро со взглядами тѣхъ, кто, находясь лицомъ къ лицу съ извѣстными фактами, все еще не прозрѣваетъ, что ученіе объ эволюціи распространяется теперь на новую, высшую психическую область, гдѣ оно обѣщаетъ дать намъ вскорѣ ясную и простую теорію духа; ея очевидность такъ велика, что станетъ убѣдительною для всѣхъ; поэтому она весьма пригодна для фундаментирования національной философіи демократическаго народа: она не зависитъ отъ мистическихъ и эзотерическихъ проникновеній,—ея трудности заключаются въ самомъ предметѣ, а не въ искусственныхъ продуктахъ метода. Какъ въ великія критическія эпохи исторіи оскверненные духи прокрадывались на чужбину, оставляя старыя могилы, такъ на порогъ новыхъ эпохъ въ наукѣ бесплодныя ученія могутъ воскреснуть, но лишь на короткое время. Признаки лучшаго будущаго уже налицо.

Одна изъ главныхъ необходимостей для современной психологіи — это точка зрѣнія, аналогичная съ Кантовскимъ критицизмомъ, примѣненная къ чувствамъ-инстинктамъ въ цѣляхъ различенія, что въ нихъ апіорно или трансцендентально, и что дано въ индивидуальномъ опытѣ. Существованіе какого предрасположенія нужно принять какъ необходимое условіе конкретныхъ переживаній страха, гнѣва, любви и т. д.? Срощеніе эмпирическихъ и апіорныхъ факторовъ здѣсь тѣснѣе, чѣмъ

въ области разсудка, и нуженъ смѣлѣй, а главное искусный рулевой, который сумѣлъ бы проложить дорогу среди этихъ факторовъ и набросать правильную карту ихъ общихъ границъ. Какъ Вейсманъ относится къ Локку— съ одной стороны, и какъ, съ другой стороны, Спенсеръ и Эймеръ относятся къ Лейбницу и Берклею, такъ и эта проблема относится къ проблемѣ Канта: она гораздо значительнѣе послѣдней. Будемъ надѣяться, что, когда достигнется рѣшеніе этой задачи, и споръ уляжется—пусть то случится благодаря дѣятельности и талантамъ какой-нибудь великой личности или, что болѣе вѣроятно, благодаря методу медленной, коллективной формулировки,—то достигнутое не окажется, наподобіе Кантовской системы, кристаллизацией богатыхъ знаній и глубокихъ и блестящихъ мыслей о строеніи старыхъ и заимствованныхъ категорій, ирраціональной въ своемъ глубочайшемъ ядрѣ. Будемъ надѣяться, что разрѣшеніе проблемы путемъ осмысленно-реальной и упорядоченной группировки и мобилизації фактовъ и законовъ жизни и роста души и тѣла, какъ у дѣтей, такъ и взрослыхъ, какъ у животныхъ, такъ и людей, какъ в прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, покажетъ намъ в самихъ окаменѣлостяхъ инстинкта и автоматизма отрицательныя инстанціи, говорящія противъ упоенія чувствомъ конечнаго, и внушитъ намъ вѣру въ безконечный грядущій прогрессъ, для котораго намъ нужны новые мотивы и новые импульсы.